

ISSN 2078-8975

Выпуск / Issue
№ 4 (52) Т. 4 / 2012

ВЕСТНИК BULLETIN

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

ПЕДАГОГИКА
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2012 № 4 (52) Т. 4

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А., д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., проректор по информатизации КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баня-Лукского университета (г. Баня Лука, Сербия).
Дружинин В. Г., д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Сербского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев К. Е. – д-р физ.-мат. наук, проф., главный редактор, председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Зеленин А. А. – д-р полит. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, доцент.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редактор выпуска – *З. А. Кунашева*
Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2012 № 4 (52) T. 4

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
K. E. Afanasyev, Dr. of Physics and Mathematics, Vice-Rector for Informatization of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Babic, Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Serbia).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich, Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik, Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic, Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa, Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova, Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin, Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

K. E. Afanasyev – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
A. A. Zelenin – Dr. of Political Science, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor – Z. A. Kunasheva
Computer layout – V. A. Sherina

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 1212.

Тел.: (3842) 58-13-01

Факс: (3842)58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Адрес сайта:

http://www.kemsu.ru/kemsu_info/science/bulletin.htm

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тел.: 8(3842) 58-28-39

Факс: 8(3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150
Каталог российской прессы «Почта России» – 51944

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 1212.

Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Web-site:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm.en>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-28-39

Fax: (3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue “The Press of Russia”
51944 – in the Catalogue of the Russian press “The Post of Russia”

Free access to the Bulletin is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Bulletin is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ФИЛОЛОГИЯ

- 8 **Кубарич А. М.** Семантика тона в китайском языке: экспериментальное исследование
- 13 **Кузнецов Д. В.** Формула ввода цитируемой информации как лингвоперсонологический критерий
- 17 **Кузнецова Т. Ю.** Вариативность стратегий семантизации слов как результат качественного разнообразия языковой личности
- 21 **Лазеева Н. В.** Языковое конструирование гендера в дискурсе глянцевого журнала
- 25 **Латфулина З. Р.** Взаимодействие категорий персуазивности и авторизации в диалектном высказывании
- 29 **Лебедева Н. Б., Макаренко Е. К.** Становление картины мира дошкольника, отраженное в речи
- 33 **Лельхова Ф. М.** Семантика глаголов движения по воде в хантыйском языке
- 37 **Лизунова Е. А.** Коммуникативная мимикрия и ее типы
- 42 **Логунов Т. А.** К вопросу об эволюции средств выражения будущего (на материале английского языка)
- 46 **Махракова М. И.** Особенности использования новой экономической терминологии на Интернет-форумах экономистов
- 50 **Мащенкова М. С., Паули Ю. С.** Роль целевой установки оратора в организации судебной речи
- 55 **Медведева Е. В.** Фантастический дискурс: сочетание антропоморфных и зооморфных характеристик в образе персонажей
- 59 **Мокиенко В. М.** Жизнь русской фразеологии в современной речи
- 63 **Молданова И. М.** К проблеме семантики возвратных глаголов хантыйского языка
- 67 **Мохирева С. В.** Вариативность репрезентации субъекта как компонента пропозиции вербального события (на материале публикаций «Российской газеты»)
- 71 **Немчинова Н. В.** Лингвокогнитивное описание текста корпоративной поздравительной открытки
- 75 **Николаева Е. Г.** «Бесы» Ф. М. Достоевского: несколько заметок о связи романа с «Пиковой дамой» А. С. Пушкина
- 79 **Носкова О. А.** Смыслопорождающее пространство текста как характеристика лингвокогнитивного стиля автора-публициста

PHILOLOGY

- 8 **Kubarich A. M.** The semantics of tone in chinese: the experimental study
- 13 **Kuznetsov D. V.** Citation formula as a linguistic personological criterion
- 17 **Kuznetsova T. J.** Variability of strategies of words semantization as a result of a qualitative diversity of the language person
- 21 **Lazeeva N. V.** Linguistic construction of gender in the discourse of glossy magazines
- 25 **Latfulina Z. R.** The connection of categories of perception and authorization in the dialectal sentence
- 29 **Lebedeva N. B., Makarenko E. K.** Formation of the preschooler's picture of the world, reflected in the speech
- 33 **Leikhova F. M.** Semantics of the verbs of motion on the water in khanty language
- 37 **Lizunova E. A.** Communicative mimicry and its types
- 42 **Logunov T. A.** On development of means of expressing future (researched on the material of modern english)
- 46 **Makhrakova M. I.** The features of the new economic terminology usage on the economists' Internet-forums
- 50 **Mashenkova M. S., Pauli Y. S.** Role of the purpose of the speaker in the organization of judicial speech
- 55 **Medvedeva E. B.** Fantastic discourse: the combination of antropomorphic and zoomorphic characteristics of personages
- 59 **Mokienko V. M.** The life of the russian phraseology in the contemporary speech
- 63 **Moldanova I. M.** To the problem of semantics of the reflexive verbs of khanty language
- 67 **Mokhireva S. V.** Rerezentatsiya's variability of the subject as component of the proposition of the verbal event (on the material of publications «Russian newspaper»)
- 71 **Nemchinova N. V.** Lingvocognitive description of the text of corporate greeting card
- 75 **Nikolaeva E. G.** A few notes on the connection between "the devils" by Fyodor Dostoevsky and "the queen of spades" by Alexander Pushkin
- 79 **Noskova O. A.** Meaning-evolving space of a text as a characteristic of linguo-cognitive style of the author-publicist

83 Омеличкина С. В. Лингвопрагматическая составляющая стратегии художественного перевода 87 Пархоменко Т. Н. К вопросу о семантической деривации 91 Плотникова А. А. Метаязыковой аспект жанра лирической миниатюры в Интернете (на примере признака объема текста) 95 Пономарева Е. А. Фреймовый анализ лексико-словообразовательного гнезда с вершиной «heart» (на материале английского языка) 99 Проскурина А. В. Система антропоцентрической организации словообразовательного типа 103 Прохорова Л. П. Когнитивный механизм эволюции жанра сказки 107 Рабенко Т. Г. Жанр утешение и средства его языковой реализации 112 Рабкина Н. В. Художественный концепт «несвобода» в творчестве Стивена Кинга 115 Рагимова Ф. С. Текстовая презентация прецедентного феномена в формировании номинативно-семантического блока рекламного текста 119 Радевич В. В. Этапы и виды манипуляции как коммуникативной стратегии в неискреннем дискурсе на материале жанра «нигерийские письма» 122 Рогова Е. Н. Деконструкция «преступления и наказания» Ф. М. Достоевского в романе В. Сорокина «Роман» 128 Рябова М. Ю. Знаковые структуры повседневности 131 Рябцева М. А. Эхо-концепт в ряду других концептуальных феноменов 135 Салтымакова О. А. Языковая репрезентация образа автора в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» 139 Сарамотина Л. Х. Метаязыковая деятельность рядовых носителей русского языка при интерпретации англоязычного текста 143 Сергеева Н. М. Код «умственная деятельность» в славянской культуре (на материале восточнославянских фразеологизмов) 148 Сермягина С. С. Ключевые вопросы методики анализа подтекста художественного произведения 155 Соколова С. К. Поли-/мономорфемность как детерминанта полимотивации дериватов 159 Сокольников С. Н. Психолингвистическое исследование по выявлению внутренней формы китайских антропонимов 162 Соловар В. Н. Национальная специфика фрагментов языковой картины мира «явления природы» (на материале казымского диалекта хантыйского языка) 166 Сорокина С. Н. Ученическое портфолио как поликодовый текст	83 Omeliichkina S. V. Linguo-pragmatic s. v. strategy of literary translation 87 Parkhomenko T. N. To the question of the semantic derivation 91 Plotnikova A. A. Metalinguistic aspect of genre «lyric mitiature» in the internet (regarding the text volume characteristic) 95 Ponomareva E. A. Frame analisys of lexico-derivational nest with the «heart» apex (based on english language material) 99 Proskurina A. V. System of word-formational type anthropocentric organization 103 Prokhorova L. P. Cognitive mechanism of fairy tale genre evolution 107 Rabenko T. G. Genre consolation and the means of language implementation 112 Rabkina N. V. The concept of “unfreedom” in Steven King’s works 115 Ragimova F. S. Text presentation case in the formation of the phenomenon nominative-semantic advertising text box 119 Radevich V. V. Stages and types of manipulation in insicere discourse based on the material of the ‘nigerian letters’ genre 122 Rogova E. N. Deconstruction of F. M. Dostoevsky’s crime and punishment in V. Sorokin’s novel 128 Ryabova M. Y. Sign structures of everyday life 131 Ryabtseva M. A. The echo-concept among the other conceptual phenomena 135 Saltymakova O. A. The Language representation of the author’s image in Gogol’s narrative “Sorochinskaya fair” 139 Saramotina L. Ch. Metalanguage activities of the native russian speakers in the interpretation of the english text 143 Sergeeva N. M. The Code «the intellectual faculties human» in slavonic culture (on material the east slavonic phraseology) 148 Sermyagina S. S. Basic issues and strategy of subtext analysis 155 Sokolova S. K. Simplicity / complexity of the morphemic structure as a determinant of derivatives’ polymotivation 159 Sokolnikova S. N. Psycholinguistic research for detecting of the internal form of chinese surnames 162 Solovar V. N. National specifics of fragments of the language world picture “natural phenomenon” (on the material of kazym dialect of khanty language) 166 Sorokina S. N. The student portfolio as a polycode text

- 170 **Сухотерина Т. П.** Характеристика автора в жанрах естественной письменной русской речи
- 174 **Тискова О. В.** К проблеме соотношения функциональной нормативности и коммуникативной эффективности рекламных сообщений
- 178 **Торчакова Н. В., Фомин А. Г.** Проблемы адаптации фонетических и семантических заимствований в китайском языке: диахронический аспект
- 182 **Точилина Ю. Н.** Немцы XXI века. Какими их видят россияне (результаты анализа русских Интернет-источников)
- 186 **Трофимова У. М.** Ненормативная вариативность в процессах семантизации как когнитивно-дескриптивное явление
- 190 **Фаломкина И. П.** Действие принципа конкурентного исключения в рамках диалектной словообразовательной ниши с формантом – Н/Я/
- 194 **Фомин А. Г., Якимова Н. С.** Слово-стимул *снобизм / snobbism* в восприятии россиян и американцев
- 198 **Халыпина Л. П.** Разработка новой модели преподавания лингвистических дисциплин, ориентированной на формирование компетенции в сфере универсальных культурных концептов
- 201 **Чабаненко М. Г.** Бытовой дискурс как эксплициатор коллективной языковой личности молодежной коммуникации
- 206 **Чепкасов А. В.** Импровизация в речи политика (на материале устных и письменных текстов губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева)
- 211 **Шапилова Н. И.** Семантическая деривация как основа системного и функционального взаимодействия лексических единиц
- 215 **Шарикова Л. А.** Концептуальные смыслы изоморфного образа-символа волка в германском мифомире
- 220 **Шишигин К. А.** Когнитивно-семантический принцип описания префиксальных глаголов языка идиш
- 224 **Шишигина О. Ю.** Вербализация мужской и женской внешности атрибутивными прилагательными в современном английском языке
- 228 **Шиянова А. А.** Парные слова в языковой картине мира хантов (на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка)
- 232 **Шпильная Н. Н.** Внутренняя форма текста как носитель потенциала его деривационного развития
- 236 **Шумилова А. А.** Фреймовое моделирование словообразовательно-пропозициональной синонимии (на материале диалектной лексики Кемеровского района)
- 240 **Щербаков К. Ю.** Вербализация эмоций во фразеологии современного английского языка
- 170 **Suhoterina T. P.** Author's characteristics in the original written Russian speech genres
- 174 **Tiskova O. V.** On the problem of correlation of functional norm and communicative efficiency of advertising messages
- 178 **Torchakova N. V., Fomin A. G.** The problems of adaptation of phonemic and semantic loanwords in chinese language: diachronic approach
- 182 **Tochilina Ju. N.** Germans of the XXI century. As viewed by russians (on the basis of the analysis of modern russian Internet sources)
- 186 **Trofimova U. M.** Unnormative variability in processes of semantization as a cognitive-descriptive phenomenon
- 190 **Falomkina I. P.** The principle of competitive exclusion in the framework of the dialect word-forming niche with formant – Н/Я/
- 194 **Fomin A. G., Yakimova N. S.** Word-stimulus *snobbism* in russians' and americans' perception
- 198 **Khalyapina L. P.** Creating of a new model of teaching linguistic disciplines aimed at fomation of the competence in the sphere of universal cultural concepts
- 201 **Chabanenko M. G.** Ordinary discourse as explicator to a collective linguistic identity in youth communication
- 206 **Chepkasov A. V.** Improvisation in the politician's speech (on the material of oral and written texts of A. G. Tuleyev – Kemerovo region's governor)
- 211 **Shapilova N. I.** Semantic derivation as a basis of sistemic and functional interaction of lexical items
- 215 **Sharikova L. A.** Conceptual meanings of the isomorphic image-symbol of the wOlF in german world of myths
- 220 **Schischigin K. A.** The cognitive-semantic principle of describing yiddish prefixal verbs
- 224 **Shishigina O. Yu.** The representation of men's and women's appearance by attributive adjectives in modern English
- 228 **Shiyanova A. A.** Paired words in the linguistic world picture of khanty people (on the material of shuryshkarskiy dialect of khanty language)
- 232 **Shpilnaya N. N.** Internal text form as the potential support of its derivation
- 236 **Shumilova A. A.** Frame-based simulation of word-formation, propositional synonymy (based on the dialect vocabulary of the Kemerovo region)
- 240 **Shcherbakov K. Y.** Verbal expression of emotions in phraseology of modern English

- 245 **Щитова Д. А.** Типология имиджевых ролей в политическом дискурсе
- 249 **Юрина Е. А.** Кулинарные образы в дискурсе и словаре (на материале образной парадигмы «блин»)
- 253 **Яковлев А. А.** Обучение переводу и развитие личности: интегративный подход

ПЕДАГОГИКА

- 258 **Граборская И. В.** Развитие творческого мышления студентов в процессе языковой подготовки
- 261 **Кочина Т. В.** Междисциплинарное проектирование в формировании профессионально-коммуникативной компетентности студентов вуза
- 266 **Лесникова Е. С.** Интеграция информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения иностранным языкам
- 270 **Мамонтова Н. Ю.** Формирование коммуникативной межкультурной компетентности студентов вуза
- 275 **Полесюк Р. С.** Об эффективности использования игры при обучении иностранному языку
- 279 **Ростова М. Л.** Проектная методика в обучении английскому языку в педагогическом вузе

ПСИХОЛОГИЯ

- 283 **Теплинских М. В.** Профессиональное самосознание в связи с успешностью деятельности социальных работников
- 289 **Информация для авторов**
- 291 **Подписка на «Вестник КемГУ»**

- 245 **Shchitova D. A.** The typology of image roles in the political discourse
- 249 **Yurina E. A.** Culinary images in discours and dictionary (on the basis of figurative paradigm «blin» («pancake»))
- 253 **Yakovlev A. A.** Translation and interpreting teaching and personality development: integrative approach

PEDAGOGICS

- 258 **Graborskaya I. V.** Developing students' creative thinking at foreign languages classes
- 261 **Kochina T. V.** Interdisciplinary designing in the forming professional communicative competence of students of higher educational institution
- 266 **Lesnikova E. S.** Itegration of information and communication technologies in the process of learning foreign languages
- 270 **Mamontova N. Yu.** Forming communicative and cross-cultural competence of higher school students
- 275 **Polesyuk R. S.** About the effectiveness of using games in teaching a foreign language
- 279 **Rostova M. L.** Project methodology in teaching english at pedagogical institute

PSYCHOLOGY

- 283 **Teplinskih M. V.** Professional self-awareness in connection with success of social worker professional activity
- 289 **Information for authors**
- 291 **Subscribe to Bulletin of KemSU**

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.711

СЕМАНТИКА ТОНА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А. М. Кубарич

THE SEMANTICS OF TONE IN CHINESE: AN EXPERIMENTAL STUDY

А. М. Kubarich

Статья посвящена анализу результатов экспериментального исследования наличия семантической составляющей в тонах китайского языка. Кроме того, поднимается вопрос о первоначальном значении и функции тонов, а также рассматривается вопрос о взаимосвязи ударения и тона в китайском языке.

The article analyzes the results of an experimental study of the semantic component in the presence of tones in Chinese. In addition, the question of tones' original meaning and function is raised, and the relationship of stress and tone in Chinese is discussed.

Ключевые слова: тон, просодическая схема, ударение, суперсегментные единицы, семантическое значение.

Keywords: tone, prosodic scheme, stress, supersegmental units, semantic value.

В категории суперсегментных единиц лингвисты сегодня указывают три основных понятия: тон, ударение, интонация. Эти единицы позволяют объединить звуки в слоги, слоги в слова и слова во фразы. Эти единицы возникли не в момент возникновения языка как такового. Со временем в языке стало не хватать сегментных единиц и тогда, на помощь в различении смыслов, смысловых оттенков стали приходить так называемые суперсегментные единицы (тон, ударение, интонация). Дадим определения основным понятиям, используемым в статье.

Тон – повышение и понижение голоса [7].

Ударение – выделение одного из слогов в составе слова (или слова в составе речевого такта – синтагмы, или синтагмы в составе фразы) различными фонетическими средствами (усилением голоса, повышением тона в сочетании с увеличением длительности, интенсивности, громкости) [7].

Ударение может быть рассмотрено в различных аспектах: в фонетическом, морфонологическом, ударении в различных единицах языка, в аспекте интеллектуального и эмоционального содержания высказывания.

Интонация – ритмико-мелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски. Составными элементами интонации являются:

1) мелодика речи, осуществляемая повышением и понижением голоса во фразе (ср. произнесение повествовательного и вопросительного предложения);

2) ритм речи, т. е. чередование ударных и безударных, долгих и кратких слогов (ср. речь прозаическую и речь стихотворную);

3) интенсивность речи, т. е. сила или слабость произнесения, связанные с усилением или ослаблением выдыхания (ср. речь в комнатной обстановке и на площади);

4) темп речи, т. е. скорость или медленность протекания речи во времени и паузы между речевыми

отрезками (ср. речь замедленную и речь скороговоркой);

5) тембр речи, т. е. звуковая окраска, придающая речи те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки (тембр “веселый”, “игривый”, “мрачный” и т. д.);

6) фразовое и логическое ударения, служащие средством выделения речевых отрезков или отдельных слов во фразе.

Интонация является существенным признаком предложения, одним из средств выражения его грамматической оформленности (интонация законченная, незаконченная), модальности, целенаправленности (интонация сообщения, вопроса, побуждения), выражения синтаксических отношений между частями предложения (интонация перечисления, сопоставления, пояснения и т. д.; интонация звательная, интонация вводности), указания на эмоциональную окраску (интонация восклицательная) и т. д. [7].

Сам факт коммуникации свидетельствует о наличии и влиянии на воспринимаемую речь эмоциональной составляющей. Значимость интонации высказывания в выражении эмоциональных значений в речи бесспорна. Однако очень важным является вопрос типологического сходства и специфических языковых различий эмоциональной просодии. Именно с позиции заинтересованности в такого рода исследовании ученые подходят к этому вопросу сегодня. Так, В. В. Иноземцев в диссертационном исследовании «Эмоциональные интонации и тоны в китайском языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале односложных предложений)» поставил целью обнаружение фонетических средств выражения в речи на китайском языке различных эмоций и установление характера взаимодействия признаков эмоциональной интонации и тона. В результате исследования выяснилось, что «в контурных тонах под воздействием ряда эмоциональных интонаций происходит та или иная модификация частотного контура, сопровождающаяся в ряде случаев и изменениями амплитудного распределения во времени» [5, с. 9]. Таким образом, эмоциональные интонации влияют не

только на тоновый рисунок произносимых слогомorfем, но и, как следствие, на восприятие слушателем говорящего. Есть основание предполагать, что при этом носитель китайского языка не воспринимает это влияние как более или менее значимое, в аспекте восприятия семантики слога (учитывая, что тон является смысловоразличительной единицей китайского слога), в то время как для иностранца подобное влияние может быть существенным при восприятии китайской речи.

В русле этой же проблемы, но с обратной стороны, было проведено еще одно исследование А. Ю. Вихровой «Коммуникативные и эмоциональные интонации в современном китайском языке». В результате экспериментального исследования выяснилось, что между тонами китайского языка и некоторыми эмоциональными интонациями русского языка (сожаления, страха, радости) существует коррелятивная связь. Так, первый тон меньше других влияет на мелодический рисунок эмоционально окрашенных интонаций радости, страха и сожаления, второй тон коррелирует с интонацией сожаления, третий тон – с интонацией страха, четвертый тон – с интонацией радости [1, с. 17 – 18].

В связи с тем, что данная статья посвящена тону в китайском языке, а вопрос о тоне тесно связан с вопросом наличия/отсутствия ударения в том же языке, остановимся на тоне более подробно. Данных о появлении тона в языке не много. Можем предположить, что тон изначально играл роль различителя эмоций в языке в силу первичности эмоций. Когда стало не хватать языковых единиц, необходимо было прибегнуть к помощи «надсистемных» единиц. И именно по этой причине стали использоваться тоны, как различители самых коротких единиц языка – слогов.

Известно, что на сегодняшний день основной функцией тона в китайском языке является функция смысловоразличителя. Однако мы не можем с полной уверенностью сказать, что эта функция единственная. Это связано с историческими условиями необходимости возникновения тона в изолирующих языках вообще. Обратимся к нетонированным языкам. Так, в ряде тюркских языков семантику в себе несет отдельная морфема и выстроенное по определенной схеме слово принимает значение (или оттенок значения) тех компонентов (морфем), которые его составляют. Таким образом, процесс создания слова из отдельных элементов (морфем) напоминает схему сбора детского конструктора. В таких языках лексические единицы имеют достаточно протяженную структуру. В языках такого рода просодическая схема (термин Т. М. Николаевой) выполняет роль объединителя слогов в слове.

«Если просодическая схема выполняет роль объединителя слогов в слове, а в реальной речи – в такте, причем объединителя, никак не соприкасающегося с семантической структурой языковой единицы и не ответственного за нее, то ударение, напротив, непосредственно направлено на семантику слова, и даже в тех случаях (а для русского языка их большинство), когда оно не является единственным фоно-

логическим средством, ударение играет роль различителя языковых единиц» [13, с. 272].

Итак, если говорить о смысловоразличительных суперсегментных единицах в индоевропейских языках, в частности о русском, то здесь очевидна огромная роль ударения.

В таком случае встает вопрос, если в китайском языке функцию смысловоразличительной суперсегментной единицы берет на себя тон, то какую роль в языке играет ударение? Вопрос о наличии ударения в китайском языке вообще является спорным. Существуют диаметрально противоположные мнения лингвистов на этот счет. Так, одни из них считают, что «психологическую реальность для китайца представляют тоны. Он их воспринимает и может разметить. Ударение же китаец разметить не может» [8, с. 150], другие считают, что «трудно согласиться с тем, что для китайца ударение на уровне слова фонологически не существенно, ибо ... ударение для китайского языка представляется единственным надежным признаком слова, манифестирующимся в языковой форме. Уже само положение тонов относительно друг друга создает эффект ударения» [12, с. 90].

Некоторые лингвисты рассматривают ударение как основной фактор, обуславливающий появление тона. Так, Е. Д. Поливанов считал, что тон является факультативной характеристикой слога, считая, что «в двусложном или многосложном слове с ясностью тона произносится и слышится, в виде общей нормы, только один – и именно ударенный слог» [4, с. 147]. «В неударенных же слогах «тон» нивелируется и при нормальном темпе речи – просто не осуществляется» [4].

Еще в конце 60-х годов на основании экспериментальных данных Т. П. Задоевко приходит к выводу, что «доминирующим полезным признаком в китайском языке является не ударение, а тон» [2, с. 88]. К тем же выводам значительно позднее приходит и М. К. Румянцев. «Для китайского языка стандартной формой ударения является... реализация определенного компонента слова определенным тоном» [10, с. 22].

Существует так называемая «концепция моноритмического принципа, в соответствии с которой китайское слово держится не на ударениях, а на правилах сандхи – подгонки (коартикуляции) слоговых тонов друг к другу» [11, с. 231].

Если проводить параллель с русским языком, то «как в русском языке в ударном положении создаются условия, благоприятные для полного проявления качественной характеристики гласных, так и в китайском структурные элементы слога, в том числе и тон, четко выражаются при ударном произнесении тона» [2, с. 88].

То, что принимается за ударение в китайском языке, на самом деле является фонетической позицией для реализации тона. Строго говоря, учитывая особенности структуры китайского (и любого другого изолирующего языка), ясно, что ему и не нужно ударение: в пределах одного языка оно фонетически однородно, а следовательно – однозначно, тоны же обладают гораздо большими информационными возможностями. «...языковое сознание, возвращенное на

слововых тонах, несущих лексическую семантику, во всех случаях имеет дело с тонами – сильными, слабыми и ослабленными» [11, с. 232]. Слоги, даже противопоставленные друг другу по силе произнесения, могут быть восприняты носителями китайского языка именно в том тональном рисунке, в котором они должны быть этимологически, а не как ударный и безударный. Деление китайских слогомorfем на ударные и безударные слоги – прерогатива европейцев, слышащих мелодику китайской речи и проводящих аналогию с родным языком, в котором нет тона, но есть иная суперсегментная единица, на которую и меняется в сознании европейцев тон. В китайской системе «нет слогов вне тона» [11, с. 232].

В китайском языке и в других языках изолирующей типологии чрезвычайно большая роль принадлежит слоговому тону. Тон – единица фонологическая: он различает слогомorfемы. Но функции тона не замыкаются только на слогомorfеме. Тоны как просодическое средство организуют всю просодическую систему языка: они создают тоноритмику китайских слов и словоподобных образований, на их основе осуществляются все интонационные дифференциации – синтаксические, коммуникативные, модальные, эмоциональные, стилевые. Все названные просодии модифицируют физическую структуру тонов. В результате тон в речи всегда оказывается единицей интегральной, несущей в себе не только признаки слогового тона как такового, но и всех других просодических наложений [9, с. 86].

Как известно, в китайском языке 4 тона (в последнее время лингвисты выделяют как самостоятельный пятый, нейтральный (легкий) тон). Однако вопрос происхождения и исторического развития тонов китайского языка в современной отечественной лингвистической науке описан несистемно. Очевидно, что тон, как любая единица суперсегментного порядка, появляется в языке в результате предельности сегментных единиц, в силу ограниченных возможностей их комплектования. Но, если говорить об ударе, то оно однонаправленно, в то время как тоны современного Путунхуа разнонаправлены. «Известно, что каждый из четырех полных тонов характеризуется совокупностью определенных признаков, наиболее существенными из которых являются направление движения тона, распределение интенсивности внутри тона и высотный интервал между начальной и конечной точками тона» [2, с. 87]. Значит ли это, что каждый тон несет в себе специфическое семантическое значение?

В соответствии с гипотезой Дж. Голдсмита, в которой говорится, что фонологическая структура слова представлена как соотношение единиц сегментного и суперсегментного уровней, в частности, артикуляторных признаков фонем и тонов, сделан вывод о том, что гласная фонема в сочетании с тоном представляет собой сложную структуру, состоящую из самостоятельных, но взаимосвязанных уровней [3, с. 176]. Таким образом, можно предположить, что тон как единица отдельного уровня может нести в себе определенные характеристики. В связи с этим предстоит выяснить – имеет ли тон, как самостоятельная единица речи, семантическое значение, и если да, то как взаи-

мосьвязано это значение с тоном определенного порядка? Для ответа на этот вопрос мы исследовали четыре тона современного литературного китайского языка.

Нами было проведено два эксперимента, основной целью которых стало выявление семантического значения тона китайского языка как самостоятельной фонетической единицы.

В связи с тем, что любой тонированный слог китайского языка имеет определенное семантическое значение, для первого эксперимента мы выбрали слог, состоящий из одной гласной буквы «а», имеющий минимальное количество значений. Респондентам было предложено прослушать аудиозапись со слогом «а», произнесенным разными (четырьмя) тонами. В качестве диктора выступал носитель китайского языка. На бланках, розданных респондентам, были изображены шкалы, на которых имелось три деления (от 0 до 2), от «-» к «+» (0 – отрицательное значение, 1 – нейтральное значение, 2 – положительное значение). Респондентам было необходимо отметить цифру, которая, по их мнению, более других подходит для характеристики услышанного слога. В эксперименте принимали участие 115 носителей китайского языка.

В результате эксперимента мы получили следующие данные:

«а» первым тоном:	0 – 0
	1 – 8
	2 – 97
«а» вторым тоном:	0 – 15
	1 – 17
	2 – 83
«а» третьим тоном:	0 – 8
	1 – 38
	2 – 69
«а» четвертым тоном:	0 – 42
	1 – 40
	2 – 33

По полученным данным можем сделать вывод о том, что как положительные тоны носителями китайского языка воспринимаются 1, 2, и 3 тоны, 4 тон имеет, в большинстве случаев, отрицательную семантику.

Чтобы проверить данные первого эксперимента, мы провели идентичный эксперимент на материале других гласных звуков.

Поскольку произнесение некоторых звуков китайского языка отличается от произнесения русских и других индоевропейских звуков, приведем следующую таблицу классификации гласных звуков.

Произнесение звука «е» в китайском языке отличается от произнесения звука «э» в русском, он является звуком заднего ряда. Его произнесение происходит при положении органов речи сходным с положением при произнесении промежуточного звука между русским «ы» и «э».

Гласные китайского языка

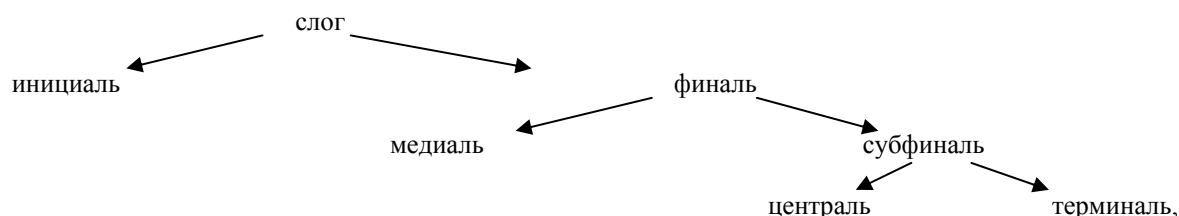
		<i>Передний</i>	<i>Средний</i>	<i>Задний</i>
Верхний	огубленный	у		и
	неогубленный	і		
Средний	огубленный			о
	неогубленный			е
Нижний	огубленный			
	неогубленный		а	

Гласные русского языка

		<i>Передний</i>	<i>Средний</i>	<i>Задний</i>
Верхний	огубленный			у
	неогубленный	и	ы	
Средний	огубленный			о
	неогубленный	э		
Нижний	огубленный			
	неогубленный		а	

Так как в китайском языке тонируется не звук, а слог, дадим следующие пояснения. Существуют правила транскрибирования слогов. Отдельный гласный звук не имеет значения, однако все гласные могут в изолированном виде составлять слог. Естественно, что в таком случае они записываются иероглифом. Некоторые из них не могут употребляться «неоформленно», то есть самостоятельно. Так, звук і в слог записывается как уі, звук и как wi, звук v как уи. Знак тона в таких случаях ставится над гласным звуком.

Во втором эксперименте участвовало 50 респондентов (китайские студенты). Респондентам, так же, как и в первом случае, было необходимо прослушать слоги, состоящие из одного гласного звука, и отметить на шкале ту точку, которая, на их взгляд, точнее всего отражала бы их восприятие слога (от 0 до 2). Заметим, что подобранные для эксперимента слоги не являются наиболее типичными для китайского языка. Так, классическая структура китайского слога полного состава выглядит следующим образом:

где *инициаль* – начальный согласный звук; *финаль* – часть слога без инициали; *медиаль* – неслогообразующий гласный; *субфиналь* – часть финали без медиали; *центральный* – слогообразующий гласный; *терминаль* – конечный гласный или носовой сонант.

Выбор в качестве материала исследования односложных слов был обусловлен необходимостью соблюсти максимальную чистоту эксперимента. С этой же целью были подобраны слоги, состоящие только из гласного звука, так как наличие согласных могло бы «сбить» респондента в восприятии тона слога путем наложения различного рода шумовых эффектов (обусловленных произнесением согласных в начале или носовых сонантов в конце звучания тона).

Полученные результаты не дали однозначных характеристик. Так, первый тон в звуках о, і, е, v имеет положительное значение, в то время как, для звука и – отрицательное; второй тон в звуках о, і, v также имеет положительное значение, однако, в звуках и, е – в ос-

новном отрицательное; третий тон в звуках о, і, е – отрицательное, в звуке и, v – нейтральное; четвертый тон в звуке о, v – нейтральное, в звуках и, е – отрицательное, в звуке і – положительное.

При анализе полученных результатов мы обратились к словарю и выяснили, что очевидна взаимосвязь полученных данных со значением слогов, состоящих из гласных звуков. Так, например, слог уі, произнесенный четвертым тоном, имеет значение «польза», «легко» и приводит к его восприятию носителями языка как слога, имеющего положительную семантику, в то же время слоги wi, e, произнесенные четвертым тоном, имеют значения «ошибка» и «зло» соответственно, что обусловило их восприятие носителями языка как слогов с отрицательной семантикой. Таким образом, очевидна зависимость восприятия звучания слога от его семантики у носителей китайского языка, в активном словаре которых он содержится.

В связи с полученными результатами, в перспективе мы планируем уточнить, насколько частотным является употребление в речи носителей китайского языка слов, представленных в эксперименте. С этой целью планируется проведение эксперимента на прежнем материале, но с дополнительным заданием: «указать первое пришедшее в голову значение услышанного слога». Таким образом, мы планируем исключить из эксперимента слова, имеющие явное семантическое значение и широко употребляющееся в речи носителей китайского языка для увеличения процента чистоты эксперимента.

Возвращаясь к вопросу о связи эмоциональной интонации с тоном и проводя параллель с результатами нашего эксперимента, отметим, что в первом случае респондентами являлись носители русского языка, респондентами нашего эксперимента были носители китайского языка. Очевидно, что восприятие иностранцами тонального рисунка слогов китайского языка, имеет иные (прямо противоположные) результаты, чем восприятие этого же суперсегментного явления носителями китайского языка.

«о» первым тоном	0 – 5 1 – 20 2 – 25	«v» первым тоном	0 – 4 1 – 11 2 – 10
«о» вторым тоном	0 – 23 1 – 15 2 – 12	«i» четвертым тоном	0 – 5 1 – 7 2 – 38
«о» третьим тоном	0 – 16 1 – 15 2 – 9	«u» первым тоном	0 – 28 1 – 14 2 – 8
«о» четвертым тоном	0 – 11 1 – 24 2 – 5	«u» вторым тоном	0 – 42 1 – 6 2 – 2
«i» первым тоном	0 – 6 1 – 6 2 – 38	«u» третьим тоном	0 – 13 1 – 20 2 – 17
«i» вторым тоном	0 – 4 1 – 4 2 – 42	«u» четвертым тоном	0 – 23 1 – 15 2 – 2
«i» третьим тоном	0 – 33 1 – 7	«е» первым тоном	0 – 3 1 – 10 2 – 27
«е» вторым тоном	0 – 18 1 – 13 2 – 9	«v» вторым тоном	0 – 0 1 – 8 2 – 42
«е» третьим тоном	0 – 31 1 – 18 2 – 1	«v» третьим тоном	0 – 6 1 – 36 2 – 8
«е» четвертым тоном	0 – 48 1 – 2 2 – 0	«v» четвертым тоном	0 – 13 1 – 21 2 – 16

Литература

1. Вихрова, А. Ю. Коммуникативная и эмоциональная интонации в современном китайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.02.22 / А. Ю. Вихрова. – М., 2011. – 30 с.
2. Задоев, Т. П. Ритмическая организация потока китайской речи / Т. П. Задоев. – Л., 1970. – 160 с.
3. Зубрицкая, Е. Фонология / Е. Зубрицкая // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 455 с.
4. Иванов, А. И. Грамматика современного китайского языка / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – М., 1930. – 303 с.
5. Иноземцев, В. В. Эмоциональные интонации и тоны в китайском языке (экспериментально-фонетическое исследование на материале односложных предложений): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22) / В. В. Иноземцев. – М., 1991. – 25 с.
6. Николаева, Т. М. Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации / Т. Н. Николаева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 16 – 27.
7. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php. (дата обращения: 29.05.2012).
8. Румянцев, М. К. К проблеме ударения в современном китайском языке путунхуа / М. К. Румянцев // Вопросы китайской филологии. – М., 1974.

9. Румянцев, М. К. Синтез китайских тонов / М. К. Румянцев // Вопросы языкознания. – 1988. – № 1.
10. Румянцев, М. К. Машинное моделирование / М. К. Румянцев. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 272 с.
11. Румянцев, М. К. Фонетика и фонология современного китайского языка / М. К. Румянцев. – М.: Восточная книга, 2007. – 304 с.
12. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков / В. М. Солнцев. – М., 1995. – 353 с.
13. Трофимова, Е. Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук / Е. Б. Трофимова. – М., 1997. – 289 с.

Информация об авторе:

Кубарич Анастасия Михайловна – ассистентка кафедры стилистики и риторики КемГУ,
nasjka-08@mail.ru.

Kubarich Anastasia Mikhailovna – assistant lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemsU.

УДК 81'271

ФОРМУЛА ВВОДА ЦИТИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ КРИТЕРИЙ

Д. В. Кузнецов

CITATION FORMULA AS A LINGUISTIC PERSONOLOGICAL CRITERION

D. V. Kuznetsov

Поскольку любая грамматическая категория предоставляет автору речевого произведения вариативные формы, избираются они под воздействием антропофактора, т. е. грамматика является личностно обусловленной. Грамматическая схема описываемой в речи ситуации зависит от существующей у автора картины мира.

As any grammatical category provides variable forms for the author of a speech act, they are selected under the influence of human factor. Thus, grammar is personality dependent. Grammatical scheme of the situation described in speech is determined by the author's picture of the world.

Ключевые слова: лингвоперсоналогия, языковая личность, цитирование, грамматическое время, частотность.

Keywords: linguistic personology, linguistic person, citation, tense, frequency.

Современную эпоху можно охарактеризовать как эпоху человека говорящего, поскольку во всех областях освоения и познания действительности возрастает роль языка – универсального средства овладения миром. Язык, являясь средством накопления, хранения, переработки и передачи информации, становится двигателем прогресса человечества. Возрастание роли личностного фактора в обществе формирует особый социально-психологический стереотип – доверие к слову. В этих условиях владение языком рассматривается как важнейший компонент личности, особенно если она занимает или претендует на какое-либо положение в обществе, место в социальной иерархии.

Главенствующий в современной науке принцип антропоцентризма проявляется в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функции для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [5, с. 212]. Одним из базовых понятий, которыми оперирует антропологическая лингвистика, является понятие языковой личности, рассматриваемой как «индивид, представленный через посредство своего речевого воплощения».

Н. Д. Голев определяет языковую личность как носителя «языковой способности определенного качества, данного ей изначально и далее развиваемого в соответствии с заложенным в ней потенциалом. Как следствие такого понимания, в роли главного систе-

мообразующего параметра типологии языковых личностей выступает ментально-психологический аспект языковой способности» [2, с. 10]. При такой интерпретации языковая личность не отождествляется с языковой способностью, поскольку структура ее, помимо «изначальной» языковой способности, предполагает наличие приобретенных компонентов: а) впитанного вместе с усвоением языка коммуникативного опыта в его разнообразных проявлениях (прежде всего социально-коммуникативном и культурно-языковом); б) индивидуального опыта и преломленного в нем коллективного опыта, который аккумулирован в языке и в известном смысле навязывается носителю языка как индивиду; в) «багажа», приобретенного в результате обучения и самообучения языковой личности [там же].

Нельзя не согласиться со словами В. В. Наумова о том, что «целостность и органичность языковой личности не зависит от интеллекта, образования и нравственности. Даже если эти параметры не отличаются «высоким уровнем», способность индивида в целом адекватно воспринимать и производить речь на родном языке позволит ему осознать себя равным среди равных, по крайней мере, в той части языкового коллектива, принадлежность к которой обусловило формирование соответствующей формы отношений с языком» [6, с. 18]. Индивид, способный к общению даже на самом примитивном уровне, обладает не в

меньшей (а возможно, и в большей) степени чертами, характеризующими его как языковую личность, как и самый филологически развитый представитель данного социума. В данном случае речь идет лишь о соответствии конвенциональным нормам, что едва ли является фактором, позволяющим считать того или иного носителя языка языковой личностью. Вопрос общей грамотности и корректности речевых произведений должен выноситься за скобки, поскольку каждый акт речетворчества – вне зависимости от его соответствия нормативу – характеризует автора речи, позволяя делать определенные выводы о принадлежности его к некоторому типу в целостной системе.

Главной задачей лингвоперсонологического исследования выступает выделение параметров, на основании которых могли бы быть сформированы типы языковых личностей и, в дальнейшем, создание типологической системы, позволяющей более или менее четко стратифицировать любой подвергаемый анализу «объект», указав его место в системе. Закономерно и то, что любая такая система не может быть дискретной, поскольку, как было сказано выше, каждый отдельный случай подразумевает наличие как индивидуальных, так и социальных признаков. Тем не менее можно говорить о неких усредненных, стандартизированных типах, характеризующихся стабильной частотностью.

В основном антропоцентрический принцип принято применять в сфере лексических особенностей дискурса. Намного реже антропоцентризм связывают с грамматическими категориями, хотя они способны раскрыть особенности мышления автора речи порой даже более ярко, чем используемая им лексика.

Люди, пользующиеся одним и тем же языком, мыслят по-разному, так как индивидуальный речевой потенциал каждого носителя языка безгранично вариативен. То, что закреплено нормами в языковом стандарте, вовсе не обязательно служит для отображения одних и тех же мыслей и чувств разных носителей языка. Формирование смыслов, равно как и образование форм, таким образом, является прерогативой языковой личности – единственно возможного творца языка в любой момент его развития. Комплекс условий, влияющих на образование новой семантики и грамматических форм объективации, задается индивидуальными характеристиками говорящего, которые находятся в прямой зависимости как от лингвистических (языковая компетенция), так и экстралингвистических (социальных, культурных и проч.) факторов.

В ряде своих исследований Д. Б. Никуличева указывает, что пятикурсники МГЛУ, переводившие рассказ датского писателя (построенный исключительно на формах перфекта и плюсквамперфекта) на русский язык, в большинстве своем использовали несовершенный вид даже там, где можно было бы выбрать совершенный, и переводили формы прошедшего времени формами настоящего. Такая трактовка, бесспорно, усиливает эмоциональную насыщенность повествования, поскольку, «используя формы настоящего времени, естественные для описания подобных ситуаций в русском языке, переводчики бессознательно переходят из позиции видения ситуации рассказчиком «извне» в позицию большей вовлеченности в проис-

ходящее» (см. [9, с. 478; 8, с. 271 – 272]. Полученные результаты, по мнению автора, соотносимы с данными психологии, свидетельствующими о существовании различных типов невербального представления времени: разные люди в разной степени склонны вспоминать прошлые события и конструировать события будущего согласно двум моделям: а) ассоциированно, как бы видя ситуацию своими глазами, б) диссоциированно, позиционируя себя в этой ситуации отстраненно, т. е. наблюдая как бы «со стороны».

Соответственно высказываемая автором гипотеза звучит так: «Датская темпоральная система скорее ориентирована на выражение диссоциированного восприятия времени, тогда как видовременная система русского языка прототипически ориентирована на отражение ассоциированного представления времени» [9, с. 479]. С данным выводом можно соглашаться или спорить, однако главным представляется следующее: едва ли система грамматических времен, имеющаяся в языке, способна в полной мере быть отображением ментальности нации, в особенности когда речь идет о ригидных правилах, предписываемых системой. По словам О. Есперсена, «грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе» [3, с. 60]. Буквально то же самое можно наблюдать и здесь: языковая данность не может рассматриваться как облигаторное видение ситуации носителями языка. Язык предписывает употребление неких форм, но только в силу их контекстуальной зависимости; если же носителю языка предоставлена свобода, сложно представить, что его мировидение полностью совпадет с выработанной грамматистами схемой. Скорее, в каждом отдельном идиолектном проявлении языковой личности будет доминировать иной – не обусловленный грамматикой – закон построения речевого произведения.

Выбор автором, решающим коммуникативную задачу, синтаксических структур и грамматических категорий – результат сугубо личностных предпочтений и (возможно, неосознанных) процессов, формирующих идиолект. Результат взаимодействия того набора черт, что могут считаться значимыми характеристиками языковой личности. Созвучной здесь представляется следующая мысль. Объясняя механизм выхода человека на картину мира через язык, А. А. Залевская указывает, что «в фокусе внимания индивида находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла (в норме) функционируют именно как средства, «инструменты», которые, будучи в достаточной мере освоенными, не замечаются нами до того момента, когда произойдет какой-то сбой или потребуются целенаправленный (специфический) выбор или анализ каких-то средств» [4, с. 12].

Поскольку предметом рассмотрения в данной работе является функционирование форм грамматической категории времени в формулах, вводящих цитирование в научном исследовании, а исходной презумпцией – лингвоперсонологическая обусловленность реализации грамматических значений в речи, можно выдвинуть следующие рабочие гипотезы:

1. Поскольку грамматические категории обладают имманентной внутренней вариативностью, выбор конкретной формы (совокупности форм) является прерогативой автора речевого произведения и, опосредованно, раскрывает для реципиента авторское мироощущение. Например, внутренние оппозиции категории лица могут свидетельствовать о включенности говорящего в контекст описываемой ситуации в качестве активного участника, либо дистанцировании от него, т. е. избрании позиции наблюдателя; видовые формы указывают на видение описываемого в динамическом развитии, либо в режиме стоп-кадр, когда событие изображается как статичная картинка. Совершенно очевидно, что даже в случаях с грамматическими категориями, предоставляющими автору речи гораздо меньшую свободу выбора (ср., напр., категорию числа), имеется возможность варьирования, указывающего на индивидуальные особенности восприятия (в случае с категорией числа – как целостного, «объемного», либо дискретного). Так, в одном из проведенных экспериментов по описанию картины И. И. Шишкина «Рожь» большинство видит «ржаное/хлебное поле», «море/стена ржи», но зафиксированы и реакции «колышущиеся на ветру/склонившиеся к дороге колосья». Исходя из этого, можно утверждать, что любая грамматическая категория предоставляет – или предполагает – выбор, а это означает, что в ее природе присутствует антропофактор, т. е. выбирает человек.

2. С позиций лингвоперсонологии, грамматические парадигмы представляют собой двусторонние сущности. Во-первых, и это является основой для традиционалистского, систематологического подхода, в парадигмах присутствует отражательность по отношению к ситуации (объективной, коммуникативной). Во-вторых, присутствует и антропо-/персоно-сторона (термин Н. Д. Голева), т. е. выбор формы в некотором смысле существует априорно в сознании говорящего, его картине мира. Как частные актуализации, так и нейтрализация парадигм зависят от картины мира априори по отношению к коммуникативному акту. Важным в данном случае является то, что речь идет не о произвольном, возможно осознанном, придании определенной стилистической окраски речевому произведению, а именно о реализации индивидуальной – укладывающейся, однако, в общую типологическую систему – картины мира, что и должна доказать статистика экспериментов.

3. В развитие предыдущего тезиса в ракурсе конкретной грамматической категории – грамматического времени, уместно привести следующее определение темпоральных отношений, широко бытующее в лингвистике: «темпоральность (языковое время) – это своеобразная двуплановая объективно-субъективная категория, которую можно представить как особую форму познания мира, сочетающую в себе свойства реального, перцептуального и индивидуального времени», а «время, передаваемое средствами языка, – это отражение реального времени через посредство времени перцептуального» [12, с. 26 – 27]. Обращает на себя внимание то, что во втором определении индивидуальное время фактически сливается с перцептуальным, граница между ними становится прозрач-

ной. Ср. с еще одним определением времени перцептуального как «времени, отраженного в культуре, обществе и индивидуальном сознании...», играющем «исключительную роль среди когнитивных структур и процессов, участвующих в восприятии реального мира. С его помощью реальный мир трансформируется в «проецируемый мир», который и является доступным человеческому сознанию» [12, с. 24 – 25]. Индивидуальное время, таким образом, уходит на абсолютную периферию, что, однако, противоречит собранным экспериментальным данным. Как раз в формировании языкового времени (и соответственно хронотопа речевого произведения) индивидуальное время – картина мира, существующая в сознании автора априорно, вне зависимости от конвенциональных норм – играет наиболее выраженную роль. Достаточно вспомнить высказанные полтора столетия назад мысли о том, что «ни одна глагольная форма в нашем языке времени не означает. Очевидно, что сама категория времени теряется» [1, с. 11] и «русский язык не имеет ни одной формы, которая бы показывала то, или другое время... Возможность связи известного времени с известной какой-либо формой глагола основана единственно на смысле самой речи» [7, с. 122, с. 307].

Для анализа были взяты сборники материалов двух конференций студентов, аспирантов и молодых ученых, проведенных в КемГУ в 2010 и 2012 гг. [10, 11]. Материал общим объемом около 50 п. л. был подвергнут сплошной выборке, в результате чего было отобрано около 900 случаев использования вводных формул при цитировании. Следует отметить, что подавляющее их большинство (около 95 %) встретилось в работах студентов гуманитарных факультетов, в то время как студенты, изучающие естественные и точные науки, практически всегда обходятся лишь ссылкой на список литературы. Данную особенность, по всей видимости, можно объяснить стилистической традицией научного дискурса этих направлений.

В дальнейшем материал был разбит на три группы: 1) претерито-ориентированные формулы, ср.: *Еще А. А. Потебня писал...*; 2) презентно-ориентированные формулы, ср.: *К. Г. Юнг отмечает...*; 3) наиболее абстрактные формулы, в которых глагольная форма отсутствует, ср.: *По мысли Гумбольдта...* По нашему мнению, избираемая модель цитирования репрезентирует авторский взгляд на цитируемый текст, который, соответственно, может быть: 1) фактологическим, т. е. когда текст рассматривается как созданный ранее речевой продукт; 2) синхронно-экзистенциальным – тексту придается статус сущности, имеющей «здесь и сейчас», безотносительно времени его создания; 3) абстрактно-отвлеченным – автор не конкретизирует свою позицию по отношению к экзистенциальному статусу цитируемого речевого произведения; 4) смешанным, совмещающим два, либо все три типа вводных формул в рамках одной работы.

Уточним здесь, что опубликованные материалы конференций представляют собой тексты небольшой величины – 1 – 2 стр. Достаточно высока вероятность того, что в объемных научных работах со значительным числом цитат смешанный тип имел бы наиболее высокую частотность из-за желания автора разнообра-

разить свою речь, однако в данном случае этот аргумент едва ли можно считать весомым: согласно правилам оформления, в среднем цитируется 2 – 4 научных источника.

Обратимся к статистике. Из общего числа отобранных вводных формул цитирования претерито-ориентированных – 23 %, презентно-ориентированных – 63 %, абстрактных – 14 %. Смещение различных типов вводных формул отмечено в 19 % работ. Столько же, 19 %, работ, авторы которых придерживаются строго претеритной организации ввода цитируемого текста. В 44 % статей вводные формулы презентно-ориентированные и в 18 % – абстрактные.

Главным заключением, к которому подводят результаты проведенного исследования, является следующее: в общем массиве материала наблюдается безусловное доминирование презентно-ориентированных вводных формул цитирования. В оппозиции «настоящее vs. прошедшее» прошедшее – признаковая категория, т. к. указывает на то, что действие относится к прошлому, тогда как настоящее как таковое не определено в отношении времени и является типично беспризнаковой категорией. Как правило, в речи все сводится к использованию беспризнаковых форм за счет соответствующих признаковых. Беспризнаковая форма функционирует в языковом мышлении как представитель коррелятивной пары; поэтому в известной степени ощущается как первичная [13, с. 214]. По всей видимости, именно в связи с этим презентно-ориентированные формулы являются наиболее частотными. Анализ статистики с позиций авторского взгляда на цитируемый текст также показывает доминирование синхронно-экзистенциальной позиции. Добавим, что в подавляющем большинстве (83 %) работ со смещением различных типов присутствуют презентно-ориентированные формулы. Авторы, таким образом, относятся к цитируемому тексту как к данности текущего момента, а не факту прошлого.

Резюмировать сказанное можно так: любая грамматическая категория предоставляет автору речевого произведения вариативные формы, избираемые под воздействием антропофактора, что доказывает личностную обусловленность грамматики. Не являясь зеркальным отображением действительности, грамматическая схема описываемой в речи ситуации зависит от существующей у автора картины мира, его персональных представлений и установок. Грамматика по-

зволяет вскрыть разнообразие индивидуальных вариантов мироощущения, преломленных через призму языка.

Р. С. В ходе обсуждения отдельных положений данной работы, состоявшегося в рамках работы секции «Обыденная философия языка, бытовая лингвистика и лингвоперсонология» Международной научной конференции «Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов», были высказаны некоторые, требующие дальнейшей экспериментальной проверки, гипотезы, приведенные ниже с авторскими комментариями:

1. Система цитации претерпела большие изменения в течение последнего столетия. Современная вариативность формулы ввода цитирования – результат возросшей свободы изложения, утраченной зависимости от строго регламентированной системы написания научного текста. Так, если взять работы авторов начала – середины XX в., анализ, скорее всего, покажет принципиально иную статистику.

Соглашаясь с тем, что формулы ввода цитируемой информации, скорее всего, действительно видоизменились в значительной степени, следует обратить внимание на тот факт, что в качестве материала исследования были использованы студенческие работы, публикации которых были достаточно редкими в первой половине XX в. Доступны, скорее, статьи зрелых авторов, прошедших серьезную школу перед возможностью опубликования своих идей. Следовательно, сравнивать надо сопоставимые величины прошлого и настоящего. Диахронический анализ в этом случае обещает интересные научные данные.

2. Нельзя скидывать со счетов тот факт, что многие из проанализированных работ студентов корректированы научными руководителями, имеющими свое представление о нормативном оформлении формулы цитирования. Таким образом, с одной стороны, чистота эксперимента ставится под вопрос: доминирующая языковая личность научного руководителя не допускает полноценного раскрытия языковой личности автора в плане речевого оформления своих мыслей.

С другой стороны, тем не менее важна именно статистическая вероятность использования того или иного алгоритма ввода формулы цитирования; релевантность совместного или индивидуального авторства, как представляется, в данном аспекте рассмотрения вопроса является спорной.

Литература

1. Аксаков, К. С. О русских глаголах / К. С. Аксаков. – М.: Тип. Л. Степановой, 1855.
2. Голев, Н. Д. Языковая личность как носитель языковой способности / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006.
3. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Иностр. лит-ра, 1958.
4. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. научных трудов. – Тверь: Тверский гос. ун-т, 2002.
5. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
6. Наумов, В. В. Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2007.
7. Некрасов, Н. П. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов. – СПб.: Паульсон и К°, 1865.

8. Никуличева, Д. Б. Отражение перцептивной позиции говорящего в датской видовременной системе в сопоставлении с русской / Д. Б. Никуличева // Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков. – Ч. 2. – Таганрог, 2005.
9. Никуличева, Д. Б. Различия временных представлений в датском и русском языках и их отражение в зеркале перевода / Д. Б. Никуличева // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. – Ч. 2. – М., 2004.
10. Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы V (XXXVII) Международной научно-практической конференции. – Кемерово: ИНТ, 2010. – Вып. 11. – Т. 1.
11. Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы VII (XXXIX) Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, КемГУ, г. Кемерово. – [Электронный ресурс] / сост. Е. А. Баннова; под общ. ред. К. Е. Афанасьева. – Кемерово: КемГУ, 2012. – Вып. 13. – 1107 с.
12. Тарасова, Е. В. Время и темпоральность / Е. В. Тарасова. – Харьков: Основа, 1992.
13. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М., 1985.

Информация об авторе:

Кузнецов Дмитрий Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8(3842) 75-00-39, kuznetsov2610@yandex.ru.

Kuznetsov Dmitry Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology № 1 of KemSU.

УДК 811.161.1' 37

ВАРИАТИВНОСТЬ СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ КАЧЕСТВЕННОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ *Т. Ю. Кузнецова*

VARIABILITY OF WORD SEMANTIZATION STRATEGIES AS THE RESULT OF THE LINGUISTIC PERSONALITY'S QUALITATIVE DIVERSITY *T. Yu. Kuznetsova*

В статье описываются стратегии семантизации слова рядовыми носителями языка и факторы, детерминирующие их выбор. Семантизация лексического значения слова осуществлялась на основе использования лингвистического эксперимента.

Common native speakers' word semantization strategies and the factors that determine their choice are reviewed and analyzed in the article. The peculiarities of lexical meaning semantization were identified with the help of the linguistic experiment.

Ключевые слова: стратегии семантизации лексического значения слова, значение слова, лингвоперсоналогическая вариативность.

Keywords: strategies of lexical meaning semantization, word meaning, lingvopersonological variability.

Вариативность толкований слов, согласно нашей концепции, детерминирована, с одной стороны, вариативностью как универсальным свойством языка на всех уровнях его существования и во всех сферах его функционирования, а с другой – качественным разнообразием речевой способности языковой личности, а также качественным разнообразием применяемых ею стратегий толкования.

В данном исследовании вариативность рассматривается как **объективное** проявление свойств лексических единиц и языковой способности личности, а именно: вариативность определяется свойствами как **объекта**, так и **субъекта** метаречевой деятельности. Объектом метаречевой деятельности говорящего является слово, ее субъектом выступает сам носитель языка. Думается, что смысловая вариативность слова задается ее свойствами как асимметрией формы и содержания, антиномией его значения и значимости и т. д., а также метаязыковой (интерпретационной) дея-

тельностью говорящего. Результатом вариативности семантизирующей деятельности носителя языка становится экспликация смысловой множественности значения слова.

Вариативность интерпретации отражает качественное разнообразие типов метаязыковой деятельности говорящих. Следовательно, вариативность семантики слова определяется, во-первых, **фактором языка** и, во-вторых, **фактором речевой деятельности**.

К собственно **языковым факторам**, детерминирующим вариативность семантизирующего результата, относят следующие: лексико-семантические, словообразовательные и функциональные характеристики слова; включенность слова в парадигматические, синтагматические и эпидигматические отношения; асимметрия формы и значения; способность слова обладать смыслом и значением; денотативная неопределенность семантики слова; целостность и структурированность слова; характер и особенности

функционирования слова в речи. Собственно языковые факторы – это факторы, которые непосредственно связаны с природой самого слова, и, как результат, – особенности его толкования предопределены данной природной сущностью слова.

К факторам речевой деятельности, детерминирующей вариативность семантизирующего результата, относим деятельность субъекта-интерпретатора. Рассматривая ее как активный и креативный процесс, мы исходим из мысли о том, что рецептивно-речевая деятельность детерминирует многообразие порождаемых говорящим смыслов лексической единицы в процессе ее семантизации и имеет лингвоперсонологическую обусловленность [Голев, 2006; Седов, 2006]. Смысловая множественность значения слова «как реализация языковых способностей человека, с одной стороны, и языковое многообразие как обеспечение потребностей разнообразных типов языковой личности, с другой стороны», позволяет Н. Д. Голеву сформулировать гипотезу лингвоперсонологической вариативности языка» [11, с. 211]. Согласно данной гипотезе, «язык устроен так, а не иначе еще и потому, что он обслуживает разные типы языковой личности (носителей разных вариантов языковой способности)» [4, с. 22]. В соответствии с этим, вариативность семантизации слов есть следствие вариативности языковой способности и качественного разнообразия языковой личности и применяемых ею семантизирующих стратегий. Семантизирующие стратегии, используемые рядовыми носителями языка в процессе толкования слов как проявление вариативности их метаязыковой деятельности, обусловлены **субъектным фактором**, т. е. особенностями речевой деятельности говорящего.

Таким образом, множественность и вариативность семантизации слова рассматривается как объективное, естественное и универсальное проявление свойств языка и языковой способности личности.

Рассмотрению роли второго фактора – **субъектного** – посвящена настоящая статья.

Факторы речевой деятельности, а именно факторы индивидуализации речи, условно можно представить в виде следующих групп: «*биологические, психологические и социальные*», по другой классификации – *психологические, национально-культурные и социальные*» [Иванцова, 2010]. Однако такое деление весьма условно, так как некоторые факторы представляют собой совокупность биологических, психологических и социальных характеристик. Следовательно, доминирование определенного фактора служит определением типа языковой личности. На сегодняшний момент известно множество частных типологий языковой личности. Проблемой изучения языковой личности, их типологизации в современной лингвистике занимаются Г. И. Богин [1982, 1984]; Н. Д. Голев [2006, 2009]; Е. В. Иванцова [2010], В. И. Карасик [2004]; Ю. Н. Караулов [1987]; В. П. Нерознак [1996]; К. Ф. Седов [1988, 1999, 2004, 2006] и др. Однако число параметров дифференциации типов языковой личности стремится, по замечанию Н. Д. Голева [2006], к неперечислимости. Выделяют следующие параметры.

1. **Уровневые и «отраслевые» параметры.** В аспекте дифференциации типов языковой личности в соответствии с данным параметром исследователи выделяют «синтаксическую» или «орфографическую языковую личность» [Н. Д. Голев].

2. **«Аспектуальные параметры:** временные, локальные, профессиональные, гендерные языковые личности (а также такие явления, как «историческая языковая личность» – личность определенной языковой эпохи [Аникин, 2004], «инженерная языковая личность», «женская языковая личность» и т. п.)» [4, с. 9]. В социальном аспекте рассматривается языковая личность с точки зрения ее социальной принадлежности (студент, учитель, писатель и др.). На основе биологических и психофизиологических особенностей человека в психологии выделяют лево- и правополушарные типы. Теория межполушарной асимметрии мозга представлена в работах В. Г. Деглина [1975]; Л. В. Сахарного [1994], Е. Д. Хомской [1987] и др. Н. Д. Голев отмечает, что «полушарная оппозиция носит универсальный характер и к ней восходит большинство признаков, релевантных для типологии языковой личности: правополушарный «художественный» / левополушарный «логический» типы, правополушарный «гуманитарный» и левополушарный «инженерный» типы, правополушарный «воспроизводящий» и левополушарный «порождающий» типы ЯЛ и т. д.» [8, с. 74]. К. Г. Юнг разработал классификацию психологических типов языковой личности, называемых экстравертом и интровертом. Им же были выделены подтипы: мыслительный, сенсорный, эмоциональный и интуитивный [Юнг, 1996]. К собственно психологическим факторам, влияющим на характер речи говорящего, относятся: «его интровертированность / экстравертированность, тип темперамента, уровень эмоциональности, тревожности и притязаний, уровень развития логического мышления, воображения, ассоциативного аппарата и др.» [8, с. 59]. Известными психологами и психоаналитиками разработаны основные признаки, позволяющие отличать экстраверта и интроверта, правополушарных языковых личностей от левополушарных. Данная оппозиция, на наш взгляд, имеет высокий объяснительный потенциал по отношению к вариативности семантизации языкового знака. Психологические факторы обуславливают «предрасположенность индивида к доминированию роли левого или правого полушария, специфику интеллекта, профессиональные особенности и др.» [8, с. 59]. В основе речевой деятельности говорящего лежит его определенная психофизиологическая особенность, которая определяется как асимметрия полушарий головного мозга. «Ярко выраженная асимметричность правого и левого полушарий головного мозга позволяет психологам относить людей к типам «художественного восприятия действительности» и к «логически мыслящим» [4, с. 17]. По степени проявления творческого начала различают стандартную и нестандартную языковую личность [Нерознак, 1996].

3. **Функционально – речевые параметры.** Дифференциация типов языковой личности происходит «по их проявленности в функциональных стилях [Бушев] или по их поведению в конфликтных ситуациях

[Седов, 2004]» [4, с. 9] Так, по способности к кооперации в повседневном речевом поведении различают конфликтный тип (конфликтно-агрессивный подтип, конфликтно-манипуляторский подтип), центрированный тип (активно-центрированный подтип), пассивно-центрированный тип, кооперативный тип, кооперативно-конформный тип, кооперативно-актуализированный тип [Седов, 2006]. И. С. Прокудиной была представлена типология языковой личности на основании использования лингвокогнитивных стилей репродукции текста [2009].

В настоящем исследовании нами разработана классификация семантизирующих стратегий, основанная на типологии языковых личностей как проявлении вариативности их метаязыковой деятельности, осуществляемой в процессе толкования слова. Выявленные стратегии семантизации представлены следующими коррелятивными типами: *ассоциативная / дефиниционная, холистическая / элементаристская, креативная / некреативная, рационально-логическая / эмоционально-чувственная, описывающая / отождествляющая*.

Более подробно остановимся на рассмотрении *холистической / элементаристской стратегий*.

Выделение *холистической / элементаристской стратегий* семантизации базируется на особенностях речевой деятельности языковой личности. Процесс речевосприятия связан с процедурой «поэлементно-го» или целостного выявления смысла лексической единицы. Об этом пишут Н. Д. Голев и Л. Г. Ким [2009], рассматривая *холизм* и *элементаризм* как процессы метаречевой деятельности говорящих, склонных к восприятию целостности объекта либо к восприятию смысла слова, складывающегося из его составляющих элементов. При использовании *холистической стратегии* направление языковой деятельности языковой личности осуществляется при восприятии слова как целостной единицы. При использовании *элементаристской стратегии* говорящий воспринимает слово как членимую единицу, осуществляя семантизацию посредством актуализации внутренней формы слова. Данные типы стратегий демонстрируют результаты лингвистического эксперимента. Целью данного эксперимента было верифицировать *положение* о том, что в процессе семантизации слова речевая деятельность говорящего осуществляется посредством восприятия слова как целостной или, напротив, структурированной единицы. Это положение получило экспериментальное подтверждение. Носителям языка в количестве 50 человек были предложены разнообразные в аспекте лексических, словообразовательных и функциональных характеристик слова, и предложено было ответить на вопрос «Каково значение следующих слов?» Следовательно, дифференциация холистической и элементаристской стратегий толкования в определенной степени соответствует дифференциации типов языковой личности как *холистической* и *элементаристской* и / или склонности языковой личности к актуализации или нейтрализации внутренней формы слова.

Процесс толкования слова осуществляется в соответствии с одной из возможных стратегий – *холистической* или *элементаристской*.

При использовании *холистической стратегии* говорящий соотносит толкуемое слово с денотатом и выделяет дифференциальные признаки. Модель процесса толкования выглядит следующим образом.

А – это В, которое имеет С;

А1 – это В, которое имеет D.

Бухгалтер – профессия или наименование человека, выполняющего расчеты, подсчеты и т. д. (сложные финансовые операции). Зимородок – птица белого цвета, чуть-чуть с синим. Лазоревка – голубое летучее существо. Музыкант – человек, исполняющий мелодичные звуки с помощью специальных инструментов (флейта, скрипка и т. д.). Овсянка – птица. Певец – человек с хорошим голосом. Петух – птица ранняя; обитает в деревне, будит на рассвете, опасен для детей, яркое оперение и большой хвост; птица домашняя, кукарекающая. Пианист – человек, воспроизводящий звуки с помощью конкретного инструмента. Проповедник – предсказывающий будущее. Снегирь – зимняя птица; красивая зимняя птица с красной грудкой. Трясогузка – дикая птица; маленькая серенькая птичка. Учитель – человек, который работает в школе. Шпион – человек, следящий за деятельностью интересующих его лиц (организации и т. д.).

Следовательно, данный тип языковой личности воспринимает слово как целостную единицу.

При использовании *элементаристской стратегии* говорящий воспринимает слово как членимую единицу, осуществляя семантизацию посредством актуализации внутренней формы слова. Отличительной чертой языковой личности, склонной к использованию данного типа стратегии, является ее способность к членению языковых единиц, независимо от типа слова – мотивированное или немотивированное. В соответствии с этим признак, положенный в основу номинации, отражает «тот принцип или принципы, которым следовал и / или будет следовать человеческий разум при категориальном членении мира» [1, с. 5]. Отдельные языковые личности актуализируют различные признаки. Ср. *Лазоревка – птица, окрас лазоревый, от цвета лазоревый* (признак цвета). – *Лазоревка – ведет свой образ жизни на заре; птица, которая встает с зарей* (признак образа жизни). «От того, как происходит группировка или перегруппировка признаков, зависит, какой образ воспринимается индивидом» [1, с. 5]. Однако, как правило, в основу наименования положен один, наиболее яркий признак. В силу того, что признаков у слова может быть много, носители языка актуализируют разные признаки.

Модель процесса толкования выглядит следующим образом.

А – это В, которое имеет С (внутренняя форма слова (мотивационный признак, положенный в основу номинации);

А – это В, которое имеет D (D – внутренняя форма слова (мотивационный признак, положенный в основу номинации).

Бухгалтер – работник бухгалтерии. Кряква – крякает много. Лопатень – птица, клюв которой похож на лопату. Медоуказчик – указатель для врачей; птица, указывающая, где мед. Музыкант – тот, кто играет на музыкальных инструментах; исполняющий красивую

музыку на каком-либо инструменте. Овсянка – птичка, живущая в полях, где растет овес; птица, обитающая на овсяном поле; строит гнезда в овсе. Певец – человек, у которого есть талант к пению; исполняет песни. Пересмешник – птица, голос у которой, как смех. Песочник – живет в песке; строит гнезда в песке; по внешнему признаку схож с песком. Пианист – тот, кто играет на пианино профессионально; исполняющий музыку на пианино. Проповедник – тот, кто проповедует в церкви, возможно, и за ее пределами; читающий проповеди; от слова «проповедовать», внушать, делиться знаниями в сфере церковной, религиозной. Снегирь – птица, которая спит в снегу; хорошо виден на снегу, прилетает, когда снег. Трясогузка – трясет гузом; трясущаяся птица. Учитель – человек, который учит чему-либо, передает свои знания другому. Циркач – тот, кто выступает в цирке; работник цирка. Шпион – тот, кто шпионит за кем-либо с какой-либо целью. Чайка – попить чаю; чай.

Мотивационный признак, по которому говорящий эксплицирует внутреннюю форму, вариативен для разных носителей языка (см. пример со словом *лазоревка*). Описание денотата представлено в виде дефиниции, последовательно актуализирующей наиболее яркий признак, характерный для объекта. Следовательно, при применении *элементаристской стратегии* толкования происходит последовательная актуализация внутренней формы слова.

Делая общий вывод, отметим следующие факты.

1. Процесс семантизации слова реализуется в соответствии с одной из языковых стратегий. Следовательно, феномен вариативности актуализируется в метаречевой деятельности говорящего при выборе конкретной стратегии толкования. При таком подходе вариативность предстает в виде качественно различных смысловых вариантов слова. Слово, таким образом, вписано в личностное пространство говорящего, что объясняет наше исследовательское движение от вариативности семантики слова к вариативности типов языковой личности. Выявленные в процессе нашего исследования семантизирующие стратегии

являются проявлением языковой способности языковой личности. Семантизирующие стратегии как критерий для описания и систематизации качественного разнообразия языковой личности, во-первых, позволяют определить присущие ей языковые черты, во-вторых, разнообразие типов языковой личности, выделенных по разным основаниям, могут быть описаны в аспекте различных стратегий семантизации.

2. Толкование посредством *холистической стратегии* предполагает восприятие слова как целостной единицы в единстве его формы и значения; при использовании *элементаристской стратегии* носитель языка вычленяет морфемы толкуемого слова и соотносит с однокоренными словами.

3. Механизмом для семантизации слова посредством использования *элементаристской стратегии* является операция по установлению детерминационных связей. Предмет «назван таким словом, потому что...». В основе семантизации слова посредством применения *холистической стратегии* – нейтрализация детерминационных связей, описание многообразных признаков денотата.

4. Описанные стратегии в определенной степени отражают дифференциальные типы языковой личности как холистическая и элементаристская.

Следовательно, выделение типов языковой личности детерминировано разнообразием реализации языковой способности личности, проявляющейся в выборе стратегии толкования слова. Принадлежность говорящего к тому или иному типу языковой личности и вариативность применяемых ею стратегий толкования слова позиционируются как субъективные факторы языка. С одной стороны, разнообразие порожаемых обыденным сознанием смыслов лексической единицы есть объективное, закономерное явление языка, обусловленное его характеристиками; с другой стороны, – это проявление реализации языковой способности человека и, как результат, – включение слова и его смыслового наполнения в личностное пространство интерпретатора.

Литература

1. Барсук, Л. В. Стабильность категории как функция идентификации признака, положенного в основу наименования / Л. В. Барсук // Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст: сб. научн. тр. – Тверь, 1996. – С. 5 – 6.
2. Богин, Г. И. Концепция языковой личности / Г. И. Богин. – М., 1982.
3. Богин, Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984.
4. Голев, Н. Д. Лингвотеоретическое основание типологии языковой личности / Н. Д. Голев // Лингвоперсоналогия: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 6 – 28.
5. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – Ч. 1. – С. 7 – 41.
6. Голев, Н. Д. Вариативность интерпретации речевого произведения и особенности русского языкового мышления (холизм vs. элементаризм) / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Система языка и языковое мышление. – М.: Либриком, 2009. – С. 51 – 65.
7. Деглин, В. Функциональная асимметрия – уникальная особенность мозга / В. Деглин // Наука и жизнь. – 1975. – № 5.

8. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие / Е. В. Иванцова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М., 2004.
10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
11. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – 312 с.
12. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. научн. тр. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. – С. 112 – 116.
13. Прокудина, И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродуцирования научного текста (на материале студенческих рефератов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Прокудина. – Кемерово, 2009.
14. Сахарный, Л. В. Человек и текст: две грамматики текста / Л. В. Сахарный // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994.
15. Седов, К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – Вып. 27. – С. 5 – 11.
16. Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук / К. Ф. Седов. – Саратов, 1999.
17. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М., 2004.
18. Седов, К. Ф. Типология и портретирование наших современников / К. Ф. Седов // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово, 2006. – С. 143 – 167.
19. Хомская, Е. Д. Нейропсихология / Е. Д. Хомская. – М.: Изд-во МГУ, 1987.
20. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М., 1996. – 711 с.

Информация об авторе:

Кузнецова Татьяна Юрьевна – ассистентка кафедры русского языка КемГУ, 8-905-912-5233, TatianaKuznetsova86@mail.ru.

Kuznetsova Tatiana Yurievna – assistant lecturer at the Russian Language Department of KemSU.

УДК 81'42

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРА В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Н. В. Лазеева

LINGUISTIC CONSTRUCTION OF GENDER IN GLOSSY MAGAZINE DISCOURSE

N. V. Lazeeva

В данной статье представлен анализ лексических, морфологических, синтаксических, стилистических особенностей рубрики «Письма читателей», а также визуальный ряд данной рубрики в дискурсе мужских и женских глянцевого журналов: *Men's Health* и *Cosmopolitan*.

In this article the analysis of the lexical, morphological, syntactical, stylistic peculiarities of *Agony Column* in glossy magazines is considered. The visual features of *Agony Column* in the discourse of glossy magazines for men and women, such as "Men's Health" and "Cosmopolitan" are presented as well.

Ключевые слова: гендер, дискурс средств массовой информации, дискурс глянцевого журналов, рубрика «Письма читателей».

Keywords: gender, discourse of mass media, glossy magazines discourse, agony column.

Современная лингвистическая наука характеризуется возросшим интересом к изучению языка как антропоориентированного социокультурного феномена. В центре внимания лингвистических исследований находится человек, его роль в организации и использовании языка как средства общения, инструмента получения, хранения и передачи знаний. Неотъемлемой частью антропоцентрической парадигмы языкознания является гендерная лингвистика – научное направление, изучающее взаимодействие языка и гендера. Гендер трактуется как параметр социальной идентичности, конструируемый индивидом и обществом в соответствии с нормами данной культуры. Лингвис-

тику интересует, как гендер отражается в языке и конструируется в коммуникативном взаимодействии индивидов.

Перспективным является изучение языка и гендера в дискурсе средств массовой информации в связи с той ролью, которую играют СМИ в создании массовой культуры и конструировании социальной реальности. Масс медиа отличает не только способность воспроизводства культурных ценностей и нормативных образцов и моделей поведения, но и возможность наиболее быстро отражать социальные изменения в обществе, смену культурных ценностей и ориентиров. Тексты, продуцируемые в медийном дискурсе, явля-

ются репрезентативным эмпирическим материалом для выявления гендерных представлений, характерных для конкретного социума в конкретный исторический период.

Исследование гендерных особенностей в глянце-вых журналах имеет ряд специфических черт. Адресность данного вида публикаций определяется гендерными характеристиками аудитории. Мужские и женские журналы являются дискурсом, в центре которого стоят вопросы, связанные с тем, что значит быть женщиной или мужчиной в данном обществе, какой стиль (образ) жизни приемлем для женщины или мужчины. Необходимым условием коммерческого успеха журнала является соответствие транслируемых журналом гендерных смыслов представлениям о мужественности и женственности, разделяемым читательской аудиторией. Печатный характер журнальной прессы, где информация передается посредством текстов и визуальных образов, открывает широкие возможности для изучения гендерных особенностей в данном типе дискурса [5, с. 3 – 10].

В российской и зарубежной лингвистике накоплен определенный опыт изучения языкового конструирования гендера в различных средствах массовой коммуникации – печатных СМИ (А. В. Кирилина, Е. С. Гриценко, А. О. Шатова), Интернете (Т. Н. Захарова), рекламе (М. В. Томская, М. Д. Городникова).

Несмотря на разнообразие тематики, материала и подходов к изучению гендера, работы, посвященные конструированию гендера в прессе, не носят комплексный характер: в большинстве случаев они ориентированы на один журнал или на одну проблему. Имеет место количественная диспропорция (преобладают исследования, посвященные конструированию женственности); практически отсутствуют работы, изучающие репрезентации мужественности и женственности в гендерноориентированной прессе. Сравнение языковых средств конструирования мужественности и женственности, как правило, не проводится.

Материалом для исследований, представленных в данной статье, послужили популярные глянцевые журналы *Men's Health* и *Cosmopolitan*.

В данной статье предложен анализ жанрово-тематического своеобразие, анализ лексических, морфологических, синтаксических и стилистических особенностей рубрики «Письма читателей», а также визуального ряда данной рубрики в мужских и женских глянцевых журналах. Рубрика «Письма читателей» представляет собой письма от читателя газете / журналу, в которых авторы писем выражают свое отношение к какой-то публикации или событию.

Для начала сравним **жанрово-тематическое своеобразие** рубрик «Письма читателей» исследуемых журналов. Мужские журналы отличаются от женских в плане обсуждаемых тем и представленных жанров. К мужским темам рубрики «Письма читателей» следует отнести здоровье и внешность, интерес к автомобилям, отношения с женщинами. Тематика женских бесед обусловлена социальной ролью говорящих: обычно это воспитание детей, отношения с родственниками, мужчинами, друзьями и многое другое. *Cosmopolitan* во многом следует этой тради-

ции. В рубрике «Письма читателей» данного журнала освещаются вопросы, касающиеся моды, ухода за собой, отношений с мужчинами, диет и здорового питания. Также молодую активную девушку интересует карьера, вопросы здоровья, секс, путешествия, светские мероприятия, жизнь знаменитостей. Этим темам в рубрике придается большое значение.

Существуют определённые гендерные различия, которые можно проследить и в заголовках исследуемой рубрики. В частности, заголовки рубрик, посвященные советам экспертов, в мужских журналах представляют собой побуждение к действию (*Ask the docs, Ask Men's Health, Tell Men's Health*), в то время как заголовки аналогичных рубрик женских журналов имеют номинативный характер (*Beauty Q&A, Informer*).

В названиях рубрики «Письма читателей» женских журналов часто встречается идея продвижения косметических товаров и средств, последних новинок в области косметологии: *Promotion: coolTIPS* ↔ *hotBUYS, Beauty book Q&A*, в то время как читатели мужских журналов больше беспокоятся по поводу своего здоровья и интересуются занятием спортом, потреблением полезной пищи: *Ask the Docs on the MH Advisory board*, а также обращаются к разным экспертам по вопросам взаимоотношений с женщинами, при этом часто этими же экспертами выступают сами женщины. Примером тому является рубрика *Ask the Cosmo girl*.

В женских журналах часто встречаются обращения к ведущим рубрики «Письма читателей» по имени: *Fun and Fearless: Are you there, Chelsea?; Ask Irma; Dr. Linda's life skill*, при этом в мужских журналах такие обращения носят более обобщенный характер, так как читатели адресуют свои письма редакции журнала в целом: *Ask Men's Health, Tell Men's Health*.

Необходимо отметить **лексические особенности** текстов статей данных рубрик в мужских и женских журналах.

К абсолютно специфическим чертам языка анализируемых статей женских журналов относятся широкое использование определений, выражающих эмоциональную оценку: *Make sure and grab our third exciting issue of Cosmo Style, packed full of fabulous fall clothes, makeup secrets, and the hottest celebrity trends*.

Кроме этого, женщины чаще, чем мужчины, используют в своей речи междометия: *Whoa, you're jumping to conclusions; The "only" obstacle, huh?*

К тому же эмоциональность женской речи лишний раз подтверждается цитированием поэтов, писателей, а также использованием пословиц и поговорок:

Q: I have a male friend who lives with his girlfriend. Neither my boyfriend nor I like her. She often stays over at a male friend's place and I know this bothers our friend. So I began hanging out with her and, thinking we were real friends, she confided that she has sex with the other guy and he says he loves her. Should I tell my friend?

A: Shakespeare got it right: "Oh, what a tangled web we weave when first we practice to deceive ..."

A: You know the old saying: When life gives you lemons, make those lemons be your wingmen. In other

words, being with dudes can actually work to your advantage.

Женская речь в меньшей степени насыщена неологизмами и терминами: они употребляются только в тех случаях, когда без них невозможно описать какое-либо явление. Среди самых распространённых случаев использования терминов в текстах статей является совет или консультация врача-специалиста по применению нового медицинского препарата, реклама косметического средства и прочее.

Q: My guy's been getting hair in some unwanted places lately. Can he use my hair-removal cream?

A: This cream contains a higher concentration of calcium thioglycolate than the women's formula does, so it'll remove his stubborn patches in about eight minutes, says New York dermatologist Brad Katchen.

Мужчины менее открыты в своих эмоциях и чувствах, чем женщины. Поэтому в мужских беседах редко можно встретить эмоционально окрашенные лексические единицы.

Q: Since I started cycling I've been getting pains in my legs, back and wrists. What am I doing wrong?

A: Wrist and hand pain is caused by riding overstretched or with the saddle angled down. Pain in the neck and shoulders is from being over-extended – your saddle is too high and your handlebars too wide or narrow for your shoulders.

Кроме того, мужчины часто употребляют терминологическую лексику и легко используют новые слова:

Q: What kind of bread is the most nutritious?

A: First off, ignore the advertising copy on the front. Flip around to the ingredient list. Is the first ingredient a whole grain? Does each slice have 2 or more grams of fiber? Do "inulin" or "polydextrose" show up? The correct answers are yes, yes, and no.

Рассматривая **стилистические особенности** рубрики «Письма читателей», следует отметить, что преимущество **тропов и стилистических фигур** в журналах *Cosmopolitan* и *Men's Health* определить трудно, так как использование художественных средств является основной характеристикой публицистического стиля.

Так текстам статей рубрики «Письма читателей» в мужских журналах характерно использование сравнений, при этом часто данные сравнения связаны с представительницами прекрасного пола. Мужчины предпочитают сравнивать женщин с животными:

Q: What are the essential purchases for a sizzling bedroom encounter?

A: Whether your paramour is a shy kitten or an insatiable tigress: you will tame them all with fresh bed linens and fluffy bath sheets.

Также мужчины уделяют большое внимание своему телу, мускулатуре и поэтому многие сравнения связаны с данной темой:

Q: I have chicken legs. What is the best way to build my calf muscles?

A: The same way Arnold built his: isolation. Before he was Mr. Olympia, Schwarzenegger cut the legs off his sweat pants targeted his skinny calves until they looked as buff as his upper body.

В текстах статей рубрики «Письма читателей» мужских журналов встречаются и метафоры:

Q: An old flame wants to fly in to visit. It'd be fun, but I don't want to date her. Do I say yes?

A: Before you raise her hopes and drag her across the plains, make sure she knows that the only thing she'll rekindle is a fast-burning flame.

В *Cosmopolitan* используются более разнообразные тропы и стилистические фигуры:

– эпитеты: *unhealthy relationship, dirty talk, serious research*;

– метафоры: *"A recipe for dining-out success"*;

– сравнения: *"... and I'm starting to feel like a sex maniac."* *"As any Beyonce fan (like me!) knows, it's typically the chick who's more eager for the dude to put a ring on it."*;

– градации: *"Uh, here's what's wrong: stringing this poor guy along. He's been hanging in there, hoping you might upgrade his status from "good friend" to "good Lord, why didn't I sleep with him sooner?"*

При рассмотрении **морфологических особенностей** текстов статей журналов, особое внимание уделялось использованию личных и притяжательных местоимений.

Самое частотное местоимение, которое используется в текстах статей, является местоимение *you*, с помощью которого происходит обращение ведущего рубрики к читателю.

Эксклюзивное использование местоимения *we* отражает роли участников коммуникативного акта: редакция позиционируется как отправитель сообщения (автор текста), читательская аудитория – как получатель сообщения.

Every month, we answer a bunch of your burning beauty questions.

Инклюзивное использование местоимения *we* создает иные дискурсивные позиции («мы – женщины», «мы – мужчины»), где женственность или мужественность является первостепенной социальной и культурной категорией, объединяющей читательскую аудиторию и редакцию. Как правило, контекстом инклюзивного использования местоимений являются эпизоды из личного опыта ведущего рубрики «письма читателей» или из жизни его/ее семьи; предполагается, что подобные случаи из жизни знакомы читателям, а местоименные формы служат цели эмоционального сближения (солидаризации) ведущего рубрики и читательской аудитории [5, с. 19]:

Q: My boyfriend is insecure because the last person I dated had a reputation for being big ... down there. The thing is, I am way more attracted to my current boyfriend and think he's much better in bed. How can I convince him of that so he stops worrying?

A: For better or worse, guys base a lot of their self-worth on what's dangling between their legs. And if we feel as though we're lacking in that department, it can destroy our confidence.

Подобно женским журналам, мужские журналы последовательно конструируют образ гетеросексуальной мужской идентичности при помощи личных местоимений третьего лица; женские журналы вписывают мужчину в картину жизни женщины местоимением *he* и *his*, а в мужских журналах местоимения

женского рода *she* и *her* позиционируют женщину как неотъемлемую часть мужского мира.

Кроме этого, при анализе текстов статей рассматривались и **синтаксические особенности**. Анализируя тексты статей журнала *Men's Health*, была выявлена закономерность – обилие бессоюзных предложений или сложных предложений с разными видами синтаксической связи, включающих, в том числе, и бессоюзную.

Также отличительной чертой мужского синтаксиса ученые считают вводные конструкции, призванные упорядочивать информацию.

Q: My partner and I are trying for a baby. We'd really like a son. Is there any way we can turn the odds in our favour?

A: First, some GCSE biology: "The male sperm is the determining factor of the gender of the child", says embryologist Dr Sheryl Homa. "The Shettles method was developed in the 60-s and is based on the observation that Y-bearing sperm (the boys) behave differently to X-bearing sperm (the girls) – most notably they are faster. Therefore, if you want a boy, you should make love as close as possible to the day of ovulation, allowing the faster Y-bearing sperm to reach the egg first." But don't buy the blue paint and toy cars just yet. "The vast majority of studies show no clear evidence that it works," says Homa. And anyway, why limit the amount of time you can have sex? Girls can play football, too.

Следующей особенностью мужской речи являются ссылки на авторитеты. Это может проявляться в прямой цитации. Ссылка может указывать даже не на конкретное авторитетное лицо, а на ученых в принципе.

Q: Are there any cons to a raw food diet? I might try it out.

A: The Hippocrates Institute in Florida recommends a diet that is 80 % raw and 20 % cooked.

Ссылки на авторитетные источники прослеживаются во многих ответах ведущего, такое обилие обращений к чужому мнению является следствием мужского стремления к точности и достоверности.

Еще одним выражением стремления к объективности и достоверности является использование сносок.

Q: Is deodorant with silver ions the best way to combat body odor? Rich, Peru, IL

A: It depends on how much you sweat. Silver compounds act as antibacterials, something the pioneers (who dropped silver coins into milk to keep it fresh) figured out. "The silver ions in deodorant attack the bacteria that thrive in sweat and cause body odor," says Val Edwards-Jones, Ph.D., a professor of medical microbiology at Manchester Metropolitan University, in England.

Отличительной чертой женского синтаксиса является большое количество простых восклицательных предложений, что говорит о большей эмоциональности и экспрессивности женской речи.

You've nothing to be ashamed of!

В женском издании сноски и ссылки отсутствуют. Даже если при написании статьи автор и обращался к помощи специалиста в той или иной области, то читатель узнает об этом лишь в самом ее конце – под под-

писью автора обычно следует благодарность за помощь в подготовке материала. В самом же тексте это никак не выражается: вся статья пишется без использования цитат.

Source: Katherine Alley, MD, Medical Director of Suburban breast center in Bethesda, Maryland.

Заключительным этапом исследования является анализ **визуального ряда** рубрики «Письма читателей» журналов *Cosmopolitan* и *Men's Health*, который образуют коды передачи информации.

Выделим следующие **коды передачи**, которые определяют первоначальные условия восприятия, необходимые для последующего формирования образов (формат страницы, шрифт, частота строк).

Cosmopolitan и *Men's Health* издаются в двух вариантах формата: стандартный размер (полоса = A4), а также специальный уменьшенный вариант. По статистике, журналы стандартного размера приобретаются реже, но при подписке вам доставят журнал стандартного размера для домашнего чтения. Женщины выбирают специальный уменьшенный вариант журнала *Cosmopolitan*, так как он весит меньше и легко помещается в женскую сумочку. Мужчины также предпочитают покупать *Men's Health* маленького формата для того, чтобы положить его в бардачок своего автомобиля или в небольшую спортивную сумку.

Следующим кодом передачи является шрифт. Для рубрики «Письма читателей» как в журнале *Cosmopolitan*, так и в журнале *Men's Health* характерно использование стандартного шрифта. Размер шрифта заголовка рубрики более крупного размера по отношению к шрифту публикуемого вопроса и ответа, часто с применением жирного начертания. Кроме этого, заголовки рубрики выделяются разным цветом. Чтобы выделить вопрос читателя, перед ним публикуется Q (question), выделяется текст вопроса жирным шрифтом или цветом. Текст ответа пишется чёрным шрифтом на белом фоне, перед которым публикуется заглавная A (answer).

Таким образом, после проведения данного исследования были выявлены следующие гендерные особенности рубрики «Письма читателей» в мужских и женских глянцевах журналах:

– отличия в плане обсуждаемых тем статей рубрики «Письма читателей» в мужских и женских журналах, которые обусловлены спецификой мужских и женских интересов;

– женская речь более эмоциональна и экспрессивна, в ней реже встречается использование терминов, неологизмов, по сравнению с мужской. Мужчины же чаще скрывают свои чувства и эмоции. Мужская речь сопровождается подтверждением фактов, цифрами, процентным соотношением и терминологией.

– в текстах статей женских журналов встречается более разнообразное использование тропов и стилистических фигур, что также отличает женскую речь от мужской.

– для женской речи характерно использование простых восклицательных предложений, в то время как для мужской речи – обилие сложных предложений, использование вводных конструкций, ссылок и сносок.

Литература

1. Городникова, М. Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе (на материале брачных объявлений) / М. Д. Городникова // Гендерный фактор в языке и коммуникации: сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 446. – М., 1999. – С. 39 – 40.
2. Гриценко, Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. С. Гриценко. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.
3. Захарова, Т. Н. Семиотические средства выражения гендера в тексте на электронном носителе (на материале немецких чатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. Н. Захарова. – М., 2006. – 27 с.
4. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты массовой коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Кирилина. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/kirilina.htm>
5. Лалетина, А. О. Языковое конструирование гендера в журналах об образе жизни: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А. О. Лалетина. – Нижний Новгород, 2007. – 25 с.
6. Томская, М. В. Гендерный аспект рекламы (на материале социальных рекламных текстов) [Электронный ресурс] / М. В. Томская. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/tomskaya.htm>
7. Шатова, А. О. Гендерные особенности мужских и женских журналов [Электронный ресурс] / А. О. Шатова. – Режим доступа: http://www.yspu.yar.ru/images/7/77/Шатова_статья.doc

Информация об авторе:

Лазеева Наталья Васильевна – соискатель кафедры английской филологии № 2 ФГРФ Кемеровского государственного университета, учитель английского языка МБНОУ «Гимназия № 18» г. Ленинска-Кузнецкого, 8-906-929-2633, lazeeva-natasha@mail.ru.

Lazeeva Natalia Vasilievna – post-graduate student at the Department of English Philology of № 2 of KemSU, English teacher at Gymnasium № 18, Leninsk-Kuznetsky.

УДК 801.56

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИЙ ПЕРСУАЗИВНОСТИ И АВТОРИЗАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ З. Р. Латфулина

THE CONNECTION BETWEEN PERCEPTION AND AUTHORIZATION CATEGORIES IN THE DIALECTAL SENTENCE Z. R. Latfulina

В статье исследуются квалификативные модусные категории персуазивности и авторизации. Устанавливается взаимосвязь указанных категорий в диалектном высказывании.

The article analyzes the qualifying modus categories of perception and authorization. The connection between these categories in the dialectal sentence is established.

Ключевые слова: квалификативная модусная категория, персуазивность, авторизация.

Keywords: qualifying modus category, persuasion, authorization.

В последнее время в центре внимания лингвистов оказывается говорящий субъект, его отношение к действительности, к используемым языковым средствам, его речевые установки, языковая картина мира. В связи с этим пристальное внимание ученых направлено к проблеме субъективной модальности, отражающей различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания.

Известно, что говорящий постоянно оценивает окружающий мир; всё, что касается непосредственно субъекта, может быть оценено. В этом круге оцениваемых сущностей не последнее место занимает получаемая или сообщаемая информация, причем оценивание её идет с самых разных позиций. Нас интересуют в этом плане два типа оценки:

1. Оценка говорящим объективного содержания высказывания со стороны его достоверности/недостоверности, выражение уверенного или неуверенного

знания; для обозначения этой оценки в языкознании употребляется термин «персуазивность» [14].

2. Оценка говорящим источника излагаемой информации. Г. А. Золотова, Т. В. Шмелева для передачи этого значения употребляют термин «авторизация» [7; 14].

В статье мы проследим, как взаимодействуют модусные категории – авторизация и персуазивность – в диалектном высказывании. Под термином «высказывание» мы понимаем единицы, имеющие структурные схемы, парадигму, семантическую структуру. В содержательном плане высказывание отличается от предложения тем, что, кроме структурной схемы, оно характеризуется модально-коммуникативной направленностью [5, с. 90].

В качестве источников использовался иллюстративный материал диалектных словарей: ВС – Вершинский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск,

1999. Т. 1; 1999. Т. 2; 2000. Т. 3; 2001. Т. 4, Т. 5; 2002. Т. 6, Т. 7; СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В. В. Палагиной. Ч. 1; ч. 2. – Томск, 1975; СС – Среднеобский словарь (дополнение) / под ред. В. В. Палагиной. – Томск, 1983–1986. Ч. 1 – 2; ПССГ – Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О. И. Блинова. – Томск, 1992. Т. 1; 1993. Т. 2, Т. 3; 1995. Т. 4; ОСК – Областной словарь Кузбасса / под ред. Э. В. Васильевой. – Кемерово, 2001. Вып. 1; СГК – Словарь русских говоров Кузбасса / под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.). – Новосибирск, 1976; СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Т. 1 – 4 / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск, 2001; СРГН – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск, 1979; МДС – Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / под ред. О. И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. Т. 1; 1983. Т. 2.

Персуазивность и авторизация относятся к модальным категориям высказывания и исследуются в работах таких ученых, как В. А. Белошапкова, Т. В. Шмелёва, А. Г. Етко, Г. Г. Лилова, Г. А. Золотова, М. Ф. Шацкая, С. П. Ламбарджян, И. А. Нагорный, О. Н. Копытов и др. Персуазивность и авторизацию рассматривают среди квалификативных модальных категорий (наряду с оценочностью), задача которых – квалифицировать предлагаемую информацию с авторских позиций [14].

Категорию персуазивности формирует «оценка говорящим объективного содержания высказывания со стороны его достоверности / недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания» [3, с. 772]. Имеется в виду субъективное отношение говорящего к высказыванию, а не достоверность/недостоверность как объективное свойство информации, подлежащей проверке [14]. В. А. Белошапкова относит персуазивность к обязательным субъективным значениям, входящим в содержание каждого высказывания, отмечая при этом, что, обязательная в плане содержания, эта категория довольно редко проявляется в плане выражения, и, объясняя это тем, что специальных показателей требует только неуверенность автора в достоверности предлагаемой им информации, уверенность же как нормальное положение дел никакими сигналами не сопровождается [3].

Показатели персуазивности в литературном языке хорошо известны. Это в основном модальные и вводные частицы, наречия и адverbиальные обороты типа *верно, вероятно, вряд ли, должно быть, как будто, кажется, может быть, наверно, по-видимому, якобы* и т. д. Сюда же относятся разнообразные средства выражения иронического отрицания, в том числе синтаксические, ср.: *Так он и пришел; Придет он, держи карман шире; Бросил он курить, как же* [1, с. 137].

В плане выражения категория персуазивности в говорах проявляется достаточно разнообразно. Эксплицитными показателями недостоверности в диалекте выступают:

а) модальные слова (*авось-небось, бышино, бышет, верно, видам/по видам, видать, видимо, видко, видно/как видно, возможно, вроде/вроде бы, глядишь,*

должно быть, кажется, кажись, мабуть/мобыть, мож/моя/може/может/может, мож быть/моя быть/може быть, может быть/может быть, может стать, можечки, наверно, нечай, никак, однако, однакось, однакоче, по-видимому, поди/поди как, подикось, пожалуй, по-моему, ровно, чать), выражающие предположительность высказывания, вероятность его, неуверенность в точности излагаемой информации: *Мне **кажется** хорошее кино* [«Рабыня Изаура»]. *Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и то же повторяется перед серией* (В I, с. 231); *Она **итравилась** [рыба]. **Может**, **кака** вредительства* (В I, с. 237); *А тут один раз у меня были куры. Ну, это уж давно, **поди**, десять лет прошло* (В V, с. 168); *Он **прилетел-то**, Господи, **ешо** пьяне **бышино** стал. – Дурной! Как налетат. Ребенка возит* (В I, с. 146); *Она, **видно**, из зыбки упала, горб вышел* (В I, с. 265); *А потом, **видать**, остыл, и у его пошел минингит, сделался, головы* (В I, с. 192); *А семечки я как-то пыталась, семечки эти вот, которые покупали. Эти, **видимо**, нам не идут. Они нисколько не вызревают* (ОСК I, с. 55); *Двадцать копеек, **видко**, чебаки* (СРСГ I, с. 151); *К нам, **чать**, Катерина приезжала, царица така была; Он поехал в Томск, а за ним, **чать**, следили; Ну разбил парнишка два-три стекла, беда, убыток! **Чать**, не нарочно* (СС II, с. 190); *И мы, **никак**, второй-то не взяли; Еды, говорят, **никак** больше* (ПССГ II, с. 215).

б) модальные частицы (*будто/быдто, вроде/вроде бы, как вроде/как вроде бы/вроде бы как, как-то вроде, будто как вроде, вряд ли, где (де), едва ли, или где (ли), или как (ли), или чё (ли), как бы (не), как вот (от), ли/ли где, ли как ли, ли нет (ли), ли чё (ли), ли-бо/либо как, либо чё, небытцым, небось*) часто в сочетании с местоименными наречиями и другими частицами): *У нас в деревне принято так, что брали из семьи в семью. **Вроде** родство-то было, а сё равно брали* (В I, с. 239); *Ну её [ягоды черники] много было. Ну **счас-то** **едва ли** наберёшь. Счас мало стало; Молодежь **едва ли** поют [частушки]; Всё так, ерунда, всё мелочь, что ни вспомнишь, и то **едва ли** вспомню* (В II, с. 176); ***Небытцым** ты не знаешь куда я ходила?; **Небытцым** **дож** мелкий, сож такой был* (СРГН, с. 328).

в) слова и сочетания, ситуативно выполняющие функцию показателей неуверенности: *не знаю, токо слыхала так, правда ли неправда, правда ли нет, почём знать, кто его знает и др.: Он и не краснопрутник, а я вот как объясню, **правда ли неправда; Не знаю, правда – нет**, он говорит, что мы триста брали, дак мы их [рубли, деньги] положили* (В V, с. 344); *Стрелка (стрекоза) – у ней, как у самолёта, крылья, четыре крыла, то ли она на стрелку похожа, **не знаю*** (МДС II, с. 220).

Для экспликации значения недостоверности активно используются языковые средства, обслуживающие другие модальные категории, прежде всего авторизацию. Значение неуверенности в достоверности информации может быть внесено в высказывание при помощи показателей авторизации (как с семантикой «своя информация», так и «чужая» – *по-моему, мне кажется, я думаю, говорят, мол* и т. д.).

Авторизация – традиционный термин современного языкознания: им, начиная с публикаций Г. А. Золотовой, оперируют в течение нескольких десятилетий. Суть авторизации, по мнению Г. А. Золотовой, состоит в том, что «разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами, в предложение вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и характер восприятия» [7, с. 263 – 264].

Идея авторизации восходит к работе Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка», в которой изложены представления на номинативную природу предложения как на двухчастную, где одна из частей (диктум) «коррелятивна процессу, образующему представление», то есть выражает сообщение о действительности, а вторая (модус) содержит «выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [2, с. 44].

Наряду с прочими субъективными смыслами, такими, как оценочность и персуазивность, авторизацию называют «падежом парадигмы» модуса высказывания [8] и определяют как квалификативную категорию, предполагающую два обязательных параметра информации:

- а) своя/чужая по отношению к автору,
- б) источник информации, что существенно в плане уверенности/неуверенности автора в ее достоверности [14].

Это значит, что источником информации является или сам говорящий («свое») (*Недослышал он... я думаю, может, по породе: у нас мама глуха* (В II, с. 30)), или кто-то другой, не говорящий («чужое») (*Ботать рыбу не говорили. Мож, где и говорят. Везде всё по-разному* (СС II, с. 28)). Как отмечает Т. В. Шмелева, «в языке за стандарт принято изложение информации “от себя”, поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев – изложения чужой информации, цитирования» [14, с. 36]. Эти показатели могут быть минимальны – *мол, де, дескать, говорят*, а могут быть более информативными – *как говорят в народе, по общению авторитетного источника* и т. д. Средствами авторизации могут быть предположно-падежные формы имени (*для него, по его мнению*), двусоставные глагольно-именные модели (*я вижу, мы наблюдаем, он считает*), «обезличенные» варианты с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т. п.) [7, с. 263 – 264].

Категория авторизации, имея некоторые точки пересечения с другими модальными категориями, имеет с этими категориями то общее, что все они «указывают на эпистемическое пространство говорящего и тем самым относятся к эгоцентрическим элементам языка» [10, с. 73].

Персуазивность пересекается с авторизацией, так как имеет с ней общие средства выражения. Это обусловлено тем, что авторизация представляет собой модусную категорию, с помощью которой «излагаемая информация квалифицируется в отношении источников или способов ее получения» [15, с. 90]. Раз-

ные способы получения информации по-разному воспринимаются по отношению к их надежности; «чужое» всегда менее достоверно, чем «свое», поэтому «авторизационные показатели часто являются показателями отрицательной персуазивности» [15, с. 92]. Сотрудничество авторизации и персуазивности отмечает Т. В. Шмелева: «за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому «чужая» всегда под некоторым сомнением, отсюда естественность таких комплексных показателей, которые служат одновременно обеим категориям, например, ‘якобы = чужая информация + не уверен в достоверности’» [14, с. 37]. Значение авторизации сближается со значением недостоверности общей семой «наличие информации, подвергаемой обработке».

Рассмотрим взаимодействие категорий персуазивности и авторизации на некоторых примерах.

Характеристика образа автора по участию/неучастию в описываемых событиях влечет за собой проявление категории персуазивности: *Я уже беру из рассказов мамы; Мама сказала как будто бы* (В II, с. 277); *Выступил Вершинин Федор Васильевич, который сказал, что, мол, работать она сможет* (ПССГ II, с. 149).

Показатели авторизации используются в тех случаях, когда есть указание на источник информации, что в ряде случаев связано со стремлением говорящего снять с себя ответственность за неверно высказанное суждение: *На тех ничё не говорили, а на меня всё-всё говорили, будто бы* они мне вот это место стригли, цыгане; *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли [ребёнка]* (В I, с. 132). В подобных высказываниях есть показатели чужой речи (*родня, гыт, говорит* и др.). Модальные союзы *будто / будто (бы)*, *как будто бы* употребляются в значении пересказывательности, вводят чужую речь и подчеркивают ее недостоверный характер. Отметим, что значение недостоверности у таких союзов является неосновным, добавочным. Оно наслаивается на основную реляционную функцию.

Для выражения значения авторизации и персуазивности употребляются также омонимичные союзам частицы: *Будто она, гыт, пьяна была* (В I, с. 132); *Мама сказала как будто бы* (В II, с. 277). Для частиц основным остается значение кажимости, сомнения, мнимости то есть персуазивная семантика, в то же время они обязательно маркируют речь как чужую, не принадлежащую говорящему, то есть сближаются с авторизационными показателями. В высказываниях такого типа ясно ощущается сомнение автора в правдивости информации: автор отстраняется и не берет на себя ответственность за ее достоверность. Говорящий передает информацию, в истинности которой он не вполне уверен, а поскольку коммуникативной нормой является изложение информации, которая не вызывает у говорящего сомнений, то в этом случае диалектоносите́ль должен ввести показатель достоверности с тем, чтобы не нарушить правила речевого этикета.

Такие переходные случаи не единичны. Языковые факты доказывают взаимодействие персуазивности и авторизации, когда маркер авторизации приобретает

персуазивное значение, например: предположительности: *Вот, по-моему, это недавно* [кто-то сказал], *что надо вам к старушке, вот и всё* (В III, с. 316); *По-моему, из березника не строят* [дома]. *Нет. Со-сновые, ну а берёзы, по-моему, нет* (ОСК I, с. 174); допущения: *Ну, дескать, нельзя кислым кормить, те-лята пропадают* (ПССГ I, с. 189); мнимости: *Она мне наветки* [намеки] *дает, что, мол, он меня с ребенком взял, дак и жить топерь несчастлива* (ПССГ I, с. 149).

Один из самых оптимальных способов «снять с себя ответственность» за достоверность информации – сослаться на источник сообщения. Причем источником сообщения может быть как конкретное лицо, так и неопределенный, коллективный обобщенный субъект: *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли* [ребёнка] (В I, с. 132); *Бабье лето* [цветок], *это, подожди, помню бабье лето. Это, по-моему, это его называли* бельземином (ОСК I, с. 71); *Про Ельцина ничё не слышали? Наверно, болтанули* (В I, с. 103); *А у нас одна девушка счас позвоночник изломала. Ну. Говорят, ходить вряд ли будет* (В I, с. 240). В ряде высказываний источник мысли представлен как лицо неопределенное: оно либо неизвестно говорящему, либо сознательно не называется из этических соображений, соображений осторожности и т. д. Особенно часто в этой функции используются безличные и неопределенно-личные конструкции: *го-ворят, болтают, рассказывали* и др.

Комплексное выражение авторизации и персуазивности встречается обычно в высказываниях характеристики или сопровождает событийные пропозиции, отражающие информацию, не подлежащую огласке: *Родня-то говорила, что будто бы они с дет-малютки взяли* [ребёнка]; *На тех ничё не говорили, а на меня всё-всё говорили, быдто бы они мне вот это место стригли, цыгане* (В I, с. 132); *Будто она, гыт, пьяна была* (В I, с. 132); *А, быдто, так бабка гово-рит, что она на меня походит* (СРГК, с. 38) (бытий-ные высказывания); *Сурепка – это вот она в кар-тошке растёт. По-моему, жёлты у неё цветочки* (В VI, с. 428) (высказывание характеристики).

Выделяются высказывания, в которых авторство выражаемой мысли приписывается самому говорящему: *Я во сне вижу: гряда вот така, така вот, метру, наверно бы, шириной* (В I, с. 141) (автори-зующая модель с глаголом зрительного восприятия подчеркивает «авторство» высказывания); *Я ей всё говорила: «Валя, при худым [муже] худо и без худого худо. Как-то жить надо. Может, он в ум войдёт»* (В I, с. 214); *Одни мёд купили, говорят, что с саха-ром. Я думаю: может, таперь сел, скрунулся* (В VI,

с. 266); *Эту Вальку-то увезли в город. Слышала, она, наверно, помрёт: приступ с ей сделался* (В VI, с. 203).

Значение авторизации таких высказываний часто контаминируется с персуазивным:

– *Зимой раньше, по-моему, не ловили, давно уже стали ловить; Вот, по-моему, это недавно* [кто-то сказал], *что надо вам к старушке, вот и всё* (В III, с. 316). Вводное *по-моему* – это не только и не столько указание на источник сообщения, но и сигнал того, что говорящий не настаивает на своей позиции, не навязывает свою точку зрения.

– *А мне кажется, ничё не страшный котёнок. Так только досадливый* (В II, с. 153); *Как-то мне кажется, там есть глубока яма. Ну, может, сяс замыло, там всегда глубоко было* (В II, с. 28); *Мне вот кажется, кода женщина заматерится, как курица запоёт по-петушьи, равносильно тому* (В VI, с. 19); *Мне кажется хорошее кино* [«Рабыня Изаура»]. *Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и тоже повторяется перед серией* (В I, с. 231). Поскольку «авторство мысли говорящий приписывает себе, он осознает достаточную степень ее субъективности, допускает ее ошибочность, прибегает к развернутому обоснованию в контексте, что и сближает высказывание с персуазивным» [11, с. 97]. Конструкции *мне кажется, по-моему* могут не только свидетельствовать о неуверенности в собственных оценках, но и оказываться «фигурой скромности», отказом от безапелляционности в суждениях. В то же время, по замечанию Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, «если произнести эти обороты с акцентным выделением, они могут использоваться для активного и, возможно, самоуверенного противопоставления своего мнения мнению других» [4, с. 302].

Итак, одними из наиболее частотных модусных смыслов диалектного высказывания являются авторизация и персуазивность, определяемые как квалификаторы сообщаемой информации в определенных аспектах с авторских позиций. Мы попытались описать взаимосвязь категорий персуазивности и авторизации в диалектном высказывании. Указывая на эпистемическое пространство говорящего, авторизация и персуазивность являются тесно взаимодействующими модусными смыслами: автор восприятия, речи-мысли является в то же самое время и субъектом, выражающим точку зрения на достоверность сообщаемой информации. Оценка достоверности информации в значительной степени определяется тем, каков ее источник и насколько сам говорящий доверяет данным, почерпнутым из этого источника.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография труда. – 767 с.
2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М., 2001. – 416 с.
3. Белошапкова, В. А. Синтаксис / В. А. Белошапкова // Современный русский язык. – М., 2003.
4. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997.

5. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973.
6. Етко, А. Н. Категория авторизации в аспекте функционального подхода / А. Н. Етко // Вестник Ставропольского государственного университета. Серия Филологические науки. – 2008. – № 56. – С. 80 – 88.
7. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – 2-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2005.
8. Копытов, О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Копытов. – Владивосток, 2003. – 27 с.
9. Корди, Е. Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) / Е. Е. Корди // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всероссийской научной конференции (26 – 28 сентября 2001). – СПб.: Наука, 2001.
10. Майсак, Т. А. Пространства говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом / Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5.
11. Орехова, Е. Н. О субъективной модальности эвиденциальности / Е. Н. Орехова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2012. – № 2.
12. Шамина, Л. А. Средства выражения персуазивности и оценочности в тюркских языках Южной Сибири / Л. А. Шамина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 4. – С. 20 – 25.
13. Шацкая, М. Ф. Авторизация и персуазивность при формировании языковой игры / М. Ф. Шацкая // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 28 октября 2008 года, II. – Уфа, 2008. – С. 327 – 330.
14. Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т. В. Шмелева. – Красноярск, 1988. – 54 с.
15. Шмелева, Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984.

Информация об авторе:

Латфулина Зульфья Раифовна – аспирантка кафедры русского языка Томского государственного университета, преподаватель МБОУ «Лицей № 81», г. Новосибирск, 8-923-603-9948, lazur811@rambler.ru.

Latfulina Zulfya Raifovna – post-graduate student at the Russian Language Department of Tomsk State University, teacher at Lyceum № 81, Novosibirsk.

УДК 801.161

СТАНОВЛЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ДОШКОЛЬНИКА, ОТРАЖЕННОЕ В РЕЧИ

Н. Б. Лебедева, Е. К. Макаренко

THE FORMATION OF THE PRESCHOOLER'S PICTURE OF THE WORLD REFLECTED IN THE SPEECH

N. B. Lebedeva, E. K. Makarenko

Публикация выполнена при поддержке Гранта РГНФ 12-14-42001а.

Целью данной статьи является описание того, как в речи дошкольника отражается становление определенной картины мира. Материалом послужили записи речи мальчика Димы пяти лет, сделанные на протяжении трех дней. Общий вывод, сделанный на основе анализа речи выбранного объекта изучения, заключается в том, что наиболее характерными признаками картины мира данного ребенка в данный момент развития являются: эгоцентризм, маскулинность, элементы мифологического мышления, познавательный рационализм.

The purpose of this paper is to describe how a preschooler's speech reflects the formation of a certain picture of the world. Three days' voice recording of a 5-year old boy, Dima, served as the material. The overall conclusion from the chosen boy's speech analysis is that there are four most characteristic features of the child's picture of the world at this stage of development: self-centeredness, masculinity, the elements of mythological thinking, cognitive rationalism.

Ключевые слова: речь дошкольника, становление картины мира.

Keywords: preschooler's speech, formation of the picture of the world.

Целью данной статьи является изучение того, как в речи дошкольника отражается становление картины мира. Эта проблема вызывает большой интерес, о чем свидетельствует значительная литература, например [1; 2; 3]. Материалом послужили записи речи мальчика Димы пяти лет, сделанные на протяжении трех

дней. Велась запись естественных, непринужденных текстов в условиях контакта собирателя с избранным объектом при помощи технических средств (диктофона) и частично ручной записи речевых произведений ребенка. Непосредственное общение с ребенком дало возможность прямого наблюдения над личност-

ными характеристиками информанта, его образом жизни, поступками, кругом общения, что позволило соотнести вербальную речь мальчика с лингвопрагматической составляющей.

Гипотезой нашего исследования является положение о том, что в речи конкретного ребенка проявляется становление картины мира, характерными чертами которой являются как типовые возрастные и гендерные, так и личностно-индивидуальные признаки.

Начнем с выделения **тематических сфер речи и функциональных типов речевой деятельности**, в которых представим материал, собранный методом сплошной записи трехдневных речевых проявлений ребенка. Мы приводим не сплошной говоримый текст, а объединение разных в пространстве и времени текстов, поскольку они разбиты на тематические сферы и функциональные типы речевой деятельности. Мы выделили две тематических сферы – межличностных отношений и бытовая, и два функциональных типа речевой деятельности – творчески-игровая и объяснительно-познавательная.

1) К **межличностной сфере** относятся отношения в семье и в детском саду. Это очень важная для ребенка сфера, поскольку это тот мир, в котором он живет, во взаимоотношении с которым он осознает свое место в мире, в результате чего происходит его самоидентификация. Отношения **с мамой и бабушками**: *Мам, а я тебя люблю. А ты меня любишь? Я тебя люблю бесчисленное число. А ты меня? Тоже? Значит, мы одинаково любим друг друга. А я тебя люблю бесчисленное количество бесчисленного количества. А кого ты больше любишь, меня или Ники (брата)? Я сам! (Бабушке) Мне у вас больше всех нравится! Я это подарю бабе Нате, бабе Свете, деду Коле. Сколько еще ждать? Только 20 минут!; с братом Ники: А Ники может со мною никак не дружить? Если я к соседям уйду, как Ники будет дружить со мною? Ну, это просто я сказал, чтобы узнать, чтобы Ники делал, если бы я ушел к соседям? Ники повторяет за мной. Ты повторяешь, и я буду повторять за тобой. А почему Ники плачет из-за Феди? Нет, все игрушки (убирай). Ники не хочет играть. А Ники разрешит взять его лазер? Ники говорит про все, что я делаю, что это ерунда. Ники, не говори больше, что это ерунда. Ники дразнится, дразнится; с миром детского сада: Мне в детском саду не нравится. Федя со мною не игрался сегодня. Перестань, а то стукну. А что мне делать завтра? А в детский сад я пойду завтра? Не знаю, я еще болею.*

2) **Бытовая сфера** определяет место ребенка в мире вещей, со стороны их пользы, вреда, удобства и безопасности, со стороны возможности ими управлять (часто через посредство взрослых), а следовательно – управлять миром. Она представлена следующими высказываниями, которые мы распределили по сущностным для ребенка темам. **Тема еды**: *А где мое потертое яблоко? А можно я буду есть маленькое целиком? Почему-то другой вкус яблока? Доешь яблоко! Доешь! А можно сока? Дай попить! Пить хочу! Дай мне лапшичку! А лапшичка варится? Можно мне зефир? А то я еще не доел. Почему орех горький? Можно колбаску? Хочу курочку. Мама, а знаешь что? Куда ты печенюшки дела? Тогда я буду*

*яблоко есть. А потерять его или целиком съесть? Только сейчас. У бабы вкуснее каша и в детском саду. Ну, ладно, ну давай! Но выбирай, что-нибудь одно, либо котлеты, либо кашу. Но маленькую, не такие, какие ты показала. А дай мне маленькую! Либо ты дашь, либо я не буду! Что там лопается? (о варящемся яйце) Не нужно было солить! А то не очень вкусно. А то она стала более невкусная. Нет, мне не понравилась. А что, все сковородки соленые? Вообще лучше не солить. Мне она не нравится, когда в кашу ее добавляют, не нравится. Дай еще. Мама. Я люблю кашу без соли и сахара. И чай без сахара полезен. В соли что содержится полезное? Я помню, что есть что-то. Или в сахаре, или в соли. Да. В соли. А еще я ем кашу без сахара, без соли и без меда. А лучше всего все делать сладким с медом. Дай мне пить! С медом? А «Растишку»? Я пить хочу. А «Растишку»? Все, теперь потерял мне яблоко! Я уже чистил (зубы), попил сок и чистил. **Тема одежды**: *Одень меня! А что, у нас с Ники одинаковая одежда? Тема вещей: Дай мне спичку! Поставь мультики! Включи свет! Можно я буду спать со своими болтиками? Мама, заряди мне! У меня тоже сломался (пистолет). Не нужно его чинить. Пап, хватит, не нужен пистолет! У всех сломался пистолет. Идем снова играть. А у меня будет хлопушка? А можно мы пойдем к бабе Свете и купим охотничьи спички? А почему? А мы никогда в жизни не зажжем охотничью спичку? Можно, я не буду убирать свои поделки? А у меня не ломаются пистолеты, я осторожно с ними. Можно пострелять? Ники большие стрелял. Папа, можно мне бенгальский огонь зажечь. Папа разрешил зажечь бенгальский огонь. О котлетах гречневых (вместе с познавательной функцией): Я знаю, я это видел. Я не знаю, может, мне это понравится, а может, нет. А чем их лепить? А если я попробую их сделать? Я сам могу хлеб пожарить лазером. Я хочу что-нибудь лазером пожарить. (Поставил батарейку на яблоко) Здорова, что она стоит.**

3) **Творчески-игровая деятельность**. Игра, как известно, один из основных видов деятельности ребенка, через которую он осваивает мир, перерабатывая свои знания, впечатления, вырабатывая модели реакций и поведения в целом, в игре ребенок моделирует свой особый мир. Мы выделили несколько игровых тем, характерных для Димы в данное время. **Игровое отношение к вещам, игровая переработка образов из фильмов и книг**: *Болтики, мои любимые болтики. Идите ко мне, болтики. Это болтики. А давай, я нашел нового фиксика. Да, я его поймал. Мама, а можно фиксиков звать? Я с ней воеваю. Как мне его нарисовать (ножик) А вот такой есть ножик? А вот такой? (рисует ножки разной формы). У них миллион, и еще тысяча, а у индейцев только тысяча. Я возьму своего, а ты своего. У меня орешки падают. У меня превратились в перо. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Давай играть. Я буду индейцем. Посмотри, это набор атомов, будто бы изображенные в магнитах. Куда их поставим? На холодильник? Посмотри, как я могу! Посмотри, как нужно ноги согнуть. Нужно, чтобы голова торчала. Вот так. Это мой пистолет. Все, которые перевернуты лягушки, уничтожены. А каким мне цветом играть? А зеленые*

самые синие? Зеленые – это настоящие, гигантские лягушки. Тогда все заново берем трансформеры. Они самые сильные, игрушки. А, они перевернутые, а не мертвые. Этот еще живой и этот. А зеленые как же? Сейчас зеленые пойдут. Ники, сейчас зеленые еще пойдут. Я ими играю. Идут еще два. Ники, нет, все, кто лягушки, я играю. Вот этими лягушками. Если кто-то упал и перевернулся, он умер, а если не перевернулся, то живой. Мои лягушки, которые могут ходить. Она прыгнула. У нее такой огненный меч. Мои будут (уничтожать). Огненный меч у меня есть. Иди ко мне, вы с нами будете. Сейчас полетим. Это огненный меч наш (смех). Это тоже моя была. Роботы бывают. Роботы бывают такие. Ладно. Вот, все лягушки несут. Вот, Ники, посмотри, один человек. Би-би, лягушечки. Я делаю зубочистки, они самые хрупкие. И я. Я всех делаю. Это не плот, это трансформатор, плавательный. Если добрых нельзя убивать, то и злых нельзя. Нет, вот этот тоже живой. У него даже глаза есть. Трансформатор ломается. Но он у меня еще живой. Трансформатор. Трансформатор живой, он плывет к тебе. Он подключает лазер. Он подключает локатор. Нет, у меня нету. Нет, это добрый, который стал злым. Нет, это не инопланетянин. А вот из этого сделаем трансформатор. Трансформатор бывает? Тогда это робот. Ладно, тогда у нас их нету. И лягушек не бывает и инопланетянинов не бывает. Тогда я домики заберу! **Словесное творчество и игры про насекомых**, которые занимают Диму в данный момент его развития: Они (шмели и шершни) трудятся, трудятся и никогда не перестают трудиться. Это трудо-вики, которые трудятся и не перестают трудиться. А мы будем читать про шершня? Шмель любит орехи? Я сам придумал: шершень полетел и с мухой подружился. Я придумаю другое стихотворение и прочитаю Елене Рамильевне (логопед). Шершень улетел, шершень полетел на поле, на цветочек, улетел далеко. Я хочу Елене Рамильевне рассказать. Ж-Ж-Ж- я шмель. Я так бы хотел быть шмелем. Шмель летел, летел, летел, на цветок он сел, сел, сел. Шмель полетел на дерево, а потом домой захотел. Шмель летел домой, домой, домой. Улетел домой, домой. Шершень. Я леплю насекомых. Я сделал улиткин домик. А Ники говорит, что я делаю не очень похожие домики. Я дочиниваю домик улитки. Вот раковина улитки. Ники, можно я потрачу весь черный цвет, это гнездо тарантулов. Вот гнездо термитов, а теперь чье гнездо делать? Еще гнездо тарантулов. Я только гнезда насекомых (делаю). Ники, посмотри, сколько я пластилина израсходовал. Я уже все сделал домики. Ники, найди мне навозного жука! Пока ты не сделаешь, Ники, пока не покажешь навозного жука, не сделаю. А у мышей есть летний и зимний дом. Летний с дырочкой, как в мультике у мышонка Пик. А зимний – нора в земле. Пойдем покажу, какой летний дом я слепил. Это я сам. А то египтяне придут и уйдут индейцы. Ну, вот, мы уходим уже и придут индейцы. Скажем, что мы уйдем и придут индейцы. Они не выйдут и будут отдыхать. А можно я посчитаю домиков. А нас сколько человек знакомых? А гнездов 13. А можно я не буду делать шмелиный домик, потому что не знаю, какой он. А, это дырка в земле. А можно

там еще сделать домик шмеля. Какой домик ты хотела, чтобы я сделал для мышки Пика? А я и сделал летний. Мама, чем мне заняться? А можно мы пойдём на море, мы быловили бы гальяничков. Ну, можно? Я бы камешки покидал бы. Папа, ты поедешь? Мама, да хватит. Все.

4) Объяснительно-познавательная деятельность. Стремясь построить картину мира, Дима нацелен выявлять связи между явлениями, между предметами и их признаками, между предметами и именами, тем самым создавая рационалистическую модель мироустройства. Выделяются следующие темы объяснительно-познавательной деятельности. **Поиск рациональности именования (наивная этимология).**

Почему снежная лавина именно лавина? Потому что она убивает, ловит всех. Я знаю, почему шершень так называется, потому что он шерстяной. А откуда взялось слово потертое? А откуда взялось слово пластмасса? Почему шмель называется шмель? А почему муху называли муху, а комара называли комаром? А что такое жалко? **Мир природы и людей:** Я покажу этого красивого жука деду Косте. Нет! Людмиле Михайловне. Она любит прекрасное – она же женщина. А деду Костя мужчина. А индейцы курят? Мама, Ники нашел крапиву, а я тебя отведу к ней. А шершень – это шмель? А его укусы полезные? А от укуса шершня умирают? А шмель кусается и умираешь? А у нас есть аллергия? Мы спички возьмем и узнаем про шершня. У всех есть домики и у шершней есть. Не могут же они все летать и летать? А можно сделать домик шершневый? Там будет много дырок. Папа, помоги мне найти в книжке шмеля! Где мне найти книжку про шмелей? Я хочу найти, как выглядят шмели настоящие. Я уже моллюсками не интересуюсь, а шмелями. Я вчера даже не вспоминал о моллюсках, а только о шмелях. Шершень – он всех убивает? Мам, знаешь, сомик живет, я постучал и он зашевелился. **Физические свойства предметов:** А мы сможем древний способ использовать, тереть палочки, спички, чтобы появился огонь? Древние вот так терли спички или кремень и появлялся огонь. А каким воздухом надо надувать воздушный шар: горячим, холодным или теплым? А почему он взрывается (о попкорне)? А что такое Красная книга? А когда трешь о серу, бенгальские огни загораются? Я так сильно тру, что сера падает. А что полезнее, яблоко или апельсин? Кто больше полезен? А чем полезен апельсин? А если ее разрезать? Можно ее отрезать? А я и собираюсь ножницами. Маленькими или большими? А про что песня? А есть такая песня? А почему охотничьи спички? А можно человеку их зажигать? Можно спичку охотничью закопать? А она будет гореть. Вот такая охотничья спичка. Они самые лучшие или самые худшие? А есть спички их лучшие? Есть, бенгальский огонь. Он из-за воды не потухает. Мама, долго еще будет? Я знаю, куда Муська дела охотничью спичку. Давай играть! Идем! **Мир чисел:** Смотри, какое количество нулей я нарисовал. Это какая цифра? А сколько ноликов у числа 100? А у бесчисленного числа 2 нолика? бесчисленное количество бесчисленного количества. **Механика:** Я думал, что там батареек нет. А если перегорит, то новые купим. Я думаю, что батарейки где-то там. Они в

этой большой штуке. А там какой механизм? Вот, смотри, видишь, там железная полосочка, там батарейка. Папа сказал. А тут механический? Как ты заряжаешь и он стреляет? Как это все устроено? Но ломать мы точно не будем. Я понял, как работает: пружина толкает его и она выпрыгивает. Мы его выбросили, ножик. Ножик. Он синий, а, нет. Я вижу батарейку, вижу штучку. Посмотри, что я сделал! Я тоже буду слушать. А что?

Общее отношение к жизни, самоощущение Димы отличаются некоторым пессимизмом, на вопросы «Как дела? Как живешь?» его обычные ответы – *«Не очень хорошо, Плохо или Скучно»*. Этот пессимизм можно оценить как «безмятежный», поскольку никакого уныния или неудовольствия жизнью в целом не замечены: он активен, в меру весел, умеет отстаивать свои интересы, в чем проявляет здоровый эгоизм и волю.

Общий вывод, сделанный на основе трехдневных наблюдений над речью Димы, заключается в том, что наиболее характерными признаками картины мира данного ребенка в данный момент развития являются: 1) **эгоцентризм**, 2) **маскулинность**, 3) **элементы мифологического мышления**, 4) **познавательный рационализм**.

Первый из названных признаков является типовой чертой и обусловлен возрастными особенностями нормально развивающегося ребенка, второй отражает гендерное становление, третий и четвертый – во многом индивидуальные черты конкретного мальчика. Эти векторы в определенной степени разнонаправлены, особенно первый (интровертный и субъективный) и четвертый (экстравертный и объективный), второй и третий как бы их соединяют: в воздействии на вещи содержится и субъективная направленность, и объективно-познавательная сторона, а воздействие на людей происходит в своих эгоцентрических целях, элементы мифологизма являются своего рода формой осознания себя как этап выделения себя из общей картины мира. Эти векторы иногда спорят друг с другом, иногда наслаиваются друг на друга, но чаще мирно сосуществуют. Остановимся на каждом из них.

1) **Эгоцентризм** проявляется в попытке осознать свое место в мире через представление о себе как центре мироздания, «я» ребенка – мера всех вещей, все оценивается со стороны личных потребностей и желаний. Все тексты Димы изобилуют личными местоимениями (я, мне, у меня, мое), общее число которых составляет около 10 % (112 единиц из 1240 полных слов, из которых состоят приведенные тексты). Большое место занимают модальные глаголы *хочу / не хочу, люблю / не люблю, нравится / не нравится, буду / не буду*. В то же время ребенок осознает свою зависимость от взрослых, отсюда много просьб (*можно?*), требований (*дай!*), вопросов и восклицаний: *А можно я буду есть маленькое целиком? Почему-то другой вкус яблока? Доешь яблоко! Доешь! А можно сока? Дай попить! Пить хочу! Дай мне лапшичку! А лапшичка варится? Можно мне зефир? Почему орех горький? Можно колбаску? Хочу курочку. Мама, а знаешь что?* На 220 повествовательных предложений приходится 36 восклицательных.

2) **Маскулинность** выражается в активном воздействии на мир вещей (двигать, создавать, разрушать и пр.) и людей (управлять действиями окружающих, контролировать ситуацию, требовать, реже – просить, а также соревноваться, стремиться к первенству). Из 375 глаголов 88 относятся к глаголам движения и активного действия, особенно частотны глаголы движения: *плывет, делать, перевернулся, прыгнул, ходил, играть, пойдём, уходит, выпрыгивает, летел, постучал*; частотны «мальчишеские» глаголы *воевать, взрываться*. Речь изобилует императивными формами (36 восклицательных предложений), повелительными глаголами. Функционально-тематические группы «Физические свойства предметов» и «Механика» наиболее ярко отражают этот признак. *А чем их лепить? А если я попробую их сделать? Я сам могу хлеб пожарить лазером. Я хочу что-нибудь лазером пожарить.* (Поставил батарейку на яблоко) *Здорово, что она стоит. Я леплю насекомых. Я сделал улиткин домик. А Ники говорит, что я делаю не очень похожие домики. Я дочиниваю домик улитки. Вот раковина улитки. Ники, можно я потрачу весь черный цвет, это гнездо тарантулов. Вот гнездо термитов, а теперь чье гнездо делать? Еще гнездо тарантулов. Я только гнезда насекомых (делаю).*

Стремление к первенству, соревновательность выражаются во всех текстах, где говорится о брате Ники. *Ну, это просто я сказал, чтобы узнать, чтобы Ники делал, если бы я ушел к соседям? Ники, найди мне навозного жука! Пока ты не сделаешь, Ники, пока не покажешь навозного жука, не сделаю. Можно пострелять? Ники больше стрелял. А что, у нас с Ники одинаковая одежда?*

3) **Элементы мифологического мышления** встречаются в игровой деятельности, в отождествлении себя с миром природы, вещей и образами из книг и фильмов: *Ж-Ж-Ж- я имель. Я так бы хотел быть имелем. А то египтяне придут и уйдут индейцы. Ну, вот, мы уходим уже и придут индейцы. Скажем, что мы уйдем и придут индейцы. Посмотри, как я могу! Посмотри, как нужно ноги согнуть. Нужно, чтобы голова торчала. Вот так. Это мой пистолет. Давай играть. Я буду индейцем.*

4) **Познавательный рационализм** проявляющийся в стремлении установить взаимосвязи между различными сторонами бытия, познать законы мироустройства, которые у этого типа людей исключают случайность: *Я покажу этого красивого жука деду Косте. Нет! Людмиле Михайловне. Она любит красное – она же женщина. А дед Костя мужчина. А шершень – это имель? А его укус полезный? А от укуса шершня умирают? У всех есть домики и у шершней есть. Не могут же они все летать и летать?* Изобилие вопросительных предложений – на 220 повествовательных предложений приходится 91 вопросительное предложение – свидетельствует о большой познавательной активности ребенка в это время. Во всех функционально-тематических группах анализируемых текстов исключительно большое место занимают фрагменты, в которых устанавливаются связи между предметами и их признаками, между отдельными явлениями. *А там какой механизм? Вот, смотри, видишь, там железная полосочка, там ба-*

тарейка. А тут механический? Как ты заряжаешь и он стреляет? Как это все устроено? Папа, помоги мне найти в книжке имеля! Где мне найти книжку про имелей? Я хочу найти, как выглядят имели настоящие. Я уже моллюсками не интересуюсь, а имелями. Я вчера даже не вспоминал о моллюсках, а только о имелях. Шершень – он всех убивает? Я люблю кашу без соли и сахара. И чай без сахара полезен. В соли что содержится полезное? Я помню, что есть что-то. Или в сахаре, или в соли. Да. В соли. А еще я ем кашу без сахара, без соли и без меда. А лучше всего все делать сладким с медом.

Для этого этапа становления интеллекта характерен поиск рациональности именования (наивная этимология), что мы находим во всех культурах мира, переживающий этап мифологического мышления и

перехода к рациональному мышлению (ср. теорию *φύσις* и *τῆσις* в древнегреческой культуре), видимо, здесь уместно вспомнить правило «онтогенез повторяет филогенез»: Почему снежная лавина именно лавина? Потому что она убивает, ловит всех. Я знаю, почему шершень так называется, потому что он шерстяной. А откуда взялось слово потертое? А откуда взялось слово пластмасса? Почему имель называется имель? А почему муху назвали муху, а комара назвали комаром? А что такое жалко?

Предложенные для анализа тексты имеют большой потенциал для наблюдений, поэтому сделанные выводы являются только началом исследования становления картины мира дошкольника, отраженного в речи.

Литература

1. Мурашов, А. А. Становление языковой «Картины мира» ребенка: психолингвистическая специфика самосознающего «я» / А. А. Мурашов. – Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы (ГрГУ), 2011.
2. Попкова, Т. Д. Развитие речи и языковая картина мира ребенка [Электронный ресурс] / Т. Д. Попкова. – Режим доступа: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=60011>.
3. Седов, К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты / К. Ф. Седов. – Саратов, 1999.

Информация об авторах:

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, 8-906-925-01-51, nlebedevab@yandex.ru.

Lebedeva Natalia Borisovna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemSU.

Макаренко Евгения Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Томского государственного педагогического университета, 8(3852) 52-98-89, andre@tspu.edu.ru.

Makarenko Evgenia Konstantinovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Literature Department of Tomsk State Pedagogical University.

УДК 81'36=511.142

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ПО ВОДЕ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. М. Лельхова

THE SEMANTICS OF WATER MOTION VERBS IN THE KHANTY LANGUAGE

F. M. Lelkhova

В статье рассматриваются глаголы движения по воде (перемещения в воде) в сынском диалекте хантыйского языка. По семантике данные глаголы мы подразделяем на следующие группы: глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов, глаголы ненаправленного (разнонаправленного) плавания птиц, людей и животных, глаголы движения при обозначении перемещения в воде, глаголы, обозначающие движение жидкости.

The article deals with the water motion verbs in the Synsky dialect of the Khanty language. Semantically, the studied words are divided into the following groups: the verbs of unidirectional motion oriented at the initial point and final destinations, the verbs of non-directional (multi-directional) motion.

Ключевые слова: хантыйский язык, глагол, семантика, лексико-семантическая группа глаголов, морфологические категории.

Keywords: the Khanty language, verb, semantics, lexico-semantic group of the verbs, morphological categories.

В статье рассматриваются глаголы движения по воде (перемещения в воде) в сынском диалекте хантыйского языка. Целью работы является описание

системы глаголов, обслуживающих семантическую зону перемещения и нахождения в воде в хантыйском языке. Ханты проживают в бассейне крупных рек –

Обь, Иртыш, это край, покрытый многочисленными реками, озерами, болотами. Рыболовство является одним из основных традиционных занятий местного населения.

Хантыйский язык обладает богатой системой глаголов движения (перемещения) по воде. Лексика, характеризующая движение по воде, в хантыйском языке разнообразна и богата. В хантыйской культуре не принято было плавать, старые ханты не умели плавать и считают, что плавать нельзя, вода опасна для людей, что связано с ментальными представлениями ханты о воде, почитаемым отношением народа к воде, водное пространство считается священным: йэмэнь йиңк 'вода священная'.

Существуют различные классификации глаголов по семантике. В нашей работе мы придерживаемся классификации глаголов, изложенной в словаре под ред. проф. Л. Г. Бабенко [3, с. 27 – 70]. В данной классификации глаголы перемещения в воде выделяются в лексико-семантической группе глаголов движения. По семантике данные глаголы мы подразделяем на следующие группы: глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов, глаголы ненаправленного (разнонаправленного) плавания птиц, людей и животных, глаголы движения при обозначении перемещения в воде, глаголы, обозначающие движение жидкости. Рассматривается семантика глаголов, лексико-грамматическое значение, морфологический состав глагольных единиц.

В современных уральских языках сохранился общий корень со значением «плыть, плавать»: в удмуртском глагол с этим корнем выглядит, как в коми – уйны (uj- 'плыть', *ujal- 'плавать'), мар. ияш, в морд. – уемс 'плыть', уйнемс 'плавать', в удм. – уяны, в финском – uida, uin 'плавать, плыть, купаться', uittaa 'купать', 'плаваю', ман. ui, хант. – йк'эм, йс, венг. uszni [1, с. 296], уйгалаңкве – плавать находясь в воде, яласаңкве плавать (на лодке) [2, с. 199].

1. Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов. Глагол ушты 'плыть', 'подплыть' используется для обозначения активного направленного плавания живых существ – человека, рыб, животных, птиц. Основное значение глагола «двигаться в определенном направлении по поверхности или в глубине воды при помощи приспособленных для этого органов (о рыбах и животных, живущих в воде)», например: Хўдйэ лўв хошса ушсэ 'Приплыла к нему рыбка'; Вана ушсэ хўл па иншасэ 'Подплыла рыбка и спросила'; Навэрнэ йиңка навэрмэс, ушэл 'Лягушка в пруд запрыгнула, плывет'. Глагол ушты 'плыть', 'приплыть' имеет семантику «передвигаться в воде с помощью определенных движений тела, загребая, выталкивая воду назад (о человеке и животных, не живущих в воде)», например: Хойат йиңк илпийэн ушэл 'Человек под водой плывет'; Навэрмэс утлы пела ушэл 'Мальчик плывет к берегу'; Лов ушэл 'Лошадь плывет'; Йохан сорэм, мисэт па пелка ушсэт 'Речка пересохшая, коровы на противоположный берег переплыли'; Посэл шоппи амп ушэл 'Через протоку собака плывет'.

Производным значением лексемы ушты является значение 'подниматься на нерест', образован от существительного уш 'нерест': Хўл ушты пора йохтэс 'Время поднимания рыб на нерест настало (букв.: время, когда плывут рыбы)'; Щахашэк хўл па ши ушэл 'Скоро рыба опять пойдет на нерест'; Хўл ушты пора йохтэс 'Время, когда рыба поднимается на нерест, настало'. Уш тылэщэн хўл пакэт мәнлэт 'В месяце вонзя (в июле) косяки рыб поднимаются (вверх по Оби) (букв.: идут)'. Июль – в хантыйском фенологическом календаре – называется уш тылэщ 'месяц нереста'. Это же значение передается глаголом хойты 'подниматься на нерест' (ср.: хойэм ур 'место для нереста'); Мўхсэнь хўлэн хойты мәнэл 'Муксун идет на нерест'.

Перемещение и нахождение в воде в хантыйском языке обозначается также следующими лексемами, производными глагола ушты – ушилэты 'плавать', ушийэлты 'плыть', 'плавать', ушилтыты 'плавать' (многокр.), ушилтыйэлты 'заставить плавать', образованными от глагола ушты с помощью деривационных суффиксов. Они употребляются в итеративных контекстах: Тўв хўща васэт ушийлсэт 'В озере утки плавали'; Лорэн хўтэст ушийлэлэт 'В озере лебеди плавают (плескаются)'; Панка лыпийэн ай хулыйэ ушийлэйл (ушийэл) 'В банке малек плавает'; Ныла ши, туташэк васэт ушилэлэт 'Видно, как недалеко утки плавают'. К глаголам со значением плавания относятся также следующие лексемы: вана ушты 'подплыть', шоппи ушты 'переплыть (вплавь)', па пелка ушты 'переплыть на противоположную сторону' и т. д., например: Вана ушсэ хўл па иншасэ 'Подплыла рыбка и спросила'; Йохан сорэм, мисэт па пелка ушсэт 'Речка пересохшая, коровы на противоположный берег переплыли'.

Движение живых существ, предметов, судов по течению/против течения передается в хантыйском языке следующими выражениями: ов шайшэн мәнты 'по течению (букв.: на спине течения) ехать, ов шайшэн хуңхты 'по течению (букв.: на спине течения) взбираться', ов йэщалт мәнты 'против течения (букв.: навстречу течению) ехать', а также специальным глаголом нопэтты, с помощью превербов нохлы 'вверх по течению'; ныклы 'вниз по течению' и другими конструкциями: Ас нохлы мәнлэт 'Поднимаются вверх по Оби'; Ун йайэл Ас нохлы мәнс 'Старший брат вверх по Оби отправился'; Ныклы йаңхэс 'Вниз по течению съездил'.

Глагол ўншты, шоппи ўншты 'переплыть, переехать, перейти (пешком, вплавь)', ўншэптэты переправить: Па пелка ўншэптэсэв 'На другую сторону переправились'; Ас ўншты хоп мосэл 'Чтобы переплыть большую реку, нужна лодка'; Тови порайэн сойэм кур ўшты ант верэплен, ин сормал хоты, сойэм кур ма шоппи ўншсэм 'Весной русло ручья перейти вброд не сможешь, сейчас вот высохло, русло ручья я вброд перешла'; Йохан шоппи вўншсэв 'Через реку переправились'; Сойэм вўншмевэн [ўшмевэн] йиңкэл шанш вўша хаш ат йохтэл 'Когда переходили ручей вброд, вода чуть ли до колен не доходила'; Ун йўх хопэвэн па пелка вўншсэв 'На большой деревянной лодке на противоположный берег переправились';

Ловэт йохан шоппи ўншлэт 'Лошади переходят вплавь реку'.

Глагол рўнқты с семантикой 'брести по воде' и его производные рўнқитлэты 'бродить по воде', рўнқилдыты (многокр., огранич.) заходить часто, иногда в воду, рўнқийэлты, рўнқитыйэлты (многокр.) 'зайти в воду, бродить по воде', рўнқэлты 'идти вброд', 'заставить идти по воде', рўнқэтлдийты 'бродить по воде, снегу', рўнқаматы (мгновен.) 'зайти в воду'.

Например: Йиңка холты рўнқсэн, йиңк элты вўты йўва 'Зачем в воду забрел, выйди из воды на берег'; Шанш унты рўнқмал йиңка 'По колено в воду забрел'; Ловев нык рўнқмал 'Лошадь в воду забрела'; Рўнқам йиңка 'В воду зайди'; Йиңк лотэт хўват рўнқилэман сопеклал волды морэмэт 'По лужам бродил, сапоги совсем промокли'; Йиңк лотн рўнқийэллэт, кўрлал моромэт 'По лужам бродят, ноги промокли'; Апщем намэн рўнқитлийэл, нълкэт амэртыйэл 'Младший брат в воде бродит, мальков черпает'; Похнэн йиңк кўта рўнқман 'Мальчики в воду забрели'; Посэл сормал, рўнқман шушсэм 'Протока высохла, прошел ее вброд'; Наврэмэт йиңкэн рўнқэтлийлэт 'Дети по воде бредут'; Похнэн сойм хоша рўнқэтлийлэт 'Два мальчика в ручье бродят'; Аплэк хўват хотл унты рўнқас 'По сугробам до дома своего добрел'.

Глаголы щелэтты, щелты 'скользить по волнам' с семантикой «двигаться (двинуться) в определенном направлении легко, плавно, едва касаясь поверхности чего-л., словно катаясь по гладкому льду»: Хопэт щеллэт 'Лодки скользят по волнам'; Хопев айлта щелэл 'Лодка медленно скользит по волнам'; Намэн кэв пўл йовэлдув, йўвэтлэн па, йиңк хоша тәмиты щелман мәнэл 'На берегу камешки бросаем, бросишь и по воде, скользят, идет'.

Вторым значением глагола щелты является значение «наскочить неожиданно, удариться, уткнуться»: Хопэв роман сорэм вўра щелтэс 'Лодка неожиданно наскочила на берег'.

Производными глагола щелэтты, щелты являются следующие глаголы: щелматты 'скользить по волнам', щелтамтты 'заскользить по волнам', различающиеся оттенками значений: Рāнемасэм па кевем щикем хўва рāкнэс, щелматман мәнэл, нох рāкноптыйэл, рāкнопэл ил лонэмийэл па нох этмийэл 'Размахнулся и камень так далеко упал, идет скользят, подскакивает, подскочет, исчезнет в воде, опять появится'; Кев рāнемилэм, йиңк хўват щелман мәнл, нох рāкнопэл, ил лонэмийэл па нох этмийэл 'Камнем размахнулся, по воде идет скользят, подскочет, исчезнет (в воде), опять появится'; Кевэл холна арпуш щелтамтэс 'Камень еще много раз заскользил по волнам'.

Глагол ховиты имеет следующие значения:

1) рябить;

2) плавать (на поверхности), качаться на волнах: Йиңк ховийл 'Вода рябит'; Щикем тэвын, йиңк ил-нох йāңхэл йиңкен ховийэл, тэвын кўш ат ул, ищипа ныла 'Ясно, вода вверх, вниз ходит, вода рябит, хоть

ясная погода без ветра, все равно видно. Ветерок рябит водную гладь'; Хоп ховийл 'Лодка плывет (качается на волнах)'; Охшамэм йиңка рāкэнмал, йиңкэн ховийэл 'Платок в воду упал, плавает в воде (на поверхности)'.

Глагол овты 'течь', например: Соим сора овл 'Ручей быстро течет'; Куртэл хоша овэл так, ныклы пела шеңк такан ант овэл 'У деревни течение сильное, вниз по течению не так сильно течет'; Лорл ши сорэл, овты курл шит сўс унты щиты айлта овэл 'Озеро пересыхает, а русло до осени так и течет медленно'; Тām йохан Аса овэл 'Эта река в Обь впадает'; Посэл овэл 'Речка течет'.

Глагол овийты со значением 'качаться, плескаться': Йиңк йāма ун, йōханэв кāt шипэлэн овийэл 'Вода большая, река у берегов плещется'.

Глагол нāпэтты с семантикой 'плыть; передвигаться по поверхности воды': Пōрэт элттыйэн нāпэтсэв 'Мы плыли на плотах'.

Глагол нопэтты с семантикой 'уносить течением, ветром (по реке)', 'плыть по течению', 'нести лед', образован от существительного нопэт 'плавь': Вот так. Хоп сора нопэтла 'Ветер сильный. Лодку быстро несет течением'; Посэл хўват павэрт нопэтла 'По протоке бревно плывет'; Вотэн хопэв калнаш шом нопэтса 'Попутный ветер нес нашу лодку прямо к пристани'; Йэлэн хоп нопэтты ныла 'Вдали плывет лодка'.

Глагол перемещения в воде ноптэлтты, обозначающий способ ловли рыбы – «ловить рыбу неводом, плавными сетями, неводить»: Ноптэллэв 'Ловим рыбу плавными сетями'. Производное значение этого глагола 'сплавлять': Пōрэт ноптэлтты йох 'Плоты сплавляющие люди'.

Глагол ноптыйэлты 'уносить течением', помимо указанной семантики имеет значение 'ловить рыбу неводом', в составе глагола ноптыйэлты выделяется корень нопэт-, суффикс залогового типа –ыйэл: Хоп ноптыйэлтэм 'Лодку течением уносит'.

Глагол навэрти 'плыть (о пене)' (> навэр 'пена'): Навэрэл 'Пена плывет'; Хумпэң, навэрэл 'Волны большие, пена плывет'.

Глагол хойты со значением 'причалить': Хоп ўты хойс 'Лодка причалила к берегу'; Хопел калнаш шōма ўты хойэс 'Лодка пристала напротив пристани'.

Глагол хўвлэты, нык хўвлэты: 1) всплыть, всплывать; 2) поплыть, выплывать, отплыть, уплыть (вынести волной): Хўллам нох хўвлэсэт 'Рыба всплыла (в посуде)'; Ун сорт нох хўвлэс холп талтэм сахат 'Пока вытаскивал сетку, большая щука всплыла'; Най лонэм кемэн хопэт васы олңас иты нык лора хўвлэсэт 'Как солнце зашло, лодки как утиный выводок на озере поплыли (выплывали)'; Хопэл хўвлэс 'Лодка уплыла (волной вынесло)'. Данный глагол образует фразеологическое сочетание: нāхн хўвлэты 'озариться улыбкой': Веншэл нāхн хўвлэс 'Лицо озарилось улыбкой, заулыбался'.

Глаголы шуйлэты, ил шуйлэты со значением 'тонуть, затонуть, утонуть, потонуть, погрузиться в воду', шуйэтты 'утопить', шуйлэптэты 'погрузить в воду, потопить', шуйлэмтты (мгновен.) 'провалиться; погрузиться': Йиңка шуйлэс 'Утонул (человек, пред-

мет); Хоп шуйлэл 'Лодку топит'; Күрэм ил шуйлэмтэс 'Нога провалилась (в воду, в болото, в грязь)'; Пүтэм йиңка шуйлэмтэс 'Котел в воду погрузился'; Йуш элты йира шумсэм, шанш унты шуйлэсэм 'С дороги в сторону шагнул, провалился по колено (в снег)'; Холэп поталэт ишупел кема ил шуйлымел 'Балберы приблизительно на половину в воду погрузились'. Значение 'утонуть' передается следующими конструкциями йиңка питты 'в воду попасть', йиңкэн йиншэлтыйлты 'водой напиться': Йиштотн хоташ йисэт, йиштэта питмел 'В воде что-то случилось, в воду попали'.

2. Глаголы разнонаправленного движения субъекта (ненаправленного (разнонаправленного) плавания птиц, людей и животных): уцийэлты 'плыть' (>ущ 'нерест'), 'плавать', уцилэты 'плавать' (о рыбах, птицах и животных, живущих в воде). В составе глагола уцийэлты выделяется корень ущ-, суффикс -эйэл-. Данные глаголы употребляются в итеративных контекстах: Түв хоша васэт уцийэлсэт 'В озере утки плавали'; Лорэн хотүэт уцийэллэт 'В озере лебеди плавают (плещутся)'; Панка лыпийэн ай хулуйэ уцийэйэл (уцийэл) 'В банке малек плавает'; Нылащи, туташэк васэт уцилэлэт 'Видно, как недалеко утки плавают'.

Для обозначения ненаправленного (разнонаправленного) плавания людей употребляется также глагол певэлты 'купаться, плескаться' (предполагает совершение активных телодвижений в воде, сопровождаемых брызгами, плеском, барахтаньем, что на русский язык лучше всего передается глаголом купаться): Наврэмэт йоханэн певэллэт 'Дети в реке купаются'.

Глагол пөлщэмэты 'плескаться' (плескаться на себя или друг на друга): Ай өтэт питар пүнэлэн пөлщэмэлэт 'Мальши (букв.: маленькие) около берега плескаются'; Наврэмэт йиңкэн пөлщэмэлэт 'Дети плещутся в воде'; Хулэт пөлщэмэлэт 'Рыба плещется'.

Глагол рохыйты 'плескаться': Хүлэт рохыйлэт пун лыпийн 'Рыба плещется в гимге'.

Глагол лөхшэты имеет значение 'плескаться', лөхшемэты 'плещется, плескаться (колыхаться, производя плеск)': Йиңк лөхшемэл 'Вода плещется'; Хүв лөхшемэл 'Долго плещется'.

Глаголы пөлхэмтты 'брызнуть', пөлхемэты 'плескаться': Йиңк ал пөлхэмта 'Воду не брызгай'; Наврэмэт йиңкэн пөлхемэлэт 'Дети в воде плещутся'.

К глаголам движения по поверхности воды можно отнести глаголы лэтэлтыйлты 'качается, ходит под ногами (земля на болоте)' и глагол лэтты 'качаться, ходить под ногами (земля на болоте)', например: Сота лэтэлтыйл. Вөл ищи мятты ки ил нох тутлылайэн калэт хоша 'Болото качается при ходьбе, как будто вниз-вверх тебя носит на болоте'; Кал хоша лэтэлтыйл. Кал лот ил-нох йаңхэл 'На болоте земля (под ногами) качается, ходит. Болото вверх-вниз ходит'; Лэтэл, ал лэтэл. Калэт хоша щит ал лэтэл 'На болоте земля ходит под ногами'.

3. Глаголы движения при обозначении перемещения в воде. В хантыйском языке общие глаголы движения (мэнты, йиты 'идти', йохэтты 'приходить',

'приехать', мэнты 'уходить', уншты 'переходить', үншэлтэты 'перевести через что-то' и др.), прототипически обозначающие движение пешком, используются для обозначения направленного движения судов, людей на них, а иногда и для самостоятельного плавание людей.

Глагол йаңхты 'ехать', 'ездить', 'плавать': Хоп намэн йаңхэл 'Лодка по реке едет'; Ин иса молт кем карты хопн йаңхлэт 'Сейчас все больше на железных лодках ездят'; Лүң сыс ай хопн йохан хүват йаңхсэт 'Все лето по реке плавали на обласах'.

Глагол йиты 'плыть', 'проплыть', ушман йиты 'плыть' с семантикой «передвигаться по поверхности или в глубине воды при помощи специальных приспособлений (о лодке, корабле)»: Хоп үты йил 'Лодка причаливает (плывет) к берегу'; Хопэн йисув 'На лодке приплыли (приехали)'; Түтэн хоп йил 'Теплоход идет (подъезжает)'; Акайм хопэн йил 'Дядя на лодке приплывет (подъедет)'.

Глагол движения йохэтты имеет значение 'приплыть', например: Сорнэн хүлуйэл йухтэс 'Приплыла золотая рыбка'.

Глагол движения мэнты 'плыть, уплыть' с семантикой «перемещаться по поверхности воды в определенном направлении на водном транспорте»: И хул пак мәнэл 'Один косяк рыбы проплывет'; Хоп айлта мәнэл 'Лодка медленно плывет'; И ики ныклы (ныклы пела) хопэн манэл 'Рыбак плыл вниз по реке на лодке'; Вантсэм, катер мәнэс 'Видел, что катер плыл'.

4. Глаголы, обозначающие движение жидкости. Глаголы, используемые для передачи движения самой воды, не пересекаются с глаголами, обозначающими перемещение в воде. В этой семантической группе можно выделить следующие глаголы:

Глагол шошты 'литься', шошийэты 'литься, бурлить (о ливне, большом потоке воды)', например: Йэрт шошийэл 'Ливень льет'; Йиңк шошийэл 'Вода бурлит, течет сильно'.

Глагол похэнтты 1) разливаться, разлиться (о ручьях, реке), 2) вскрыться (о реке), например: Соймэт похэнтсэт 'Ручьи разлились'.

Глаголы щөрты, ил щөрэты, щөрэйты 'течь (дождю, воде)', течь (тонкой струйкой)', ил щөрэты 'литься, пролиться', например: Йэрт илды пела щөрэйэл 'Дождь вниз льет'; Ин мунты нумн йиңки пүт ус, щилта йиңк амэрсэм курэшкайн, курэшкайм пасаана омэстэм сахат ил рәкнэс, йиңкэл илн ул. Йиңкэл ил щөрийс нумэлта пәсан элты 'Недавно наверху стояла посуда с водой, оттуда зачерпнула кружкой воду, пока кружку ставила на стол, упала, вода вниз. Вода пролилась сверху, со стола'; Курэшкайэл ил мәнмал, илды щөрэйэл 'Вода из кружки пролилась, течет (со стола)'; Тови хәтәлэн хот ләңэл элты йиңк сэм щөрийэл (посыйэл) 'В весенние дни с крыш домов капает'.

Глагол өвты 'течь, протекать (водоем, жидкость, пот), растекаться (жидкости)', например: Ма пеншинэм ил өвмал 'У меня бензин протек'; Хопем өвэл 'Лодка протекает'; Наврэмийэ шайл ил шошемислы, хот хәра посыйл, йиңкэл хот хәр хүват өвэл 'Ребенок чай пролил, на пол капает, по полу течет вода'; Ма

шайк йиңкэн өвдэм 'С меня пот течет'; Най шайк йиңкэн өвдэйн 'С тебя пот течет'.

Глаголы насыты 'течь, капать', посматты 'капать, течь'; посмэты (огранич.) 'капнуть', например: Йэртыйэн, такан посматэл, хот лоңэл сөхлэл лыйэмэт 'Во время дождя сильно течет, крыша прохудилась'; Ал йиңк посыйэл 'Березовый сок капает'; Йэрт посыйэл 'Дождь капает'; Щикем өвэң, шеңк өвэң, нөхлы пөһылтэллы йэрт йүпийн 'Течение такое быстрое, очень быстрое, вверх бурлит, после дождя'.

Глаголы полты 'шуметь, журчать (о воде)', пөһылтэты 'бурлить', например: Йиңк ал пөһыйэл товийн 'Вода весной шумит, бурлит'; Сойм йиңк айлта пөһыйэл 'Вода в ручье тихо журчит'.

Глагол лэхшемэты (мгновен.) булькать, например: Сопекэн йиңк лэхшемэл 'В сапогах вода булькает'.

Литература

1. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар: Коми книжное издательство. 1999. – 431 с.
2. Ромбандеева, Е. И. Русско-мансийский словарь / Е. И. Ромбандеева. – СПб.: Миралл, 2005. – 360 с.
3. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

Информация об авторе:

Лельхова Федосья Макаровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, 8-952-711-2836, Lelhovafm@yandex.ru.

Lelkhova Fedosya Makarovana – Candidate of Philology, senior researcher at Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Projects, Khanty-Mansiysk.

УДК 81.23

КОММУНИКАТИВНАЯ МИМИКРИЯ И ЕЕ ТИПЫ

Е. А. Лизунова

COMMUNICATIVE MIMICRY AND ITS TYPES

Е. А. Lizunova

В статье идет речь о явлении коммуникативной мимикрии. Автор пытается дать определение данному явлению и выделить различные типы мимикрии в повседневной коммуникации. Статья также содержит некоторые примеры реализации мимикрии в диалогах из художественных фильмов на английском языке.

The article deals with the phenomenon of communicative mimicry. The author attempts to give the definition of this phenomenon and to distinguish different types of mimicry in everyday communication. The article also contains some examples of mimicry realization in dialogues from feature films in English.

Ключевые слова: коммуникативная мимикрия, стиль коммуникации, коммуникативная ситуация, агрессивная и защитная мимикрия, социальная роль, речевой жанр.

Keywords: communicative mimicry, style of communication, communicative situation, aggressive and protective mimicry, social role, speech genre.

В настоящее время направленность современной лингвистики в сторону антропоцентрической парадигмы является очевидной. Происходит сосредоточение внимания на «фигуре человека» в языке, на взаимосвязи его внутреннего мира с особенностями его коммуникативного поведения. В данном контексте представляется актуальным изучение такого явления, как коммуникативная мимикрия, которое сегодня на-

Таким образом, мы рассмотрели около 50 глаголов движения по воде, которые делятся на группы: глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов, и глаголы разнонаправленного движения субъекта. Зафиксировано около 12 глаголов, обозначающих движение жидкости. Для хантыйских глаголов перемещения в воде, глаголов, обозначающих движение жидкости, релевантными являются следующие семантические параметры: тип субъекта: живое существо / предмет / судно; направленное / ненаправленное (направленное / разнонаправленное) движение; движение по течению / против течения; движение / нахождение на поверхности; перемещение судов и предметов и т. д.

ходит широкое применение в повседневной коммуникации, однако пока недостаточно широко исследовано лингвистами.

Сам термин «мимикрия» имеет греческое происхождение («mimikós» – подражательный) и в XIX веке введен в зоологию Г. Бейтсом для обозначения особых случаев явления имитации, при котором существо принимает облик иного животного или расте-

ния, или даже неодушевленного объекта, обычно с целью защиты. Существуют и формы мимики, позволяющие хищнику приблизиться к жертве, которой он сам подражает [5]. Позднее область применения термина расширилась, и он стал использоваться во многих отраслях научного знания, включая лингвистику, которая имеет дело с явлением коммуникативной мимики. История его изучения еще очень молода, и ему пока сложно дать четкое определение. На данном этапе исследования мы склонны понимать коммуникативную мимику достаточно широко и считаем возможным определить ее как изменение говорящим свойственного ему стиля коммуникации для осуществления своих целей в определенной коммуникативной ситуации. Но и это определение, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем уточнении.

При этом понятия «стиль коммуникации» и «коммуникативная ситуация» в научной литературе определяются следующим образом:

Стиль коммуникации – обусловленный индивидуальностью адресанта (коммуникатора) способ коммуникации, выражающийся в предпочтении определенных кодов, каналов и средств коммуникации, а также степени соблюдения правил того или иного языка [16].

Под коммуникативной ситуацией понимается «ограниченный в пространстве и времени целостный, социально осмысленный и принявший определенную форму процесс речевого взаимодействия коммуникантов ... обобщенная модель условий и обстоятельств, обуславливающих речевое поведение личности» [11, с. 283].

Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов:

- 1) говорящий (адресант);
- 2) слушающий (адресат);
- 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим;
- 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская);
- 5) цель;
- 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также параязыковые средства – жесты, мимика);
- 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный);
- 8) место общения [8].

В качестве источников примеров реализации мимики в нашем исследовании мы используем современные англоязычные художественные фильмы. В связи с отсутствием возможности наблюдать реальную повседневную коммуникацию носителей языка, мы считаем, что художественные фильмы обеспечивают наиболее доступный для анализа материал и в то же время демонстрируют коммуникативные ситуации, максимально приближенные к ситуациям реального повседневного общения. Кроме того, просмотр фильма позволяет проанализировать не только лингвистические, но и паралингвистические средства коммуникативной мимики.

Рассмотрим также типологию коммуникативной мимики, которую приводит В. Б. Кашкин, один из немногих исследователей, занимающихся данной

проблемой. Он выделяет три типа мимики в коммуникации:

- 1) мимика участников коммуникации (коммуникант выдает себя за кого-то другого);
- 2) мимика функций коммуникации (основная цель скрывается под другой);
- 3) мимика элементов коммуникации (выбирается не прямое выражение идеи: эвфемизмы, риторические вопросы и др.).

В реальном дискурсе первые два типа мимики могут выступать одновременно. Первый тип (авторская мимика) является наиболее общим явлением, явлением общекоммуникативного уровня, выступая на уровне коммуникативной ситуации. Второй тип (функциональная мимика) выступает на уровне отдельных фраз и фрагментов текста, являющихся маркерами (или псевдомаркерами) коммуникативных функций.

Третий тип чаще связан с микроуровнем, уровнем состава текста, отдельных его элементов. Один из приемов пропаганды использует мимику элементов: агрессивное навязывание лексики и фразеологии, а вместе с этим – мировоззренческого блока («развитой социализм» в противовес «загнивающему капитализму», «антитеррористическая операция» вместо «война» и другие эвфемизмы на службе власти). Можно также отметить прямую или косвенную цензуру, в том числе самоцензуру, табу на определенные имена, слова, фразы, обороты, приводящие к эвфемистической замене [7].

Нам также представляется возможным выделить в коммуникативной мимике те же два типа, которые некоторые ученые, в частности Альфред Жиар, выделяют в мимике в ее биологическом понимании: агрессивную мимику, необходимую, чтобы напасть на жертву, и защитную мимику, необходимую, чтобы уберечься от нападающего [6, с. 83 – 104].

В коммуникации агрессивная мимика присутствует в ситуациях, когда мимизирующий коммуникант инициирует взаимодействие и своими действиями наносит прямой или косвенный вред партнеру. При защитной мимике речь идет о действиях коммуниканта, направленных на предупреждение причинения ему реального или мнимого ущерба от взаимодействия с партнером.

Если обратиться к герою фильма «Catch me if you can» («Поймай меня, если сможешь») Фрэнку Эбгнейлу, то случаи, когда он «играл роль» летчика, старшего врача-ординатора, помощника генерального прокурора с мошенническими целями, можно рассматривать как агрессивную мимику. Однако в ситуации, когда его пытался задержать сотрудник ФБР, и спастись ему удалось, только изобразив из себя агента американской секретной службы, мимику Фрэнка можно считать защитной.

Carl: Hands on your head! Frank: Another IBM selector... Carl: Put your hands on your head. Frank: Print types in one second. Carl: Shut up! Put your hands on your head! Frank: You know, I get 200 checks here. Carl: On your head! Frank: Even little pay roll envelopes. Carl: Put it down. Frank: Stop it! Relax. You are late! My name is Alan, Barry Alan, United States secret services. Your boy just tried jump out the window. My partner has him in custody. Carl: I don't know, what are you talking about? Frank: Do you think FBI are the only one on this guy? Come on... Do you mind taking gun out of my face? Please really. It makes me nervous. Carl: Wanna see some credentials. Frank: Yeah, sure. Take my wallet. Do you want my gun too? Come on take my gun. Hei, look, just do me a favor, take a look outside. Look at the window. My partner is walking into the car with him...	Карл: Руки за голову! Фрэнк: Еще один IBM-селектор... Карл: Положите руки за голову. Фрэнк: Шрифт меняется за одну секунду. Карл: Закрой рот! Положи руки на затылок! Фрэнк: Представляете, здесь двести чеков. Карл: Руки за голову! Фрэнк: Даже маленькие конверты для рассылки зарплаты. Карл: Положи на место. Фрэнк: Хватит! Расслабьтесь. Вы опоздали! Меня зовут Барри Алан, американская секретная служба. Тот, кого вы ищите, только что попытался выпрыгнуть из окна. Мой напарник арестовал его. Карл: Я не знаю, о чём Вы говорите? Фрэнк: Вы думаете, только ФБР занимается этим парнем? Ну же... Не могли бы Вы убрать оружие от моего лица? Пожалуйста, в самом деле. Это нервирует меня. Карл: Предъявите документы. Фрэнк: Да, конечно. Возьмите мой бумажник. Пистолет тоже хотите забрать? Ну же, забирайте и его. Эй, посмотрите, просто сделайте одолжение, взгляните на улицу. Посмотрите в окно. Мой напарник ведет его к машине.
---	--

В итоге Фрэнку удается избежать ареста, то есть применяемая им коммуникативная мимикрия оказалась результативной. Что же обеспечило ему успех в разговоре с Карлом? Во-первых, Фрэнк ведет себя невозмутимо. Игнорируя требования Карла, он в быстром темпе описывает оборудование преступника. Он говорит как знающий специалист, пользуется особой терминологией (*IBM selector*). Сначала Карл не верит мошеннику, но Фрэнку удается переломить ситуацию внезапной повелительной репликой: *'Stop it!'*. Она заставляет Карла замолчать на какое-то время и выслушать так называемого сотрудника американской секретной службы. Фрэнк также применяет риторические вопросы, чтобы усилить убедительность своей речи (*'Do you think FBI are the only one on this guy?'*). Стоит обратить внимание и на то, что Фрэнк вежлив с собеседником (*'Do you mind...'*, *'Just do me a favor'*), что, вероятно, помогает ему вызвать некоторое доверие с его стороны. Он не теряет уверенности даже после требования предъявить документы – отдает Карлу бумажник, но сразу же отвлекает его просьбой посмотреть в окно и получить решающее доказательство правдивости его слов: Карл собственными глазами видит как «преступника» (в действительности знакомого Фрэнку старика) ведут к машине. В целом можно сказать, что Фрэнк действует достаточно профессионально и, несмотря на фактор неожиданности и высокую степень риска, ему удается держать свою речевую деятельность под строгим контролем.

На наш взгляд, можно также выделить разновидность коммуникативной мимикрии как приспособление к определённой коммуникативной (или социальной) роли.

В социалингвистике под социальной ролью понимается комплекс стандартных общепринятых ожи-

даний, набор психологических, социологических и лингвистических характеристик поведения личности, соотносящихся с его статусным положением [2].

Кроме социальных, в лингвистике также принято говорить о речевых и коммуникативных ролях.

По мнению И. П. Тарасовой, речевая роль – это «некий возможный и допустимый репертуар речевых средств, которые можно употребить в различных ситуациях общения» [14, с. 65]. Среди составляющих речевой роли выделяются определенный лексический и грамматический минимум, интонация, фонационные и просодические особенности и т. д.

Коммуникативные роли могут рассматриваться как более или менее фиксированные стандарты поведения и деятельности, актуализирующие взаимосвязь социальных характеристик личности и ее языка/речи [13; 15, с. 77 – 82].

Представляется очевидным, что понятие «социальная роль» выступает как более широкое по отношению к понятиям «коммуникативная роль» и «речевая роль»; а феномен «коммуникативная роль» шире, чем речевая, поскольку включает, кроме вербального, и невербальное коммуникативное поведение.

В связи с этим довольно яркие примеры можно привести из сферы профессиональной коммуникации. Очень часто профессиональная деятельность человека диктует ему необходимость определенного речевого поведения: разговорный стиль сменяется на деловой, используется определенная терминология, речевые клише и т. д. Мимикрию к социальной роли нередко можно встретить в так называемой вертикальной коммуникации вида «начальник – подчиненный». Так, в фильме «Fun with Dick and Jane» («Аферисты Дик и Джейн») мы наблюдаем мимикрию Дика Харпера во время его визита к начальнику Джеку Маккалистеру.

При виде Джека, Дик резко вскакивает с дивана, пожимает ему руку, затем, услышав его фразу *'Call me Jack'* (*'Называйте меня Джек'*) отвечает: *'Likewise'* (*'Вы меня тоже'*). Эта реплика, произнесенная из стремления приспособиться, естественно, прозвучала нелепо, поэтому Дик пришлось пояснить: *'With my name. Dick, I mean'*. (*'По имени. Дик, я имею в виду'*). Этим же стремлением объясняется его смех, над плохими шутками начальника и преувеличенные восхищения его домом: *'What an absolutely beautiful home you have'* (*'Какой необыкновенно красивый у Вас дом'*), а также предложенным угощением: *'Best I've ever had'* (*'Лучшее, что я когда-либо пробовал'*). Когда Джек, якобы выражая своё доверие Дик, дает ему ответственное поручение, Дик произносит фразу, типичную для дисциплинированного сотрудника и преувеличенно проявляет свою радость: *'You can count on me, sir. I mean, I can't tell you how happy I am'*. (*'Вы можете рассчитывать на меня, сэр. Я хочу сказать, я не могу выразить, насколько я счастлив'*). Кроме того, речь может идти не только о профессиональном статусе, но и о социальном, семейном и т. д. Человек может применять мимику при необходимости исполнить роль любящего супруга, заботливого родителя, послушного ребенка, хулигана, интеллигента. В зависимости от выбранной роли может меняться степень вежливости речи, лексика, тон и другие характеристики.

С расширением рассматриваемого нами спектра проявлений коммуникативной мимики, мы всё больше задаемся вопросом: что можно принимать за «нулевую отметку», которая означала бы отсутствие применения коммуникативной мимики языковой личностью? На наш взгляд, в таком качестве можно рассматривать характер речевого поведения в нейтральном нериторическом общении, проявляющийся, в частности, в гипержанре дружеского общения, в рамках которого наиболее показателен речевой жанр болтовни. В ней не существует жестких или нормированных правил, по которым должно протекать взаимодействие, и каждой стороне общения предоставляется достаточно высокая степень свободы в способах построения своих высказываний и подборе речевых средств [9, с. 102 – 110]. Болтовню характеризует особая коммуникативная установка говорящих: участники общения обмениваются информацией, при этом в значительной степени коммуникация осуществляется ими ради самой коммуникации. Болтовня – это коммуникация, где, пользуясь формулой Л. С. Выготского, «мысль совершается в слове» [4].

Как указывает Ю. М. Лотман: «В каждом коллективе с относительно развитой культурой, поведение людей организуется основным противопоставлением:

1) обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное;

2) все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение.

Первому носители данной культуры учатся, как родному языку, – погружаясь в непосредственное

употребление, не замечая, когда, где и от кого они приобрели навыки пользования этой системой... Второму типу поведения учатся как иностранному языку, – по правилам и грамматикам, сначала усваивая нормы, а затем уже, на их основе, строя «тексты поведения» [10, с. 249]. Здесь можно говорить о риторических и нериторических жанрах речи.

Приспособление человека к определенному жанру речи также имеет смысл рассматривать как своего рода коммуникативную мимику. Однако она может носить достаточно естественный характер, так как с ранних этапов своего развития ребенок «врастает» в систему жанровых норм, постепенно усваивает различные ее формы и учится использовать их на практике [9].

М. М. Бахтин определяет речевой жанр как относительно устойчивое высказывание, выработанное определенной сферой использования языка [3].

С точки зрения прагматического направления, дается несколько иное определение понятию жанр речи – «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [12, с. 11].

Е. В. Акулова, суммируя определение М. М. Бахтина, К. Ф. Седова и некоторых других, предлагает определять речевой жанр как вербально-знаковое оформление типической ситуации общения, которое возможно и в письменной, и в устной форме и характеризуется тематической, композиционной и стилистической устойчивостью.

Так, в фильме «Mr. Deeds» («Миллионер поневоле») ярко представлено, как телеведущий Мак Макграф приспособливает свою речь к жанру телерепортажа:

'All the king's horses and all the king's men couldn't save Preston Blake from becoming a human Popsicle. And sources indicate that Blake, who was single and had no children, left no will. So who inherits Blake's 49 percent stake in the company's stock valued at \$40 billion? We'll discuss it with people close to Blake, including his long-time barber on tomorrow's Inside Access. Until then, I'm Mac McGrath.' (*'И вся королевская рать не смогла бы уберечь Престона Блейка от участи быть замороженным. Источники сообщают, что холостяк Блейк, будучи бездетным, не оставил завещания. Так кто же унаследует долю в 49 % акций компании Блейка стоимостью 40 миллиардов долларов? Мы обсудим это с людьми, близкими Блейку, включая долго время служившего ему парикмахера в завтрашнем выпуске «Под грифом «Секретно». С вами был Мак Макграф'*).

Как мы видим, речь Макграфа в данном случае носит достаточно официальный характер, в ней присутствуют клише, типичные для жанра репортажа: *'sources indicate'* (*'источники сообщают'*), *'We'll discuss it...'* (*'Мы обсудим это'*), *'Until then'* (*'С вами был...'*). Однако как только репортаж заканчивается, Макграф спешит отчитать журналистку Бейб, в разговоре с которой нам открывается его «истинное лицо»:

Mac: Freaking barber! That's the best you could get me? ('Долбанный парикмахер! Ты ничего лучше не могла найти?').

Babe: People tell everything to their barbers. He's been his closest confidant for more than 20 years. (*'Люди*

рассказывают всё своим парикмахерам. Он был его самым задушевным другом более двадцати лет’).

Mac: I'm not putting this guy on the air. Get me something better and get it quick. Or it's your ass. (‘Я не выпущу этого парня в эфир. Найди мне что-то лучше и побыстрее. Иначе рискуешь своей шкурой’).

В данном диалоге, который, кстати, может быть отнесен к жанру болтовни, Мак не стесняется в выражениях, и здесь присутствует лексика, относящаяся к разговорной или даже вульгарной (freaking, guy, ass),

употребление которой ведущий не позволил бы себе в телерепортаже.

Таким образом, соглашаясь с типологией коммуникативной мимики В. Б. Кашкина, мы предлагаем выделять дополнительно типы мимики в зависимости от цели мимикрирующего (агрессивная и защитная мимикрия), а также в зависимости от того, к чему осуществляется приспособление (к социальной роли, к жанру речи). В процессе дальнейшего исследования мы планируем расширить данную классификацию.

Литература

1. Акулова, Е. В. Жанры немецкого повседневного общения: уч. пос. по спецкурсу / Е. В. Акулова. – Саратов, 2011. – 99 с.
2. Бакумова, Е. В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бакумова. – Волгоград, 2002. – 200 с.
3. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986. – 543 с.
4. Горелов, И. Н. Основы психолингвистики: уч. пос. / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабирифт, 2001. – 304 с.
5. Диксон, Д. После человека: зоология будущего [Электронный ресурс] / Д. Диксон. – Режим доступа: http://www.sivatherium.narod.ru/library/Dixon/main_ru.htm
6. Кайуа, Р. Мимикрия и легендарная психастения / Р. Кайуа // Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003.
7. Кашкин, В. Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с.
8. Коммуникативная ситуация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://s0ci0.ru/osnovnye-ponyatiya-sociolingvistiki/77-kommunikativnaya-situaciya.html>
9. Кощеева, О. В. Становление речежанровой компетенции в онтогенезе (на материале речевых жанров «рассказ», «бытовой разговор», «ссора») / О. В. Кощеева // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. – Саратов, 2011. – Вып. 14. – Ч. III.
10. Лотман, Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, – 1992. – Т. 1. – С. 248 – 268.
11. Матвеева, Т. В. Учебный словарь / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
12. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабирифт, 2007.
13. Тарасов, Е. Ф. Социологические аспекты речевого общения / Е. Ф. Тарасов. – М., 1969. – 245 с.
14. Тарасова, И. П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез / И. П. Тарасова. – М.: Высшая школа, 1992. – 175 с.
15. Чигридова, Н. И. Речевое поведение и коммуникативные роли авторов деловых писем / Н. И. Чигридова // Донской юридический институт: личность, речь и юридическая практика: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Ростов на/Д: ДЮИ. – 1999. – С. 77 – 82.
16. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1561/коммуникации>

Информация об авторе:

Лизунова Елена Александровна – аспирантка КузГПА, учитель английского языка гимназии № 10, г. Новокузнецк, 8-903-993-75-33, lily-of-valley@yandex.ru.

Lizunova Elena Aleksandrovna – post-graduate student at KuzSPA, English teacher at Gymnasium № 10, Novokuznetsk.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО
(на материале английского языка)**

Т. А. Логунов

**ON DEVELOPMENT OF MEANS OF EXPRESSING FUTURE
(researched on the material of Modern English)**

T. A. Logunov

Комплексная семантика английских средств выражения будущего рассматривается в статье как результат исторического их развития в свете взаимодействия модальной и темпоральной составляющих значения. Ряд специфических функций формы *will* в современном английском языке демонстрирует переходный характер и незавершенность этого процесса грамматизации на современном этапе.

The paper considers complex semantic character of English means expressing future as an outcome of their historic development in the process of mutual influence of temporal and modal semantic components. A number of specific uses of *will* + Vinf reveal some transitional results suggesting incompleteness of grammatization process of the form in Modern English.

Ключевые слова: средства выражения будущего, грамматизация, темпоральность, модальная семантика, историческая динамика языковой системы.

Keywords: means of expressing future actions, grammatization, temporal meaning, modal semantics, historic dynamics of the language.

Историческая динамика языка предполагает качественные изменения его единиц, их содержательное развитие, затрагивающее изменения сразу нескольких уровней языковой системы. Процесс развития языковых категорий обусловлен в значительной степени накоплением внеязыкового опыта и переосмыслением его носителями языка, усложнением их представлений о мире и о себе. Одной из наиболее показательных в этом плане является категория будущего во многих германских языках, формировавшаяся при теснейшем взаимодействии сфер модальности и темпоральности, главным образом, уже в письменную эпоху языка, когда сами представления человека, говорящего о будущем действии как о еще не реализованном, подвергались значительной эволюции.

Еще в рамках концепции Ч. Фриза, развитой позже С. Фляйшман, предполагалось, что выражение будущих действий в истории языка проходит три стадии: «модальную», «темпоральную» и вновь «модальную» при семантической независимости двух модальных стадий. Формы будущего развиваются обычно из модальных или аспектуальных показателей, которые на определенной стадии получают темпоральное значение. Действительно, определенный закрытый ряд идей (желание, надежда, намерение, принятое решение, решимость, вынужденность, необходимость или возможность) является основой для предсказания будущего. Любое слово или форма со значением из этого ряда может быть использована для выражения будущего времени. На втором этапе, как только форма начинает функционировать в качестве будущего времени, она получает модальную окраску, которая может в конце концов вытеснить темпоральное значение формы. Когда слово или сочетание становится специализированным футуральным средством, «акцент смещается с полного лексического значения на выражение идеи будущего. Но теперь средство для выражения будущего может предполагать (в зависимости от окружения и без ограничения перво-

начальных значений) любую из этого ряда идей, которые являются основой предсказания будущего» [9, с. 94 – 95].

Согласно схеме С. Фляйшман, в диахроническом плане существует двусторонняя связь между временем и модальностью: модальные показатели развиваются в грамматические времена, которые, в свою очередь, приобретают новые модальные значения (и с большой вероятностью начинают выполнять модальные функции) [8, с. 16, 23 – 25]. При этом исследователь подчеркивает следующее положение: из какого бы источника не развивались формы будущего, они впоследствии будут двигаться в направлении, указанном в этой схеме, т. е. к развитию определенных модальных значений [8, с. 129].

Таким образом, исторически «исходной» в этом процессе оказывается категория модальности, содержательное развитие которой идет со значительным опережением темпорально-аспектологической категории: «Все то, что не совершено как факт, а имеет лишь стремление к завершенности, не несет в себе точной гарантии своего исполнения, в силу чего оно представляется не столько в плане своей аспектологической характеристики, сколько в плане возможной, желательной, обязательной, но не фактически утвержденной оценки» [4, с. 152 – 153].

Исследователи истории языка отмечают среди основных факторов развития грамматического будущего когнитивный фактор, непосредственно связывая эволюцию грамматических форм с процессом развития абстрактного мышления, с общим процессом познания объективной действительности, а также с распространением христианской парадигмы миропонимания, предполагающей понятия высшего морального долга и воли абсолюта. Абстрагируясь от понятия долженствования, воли, возможности, представляемых ранее как нечто более практическое, материально-конкретное, т. е. отражавшее собственно действие или состояние, человек начал представлять эти понятия как более об-

щие, отвлеченные, выступающие в качестве оценок объективной действительности.

Применительно к истории английского языка данный процесс можно описать следующим образом. В ходе переосмысления более конкретных, предметных значений *sculan* и *willan* сочетания с этими глаголами постепенно развивают значение предсказания. Важным обстоятельством при этом является их сочетаемость с субъектами различного рода, а именно – способность сочетаться с неодушевленными субъектами. И желание, и долженствование требуют обладающего волей одушевленного субъекта-деятеля (agent), поскольку «они предиктируют определенные условия для такого субъекта: желание описывает внутренние условия, а долженствование – внешние, социальные условия» [7, с. 112].

Хорошо известно, что описание процесса грамматизации инфинитивных сочетаний с *shall* / *will* представляет собой определенную лингвистическую проблему в силу значительного «разброса» дополнительных значений и функций этих сочетаний, достигающих предела полисемии. И. П. Иванова описывает нынешнее состояние как еще не заверченный процесс: проявление разнообразных дополнительных модальных значений у вспомогательных глаголов будущего времени она объясняет тем, что «процесс стирания этих значений в силу совместимости модального значения со значением будущего протекает весьма медленно» [3, с. 55]. Однако в свете изложенной выше концепции, возможно, не стоит увязывать грамматизацию «*will* + *Vinf*» с освобождением от дополнительных значений и оттенков.

Так, некоторые лингвисты предлагают рассматривать (см., напр., [10]) темпоральные функции современной формы *will* + *Vinf* в единстве с модальными ее оттенками и, более того, предполагают выводимость этих оттенков из значения футуральности. Хотя значение форм будущего времени в конкретных контекстах может варьироваться от чистого фактического утверждения без малейшего следа неопределенности или неуверенности до более умозрительного размышления или прогноза, «во всех этих случаях дополнительные оттенки неопределенности, волеизъявления и т. д. лучше всего рассматривать как неотъемлемое свойство самого значения будущего» [11, с. 39].

Неоднозначная трактовка некоторых частных функций *will* + *Vinf* в лингвистической литературе свидетельствует о проблематичности их отнесения только к разновидностям модального значения. Так, *предписания* реализуются в утвердительных предложениях с подлежащим 2-го лица и наряду с вопросительной формой используются для того, чтобы побудить адресата к действию, поэтому О. Есперсен, а также Ф. Палмер связывали такое употребление с волеитивным *will*. Ч. Бодельсен полагает, что это случай чистого будущего, поскольку действия адресата настолько сильно зависят от говорящего, что приказания последнего должны автоматически исполняться [6, с. 135]. Анализ Л. Хэгеман также показывает, что истолкование подобных случаев в терминах *will* волеизъявления не соответствует реальности языка: объявление говорящего, облеченного властью, о бу-

дущем событии можно истолковать как простое предсказание [10, с. 132]:

'You will be my witness,' the priest said. 'I haven't been in Carmen. But if you mention me, they'll give you food.' (G. Greene).

Говорящий, который некоторым образом контролирует ситуацию, может сообщать адресату о его обязанностях или отдавать поручения, в последнем случае возможен декларатив с подлежащим в форме 3-го лица:

Your job will be to co-ordinate press publicity through the various pamphlets and magazines... (F. Forsyth).

Подчеркнем, что контекст предписания максимально приближен к функции квазиимператива, когда говорящий использует футуральную форму как смягченный грамматический синоним повелительного наклонения, т. е. его социальная роль или общий характер коммуникативной ситуации не предполагает ответного отказа или неповиновения:

"Now, you'll tell me all about Flossenburg camp, Staff Sergeant Kolb" (F. Forsyth).

Факты современного английского языка демонстрируют, что даже при употреблении «*will* + *Vinf*» для выражения специализированных *нефутуральных значений* в благоприятных условиях поддерживающего контекста может проявляться темпоральный (футуральный) оттенок значения. Лишь сочетание *will* с перфектным инфинитивом, обозначающее уверенное предположение на основе «предварительного знания о субъекте-подлежащем» [5, с. 200 – 201], исключает отнесение действия к будущему:

I read the statutes each night before I go off to sleep. It's all in safe hands. You can be sure of that. Now you'll have been getting impatient to see my exhibits. That's something more interesting for you (C. Snow).

В сочетании с простым инфинитивом *will* выражает менее уверенное предположение, при этом верификация этой гипотезы всегда относится в будущее, что придает ситуации некоторый, достаточно слабый оттенок футуральности:

'We are going to let him see some of the material you deal with, of course, only enough to establish the fact that we cooperating – in a sort of way.'

'He'll know more than we do about Zaire.' (G. Greene).

Подобные примеры эксплицируются следующим образом: “During our future meeting it may turn out that he knows ...”, то есть, при подтверждении гипотезы факт «знания» будет иметь место и в будущем. Ситуация, предполагающая необходимость проверки, актуализирует элемент потенциальности, когда кто-либо из участников коммуникативной ситуации заинтересован в подтверждении гипотезы. Так, в следующем примере субъект речи вполне мог сообщить о наличии статьи в подшивке, используя форму настоящего времени, однако он имплицитно подразумевает необходимость активных действий, для того чтобы убедиться в правдивости своих слов, и форма со стяженным *will* обозначает именно обнаружение нужного материала как результат поиска:

'Sure. If it happened since 1950 when we started the cuttings library, it'll be there' (F. Forsyth).

Известно, что при использовании сочетания *will + inf.* в научном дискурсе временная отнесенность становится неопределенной и футуральное значение нейтрализуется; таким образом, данное сочетание можно свободно заменить на презентную форму (ср. *Oil will float on water = Oil floats on water*). Л. Хэгеман делает следующий общий вывод: *will* может использоваться для обозначения вневременных явлений при условии, что их можно проверить экспериментально [10, с. 43]. Зарубежные исследователи определяют такую функцию, как использование будущего для выражения «общих истин» (в формулировке Р. Ультана) или «вечных истин» (С. Флейшман), т. е. *will* с инфинитивом в этом случае обозначают состояния и события, которые существовали в прошлом, существуют в настоящем и будущем.

Дж. Байби и У. Пальюка полагают, что такие высказывания можно считать равнозначными предсказанию (основанному на прошлом опыте), хотя и не обязательно – предсказанию будущего. Между двумя этими предсказаниями – о будущем и об обобщенном факте – существует небольшая дистанция, но часто «вневременной характер» таких высказываний может вноситься скорее контекстом, чем показателем будущего [7, с. 120]. В нашей выборке отмечен перенос этой специфической функции, проявляющейся, как правило, в специальном дискурсе, на употребление в обычной повседневной речи:

You are on the road. Africa's the thesis, Hegel would say. You belong to the antithesis – but you are an active part of the antithesis – you are one of those who will belong to the synthesis (G. Greene).

Д. А. Штелинг также полагает, что при таком использовании сохраняется свойственные английскому футуруму с *will* значения «следствия предопределяющего фактора и предсказуемости» [5, с. 209].

Способность сочетания «*will + inf.*» обозначать действия, происходящие как в настоящем, реализуется при отсутствии четкого последовательного временного противопоставления. Непоследовательное противопоставление относится к «частичному снятию временных различий в высказываниях, выражающих обычное, неизбежное действие или состояние лица, т. е. в высказываниях со значением настоящего обобщенного», например *Beauty will buy no beef* [3, с. 89]. Поскольку *вневременность* всегда включает в себя момент речи, она также может быть названа обобщенным настоящим. В это понятие включаются также элементы и прошлого и будущего; обобщенное настоящее может беспредельно простирается в обе стороны от точки момента речи. И хотя ведущим признаком в таких примерах, как и в случаях полной нейтрализации темпорального признака будущего, является модальный, тем не менее «временной семантический признак будущего не полностью исключен из семантической структуры формы», можно говорить лишь о его частичной нейтрализации [там же, с. 96], причем противоречие между значениями обобщенного настоящего и будущего времени «преодолевается с участием модальности» [1, с. 168].

Нейтрализация оппозиции настоящее / будущее чаще всего возникает при языковой реализации характеристики субъекта, когда предикат приписывает

субъекту или некоторое характерное свойство, проявляемое им постоянно, или указывает на типичные для этого субъекта действия / состояния. Значение характерного свойства, типичного поведения субъекта часто осложнено дополнительными модальными оттенками. Если в первом из приведенных ниже примеров говорящий на основе своего опыта характеризует некую группу субъектов, то в следующем – уже усматривается оттенок намерения:

... old priest ... had explained to him: 'They will always tell you they are poor, starving, but they will always have a little store of money buried somewhere, in a pot' (G. Greene).

'Jago. I've got nothing against him,' said Nightingale.

'People will feel there are certain objections,' Brown reflected.

'Some people will object to anyone' (C. Snow).

В этих случаях временная отнесенность характеризуется неопределенностью, поскольку данное типичное действие может реализоваться как в настоящем, так и в любой момент времени в будущем (см. наречие *always* в первом примере).

Такая ситуация с «двойной временной перспективой» в некоторых случаях представляет собой осложнение обобщенного темпорального контекста возможностью осуществления конкретного будущего действия в конкретных условиях для индивидуально-го субъекта.

Of course, there would be resemblances between any elections to the Mastership; take a dozen men, ask them to elect their own head and they will go through the same manoeuvres as we were going through now... (C. Snow).

В данном контексте важным фактором является характер *референции имени*, занимающего позицию первого актанта при реализации пропозиции. Общая референция относит суждение автора к определенному классу объектов, имеющих типичные, хорошо известные говорящему свойства, что делает действия представителей этого класса предсказуемыми в будущем на основе многократно совершенных аналогичных действий в прошлом и настоящем.

Поскольку содержанием предложений с формой будущего часто является прогноз, логический вывод или предвосхищение чего-либо, что будет иметь место после настоящего, такие умозаключения, как правило, строятся на основе анализа настоящей ситуации или событий прошлого. Будущее непосредственно вытекает из настоящего, являясь его следствием, что (как показывает материал) вполне осознается и самими говорящими. Однако, учитывая условность традиционного разделения временного поля на три сектора и наличие комплексных связей между ними, реальная картина отношений между настоящим и будущим представляется более сложной. Ученые неоднократно отмечали проблематичность определения момента «окончания настоящего» и «начала будущего», поскольку само понятие настоящего как референта в лингвистике весьма расплывчато и даже противоречиво. Это особое отношение настоящего и будущего достаточно ярко проявляется в контекстах, актуализирующих актуальный оттенок начинательности у форм будущего.

В основе предложений с формами будущего с таким значением лежит пропозиция, предполагающая фактивность. В таком случае имплицитруется некоторое событие (или действие), совершение которого каузирует новую ситуацию или существенное изменение в ситуации, следующее по времени за этим событием. Событие может выводиться из самого предиката, если он обладает соответствующими свойствами семантики, или же получить выражение в дальнем контексте.

Наиболее показательным лексическим контекстуальным средством актуализации этого оттенка является наречие *now* и союз *now that*, указывающий на определенное событие – причину изменения ситуации, это изменение проецируется далее в будущее. Форма будущего отсылает в таком случае к некоторому важному изменению для субъекта, на начало новой ситуации, распространяющейся в будущее на неопределенный срок. Нам кажется, что употребление формы будущего в таком случае акцентирует основной временной пласт, в котором должна реализоваться новая ситуация в восприятии говорящего. Носитель языка, а следовательно, и языковой (= не-научной) картины мира, не делает четкого разделения на три временных плана: для него более актуально членение «раньше – позже». Настоящее и будущее в этой ситуации оказываются неразрывно связанными, но в условных отрезках прошлого и настоящего лежит лишь незначительная «часть» всего длительного действия или состояния, основная же часть его отнесена в будущее, т. е. во временной план, лежащий после некоего события, послужившего «референциальным», поворотным моментом:

'I must tell Brenda and Zita. He won't mind, will he? I mean he won't disappear from our lives now we know his secret?' (E. Waugh).

'I have a feeling they'll never fly again now.' [missiles – after destruction of the factory] – *'If the research work ... is destroyed, they'll never mount another operation in time'* (F. Forsyth).

Можно также сделать вывод о том, что во многих случаях такого типа момент, обозначенный как *now*, является началом такого отрезка времени, в котором реализуется (или не реализуется) не само действие, названное инфинитивом, а ситуация возможности/невозможности осуществления действия.

Значение начинательности достаточно ярко выступает и в речевых актах обещания с элементом отказа от прежнего действия. Использование отрицания (особенно наречия *never*) в контекстах с *now* и другими средствами актуализации значения начинательности указывает на отказ субъекта от какого-то действия, которое он выполнял до сих пор, или от мнения,

которого он придерживался, т. е. на прекращение существования некоторой ситуации, имевшей место до этого момента:

[describes the action of poison he has added to peanuts] 'A post mortem shows haemorrhage and necrosis in the liver and engorgement of the kidneys, if you'll forgive me my medical jargon. Death usually occurs within a week.' – *'Damnation, Emmanuel, I've always liked peanuts. Now I'll never be able to eat them again'* (G. Greene).

Характерно, что в корпусе примеров из английского языка подавляющее большинство контекстов, в которых *now* актуализирует оттенок начинательности будущего, содержит отрицание (почти 90 %), тогда как начинательное значение русского сложного будущего сопровождается отрицанием менее чем в половине случаев. Таким образом, данный контекст в английском языке чаще передает оттенок невозможности или ненужности осуществления действия, как результат некоторых изменений в прошлом:

Mr Halliday said, 'I have a little present. A copy of that Trollope you asked for. You won't need a second copy now. It's a long book, but there'll be a lot of waiting.... It's called The Way We Live Now' (G. Greene).

Начинательность при наличии отрицания в английском языке вполне может быть актуализирована не только темпоральным наречием *now*, но и лексическим контекстом, указывающим на некоторое принципиальное для говорящего изменение ситуации, которое вынуждает его пересмотреть свое отношение к участникам ситуации. Средства лексического контекста содержат указание на различия между временными планами, т. е., между тем, что было ранее, и тем, что есть теперь и будет отныне, ср. в следующем примере *the same* с отрицанием:

It's bad enough having people with cranky opinions in the college, saving your presence, Eliot, but it's a damned scandal when they interfere with serious things. It's a damned scandal. I shall never think the same of Pilbrow (C. Snow).

Складывание аналитической формы в системе языка – длительный и сложный процесс, проходящий ряд ступеней без четких границ. Определить момент завершения этого процесса весьма непросто, что объясняется наличием в языке образований переходного характера, осложненных внутренними противоречиями. Динамическое взаимодействие модального и темпорального компонентов семантики глагольных форм и сочетаний является одним из тех «участков напряжения», преодоление которых ведет к качественному изменению системы языка.

Литература

1. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола: значение и употребление / А. В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971.
2. Иванова, И. П. Вид и время в современном английском языке / И. П. Иванова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
3. Комогорцева, В. М. Типы временной характеристики сочетаний *shall* и *will* с инфинитивом в современном английском языке / В. М. Комогорцева // Вопросы романо-германской филологии. – Иркутск, 1966. – Вып. 2.

4. Кошечая, И. Г. Сравнительная типология английского и русского языков / И. Г. Кошечая, Ю. А. Дубовский. – Минск, 1980.
5. Штелинг, Д. А. Грамматическая семантика английского языка (фактор человека в языке) / Д. А. Штелинг. – М.: МГИМО: ЧеРо, 1996.
6. Bodelsen, C. A. The system governing the Use of the Future Shall and Will / C. A. Bodelsen // Bodelsen Studies, Essays and Papers presented to C. A. Bodelsen on his 70th birthday. – Copenhagen: The Nature Method Centre, 1964.
7. Bybee, J. L. The evolution of future meaning / J. L. Bybee, W. Pagliuca // Papers from the 7th International conference on historical linguistics. – Amsterdam, Philadelphia, 1987.
8. Fleischmann, S. The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance / S. Fleischmann. – Cambridge, 1982.
9. Fries, C. C. The expression of future / C. C. Fries // Language. – 1927. – N 3.
10. Haegeman, L. The Semantics of Will in Present-day British English: A Unified Account / L. Haegeman. – Brussels: Paleis der Academiën, 1982.
11. Wekker, H. Chr. The expression of future time in contemporary British English: An investigation into the syntax and semantics of five verbal constructions expressing futurity / H. Chr. Wekker. – Amsterdam; N. Y.; Oxford: North-Holland, 1976.

Информация об авторе:

Логунов Тимур Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, 8 905 917 69 87, tlogunov@mail.ru.

Logunov Timur Aleksandrovich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations of KemSU.

УДК 81'373.613, 81'373.45, 81'373.46

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА ИНТЕРНЕТ-ФОРУМАХ ЭКОНОМИСТОВ

М. И. Махракова

THE FEATURES OF NEW ECONOMIC TERMINOLOGY USAGE AT ECONOMISTS' INTERNET-FORUMS

M. I. Makhrakova

В данной статье рассматриваются особенности адаптации и функционирования новой экономической терминологии, заимствованной из английского языка, в Интернет-коммуникации.

This article discusses the features of adaptation and functioning of the new economic terminology borrowed from English in the Internet communication.

Ключевые слова: экономическая терминология, заимствование, адаптация, Интернет-форум.

Keywords: economic terminology, borrowing, adapting, online forum.

Социальные и экономические перемены, произошедшие в нашем обществе в 1990-е годы, отразились на лексическом фонде русского языка, богатый потенциал которого оказался недостаточным для наименования новых явлений действительности в процессе интенсивного международного общения. В настоящее время все больше заимствованных слов входят в нашу речь, чему способствует тесный контакт между странами. Иноязычные слова пополняют пять основных лексико-тематических сфер: экономику, общественно-политическую сферу, спортивную, научно-техническую и обиходную лексику [5, с. 9]. Одной из самых пополняемых сфер является сфера экономики. В настоящий момент международный финансовый кризис распространяет по миру не только экономические потрясения, но и новые экономические термины. Основной поток иноязычных заимствований приходит из американского варианта английского языка. Английский язык – международный: он используется

при переговорах, выступает источником различных терминов, международная деловая корреспонденция переводится именно на английский язык. Экономические термины стали социально значимыми словами, которые вышли за границу профессионального употребления.

25 марта 2009 года в рамках симпозиума славистов в МГУ прошел круглый стол «Проблемы формирования современной финансово-экономической и юридической терминологии», участники которого пришли к выводу о том, что экономическая и юридическая терминология, используемая в России, страдает от разноречия, избытка заимствований, неверных переводов, искажающих смысл. Таким образом, был поднят вопрос о необходимости создания конкретных механизмов упорядочения данного вида терминологии.

В последнее время одной из основных сфер возникновения и функционирования новых слов стано-

вится пространство Интернет-коммуникации. Это объясняется тем, что в современном социуме данная сфера занимает все более значимые позиции, вовлекая в свою сферу индивидов из самых широких социальных, возрастных и профессиональных групп. Интернет представляет тем самым многообразные возможности виртуального общения с адресатом, обнаруживая новые формы бытования языка.

Каждый день в Интернет-пространстве появляются все новые форумы, касающиеся экономической сферы, в которых можно отследить появление новых терминов экономики, заимствованных из английского языка. Материалом для нашего исследования послужили Интернет-форумы, посвященные экономике: форум взаимопомощи, форум «корпоративный менеджмент», форум экономистов, форум фондовой биржи РТС, форум, посвященный юмору в экономической сфере, форум открытого исследовательского и дискуссионного центра «Глобальная авантюра», большой экономический форум, портал трейдеров и аналитиков «Биржевик». Объектом нашего анализа являются новые экономические термины, их употребление и дальнейшее функционирование в Интернет-дискурсе.

В силу своей новизны, значительного количества материала и его разнообразия, Интернет, в частности интернет-форумы, становится объектом пристального внимания лингвистов. Хотелось бы отметить, что само слово «форум» также является заимствованным (от лат. *forum* – торжище, центральная площадь). В словаре иностранных слов Л. П. Крысина даются следующие толкования данного слова:

1. *Термин исторической науки* «Площадь в Др. Риме», где сосредоточивалась общественная жизнь города.

2. *Термин высокого стиля* «Широкое представительное собрание».

3. *Термин информатики* «Обмен сообщениями в режиме реального времени между пользователями» [3, с. 768]. В нашей работе мы будем опираться на последнее значение данного слова.

Как правило, форумы представляют собой «живой» диалог пользователей, обмен информацией, вопросно-ответные реплики. Структура форума представляет собой множество веб-страниц, дифференцированных по определенным темам; каждая тема представлена на главной странице форума. Пользователь может принимать либо пассивное (чтение) участие в коммуникации, либо активное (чтение и публикация своего мнения). На форумах существуют правила: не использовать нецензурные выражения, одинаково относиться к представителям иных культур и национальностей. Отличительной чертой Интернет-форумов является то, что участник виртуального общения может принимать участие в коммуникативном процессе, не только происходящем в настоящий момент, но и развивавшемся год назад. В настоящее время Интернет-форумы являются одним из наиболее популярных способов обсуждения вопросов во «Всемирной паутине».

Рассмотрим подробнее особенности адаптации и функционирования экономической терминологии в

Интернет-коммуникации, ее грамматическое и фонетико-графическое приспособление.

1. Неисконные слова, пополняя лексическую систему русского языка, как правило, проходят процесс языковой адаптации, в частности, фонетико-графической и грамматической. При фонетико-графическом приспособлении происходит замена английских звуков на фонетически близкие звуки русского языка, графический облик слова изменяется с латинского написания на кириллическое. Основной массив заимствований сохраняет произношение и написание языка-источника (ср.: *management* – менеджмент, *benefit* – *бенефит*). Однако в некоторых случаях происходит замена двойных гласных и согласных, ср.: *business* (*business*), *трафик* (*traffic*), *бум* (*boom*). В слове *businesswoman* присутствует звук «W» – губной заднеязычный сонант, у которого нет соотносительной звуковой единицы в русском языке. Поэтому данный звук и, следовательно, буквенное обозначение меняется на «В».

Еще одной особенностью, связанной с трансформацией графической оболочки слов, является наличие различных вариантов написания заимствований: *distribution* – *дистрибЬЮция*, *дистрибУция*; *merchandise* – *мерчЕндайзер*, *мерчАндайзер*; *realtor* – *риэлтЕр*, *риэлтОр*, *риЕлтор*, *риЭлтор*. Данные примеры указывают прежде всего на то, что многие иностранные слова еще не вошли в систему русского языка, процесс их адаптации не завершился.

Грамматические характеристики неологизмов-заимствований в русском языке также склонны к трансформации. Как правило, в русском языке иноязычное слово закрепляется в форме только одной части речи, тогда как в английском может функционировать в качестве нескольких – как существительное и как глагол, ср.: *benefit* – n. 1. “a thing that one gains from sth”; 2. “money provided, esp by the government, to those who are entitled to receive it, eg those who are unemployed, ill, etc.”; 3. “the advantages that you get from your company in addition to the money you earn”. To benefit – v. 1. “to do good to sb/sth”; 2. “to receive benefit from sth” [11, с. 100]. В русский язык *бенефит* переходит только как существительное: *бенефит* – “право получения денег или другого страхового обслуживания по договору страхования”.

2. Стоит отметить, что в экономической сфере и обиходной лексике экономические термины не всегда имеют одно и то же значение. И при сравнении семантики слова в русском языке со значением термина в английском можно отметить их частичное или полное несовпадение. Так, при переводе экономических текстов с английского языка на русский и в обратном направлении, нам часто приходится сталкиваться с данной проблемой, что вынуждает сравнивать толкования лексических единиц, искать похожие использования в других контекстах. Так, при переводе текста «The selection of the sponsor» (дословно – «выбор спонсора», который в дальнейшем превратился в «Рекомендателя», так как в тексте не говорилось о материальной стороне), нам встретилось достаточно большое количество слов, которые используются в русском языке с другим значением, нежели в исход-

ном дискурсе, например: слово *office* (*офис*) в русском языке имеет устоявшееся значение “служебное помещение, кабинет, контора” [2, с. 746], а в данном тексте – “чиновник”. В русском языке слово *офис* в данном значении не употребляется.

При анализе экономических форумов, в форуме фондовой биржи РТС, нам встретился следующий вопрос, заданный одним из пользователей: «Кто-нибудь знает, где можно посмотреть *фри-флоат* по российским бумагам?» [9]. Данной лексической единицы в Словаре экономических терминов [2] нам найти не удалось, что подтверждает новизну слова.

Значение данного слова есть в Википедии – “приблизительная доля акций, находящихся в свободном обращении”, но там буквенная/ формальная сторона слова передана иначе графически – латиницей (*Free-float*). Также трансформируется и частиречная принадлежность исходной единицы: в Толковом словаре английского данное слово функционирует в роли прилагательного, на что указывает суффикс *-ing* – *free-floating* “не прикрепленный или соединенный с каким-либо определенным объектом” [11, с. 470]. Например, *a free floating currency* – “свободно плавающая валюта”. Можно предположить, что термин *фри-флоат* укоренится в русском языке и будет использоваться экономистами как эквивалент длинного русского наименования.

3. Большинство новых экономических терминов, как правило, неизвестны даже специалистам в области экономики. Например, на форуме взаимопомощи экономистов проходил следующий опрос пользователей: «Знаете ли вы, что такое *ассесмент*?» [7]. Из 1078 человек только 24 % опрошенных данный термин был известен. В БЭС значение данного слова дается следующим образом: “стандартизированная комплексная оценка поведения руководителей и рядовых сотрудников, эффективности их взаимодействия и соответствия поведения коллектива нормам корпоративной культуры” [2, с. 53].

В англо-русском словаре лексема *assessment* является многозначной – представлена 16 семами: оценка, определение, рассмотрение, суждение, обложение, сбор, установление, налог, обложение налогом, определение стоимости, размер налога, сумма обложения, сумма налогового обложения, оценка налогообложения, оценка в целях налогообложения, разверстка. В Толковом словаре английского языка, в свою очередь, присутствует лишь четыре из данных выше значений. Можно сделать вывод, что данное слово расширяет свою семантику, а также на русской почве проявляет деривационный потенциал, образуя новые слова. Так, в БЭС мы обнаружили терминологическое словосочетание, в состав которого входит данное слово – это *ассесмент-центр*: “метод оценки персонала в форме деловой игры” [2, с. 54].

Один из разделов форума «корпоративный менеджмент» имеет следующее название: «Ставка *дисконтирования*». Слово «дисконт» функционирует в номинациях предприятий сферы услуг (как правило, магазинов), давая понять, что данный магазин имеет низкие цены на товары. Дериват «дисконтирование» образован от английского слова «дисконт» и имеет

следующее значение: “метод, применяемый при оценке и отборе инвестиционных программ” [2, с. 233].

Также во многих разделах (в частности, на форуме студентов-экономистов) обсуждается проблема «*рейдер*» [8]. Данный термин заимствован также от английского “*raider*” и появился в нашей стране не так давно. В английском языке слово означает: “человек, неожиданно пытающийся взять под контроль другую компанию, покупая большое количество ее акций” [10, с. 387]. В русский язык оно перешло с тем же значением: “лицо, начинающее активно скупать акции компании с целью получения контрольного пакета”, а также данный термин имеет значение “налетчик”, представленное в словаре в кавычках, т. е. имеющее переносное значение [2, с. 1009].

Еще одним интересным примером является использование слова «*родишоу*». В БЭС данное слово относит нас к слову «*шоу дорожное*» со значением “презентация компании, нового инвестиционного фонда или эмиссии ценных бумаг, которая делается самой компанией и ее инвестиционными советниками в основных финансовых центрах, где есть надежда привлечь крупных институциональных инвесторов” [2, с. 1423], от английского *roadshow* “ряд событий в разных местах воодушевляющих людей инвестировать в компанию” [10, с. 415]. Используя русский эквивалент слову «*родишоу*» – «*шоу дорожное*», говорящий может ввести человека, незнакомого с экономической спецификой, в заблуждение, т. к. по данному словосочетанию можно подумать, что говорится о шоу или, возможно, происшествии на дороге, поэтому в скором, надо полагать, слово «*родишоу*» вытеснит русский эквивалент из обихода. Хотелось бы отметить, что в словаре иностранных слов данные термины тоже не представлены.

4. Слова встретившиеся нам на форуме открытого исследовательского и дискуссионного центра «Глобальная авантюра» (*бустрэппинг*, *оверспендинг*, *скалпинг*) подтверждают многочисленный «наплыв» слов, оканчивающихся на *-инг*. В английском языке данные слова образуются по модели «глагол + окончание *-ing*»: *scalping* (скалпинг) – *to scalp* (делать быструю прибыль) + *-ing*. В данном словообразовательном типе производное и его производящее по отношению друг к другу являются синтаксическими дериватами: они имеют форму «с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [4, с. 61 – 62]. В русском языке данные термины звучат очень похоже, так как они являются заимствованными, меняется лишь звуковое оформление элемента основы. В английском языке *-ing* произносится при помощи носового звука: *диллинг*, *лизинг*, *клиринг*, *демпинг*, *холдинг*, *бустрэппинг*, *скалпинг*. В русском языке *-ing* входит в состав корня, так как данные слова воспринимаются как непроизводные. В русском языке слово «скалпинг» не представлено в словарях, но его значение отражено в Википедии – «одна из стратегий внутридневных спекулятивных операций на фондовом, валютном, товарном рынках, особенностью которых является закрытие сделки при достижении небольшой прибыли в несколько пунктов». Но в «Большом экономическом

словаре» мы нашли такие слова, как «*скальп*» (биржевая спекулятивная сделка с небольшой прибылью, совершаемая обычно в короткие промежутки времени) и «*скальпер*» (спекулян из операционного зала, который часто покупает и продает, чтобы извлечь выгоду из небольших колебаний цен) [2, с. 1098], которые также были заимствованы из английского языка. Стоит отметить, что мы также не смогли найти слово “scalping” в толковых словарях английского языка, его значение мы нашли в английской Википедии.

Слово «*бутстрэппинг*» в английском языке имеет два значения: 1) завязывание, затягивание шнурков, 2) акт построения бизнеса с небольшими инвестициями, но большим желанием и воображением. В русский язык оно перешло лишь с экономическим значением, которое также пока не имеет отражения в словарях а лишь на просторах Интернета: «Это способ финансирования небольших фирм посредством высокоэффективного приобретения и использования ресурсов без увеличения акционерного капитала из традиционных источников или заимствования средств в банках. Эта фаза характеризуется большой зависимостью от внутренних источников финансирования, кредитных карт, закладных, ссуд, точнее сказать, характеризуется недостаточностью источников финансирования».

Еще одно слово, не нашедшее пока свое место в словаре, – «*оверспендинг*». В английском языке оно означает «перерасход». В Википедии мы находим то же значение – «это ситуация, когда кто-либо тратит больше денег, чем он может себе позволить».

Данные слова в Национальном корпусе не представлены.

5. На Большом экономическом форуме мы также смогли найти несколько новых и интересных слов, до сих пор не представленных в словарях. Слово «*ремиттанс*» в английском языке является существительным и имеет два значения: *remittance* 1) сумма денег, посланная для оплаты чего-либо; 2) процесс отправки денег для оплаты чего-либо [11, с. 989]. В русском языке данное слово сузило и немного изменило свое значение, возможно, в связи с огромным наплывом иммигрантов в Россию в настоящее время: «заработанные иммигрантами деньги, поступающие в страны “исхода”». Поскольку назначение таких денежных переводов, как правило, – оказание помощи родным и близким иммигранта».

Слово «*экспат*» происходит от английского “*expatriate*” (в сокращении “*expat*”), буквально – «человек, живущий за пределами родины». Данного слова нет ни в Большом экономическом словаре, ни в Словаре иностранных слов. В Интернете мы находим следующее его значение: «человек с гражданством одной страны и работающий по контракту в другой стране» [1]. Но в Толковом словаре Л. П. Крысина мы находим следующие слова, схожие по звучанию со словом «*экспат*», это «*экспатриант*», «*экспатриация*», «*экспатриировать*». Значения слов также схожи, но если в случае с «*экспатом*» человек работает в другой стране по контракту, то эти слова обозначают «принудительное выселение за пределы родины, обычно влекущее за собой лишение гражданства» [3,

с. 831]. Данные слова заимствованы из французского и латинского языков. Возможно, слово “*expatriate*” было также заимствовано из латинского в английский язык, сузило значение до «человека, живущего за пределами родины» и затем пришло к нам. Но так как у нас уже присутствовало слово «*экспатриант*», заимствованное из другого языка и имеющее немного другое значение, русский язык перенял сокращенную форму «*экспат*».

Слово «*таймфрейм*» пополнило ряд уже известных заимствованных слов, включающих в себя английское слово «*тайм*» – «*время*». В русском языке уже свободно используются такие слова, как «*таймер*», «*тайм-аут*», «*таймшер*», «*тайм-чартер*». В английском языке слово “*time-frame*” состоит из двух слов, “*time*” – «*время*» и “*frame*” – «*рамка*», на русский язык оно переводится как «срок; временные рамки». В русском языке данное слово специализировало свое значение: «интервал времени, используемый для группировки котировок при построении элементов ценового графика». Данное значение было взято из Википедии, так как в словарях оно еще не представлено. В Национальном корпусе русского языка есть лишь один документ с двумя вхождениями данного слова, датированный 2010 – 2011 годами. Поэтому смело можно сказать, что данное слово новое и только лишь начинает входить в русский язык и пока используется лишь специалистами в профессиональной сфере.

6. Особой лексикой экономистов, используемой в Интернет-форумах, является сленг. Многие сленгизмы не представлены в Национальном корпусе русского языка, ср.: *аутрайт*, *бизнесмент*, *баффер*, *безмен*, *буллишнесс*, *бэаришнесс*, *бэквордэйшн*, *вендор-лиз*, *вуменджер*, *джорджик*, *рэйт*, *кикбэкнг*, *неттинг*, *гуччи-муччи-пилл*, *каверинг*, *кам нью*, *своинг*, *фло-прайз*, *уошаут*, *флиппер*. Многие из них являются неизвестными для носителей языка, но имеют конкретное значение для экономистов, например: *аутрайт* – «простая срочная валютная сделка» [6, с. 23], *мелон* – «большой хороший дивиденд» [6, с. 194], *фло-прайз* – «минимальная цена» [6, с. 347].

На форуме портала трейдеров и аналитиков «Биржевик» нам встретились тема, посвященная сленгу трейдеров. Вот некоторые из слов функционирующие в их речи, но не представленные в словарях иностранных слов или экономических словарях: *клоуз* – «цена закрытия бара», *оупен* – «цена открытия бара», *паникбай* – «ажиотажные покупки», *паниксел* – «ажиотажные продажи», *хай*, *хай* – «максимальные цены», *фикситься* – «закрывать позиции», *шорт* – «торговля в короткую», *лонг* – «торговля в длинную», *шип* – «резкий выброс цены и возврат к ее предыдущему значению» и др. Все они также заимствованы из английского языка.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что экономическая сфера пополняется практически ежедневно. В связи с идеями, высказанными на круглом столе, прошедшем в МГУ, возникает вопрос, смогут ли ученые остановить рост заимствований в экономической сфере? На мой взгляд, на данный момент это невозможно, так как США является лидером

экономических отношений и «поставляет» термины не только в нашу страну, но и в мировую экономику.

В данной статье представлена лишь малая часть примеров новой экономической лексики, но даже по данным заимствованиям можно увидеть огромное влияние иноязычных слов на русский язык. Многие из терминов, имея кириллическое написание, используются участниками форумов в их латинском варианте. Создаются разделы форумов, в которых обсуждаются

новые слова, их значение и необходимость использования в русском языке. Проанализировав материал, мы пришли к выводу, что даже не все экономисты знают новые слова, приходящие в экономическую сферу, не говоря о простых носителях языка, но стоит предположить, что данные слова, как и их предшественники, со временем займут свое место в лексической системе русского языка.

Литература

1. Бизнес-словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.businessvoc.ru
2. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. – 7-е изд., доп. – М.: Институт новой экономики, 2008.
3. Крысин, Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М.: Эксмо, 2011.
4. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая / Е. Курилович. – М., 1962.
5. Сешан, Ш. Англицизмы в русской речи (по материалам прессы 90-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ш. Сешан. – М., 1996.
6. Словарь: заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. – М.: Ити-технологии, 2004.
7. Форум взаимопомощи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economist-info.ru>
8. Форум студентов-экономистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econom.v8482.ru>
9. Форум фондовой биржи РТС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://Forum.rts.ru/viewtopic.asp?t=16426>
10. Oxford Learner's Dictionary of Business English. – Oxford University Press, 2006.
11. Oxford Advanced Learner's dictionary. – Oxford University Press, 2000.

Информация об авторе:

Махракова Марина Ивановна — соискатель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, 89132981019, marishik24@mail.ru.

Makhrakova Marina Ivanovna – post-graduate student at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 808.5

РОЛЬ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ ОРАТОРА В ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

М. С. Мащенко, Ю. С. Паули

THE ROLE OF THE SPEAKER'S PURPOSE IN THE ORGANIZATION OF A JUDICIAL SPEECH

M. S. Mashchenkova, Yu. S. Pauli

Исследование выполнено при поддержке Гранта губернатора Кемеровской области, 2012 г.

В статье анализируется, каким образом цели оратора влияют на построение аргументации, композицию и языковое оформление судебной речи.

The influence of the speaker's purposes on argumentation development, composition and language use in judicial speech is analyzed in the article.

Ключевые слова: судебная речь, целевая установка, аргументация.

Keywords: judicial speech, purpose, argument.

В контексте правовой реформы, проводимой в современной России, возникает необходимость в разработке подходов к описанию речевых навыков современного судебного оратора, осуществляющего правоприменительную деятельность в условиях особой публичности – в ситуации, когда адресатом сообщения, помимо профессионала, выступает юридически не подготовленный человек. Так, прокурор Кемеровской области А. П. Халезин следующим образом определяет задачи обвинителя в современных условиях:

«...это требует от государственного обвинителя высокого профессионализма, повышает служебную и личную ответственность за судьбу лиц, в отношении которых проводится уголовное преследование и оперативное разрешение проблем потерпевших по защите своих прав» [4, с. 3]. Разработке теории современного судебного красноречия способствует изучение образцовых судебных речей практикующих ораторов, составление хрестоматий, содержащих наиболее удачные и неудачные тексты судебных ораторов. Та-

ким примером может стать сборник «Речи государственных обвинителей», выпущенный прокуратурой Кемеровской области и Управлением по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами в 2003 году. Особый интерес представляют судебные речи по делам, вызвавшим общественный резонанс, поскольку речевое поведение участников судебных прений, решения по этим делам привлекают к себе внимание широкой публики и требуют от судебных ораторов, помимо правовой, еще и общественную оценку.

Активизация исследований судебных речей привела к многоаспектному их изучению. Данная работа включена в контекст риторической традиции изучения стратегий убеждения в судебных речах (см. исследования Т. В. Артемовой, А. С. Александрова, З. В. Баишевой, В. В. Девяткиной, Н. Н. Ивакиной, П. Сергеева). Судебный оратор, изучая обстоятельства дела и выстраивая свою аргументацию, формулирует свою целевую установку, которая организует текстовое оформление судебной речи.

Авторы учебного пособия [1] подразделяют цели судебной речи на дальние и ближние. Дальняя цель судебной речи «сводится к тому, чтобы помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела, способствовать формированию убеждения судей, оказать воспитательное воздействие на граждан и при этом не приносить в разбирательство сведений, дотоле не известных суду» [1, с. 227 – 228]. Дальние цели определяют состояние адресата: его знания об обстоятельствах дела, его убеждения по поводу роли подсудимого в разбираемой ситуации, его отношение к этой ситуации. Ближняя цель «связана с выражением процессуальной позиции самого оратора, т. е. всего того, на основании чего слушатель способен принимать решение. Отсюда: ближняя цель речей, произносимых в ситуации судебных прений, выражается самим автором как акт просьбы (Я прошу суд...) и состоит в доказывании и вынесении предложения о мере пресечения» [там же]. Таким образом, ближняя цель выражает позицию адресанта судебной речи.

Цель данной работы – определить особенности текстового оформления замысла судебных ораторов, представляющих разные точки зрения по одному делу. Материалом исследования послужили обвинительная [5] и защитительная [3] речи по делу Н. А. Кулаева, принимавшего участие в событиях в Беслане 1 – 3 сентября 2004 года.

1. Обвинительная речь по делу Н. Кулаева: языковые механизмы достижения цели высказывания

Дальними целями обвинительной речи по делу Н. Кулаева являются:

- помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела. Эта цель сформулирована обвинителем прямо: «Для следствия важно полно и объективно исследовать все обстоятельства, связанные с данным уголовным делом. В этой связи мы тщательно исследуем и все показания, которые были даны в ходе судебного следствия»;

- способствовать формированию убеждения судей. Эта цель формируется прямо в обобщенном виде: «А сейчас наша задача дать правовую оценку деяниям подсудимого», а также системой доказательств, приведенных в тексте речи. На убеждение судей влияет и усиление эмоциональности речи;

- оказать воспитательное воздействие на граждан, чему способствуют воздействующие возможности языковых средств, посредством которых представлено и само описываемое событие, и подсудимый.

Ближняя цель определяется целевой установкой оратора – представить подсудимого как полноправного члена банды, что позволит отождествить его деяния с действиями всей банды, а это, как правило, расширяет возможности квалификации. Государственный обвинитель, включив деяния подсудимого в более широкий контекст – деяния бандформирования, квалифицирует их по статьям 209 ч. 2 УК РФ, 222 ч. 3 УК РФ, ч. 3 ст. 30 и статье 105 ч. 2 п.п. «а, б, в, д, е, ж, з» УК РФ, ч. 3 ст. 30 и статье 206 ч. 3 УК РФ, ст. 206 ч. 3 УК РФ, 205 ч. 3 УК РФ, ст. 105 ч. 2 п.п. «а, б, в, д, е, ж, з» УК РФ, 317 УК РФ, а затем предлагает в качестве санкции исключительную меру наказания – смертную казнь. Ближняя цель сформулирована оратором прямо и помещена в заключение речи: «На основании части 3 ст. 69 Уголовного кодекса РФ, по совокупности преступлений, окончательно назначить наказание Кулаеву Нурпаши Абургакашевичу путем частичного сложения наказаний, в виде исключительной меры наказания – смертной казни».

Намеченные государственным обвинителем цели обуславливают аргументационную и композиционную организацию речи, ее языковое оформление.

Обвинительная речь по делу Кулаева Нурпаши Абургакашевича имеет традиционное трехчастное деление: вступление, основная часть и заключение.

А. Вступление. Вступительная часть определяется замыслом речи и является основой для дальнейшего исследования обстоятельств дела. Речь прокурора начинается с общественной и моральной оценки совершенного преступления, которая выражена прямо: «Перед участниками процесса вновь прошли кровавые события сентября 2004 года, которые пришлось пережить жителям Беслана. Трагедия, боль которой вместе жителями этого небольшого осетинского города разделил весь цивилизованный мир».

Помимо формирования предварительной оценки вступление также готовит адресата к доверительному восприятию последующих далее аргументов. Для этого оратор отходит от усиления эмоциональности, стремится к большей объективности в формулировании своей задачи: «Теперь настало время решить вопрос о виновности подсудимого и дать правовую оценку совершенным Кулаевым преступлениям»; «Следствием собраны убедительные доказательства того, что в составе банды подсудимым совершены: бандитское нападение, захват заложников, терроризм, убийства и другие преступления. Религиозная и национальная составляющие в них отсутствуют». Перечисляя преступления, вменяемые подсудимому, оратор указывает на позиции, с которых рассматриваются разбираемые факты (только с правовой точки

зрения, не религиозной, не национальной и т. д.). Уже во вступлении он утверждает доказанность этих преступлений: *«собраны убедительные доказательства того, что...»*. Кроме того, он перекладывает ответственность на органы предварительного следствия, используя аргумент к авторитету: *«Следствием собраны убедительные доказательства»*.

Б. Основная часть. Чтобы предложить санкцию – исключительную меру наказания – смертную казнь, обвинитель обосновывает ряд тезисов: (1) ‘Кулаев – полноправный член банды’, это базовый тезис, от которого зависит вся остальная аргументация оратора, а также квалификация деяний подсудимого; (2) ‘подготовленность Нурпаши Кулаева как террориста’; (3) ‘использование Кулаевым огнестрельного оружия, жестокое обращение с заложниками’.

В целом аргументация обвинителя строится по сходной схеме: оценочное представление тезиса (*«Он не заблудшая овца, случайно оказавшаяся в стае волков»*, *«В той ситуации, когда люди боролись за свои жизни и жизни своих детей, мало кто из заложников обращал внимание на поведение Кулаева, но некоторые испытали на себе насилие и жестокость с его стороны»*). Оратор формулирует свои ключевые идеи в виде обобщенных оценочных суждений, в которых он опирается на общечеловеческие ценности, тем самым он придает тезису статус общественного мнения. Для обоснования тезиса судебный ритор использует метод наслаивания одного аргумента на следующий, в результате которого аудитория с большей степенью достоверности воспринимает выдвинутый тезис и считает его доказанным. При формулировании доводов он отходит от оценочности, эмоциональности и стремится к объективному представлению фактов. Основным видом аргументов, которые он применяет для обоснования тезиса, является аргумент к очевидному – показания свидетелей, подсудимого, следствия, что служит усилению эффекта достоверности изложения.

Наиболее разработана аргументация тезиса (1). Ее основой являются аргументы к очевидному – показания свидетелей: *«Свидетель Мужихоева и в ходе предварительного следствия, и в этом зале опознала Нурпаши Кулаева как боевика, которого она видела в банде Басаева еще в мае 2003 года. Она подтвердила, что и подсудимый, и его брат Ханпаш, уничтоженный в Беслане, никогда не прерывали своей связи с экстремистской террористической организацией, действующей не только в Чеченской Республике, но и в других субъектах юга России»*, показания подсудимого *«В своих показаниях суду Кулаев то и дело старался отделить себя от террористов и убийц, утверждая, что он не имел к ним отношения, не знал целей и задач банды»*.

При этом в аргументацию вставлены описание самой банды, ее деяний, а также оценка ее действий, а не только оценка действий обвиняемого, тем самым оратор разделяет виновность за все когда-либо совершенные преступления бандитской группировкой между членами банды и Кулаевым. Обвинитель раскрывает состав, цели и действия банды. Благодаря этому, он подчеркивает, что Кулаев – участник банды,

он обозначает ее цели и действия, тем самым причисляя их подсудимому: *«Но у бандитов и террористов, как известно, нет ни национальности, ни совести, ни чести, ни достоинства. Один из них, Ваша честь, сейчас перед Вами»*. В виде вывода оратор использует оценочное высказывание, в котором указывает на отсутствие у подсудимого нравственных ценностей. В своих оценках он опирается на общечеловеческие и духовные ценности: *«...грубо извращая человеколюбивую и гуманистическую суть этой религии (ислама), бандитские главарь 1 сентября подло попирали священные законы дружбы и добрососедства, всегда чтимые на Кавказе. Подняли руку на детей и на их невинные жизни»*, что оказывает сильное психологическое воздействие на аудиторию. Это ценности всей аудитории, а не одного оратора, посягательство на ориентиры и нормы, на моральные ценности, являющиеся абсолютным стандартом для людей всех культур и эпох, вызывает потребность их защищать и враждебное отношение к подсудимому.

Тезис (1) обосновывается также с помощью косвенных аргументов, которые связаны с ним опосредованно. Например, аргумент, в котором разрабатываются цели банды и затем осуществляется проецирование этих целей на цели подсудимого *Своей целью террористы ставили именно уничтожение заложников*, построен в виде силлогизма, что усиливает его объективность:

(1) первая посылка, в которой перечислено вооружение банды и постепенно рассуждение подводится к описанию взрывных устройств, установленных в школе: *«Об этом можно судить по тому количеству взрывных устройств, арсеналу оружия, которое они привезли с собой. По всему залу были развешаны и разложены как самодельные взрывные устройства осколочного поражения, так и противопехотные мины заводского изготовления с самодельной доработкой. На вооружении террористов находились реактивные и подствольные гранатометы, ручные гранаты и стрелковое оружие. Те взрывные устройства, которые удалось обезвредить во время операции по освобождению заложников, были начинены поражающими элементами в виде шариков, роликов и применены террористами для поражения наибольшего количества заложников. // Применение указанных взрывных устройств в спортивном зале школы № 1 г. Беслана убедительно свидетельствует об истинных намерениях террористов»*;

(2) вторая посылка, которая сформулирована в виде аргумента к очевидному: *«Эти обстоятельства подтвердили потерпевшие Дигурова А. П., Губиева Б. И., Ходов А. С., Кастуева А. В., Левченко Л. В., Гутиев З. Х. и многие другие, а также свидетели Барзгов Б. И., Тетов Э. Т. и другие»*;

(3) вывод, в котором в контекст целей банды включаются цели подсудимого: *«Указанные действия террористов неопровержимо свидетельствуют о том, что банда, в которую входил Кулаев, ставила своей целью учинить кровавую расправу над беззащитными и мирными людьми»*.

Идея ‘Кулаев – полноправный член банды’ выражается не только организацией аргументов, но и по-

средством языкового оформления замысла автора. Так, при перечислении совершенных бандитской группировкой преступлений обвинитель, указывая на субъект действия, обязательно называет и подсудимого, и банду в целом, тем самым подчеркивая связанность подсудимого с ней: «Согласно обвинительному заключению, Кулаев Нурпаша Абургашиевич обвиняется в том, что в августе 2004 г. вошел в состав устойчивой вооруженной группы (банды) под непосредственным руководством жителя Республики Ингушетия Хучбарова Р. Т. ... // «В результате преступных действий Кулаева и других участников банды погибло 317 заложников, 1 житель Беслана не из числа заложников и 2 сотрудника МЧС, 728 заложников получили ранения разной степени тяжести. Кроме того, при проведении сотрудниками спецподразделений операции по освобождению заложников, Кулаевым и другими членами банды, вооруженными огнестрельным оружием, объединенными единым преступным умыслом, направленным на лишение жизни, было убито 10 сотрудников центра специального назначения ФСБ Российской Федерации и ранено 55 работников правоохранительных органов и военнослужащих. // В результате преступных действий Кулаева и членов банды было разрушено здание школы № 1 г. Беслана, а также постоянным обстрелом боевиками близлежащих зданий, учреждений и домовладений граждан был причинен материальный ущерб на общую сумму более 34 млн рублей»; «Действуя в составе организованной группы, Кулаев Н. А., совместно с другими членами банды, незаконно приобрел огнестрельное оружие и боеприпасы различной модификации, а также самодельные взрывные устройства, которые хранил, носил, перевозил, а 1–3 сентября 2004 г. использовал при нападении на школу и удержании заложников». Стилистически такой повтор недопустим, но оратор использует его для усиления уже доказанной им идеи о включенности Кулаева в состав банды. Здесь также важна идея выделения подсудимого из состава банды, которая также представлена посредством языковых единиц. Для аудитории Н. Кулаев – единственный известный член банды, а следовательно, все ее деяния соотносятся у слушателей только с ним.

В. Заключение. Предложение санкции – композиционный элемент, входящий в состав основной части, однако автор этой речи помещает его в заключение. Исключительность рассматриваемого дела и санкции, которую он обосновывает, определяет особую подготовку аудитории к ее принятию. В заключении речи обвинитель утверждает смертную казнь как единственно приемлемую меру наказания с точки зрения закона, гуманности и религии (более подробно анализ заключения обвинительной речи по делу Н. А. Кулаева см. в [Паули, 2009, с. 190 – 202]. Воздействующий эффект здесь создается и с помощью выразительных языковых средств. Так, оратор использует фигуры умолчания: *Говорят, что время стирает все, даже горе. Может быть...*; прямое обращение, сочетающееся с риторическим восклицанием: *Ваша честь! Право суда карать или миловать!*; парцелляцию: *Я склоняю голову перед памятью погибших... И*

от их имени, во имя справедливости и правосудия прошу суд признать Кулаева виновным и назначить ему наказание... Сочетание слов в однородную связь позволяет представить оценку рассматриваемого события: *Он должен подействовать отрезвляюще на тех, кто готовится стать на путь варварства и террора* (значит, террор = варварство).

2. Защитительная речь по делу Н. Кулаева: языковые механизмы достижения цели высказывания

Дальними целями защитительной речи по делу Н. Кулаева являются:

- помочь суду и гражданам разобраться в фактических обстоятельствах дела. Эту цель судебный оратор формулирует прямо: *«Моя задача – отыскать в деле все факты, оправдывающие или смягчающие положение моего подзащитного»;*

- способствовать формированию убеждения судей. Эта цель также формулируется прямо во вступлении: *«Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок. И я надеюсь, что вы меня поймете»*, а также реализуется системой опровергающих или уточняющих доказательства обвинителя аргументов;

- оказать воспитательное воздействие на граждан. Эта цель защитительной речи не так ярко выражена, как в обвинительной речи. Но своей оценкой описываемых событий он участвует в формировании его общественной оценки. Большим воспитательно-дидактическим потенциалом обладает отстаиваемая адвокатом идея об объективности позиции суда: *«Сегодня я защищаю не преступление, а отстаиваю права подзащитного своего. ... Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок».*

Ближняя цель защитительной речи определяется целевой установкой оратора – требованием пересмотра доказательств по делу, выдвинутых стороной обвинения. Адвокат обращается к суду: *«Прошу внимательно взвесить все представленные доказательства, дать оценку показаниям моего подзащитного. И прошу уважаемый суд вынести справедливый приговор».* При этом особенностью этой речи является то, что оратор не предлагает санкцию, он апеллирует к общественным ценностям – правовая объективность суда.

А. Вступление. Вступительную часть своего выступления оратор строит, используя прием ораторской предосторожности, который позволяет привлечь на свою сторону адресата и сформировать нужное убеждение судей. Так, в отличие от вступления обвинительной речи, в котором дается общечеловеческая оценка событиям Беслана и утверждается достоверность найденных следствием доказательств виновности подсудимого, это вступление крайне личностно: *...я хотел бы принести свои искренние соболезнования..., Поверьте мне, я был рядом с вами в Беслане в те же дни, ...мне, как человеку, было нелегко знакомиться подробно с материалами данного уголовного*

дела, находиться вот уже 10 месяцев с вами в зале заседания, видеть вас, убитых горем. Хотя защитник не говорит прямо об ошибках следствия, но задача, которую он ставит: «*Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок*», в presupпозиции предполагает их возможность.

Б. Основная часть.

Целевая установка адвоката – показать нарушения в ходе следствия и добиться пересмотра доказательств по делу определяет построение его речи как опровержение и/или как уточнение аргументации обвинителя по следующим тезисам: (1) нарушение процедуры задержания; (2) нарушение процедуры проведения экспертизы, которая могла бы установить, стрелял ли Н. Кулаев из оружия. Перечисление списка оратор заканчивает тем, что он неокончателен: «*И повторюсь еще раз, это не единственные нарушения и недочеты органов предварительного расследования*». Оратор указывает на недостаточность характера доказательств, приведенных прокурором для той или иной предложенной им квалификации, что, в свою очередь, формирует убеждение судей о недоказанности тезисов, выдвинутых стороной обвинения, и, следовательно, является фактом, смягчающим положение подсудимого.

Для достижения вышеописанных целей оратор обращается к анализу положений, выдвинутых стороной обвинения, для их опровержения в силу недостаточной доказанности. Он ставит перед собой задачу доказать непричастность Кулаева к банде: «*Так, Кулаеву инкрементируется участие в устойчивой вооруженной группе, банде и в совершении ею нападения*». Показать суду недоказанность тезиса «Кулаев – полноправный член банды» – значит показать полную несостоятельность аргументации обвинителя. Также он опровергает такие вспомогательные тезисы: «Кулаев является подготовленным террористом», «Кулаев обвиняется в убийстве, умышленном причинении смерти другому человеку, 2 или более лиц, лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, равно сопряженного с похищением человека или захватом заложников» и «Кулаев обвиняется в незаконном приобретении, передаче, хранении, перевозке, ношении оружия».

При опровержении положений, доказываемых стороной обвинения, защитник каждый раз использует одну и ту же стратегию: определяет основное понятие (*банда, терроризм* и т. д.), соотносит его с действиями подсудимого, доказывает недостаточность аргументации, приведенной стороной обвинения в доказательство данного положения. Например, при опро-

вержении базового тезиса «Кулаев – полноправный член банды» судебный оратор вначале приводит значение термина «банда»: «*Банда – это устойчивая вооруженная группа лиц, квалифицирующими признаками которой соответственно являются вооруженность и устойчивость*». После этого он приступает к соотношению действий своего подзащитного и действий, входящих значение слов *банда*. Для этого он приводит аргументы к очевидному – показания свидетелей: «*Допрошенная в качестве свидетеля Зарема Мужахоева показала, что какое-то время проживала в одном доме с Кулаевым Нурпашиой. За это время она никогда не видела у моего подзащитного оружия, никаких неправомерных действий за этот период он не совершал*», заканчивает разработку этого аргумента выводом, в который повторяет тезис: «*И это еще раз подтверждает тот факт о том, что Кулаев не состоял ни в какой устойчивой вооруженной группе, в банде*». В тексте небольшое число оценочной лексики, в сравнении с обвинительной речью, что соотносится с приемом ораторской предосторожности и целевой установкой – «помочь суду разобраться в истине дела».

В. Заключение. В заключении адвокат не предлагает санкций, а просит суд дать объективную оценку действиям подсудимого: «*И в заключение, прошу уважаемый суд дать объективную оценку действиям Кулаева. Прошу внимательно взвесить все представленные доказательства, дать оценку показаниям моего подзащитного. И прошу уважаемый суд вынести справедливый приговор*». Подобное завершение защитительной речи свидетельствует о том, что целью судебного ратора является не предложение меры наказания, а формирование убеждения судей в пересмотре доказательств фактов по данному делу и нахождение фактов, «оправдывающих или смягчающих положение подзащитного».

После анализа обвинительной и защитительной речей по делу Н. Кулаева можно сделать вывод о том, что оба судебных ратора организуют структуру и содержание своей речи, исходя из намеченной целевой установки. В основе правильно построенного высказывания, независимо от его объема, жанровой принадлежности, формы публикации, лежит одна идея, которая должна быть отчетливо сформулирована ратором. Если у автора нет ясного представления о том, что он предлагает аудитории, ему не удастся развернуть последовательную аргументацию, а следовательно, достичь поставленной цели. Ведь судебная речь – это способ оказать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, способствовать формированию убеждения судей и присутствующих в зале суда граждан.

Литература

1. Катышев, П. А. Ортология судебной речи: на материале речей по уголовным делам / П. А. Катышев, Т. В. Князькова // Риторика / под. ред. П. А. Катышева. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006.
2. Паули, Ю. С. О значении риторического анализа в процессе формирования речевой компетенции студента / Ю. С. Паули // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учебное пособие. – Кемерово, 2009.

3. Плиев, А. А. Защитительная речь по делу Н. А. Кулаева / А. А. Плиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravdabeslana.ru/61-160206.htm>
4. Речи государственных обвинителей. – Кемерово, 2003.
5. Шепель, Н. И. Обвинительная речь по делу Н. А. Кулаева / Н. И. Шепель [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravdabeslana.ru/59-090206.htm>

Информация об авторах:

Мащенко Марина Сергеевна – студентка Кемеровского государственного университета, mashchenkova-ms@mail.ru.

Mashchenkova Marina Sergeevna – student at KemSU.

Паули Юлия Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, pauliyulia@rambler.ru.

Pauli Yulia Sergeevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 811.111.1'42

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: СОЧЕТАНИЕ АНТРОПОМОРФНЫХ И ЗООМОРФНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ОБРАЗЕ ПЕРСОНАЖЕЙ

Е. В. Медведева

FANTASTIC DISCOURSE: THE COMBINATION OF PERSONAGES' ANTROPOMORPHIC AND ZOOMORPHIC CHARACTERISTICS

Е. В. Medvedeva

Фантастический дискурс как разновидность художественного дискурса пока мало исследован. В данной статье сделана попытка определить основные черты жанров фантастики и рассмотреть специфику фантастического дискурса с точки зрения семантики возможных миров. Также предлагается анализ способов построения образов персонажей в произведениях А. Нортон.

Fantastic discourse as a kind of fiction discourse has not been fully researched yet. This article makes an attempt to define the main features of fantastic genres and to examine the peculiarities of fantastic discourse in accordance with the theory of possible worlds. The author also presents the analysis of the ways of creating personages' images in A. Norton's works.

Ключевые слова: дискурс, фантастика, «возможный мир», антропоморфизм, зооморфизм.

Keywords: discourse, fantasy, "possible worlds", anthropomorphism, zoomorphism.

Понятие «дискурс» является одним из наиболее популярных и наиболее многозначных в современной лингвистике. Дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136 – 137]. В. Б. Кашкин отмечает, что дискурс может считаться еще одним уровнем языка или уровнем анализа языка, а Ю. С. Степанов говорит, что «дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности [13, с. 43]. С позиции когнитивно-дискурсивного подхода можно трактовать как речемыслительный процесс, объективированный в «некотором множестве текстов, обладающих общими для соответствующего типа текстов когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеющими согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащими для передачи и генерирования смысла, а также декодирования других текстов» [10, с. 84]. Таким образом, фантастический дискурс, являющийся особой разновидностью художественного дискурса, объективируется в тек-

стах, отражающих фантастические модели реальности, которые используются автором для осуществления художественного воздействия на читателя.

Фантастическое является древнейшим компонентом человеческой культуры, так как именно в нем отражается стремление человека воображать, отображать действительность в причудливых и неожиданных формах. Фантастика как вид художественной литературы генетически связана с волшебной сказкой и героическим эпосом, с рыцарским романом и литературой романтизма. Она использует и обновляет постоянные мифические и сказочные образы, мотивы, сюжеты в сочетании с жизненным материалом истории и современности. Действительно, мифология и народное творчество всех стран изобилует фантастическими персонажами, фантастические сюжеты являются основой средневекового рыцарского эпоса, у романтиков («иенцев») фантазирование, то есть «устремленность воображения в запредельный мир мифов и легенд, выдвигалось как приобщение к высшему прозрению, как жизненная программа» [7]. Но при всем этом никакой другой вид литературы не вызывал

столько вопросов, начиная с правомерности выделения ее как жанра.

Представление о фантастике как об отдельном виде литературы возникло во второй половине XIX – начале XX веков и было обусловлено развитием литературы, тесно связанной с научно-техническим прогрессом. Поэтому под фантастикой понимались, прежде всего, научно-фантастические произведения, а все остальные рассматривались как субжанр научной фантастики. Евгений Брандис отмечает, что «типологию фантастики выражают эпитеты: мифологическая, сказочная, утопическая, приключенческая, географическая, техническая, философская, социальная, психологическая, юмористическая, политическая, сатирическая, детективная, пародийная...» [2, с. 41]. С дальнейшим развитием данного направления в фантастике стали выделять следующие жанры: 1) научная фантастика (социальная фантастика, таймпанк, авантюрная фантастика, альтернативная история); 2) фэнтези (героическая, эпическая, юмористическая, игровая, научная, авантюрная, историческая и т. д.); 3) ужасы. До сих пор не существует единого мнения относительно того, является ли фантастика жанром.

Мы рассматриваем фантастику как «подстилку, внутри которой различаются ведущие жанры» [3, с. 14], а именно – научная фантастика, фэнтези и ужасы.

В литературно-энциклопедических словарях научная фантастика определяется как жанр в литературе и кино, где события происходят в мире, отличающемся от современной или исторической реальности, по крайней мере, в одном значимом отношении. Отличие может быть технологическим, физическим, историческим, социологическим и так далее, но не магическим. Что касается фэнтези, то здесь данное отличие будет волшебным или магическим. Но зачастую довольно трудно дифференцировать одно от другого. В. Ю. Переверзев в работе, посвященной разграничению жанров научно-фантастической литературы и фэнтези, отмечает, что в фантастике основную роль играют фантастические образы. «В центре понятия "фантастический образ" оказывается категория невозможного, выступающая на 4 уровнях: невозможного принципиально, невозможного реально, технически невозможного, практически нецелесообразного» [11, с. 70 – 72]. Е. М. Неёлов говорит о том, что фантастика первого и второго уровней дает волшебное, а второго и третьего – собственно фантастическое, в то время как четвертый уровень – это переход невозможного в возможное [8]. В качестве же основных критериев отличия произведений фэнтези от научно-фантастических произведений В. Ю. Переверзев выдвигает: использование системы фантастических образов, характерных для сказки, а также элементов невозможного технически; отсутствие видимых мотивировок при обусловленности сюжета; внутреннюю взаимозависимость всех элементов при отсутствии доминирования элемента случайности [11].

В конце XX начале XXI вв. привычные понятия «фэнтези» и «научная фантастика» были разрушены. Появилась «научная фэнтези», где колдовство соединяется со звездами, а мечи – с роботами, многие авторы соединяют элементы научной фантастики и

фэнтези в нерасторжимое целое. Возникли направления, в рамках которых вообще не имеет особого значения принадлежность к научной фантастике или фэнтези. В англо-американской литературе это прежде всего киберпанк, в отечественной – турбореализм и «сакральная фантастика». В такой ситуации трудно дать четкое и однозначное определение, отделяющее фэнтези от научной фантастики, но основным является то, что фэнтези, в отличие от научной фантастики, не стремится объяснить мир, в котором происходит действие произведения с точки зрения науки. Очень часто авторы не оговаривают местоположение этого мира относительно нашей реальности, а его физические законы отличаются от реалий нашего мира. Можно сказать, что автор подсознательно или же вполне осознанно изменяет те или иные параметры окружающей реальности, чтобы обнажить и контрастно выделить интересующие его аспекты. Предметом фэнтези является человеческая душа, в мире фэнтези могут изменяться любые физические постоянные, но законы человеческой психологии, законы этики в ситуации нравственного выбора остаются неизменными. Фантастика в целом и фэнтези в частности предоставляет уникальные возможности для переоценки ценностей или для оценки других ценностных иерархий и предпочтений.

Любая художественная литература исследует реальность, создавая модели «возможных миров». Но в рамках фантастического дискурса моделируется не просто «возможный мир», а «возможный мир» дважды, так как художественный вымысел умножается на фантастический вымысел. При этом автор вынужден опираться на явления и предметы реальной действительности, моделируя новую, фантастическую реальность, исходя из собственного опыта известной ему материальной действительности.

Ю. В. Кулакова отмечает, что основным свойством художественного произведения признается его способность объективно отражать реальный мир в «вымышленных денотатах, которые, несмотря на вымышленность, должны соответствовать определенным инвариантным реалиям объективной действительности, ограничивающим фантазию от абсурда» [5, с. 132]. Кроме того, сознание человека устроено таким образом, что, создавая «возможный мир», оно так или иначе оперирует той когнитивной базой, которая в нем заложена. Независимо от фантастичности того или иного образа, он должен состоять из уже знакомых, известных нам вещей, но, расположенных в необычной для нас комбинации. Иначе процесс распознавания такого образа был бы просто неосуществим [12, с. 106]. Специфика художественного мира жанра фэнтези заключается в том, что вымышленные денотаты, организующие физическое пространство этого мира, являются аномальными, то есть не наблюдаемыми в обычном мире. При этом они, будучи культурно обусловлены, в то же время являются продуктом индивидуального авторского сознания [6, с. 9 – 10]. Таким образом, личность автора, его культурный опыт и социальные предпочтения особенно активно проявляются в процессе моделирования пространства фантастического мира.

Одной из ключевых составляющих в процессе моделирования пространства фантастического мира является создание системы персонажей, принадлежащих этому миру. Основным принципом, который используется при этом большинством авторов, является принцип антропоморфизма. Персонажи фантастических произведений, будучи фантастическими существами, очень похожи на обычных людей. При этом конкретная реализация принципа антропоморфизма зависит от идиостиля автора. Так, в произведениях А. Азимова чаще всего наблюдается «очеловечивание» роботов, которые приобретают не только внешнее сходство с людьми, но и характер, и чувства тоже. С другой стороны, он использует прием «очеловечивания» людей (например, при создании образа космонитов), которые теряют основные человеческие качества, сохраняя лишь внешний облик. Авторы произведений жанра фэнтези используют различные мифические, сказочные фигуры (например, эльфы, гномы, тролли и т. п.), которые придают необходимый колорит изображаемой действительности, но при этом действуют согласно законам человеческой психологии.

В данной статье мы рассматриваем способы конструирования образов персонажей жанра фэнтези на примере произведений А. Нортон. Отличительной чертой ее идиостиля является сочетание антропоморфных и зооморфных характеристик при создании образа фантастического существа. В своих произведениях Нортон выстраивает целую систему рас, населяющих изображаемый ею мир. Так, представители расы Salarica соединяют в себе черты человека и кошки: “feline-evolved race”; представители расы Zacathans – черты человека и рептилии: “reptilian-evolved”; представители расы Throgs – черты человека и насекомого: “... grotesque insectile bodies”; представители расы Wyverns – черты человека и ящера: “the features were non-human, closer to saurian in contour”. Следует особо отметить, что, выбирая представителя фауны в качестве прототипа нового образа, автор наделяет его теми чертами характера, которые соответствуют ее личным, мифологическим или общечеловеческим представлениям о данном виде.

В качестве естественных врагов (соперников) выходцев с Земли А. Нортон описывает расу Throgs, так как базовым элементом при конструировании образа здесь выступает насекомое. Основной точкой совпадения с человеком является то, что они теплокровны (warm-blooded) и дышат кислородом (oxygen-breathing creatures). Внешне они напоминают жуков (beetles), довольно нелепо выглядят с человеческой точки зрения (grotesque thing, thin legs, tri-jointed arm, claws, bulbous eyes, flat dish of the alien’s “face”). Они полностью чужды человеку и ключевой концепт их образа – “alien”, единственная эмоция, которая упоминается в тексте – это гнев. Даже звуки, которые они издают, неприемлемы для человеческого уха: “a sound to chill the flesh of any listener, a wail which could not have come from the throat of any normal living thing, intelligent being or animal”. Чужеродность представителей этой расы прослеживается не только на внешнем уровне, особо упомянута принципиальная невозможность вести диалог между людьми и инопланетянами:

“between Throg and man there appeared to be no meeting ground at all – total differences of mental processes producing insurmountable misunderstanding”. Негативное отношение к данной расе усиливается отрицательно маркированной лексикой, используемой при указании на место, которое она занимает в изображаемом мире: “Throgs were predators, living on the loot they garnered... they were raiders now...” При этом не упоминается ни социальная система общества, в котором существуют эти создания, ни наличие/отсутствие у них гендерных различий, ни особенности жизнедеятельности. Все это нацелено на то, чтобы показать чуждость Throgs человеку, невозможность полноценного контакта между ними. Именно насекомое как прообраз представителей данной расы позволяет автору достичь своей цели, так как насекомые зачастую вызывают негативную реакцию людей, будучи наиболее далекими по своей сути от млекопитающих, а следовательно, непонятными.

Одним из наиболее подробно описанных образов инопланетных рас является образ расы Wyverns. Представители данной расы внешне похожи на человека и ящера “reptilian appearance”, они небольшого роста “not more than five feet”, телом похожи на человека, а в профиль напоминают дракона. У них также большие желтые глаза с зелеными вертикальными зрачками “large yellow eyes... with vertical slits of green for pupils” и черты лица, которые соответствуют голове дракона “a nose united with the jaw to make a snout”, “the doomed forehead”, “a sharp V-point of raised spiky growth extended back and down... behind the shoulder blades it widened and expanded to resemble a pair of wings”. Несмотря на чужеродность облика Wyvern не вызывает у главного героя (Shann Lantee) никакого отвращения, облик представителей этой расы, скорее, прекрасен, хотя и чужероден “alien structure of bone”, “the nonhuman skin”, “this creature was delicate, graceful, in its way beautiful”. Ключевой характеристикой образа является «блеск», напоминающий сияние драгоценных камней, что также усиливает положительную коннотацию образа: “skin ... glittered as if scaled, glittered with the brilliance of jewels in bands and coils of color spreading from the throat down the chest, spiraling about upper arms, around waist and thighs, as if the stranger wore a treasure house of gems as part of a living body”. Данная раса характеризуется еще и активными ментальными способностями. Примечателен тот факт, что эти способности развиты у женской половины расы, которая занимает главенствующее положение в социальной структуре общества. Это своеобразный матриархат основан на контролирующей функции женских особей над мужскими “he should have an awe of the other merely because of her sex”, так как у каждого представителя мужского пола есть своя «хозяйка» – “a thoughtguider”. Здесь можно проследить мотив «мудрых женщин» или даже ведьм, присутствующих на определенном этапе существования человеческих племен. Но здесь сила их власти многократно усилена. Таким образом, социальная функция представителей разного пола строго дифференцирована: задача «женщин» – развивать ментальные способности, направлять и контролировать «мужчин» и другие существа, а задача «мужчин» – физическая деятельность под управлением «женщин».

Что касается представителей других рас, то Zсathans тоже играют свою роль в изображаемом обществе – они признанные историки и археологи космоса, поскольку они – одна из долгоживущих рас “very long-lived Hist-techneers and archaeologists of the galaxy”. Отмечается, что они очень терпеливы и не склонны к проявлению бурных эмоций. Можно предположить, что в их образах воплотилось представление о змее как о символе мудрости. Примечательно и то, что для человека внешне неопределима разница между мужской и женской особью. Хотя гендерные различия и присутствуют, они не являются существенным фактором для определения социальной роли индивида. Salarica по своей природе играют роль своеобразной «купеческой» прослойки, так как стремятся к богатству и роскоши. Гендерные отличия здесь также упоминаются, но не акцентируются, хотя, если говорить о месте в социальной иерархии, то мужские особи часто выполняют функции стража и защитника.

В произведениях А. Нортон часто встречаются мифологические мотивы, связанные с морским народом “mermen”, которые, так или иначе, находят отражение в фольклоре многих народов. Чаще всего они напоминают по своему жизненному укладу обычных

людей, но обладающих дополнительными возможностями общения в виде телепатии. Так, тела жителей планеты Астра покрыты мехом, а руки и ступни – чешуей: “Sssuri was covered with a fluffy pelt of rainbow-tipped gray fur”, “the scales which covered his hands and feet”. Они занимаются охотой, рыболовством и т. п., то есть живут обычной жизнью, но при этом они могут существовать и в воде, и на суше.

Таким образом, мы видим, что основным способом создания образов фантастических персонажей в произведениях А. Нортон является сочетание черт, присущих человеку, и черт, характерных для животного. При этом автор наделяет свои персонажи такими характерными особенностями, которые согласуются с ее личными, общепринятыми, либо мифологическими представлениями о возможном характере того или иного прототипа, приписывая одним особям жестокость, другим – мудрость, а третьим – склонность к гедонизму. Мифологические представления о свойствах характера создаваемого персонажа экстраполируются на его социальную роль. Также следует отметить, что при конструировании образов некоторых персонажей А. Нортон указывает на определенные гендерные различия видов, находящих отражение в социальном устройстве описываемого общества.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Брандис, Е. П. Фантастика и новое видение мира / Е. П. Брандис // Звезда. – 1981. – № 8. – С. 41 - 49
3. Иняшкин, С. Г. Американский научно-фантастический дискурс XX века / С. Г. Иняшкин // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2011. – Вып. 1.
4. Кашкин, В. Б. Сопоставительные исследования дискурса / В. Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 337 – 353.
5. Кулакова, Ю. В. Механизм образования псевдореферентных номинаций в произведениях жанра фэнтези и особенности их перевода на русский язык / Ю. В. Кулакова // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – Вып. 1.
6. Мисник, М. Ф. Лингвистические особенности аномального художественного мира произведений жанра фэнтези англоязычных авторов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ф. Мисник. – Иркутск, 2006. – 18 с.
7. Муравьев, В. С. Фантастика / В. С. Муравьев // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/фантастика/БСЭ/Фантастика>
8. Неелов, Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики: монография / Е. М. Неелов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 200 с.
9. Новикова, А. В. Референциально-ситуативный анализ семантики возможных миров / А. В. Новикова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 25. – С. 102 – 107.
10. Олизько, Н. С. Синергетические принципы организации художественного дискурса постмодернизма / Н. С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 30.
11. Переверзев, В. Ю. К вопросу разграничения жанров НФ литературы и «фэнтези» / В. Ю. Переверзев // Тезисы докладов и сообщений Всесоюз. науч. конференции-семинара, посвящ. творчеству И. А. Ефремова и проблемам науч. фантастики. – Николаев, 1988.
12. Провоторова, М. А. Диалектический закон «единства и борьбы противоположностей» в языке антитезы / М. А. Провоторова // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы XI Международной научно-практической конференции (Барнаул, 5 – 6 октября 2006 г.): в 2 ч. / под ред. Т. Г. Пшенкиной. – Ч. 1. – Барнаул: БГПУ, 2006.
13. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ, 1995.
14. Norton, A. Forerunner Foray / A. Norton. – New York: Ace Books: The Viking Press, Inc., 1973. – 286 p.
15. Norton, A. Storm Over Warlock / A. Norton. – New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1960. – 193 p.
16. Norton, A. Star Born / A. Norton. – New York: Ace Books: The World Publishing Co., 1957. – 190 p.

Информация об авторе:

Медведева Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, 89050756256, lmv72@mail.ru.

Medvedeva Elena Valeryevna – senior lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Roman and Germanic Philology of KemSU.

УДК 81'367

ЖИЗНЬ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

В. М. Мокиенко

THE LIFE OF THE RUSSIAN PHRASEOLOGY IN THE CONTEMPORARY SPEECH

V. M. Mokienko

В статье анализируются различные аспекты функционирования фразеологии в современной русской речи. Отмечается активизация употребления фразеологических единиц (ФЕ) в живой речи и средствах массовой информации, объясняются экстралингвистические причины этого явления, в том числе и влияние на этот процесс компьютерной технологии. Анализируются наиболее актуальные проблемы и задачи современной фразеологии:

- 1) анализ функционирования ФЕ в современной литературе, прессе и других средствах массовой информации;
- 2) разработка диахронических методов анализа фразеологии;
- 3) исследование способов фиксации, квалификации и интерпретации фразеологической неологии;
- 4) широкое обследование диалектной, просторечной и жаргонной фразеологии;
- 5) внимание к проблеме культуры речи в современных условиях.

The article deals with the different aspects of the function of the phraseology in the contemporary Russian speech. The author emphasizes the activation of the phraseological units in the live speech and mass-media, explains the extralinguistic reasons of this phenomenon, including the influence of the computer technology on the process. The most actual problems and tasks of the phraseology are analysed:

- 1) investigating the phraseological units function in the modern literature, publicistics and another mass-media;
- 2) working out the diachronical methods of phraseology analysis;
- 3) Investigating the ways of the fixation, qualification and interpretation of the phraseological neologies;
- 4) investigating of the dialectal, colloquial and slang phraseology;
- 5) researching the problem of speech culture in the contemporary circumstances.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица (ФЕ), актуальные проблемы изучения фразеологии, функционирование фразеологии в речи и средствах массовой информации, синхронические и диахронические аспекты изучения фразеологии, фразеология и культура речи.

Keywords: phraseology, phraseological unit, actual problems of researching phraseology, function of the phraseology in the speech and in the mass-media, synchronical and diachronical aspects of researching phraseology, phraseology and speech culture.

Современная русская речь – как письменная, так и устная, в том числе и «интернетно-виртуальная» – стимулирует активное употребление фразеологических единиц (ФЕ). Конечно, фразеология как особый уровень языковой системы, насыщенный экспрессивностью, всегда была востребована и писателями, и журналистами, и носителями любого языка. Но в России последнее десятилетие можно без преувеличения назвать эпохой *Фразеологизации всей страны*, ибо экспрессивный потенциал ФЕ достиг, пожалуй, своего апогея. Причины особой востребованности фразеологии известны: демократизация российского общества, раскрепощение от цензуры, вульгаризация речевого и литературного стандарта, расшатывание литературной нормы, слияние языка средств массовой информации с речевым узусом. Главная же стратегическая причина этого явления – востребованность Слова в новых социальных условиях. Слово стало действенным, и потому оно уже необходимо и поли-

тикам, и предпринимателям, и ораторам на Болотных и других площадях.

При всей нынешней социальной обусловленности фразеологический бум не был для лингвистов неожиданностью. К нему мы оказались готовы с 1946 года, когда на филологическом факультете Ленинградского университета В. В. Виноградов прочитал свой доклад «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» [2, с. 45 – 69], обративший внимание на особый статус молодой лингвистической дисциплины. К настоящему времени насчитывается свыше 200 тысяч публикаций по фразеологии разных языков и наблюдается активная фразеологизация современной Европы – сейчас особенно романских языков.

За неполные 70 лет фразеология претерпела существенные изменения. Почти сразу же стало заметно постепенное переключение проблематики с общетеоретической (В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, В. Л. Архангельский, А. В. Федоров, А. В. Кунин и др.) на её

«специализацию» – как языковую (фразеологическая славистика, германистика, романистика, ориенталистика), так и «отраслевую»: фразеология художественных и публицистических текстов, диалектная и социолектная фразеология, сопоставительная фразеология, фразеология и перевод, когнитивная фразеология, фразеография и др.

Особую роль, как кажется, в призвании «фразеологического варяга» в современную мировую лингвистику сыграли потребности машинного перевода и развитие компьютерных технологий. Именно *идиоматичность* стала не только пробным камнем, но и камнем преткновения при реализации заманчивых транслятологических проектов. Как вспоминает Дж. Ковенховен (John Kouwenhoven) в своей статье „The trouble with Translation“, опубликованной в августе 1962 года в журнале «Harper's magasin», цитированной в книге В. А. Звегинцева «Теоретическая и прикладная лингвистика» [3, с. 192], с одним из таких проектов уже на заре машинного перевода произошёл курьёзный казус. Полковник Вернер Уолтерс (Werner Walters), переводчик при президенте Д. Эйзенхауэре, рассказывал, как президенту демонстрировали первые опыты машинного перевода (на вычислительной машине с памятью 1500 слов). Руководитель группы попросил Д. Эйзенхауэра предложить фразу для перевода. Когда президент привёл именно идиому – *Out of sight, out of mind*, то машина перевела её не как *С глаз долой – из сердца вон* (ср. нем. *aus den Augen – aus dem Sinn* и др.), а буквально: «невидимый идиот». Лингвисты, обслуживающие компьютер, попросили президента предложить менее идиоматичную фразу – какое-либо законченное высказывание. И Д. Эйзенхауэр процитировал Библию: „*The spirit is willing, but the flesh is weak*“. Если бы машина могла различать функционально-семантические коннотации, то правилом был бы перевод *Дух силен, но плоть слаба* (ср. нем. *der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach*). Машина, однако, перевела библейскую мудрость так: «*Вода держится хорошо, а мясо испортилось*».

Компьютер, естественно, действовал по законам частотности обрабатываемой им лексики, не учитывая таких факторов, как *устойчивость* и *идиоматичность* словосочетаний. Парадоксально при этом, что обе фразы президента обладали не слишком высокой идиоматичностью и являются интернационализмами. Ср. европейские эквиваленты к первой фразе: укр. *зі́йде з очі́й, зі́йде і з думки*, нем. *aus den Augen, aus dem Sinn*; фр. *loin des yeux, loin du coeur*; ит. *lontano degli occhi, lontano del cuore* и др. Или – переводы из Библии других языков: укр. *Бадьтрий бо дух, але нимічне міло*; рус. *Дух бодр, плоть же немощна*, нем. *Der Geist ist willig, aber das Fleisch ist schwach* (Матфей. 26, 41; Марк 14, 38).

Обращение современной лингвистики к фразеологии открыло в ней и её функционировании ряд парадоксальных оппозиций. Глобальный парадокс кроется в факте, что, с точки зрения «чистой» номинации, знаковости, идиома является избыточной языковой единицей, но в то же время с социальной и эстетической точки зрения она необходима каждому языку, даже такому искусственному, как эсперанто. Эта функциональная противоречивость фразеологии

отражается и в чисто языковой, структурно-семантической противоречивости. В структурном отношении ФЕ членима, т. е. состоит из двух или более компонентов. В семантическом смысле эта единица монолитна и обычно соответствует одному слову, что даёт возможность при переводе заменять фразеологизмы экспрессивными лексемами. Динамика фразеологической системы, как я попытался показать в своей книге «Славянская фразеология» [8; 14], создаётся взаимодействием таких оппозиций, как «устойчивость – неустойчивость», «моделируемость – немоделируемость», «имплицитность – эксплицитность», «образность – безобразность», «экспрессивность – нейтральность». Разумеется, можно число таких оппозиций увеличить – напр., в русле популярных ныне поисков языковой картины мира за счёт противоположения «национальное – интернациональное».

Осознание универсальности фразеологии как необходимой части любой языковой системы с одной стороны, и отмеченная выше социальная востребованность в современных условиях и сделали её объектом интенсивного исследования.

Какие же проблемы фразеологии, вытекающие из её востребованности, требуют сейчас решения?

1. В первую очередь, необходимы фронтальные исследования функционирования ФЕ в современной литературе, прессе и других средствах массовой информации. Конечно, в них, как показывает наш предварительный анализ [4; 5], найдут своё место и традиционные описания структуры и семантики этих языковых единиц, но особое внимание следует уделить их речевым и авторским трансформациям, выявить закономерности и типологию фразеологических преобразований, а также стимулы, подталкивающие носителей языка к языковой игре и словесной креативности. Ведь даже коммуникативные неудачи в такого рода экспериментах или вульгаризированный «стёб» являются попыткой обращения к фразеологии как одному из мощных творческих ресурсов языковой системы.

Традиционная проблема «Фразеология и язык писателя (геср. журналиста)» в новых условиях несколько смещает акцент исследования: особое значение приобретает не описание индивидуальных предпочтений художника слова, а типология трансформаций фразеологии его произведений и анализ жанровой специфики фразеопотреблений. Особое внимание здесь должно быть уделено и стилистическому нюансированию фразеологии в художественном и публицистическом употреблении, а также взаимодействию «норма – антинорма» в современной фразеологической системе

2. Актуальной задачей современных фразеологических исследований, как это ни парадоксально, является возвращение к диахроническим методам анализа, к работам историко-этимологического характера. Историческая фразеология как необходимая составная часть сравнительно-исторического языкознания давно привлекает внимание этнографов, фольклористов и лингвистов. М. И. Михельсон, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Н. И. Толстой, А. Г. Назарян, Ю. А. Гвоздарев, Н. М. Шанский, G. Büchmann, Wander, R. Eckert, W. Eismann, L. Röhrich, W. Mieder и другие исследователи хотя и по-разному подходили к

этой проблеме, но внесли немалый вклад в разгадку внутренней формы фразеологии разных европейских языков, в том числе и русского.

К сожалению, тотальное увлечение когнитивизмом в течение последнего десятилетия привело к описаниям концептов и языковой картины мира с синхронных позиций. При несомненной полезности таких трудов, без диахронической основы, многие постулаты о «загадочной русской душе» оказались субъективными, квота национального в русской идиоматике сильно преувеличивается. Именно лингвистический подход ретроспективного типа может объективировать наши представления о русской языковой картине мира, о гендерном равновесии или дисбалансе, о соотношении собственно языкового и культурологического во внутренней форме конкретных ФЕ.

Многие русские фразеологизмы по-разному, как старался показать автор этих строк [7; 9; 10 и др.], отражают соотношение нашей национальной культуры и нашего национального языка. Одни из них (напр., *заговаривать зубы, не мытьём, так катаньём, проще пареной репы, не лыком шит* и др.) без особых историко-этимологических изысков можно отнести к этно-фольклорным элементам нашей культуры. Другие уже давно стали лишь поводом для «национально-этнографических» и «исторических» комментариев: *трусю праздновать, положить зубы на полку, заткнуть за пояс, узнать всю подноготную, во всю ивановскую, бить баклуши, ладаном пахнуть, оказаться в тупике, стрелять из пушки по воробьям* и др. Третьи остаются до сих пор не разгаданными фразеологическими загадками, которые требуют аргументированной историко-этимологической расшифровки: *у чёрта на куличках, сбить с панталыку, ни зги, куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, бить как Сидорову козу, стоять как вкопанный, вилами по воде писано, У семи нянек дитя без глаза, И на старуху бывает проруха, под колпаком* и др. К сожалению, и когнитологи, и популяризаторы весьма неразборчивы при интерпретации выражений последнего рода. В самых авторитетных справочниках можно найти произвольное объяснение этих ФЕ без приведения доказательств в пользу той или иной интерпретации. Вот почему было предложено сводное лексикографическое описание историко-этимологических толкований русской фразеологии [1] с попыткой собственно лингвистической аргументации той или иной расшифровки внутренней формы ФЕ.

До сих пор на трудах историко-этимологической направленности лежит печать этнографизма, т. е. культурологическим фактам при анализе внутренней формы отдаётся предпочтение перед чисто языковыми фактами. Опыт показывает, однако, что объективная ресшифровка исходной формы и содержания ФЕ достигается собственно лингвистической методикой — методом структурно-семантического моделирования [6, с. 21 – 34; 8 и др.]. Этот метод позволяет не только раскрыть внутреннюю форму ФЕ, но и отделить в нашей фразеологической системе исконное (напр., *во всю Ивановскую, зарубить на носу, обуть в лапти, проще пареной репы*) от неисконного (напр., германизмов, типа *задать пфедферу, положить в долгий ящик*; галлицизмов типа *быть не в своей тарелке,*

пускать пыль в глаза, заморить червячка или американизмов типа: *в одной лодке, менять коней на переправе* и др.).

3. Не менее актуальная задача современной фразеологии — фиксация, квалификация и интерпретация **фразеологической неологии**. Состав фразеологических неологизмов весьма разнороден, здесь особо ощущается смешение «своего» и «чужого» и волна вульгаризации, вздымаемая жаргоном и просторечием. В этот поток втянуты и стилистически более или менее нейтральные обороты типа политических клише *в одной лодке, менять коней на переправе, утечка мозгов* и (значительно более ощутимые) выражения с вульгарным окрасом: *на халяву, до фени, вешать лапшу на уши; баки заколачивать, закрыть варежку, под балдой* и т. п. Поскольку многие из них уже стали фактом литературного и публицистического употребления, они также требуют лингвистического анализа и толерантного подхода. При этом споры о пространственных (resp. межъязыковых) и хронологических границах фразеологической неологии (ср.: [12, с. 133 – 156]) не должны отвлекать исследователей от фронтального сбора соответствующего материала, что теперь значительно облегчается компьютерными средствами.

4. Объективное представление о современной фразеологической системе невозможно без тщательного обследования диалектной, просторечной и жаргонной фразеологии. В сущности, любой национальный фонд ФЕ развивается именно благодаря постоянному притоку устойчивых сочетаний из этих 3 каналов живой речи. Если для русского литературного языка XVIII века, когда произошло судьбоносное сближение письменного стандарта со стихией устной речи, основными «динамизаторами» новой нормы являлись диалекты и просторечие, то в наше время эту роль играет жаргонная фразеология. Фразеологические жаргонизмы, благодаря смене поколений, языковой раскрепощённости нашего общества и оперативности средств массовой информации и Интернета, быстро превращаются в инержаргонизмы и вливаются в общий поток новой кодифицированной речи. Более того, многие фразеологические жаргонизмы стали доминантными символами социальных процессов советского и постсоветского общества — таковы, напр., обороты *по блату, до лампочки, полный беспредел, вешать лапшу на уши, мочить в сортире, на халяву*. Каждая такая жаргонная доминанта заслуживает самостоятельного исследования (ср., напр., об истории выражения *вешать лапшу на уши*: [11, с. 29 – 41]), ибо вскрывает самые болезненные точки современной российской жизни. Уже поэтому изучение и лексикографическое описание фразеологических жаргонизмов становится актуальным.

5. Неизменно актуальной проблемой фразеологии остаётся **проблема культуры речи** в современных условиях. Конечно, здесь необходимо отдавать дань и традиционной заботе о «правильном» употреблении ФЕ, поскольку не только в живой речи, но и в языке писателей и журналистов можно найти явные ошибки, свидетельствующие о подмене правильной формы и значения неправильными. Таковы случаи искажения исходной формы выражения — напр., *пока суд да дело*

– *суть да дело, сбрасывать со счётов – со счёта; играть роль – играть значение* и т. п. Сюда же относятся и «классическая» проблема правописания различных разрядов фразеологизмов: неупорядоченность пунктуации при оформлении устойчивых сравнений; раздельное или слитное написание некоторых наречий или наречных ФЕ (*впросак, вдребезги, но в лоск, в дым*); написание оборотов с компонентами-именами собственными (*валять Ваньку, кричать во всю Ивановскую, бить как Сидорову козу, Иван непомнящий (Непомнящий)*) и др. К традиционным и не менее «скандальным», чем пресловутые *йогурт* и *кофе* объектам культуры речи во фразеологии относятся и случаи надуманной «[псевдо]правильности» – типа всё ещё дискуссионного *попал как кур во щи*, реконструированного в 60-е годы искусственно, а потому «правильно» лишь в кавычках, писателем Б. Н. Тимофеевым. Попытка справочника по фразеологии с такого рода «корректирующей» информацией была сделана автором этих строк в рамках серии «Давайте говорить правильно», инициированной Л. А. Вербицкой [13].

К проблеме культуры речи во фразеологическом ключе относится, несомненно, и комментирование стилистического перепада, вызванного общей вульга-

ризацией нашего языка. Здесь одними запретительными мерами не обойтись, необходим тонкий и основательный анализ стилистической дисгармонии, вызываемой такой вульгаризацией и привлекательные для носителей речи предложения по компенсации фразеологических вульгаризмов единицами иных тоналностей.

Актуальные проблемы современной фразеологии, разумеется, не исчерпываются предложенным здесь для обсуждения выбором. Лимит места для данной публикации не позволил более широко очертить круг вопросов когнитивного подхода к фразеологии, проблем, связанных с реконструкцией фразеологической картины мира. Мы не коснулись и таких важных тем, как сопоставительная фразеология и фразеологическая транслятология, фразеология и дидактика, фразеологическая идеография, фразеография и др. Однако и выделенные темы демонстрируют значимость фразеологии в современной лингвистике и современной языковой системе. Прагматический потенциал фразеологии востребован нашим обществом уже потому, что свободная жизнь нашей современной речи без неё невозможна.

Литература

1. Бирих, А. К., Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. проф. В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.; – 4-е изд., стереотипн. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. – 926 с.
2. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819 – 1944. Секция Филологические науки. – Л., 1946.
3. Звегинцев, В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М.: Просвещение, 1967.
4. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.; 3-е изд. – М.: Русские словари: Астрель, 2005. – 855 с.
5. Мелерович, А. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
6. Мокиенко, В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2.
7. Мокиенко, В. М. Вглубь поговорки / В. М. Мокиенко. – М.: Просвещение, 1975. – 174 с. – 7-е изд. – СПб.: Авалонь: Азбука-классика, 2010. – 170 с.
8. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1980. – 207 с. – 2-е изд. – М., 1989. – 287 с.
9. Мокиенко, В. М. Образы русской речи / В. М. Мокиенко. – М.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 278 с. – 3-е изд., исправленное. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 462 с.
10. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 160 с.
11. Мокиенко, В. М. Лапша на ушах как зеркало «новой русской» революции / В. М. Мокиенко // Russistik. – 1996. – № 1 – 2.
12. Мокиенко, В. М. Фразеологические неологизмы в славянских языках / В. М. Мокиенко // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Redakcja naukowa Stanisław Gajda. – Opole: Uniwersytet Opolski: Instytut Folologii Polskiej, 2000.
13. Мокиенко, В. М. Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии. Краткий словарь-справочник / В. М. Мокиенко. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 286 с.
14. Mokienko, V. Fraseología eslava. Manual universitario para a especialidade de lingua e literatura rusas / V. Mokienko. – Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000. – 504 p.

Информация об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского университета; профессор Университета имени Эрнста Морица Арндта (Германия); почётный профессор Оломоуцкого университета (Республика Чехия), председатель фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, 8 (812)5332320, mokienko40@mail.ru.

Mokienko Valerij Mihailovich – Doctor of Philology, Professor at the Departement of Slavic Philology of Saint Petersburg State University; Prof. Dr. h.c. em. of the Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald (Germany); Honorary Professor of the Olomouc University (Czech Republic); President of the Phraseological Comission at the International Slavists.Committee.

УДК 811.511.142

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИКИ ВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

И. М. Молданова

ON REFLEXIVE VERBS SEMANTICS IN THE KHANTY LANGUAGE

I. M. Moldanova

В статье рассматривается краткая история описания возвратных глаголов и проблема рассмотрения их семантики на материале хантыйского языка. В результате исследования хантыйские возвратные глаголы разделены на несколько подгрупп по семантическому признаку.

The article deals with the brief history of the reflexive verbs description and the problem of their semantics consideration on the material of the Khanty language. As the result of the research, Khanty reflexive verbs are divided in several subgroups, basing on their semantics.

Ключевые слова: возвратные глаголы, хантыйский язык, семантика, суффикс, преверб.

Kewwords: reflexive verbs, the Khanty language, semantics, suffix, preverb.

В вопросе о наличии грамматической категории залога в финно-угорских языках нет определенного единства мнений, а суффиксы залогового значения, исследователи, традиционно рассматривают в разделе «Глагольное словообразование». Например, Д. В. Бубрих в «Исторической морфологии финского языка» рассматривает суффиксы залогового значения в разделе «Глагольное словообразование». Глаголы, образованные при помощи этих суффиксов, он называет отглагольными глаголами залоговой направленности [1, с. 136]. В «Эрзя-мордовской грамматике минимум» Д. В. Бубрих выделяет рубрику «Отглагольные глаголы залоговой направленности», куда им отнесены рефлексивные или возвратные глаголы, а также каузативные, или причинительные [2, с. 47 – 48].

К. Е. Майтинская в книге «Венгерский язык» пишет: «В венгерском языке среди грамматических категорий глагола в целом отсутствует категория залога, так как залоговые оттенки значения обозначаются множеством разнообразных суффиксов, и выражение залоговой направленности не связано с какими-либо особыми формами спряжения. Глаголы нейтральной, возвратно-средней и страдательной направленности спрягаются совершенно одинаково, они образуют одинаковые инфинитивы, причастия и деепричастия (поэтому этот вопрос найдет свое освещение в разделе словообразования)» [6, с. 205].

Проблема интерпретации возвратности остаётся по сей день предметом пристального и неослабного внимания лингвистов по ряду причин. Во-первых, возвратные конструкции обнаруживаются во всех языках мира. Во-вторых, они представляют собой сложное явление, которое можно рассматривать в аспектах: а) формальных рефлексивных показателей; б) синтаксической структуры; в) выражаемых ими значений.

В-третьих, они могут быть чрезвычайно разнообразны в одном языке с точки зрения синтаксических и семантических свойств.

В хантыйском языке есть возвратные глаголы, которые отражают определенный характер субъектно-объектных отношений: возвращение действия, производимого субъектом, на самого себя.

Для обозначения этой «возвратной» ситуации в хантыйском языке существуют специальные суффиксы, превербы и слова. Б. А. Серебренников в докладе «О залоге в финно-угорских и тюркских языках» писал, что «характерная особенность финно-угорских языков, отличающая их коренным образом от индоевропейских, состоит в том, что употребление суффиксов с залоговым значением не связано с употреблением особых личных окончаний залогов. В этих языках залоговый суффикс обычно инфигируется между основной глагола и личным окончанием, нейтральным в залоговом отношении» [3, с. 61 – 72]. Все эти суффиксы, кроме некоторых, так или иначе описаны в лингвистической литературе по хантоведению.

Некоторые замечания о возвратных глаголах имеются в работе П. К. Животикова [4, с. 91 – 92], им выделены суффиксы –ыйт- (-ти-), -ась-, -аньсь-; Н. И. Терёшкин на материале ваховского диалекта в разделе «Словообразование глагола» выделяет суффиксы –ус (-ѳусѳ, -ѳусѳ), а также –ѳнт, -ант (-ѳнтѳ, -антѳ), которые вносят залоговую модификацию, а также преобразующие глаголы переходного действия в глаголы непереходного действия с оттенком возвратности [11, с. 77 – 78]. А. М. Сенгепов в учебнике для педагогических училищ «Хантыйский язык» на материале казымского диалекта перечисляет суффиксы =ля=, =ась=, =ыйт=, =ыйлт=, =аньсь= с помощью которых образуются возвратные глаголы от непереходных глаголов [12, с. 100]. О. А. Осипова, Н. Н. Шамова в статье «Суффиксы залогового и видового значения в васюганском диалекте хантыйского языка»

Kāmn tāxija kūrs=əm=lat ‘Они умрут (букв.: в какое-то место брякнутся)’; *Tōχlēŋ ɔɔp tiw lat=iǝ=λ* ‘Самолет сюда садится’; *Aj wɔjleŋki lat=ət’l’ə=λ* ‘Птичка садится’; *Ōχem lar=iǝ=λ* ‘Голова кружится’; *Xūw lōɣs=emə=λ* ‘Долго плещется’; *Xōlta pɛla lān=səl=λen?* ‘Куда ташишься?’; *Kūrλ wūs lakn=emə=s* ‘Нога провалилась в яму’; *Kūrŋəlam lakn=ət’l’ə=λŋən* ‘Ноги проваливаются’; *Wūliləw jəṣət xūwat lakka mān=iǝλ=sət* ‘Олени по дорогам разбредались’; *Aūw šāta ker=ət’l’ə=λ* ‘Он там валяется’; *Nāŋ išni pɛla ker=λə=sən* ‘Ты к окну повернулся’; *Kūnškareŋ šūka=λə=s* ‘Ноготь=мой сломался’; *Tōm imen kūkar=λə=s* ‘Та женщина сгорбилась’; *Wŋiśpɛm kūkar=λə=s* ‘Бережливой короб скоробился’; *Xirem kim pōλɣ=əmt=as* ‘Из мешка=моего вывалилось’; *Tām nɛŋen šāta si kār=iǝ=λ* ‘Эта женщина там красуется’; *Šəṣ xōra lūw kar=emə=s* ‘В селезня он превратился’; *Aūw pa tāxi pɛla kar=emə=s* ‘Он повернулся в другую сторону’; *Xātλ əməsti tāxi si kāλ=emə=λ* ‘Сторона, где садится солнце, покраснела (букв.: окровавилось)’; *Tām wŋi ōχšama jōwər=sə=s* ‘Она в этот платок закуталась’; *Kūrem karti kɛla jōwər=λə=s* ‘Нога в проволоке запуталась’; *Kūrəl xōlti jōwλ=əmt=as* ‘Нога куда-то зацепилась’; *Imem jənt=as=λ* ‘Жена занимается шитьем’; *Xōtti jəwλ=as=iǝ=λ* ‘Где-то шляется’; *Ma tālta jira pawt=as=λəm* ‘Я отсюда удалюсь’; *Jōχtəm nɛləw mūŋ ewəltawa jirašək lawλ=as=λət* ‘Приехавшие женщины сторонятся нас’; *Jirtəχa nɔj=emə=s* ‘Набок накренился’; *Xət laŋəλn wūrti sōχ jəwλ=as=λ* ‘На крыше красный флаг развевается’; *In ōtət šəχɣ=emə=ti si pitsət* ‘Те стали кривляться’; *Mar’jajen ōχamt=iǝλ=ti wɛr tājəl* ‘Марья имеет привычку важничать (букв.: головиться)’.

3. Взаимно-возвратное значение. В этом случае РП выражает взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса. Понятие взаимности прежде всего включает в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой или другие субъекты, признак взаимодействия двух или нескольких лиц: *wɔjt=ant=ijəl=ti* 'встречаться', *pōtərt=ijəl=ti* 'переговариваться', *katl=as=ti* 'сцепиться', *tāx=ant=ijəl=ti* 'бросать друг друга', *pilt=as=ijəl=ti* 'присоединяться', *jam=as=ti* 'мириться', *kaš=as=ti* 'согласиться', *pōtr=emə=ti* 'договориться', *jāxa pitti* 'драться', *jāxa pitti* 'сливаться', *jāxa mānti* 'сойтись', пожениться', *jāxa kārt=as=ti* 'соединиться', *jast=ant=ti* 'договориться, обещать', *məsəl=tijəl=ti-ewəmt=ijəl=ti* 'целоваться-обниматься', *ɔrtis=emə=ti* 'разделиться', *āpəlt=ijəl=ti* 'обниматься', *want=as=ti* 'бороться', *mɔjl=ant=ti* 'одаривать друг друга', *kūl=as=ti* 'драться', *nemtəs=ijəl=ti* 'дразниться': *Təxəl pōrajən wūli pōrti wəjət wɔjt=ant=ijəl=lat* 'Иногда встречаются волки'; *šitlan kərtəŋ jəx pila wɔjt=ant=ijəl=sət* 'Те с людьми из деревни встречались'; *Wəlla, wəlla, wante, wɔjt=ant=ijəl=ti isī rāxl* 'Живешь, живешь, встречаться тоже надо'; *I pūš wəntən taləsijəlməmn rūpie pila wɔjt=ant=ijəl=səm* 'Однажды в лесу с медведем встретился'; *Pawalətan kūtn pōtərt=ijəl=lanən*: 'Min ja jōxi wūša jōxətsəmən, aj apələmən xōlti hōrəm xələx, hōrəm xələx šamlən jəš šalisa. Xōl pəla təsi' 'Идут и переговариваются: "Мы хоть до дома дошли, а младший брат Куда-то его унесли"; *Iməltijən in jəxlam pōtərt=ijəl=lat*: 'Mūŋ pa mūŋ jinkəŋ jəx, mūŋ pa mūŋ mūwəŋ jəx, jinkew nōməsn pitsajəw, mūwew nōməsn pitsajəw' 'Однажды они стали переговариваться: "Мы тоже люди с водой, мы тоже люди с землей, на свою землю хотим"; *Xilel tōxi si šəšəs, wətsa katl=as=səŋən, tāxantijəlləŋən* 'Подошел внучек, сцепились, бросают друг друга из стороны в сторону'; *Xilel tōxi si šəšəs, wətsa katləssəŋən, tāx=ant=ijəl=lanən* 'Подошел внучек, сцепились, бросают друг друга из стороны в сторону (букв.: бросаются)'; *Tāx=ant=ijəl=ti pitman artən, xilel tiwel-tōxəl menantijəl* 'Когда стали бросать друг друга (букв.: бросаться), внучек туда сюда вырывается'; *Rūtsəti latəm ləntət šəwələsət pa ləntət, liw pa ši w pilt=as=ijəl=ti pitsət* 'Прилетевшие гуси увидели других гусей и стали к ним присоединяться'; *Mūŋ jāxa pilt=as=ləw* 'Мы объединимся'; *Xūw-wan lal'əssət pa jām=as=sət pa pəri wərlət* 'Долго-коротко воевали, помирились, делают жертвоприношение'; *Ain jām=as=səŋən* 'Они помирились'; *Jām=as=lamən*, – in xəjəl lōpəl 'Помиримся', – говорит он'; *Jipi aj Məsne pəla xānnexə jəsəŋən lōpəl*: "Atəlt kərtən Aj Məsne, ma xōšema kaš=as=a, jāxa wəlti pitləmən" "Филин говорит человеческим голосом маленькой Мощне: 'Маленькая Мощне, ты одна в деревне, согласишься за меня, вместе будем жить'; *Ma nəŋ pilana ən kaš=as=lam* 'Я с тобой не соглашусь'; *Xōjat wəlman si āpəlt=ijəl=lanən* 'При людях опять обнимаются'; *Mūŋ ara ɔrtis=emə=səw* 'Мы разделились'; *Meŋlal pila məsəl=ijəl=sət-ewəmt=ijəl=sət* 'С невестками обнялись-поцеловались'; *Wəxsarl xəpa wana=m=as, xəp*

nūln lətōtət šiwaləs, nələm wəjəl kamn si ləjiəl, xōnl isa šānša xānəs, si mōrt saml si wəxla 'Лиса приблизилась к лодке, на носу лодки увидела продукты, язык высунула, живот совсем к спине прилип, до того кушать хочет'; *Aiwlal jāxa kārt=as=sət* 'Кости соединились'; *In ōtəlan jāxa mānsəŋən* 'Эти двое сошлись (поженились)'; *Tōta ar ləx jāxa pitlət* 'Там много озер сливается'; *In ōtət jāxa pitlət* 'Они дерутся'; *Ain jāxa pōtr=emə=səŋən* 'Они договорились'; *Petren ləxəp pila pōtr=emə=s* 'Петр договорился с другом'; *Akt=as=səməŋ pa si mānsəməŋ jōxana* 'Собрались и пошли на речку'; *Šiti si want=as=lat, wantəsət, kāt xəjəl si wəlsajət* 'Боролись, боролись, двух мужчин убили'; *Rətnaləw mɔjl=ant=lat* 'Родственники одаривают друг друга'; *Jajən xōjat pila kūl=as=l* 'Брат с кем-то дерется'; *həwremət pa si nemtəs=ijəl=at* 'Дети опять дразнятся'.

4. Активно-безобъектное значение. Это значение выступает у возвратных глаголов, обозначающих действие субъекта, фактически переходящее на какой-нибудь предмет; действие, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта, как характеристическая, отличительная черта самого субъекта: *jōxli šəŋxiti* 'лягаться', *kūnš=anš=ti* 'царапаться', *wər=ant=ti* 'делаться', *kal=emə=ti* 'заниматься чем-либо', *kātna təxə=emə=ti* 'разорваться', *kawər=mə=ti* 'появится (о комарах)'. Например:

Pəlja kawər=mə=s 'Появились комары (букв.: комар закипел)'; *Kələm kātna təxə=emə=s* 'Веревка разорвалась'; *Xət wərlaman kal=emə=lam* 'Занимаюсь домашними делами'; *ōšəŋ širn ker ant wər=ant=as* 'Настоящего наста не было (букв.: по настоящему наст не делался)'; *kātəm ən kūnš=anš=l* 'Кошка не царапается'; *Λəw wəsiləti pitsəle, kūŋəlan jōxli šəŋx=əl, pa wantijəl ləw šānšən meŋk-iki məsəl* 'Коня стал подстегивать, ногами=своими назад лягается, смотрит на спине коня сидит Менк'.

5. Обще-возвратное значение. В этом случае РП, замыкая действие в сфере субъекта, образует возвратные глаголы, выражающие изменения во внутреннем состоянии субъекта. Очевидно, это значение может возникнуть лишь в лексическом кругу глаголов со значением чувства, внутреннего душевного переживания. Возвратные глаголы с семантикой состояния употребляются только в действительном залоге. Грамматическая структура и семантика глаголов состояния, формирующих простые предложения хантыйского языка рассматривались в работе В. Н. Соловар [9, с. 131 – 142]. Соотношение субъектных и объектных значений в них иное, чем в глаголах «физических изменений». Здесь рефлексивный показатель указывает на то, что субъект сам охвачен действием – состоянием (т. е. переживанием, чувством). Это значение родственно лексическому значению так называемых общих глаголов, которые не имеют соответствия среди простых форм: *wəxš=emə=ti* 'смеяться неестественно', *anš=emə=ti* 'дразнить, дразниться гримасничая', *amət=ti* 'радоваться', *amt=ijəl=ti* 'обрадоваться', *amt=ət'ə=ti* 'радоваться (желать чужое)', *tūŋəm=lə=ti* 'поправиться, выздороветь', *pakn=ət'ə=ti* 'пугаться', *əlm=emə=ti* 'заглядеться',

háχ=χət=ti ‘расмеяться’, *lārpił=ijəl=ti* ‘развертываться’, *šak=ti* ‘испортиться (о настроении)’, *χQwi=ti* ‘течь (о мысли)’, *mōts=ańs=ti* ‘догадаться’, *tōηmat=ijəl=ti* ‘поправиться, выздороветь’, *jam=əłt=ijəl=ti* ‘поправляться, выздороветь’, *jinəm=ti* ‘успокоиться (о боли)’, *pāłt=amə=ti* ‘бояться’, *tal=əs=ijəl=ti* ‘тянуться’, *lik=aś=ti* ‘злиться’, *ken=am=ti* ‘облегчиться’, *jilpa=łə=ti* ‘ожить, поправиться’, *łari=ti* ‘кружиться’, *šiw takam=ijəl=ti* ‘успокоиться’.

Nōmsem łar=ijə=ł ‘Я думаю (букв.: мысль=моя кружится)’; *Ješa nōχ jilpa=łə=səm* ‘Немного поправился’; *Nōmsem ken=am=ł* ‘Настроение улучшится (букв.: облегчится)’; *Tōχi wana jōχəttał artən, wəj imel pa ši lik=aś=ł* ‘Как только близко подходит, зверь опять злится’; *Aj Mōšne lik=aś=əs, sewrəm tūt jūχlał ałeməs, jūχi ši mānəs* ‘Маленькая Мощне обиделась, наколотые дрова схватила, домой зашла’; *Kōš kēpi tālew lik=aś=ł, kōš kēpi eηken jōšlał χātł pēla šāšlale, mart tiləs – iši pa ši tōwi tiləs* ‘Хоть зима и злится, выставляя свои ледяные сосульки навстречу солнцу, все равно, месяц март - весенний месяц’; *Łōw sāmł rəpata χōša āł tal=əs=ijə=ł* ‘Он сердцем к работе тянется’; *Ampem pāłt=amə=s* ‘Собака=моя испугалась’; *Ši imi kōš χōtisa šōšijəl, wQnt ewəłt ši pāłt=amə=ł* ‘Эта женщина ходит, леса боится’; *Iməłtijən kōrəη jōša ši pitəs, nōχ amtəs, χānti wQłti tāχija ši wanaməs* ‘Наконец на дорогу вышел, обрадовался, приблизился к деревне’; *MQšł jin=m=əs* ‘Боль успокоилась’; *łəχsem nōχ tūηmat=iłə=s* ‘Друг-мой поправился’; *Łəwəη χQ wQnt*

háχn háχ=χət=əs pa lōpəl: - *Ma χoraxši apši* ‘Всадник громко рассмеялся и говорит: - Я брат Хорахши’; *WQn háχn háχ=χət=əł* ‘Очень сильно (букв.: большим смехом) засмеялся’; ‘*Kartsesija pitmeł!*’ – *Mitrōk mōts=ańs=əs* ‘«В капкан попали!» – догадался Митрук’; *Nōmsəl lawərta χQw=ijə=ł sāmł pa lipel χōša* ‘Мысль тяжело течёт в сердце’; *Nānie nōmsəl šēηk šāk=əs, tQp neməłt an lōpəs ūχli pēla, pōnšti pitəs* ‘У хлебушка настроение испортилось, ничего оно не сказало в ответ, стало дальше печься’; *Nōmsem χūwnwanən lārpi=ł=ijə=s* ‘Мысль=моя далеко-близко развертывается’; *Χət tel mir āł əł’m=emə=sət* ‘Народ загляделся’; *Mōj pakn=ət’ł’ə=łən?* ‘Что пугаешься?’; *Meηəm nōχ tūηm=łə=s* ‘Невестка=моя поправилась’; *Werəw leś=mə=sət* ‘Дела выправились’; *Łūw ma jernasem pēla amt=ət’ł’ə=ł* ‘Она радуется моему платью (желает моего платья)’; *Kūš amt=iłə=s, isa wōnšal* ‘Хоть обрадовался, совсем напрасно’; *Χōjat pēla aηś=emə=ti pitəl* ‘Кого-нибудь начинает дразнить (букв.: к кому-нибудь дразниться станет)’; *Mōj wēχś=emə=łən* ‘Что смеешься’; *Məj ne šiw takam=iłə=s* ‘Гостя успокоилась (букв.: укрепи-лась)’.

Таким образом, по семантическому признаку возвратные глаголы мы разделили на 5 подгрупп, имеющие: собственно-возвратное значение, средне-возвратное значение, взаимно-возвратное значение, активно-безобъектное значение, обще-возвратное значение.

Литература

1. Бубрих, Д. В. Историческая морфология финского языка / Д. В. Бубрих. – М.; Л., 1955.
2. Бубрих, Д. В. Эрзя-мордовская грамматика минимум: учеб. пособие для вузов / Д. В. Бубрих. – Саранск, 1947.
3. Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР: стеногр. координац. совещ. по проблемам простого предложения и категории залога. – Уфа. 1958. – 117 с.
4. Животиков, П. К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект) / П. К. Животиков // Издание окружной комиссии по разработке литературного хантыйского языка при исполнении Ханты-Мансийского окрсвета депутатов трудящихся Омской области п. Ханты-Мансийск. – 1942. – 118 с.
5. Каксин, А. Д. Казымский диалект хантыйского языка / А. Д. Каксин. – 2-е изд., доп. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 176 с.
6. Майтинская, К. Е. Венгерский язык. – Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология / К. Е. Майтинская. – М., 1955. – 304 с.
7. Осипова, О. А. Суффиксы залогового и видового значения в васюганском диалекте хантыйского языка / О. А. Осипова, Н. Н. Шаламова. – LINGUISTICA URALICA. – TALLINN, XXXVII, 2001.
8. Ромбандеева, Е. И. Сыгвинский диалект мансийского (вогульского) языка / Е. И. Ромбандеева // Унифицированное описание диалектов уральских языков. – М.; Гамбург, 1995. – 203 с.
9. Соловар, В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) / В. Н. Соловар. – Новосибирск, 2009. – 264 с.
10. Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь / В. Н. Соловар. – СПб.: Миралл, 2006. – 336 с.
11. Терёшкин, Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. – Ч. 1. Ваховский диалект / Н. И. Терёшкин. Издательство Академии наук СССР. – М.; Л., 1961.
12. Хантыйский язык: учеб. для уч-ся пед. уч-щ / А. М. Сенгепов [и др.]; под ред. Е. А. Нёмысовой. – Л.: Просвещение (Ленингр. отд-ние), 1988. – 224 с.

Информация об авторе:

Молданова Ирина Максимовна – аспирантка, преподаватель Ханты-Мансийского технологического педагогического колледжа, 89519803281, Uil.gera@yandex.ru.

Moldanova Irina Maksimovna – post-graduate student, lecturer at Hanty-Mansiysk Technological and Teacher Training College.

**ВАРИАТИВНОСТЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА КАК КОМПОНЕНТА ПРОПОЗИЦИИ
ВЕРБАЛЬНОГО СОБЫТИЯ (на материале публикаций «Российской газеты»)**

С. В. Мохирева

**SUBJECT REPRESENTATION VARIABILITY AS A COMPONENT OF
VERBAL EVENT PROPOSITION (as revealed in «Rossiiskaya Gazeta»)**

S. V. Mokhireva

В статье рассматривается категория события и ее функционирование в масс-медийном дискурсе. Выдвигается тезис о зависимости актуализации того или иного структурного элемента медиа-события от авторской интенции. Исследуются способы представления субъекта как элемента пропозиции вербального события.

The category of event and its functioning in the mass-media discourse is considered in the article. The actualization of a certain structural element in a media event is supposed to depend on the author's intentions. The ways of presentating of a subject as the element of a verbal event proposition are investigated.

Ключевые слова: масс-медийный дискурс, событие, интерпретация, субъект, объект.

Keywords: mass media discourse, event, interpretation, subject, object.

Основу масс-медийного дискурса составляют категория события и близкие к нему онтологические категории (процесс, ситуация, факт и т. д.). Аудитория обращается к масс-медиа за информацией о том, что произошло, случилось, при этом определенная порция «среза реальности» интерпретируется автором исходя из его мировоззренческих, ментальных, профессиональных и т. д. установок. Событие – некий «шаг в общественном процессе» [15, с. 14], становясь известным многочисленной аудитории, ведет к изменению ее ценностных ориентиров, занимая ключевую, структурирующую, все то, «что хотел сказать» автор адресату, позицию.

«Событие», выступая в качестве универсальной категории, является предметом обсуждения различных научных дисциплин. Несмотря на многочисленность исследований, вопрос о границах понятия, способах его репрезентации в тексте остается открытым.

Внимание исследователей обусловлено, по мнению Н. Д. Арутюновой, переключением «интереса (...) с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики» [1, с. 101]. Так, под «событием» понимается «квант структурированного знания о динамическом фрагменте картины мира» [11, с. 3], «изменение, которое имеет начало, кульминацию и завершение, выступающее в конечном итоге как новая реальность, новая ситуация» [7, с. 37]. «Событие» изучается как глобальная текстовая категория, связанная «с описанием различных действий субъекта и объекта в определенном пространстве и времени» [3, с. 183] и выражает основное сообщение – рему текста. В качестве доминирующей текстовой категории «событие» выступает «в процессе презентации определенной информации как универсальный субстрат общественно-политических отношений» [4, с. 3], а также является ведущим стилеобразующим фактором газетного текста [9]. Представленные определения показывают, что «событие-в-тексте» и «событие-в-реальности» не являются тождественными феноменами. Существует грань между событием как онтологическим явлением, как явлением действительности и событием как продуктом когнитивной

деятельности индивидуума, репрезентирующей этот элемент реальности с учетом ценностных установок и мировоззренческого вектора.

В журналистском дискурсе, представляющем «мир людей и их действий как мир событий» [12], «событие-в-тексте» номинируется как «медиа-событие» (С. И. Сметанина), «медиа-коммуникативное событие» (И. В. Рогозина), «вербальный факт» (Т. В. Чернышова). Под «вербальным фактом» мы, вслед за Т. В. Чернышовой, понимаем «воплощенный в тексте газетно-публицистического издания, т. е. «сюжетно завершенный» и представляющий собой оценочную интерпретацию реального события с учетом концептуальной системы того адресата, на которого ориентировано издание» [17, с. 65].

Ключевым подходом к пониманию процесса вербализации категории события является, на наш взгляд, подход, утверждающий связь предложения и фрагмента действительности. При этом отдельное предложение «концентрированно» представляет часть реальности, выступая как знак события. Неоднократно подчеркивается, что «событие» получает свое имя «события», если в качестве такового обозначено определенным индивидуумом. «Ведь событие (...) существует только благодаря своему описанию» [6, с. 14]. Нет вербализации – нет события, что особенно актуально для журналистского дискурса.

А. А. Еникеев, поддерживая идею события как вербализованного акта, рассматривает варианты развития отношений между событием и наблюдателем. Один из них представляет ситуацию, «когда несколько наблюдателей (свидетелей) наблюдают одно и то же событие. Это (...) ведет к множественности самого события, поскольку будет существовать множественность описаний этого события, его интерпретаций, модальностей» [6, с. 17]. На наш взгляд, именно такой подход, предполагающий множество вариантов описания события, характерен для медиасреды.

В качестве специфических мы выделили следующий ряд признаков «события»:

– оно описываемо, пока событие не описано, оно является виртуальным фантомом;

- событие одновременно принадлежит реальному миру и сознанию человека;
- событие имеет модальную рамку, так как описывается разными людьми и с разными оценками;
- событие лично, так или иначе оно касается человека;
- событие имеет пространственные и временные рамки (даже если в реальности сложно найти момент начала события, формально при вербализации эта граница будет обозначена);
- при описании событие теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. В результате вербальный факт становится мозаичным, а автор, представляющий событие, так или иначе на первую позицию вынесет один из фрагментов «мозаики».

Таким образом, событие – это категория, представляющая фрагмент действительности, координаты которого заданы пространственно-временными характеристиками, наделенная той или иной модальностью. «Событие-в-реальности» отличается от «вербального факта» тем, что последний представляет собой «отражение», пропущенное через призму авторского сознания. Критерием, разграничивающим эти два понятия, становится собственно вербализация события в тексте, репрезентирующая его (события) элементы в соответствии с личностной (авторской) иерархией значимости. Выражение авторского отношения (с помощью эксплицитной или имплицитной оценки), расстановка акцентов в понимании свершившегося факта происходит через обращение к интерпретации – «когнитивного процесса и одновременно результата в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [5, с. 31].

Развивая идею о дискретности категории события, т. е. о ее членимости на составные элементы, каждый из которых выполняет определенную функцию, мы предлагаем обозначить следующие ключевые элементы: предикат («что случилось?»), «участники», время и пространство, результат (последствия). Актуализация того или иного элемента происходит по У. Л. Чейфу на уровне пропозиционализации («построения суждения»). В частности, выделяются отдельные элементы – предметы, которые говорящий выбрал в качестве участников события [16, с. 47].

На наш взгляд, событие (как некая часть универсума) имеет место при наличии участника, указания на время и пространство, результата (последствий) и предиката (обозначение – «что случилось»). Н. Д. Арутюнова рассматривает особенности существования каждого из этих элементов в предложении как вербализованном суждении о сути происходящего. В предложении элементы события получают свои позиции, обозначенные соответственно как субъект, объект, сирконстанты, предикат.

В данной статье подробнее остановимся на характеристике субъекта как компонента пропозиции вербального события и способах его выражения.

Материалом исследования являются две публикации федерального общественно-политического издания «Российская газета» (далее – «РГ»), освещающие конкретное событие, обладающее высокой новостной ценностью, – крушение теплохода «Булгария» на

Волге в июле 2011 года. Первая – «Смерть в «Булгари»» – вышла в номере от 12 июля 2011 г. Заголовок лаконично сообщает, что произошло («смерть») и где (пространственная локализация – «в «Булгари»»). Ключевыми словами, полученными в результате контент-анализа текста, стали следующие номинации, указывающие на неожиданность и масштаб события: «катастрофа» (4), «трагедия» (4), «национальный траур» (1), «День траура» (1), «бедствие» (1), «трагическое событие» (1). Такой набор лексем обусловлен, в первую очередь, количеством пострадавших россиян и проявляется в акцентировании внимания читателей на «жертвах катастрофы» («Сегодня в России национальный траур: страна скорбит о жертвах катастрофы, произошедшей с теплоходом «Булгария»). Начиная сообщение с обобщенного – «жертвы», автор разворачивает повествование по принципу конкретизации информации: «жертвы катастрофы» – «на борту (...) находилось 208 человек» – «погибло более 100 человек» – «спасли удалось 79 человек, из которых 50 – туристы, 23 – члены экипажа и шесть незарегистрированных пассажиров» – «один из пассажиров «Булгари» Николай Чернов» – «жена и внук Николая». Такая «воронкообразная» концентрация информации позволяет перейти от общего представления картины случившегося к частной истории, касающейся каждого.

Заголовок публикации «Река слез» (от 13 июля 2011 года) выполняет не столько информативную функцию, сколько экспрессивную. Основные обстоятельства уже известны, событийная канва изложена (в дальнейшем она будет лишь дополняться новыми деталями), но трагедийный пафос, обрамляющий событие, продолжает сохраняться и поддерживаться СМИ, в том числе и в газетном дискурсе. Использование в заголовке метафоры («река слез») не только подчеркивает масштаб трагедии, но и вновь актуализирует (пусть косвенно) место, где все произошло (указание на водное пространство). Восприятие случившегося как бедствия поддерживается, об этом свидетельствуют использование ключевых слов «трагедия» (3), «кораблекрушение» (1), «крушение» (1), «катастрофа» (2), «бедствие» (1). Но внимание автора концентрируется не только на жертвах крушения, но и тех «участниках» события, которые имеют прямое отношение к его последствиям или причинам. Поэтому, на наш взгляд, первая публикация выполняет в большей степени информирующую функцию, вторая – интерпретирующую. Наиболее часто в обоих материалах встречаются лексемы «катастрофа», «трагедия», «бедствие». Значение этих слов содержит оценочный компонент, который имплицитно оказывает эмоциональное воздействие на реципиента. Так, «катастрофа» – это «внезапное бедствие, событие с трагическими последствиями» [13]; «трагедия» – «трагическое событие, происшествие, несчастный случай» [13]; «бедствие» – «большое несчастье с тяжелыми, часто гибельными последствиями» [13]. Таким образом, уже в семантике слов, используемых для номинации события, содержится его оценка как неожиданного, масштабного, имеющего смертельный исход.

Термин «субъект» толкуется как «то же, что и подлежащее», «агенса» [2, с. 462]. Под «объектом» по-

нимается «то же, что и дополнение», «то лицо или тот предмет, на которое направлено глагольное действие» [2, с. 279].

Субъект в качестве носителя активного, деятельностного значения и объект в качестве «предмета воздействия» субъекта, на наш взгляд, можно объединить с помощью одного функционального понятия «участник».

Исходя из философского определения категории объекта («то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира» [8, с. 441]), мы можем предположить, что объектом интерпретации в вербальном событии (в широком смысле) будет то фактическое (и ментальное) пространство, которое попадает в поле зрения автора-интерпретатора.

Реализацию субъектной (т. е. активно-деятельностной) природы участника можно проследить в классификации, основанной на анализе публикаций. Мы выделили следующие актуализации субъектов события:

«Ядерные»: находились в эпицентре события, когда оно происходило («жертвы», погибшие).

«Околоядерные»: обладают высокой степенью «вовлеченности» в событие (родные, очевидцы).

«Периферийные»: 1) не были на месте события, но активно вовлечены в разрешение его последствий (эксперты, сотрудники спецслужб, представители власти); 2) имеют прямое или косвенное отношение к тому, чтобы это событие было организовано – т. е. к причинам (владельцы, арендаторы, представители власти).

«Обобщенно-потенциальные»: потенциальные, подразумеваемые, но не названные участники, россияне, Россия.

Частотность упоминания того или иного участника на соответствующем уровне не является постоянной. Так, анализ публикаций показал, что, количество актуализированных «ядерных» участников в текстах, написанных сразу после того, как стало известно о крушении, превышает количество упоминаний в последующих публикациях. Авторский фокус смещается с «ядерного» на «периферийный» уровень, на котором расположены участники, выполняющие роли, обозначенные как «власть», «эксперты». На наш взгляд, такое смещение акцентов вполне объяснимо законами распространения информации в медиа-среде. Период первичного знакомства аудитории с тем, что произошло, постепенно снижает свою остроту, важнее и актуальнее становится реакция аналитиков, экспертов из различных профессиональных сред. Для прессы, выполняющей в том числе и интерпретирующую функцию, важно представить, как, с тем, что случилось, будет, например, справляться власть как ведущий контролирующий государственный орган. Фокус с сообщения информации смещается на ее анализ.

Нам кажется недостаточным для характеристики событийного элемента «субъект» проведения только количественного анализа. Качественное рассмотрение всех указанных субъектов позволяет классифицировать их на следующие семантико-смысловые группы: «жертвы, пострадавшие», «родственники», «спасате-

ли, помощники», «ответственные», «власть», «эксперты (информаторы, аналитики)».

Разделение на группы, которые отражают качественную характеристику всех обозначенных в тексте субъектов, происходит на основе анализа их функциональной роли в представленном медиа-событии. В каждой группе находится неодинаковое количество упоминаемых участников, в зависимости от авторской интенции. Например, в материале «Смерть в «Булгари»» наибольшее количество актуализированных «участников» относится к группе «жертвы», наименьшее – к группе «родные». В публикации «Река слез» больше упомянуто «периферийных» участников.

При исследовании категории субъекта события нельзя не обратить внимания на ряд признаков, которые определенным образом его характеризуют:

1. Одушевленность – неодушевленность. Субъектами события могут стать лица, имеющие категорию одушевленности (люди, животные и т. д.), так и лица неодушевленного признака. При этом неодушевленные субъекты могут быть наделены (по воле автора) признаком одушевленности и, оставаясь «неживым» субъектом», получить языковую реализацию как живого, одушевленного персонажа. Например, «судно *«забрало» («Смерть в «Булгари»».*

2. Конкретность (например, точное указание имени, должности какого-либо субъекта) – неопределенность обозначения – неопределенность, но предполагаемость (например, использование метатекста «как сообщают»).

3. Социальная характеристика (отмечена профессиональная принадлежность, возраст, пол).

4. Активность – пассивность (автор наделяет / не наделяет способностью к активным действиям, или подчеркивает эту способность).

5. По степени вовлеченности в событие (от «ядерных» до «периферийных»).

6. По функциональной роли в событии («жертвы», «эксперты» и т. д.).

Кроме того, между субъектами возможно выявить внутренние связи и отношения, которые могут быть представлены смысловыми оппозициями или объединениями: «жертвы» – «виновные», «пострадавшие» + «родственники». Так, автор заявляет о субъектах, связанных разными семантическими связями и находящихся на разных событийных уровнях («периферийном» и «ядерном»): *«Тем не менее, как сообщили в ГУ МЧС России по РТ, двоим мужчинам удалось это сделать»* (добраться вплавь до берега с места крушения) (*«Смерть в «Булгари»».*

В «ядерной» позиции (и любой другой) определенный обозначенный субъект имеет дополнительные характеристики. Автор вводит его в поле события, постепенно конкретизируя информацию о нем, так как в том или ином освещаемом аспекте события значима именно определенная характеристика или «подтип» участника. Например, «пассажиры» («Булгари») – ключевое (первичное) обозначение «ядерного» участника – разделяются на три важных для семантики события «подтипа»: «погибшие» – «спасенные» – «пропавшие без вести». В зависимости от авторского фокуса возможно выделение еще ряда актуальных каче-

ственных значений: члены экипажа – туристы; «официальные» (зарегистрированные) туристы – незарегистрированные пассажиры; жители республики Татарстан – жители других республик. К группе «пострадавшие» могут относиться все пассажиры «Булгарии»; только спасенные; пострадавшие физически или морально. «Народ», в зависимости от контекста, в который погружает автор, может явиться не только российским народом вообще, но, иметь значение «родственники» или «сочувствующие». При этом принцип конкретизации информации работает и при введении в текст того или иного «участника», т. е. дается более подробная характеристика, детализирующая его статус. Автор может вводить читателя в суть произошедшего следующим образом: обобщенно («как со-

общили в ГУ МЧС России по РТ»); конкретно («исполняющий обязанности президента РТ – премьер-министр Татарстана Илдар Халиков»); постепенное «разворачивая» информацию: «За это время, по его словам, мимо терпящих бедствие проплыли два судна. Одно называлось "Волганефть", а вот название второго, баржи, он не разобрал» («Смерть в «Булгарию»»).

Таким образом, участник события, имеющий субъектно-объектную природу, является ключевым элементом событийной структуры. Вариативность его представления зависит от авторского фокуса освещения события, что, в свою очередь, продиктовано сформированными профессиональными и мировоззренческими ориентирами.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988. – 341 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М., 2007. – 520 с.
4. Грушевская, Е. С. Языковые средства презентации системно-структурной организации события как глобальной категории политического газетного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Грушевская. – Ставрополь, 2010. – 22 с.
5. Демьянков, В. З. Краткий словарь когнитивных терминов / В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова. – М., 1996. – 245 с.
6. Еникеев, А. А. Событие, сознание, текст в пространстве социально-философского знания: дис. ... канд. филос. наук / А. А. Еникеев. – Екатеринбург, 2003. – 164 с.
7. Лазутина, Г. В. Жанры журналистского творчества / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – М., 2011. – 320 с.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
9. Печетова, Н. Ю. Стилеобразующие факторы репрезентации события в региональных газетно-публицистических текстах (на материале газет Республики Саха): дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Печетова. – Барнаул, 2012. – 179 с.
10. Рогозина, И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: монография / И. В. Рогозина. – М.; Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 289 с.
11. Резникова, С. С. Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. С. Резникова. – СПб., 2006. – 22 с.
12. Силантьев, И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смешений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/224981/read>
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>
14. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание / С. И. Сметанина. – СПб.: Михайлов В. А., 2002. – 383 с.
15. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие / А. А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
16. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 12: Прикладная лингвистика.
17. Чернышова, Т. В. Тексты в СМИ в ментально-языковом пространстве современной России / Т. В. Чернышова. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 296 с.

Информация об авторе:

Мохирева Светлана Викторовна – ассистентка кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, 89059172801, smail-86@mail.ru.

Mokhireva Svetlana Viktorovna – assistant lecturer at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century of KemSU.

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ТЕКСТА
КОРПОРАТИВНОЙ ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ ОТКРЫТКИ**
Н. В. Немчинова

LINGUO-COGNITIVE DESCRIPTION OF A CORPORATE GREETING CARD TEXT
N. V. Nemchinova

Данное исследование посвящено анализу компонентов семантической структуры текста в поздравительной открытке. В данной статье рассмотрен текст пожелания в открытках, предназначенных для сегмента “business-to-business”. В ситуации пожелания ярко выражены благопожелания адресату, а также ценности, заложенные в данные фрагменты поздравителем. Как правило, пожелания направлены на будущие жизненные успехи и удачи.

This study is devoted to the analysis of the semantic structure components in a greeting card text. In this article the text of wished in cards designed for the "business-to-business" segment, as well as the values that are embodied in these fragments by the congratulator are considered. Typically, the wishes focus on the future life success and fortune.

Ключевые слова: пожелание, ценности, текст, адресат, адресант.

Keywords: wishes, values, text, addressee, addresser.

Восприятие текста связано прежде всего с его целостностью, поэтому пожелание, на наш взгляд, – основная часть поздравления. По словам Н. И. Жинкина, «во всяком тексте, если он относительно закончен

и последователен, высказана одна основная мысль, один тезис, одно положение. Всё остальное подводит к этой мысли, развивает её, аргументирует, разрабатывает» [3, с. 17].

Ценности, упоминаемые в текстах КПО

<i>Адресат</i> <i>Праздник</i>	<i>Бизнесмен</i>	<i>Ректор</i>
Новый год	Любви – 112 (86,2 %). Добра – 98 (75,4 %). Здоровья – 95 (73,1 %). Счастья – 82 (63,1 %). Благополучия – 71 (54,6 %). Мира – 59 (45,4 %). Крепкого здоровья – 57 (43,1 %). Успеха – 55 (42,3 %). Удачи – 43 (33,1 %). Верных друзей – 23 (17,7 %).	Счастья – 91 (53,5 %). Здоровья – 78 (45,9 %). Удачи – 61 (35,9 %). Крепкого здоровья – 56 (32,9 %). Успеха – 49 (28,8 %). Благополучия – 34 (20 %). Исполнения желаний – 26 (15,3 %). Радости – 25 (14,7 %). Стабильности – 23 (13,5 %). Хорошего настроения – 21 (12,4 %).
День рождения	Крепкого здоровья – 92 (70,8 %). Удачи – 84 (64,6 %). Здоровья – 69 (53,1 %). Счастья – 64 (49,2 %). Оптимизма – 41 (31,5 %). Благополучия – 41 (31,5 %). Неиссякаемой жизненной энергии – 31 (23,8 %). Осуществления надежд и желаний – 26 (20 %). Любви и заботы родных – 19 (14,6 %). Успеха – 15 (11,5 %).	Успеха – 92 (54,1 %). Крепкого здоровья – 83 (48,8 %). Счастья – 79 (46,5 %). Мира – 78 (45,9 %). Благополучия – 63 (37,1 %). Творческих успехов – 53 (31,2 %). Удачи – 29 (17,1 %). Новых планов, интересных дел, тепла человеческих отношений, мира и благополучия в семье – 14 (8,2 %). Успехов в работе – 13 (7,6 %). Исполнения всех Ваших надежд и планов – 13 (7,6 %).
23 февраля	Здоровья – 111 (85,4 %). Мира – 63 (48,5 %). Крепкого здоровья – 61 (46,9 %). Благополучия – 52 (40 %). Счастья – 45 (34,6 %). Стойкости – 41 (31,5 %). Успехов в труде – 39 (30 %). Оптимизма – 29 (22,3 %). Твердости духа – 25 (19,2 %). Силы – 23 (17,7 %).	Благополучия – 64 (37,6 %). Счастья – 48 (28,2 %). Удачи в профессиональной деятельности – 47 (27,6 %). Мирного неба – 34 (20 %). Мирной жизни – 32 (18,8 %). Крепкого здоровья – 30 (17,6 %). Домашнего тепла – 29 (17,1 %). Доброго здоровья – 24 (14,1 %). Чистого неба над вашим домом – 22 (12,9 %).

<i>Адресат Праздник</i>	<i>Главный врач (м)</i>	<i>Главный врач (ж)</i>	<i>Декан (ж)</i>
Новый год	Доброго здоровья – 97 (88,2 %). Любви – 94 (85,5 %). Счастья – 76 (69,1 %). Здоровья – 57 (51,8 %). Крепкого здоровья – 48 (43,6 %). Мира – 44 (40 %). Удачи в профессиональной деятельности – 44 (40 %). Успехов во всех делах – 39 (35,5 %). Неиссякаемой жизненной энергии – 30 (27,3 %). Гармонии – 21 (19,1 %).	Личного счастья – 96 (83,5 %). Здоровья – 90 (78,3 %). Любви – 89 (77,4 %). Успеха – 79 (68,7 %). Благополучия – 47 (40,9 %). Доброго здоровья – 43 (37,4 %). Стойкости – 39 (33,9 %). Удачи во всем – 39 (33,9 %). Неиссякаемой жизненной энергии – 29 (25,2 %). Взаимопонимания – 22 (19,1 %).	Семейного благополучия – 97 (77,6 %). Личного счастья – 84 (67,2 %). Мира – 73 (58,4 %). Добра – 70 (56 %). Счастья – 50 (40 %). Удачи – 50 (40 %). Стойкости – 42 (33,6 %). Взаимопонимания – 24 (19,2 %). Удачи в профессиональной деятельности – 22 (17,6 %). Плодотворной работы – 17 (13,6 %).
День рождения	Личного счастья – 95 (86,4 %). Крепкого здоровья – 83 (75,5 %). Успехов во всех делах – 78 (70,9 %). Прцветания – 67 (60,9 %). Стабильности – 53 (48,2 %). Согласия – 49 (44,5 %). Стойкости – 33 (30 %). Терпения – 31 (28,2 %). Добрых дел – 29 (26,4 %). Гармонии – 29 (26,4 %).	Стабильности – 71 (61,7 %). Добра – 69 (60 %). Доброго здоровья – 69 (60 %). Личного счастья – 66 (57,4 %). Удачи – 62 (53,9 %). Здоровья – 43 (37,4 %). Оптимизма – 42 (36,5 %). Удачи в профессиональной деятельности – 33 (28,7 %). Взаимопонимания – 21 (18,3 %). Неиссякаемой жизненной энергии – 23 (20 %).	Семейного благополучия – 108 (86,4 %). Любви – 78 (62,4 %). Оптимизма – 53 (42,4 %). Финансовой стабильности – 51 (40,8 %). Стабильности – 49 (39,2 %). Творческих успехов – 43 (34,4 %). Здоровья – 42 (33,6 %). Добрых дел – 33 (26,4 %). Удачи в профессиональной деятельности – 22 (17,6 %). Стойкости – 21 (16,8 %).
8 марта / 23 февраля	Успеха – 101 (91,8 %). Мира – 81 (73,6 %). Благополучия – 54 (49,1 %). Взаимопонимания – 40 (36,4 %). Финансовой стабильности – 39 (35,5 %). Удачи – 37 (33,6 %). Плодотворной работы – 31 (28,2 %). Успехов в труде – 29 (26,4 %). Гармонии – 27 (24,5 %). Терпения – 21 (19,1 %).	Любви – 103 (89,6 %). Успехов во всех делах – 94 (81,7 %). Счастья – 49 (42,6 %). Стабильной работы – 43 (37,4 %). Верных друзей – 43 (37,4 %). Добрых дел – 41 (35,7 %). Домашнего тепла – 32 (27,8 %). Роста – 24 (20,9 %). Радости – 21 (18,3 %). Согласия – 19 (16,5 %).	Прцветания – 103 (82,4 %). Благополучия – 55 (44 %). Деловой активности – 51 (40,8 %). Творческого азарта – 49 (39,2 %). Тепла человеческих отношений – 42 (33,6 %). Терпения – 39 (31,2 %). Успеха – 38 (30,4 %). Оптимизма – 34 (27,2 %). Финансовой стабильности – 29 (23,2 %). Хорошего настроения – 20 (16 %).

Для анализа смыслового наполнения концепта *пожелание* мы использовали материалы Русского ассоциативного словаря [6]. Анализ реакций на словосочетание *пожелание* позволил выявить группы:

1) желаемые ценности – 51 %, среди них – счастье (11 %), любовь (10,5 %), успех (9 %), здоровье (8 %), удача (5 %) и др.; около 8 % составляют негативные пожелания (смерти, сдохнуть, упасть, чтоб тебе);

2) *оценка* пожелания – 17 % (от души, наилучшие, крутое, скромное, последнее и т. д.);

3) *адресат* – 14 % (другу, подруге, друзьям, имениннику, всем);

4) *повод, событие* – 9 % (праздник, Новый год, день рождения, на прощание, на ночь, на память);

5) *жанр / форма / способ* пожелания – 7 % (открытка, написать, телефон, улыбка).

Анализ данной части текста поздравления выявил следующие, наиболее употребляемые ценности.

Анализ текстовых фрагментов с интенцией «пожелание» показал, что главной ценностью в сознании авторов поздравительного текста, а следовательно, и получателя является **здоровье (99,2 %)**. По словарю [7], здоровье – состояние организма, при котором

правильно, нормально действуют все его органы || То или иное состояние организма, самочувствие.

Для усиления важности данного понятия в текстовых фрагментах встречаются атрибутивные определения: **крепкого (94,5 %)**, **доброго (45,5 %)**, **крепкого сибирского (1,7 %)**, **отменного (0,3 %)**. Сюда же мы можем отнести пожелание *долгих лет жизни (11,6 %)*, т. к. в сознании человека оно ассоциируется со **здоровьем**.

Не менее важной ценностью выступает **счастье (97,3 %)**. Счастье – I. Состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-либо || Внешнее проявление этого чувства. II. Успех, удача. III. Хорошо, удачно. IV. Участь, доля, судьба.

Категория **счастье** дополняется атрибутами: *личного (86,8 %)*, *семейного (5,8 %)*, *простого человеческого (4,5 %)*.

Ценность **удача (94,2 %)**, определяется как совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение.

В проанализированных фрагментах **удача** является доминантой в следующих выражениях: *удачи в профессиональной деятельности (29,6 %)*, *удачи во всём (23,2 %)*.

Успех (94,2 %) – **I**. Положительный результат, удачное завершение чего-либо || Благоприятный исход, победа в каком-либо сражении, поединке и т. п. || Хорошие результаты в учебных занятиях достижение в освоении, изучении чего-либо. **II**. Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижениях.

Ценность репрезентируемая словом «успех» дополняется атрибутами: *творческих (26,2 %)*, *финансовых (20,8 %)*. В то же время успех выступает и как доминанта: *успехов во всех делах (81,5 %)*, *успехов в труде (16,5 %)*, *успехов в работе (14,2 %)*, *успехов в служении истине (0,2 %)*.

Ценность **благополучие (85,8 %)** – это спокойное, без каких-либо нарушений течение дел, жизни || Счастье || Довольство, обеспеченность.

Смысловая доминанта благополучие встречается в текстах в сочетании с атрибутами: *семейного (70 %)*, *жизневого (1,5 %)*, *материального (0,2 %)*.

Добро (68,3 %) – **I**. Всё положительное, хорошее || То, что хорошо, полезно, приятно. Образованное прилагательное *добрый* выступает атрибутивом в сочетаниях пожелания: *добрых дел (24,6 %)*, *добрых перемен (0,2 %)*.

Стабильность (35,6 %) определяется как (свойство по знач. прил. *стабильный*) – постоянный, устойчивый, не изменяющийся. В проанализированных фрагментах стабильность употребляется с определителем *финансовой (26 %)*, а прилагательное *стабильный* употребляется с доминантой работа: *стабильной работы (25,6 %)*.

Выражение пожелания может строиться с глаголом «желать» и зависимым родительным падежом существительного или зависимым инфинитивом: (Я) желаю (вам, тебе) + сущ. в род. п.; (Я) желаю (вам, тебе) + инфинитив. Глагол желать нередко распростирается степенями определителями: От (всей) души/От всего сердца желаю...! [8, с. 113].

Семантическая структура высказываний с перформативным глаголом *желаю* имеет вид: **S+P+O+K**. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что S может быть только одушевлённым. М. Я. Гловинская даёт следующее толкование глагола *желать*: X желает Y-у P = (1) X хочет, чтобы с Y-ом случилось P; (2) X говорит словесную формулу, принятую для; (3) произнесение формулы как бы способствует осуществлению P; (4) X говорит это, чтобы Y знал, что чувствует X по отношению к нему [2, с. 56].

Субъект пожелания, как правило, выражается местоимением первого лица единственного числа (**1,7 %**):

Я желаю Вам крепкого сибирского здоровья...

Я желаю Вам финансовой стабильности и новых перспектив...

В проанализированных нами корпоративных поздравлениях такая структура встречается редко. В

основном такие предложения имеют вид: **P+O+K (74,6 %)**:

... Желаю Вам мирного неба над головой, душевного спокойствия...

...Желаю Вам стабильной работы, заботы родных и близких...

Также предложения с интенцией «пожелания» могут состоять только из однородных существительных, распространённых квантификаторами или атрибутами (**18,4 %**):

...Крепкого здоровья, личного счастья, удачи и успехов во всём!...

...Здоровья, счастья, любви, терпения...

Для создания текста пожелания авторы используют слова, которые характерны для весёлых, радостных текстов [1]. В проанализированных нами фрагментах можно выделить следующие лексико-семантические группы слов:

1. Добро, удача, успех (42,3 %)

... Пусть верные друзья и добрые традиции...

... Желаем Вам успеха, удачи ...

... Пусть открывает Новый год дверь в мир добра и красоты...

2. Здоровье (99,2 %)

... Желаем крепкого здоровья, долгих лет жизни...

... Желаем доброго здоровья Вам и Вашим близким...

3. Счастье (97,3 %)

... Счастья и мира Вам и вашим семьям...

... принести нам радость, счастье...

... прекрасного настроения, личного счастья...

4. Тепло, теплота (30,4 %)

... благополучия и тепла Вам, вашим родным и любимым людям...

... Пусть всегда будут уют и тепло в Вашем доме...

5. Благополучие, процветание, стабильность (22,9 %)

... началом добрых свершений, стабильности и процветания...

... успехов и процветания, которых Вы, безусловно, заслуживаете.

... с искренними пожеланиями благополучия и процветания...

6. Любовь (13,4 %)

... желаем счастья, любви...

... будет согрето теплом и любовью близких...

Большое значение в тексте пожеланий имеют метафоры и эпитеты, которые имеют не логическое, а художественное, образное определение:

... Желаем Вам доброго здоровья, большого человеческого счастья..., счастливых перемен и удач...

Стиль пожеланий на морфологическом уровне характеризуется преимущественным употреблением в тексте существительных в род. п. (**2361**) и качественных прилагательных (**942**). Реже употребляются глаголы (**734**), чаще всего это глаголы «желать», «будет». Количественный подсчёт осуществлялся частотностью употребления той или иной части речи в текстовых фрагментах «пожелание».

Для пожеланий характерно использование частиц *пусть, пускай, только*, что нашло подтверждение в приведённых нами таблицах (**74,2 %**):

Пусть он вновь принесёт Вам удачу...

Пусть этот замечательный праздник подарит Вам...

Пусть успех и удача будут неизменными спутниками...

Сочетание частиц *пусть* или *пускай* с формой 3 лица единственного или множественного числа изъявительного наклонения может трактоваться как аналитическая форма повелительного наклонения со значением желательности [5, с. 622]. Категориальное значение повелительного наклонения – это значение побуждения, т. е. представление действия как требуемого, к которому побуждает кого-либо говорящий [5, с. 620].

Использование служебных слов в образовании форм превосходной степени прилагательных и наречий, которая «указывает на то, что качество, называемое прилагательным, свойственно данному предмету в наивысшей степени, то есть больше, чем всем остальным предметам» [9, с. 241] (18,9 %):

... желаем Вам всего самого наилучшего, пусть сбудутся все Ваши самые смелые планы и начинания...

На синтаксическом уровне в исследуемом материале выявлены простые повествовательные восклицательные предложения с однородными членами (2671). Встречаются также и сложноподчинённые предложения (382) с союзом *чтобы*:

...Мы желаем, чтобы все проблемы и заботы остались в уходящем году...

...Искренне желаем, чтобы наступающий год был светлым, радостным, успешным и плодотворным...

Эмотивность текстовых фрагментов на данном языковом уровне поддерживается средствами экспрессивного синтаксиса. Одним из таких средств являются повторы:

... Желаем, чтобы грядущий год стал годом исполнения Ваших желаний и надежд, годом счастливых перемен и удач...

... пусть этот праздник станет началом нового удачного года: года, полного надежд и свершений, года, открывающего новые горизонты, года, приносящего успех...

При помощи повторов происходит акцентирование общего смысла сочетания [10]. При этом эмотивность языковой единицы выступает как компонент, осложняющий её объективное информативное ядро, затрудняющий формирование точности [4, с. 49].

Таким образом, мы пришли к выводу, что, помимо ценностей, заложенных в пожеланиях, характеризующих языковое сознание не только отправителя сообщения, но и его получателя, пожелание необходимо исследовать и с лингвистической точки зрения. С позиции функционирования выделенных текстовых фрагментов на разных языковых уровнях.

Литература

1. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе) / В. П. Белянин. – М., 2000. – 361 с.
2. Гловинская, М. Я. Русские речевые акты поздравлять и желать / М. Я. Гловинская // Язык: система и подсистемы. – М.: Наука, 1990.
3. Жинкин, Н. И. Развитие письменной речи у учащихся 3 – 7 классов / Н. И. Жинкин // Изв. АПН РСФСР. – 1956. – № 78.
4. ИONOBA, С. В. Эмотивность текста официально-делового стиля / С. В. ИONOBA // Единицы языка в их функционировании. – Саратов, 2000. – Вып. 6.
5. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. – М., 1980. – 709 с.
6. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, А. В. Караулов. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 784 с.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
8. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н. И. Формановская. – М.: Рус. яз., 2002. – 160 с.
9. Шанский, Н. М. Современный русский литературный язык / Н. М. Шанский. – М.: Наука, 1981. – 201 с.
10. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР 1960. – 315 с.

Информация об авторе:

Немчинова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, 8-923-364-0330, natalya.les84@gmail.com.

Nemchinova Natalia Viktorovna – Candidate of Philology, at the Department of Foreign Languages of Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of Siberian Federal University.

УДК: 821.161.1(092)

**«БЕСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О СВЯЗИ РОМАНА С «ПИКОВОЙ ДАМОЙ» А. С. ПУШКИНА
Е. Г. Николаева**

**A FEW NOTES ON THE CONNECTION BETWEEN "THE DEVILS" BY FYODOR DOSTOEVSKY
AND "THE QUEEN OF SPADES" BY ALEXANDER PUSHKIN
E. G. Nikolaeva**

В статье исследуются интертекстуальные связи романа «Бесы» Ф. М. Достоевского с «Пиковой дамой» А. С. Пушкина: отмечается, что Достоевский совмещает в одном герое две (а иногда и три) проекции нескольких героев из пушкинской повести, связанных с мотивом сиротства, описываемом как единство трех персонажных позиций: «тиран» – «освободитель» – «сиротка». В частности, в исследовании идет речь о том, что Достоевский для описания отношений персонажей Ставрогина – Степан Верховенский – Даша привлекает пушкинскую триаду старуха-графиня – Германн – Лизавета Ивановна.

This article investigates the intertextual connections between the novel «The Devils» by Fyodor Dostoevsky and «The Queen of Spades» by Alexander Pushkin. The author shows that Fyodor Dostoevsky combines two (and sometimes three) projections of several characters from Alexander Pushkin's story in one character. These projections are related to the theme of abandonment, which is described as the unity of the three positions of characters: "tyrant" – "liberator" – "orphan". We mention the fact that Dostoevsky uses Pushkin's triad of Old Countess – German – Lizaveta Ivanovna to describe Stavrogin – Stepan Verkhovensky – Dasha relationship.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальные связи, «Бесы», Достоевский, «Пиковая дама», Пушкин, мотив сиротства, герой.

Keywords: intertext, intertextual connection, «The Devils», Dostoyevsky, «The Queen of Spades», Pushkin, the theme of abandonment, character.

Интертекстуальным связям романа Ф. М. Достоевского «Бесы» с повестью А. С. Пушкина «Пиковая дама» были посвящены работы А. Л. Бема [3, с. 97 – 110], Н. Д. Тамарченко [5, с. 329 – 341], Фэн Хуаина [5, с. 138 – 141]. Так, А. Л. Бем в «Сумерках героя» отмечает, что «"Homme sans mœurs et sans religion" («Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого» – эпиграф к IV главе «Пиковой даме», который может быть отнесен, прежде всего, к Германну) нашел свое наивысшее выражение у Достоевского в образе Ставрогина» [3, с. 97], правда, исследователь оговаривает тот факт, что Ставрогин «слишком уж далеко по пути душевного разложения и рафинированного морального падения продвинулся вперед этот отдаленный наследник пушкинского преступного героя» [3, с. 97]. Но эта «отдаленность» не мешает А. Л. Бему видеть общность Германна и Ставрогина в целом ряде важных моментов: у обоих на совести ужасные преступления, оба поступают жестоко по отношению к Лизе (у Пушкина – Лизавете Ивановне, у Достоевского – Лизе Тушиной) и т. п. Фэн Хуаин отмечает родство двух произведений в плане использования фантастического метода. Ученый указывает на заметку в записях Достоевского при подготовке к роману – «Фантастический колорит. «Пиковая дама», что позволило Фэн Хуаину говорить о том, что фантастическое в «Бесах» во многом предопределено «Пиковой дамой», которую Достоевский считал верхом фантастического искусства (*примечание автора: Это же отмечается в комментариях к роману. См.: Битюгова И. А. Комментарии: Ф. М. Достоевский. План рассказа (в «Зарю») // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние. – Т. 10. – 1991).*

Несмотря на уже отмеченные исследователями связи двух произведений, в начале романа «Бесы» есть несколько фрагментов, связанных с «Пиковой дамой» не так явно, но имеющих большое значение для понимания образов Ставрогиной, Степана Верховенского, Даши и Лизы Тушиной.

Так, в первой главе, когда Степан Верховенский терзается мыслями о том, не ждет ли Ставрогина, «неутешная вдова», от него предложения выйти за него замуж, Варвара Петровна «является» Верховенскому, как старуха-графиня Германну: «Только что он вошел к себе и, в хлопотливом раздумьи, взяв сигару и еще не успев ее закурить, остановился, усталый, неподвижно пред раскрытым окном, приглядываясь к легким как пух белым облачкам, скользящим вокруг ясного месяца, как вдруг легкий шорох заставил его вздрогнуть и обернуться. Пред ним опять стояла Варвара Петровна, которую он оставил всего только четыре минуты назад» [1, с. 18]. Ее сходство с видением Германна, с мертвой старухой поддерживает желтизна лица и мертвенная бледность: «Желтое лицо ее почти посинело, губы были сжаты и вздрагивали по краям» [1, с. 18]. В «Пиковой даме» желтый цвет подчеркивает мертвенность еще живой графини Анны Федотовны: «Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма» [2, с. 225]. «Легкий шорох», заставляющий обернуться Верховенского, может восприниматься как замена тихого шарканья туфлями видения в пушкинской повести: «Но он услышал незнакомую походку: кто-то ходил, тихо шаркая туфлями» [2, с. 232]. На отсылку к сцене

явления Германну мертвой графини в данном фрагменте указывает и особенность восприятия этого явления Верховенским, который клялся, что «он до того остолбенел тогда на месте, что не слышал и не видел, как Варвара Петровна исчезла» [1, с. 19]. В «Пиковой даме» Германн слышит и видит, как видение уходит, «шаркая туфлями», но он также «долго не мог опомниться» [2, с. 233]. Впоследствии Верховенский превращает это явление Ставрогиной в «галлюцинацию», то есть в «видение»: «всю жизнь наклонен был к мысли, что всё это была одна галлюцинация пред болезнью» [1, с. 19]. Сама фраза Ставрогиной, которую она бросает Верховенскому в этой сцене (и чуть раньше в другой): «Я никогда вам этого не забуду!» [1, с. 17, 19], является своеобразным перевертышем слов мертвой графини в «Пиковой даме»: «Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтоб ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне...» [2, с. 233]. Обе героини произносят эти фразы «твердо»: пушкинская графиня – говорит «твердым голосом», Ставрогина – смотрела Верховенскому «в глаза молча, твердым, неумолимым взглядом» [1, с. 19]. «Прощение с условием», которое, кстати, Германн не выполнил, следовательно, не мог быть прощен, меняется на «абсолютное непростение».

В последующем абзаце Достоевский словно бы наделяет Верховенского знанием сюжета «Пиковой дамы», в частности, слов пришедшей к Германну мертвой графини об условии прощения – о необходимости, неотвратимости женитьбы: «Но, несмотря на мечту о галлюцинации, он каждый день, всю свою жизнь, как бы ждал продолжения и, так сказать, развязки этого события. Он не верил, что оно так и кончилось! А если так, то странно же он должен был иногда поглядывать на своего друга» [1, с. 19]. Эта развязка, следуя логике сюжета текста-прототипа, может быть либо женитьбой на воспитаннице, либо заключением в Обуховскую больницу. Во второй главе Варвара Петровна делает один из этих «ожидаемых ходов» – предлагает Степану Трофимовичу жениться на Даше, стремясь с помощью этого «отдалить» воспитанницу от Николая и решить вопрос с долгами по имени Верховенских.

Отметим, что Ставрогина связана с образом пушкинской графини еще и тем, что имеет, как и Анна Федотовна, воспитанницу: «Варвара Петровна долго не думала, мигом решила и собралась, захватила с собой свою воспитанницу Дашу...», «...решила воспитывать ее как родную дочь. Она немедленно отложила ей капитал и пригласила в дом гувернантку...» [1, с. 53 – 59]. При этом Варвара Петровна осознает себя такой же благотельницей, какой мыслится для Лизаветы Ивановны старая графиня: «Это правда, что “Дарью” она не дала бы в обиду; напротив, теперь-то и считала себя ее благотельницей» [1, с. 68]. В «Пиковой даме» благотельницей называется старуха-графиня: «Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой ее благотельницы!» [2, с. 229].

В отличие от отношения пушкинской графини к своей воспитаннице, Ставрогина привязана к Даше: «Она искренно любила ее с самого ее детства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ее фавориткой» [1, с. 68 – 69]. Но, несмотря на эту

разницу, Ставрогина ведет себя с Дашей так, как Анна Федотовна с Лизаветой Ивановной в «Пиковой даме»: их общение – это чаще всего монолог, который воспитанница должна кротко выслушать и исполнить все, что предписано благотельницей. В обоих случаях общение строится на приказах, произносимых тоном, не терпящим возражения. Повороты жизни сиротки в обоих произведениях зависят от того, какое решение примет их «тиран». Так, Ставрогина озвучивает Даше практически готовое решение о ее замужестве: «Слушай, – хочешь замуж? Даша отвечала длинным вопросительным взглядом, не слишком, впрочем, удивленным. – Стой, молчи. Во-первых, есть разница в годах, большая очень; но ведь ты лучше всех знаешь, какой это вздор. Ты рассудительна и в твоей жизни не должно быть ошибок. Впрочем, он еще красивый мужчина... Одним словом, Степан Трофимович, которого ты всегда уважала. Даша посмотрела еще вопросительнее и на этот раз не только с удивлением, но и заметно покраснев» [1, с. 66]. Заметим, что в этой сцене Даша ведет себя покорно, ее реакция заключается только в жестах и мимике: «Даша все молчала и слушала», «Даша кивнула головой утвердительно», «Даша опять немного покраснела и вопросительным взглядом следила за нею» [1, с. 67 – 68]. В этом поведении Даши просматривается покорность воспитанницы Лизаветы Ивановны: «– Прикажи, Лизанька, – сказала она, – карету закладывать, и поедem прогуляться. Лизанька встала из-за пьедестала и стала убирать свою работу. – Что ты, мать моя! глуха, что ли! – закричала графиня. – Вели скорее закладывать карету. – Сейчас! – отвечала тихо барышня и побежала в переднюю. <...> – Лизанька, Лизанька! да куда ж ты бежишь? – Одеваться. – Успеешь, матушка. Сиди здесь. Раскрой-ка первый том; читай вслух... Барышня взяла книгу и прочла несколько строк. – Громче! – сказала графиня. – Что с тобою, мать моя? с голосу спала, что ли?.. Погоди: подвинь мне скамеечку, ближе... ну! “И вот моя жизнь!” – подумала Лизавета Ивановна» [2, с. 216 – 217]. В речи же Ставрогиной мы видим ту же безапелляционность окриков старухи-графини из «Пиковой дамы»: «– Стой, молчи. Во-первых, есть разница в годах...», «– Стой, молчи; не спеши!», «– Стой, подожди еще. Он – баба, но ведь тебе же лучше», «Стой, молчи, куда торопишься, я не договорила: по завещанию тебе от меня пятнадцать тысяч положено» [1, с. 66 – 68].

С одной стороны в этом решении Ставрогиной выдать Дашу замуж есть, как мы отмечали выше, скрытая отсылка к сцене из «Пиковой дамы», где графиня предписывает Германну жениться на Лизе. Но, с другой стороны, в тонком расчете Ставрогиной, которой не нужно знать, согласится Даша и Степан Тимофеевич на эту свадьбу, реализуется и проекция Германна: она, как и Германн в ночной сцене в доме графини, нажимает на определенные клавиши души человека, чтобы привести его к уже готовому решению: «Хоть у тебя и есть деньги по моему завещанию, но умри я, что с тобой будет, хотя бы ты и с деньгами? Тебя обманут и деньги отнимут, ну и погибла. А за ним ты жена известного человека. <...> Стой, я не договорила: он легкомыслен, мямля, жесток, эгоист, низкие привычки, но ты его цени, во-первых, потому,

что есть гораздо хуже <...> Он баба – но ведь тебе же лучше. Жалкая, впрочем, баба; его совсем не стоило бы любить женщине. Но его стоит за беззащитность его любить, и ты люби его за беззащитность...» [1, с. 66 – 68]. Германн в «Пиковой даме» также использует различные стратегии убеждения, чтобы узнать тайну у графини, прибегая сначала к логическим аргументам: «– Для кого вам беречь вашу тайну? Для внуков? Они богаты и без того; они же не знают и цены деньгам. <...> Я не мот; я знаю цену деньгам», затем апеллируя к чувствам графини (страсти, любви, нежности к младенцу и т. п.): «Если когда-нибудь <...> сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери, — всем, что ни есть святого в жизни, — не откажите мне в моей просьбе!», наконец, Германн, думая, что для графини может иметь значение ее загробная судьба, стремясь сыграть на этом: «...вы стары; жить вам уж недолго, — я готов взять грех ваш на свою душу <...> не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню...» [2, с. 226].

Все сказанное о Ставрогине позволяет нам говорить о реализации в этом образе Достоевским двух разных проекций: с одной стороны – графини-«благотельницы», с другой – Германна. Ставрогина-«благотельница» как проекция старухи-графини – это «внешний» образ, тот, который героиня сама избирает в качестве маски. Но есть и «внутренний» образ, скрытый – это Ставрогина-Германн. От этого прототипа к Ставрогине перешли расчетливость и «грубый подход к делу».

На этом примере мы видим, что Достоевский для создания образа не только использует отсылку к одному из героев произведения-прототипа, в частности – «Пиковой дамы», но и тонко совмещает в одном герое две (а иногда и три) проекции нескольких героев из одного текста. В данном случае речь идет о том, что Достоевский для описания отношений *Ставрогина – Степан Верховенский – Даша* привлекает пушкинскую триаду *старуха-графиня – Германн – Лизавета Ивановна*, связанную с мотивом сиротства и описываемую нами как три персонажных позиции: «тиран» – «освободитель» – «сиротка» [4, с. 32 – 41].

Эти персонажные позиции, появляясь в произведениях Достоевского, обладают *валентностью*: появление «освободителя» требует дополнения в виде героини-«сиротки» и «тирана», и наоборот. Иными словами, рассмотренный пример связи «Пиковой дамы» и романа «Бесы» Достоевского демонстрирует общий принцип обращения писателя к мотиву сиротства, связанного в сознании Достоевского, в частности, с триадой «Пиковой дамы»: при различных реализациях той или иной линии этого мотива начинает действовать принцип дополнительности, поскольку необходимы и две другие линии или, как минимум, одна. Появление одной персонажной позиции семантической триады «тиран – сиротка – освободитель» вводит с собой в произведение и другие.

Так, Ставрогина-тиран и Даша-воспитанница дополнены «освободителем» Верховенским. Ему в плане Ставрогиной отводится, как мы уже сказали, роль Германна, которому старуха-графиня за обещание тайны трех карт предписывает жениться на своей воспитаннице. Варвара Петровна обещает Верховенскому «восемь тысяч, которые ему дозарезу нужны» [1, с. 71] за согласие жениться на Даше. Германн же стремится овладеть тайной трех карт и получает ее, чтобы «вынудить клад у очарованной фортуны», но не выполняет условие открытия тайны – требование жениться на Лизавете Ивановне. Верховенский в сцене объяснения со Ставрогине воспринимает слова собеседницы как проявление некоей высшей силы: «...Слышал все, но ясно не мог сообразить. Хотел заговорить, но все обрывался голос. Знал только, что все так и будет, как она говорит, что возражать и не соглашаться дело пустое, а он женатый человек безвозвратно» [1, с. 71]. От имени неких высших сил говорит и мертвая графиня в видении Германна: «– Я пришла к тебе против своей воли, — сказала она твердым голосом, — но мне велено исполнить твою просьбу» [2, с. 233]. Аналогия описываемой сцены со сценой ночного видения Германна позволяет провести еще и факт уподобления Варвары Петровны видению: «На дворе моросило, становилось холодно; надо было протопить печку; он вздохнул. Вдруг страшное видение предстало его очам: Варвара Петровна в такую погоду и в такой неурочный час к нему! И пешком!...» [1, с. 70].

Показательно, что «приказание жениться», данное Ставрогине, сопровождается обмороком Степана Трофимовича и упоминанием некой идеи: «У Степана Трофимовича закружилась голова; стены пошли кругом. Тут была одна страшная идея, с которою он никак не мог сладить. — *Excellente amie!* — задрожал вдруг его голос, — я... я никогда не мог вообразить, что вы решитесь выдать меня... за другую... женщину! — Вы не девица, Степан Трофимович; только девиц выдают, а вы сами женитесь, — ядовито прошипела Варвара Петровна <...> господи! да с ним обморок! Настасья, Настасья! воды!» Достоевский, редуцируя, совмещает несколько сюжетных фрагментов «Пиковой дамы» – ночную сцену видения (подписание жениться) и сцену обморока Германна и Лизы у гроба графини. При этом вся сцена носит пародийный характер: предписание жениться на Лизе, данное старухой-графиней Германну, превращается в «выдавание замуж» Верховенского. «Страшная идея» Степана Трофимовича также может быть рассмотрена как редуцированная и пародируемая «неподвижная идея» Германна.

Кроме рассмотренного случая реализации Достоевским в Ставрогине двух проекций персонажей «Пиковой дамы» (Германна и старухи-графини), в «Бесах» есть персонаж, который совмещает в себе три линии (Германна – старухи-графини – Лизаветы Ивановны) – это эпизодический образ Лизаветы блаженной.

Из уст Лебядкиной мы узнаем о женщине, затворившей себя в клеть, претерпевающей лишения, укрощающей плоть: «А Лизавета эта блаженная в ограде у нас вделана в стену, в клетку в сажень длины и в два

аршина высоты, и сидит она там за железною решеткою семнадцатый год, зиму и лето в одной посконной рубашке и все аль соломинкой, али прутиком каким ни на есть в рубашку свою, в холстину тычет, и ничего не говорит, и не чешется, и не моется семнадцать лет. Зимой тулупчик просунут ей да каждый день корочку хлебца и кружку воды» [1, с. 139]. На первый взгляд, образ затворницы действительно воспринимается как «драгоценное сокровище», как о ней отзываются богомольцы. Но мы полагаем, что, пересказываемые далее Марьей Тимофеевной слова игуменьи значительно снижают этот образ, заставляют взглянуть на него по-новому: «Вот нашли сокровище, – отвечает мать-игуменья (рассердилась; страх не любила Лизавету), – Лизавета с одной только злобы сидит, из одного своего упрямства, и все это одно притворство» [1, с. 139].

Достоевский в этом образе совмещает две прямо противоположные интерпретации образа Лизаветы Ивановны из «Пиковой дамы»: «гордыня, самолюбие, строптивость» и «кротость, покорность, смирение» (говорить о такой трактовке образа Лизаветы Ивановны позволяют несколько моментов: ее самолюбие и стремление освободиться от своей благодетельницы – «Она была самолюбива, живо чувствовала свое положение и глядела кругом себя, — с нетерпением ожидая избавителя» [2, с. 217], смелый план ночного посещения Германном их дома, наконец то, что в финале повести Лизавета Ивановна сама становится «благодетельницей», как старуха-графиня, принимая на воспитание бедную родственницу).

Так, другими людьми Лизавета блаженная воспринимается как образец христианской добродетели – это внешний план, подобие внешнему плану Лизаветы

Ивановны; и только игуменья указывает на истинную причину затворничества – это внутренний план героини, подобный скрытому от всех героев характеру Лизы-воспитанницы. На наш взгляд, соединением этих разных взглядов на одно и то же лицо Достоевский показывает диалектику человеческой души: за кротостью может скрываться «волк в овечьей шкуре», за освободителем – тиран.

Кроме проекции линии Лизы, в образ «блаженной» вплетены и элементы образа Германа: Лизавета, как и Германн, сидит в замкнутом пространстве, также для них обоих характерна повторяемость одного и того же действия – Лизавета «прутиком в холстину тычет и ничего не говорит», а Германн беспрестанно бормочет: «Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!..» Знаковым для обоих оказывается и число, связанное с финалом – результатом их предыдущей жизни: Германн сидит «в Обуховской больнице в 17-м номере» [2, с. 237], а Лизавета сидит «за железной решеткой семнадцатый год».

Есть в этом образе и намек на персонажную позицию *тирана* – это указание на зло, злобу: «Лизавета с одной только злобы сидит, из одного своего упрямства».

В целом интересна функциональность этого персонажа: Лизавета поворачивается разным героям различными ликами, то есть служит индикатором, высвечивая скрытое в воспринимающем герое. Кроме того, Лизавета – это еще и ключ для понимания таких героев, как Лиза Тушина, в которой реализуется самолюбие, строптивость Лизаветы Ивановны из «Пиковой дамы», и Даши, в которой явлена «внешняя» кротость пушкинской воспитанницы.

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. – 1990. – Т. 7.
2. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. – 4-е изд. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – Т. 6.
3. Бем, А. Л. Исследования. Письма о литературе / А. Л. Бем. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
4. Николаева, Е. Г. Тема сиротства в «Неточке Незвановой» Ф. М. Достоевского / Е. Г. Николаева // Сибирский филологический журнал. – 2006. – № 4.
5. Тамарченко, Н. Д. «Вещий сон» и художественная реальность у Пушкина и Достоевского («Капитанская дочка» и «Бесы») / Н. Д. Тамарченко // Сибирская Пушкинистика сегодня: сб. науч. статей. – Новосибирск, 2000.
6. Фэн, Хуаин «Пиковая дама» А. С. Пушкина – источник фантастического реализма для Ф. М. Достоевского / Хуаин Фэн // Синтез в русской и мировой художественной культуре: мат. II науч.-практ. конф., посвященной памяти А. Ф. Лосева. – Ярославль: Ремдер, 2002. – С. 138 – 141.

Информация об авторе:

Николаева Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и теории литературы НГПУ, +79537622412, +7(383)355-38-44, nikks@narod.ru.

Nikolaeva Ekaterina Gennadievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Literature and Literary Theory of Novosibirsk State Pedagogical University.

СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО СТИЛЯ АВТОРА-ПУБЛИЦИСТА

О. А. Носкова

THE MEANING-EVOLVING TEXT SPACE AS A CHARACTERISTIC OF THE PUBLICIST'S LINGUO-COGNITIVE STYLE

O. A. Noskova

В статье рассматриваются особенности индивидуального лингвокогнитивного стиля авторов публицистических текстов, посвященных актуальным общественно-политическим проблемам России. Предлагается методика описания лингвокогнитивного стиля путем анализа ключевых слов и их ассоциатов, а также с помощью системы параметров, разработанных для выявления индивидуальных различий в общественно-политической ориентации авторов-публицистов.

The article investigates the features of the author's individual linguo-cognitive style in the texts devoted to actual social and political problems of Russia. The technique of describing the linguo-cognitive style by analysing the key words and their associates and by using the system of parameters, developed to identify the individual differences in the publicists' social and political orientation, is suggested.

Ключевые слова: индивидуальный стиль публициста, лингвокогнитивные особенности стиля, индивидуальность мышления, ключевые слова в публицистическом дискурсе.

Keywords: publicist's individual style, linguo-cognitive features of style, individuality of thinking, key words in the publicistic discourse.

I. Введение

Социальное поле масс-медиа, в котором функционируют публицистические тексты, отличается богатством символического (интеллектуального, ценностного и т. д.) капитала, который, по сути, и служит основным «магнитом», способствующим обращению аудитории к текстам СМИ (П. Бурдьё, П. Шампань, Л. Пэнто и др.). Создатель публицистического текста, передавая в нем информацию читателям, одновременно творит смыслы вокруг затрагиваемых в тексте проблем (особенно это касается публицистов-комментаторов, публицистов-аналитиков). «Интеллектуально ориентированные журналисты или предрасположенные к журналистике интеллектуалы» [1, с. 19] знакомят аудиторию со своим личностным видением событий и явлений, вплетенных в реальную общественно-политическую действительность. Выступая с определенной периодичностью в СМИ, публицист оказывается узнаваемым не только за счет внешней «оболочки» текстов (языковое оформление, композиционная форма и т. д.), но и за счет специфического для автора содержания публикации, регулярно повторяющихся тем, идей, смыслов, призванных оказывать воздействие на эмоции и разум аудитории.

Особой значимостью и весомостью в глазах читателей обладают те мнения и оценки, которые звучат из уст «медиатических интеллектуалов» [2], то есть авторитетных публицистов, уже заработавших имя на создании продуктов журналистского творчества, или авторитетов из какой-либо иной сферы социально-культурной жизни, выступающих в СМИ со своим словом, призванным дать интерпретацию актуальным явлениям. Периодичность и регулярность повторяющихся смыслов, их узнаваемость, а также понимание и восприятие публицистической деятельности как отражающей и в то же время создающей реальность, дает право считать смыслопорождающее пространство

публицистического текста неотъемлемой составляющей индивидуального стиля публициста. Тем самым категория стиль применительно к авторской публицистической деятельности используется в данной статье в широкой трактовке, где границы понятия очерчены от доминирующих смысловых признаков текста до их стилистического воплощения в речетекстовой деятельности публициста, предопределенной его личностными когнитивными, психотипическими, мировоззренческими и другими особенностями.

Функционирование текстов в публицистическом дискурсе диктует их создателям определенные стилистические, жанровые и тематические каноны. В этом смысле «тексты журналистов отличаются друг от друга гораздо меньше, чем это принято считать» [2, с. 24]. Однако наряду с дискурсивными «ограничителями», журналист обладает и определенным запасом свободы, предоставляющим возможность реализовать индивидуальный творческий потенциал. В этот запас свободы попадает и свобода ценностной оценки описываемого, порождение смыслов вокруг тематического ядра текста. Смыслопорождающее пространство публикации как одно из базовых «мерил» индивидуального стиля журналиста является частью тезауруса и прагматикона [3] его языковой личности. В лингвистическом плане оно проявляется преимущественно в лексическом составе текста, что и позволяет реконструировать картину мира публициста, его мировоззренческое отношение к реалиям общественно-политической жизни через анализ функционирования ключевых слов (= тематического ядра текста) в его публикациях.

II. Методика анализа

Воссоздание путем анализа ключевых слов и их ассоциатов базовых мировоззренческих установок публициста, прямым образом относящихся к его индивидуальному стилю деятельности, не раз предпри-

нималось исследователями. Так, например Н. И. Клушина, отмечает: «Идеологическая позиция адресанта в СМИ всегда играла важную роль в выборе определенных речевых средств для характеристики и оценки отображаемых им жизненных реалий. В этом сказывается специфика публицистики как проводника определенной (государственной, партийной, классовой и т. п.) идеологии» [4]. Данная статья добавляет к имеющимся исследованиям новый аспект рассмотрения, т. к. цель ее написания – выявить персоналогические проявления стиля публициста в смыслообразующей (и ценностно-ориентированной) окраске публикаций. Гипотеза такова: фрагменты тезауруса языковой личности публициста будут различаться в зависимости от его когнитивных особенностей и влиять на формирование, закрепление и проявление его индивидуального стиля.

Принимая за постулат тезис о том, что мысль зарождается в сознании и «текстовая деятельность несет в себе целостный образ включенной в нее интеллектуально-мыслительной деятельности» [5, с. 195], выявим базовые ценностно-ориентированные фрагменты тезауруса языковой личности публициста = индивидуальные смысловые блоки его авторского стиля. Ценностно-ориентированные «показатели» индивидуального стиля публициста выявляются лингвистическими методами через анализ проявленного в тексте языкового сознания, то есть «того уровня функционального базиса интеллектуально-мыслительной деятельности, на котором протопонятия и идеаторные структуры обретают языковое оформление и в силу этого наиболее доступны для наблюдения и формирования» [5, с. 197]. Анализ ключевых слов и их ассоциатов на предмет доминирующих индивидуально-смысловых признаков текста исследуемых публицистов осуществляется в три этапа:

1) количественный анализ текста (выявление ключевых «тематических центров» путем подсчета частотности их употребления в публикациях);

2) семантико-стилистический анализ «тематических центров» и их ассоциатов, выявление индивидуальных фрагментов тезауруса языковой личности публициста;

3) сопоставление выводов, полученных в результате анализа письменного дискурса (публицистическое эссе), с выводами, полученными в результате анализа устного дискурса тех же авторов-публицистов (радиоинтервью). Наличие этого этапа работы объясняется тем, что устный дискурс характеризуется большей степенью спонтанности в речевых высказываниях, что, в свою очередь, способствует более яркому «высвечиванию» мировоззренческих доминант авторского стиля публициста (особенно при учете сходной тематики текстов устного и письменного дискурса).

Теперь представим разработанные параметры лингвокогнитивного стиля публициста, которые, согласно нашей гипотезе, могут быть выявлены путем семантико-стилистического анализа номинантов и ассоциатов публицистического текста, и которые являются стилиобразующими признаками текстов художественно-публицистических и аналитических жанров:

1. Ключевые смыслопорождающие «звенья» текстов, являющиеся перманентной базой проявления индивидуального стиля публициста (базовые идеи и оценки, которые автор публицистического текста сообщает аудитории регулярно, с определенной периодичностью, и которые являются частью тезауруса и прагматикона его языковой личности). Здесь речь идет о некоем аксиологическом наборе, выражающемся в идиостиле публициста. «Аксиологическая функция понимается как репрезентация ценностного отношения адресанта (автора публикаций и редакции) к явлениям общественно-политической действительности» [6].

2. Политическая позиция автора публицистического текста:

– степень общественно-политической ориентированности (политичность / аполитичность);

– предрасположенность к отстаиванию тех или иных политических взглядов и убеждений (либерал / коммунист и т. д.), степень открытого выражения политических пристрастий (прямое / косвенное выражение политической позиции);

– «градус критичности» в отношении действующей власти (резкая критика / умеренная критика / отсутствие критики действующей власти, данный параметр связан с ответом на вопрос «кто виноват?»);

– степень конфликтности стиля публициста (этот параметр имеет прочную связь с предыдущим параметром, тесно взаимосвязан с содержанием и формой подачи «градуса критичности»);

– наличие/отсутствие предлагаемых вариантов выхода из существующих политических проблем (данный параметр связан с ответом на вопрос «что делать?»);

– степень личного участия в политической жизни страны (полнос активный участник / сторонний наблюдатель).

Целесообразность включения индивидуального выражения политической позиции в параметр описания лингвокогнитивного стиля публициста обусловлена следующими моментами:

– журналистика вплетена в конкретную социально-политическую действительность;

– журналистика отражает и интерпретирует социально-политические события действительности;

– так называемую «миссию» журналистики традиционно связывают со способностью оказывать влияние на социально-политическую действительность (представление о СМИ как о «четвертой власти»).

Таким образом, публицист, специализирующийся на общественно-политической проблематике, освещает общественно-политические проблемы, а специфика этого освещения определяются соотношением внутренним политическим ценностям публициста, степенью его мотивированности участвовать в решении социально-политических проблем и т. д. [7]. Словом, теми когнитивными установками, которые оказывают влияние на формирование индивидуального подхода к созданию текста.

III. Результаты исследования

В результате лексико-семантического и контекстуального анализа аксиологических доминант индивидуального стиля публицистов (анализу подвергались публицистические тексты В. Шендеровича и А. Кончаловского, проблематика текстов – общественно-политическая) в аспекте лингвокогнитивного преломления были сделаны следующие **выводы**.

Общими тематическими центрами публицистических текстов В. Шендеровича и А. Кончаловского стали концептуальные единицы: **демократия, свобода, гражданское общество, Россия, власть, ментальность, В. В. Путин**. Общность тематических центров в текстах разных авторов-публицистов объясняется, с нашей точки зрения, перманентными особенностями общественно-политического публицистического дискурса. Данному типу дискурса свой-

ственны постоянные, т. н. «вечные» темы, например, *Россия, свобода, власть* и переменные темы, обусловленные актуальной для современного периода ситуацией в стране и мире (в данном случае это касается таких смысловых блоков, как *демократия, В. В. Путин, гражданское общество*). Индивидуальные различия стилей публицистов на ценностно-смысловом уровне проявляются в разной ценностно-смысловой оценке вышеназванных тематических центров текста. Отразим это в таблицах 1 и 2 (ввиду ограниченного объема статьи в ней приводится анализ индивидуальных различий ценностно-смысловой оценки трех «тематических центров» публикаций (демократия, В. В. Путин, Россия), за пределами текста данной статьи были аналогичным образом проанализированы другие «тематические центры» и их ассоциаты в изучаемых публицистических текстах).

Таблица 1

Мировоззренческие доминанты индивидуального стиля А. Кончаловского (на основе анализа «тематических центров» его публицистических выступлений (эссе, радиointервью))

Номинанты = «тематические центры» = ключевые слова	Ассоциаты Примеры	Индивидуальное смыслопорождающее ядро (фрагмент тезауруса ЯЛ)
Демократия	«Демократия – не причина, а следствие чего-то: гражданского общества, в частности». «Демократия в России на сегодняшний день органически неприемлемая форма правления».	<u>Сущность понятия, характеристика</u> Демократия – следствие определенных принципов организации общества (индивидуальная анонимная ответственность граждан, гражданский контроль за государственными деятелями и т. д.). <u>Модификация демократии в России</u> На современной стадии развития общества в России отсутствуют должные предпосылки для установления демократии.
Путин	«Мне хочется, чтобы за Путина проголосовало минимальное для его прохождения количество людей. Это заставит Путина быть более гибким. Я в это верю. Я думаю, он может быть очень гибким». «Сегодня есть шанс влиять на его (Путина) восприятие страны. Он же реагирует, он реагирующее существо. У меня есть надежда, что на него можно влиять... Я думаю, что он неизбежно начнет дистанцироваться от той кризисной гос. системы, где к моему трагическому ощущению ситуации не на кого менять».	В. В. Путин – не виновник сложившейся в России политической ситуации, а заложник, поскольку современное общественно-политическое состояние России – результат исторически сложившейся российской ментальности. В. В. Путин – грамотный политик, способный реагировать на новые вызовы, встающие перед обществом.
Россия	«У нас огромная великая страна, но она живет в XIV веке». «Мы живем в средние века, в феодальном обществе, у нас никогда не было буржуазии. И каждый раз, когда надо было выбирать союзников, мы выбирали Восток против Запада». «Я верю в Россию. Вылечить ее можно, но надо знать, насколько она больна. Если человеку лечить прыщик, когда у него рак, то рак не вылечишь. Надо менять состав крови, а не брить».	Россия – великая, но отсталая страна, живущая по европейским меркам в XIV веке. Изменять ситуацию в России можно только путем верного установления ей диагноза, то есть критически осмыслить происходящее и рационально оценить, что происходит со страной.

Выявленные индивидуальные смысловые блоки текстов исследуемых публицистов (см. третья колонка в таблицах 1 и 2) являются одним из показателей индивидуальных различий их речевого стиля. При приблизительно одинаковом наборе «тематических центров» публикаций ассоциаты, сосредоточенные вокруг этих центров, различаются, что демонстрирует индивидуальное видение авторов-публицистов, которое, обладая такими характеристиками, как повторяемость, регулярность, встречаемость в разных типах текстов одного и того же автора, является в широком смысле показателем его индивидуального стиля речи. Последний, в свою очередь, применительно к текстовой публицистической деятельности рассматривается нами как лингвокогнитивный стиль автора-публициста, поскольку на индивидуальный стиль ре-

чи мы смотрим с позиции лингвоперсонологической гипотезы языка, сформулированной Н. Д. Голевым: «Принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме» [8]. Поэтому, если первым шагом изучения индивидуальных мировоззренческих доминант стиля авторов-публицистов было выявление ценностно-смысловых различий, то вторым шагом является попытка их объяснения (увязка выявленных речевых различий с персонологическими характеристиками автора, что в дальнейшем будет осуществляться по параметрам, сформулированным выше (см. часть II данной статьи)).

Таблица 2

Мировоззренческие доминанты индивидуального стиля В. Шендеровича
(на основе анализа «тематических центров» его публицистических выступлений (эссе, радиointервью))

<i>Доминанты = «тематические центры» = ключевые слова</i>	<i>Ассоциаты Примеры</i>	<i>Индивидуальное смыслопорождающее ядро (фрагмент тезауруса ЯЛ)</i>
Демократия	«...общий знаменатель, очевидный, двадцать раз сказанный на Проспекте Сахарова и записанный – возвращение цивилизованных норм демократической жизни! Значит, для этого нужно, чтобы политики из 150 коалиций, лиг, там, фронтов, движений и так далее сформировали из себя единую политическую силу. Эта единая политическая сила, безусловно, могла бы диктовать повестку дня и определять тот самый пейзаж.	Россия готова к демократии, однако демократические инициативы подавляются сверху.
Путин	«Люди не меняются в таком возрасте. В таком возрасте и в таком статусе они не меняются. Если бы он мог сдать мандат и выйти сам... Он этого не сделал, – он не меняется. Ну, собственно говоря, кто бы сомневался, да?» «Он утрамбовал все политическое поле, он все закатал под асфальт. Он убрал все механизмы обратной связи».	В. В. Путин пришел к власти незаконным путем (отсутствие легитимности выборов), за нарушение законов он должен сидеть в тюрьме. В. В. Путина нельзя считать политиком, поскольку он не боролся за власть на выборах, а узурпировал власть. Он не способен меняться, не способен вести страну демократическим путем.
Россия	«В стране с африканскими отношениями власти и бизнеса и с азиатским правосудием европейская логика не работает», «преуспевание в России определяется не трудом, а глубиной прорыва в бюджетные закрома и гарантируется не законом, а близостью отношений с паханом и его малиной»	Отсталость России, обусловленная преимущественно криминализированной системой государственной власти.

Литература

1. Бурдые, П. О. телевидении и журналистике / П. Бурдые; пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
2. Пэнто, Л. Философская журналистика / Л. Пэнто; пер. с фр. Е. Д. Вознесенской // Sociologos [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sociologos.net/textes/pinto/pinto1.htm>
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
4. Клушина, Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm>.

5. Дридзе, Т. М. Сознание и текст / Т. М. Дридзе // Психология и психоанализ рекламы: личностно-ориентированный подход / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2001.
6. Синепупова, О. С. Оценочная "картина мира" в публицистическом тексте: на материале печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук / О. С. Синепупова. – М.: МГУ, 2006. – 176 с.
7. Солганик, Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) / Г. Я. Солганик // Язык современной публицистики: сб. ст. – М.: Флинта, 2008. – 231 с.
8. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка / Н. Д. Голев // Изв. Алтайского государственного университета. – 2004. – № 4 (34). – Режим доступа: <http://tbs.asu.ru/news/2004/4/phll/01.ru.html>

Информация об авторе:

Носкова Ольга Александровна – соискатель кафедры русского языка, ассистентка кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, 8-908-949-5359, ol-noskova@rambler.ru.

Noskova Olga Aleksandrovna – post-graduate student at the Russian Language Department, assistant lecturer at the Department of Journalism and Russian Literature of the XX century of KemSU.

УДК 81'255.2

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

С. В. Омеличкина

LINGUO-PRAGMATIC STRATEGY OF LITERARY TRANSLATION

S. V. Omelichkina

В статье рассматриваются особенности художественного перевода в свете необходимости сохранения адекватности транслята на уровне лингвопрагматической составляющей. В частности, исследуется один из наиболее комплексных приемов перевода – смысловое развитие, или модуляция, который наиболее ярко очерчивает творческую индивидуальность переводчика. Анализу подвергается роман М. Митчелл «Унесенные ветром» и его перевод на русский язык, выполненный Т. Озерской.

The paper discusses some particular features of literary translation in the light of linguo-pragmatic adequacy of the final translation product. The study is built around one of the most complex translation shifts – modulation, which is indicative of the general creative individuality of a translator and variability of his/her translation technique. The source text, M. Mitchell's "Gone with the Wind", as well as its Russian translation are subject to a comparative analysis.

Ключевые слова: переводческая стратегия, адекватный перевод, культурная адаптация, смысловое развитие, прагматика перевода, трансформации.

Keywords: translation strategy, cultural adaptation, translation adequacy, modulation, pragmatic awareness, translation shifts.

Перевод – это многогранный креативный процесс, который требует мобилизации всего духовного потенциала личности переводчика: интеллекта, общей и языковой интуиции, эмоций, воображения, воли, памяти и многих других факторов [2]. Настоящий фрагмент исследования посвящен изучению одной из наиболее интересных и значимых составляющих творческой стратегии переводчика, способствующей достижению адекватного межъязыкового транслирования художественного произведения, – приему смыслового развития, или модуляции.

Известно, что качество перевода во многом определяется умением исполнителя грамотно идентифицировать переводческую проблему и осуществлять необходимые переводческие трансформации. Исходя из эмпирических наблюдений, можно предложить следующее понимание адекватности продукта переводческой деятельности: адекватным будет считаться такой перевод, который исчерпывающе передает смысл, прагматику и динамику оригинала. При этом

перевод должен быть так же естественен и легок для понимания, как и оригинал.

Одной из трудностей, с которой постоянно приходится сталкиваться переводчику, является необходимость соблюдения законов сочетаемости лексем, а также специфических языковых традиций, предписывающих нахождение наиболее типичных способов выражения данного оригинального содержания на переводящем языке. Таким образом, полноценное функционально-стилистическое соответствие транслята исходному тексту будет иметь место лишь в том случае, если он будет восприниматься иноязычным адресатом как обычный текст, ничем не отличающийся в плане языковых и прагматических норм от оригинальных текстов данного жанра. Наряду с этим, в своей нацеленности на создание адекватного продукта переводчик должен придерживаться 'золотой середины', не подменяя верность подлиннику буквалистической точностью.

Говоря о репрезентативности перевода художественного текста, отметим, что количество её критериев

в данном жанре заметно возрастает. Переводчик должен удовлетворить большому числу требований, чтобы создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. Среди таких критериев следует назвать сохранение, по возможности, большего количества троп и фигур речи как важнейшей составляющей художественной стилистики того или иного произведения. Другими словами, речь идет о необходимости передачи внутрилингвистических значений (термин В. С. Бархударова), отражающих значимое взаимодействие единиц одного уровня в данном языке, и, таким образом, становящихся предметом перевода. Помимо этого, переводческий продукт должен сигнализировать об эпохе создания оригинала и его национально-этнической принадлежности.

В связи со сказанным, можно утверждать, что технология художественного перевода вряд ли будет эффективной, если ее осуществлять лишь на лингвистическом принципе, который предполагает, прежде всего, воссоздание формальной структуры подлинника. Провозглашение лингвистического принципа основным может привести к чрезмерному следованию в переводе тексту оригинала – к дословному, в языковом отношении точному, но в художественном отношении слабому переводу, что явилось бы само по себе одной из разновидностей формализма, при котором точно переводятся чуждые языковые формы, происходит стилизация по законам иностранного языка. Дословно точный перевод не всегда воспроизводит эмоциональный эффект подлинника, следовательно, дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом. Бесспорно, что перевод опирается на языковой материал, что вне перевода слов и словосочетаний художественный перевод не может существовать, и сам процесс перевода тоже должен опираться на знание законов обоих языков и на понимание закономерностей их соотношения. Однако процесс художественного перевода – отнюдь не изыскание одних лишь языковых соотношений. Только в тех случаях, когда синтаксическую структуру оригинального высказывания в переводе возможно выразить эквивалентными средствами, дословный перевод может рассматриваться как окончательный вариант перевода, не требующий дальнейшей литературной обработки. Сошлемся на известное высказывание В. С. Бархударова о том, что перевод не может быть лингвистически равен оригиналу, но должен быть равен ему по воздействию на читателя [1, с. 12].

Переводчикам, как и писателям, необходим многосторонний жизненный опыт, неустанно пополняемый запас впечатлений. Язык писателя-переводчика, как и язык писателя оригинального, складывается из наблюдений над языком родного народа и над родным литературным языком в его историческом развитии. Переводчик только тогда может рассчитывать на успех, когда он приступает к работе с осознанием того, что язык перевода располагает необходимым богатством репертуара средств и что «непереводимое в переводе» – это аргумент лишь в оправдание некачественно выполненной работы. Для переводчика идеал – слияние с автором. Но слияние требует исканий,

выдумки, находчивости, вживания в образы, сопереживания с героями, предвидения, умения слушать, подмечать, обобщать. Переводчик в процессе работы с текстом вырабатывает наиболее оптимальную стратегию перевода и стремится раскрыть свою творческую индивидуальность, но делать это нужно так, чтобы последняя не заслоняла своеобразия автора исходного произведения.

Стратегическая линия перевода – это то, «что нужно сделать для того, чтобы рецептивный смысл, извлекаемый иноязычным и инокультурным коммуникантом, оказался аналогичным в своих существенных чертах интенциональному смыслу автора» [4, с. 159]. Хотя считается, что существуют лишь «общие принципы переводческой стратегии», тем не менее элементами «переводческой стратегии и техники» следует овладевать. В этой связи говорят и о стратегических задачах отдельных видов переводов. В художественном переводе, например, «стратегическая задача заключается в передаче художественно-эстетической функции оригинала» [3, с. 50]. По мнению Л. С. Макаровой, в художественном переводе «применение тех или иных переводческих стратегий может прогнозироваться с высокой степенью вероятности. При этом речь идет не о конкретных приемах перевода, а о типологически общих подходах к переводу, в которых проявляются ценностные установки и “внутренняя” цензура художественного перевода» [5, с. 337]. При попытках конкретизировать номенклатуру «стратегий» в перечень частных стратегий, составляющих общую «стратегию перевода» или «стратегию переводчика», включают как общие подходы, методы, планы, так и операции – осознанные и полуинтуитивные. Согласно В. Н. Комиссарову, переводческая стратегия существует в виде ряда вариантов, строящихся на определенных принципах, предусматривающих:

- стремление как можно полнее понять переводимый текст и найти ему точное соответствие в языке перевода», уважение к оригиналу, понимание того, что любая часть текста может представлять явные или скрытые переводческие проблемы, критическое отношение переводчика к своим действиям, принцип «максимум усилий для нахождения лучшего варианта», недопустимость бездумных или поверхностных решений;

- определение цели перевода и доминанты переводческого процесса, выбор способов передачи исходного сообщения, а также учет реального употребления в языке перевода избираемого варианта;

- ознакомление с предметом исходного сообщения (путем изучения параллельных текстов на языке перевода, справочников и энциклопедий), а также со всем текстом оригинала до начала перевода, составление списка терминов и незнакомых слов, дословный перевод, чтение вслух отрезков перевода и преобладание предпереводческого анализа или постпереводческого редактирования [3, с. 33, 77].

Конкретная стратегия переводчика и технические приемы, применяемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения исходного языка и языка перевода и характера решаемой переводческой задачи. В основе переводческой стратегии лежит ряд

принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик. Они кажутся самоочевидными, хотя по-разному реализуются в конкретных условиях переводческого акта. Еще один постулат, лежащий в основе стратегии переводчика, гласит, что переводчик должен избегать так называемого «переводческого языка» (translateese), снижающего качество языка перевода под влиянием иноязычных форм. Субъективно переводчик видит свою задачу в том, чтобы «перевод звучал так, как его написал бы автор оригинала, если бы он писал на языке перевода».

Объектом сопоставительного изучения в рамках данного исследования избран роман М. Митчелл «Унесенные ветром» (M. Mitchell 'Gone with the Wind') [7], русский перевод которого осуществлен Т. Озерской [6]. Анализируемый текст относится к произведениям художественной прозы. Роман настраивает читателя на восприятие определенного художественного мира, соединяющего богатство и нищету, инстинкты собственника и идеализм, любовь и ненависть, и многое другое. Особое место в романе занимают автобиографические мотивы. Некоторые из героев напоминают друзей, знакомых автора, а в главной героине, Скарлетт О'Хара, просматриваются черты самой М. Митчелл. В связи с этим переводческая стратегия должна учитывать такие факторы, как историчность, многостильность, широкое использование изобразительно-выразительных языковых средств, передача внутрилингвистических значений, реалий и т. п.

Как уже отмечалось выше, одним из наиболее интересных и комплексных приемов достижения адек-

ватности перевода является прием смыслового развития (модуляция). Суть его заключается в том, что при переводе исходных единиц используются не их словарные соответствия, а лексические единицы или словосочетания, семантика которых является логическим развитием значения переводимой единицы. Наиболее типично значения таких речевых отрезков в оригинале и переводе бывают связаны причинно-следственными отношениями. При этом замена причины явления его следствием (или наоборот) отнюдь не нарушает точности перевода, а, напротив, является наилучшим, а порой, единственным способом адекватной передачи содержания подлинника.

Процедуру смыслового развития можно представить в виде следующих этапов:

- восприятие общего контекста;
- уточнение значений отдельных слов;
- проверка на соответствие контексту;
- построение логических цепочек;
- выбор приемлемого варианта;
- проверка выбранных слов в общем контексте.

В зависимости от прагматических характеристик единиц языка оригинала трансформация, построенная на приеме смыслового развития, может либо сохранять, либо менять образность и стилистическую референтность переводческих соответствий. Так, сопоставительный анализ исходного и переводного текстов романа 'Gone with the Wind' свидетельствует о том, что одним из частотных механизмов модуляций являются метафорико-метонимические преобразования. Ср.:

"I couldn't risk being a wallflower just waiting on you two" (p. 11).	Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подписать стенку! (с. 12).
---	---

Прием смыслового развития состоит в том, что автор перевода декодирует содержание фразы 'to be a wallflower' (досл. 'садовое растение, выюнок', перен. 'дама без кавалера') посредством разговорного оборота 'подписать стену', т. е. не быть приглашенной на танец. Аналогичным образом глагол 'to risk' переводится прагматически маркированным соответствием –

единицей с более узким значением 'остаться с носом' (прием конкретизации). С точки зрения корреляции с функциональным стилем, данная трансформация представляется уместной в силу того, что в тексте оригинала наличествует образная метафора, которая окрашивает все высказывание, относя его к разговорному регистру.

And raising good cotton, riding well, shooting straight, dancing lightly , squiring the ladies with elegance and carrying one's liquor like a gentleman were the things that mattered (p. 6).	А цену имело уменье вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах , галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю (с. 7).
--	--

В данном текстовом отрезке автором перевода используется прием смыслового развития, так как прагматика словосочетания "dancing lightly", переданная в дословном переводе 'легко танцевать', не отразила бы в полной мере ту легкую иронию, с которой автор описывает собирательный портрет джентльмена, представленный как в отмеченном микрокон-

тексте, так и в пространстве романа в целом. Таким образом, выбор варианта перевода обусловлен как лингвистическими, так и ситуативными факторами. Данная трансформация основана на причинно-следственной связи, то есть причина (легко = хорошо танцевать) заменяется следствием (не ударить в грязь лицом).

The war, goose! The war's going to start any day, and you don't suppose any of us would stay in college with a war going on , do you? (p. 7).	Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют , как ты полагаешь? (с. 8).
--	--

Прием смыслового развития отражает причинно-следственную связь ‘учеба в колледже – чтение учебников’. Перевод английского словосочетания “*any of us would stay in college with a war going on*” в дословном варианте (продолжать учебу) представляется вполне приемлемым, однако, вариант, предложенный переводчиком (корпеть над книгами), как, очевидно, более адекватно отражает прагматику ситуации об-

щения: в аргументативном дискурсе эмотивно маркированная единица оказывается более емкой и эффективной для достижения результата, позволяя при этом сохранить смысл оригинала.

С другой стороны, текстовая выборка содержит ряд примеров, когда в результате трансформации перевод не выходит за рамки стилистического регистра анализируемого фрагмента оригинала. Ср.:

<i>In these accomplishments the twins excelled, and they were equally outstanding in their notorious inability to learn anything contained between the covers of books</i> (p. 6).	Все эти качества были в большой мере присущи близнецам , которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг (с. 7).
--	---

В выделенных речевых отрезках прием смыслового развития выражен заменой следствия (близнецы выделялись именно этими достоинствами) причиной (эти качества им присущи). Как представляется, авторы оригинала и перевода, описывая разные ипостаси

одного и того же качества персонажей, достигают эквивалентного понимания ситуации читателями – носителями двух контактирующих языков, которые erroneously декодируют иронию, эксплицируемую посредством оксюморона.

<i>“Oh, I know about that”, – said Scarlett in disappointment</i> (p. 12).	«Ну, это для меня не новость» , – разочарованно протянула Скарлетт (с. 13).
--	--

В данном фрагменте модуляции подлечит прямая речь героини “*Oh, I know about that*”, в котором переводчик заменяет действие (уже знает) на следствие (это не новость), и, как представляется, сделано это на том основании, что дословный перевод (ну, я знаю об этом) не достаточно экспрессивен для выра-

жения отношения главной героини к конкретной ситуации. Выбор трансформации переводчиком расценивается как адекватный, так как в данной редакции перевод более выпукло эксплицирует эмоциональное состояние героини (разочарование).

<i>It was time for Gerald's return and, if she expected to see him alone, there was nothing for her to do except meet him where the driveway entered the road</i> (p. 27).	Джеральд с минуты на минуту должен был вернуться домой. Значит, чтобы увидеть отца без свидетелей , надо перехватить его тогда, когда он будет сворачивать с дороги на подъездную аллею (с. 32).
--	---

В переводе идентифицирована контекстуальная замена посредством использования приема смыслового развития: переводчик заменяет причину *to see him alone* (увидеть отца одного) следствием (увидеть отца

без свидетелей), что, на наш взгляд, более экспрессивно отражает интенцию героини обсудить с отцом проблему первостепенной важности с глазу на глаз.

<i>She loved him and she wanted him and she did not understand him</i> (p. 31).	Она любила его и желала, но он был для нее загадкой (с. 35).
---	---

В анализируемом контексте прием смыслового развития состоит в том, что переводчик заменяет причину *did not understand* (она не понимала его) следст-

вием (он был для нее загадкой), где номинация ‘загадка’, безусловно, придает ситуации более романтическую тональность.

<i>Why he should have captivated Scarlett when his mind was a stranger to hers she did not know</i> (p. 31).	Скарлетт не понимала, как он, чья душа была для нее потемки , мог так околдовать ее (с. 36).
--	---

Дословный перевод данного отрезка текста, в силу особенностей коллокации в переводном языке, привел бы к стилистически неуклюжему буквализму (его ум был недоступен для нее). Автор перевода, на наш взгляд, правомерно обращается к национально-детерминированному символу ‘душа’, прибегнув к фразеологической единице ‘чужая душа – потемки’ и используя не только прием смыслового развития, но и замену образного ряда. Подобные комплексные трансформации позволяют приблизить текст-первоисточник к русскоязычному читателю и более целе-

направленно реализовывать эстетическую функцию художественного произведения.

Как очевидно из приведенных фрагментов, модуляция зачастую сопрягается с другими видами замен – конкретизацией, генерализацией, а также с приемом целостного переосмысления. Представляется, что перевод Т. Озерской «Унесенные ветром», выполненный в рамках творчески реализованной авторской стратегии, позволяет адекватно транслировать / воспринимать важную составляющую художественной стилистики анализируемого произведения, сигнали-

зирует об эпохе создания оригинала, репрезентирует основные особенности литературного направления,

воспроизводит индивидуальный стиль автора оригинала и яркие речевые характеристики героев романа.

Литература

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – М.: УРАО, 2002. – 208 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теоретические основы методики обучения / В. Н. Комиссаров. – М.: Рема, 1997. – 111 с.
4. Крюков, А. Н. Теория перевода / А. Н. Крюков. – М.: Военный Краснознаменный институт, 1989. – 176 с.
5. Макарова, Л. С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода / Л. С. Макарова. – М.: МГЛУ, 2006. – 364 с.
6. Митчелл, М. Унесенные ветром / М. Митчелл. – М.: Эксмо, 2005. – 640 с.
7. Mitchell, M. Gone With the Wind / M. Mitchell. – М., 2006. – 320 p.

Информация об авторе:

Омеличкина Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8(3842) 58-34-97, somel@mail.ru.

Omelichkina Svetlana Vasilievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology № 2 of KemSU.

УДК 81'373.612

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Т. Н. Пархоменко

ON SEMANTIC DERIVATION

T. N. Parkhomenko

В статье дается определение термина “семантическая деривация” и краткое описание истории развития данного явления в рамках языкознания. Уделяется внимание современному рассмотрению вопроса о семантической деривации с точки зрения когнитивной лингвистики.

The definition of the term “semantic derivation” is suggested and a short description of the history of this phenomenon’s development in linguistics is given. The attention is paid to modern consideration of the question of semantic derivation from the point of view of cognitive linguistics.

Ключевые слова: значение слова, семантика, когнитивная лингвистика, концептуальная область.

Keywords: word meaning, semantic, cognitive linguistics, conceptual domain.

Интерес к тому, как изменяется значение слова, исследователи начали проявлять еще до появления самого термина «семантическая деривация». Большинство лингвистов придерживаются мнения, что семантическая деривация, являясь семантическим способом словообразования, рождает проблему производности и применяется для характеристики процесса образования новых значений многозначных слов. Согласно М. В. Никитину, «семантическая деривация – образование производных значений от исходных без изменения формы знака» [8, с. 375]. При описании значения слов в лингвистической литературе используется большое количество различных терминов. Наряду с термином «семантическая деривация», существуют термины «семасиология», «историческая семантика», «семантическая эволюция слова», «изменение значения», «развитие значения», «этимология» и т. д.

Семантическую деривацию можно понимать как образование новых слов от одного исходного, идущее по метафорическим и метонимическим моделям с множественными явлениями генерализации и специа-

лизации. При семантическом развитии слова и однотипном изменении его семантической структуры происходит формирование нового значения по определённой модели. Другими словами, деривацией следует считать процесс или результат образования в языке любого вторичного знака, который может быть объяснён с помощью единицы, принятой за исходную, или же выведен из неё путём применения определённых правил. Термин «Семантическая деривация» относится как к процессу, так и к результату семантических переходов, что говорит о его применимости как в синхронии, так и в диахронии, указывая на производность лексических единиц без уточнения их природы.

Если рассматривать проблему семантической деривации в широком смысле как проблему происхождения и развития слов, то этот вопрос интересовал людей еще в античности. Возникновение же семантики как отдельной науки, изучающей область значений, некоторые лингвисты относят к 1839 году, когда были опубликованы «Лекции по латинскому языко-

знанию» Рейзинга, в которых впервые говорилось о необходимости выделения отдельной науки, предметом которой является исследование развития значения слова.

Следует отметить, что в XIX – начале XX столетия теории значения слова уделялось огромное внимание. Развитие значения слова в этот период было одной из центральных проблем не только в рамках семантики, но и в рамках языкознания в целом. Ещё у В. фон Гумбольдта можно найти ряд идей, на которые в дальнейшем опирались многие исследователи семантической деривации. Он придерживался мнения, что язык постоянно развивается, стремясь соответствовать в наибольшей мере тем идеям, которые с его помощью выражаются. В той или иной степени вопросами семантической деривации занимались такие выдающиеся лингвисты, как А. А. Потебня, В. Вундт, Г. Пауль, М. М. Покровский, Ф. де Соссюр, Г. Стерн, М. В. Никитин, Н. В. Крушевский и многие другие. Были разработаны различные классификации типов семантических изменений, большое внимание уделялось их причинам, в качестве основной из которых назывались психологические факторы.

В 1862 году вышла в свет работа А. А. Потебни «Мысль и язык». Он считал, что мышление эволюционирует в теснейшей связи с языком по закономерностям, которые носят семантический характер. Постоянные знаковые замещения, происходящие в слове, являются одной из важнейших этих закономерностей. А. А. Потебня разработал теорию «внутренней формы слова», которая определяется и как «ближайшее этимологическое значение слова». Посредством внутренней формы учёный пытался объяснить появление новых значений и единство их пониманий всеми говорящими на данном языке. При этом внутренняя форма слова может сохраняться на протяжении веков, создавая символизм или «поэтичность» языковых средств, а может забываться, лишая слова образности, делая их «прозаическими» [5].

Понятие внутренней формы использовалось также Г. Штейнгалем, который понимает этот термин как некоторые характерные для данного языка представления о предмете, причём предмет в данном случае не берётся во всей совокупности черт и характеристик, а рассматривается как «представление о предмете», некая мыслительная совокупность его познанных признаков. Язык же, согласно Г. Штейнгалю, «является выражением самосознания и мировоззрения духа целого народа, подобно тому, как язык индивида является выражением и мерилем индивидуального духа».

Ещё одним учёным, которого интересовали проблемы изменения значения слова, был В. Вундт. Он так же пользовался термином «внутренняя форма слова». В. Вундт определял внутреннюю форму как психологический процесс, влияющий на внешнюю форму говорения. Основная цель его описания при рассмотрении содержательной стороны языка – вскрыть общие законы, причины и условия семантических изменений, которые В. Вундт прежде всего связывает с психологическими механизмами ассоциации и апперцепции.

Важным этапом в изучении семантической деривации стала публикация в 1880 году работы Г. Пауля «Принципы истории языка», в которой рассматривались общие закономерности изменения значений и его причины, а также выделялись основные типы изменений в зависимости от логических отношений, существующих между старым и новым значениями. Сам процесс семантических изменений Г. Пауль описывал следующим образом: «...с каждым новым актом говорения, слушания и мысли к данному содержанию прибавляется нечто новое...Наконец, вследствие ослабления и усиления старых элементов, как и появления новых, в организме имеет место смещение отношений между ассоциациями».

Проблемами семантической деривации также занимался известный русский учёный Н. В. Крушевский, который разработал учение об ассоциативных отношениях. Он писал: «Всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем уме другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами».

Н. В. Крушевский выделяет два типа ассоциативных отношений – по сходству и по смежности: «Вследствие закона ассоциации по сходству слова должны складываться в нашем уме в системы или гнёзда, а благодаря закону ассоциации о смежности те же слова должны строиться в ряды». При этом ассоциации по смежности признавались наиболее важным механизмом в формировании значения слов. Ассоциативные связи слов связаны с частотностью их появления в речи: чем шире употребление слова, тем меньше содержания оно заключает в себе.

В связи с проблемой изменений, происходящих в языке, нельзя не упомянуть и Ф. де Соссюра, который ввёл в языкознание понятия синхронии, изучающей язык в определённом состоянии, в определённый момент времени, и диахронии, где явления языка изучаются в их историческом развитии со всеми изменениями.

В XX веке появляется всё больше исследований, посвящённых проблемам лингвистической семантики. Знания в области семантики систематизируются, упорядочиваются. Определяются основные проблемы, в том числе и в исследованиях развития значения.

Предметом внимания лингвистов становятся различные аспекты семантической деривации, такие, как, например, её место в семасиологии, связь с лексико-семантическим варьированием и полисемией, причиной возникновения и типы семантической деривации, возможность её прогнозирования, регулярность семантической деривации, её существование в различных лексико – семантических группах и терминологиях.

Проблемы семантической деривации исследуются не только самостоятельно, но и зачастую затрагиваются в более общих исследованиях в рамках изучения слов образования, лексико-семантической вариативности, семантической структуры слова, полисемии и семантики в целом.

Семантическая деривация тесно связана с проблемой лексико-семантического варьирования и занимает особое место в работах по полисемии. Исследования проводятся в двух ракурсах – в плане син-

хронии и диахронии. Работы, посвященные синхронному варьированию, в основном исследуют проблемы полисемии и контекстуального варьирования. Семантическая деривация же чаще всего является предметом работ, в которых рассматривается диахронический аспект значения. Но, несмотря на различия этих подходов, нельзя не учитывать их взаимосвязь.

Данная проблема занимает большое место в исследованиях М. В. Никитина, который определяет семантическую деривацию как «образование производных значений от исходных без изменения формы знаков, и которая совершается по моделям семантической деривации – метафорической, метонимической, гипонимической» [8].

М. В. Никитин также рассматривает связь семантической деривации и полисемии. Производя разграничение значений многозначного слова, устанавливая их содержание и сравнивая их по содержанию, мы убеждаемся, что значения связаны друг с другом отношениями семантической деривации, что одно значение возникает от другого по определенным моделям семантического словообразования и что все они вместе образуют своими связями семантическую структуру слова. В отличие от омонимии разные значения одного многозначного слова связаны в единую структуру тем, что имеют в своём содержании существенную общую часть. Из этого следует, что именно отношения, возникающие при семантической деривации, и объединяют все значения многозначного слова, позволяя таким образом отличить полисемию от омонимии.

В середине XX века Е. Г. Белявская приводит классификацию видов семантической деривации, которая включает в себя расширение, сужение и различного рода сдвиги значения. Расширение значения – это переход от частного значения к более общему. Сужение, напротив, означает собой переход от общего значения к частному. Одним из примеров сужения значения является специализация, когда родовое название применяется к отдельной частной группе понятий. Смещение или сдвиг значения представляет собой перенос значения без изменения его объема. Иногда к основным типам изменения значения слова относят также и десемантизацию – постепенную утрату словом лексического значения [1].

В настоящее время значительное внимание уделяется вопросам семантической деривации с точки зрения различных направлений языкознания, прежде всего в рамках когнитивной, коммуникативной и функциональной лингвистики. И это не случайно, так как «когнитивный подход к изучению лексики предполагает прежде всего семантический анализ лексических единиц» [9, с. 35].

Язык, по мнению когнитологов, наряду с восприятием, мышлением, памятью, относится к когнитивным структурам, призванным объяснить процессы усвоения, переработки и передачи знания.

Когнитивный анализ предполагает решение проблем взаимодействия языка и мышления. Когнитивный подход опирается на концепцию языка, разработанную В. Гумбольдом и получившую развитие в трудах А. А. Потебни. Она основана на тезисе о том, что развитие мышления и языка идет в едином процессе

эволюции человека, и развитие одного невозможно без участия и развития другого. Поэтому семантическая деривация рассматривается как процесс передачи знаний, инструмент познавательной деятельности человека.

Слово выступает не только как средство для выражения готовой мысли: оно – способ, прием ее создания и разработки. Это в полной мере относится к семантической деривации – использованию имеющихся в языке слов в новых значениях. Процессы семантического переосмысления слова являются наиболее доступной наблюдению и исследованию демонстрацией творческой силы языковой личности, если вслед за В. Гумбольдом, рассматривать язык не как сложившийся продукт, а как деятельность, тогда разные значения слова можно считать опирающимися друг на друга мыслительно-речевыми актами, представляющими «сгущение мысли», в результате которых расширяются пределы языка, и расширяется внутренний мир самого человека» [2, с. 45].

Когнитивный подход к семантике слова предполагает, что в значение слова входят не только все признаки обозначаемого слова, необходимые и достаточные для его идентификации, но и весь комплекс знаний об обозначаемом. Он включает в себя и семантику и прагматику слова, связанные со словом ассоциации, потенциальные модификации значения слова в речи, субъективное и объективное в слове и т. п.

Семантическая деривация, по мнению когнитивистов, основана на человеческой способности соизмерять, ассоциировать разные категории, и это соизмерение происходит соответственно с собственно человеческим масштабом знаний и представлений. Такое положение вытекает из антропологической парадигмы научного знания, исходящей из допущения, что человек познает мир через свою практическую и теоретическую деятельность в нем. Таким образом, семантической деривации присуща соизмеримость картине мира носителей языка, их знаниям и представлениям. Процессы семантической деривации формируют «душу» лексико-семантической системы языка, являющиеся ценным источником информации об отражении в языке когнитивных структур и прекрасным фоном для выявления «человеческого фактора» в языке» [4, с. 30]. При изучении семантической деривации представители когнитивной лингвистики прежде всего рассматривают ее как отражение мыслительной деятельности человека, таким образом, исследуя лингвистические процессы в тесной связи с психологическими.

Результатом новейших исследований в области семантической деривации с точки зрения когнитивного подхода, стали следующие выводы. В частности, в ходе исследования Лапшиной были выявлены модели сдвигов и переносов, применимые к разным историческим эпохам, которые доказывают, по мнению автора, что человеческое мышление не меняется во времени, а исторически обусловленными оказываются мировоззрение, политические взгляды, установки, ценности, идеалы, эстетические вкусы. Прогресс не меняет человеческий разум, он существенно изменяет способ бытия вещей и порядка и методы их познания [4]. Однако автор не утверждает, что по изменению

значений слов можно полностью реконструировать картину человека и его мира, воссоздать исторически меняющийся процесс мировоззрения: помимо языка в культуре существует много других свидетельств такого рода изменений.

Кроме того, в рамках когнитивного подхода изменение значения слова рассматривается как концептуально обоснованный процесс, в котором особая роль отводится понятию «концептуальная область» (conceptual domain). Дж. Лакофф описал механизмы метафорического и метонимического переноса, которые рассматриваются как наиболее продуктивные виды семантической деривации [6]. Если с точки зрения структурной лингвистики метафора представляет собой образное средство, которое связывает значения слова, то когнитивная лингвистика трактует метафору как некую ментальную операцию. Рассматривая метафору как видение одного объекта через другой, можно сказать, что она является одним из способов представления знания в языковой форме.

Например, процесс мышления сравнивается с движением, а человеческие эмоции – с путешествием. В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему языковой общности.

В основе метафорического переноса лежит принцип аналогии, который даёт два типа производных значений: денотативную аналогию и метафорическую аналогию. Антропоцентрический подход человека к описанию внешнего мира рассматривает денотативную аналогию как редукцию более сложного предиката физического действия.

Если в реальном мире объективные свойства предмета и типы воздействий «удары, движения» являются первичными, а человек просто «подражает» физическому миру, действуя по аналогии с физическими процессами, то в языке обозначения природных процессов и событий являются вторичным употреблением предикатов человека, его действий. Например, *ветер шумит подобно вою зверя, следовательно, ветер воет как зверь, значит, ветер воет*.

При этом действие аналогии вполне оправдано, так как в результате происходит расширение области значения слов. Метафорическая аналогия имеет когнитивную природу, позволяя представить ментальные действия с помощью физических, но необходимо помнить, что обозначения физических воздействий нельзя механически использовать для абстрактных событий, так как их сходство неочевидно.

Перенос значений происходит на основе ассоциаций, которые представляют собой связь, образующуюся при определённых условиях между двумя и более психическими образованиями, такими, как ощущения, двигательные системы, восприятия, представления, идеи. При метафорической аналогии процесс создания слова идёт по модели прототипа, то есть его смысловая сторона встречает ограничения в виде определённых значений.

Ещё одним направлением в исследовании семантической деривации с когнитивной точки зрения является возможность прогнозирования эволюции значения слова. Некоторые ученые полагают, что на основе изучения существующих характеристик системы значений слова можно установить, каким образом оно будет развиваться в будущем [9].

Изучение семантической деривации является также одним из аспектов исследования полисемии, в котором рассматривается не связь значений многозначного слова, существующих на данный момент, а механизмы образования одних значений от других в диахронии. По сути, полисемия и семантическая деривация – это одна и та же проблема в статическом и динамическом аспектах. Полисемия лексических единиц представляет собой отражение их диахронического развития. Поэтому результаты исследований, связанных с полисемией, представляют значительный интерес при изучении семантической деривации. Внимание исследователей привлекают различные типы переносных значений, особенно метафора, так как метафорический перенос рассматривается как наиболее продуктивный и универсальный тип вторичной номинации. В рамках исследований в области полисемии также часто рассматривается проблема регулярной полисемии.

Механизм образования новых значений в рамках этих исследований описывается следующим образом: слова – это не просто «знаки». Это сложные единицы, и значение слова зависит от многих факторов, например, употребления слова в речи, в художественной литературе, а также таких внеязыковых факторов, как общественная жизнь народа, условия его существования. В результате социального прогресса, развития техники, науки, культуры, межкультурной коммуникации в каждом естественном языке возникают новые понятия.

Итак, семантическая деривация является одним из наиболее интересных направлений лингвистического исследования, так как позволяет изучить развитие значения слов и способствует более полному их пониманию, а также даёт возможность выявить некоторые общие причины и принципы развития лексических систем.

Литература

1. Беляевская, Е. Г. Семантика слова / Е. Г. Беляевская. – М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
2. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
3. Зализняк, А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект “Каталога семантических переходов” / А. А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13 – 25.
4. Лапшина, М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Н. Лапшина. – СПб., 1996. – 32 с.

5. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М., 1964. – Ч. 1. – 466 с.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем (Metaphors We Live By) / Дж. Лакофф (George Lakoff), М. Джонсон (Mark Jonson). – Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. Лукашевич, Н. Ю. Когнитивно-семантический анализ предикатов, обозначающих черты характера человека: дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Лукашевич. – М., 2004. – 208 с.
8. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: уч. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистических дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах / М. В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 756 с.
9. Овакимян, Л. Б. Когнитивные аспекты семантики производного слова (на материале англояз. худ. прозы): дис. ... канд. филол. наук / Л. Б. Овакимян. – М., 1995. – 157 с.
10. Падучева, Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня (сборник памяти Д. Н. Шмелева). – М.: Азбуковник, 2000. – С. 395 – 417.
11. Фомина, И. И. Семантическая деривация в формировании английской политической терминологии: дис. ... канд. филол. наук / И. И. Фомина. – М., 2006. – 189 с.

Информация об авторе:

Пархоменко Татьяна Николаевна – ассистентка кафедры социально-правовых и гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, филиал г. Златоуст, 89123201084, ParhomenkoTN@mail.ru.

Parkhomenko Tatyana Nikolaevna – assistant lecturer at the Department of Social and Legal Sciences and the Humanities of Zlatoust branch of the South Ural State University.

УДК 811.161.1'42

МЕТАЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ ЖАНРА ЛИРИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ В ИНТЕРНЕТЕ (на примере признака объема текста)

А. А. Плотникова

METALINGUISTIC ASPECT OF LYRIC MINIATURE GENRE IN THE INTERNET (as revealed by thr text volume characteristic)

A. A. Plotnikova

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №12-06-90712-моб_ст.

В статье выделяется метаязыковой аспект жанра лирической миниатюры исходя из когнитивной природы речевого жанра. Интерес к жанру лирической миниатюры обусловлен ее распространенностью в интернет-коммуникации и изменением в электронной среде. Проанализировано отражение метаязыковым сознанием ключевого признака жанра лирической миниатюры – малого объема. По результатам опроса авторов миниатюр выделяются разные степени конкретизации данного признака и строится его полевая модель.

The article studies the metalinguistic aspect of lyric miniatures genre basing on the cognitive nature of the speech genre. Interest to the genre of lyric miniatures is explained by its prevalence in the online communication and the change in the electronic network. The reflection of the key feature of lyric miniature genre – its shortness – in the metalinguistic consciousness is analyzed. Survey showed the authors of miniatures suggest different degrees of this criterion's specificity. A field model of th researched phenomenon is built, basing on the survey results.

Ключевые слова: метаязыковое сознание, жанр миниатюры, объем текста.

Keywords: metalinguistic consciousness, miniature genre, text volume.

Интерес к осмыслению метаязыковым сознанием разных аспектов речевой деятельности в лингвистике высок, что обусловлено как антропоцентрической парадигмой гуманитарного знания в целом, так и возможностью получения новых сведений о речевых явлениях, которые невозможно получить эмпирическим путем. Жанровый аспект метаязыкового сознания является перспективным в том плане, что позволяет эксплицировать когнитивную природу речевого жанра. Понятие «жанровое сознание» все больше признается исследователями как часть «языкового сознания» [1, с. 40 – 52; 2].

Среди представителей когнитивного направления жанроведческих исследований выделим следующих ученых: Г. Г. Слышкин, Е. В. Бабаева, Л. В. Балашова, А. Г. Баранов, Ф. Л. Косицкая, Г. И. Богин, Л. Ф. Маркова, Т. С. Куст. Данный подход к жанру исходит из тезиса о том, что «жанры речи присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [3, с. 112], то есть является моделью высказывания в сознании говорящих и пишущих.

Массовая коммуникация, в том числе коммуникация в Интернете, бурно развивается и порождает новые жанры, а в связи с техническими возможностями

данной фактуры речи, также трансформируются уже существующие речевые жанры. В рамках виртуального жанроведения выделяются такие задачи, как изучение «эволюции жанров, ... способности приспособления бумажных жанров к новой электронной среде. ... Параллельно осуществляется изучение Интернет-жанра с позиций когнитивно-прагматических основ создания виртуальной личности» [4, с. 223]. Одним из жанров, существенно распространившихся в Интернет-коммуникации по сравнению с традиционной литературной коммуникацией, является жанр лирической миниатюры, который интернет-критики называют «народная миниатюра» [5]. Высказанные положения объясняют актуальность настоящей статьи.

Объект исследования – лирическая миниатюра как речевой жанр в Интернет-коммуникации. Предметом исследования является концептуализация лирических миниатюр (признака «объем текста») в Интернет-языковом сознании.

Поскольку при трансформации в Интернет-коммуникации жанр приобретает новые признаки, а жанр имеет когнитивную природу, то жанровые признаки должны быть закреплены прежде всего языковым сознанием. По гипотезе настоящего исследования, метаязыковой аспект изучения жанра позволяет зафиксировать в сознании носителей языка признаки, свидетельствующие о трансформации жанра в Интернете. Например, в следующем метатекстовом размышлении значимым является рефлексия о характере материального носителя знака и средства создания текста: «Скажете, что я достала вас своими заметками?) Понимаю. Но вот, знаете, когда что-то такое накапывает, и хочется выплеснуть свои эмоции и мысли на бумагу. Конечно, это смешно, потому что "бумага", – в данном случае, это программа Microsoft Word» (в тексте статьи сохранены авторские орфографии и пунктуация в примерах) (<http://vkontakte.ru/notes45257325>).

Цель данной статьи – уточнить жанровую природу лирической миниатюры в Интернет-коммуникации, обращаясь к метаязыковому сознанию. В данной статье остановимся на ключевом признаке жанра лирической миниатюры – объеме текста.

В языковом сознании присутствует некий образ жанра, и субъекты коммуникации могут эксплицировать его отдельные стороны, чаще всего с тем, чтобы выразить свое к ним отношение. Такие экспликации почти всегда – симптомы кризиса жанра или сигналы его изменения, переосмысление в новых социокультурных условиях. Метаязыковые высказывания о жанре объективируют наличие «жанрового сознания» [1] наряду с другими представлениями о языке, существующими отнюдь не только в профессиональном филологическом сознании.

Владение речевым жанром обычно является интуитивным и мало осознаваемым. Когда речь идет о жанрах сложных, вторичных, риторических [6, с. 31], владение жанром может быть вполне осознанным и рефлекслируемым. По мнению Н. Б. Лебедевой, мета-жанровое сознание имеет сложную структуру и включает в себя:

— спонтанное владение жанрами, основанное на жанровом «чувстве» (ср. языковое чутье);

— осознанное владение жанрами, представления носителей языка о жанрах речи, литературы;

— совокупность знаний о жанре с минимальным включением специализированных знаний (к примеру, полученных в школе);

— информация о жанрах складывается в жанровую картину мира (подобную языковой картине мира) и фиксируется в профессиональной лингвистике и осмыслении научных положений [2, с. 43 – 47].

Г. Г. Слышкин выделяет две составляющих когнитивной природы жанра: во-первых, наличие определенной концептосферы у конкретного жанра, во-вторых, наличие в сознании языковой личности метаконцепта (то есть концепта, осмысляющего языковые явления, «метаязыковой» + «концепт» = «метаконцепт») жанра в сознании [7, с. 34 – 50]. В русле данного направления, на наш взгляд, актуально предпринять попытку эксплицировать модель речевого жанра в целом на модель-представление об исследуемом нами жанре, рассматривая его в метаязыковом аспекте.

Известно, что одним из ключевых параметров текста является его объем, на который влияют три фактора:

- 1) требования прагматики,
- 2) особенности стиля,
- 3) жанр [8].

Взаимосвязь объема текста и его жанровой принадлежности вызывает интерес исследователей разных сфер человеческого знания.

Жанр миниатюры обычно определяется через понятие «малая форма», то есть небольшое по объему произведение. Общеизвестной является следующая словарная дефиниция: «Миниатюра (франц. *miniature* – от *minium*) – художественное произведение ... малых размеров, отличающееся особо тонкой манерой наложения красок» [9].

В термине «миниатюра» обозначен признак малого объема текста, и следует заметить, что характер жанровой номинации является продуктом метаязыковой рефлексии над формой текста. Жанровый признак объема миниатюры очевиден и, следовательно, осознаваем, поэтому он является показательным примером для демонстрации возможностей метаязыкового аспекта исследования жанровых признаков.

В профессиональной языковой картине мира лингвистов проблема объема текста так или иначе затрагивается в работах И. Р. Гальперина, Л. В. Сахарного, Е. С. Кубряковой, Л. Г. Бабенко, А. Г. Гурочкиной, И. Б. Руберт, Н. Ю. Петровой, Е. И. Панченко, которые единодушно считают, что объем является одним из важнейших параметров текста. И. Р. Гальперин, выбрав в качестве главного критерия своей классификации параметр объема, выделяет 2 типа текстов: минимальные и максимальные. Минимальными ученый считает такие жанры, как сообщение, записка, короткая газетная статья. Примером максимального текста является роман с прологом и эпилогом [10, с. 51 – 52]. Мысль ученого согласуется с выводами А. Г. Гурочкиной и И. Б. Руберт, полученными в результате анализа малоформатных текстов нехудожественной коммуникации: «форматность текста неразрывно связана с глубинно-семантическими и коммуникативными аспектами текста» [11, с. 335]. Лингвистическую

специфику малых текстов ученые связывают с явлениями языковой экономии и компрессии, использованием особых стилистических средств (например эллипсиса), условных обозначений и сокращений.

Для выявления представления о лирической миниатюре непрофессиональных носителей языка был проведен эксперимент-опрос, который позволяет конкретизировать признаки жанра лирической миниатюры. В опросе приняли участие авторы текстов миниатюр, опубликованных в Интернете. Таким образом, в репертуар речевых жанров информантов входят интернет-миниатюры. Информантам задавался вопрос: «По какому принципу Ваши тексты были отнесены к разделу миниатюр на сайте, на котором они опубликованы? Если Вы сами определяете, что жанр Вашего текста – миниатюра, то по каким признакам?» Такая формулировка вопроса позволяет выявить часть мета-концепта миниатюры, которая составляет понятие «миниатюра», определить основные признаки миниатюры, отраженные в сознании авторов.

Письма-анкеты были отправлены по электронной почте 212 авторам, на них было получено и проанализировано 102 анкеты с ответами.

Первая часть вопроса «По какому принципу Ваши тексты были отнесены к разделу миниатюр на сайте, на котором они опубликованы?» связана с тем, что в Интернет-пространстве возможно 2 варианта определения жанровой принадлежности текста: либо автор-пользователь определяет его самостоятельно, либо жанр определяется модератором-редактором сайта. Какой вариант представлен на конкретном сайте – не очевидно. Все информанты определяли жанр своих текстов-миниатюр самостоятельно, о чем свидетельствуют такие части высказываний в анкете, как: *Определила сама (3)* (в скобках указывается число повторяющихся реакций информантов); *отнесены мной; я определила жанр сама; я сама поставила жанр "миниатюра"; Сам; Сама я определяю, что форма – миниатюра.* Для настоящего исследования важно, является ли жанровое определение авторским, так как это доказывает релевантность ответов.

Практически во всех ответах авторов (100 единиц высказывания в 99 % анкет) отмечается такой признак миниатюры, как малый объем, что позволяет заключить, что данный признак является ключевым жанровым признаком в сознании информантов. Дополнительно подчеркивается значимость данного признака соответствующими маркерами (вводные слова, частицы, указывающие на значимость): *в первую очередь (4), прежде всего, лишь по.../всего лишь из-за, только по..., основным критерием исключительно, разумеется.*

Около половины (47 %) авторов-информантов отметили малый объем миниатюры в качестве единственного и достаточного для квалификации жанра художественного текста как миниатюра.

Ограниченный объем текста считается основным формальным признаком интернет-миниатюры во всех рассматриваемых метаязыковых высказываниях. Утверждается определяющая роль этого признака. Признак объема эксплицируется:

а) при определении понятия: *Будем считать любой прозаический или стихотворный текст объемом*

до 10 Кб миниатюрой; Поэтическая миниатюра – это очень короткий текст. И краткость здесь принципиально важна. Размер имеет значение, и значение определяющее; Текст – это свернутая формула. Соответственно, объем текста – та или иная степень ее развернутости. Так вот, миниатюра – простая, даже сколь можно простая и короткая формула, в которой, при этом, заложен максимум;

б) при характеристике специфики жанра миниатюры: *В малых формах благодаря механизму компрессии происходит сведение всех уровней содержательного, функционального, регулятивного к одной точке, в которой заключены эмоциональность, интерактивность. В научно-популярных интернет-статьях о миниатюрах признак объема отрефлексируется в значительной степени, в том числе и с включением специализированных и филологических знаний;*

в) при корреляции с особенностями электронной коммуникации в Интернете. *Первопричина такого явления вполне объяснима: известного автора прочитают только в одном случае – мало написал, к тому же, с экрана тяжело читать объемные тексты, да и Интернет пока еще не бесплатен; Сетевой читатель хочет миниатюру. Неважно, какой автор. Главное, чтобы не притомил объемом текста.*

Формулировка признака, несущего в себе идею малого объема, выражается в следующих авторских номинациях:

1) номинация формального критерия: *размер / по размеру (22), объем / по объему (13), по форме/ формальный (10);*

2) номинация миниатюрности: *краткость/ краткий/короткий/коротко (16), маленький (12), малый / мало слов (6), меньше / менее (6), чем..., мало слов..., сверхмалый, небольшой (7), миниатюрный, максимально лаконично, сжатый, не слишком много текста, ограниченный.*

В одном из ответов анкеты указана причина обращения к малым жанрам и сформулирована коммуникативная значимость малого объема для жанра миниатюры: *«чтобы даже не особо интересующийся данной тематикой читатель не успел заскучать».*

Кроме констатации ключевого признака малого объема, в ответах авторов раскрывается содержание данного понятия. Степень конкретизации данного признака в ответах авторов различна:

1. Неконкретизированная фиксация признака объема как критерия определения жанра: *размер, лишь по объему текста.*

2. Неконкретизированная фиксация признака **малого** объема: *короткие прозаические произведения; достаточно короткий художественный текст.*

3. Примерная и неточная конкретизация малого объема: *страничка или меньше; от пары строк до нескольких страниц; Текст помещается на экране полностью; пол-листа в Ворде.*

4. Точная конкретизация малого объема в определенных единицах:

– в количестве знаков (ед. измерения объема в типографии).

Данная группа признаков характеризуется следующими фрагментами высказываний: *по объему – меньше 4 тысяч знаков; объем до 5 тыс. знаков; объ-*

ем от 1500 до 7000; признак достаточно формальный – до 7000–9000 знаков; если менее 10 тысяч знаков я определяю текст как миниатюру.

Показательны 2 факта:

во-первых, данный признак конкретизируется авторами с точностью до формальных числовых значений, то есть обладает высокой степенью осмысленности;

во-вторых, разброс количественных показателей верхней границы объема жанра существенен (текст в 10 тысяч знаков больше чем в 2 раза текста в 4 тысячи знаков).

В Интернете, и в особенности на нелитературных сайтах, объем текстов редко превышает 4 тысячи знаков:

– в килобайтах (ед. измерения объема информации в цифровой технике).

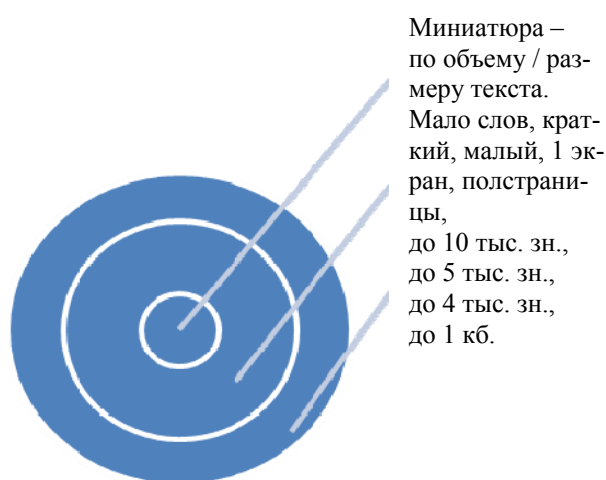

Рис. 1. Полевая структура признака «объем текста» в метаязыковом сознании

Признаки объема данной группы ответов характеризуется фрагментами высказываний типа: *Меньше одного килобайта; на сайте zhurnal.lib.ru стоит программа, которая не позволит отнести текст размером, скажем, 1 кб к рассказу.*

Измерение единиц объема текста в кб, а также высказывания: *Текст помещается на экране полностью, пол-листа в Ворде,* – свидетельствуют о связи модели жанра миниатюры в сознании авторов с элек-

тронными средствами создания и средой коммуникации.

Таким образом, представление о должном и определенном объеме как ключевом признаке миниатюры можно представить в виде полевой структуры (рис. 1).

В ядре поля фиксируется характеристика жанра на основе признака объема/размера как такового, к приядерной зоне можно отнести конкретизацию объема миниатюры как малой формы, к периферии поля относятся конкретные числовые значения объема миниатюры. Степень конкретизации данного признака увеличивается от ядра к периферии. Приядерные и периферийные конкретные данные семантически полностью включаются в ядерный компонент признака (определение миниатюры как текста в 5 тыс. знаков соответствует определению жанра на основании объема текста).

Обращение к метаязыковому сознанию расширяет представление о жанре лирической миниатюры, дополняя одномерную описательную модель системой иерархически организованных признаков. Каждый жанровый признак приобретает еще одну шкалу измерения: степень конкретизации в метаязыковом сознании. Наиболее значимы жанровые признаки, которые наиболее устойчиво эксплицируются в сознании носителей языка. Для жанра миниатюры признак малого объема текста определяется метаязыковым сознанием авторов первым по значимости. Предпринятое исследование позволяет выявить полевую организацию главного жанрового признака миниатюры, на периферии которого находятся конкретные числовые значения в единицах измерения объема в цифровой технике. Данный факт свидетельствует:

во-первых, о высокой степени осмысленности данного параметра жанра;

во-вторых, о том, что на периферии концепта жанра лирической миниатюры имеются специфические признаки Интернет-миниатюры, обусловленные средой коммуникации. Аналогично полевую организацию можно выстроить и для других жанровых признаков.

Таким образом, метаязыковой аспект является продуктивным способом более глубокого изучения жанровых признаков, производимого с учетом когнитивной природы жанра.

Литература

1. Седов, К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров / К. Ф. Седов // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 2002. – Вып. 3.
2. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н. Б. Лебедева [и др.]. – М.: КРАСАНД, 2011. – 256 с.
3. Седов, К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция / К. Ф. Седов // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилициной и О. Б. Сиротининой. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2001.
4. Горошко, Е. И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов, 2007. – Вып. 4.
5. Губайловский, В. Полоса прибоа (о жанре поэтической миниатюры) / В. Губайловский // Арион. – 2003. – № 4. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2003/4/g26-pr.html>
6. Сиротинина, О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи: сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. – Вып. 2.
7. Слышкин, Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа / Г. Г. Слышкин // Жанры речи: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Саратов: Колледж, 2005.

8. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2004. – 278 с.
9. Миниатюра // Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1938. – Т. 2. – Стб. 218 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/13/us221812.htm>
10. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
11. Гурочкина, А. Г. Становление и развитие английских малоформатных текстов нехудожественной коммуникации / А. Г. Гурочкина, И. Б. Руберт // Язык: теория, история, типология. – М., 2000.

Информация об авторе:

Плотникова Анна Алексеевна – аспирантка кафедры русского языка Томского государственного университета, 8-906-951-61-86, plotnikowa.anna@gmail.com.

Plotnikova Anna Alekseevna – post-graduate student at the Russian Language Department of Tomsk State University.

УДК 81-115

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ «HEART» (на материале английского языка)

Е. А. Пономарева

FRAME ANALYSIS OF LEXICO-DERIVATIONAL NEST WITH THE «HEART» APEX (in the English language)

E. A. Ponomareva

Предлагаемая статья направлена на исследование лексико-словообразовательного гнезда с вершиной heart ('сердце'). В работе предпринята попытка построения фреймовой модели указанного гнезда, в рамках которой выделяются разные уровни абстракции – глубокий (уровень слотов, пропозициональных схем и пропозиций) и поверхностный (уровень лексико-словообразовательных значений дериватов). Фреймовая модель гнезда формируется посредством субфреймов, в основе которых находятся лексико-семантические варианты слова «heart».

This article focuses on the research of the lexico-derivational nest with the «heart» apex. The attempt to build a frame model of this nest is made. Different levels of abstraction on the frames of this nest are distinguished: the deep level (the level of slots, propositional schemes and propositions) and the superficial level (the level of lexico-derivational meanings of the derivatives). The frame model of the nest is formed by the subframes in which basis lexico-semantic variants of the word 'heart' are situated.

Ключевые слова: лексико-словообразовательное гнездо, фреймовая модель, слот, пропозициональная схема, пропозиция.

Keywords: lexico-derivational nest, frame model, slot, propositional scheme, proposition.

В настоящее время в центре когнитивных лингвистических исследований находятся разнообразные вопросы изучения смысловой стороны языка. Разрабатывая когнитивное направление, лингвисты используют сегодня множество методических приемов интерпретации языковых единиц и явлений, рассматриваемых учеными с точки зрения разных подходов, которые объединяет одна общая идея – идея объяснения всего того, что связано с конкретным языковым знанием. Предлагаемое исследование развивает лингво-когнитивный подход, направленный на анализ концептов, соотносящихся с разными видами и структурами знания.

Лексико-словообразовательное гнездо, на наш взгляд, являет собой своего рода концепт, а точнее – его фрагмент, представленный на уровне дериватологии. В рамках данной работы мы хотим построить модель того, каким образом концепт *heart* ('сердце') отражен в англоязычной языковой картине мира, т. е. как происходит организация этого концепта в

пределах лексико-словообразовательного гнезда посредством когнитивных структур знания.

Выбор в качестве предмета исследования дериватов, образованных от соматизма *heart* не случаен. В последнее время значительно возросло внимание исследователей к проблеме человеческого фактора в языке, к изучению языка в тесной связи с сознанием, духовно-практической деятельностью человека. Соматическая лексика отражает знание носителей языка о себе, о частях своего тела и о других телесных объектах, а также об окружающем мире. С помощью этих «инструментов» познания человек начал ориентироваться в пространстве и во времени, выражая свое отношение к миру. В процессе функционирования соматическая лексика приобретает новые ассоциации и коннотации, часто фиксируемые в отсоматических дериватах.

При реализации основной задачи данной работы – построение фреймовой модели концепта *heart* – мы систематизируем и описываем производные слова, образованные от лексемы *heart*, т. е. представляем

соответствующий концепт на уровне лексико-словообразовательного гнезда.

Концепт, являя собой глобальную мыслительную единицу, представляющую собой «квант структурированного знания» [7, с. 4], охватывает преломления всех видов знания о явлении, стоящем за ним, все то, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры [4, с. 128].

Основными структурами представления знания (а концепт есть структурированное знание) считаются «схемы», «фреймы», «слоты», «скрипты» и др. [2, с. 17 – 33], именно эти структуры, по мнению ученых, организуют концепт (см. об этом, например, работу [1, с. 16]). В нашем исследовании, вслед за Л. А. Араевой, И. В. Евсеевой и другими представителями Кемеровской дериватологической школы, разрабатывающими фреймовый анализ комплексных единиц словообразования (см., в частности, работу [3, с. 160 – 174]), будут использованы такие структуры знания, как фреймы, слоты, пропозициональные схемы, пропозиции. Под фреймом (англ. 'рамка') мы, вслед за М. Минским, понимаем структуру языкового знания, организованного вокруг некоторого понятия, где «ассоциирована информация разных видов» [5, с. 7]. Слот (в терминологии М. Минского – терминал) – это элемент фрейма, ориентированный на конкретизацию какого-либо одного аспекта фрейма посредством заполнения «характерными примерами или данными» [там же]. Слот определяет адекватные условия, способствующие раскрытию фрейма, а эти условия, в свою очередь, порождают конкретные суждения. Суждения, включенные в определенную логическую модель и рассматриваемые как элементы знания, опираются на пропозициональные схемы. Эти схемы, в свою очередь, являются основой для формирования пропозиций – заполнителей пропозициональных схем конкретными суждениями. Т. А. ван Дейк, разрабатывая теорию фреймов, считает, что «фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять, что в данном обществе является "характерным" или "типичным"» [1, с. 16]. В распоряжении человека, по мнению М. Минского, имеется набор фреймов для разных видов деятельности. Эти фреймы и механизмы их взаимосвязи формируются и развиваются в течение жизни человека.

Иными словами, применяя к моделированию лексико-словообразовательного гнезда отмеченные выше структуры знания, мы рассматриваем гнездо как фрейм-структуру, состоящую из разных уровней: глубинного (уровень пропозициональных схем, уровень пропозиций и уровень слотов,) и поверхностного (уровень лексико-словообразовательного значения конкретного деривата). Продемонстрируем данную модель на конкретном материале. Отметим, что предметом исследования выступила лексика британского варианта английского языка. С целью сбора языкового материала нами были проанализированы англо-русский словарь В. К. Мюллера и Оксфордский словарь под редакцией Дж. Краутера. Для подтверждения наличия в настоящее время в английском языке выписанных из указанных словарей дериватов мы исполь-

зовали электронную базу данных Британского национального корпуса.

Слово *heart* в английском языке, по данным Оксфордского словаря [8], а также англо-русского словаря В. К. Мюллера [6], имеет 12 лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ): 1) полый орган в груди, который разгоняет кровь по телу; 2) часть тела, где расположен этот орган; 3) центр человеческих мыслей и эмоций, в особенности любви; способность испытывать эмоции; 4) милый, милая – *dear heart*; 5) энтузиазм, воодушевление; 6) мужество, смелость, отвага; 7) центральная или наиболее значимая часть чего-либо; 8) тех. Сердечник; 9) внутренние листья, часть капусты; 10) что-либо в форме сердца, особенно красного цвета, призванное изображать сердце как символ любви; 11) масть карт, помеченная символом сердца; карты этой масти; 12) плодородие.

Мы выяснили, что производные дериваты имеет не каждый ЛСВ, а лишь ЛСВ под номерами 1, 2, 3, 5, 7, 10 и 12. Также стоит отметить, что количество производных дериватов также различается, например от ЛСВ 2 образован 1 дериват, тогда как от ЛСВ 3 – 16 дериватов. Каждый из этих ЛСВ формирует отдельные субфреймы, которые мы анализируем ниже. Итак, рассмотрим подробнее организацию дериватов от ЛСВ, служащих основой для субфреймов общего фрейма *heart*. При описании цифровой индекс, расположенный рядом с конкретным дериватом, указывает на многозначность слова.

ЛСВ 1 'Полый орган в груди, который разгоняет кровь по телу' является базой создания дериватов, которые опираются на слоты «функционирование», «болезнь» и «качество».

Слот «функционирование» организует пропозициональную схему (далее – ПС) «процесс-предикат-объект», посредством которой образуется пропозиция (далее – П) «процесс, названный по функции объекта». Этой пропозиции в английском языке соответствует слово *heartbeat* (сердцебиение) 'регулярные движения сердца или звук, который оно издает' (ср.: *She thumped her chest over the heartbeat*. – Она выступила по груди ритм своего сердцебиения. *Jay loves Lucy. Cooper, Fiona. London: Serpent's Tail*).

Слот «болезнь»: ПС «процесс – предикат – объект»: П «состояние, когда болит орган». Этой пропозиции соответствуют два деривата: *heart-disease* 'порок сердца, болезнь сердца' (*He chose to support them as they have helped two members of his family recover from heart disease in recent years*. – Он решил поддерживать их, так как они помогли двум членам его семьи излечиться от болезни сердца за несколько лет. *The Alton Herald. Farnham, Surrey: Farnham Castle Newspapers Ltd*); *heart-failure* (порок сердца, паралич сердца) 'внезапный сбой нормального функционирования сердца' (*Heart failure is common in patients with high blood pressure, and so these patients were often given thiazides*. – Паралич сердца – частое явление у пациентов с высоким кровеносным давлением, поэтому таким пациентам часто давали тиазиды. *In search of a cure. Weatherall, M. Oxford: Oxford University Press*); *heart attack* 'сердечный приступ' (*A cigarette smoker has twice the risk of having a heart attack than a non-smoker*. – Для курильщика риск по-

лучить сердечный приступ в два раза выше, чем для некурящего. Running. London: Stonehart Leisure Magazines).

Слот «качество»: ПС «признак – предикат – объект»: П «качество, названное по органу» – *hearty 4* (прил.) ‘сильный и здоровый’ (*You are very quiet, my hale and hearty friend.* – Ты слишком тих, мой крепкий и сильный друг. The way to Babylon. Kearney, Paul. London: Victor Gollancz Ltd).

ЛСВ 2 ‘Часть тела, где расположен этот орган’ образует один слот «болезнь», которому соответствует одна пропозициональная схема и одна пропозиция. Эти структуры наполняет один дериват *heartburn* (изжога) ‘чувство жжения, в нижней части груди, вызванное расстройством желудка’, ПС «процесс – предикат – место»: П «жжение, происходящее в области органа» (*My husband has suffered from heartburn on and off for years and has recently been diagnosed as having a hiatus hernia.* – Мой муж страдал от изжоги долгие годы, и лишь недавно ему поставили диагноз «грыжа пищеводного отверстия диафрагмы». Woman. London: IPC Magazines Ltd).

ЛСВ 3 «Центр человеческих мыслей и эмоций, в особенности любви; способность испытывать эмоции» образует наибольшее количество дериватов со слотами «болезнь», «качество» и «эмоциональное состояние».

Слот «болезнь»: ПС «процесс – предикат – объект»: П «состояние, от которого болит орган» – *heartache* (душевная боль) ‘величайшая скорбь или беспокойство’ (*I’ve caused enough heartache.* – Я причинил достаточно душевной боли. Don’t cry alone. Cox, J. London: Headline Book Publishing plc).

Слот «качество»: ПС «признак – предикат – объект»: П «признак, характеризующий качество органа» – *heartfelt* (искренний, прочувствованный) ‘глубоко чувствующий, чувствительный’ (*And please accept my heartfelt thanks now for your concern and your generosity.* – И пожалуйста, примите мою искреннюю благодарность за вашу заботу и великодушие. Charity leaflets and letters); ПС «качество – предикат – объект»: П «качество, названное по органу эмоций» – *heartily* (сердечно, искренне) ‘с очевидным удовольствием и энтузиазмом’ (*Vigo laughed heartily but his wife’s face remained grave.* – Виго искренне смеялся, но лицо его жены оставалось мрачным. The best man to die. Rendell, Ruth. London: Arrow Books Ltd); ПС «качество – предикат – признак»: П «качество, названное по признаку органа эмоций» – *heartiness* ‘сердечность, искренность’ (*Good morning, Miss Thompson, Wexford said with a heartiness he didn’t feel.* – «Доброе утро, мисс Томпсон», – сказал Уэксфорд с сердечностью, которую он на самом деле не испытывал. The best man to die. Rendell, Ruth. London: Arrow Books Ltd); ПС «признак – предикат – качество»: П «признак, характеризующий качество человека» – *heartless* ‘бессердечный, безжалостный’ (*We disagree totally with forced deportation as heartless and inhumane, he said.* – «Мы совершенно не согласны с насильственной депортацией, и считаем, что это безжалостно и бесчеловечно», – сказал он. Guardian, electronic edition of 19891220. London: Guardian Newspapers Ltd); ПС «признак – предикат – объект»:

П «признак, названный по органу эмоций» – *hearty 3* (прил.) ‘обильный’ (*A hearty breakfast is served.* – Подан обильный завтрак. Warm welcomes in Britain. Stone, Mike and Russell, Roger. Newton Abbot, Devon: David & Charles Publishers plc); ПС «субъект – предикат – объект»: П «лицо, названное по органу эмоций» – *hearty* (сущ.) ‘сильный человек, особенно тот, кто занимается спортом’.

Слот «эмоциональное состояние»: ПС «признак – предикат – объект»: П «признак, относящийся к органу эмоций». Этой пропозиции соответствует три деривата: *heart breaking*, *heart rending* (душераздирающий) ‘вызывающий большую печаль и горе’ (*I mean when you’re on picket line it’s very depressing it’s very heart breaking (...)* – Я имею в виду, что когда вы находитесь на линии пикета, это очень печально, очень душераздирающе (...). Gwynedd County Council tape 17: interview for oral history project (Leisure); *And there was one of many heartrending stories about a doctor.* – И это была одна из многих душераздирающих историй о докторе. Labour Club public meeting (Public/institutional); *heartbroken* (убитый горем, с разбитым сердцем) ‘чувство величайшей печали’ (*We are heartbroken when death comes in its ugly presence into our homes, and we dislike the unpalatable fact of impermanence.* – Мы убиты горем, когда смерть приходит в своей уродливой сущности в наши дома, и нам тяжело принять неприятный факт недолговечности. I believe. Carey, George. London: SPCK); П «признак, характеризующий орган» – *hearty 1* (прил.) ‘искренний, дружелюбный’ (In his preface he pays tribute to ‘the hearty and valuable assistance of B. R. Pearn’. – В своем предисловии он отдает дань уважения ‘искренней и неоценимой помощи Б. Р. Пэрна’. Unfinished: George Appleton remembers and reflects. Appleton, George. UK: Collins); П «признак, названный по органу» – *hearty 2* (прил.) ‘громкий и веселый’ (*The voice was far too hearty.* – Голос был слишком громким. Hide and seek. Potter, Dennis. London: Faber & Faber Ltd); П «признак, характеризующий качество органа» – *heartsick* ‘удрученный, подавленный’ (*Theda nodded, too heartsick to answer.* – Тэда кивнула, слишком подавленная, чтобы ответить. Hidden flame. Bailey, Elizabeth. Richmond, Surrey: Mills & Boon); ПС «объект – предикат – объект»: П «сравнение органа с чем-либо» – *heartstrings* (струны сердца, глубочайшие чувства) ‘чьи-либо глубочайшие чувства любви или сожаления’ (*What happened here has touched heartstrings all over the world.* – То, что случилось тут, затронуло глубочайшие чувства всех в мире. Maggie Jordan. Blair, Emma. London: Bantam (Corgi); ПС «процесс – предикат – объект»: П «эмоциональное состояние человека, названное по органу» – *heart-burning* ‘недовольство, тайная зависть, ревность’; ПС «субъект – предикат – объект»: П «лицо, названное по органу эмоций» – *heartthrob* (объект обожания) ‘очень привлекательный человек, в которого многие влюблены’ (HOLYWOOD heartthrob Harrison Ford arrived in Britain to promote his new film this weekend – and forgot its name. – Голливудский объект обожания Харрисон Форд приехал в Британию для представления своего нового фильма на этих выходных – и забыл его назва-

ние. Belfast Telegraph. Belfast: Belfast Telegraph Newspapers Ltd).

ЛСВ 5 «Энтузиазм, воодушевление» имеет один дериват – слово *hearten 1*, в значении ‘подбодрять’, относящееся к слоту «эмоциональное состояние», с **ПС** «предикат – объект» и **П** «действие, названное по объекту» (*There was hot, spiced wine to hearten the bride, who drank it gratefully.* – Это было горячее вино со специями, чтобы подбодрить невесту, и она выпила его с благодарностью. *Quest for a babe.* Hendry, Frances Mary. Edinburgh: Canongate Publishing Ltd).

ЛСВ 7 «Центральная или наиболее значимая часть чего-либо» организует один дериват *hearth*, от которого, в свою очередь, образовано два лексико-словообразовательных значения. Данный ЛСВ формирует слот «функциональное», где выделяется **ПС** «объект – предикат – объект» и **П** «объект, выполняющий функции органа» – *hearth* ‘камин, очаг’ (*A fire glowed on the hearth.* – Огонь горел в очаге. *Dark dance.* Lee, Tanith. London: Warner Books). На базе слота «функциональное» формируются еще два слота – «отношение» и «месторасположение». Т. е. от деривата *hearth* образованы два производных, основывающихся на указанных слотах, на базе которых выделяются **ПС** и **П**. Слот «отношение»: **ПС** «процесс – предикат – объект»: **П** «процесс, направленный на объект, названный по органу» – *hearth-money* (устар.) ‘налог на очаги’. Слот «месторасположение»: **ПС** «объект – предикат – объект»: **П** «объект, находящийся рядом с местом, названным по органу» – *hearthrug* ‘коврик перед камином’ (*I found coal dust on the hearthrug in the main parlour yesterday.* – Я вчера обнаружил пепел от угля на коврике перед камином в гостиной. *The rich pass by.* Pope, Pamela. London: Century Hutchinson).

ЛСВ 10 «Что-либо в форме сердца, особенно красного цвета, призванное изображать сердце как символ любви» образует один дериват *heartsease* ‘анютины глазки’ (название распространенного цветка). Трудным оказалось установить, почему название цветка в английском языке названо по слову *heart*. Нами было выяснено, что английское слово *heartsease* произошло от латинского *hertes ease*, что означает ‘быть сердцу’. На наш взгляд, английское *heartsease*, обозначающее название цветка, представляет собой метафорическое образование, основанное на сходстве по форме лепестков цветка с сердцем и цветка в целом. Данный дериват соответствует слоту «форма», с **ПС** «объект – предикат – объект», **П** «объект, названный по форме органа» – *heartsease* ‘анютины глазки’ (*Heartsease makes a sweet Victorian posy.* – Из анютиных глазок делают милые букетики в Викторианском стиле. *True confessions and new cliches.* Lochhead, Liz. Edinburgh: Polygon Books).

ЛСВ 12 ‘Плодородие’ имеет один дериват, который является вторым значением слова *hearten 2* ‘удобрять’, относится к слоту «процессуальность», **ПС** «предикат – объект», **П** «действие названное по органу».

Выделение в структуре каждого субфрейма слотов, пропозициональных схем и пропозиций позволя-

ет проследить взаимодействие субфреймов общего фрейма ЛСГ с вершиной *heart*.

Субфрейм 1 подразделяется на слоты «функциональное», «болезнь» и «качество»; субфрейм 2 имеет только слот «болезнь»; субфрейм 3 – слоты «болезнь», «качество» и «эмоциональное состояние»; субфрейм 5 выражен в слоте «эмоциональное состояние»; внутри субфрейма 7 можно выделить такие слоты, как «функциональное», «отношение» и «месторасположение»; субфрейм 10 имеет слот «форма», а субфрейм 12 – слот «процессуальность». Как можно увидеть, субфреймы 10 и 12 не связаны на уровне слотов ни с одним другим субфреймом, субфреймы 1, 2 и 3 связаны между собой посредством слота «болезнь», общий слот «эмоциональное состояние» имеют субфреймы 3 и 5, посредством слота «функциональное» связаны субфреймы 1 и 7, а через слот «качество» – субфреймы 1 и 3.

Связь субфреймов и слотов наблюдается на уровне пропозициональных схем следующим образом: **ПС** «процесс – предикат – объект» соединяет слоты «функциональное» (субфрейм 1), «болезнь» (субфрейм 1 и 3), «эмоциональное состояние» (субфрейм 3) и «отношение» (субфрейм 7); **ПС** «объект – предикат – объект» связывает слоты «функциональное» (субфрейм 7), «эмоциональное состояние» (субфрейм 3), «месторасположение» (субфрейм 7) и «форма» (субфрейм 10); **ПС** «признак – предикат – объект» объединяет слоты «качество» (субфреймы 1 и 3) и «эмоциональное состояние» (субфрейм 3); **ПС** «субъект – предикат – объект» – слоты «качество» и «эмоциональное состояние» (субфрейм 3); **ПС** «предикат – объект» – слоты «эмоциональное состояние» (субфрейм 5) и «процессуальность» (субфрейм 12).

Объединение различных субфреймов одного фрейма может происходить посредством полисемичных дериватов. Посредством полисеманта *hearten* (*hearten 1* ‘подбодрять’, *hearten 2* ‘удобрять’) связываются субфреймы 5 и 12, а дериват *heartly* (*heartly 1* ‘искренний, дружелюбный’, *heartly 2* ‘громкий и веселый’, *heartly 3* ‘обильный’, *heartly 4* ‘сильный и здоровый’) связывает субфреймы 1 и 3.

Несмотря на очевидную связь субфреймов между собой, они также имеют и свои особенности. Например, особенностью субфрейма 2 является **ПС** «процесс – предикат – место». Специфику субфрейма 3 составляют **ПС** «качество – предикат – объект», «качество – предикат – признак» и «признак – предикат – качество». В субфрейме 7 отсутствуют отличительные **ПС**, зато имеются присущие только ему слоты «отношение» и «месторасположение». Субфрейм 10 отличается слотом «форма», а субфрейм 12 – слотом «процессуальность». У субфреймов 1 и 5 отличительных особенностей нами обнаружено не было.

Таким образом, в статье продемонстрирована организация лексико-словообразовательного гнезда по типу фрейм-структуры. Связь дериватов ЛСГ наблюдается как на глубинном уровне (слоты, пропозициональные структуры, пропозиции), так и на поверхностном уровне (лексико-словообразовательные значения).

Литература

1. Дейк, ван Т. А. Фреймы знаний и понимание речевых актов [пер. с англ. М. А. Дмитриевой] / Т. А. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ. – М., 1989.
2. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
3. Евсеева, И. В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы / И. В. Евсеева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4 (16).
4. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М.: Диалог, МГУ, 1998.
5. Минский, М. Фреймы для представления знаний [пер с англ. О. Н. Гринбаума]; под ред. Ф. М. Кулакова / М. Минский. – М.: Энергия, 1979.
6. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
7. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999.
8. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

Информация об авторе:

Пономарева Екатерина Александровна – ассистентка кафедры педагогики и психологии Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет», 8(39145)41154, kolokolnikova88@mail.ru.

Ponomareva Ekaterina Aleksandrovna – assistant lecturer at the Department of Pedagogics and Psychology of Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of Siberian Federal University.

УДК 81- 114.2

СИСТЕМА АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА

А. В. Проскурина

THE SYSTEM OF WORD FORMATION TYPE ANTHROPOCENTRIC ORGANIZATION

A. V. Proskurina

Статья посвящена рассмотрению пропозиционально-семантической организации словообразовательного типа с позиций языковой антропоцентричности.

The article is devoted to the study of word formation type propositional and semantic organization of from the point of language anthropocentricity.

Ключевые слова: словообразовательный тип, антропомоделирование, культура, диалектоносители, ценностная картина мира, русские народные говоры.

Keywords: word formation type, anthropomodeling, culture, dialect speakers, value picture of the world, Russian native dialects.

В рамках современной лингвистики, ориентированной на изучение языка в координатах человека и культуры, особую актуальность приобретает решение вопросов об антропоцентрической организации языковой системы. Это в значительной степени объясняет смену главной научной парадигмы в сторону антропоцентризма. Язык, будучи семиотической реальностью, представляет собой антропоцентрическое пространство, которое, с одной стороны, формируется и функционирует в недрах культуры и, с другой стороны, направлено на человека в рамках всей его когнитивной деятельности. Язык уже не мыслится без участия субъекта, вне его познавательной, интерпретивно-оценочной деятельности. В качестве исходного положения антропоцентрической парадигмы выступает положение о многоаспектной представленности человека и его деятельности в языке.

В антропоцентрическом пространстве языка репрезентирован ментальный мир человека, система его ценностей и ориентиров в их культурной обусловленности. Сам человек предстаёт в роли субъекта познания и культуры, в сознании которого происходит концептуализация и категоризация окружающего его мира, т. е. «осуществляется отбор, формирование и конфигурирование знаний» [9, с. 73]. Иными словами, всё многообразие окружающей действительности преломляется в сознании человека в результате интерпретивно-оценочной деятельности в силу присущих ему возможностей восприятия, системы знаний, воззрений и мнений, индивидуального культурного опыта. Поэтому в сознании формируется целостная классификационная система, позволяющая осмысливать мир во всем его многообразии и получающая отражение посредством языкового кодирования: «Язык выявляет, объективирует то, как

увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлён и категоризован сознанием» [6, с. 37 – 38]; «язык одному ему присущими способами ведёт мысль по пути анализа мира и его оценки» [10, с. 26]; «национальный язык в потенции – как бы “заместитель” русской культуры» [7, с. 6].

Процесс языковой репрезентации мысли, демонстрирующий взаимодействие языка и человека, прежде всего оказывается сопряженным с культурным освоением мира. «Сама функция культурного освоения мира подразумевает придание ему системности» [8, с. 498] за счёт надления его фрагментов ценностной значимостью. Приобретая культурную маркированность, содержательная сторона языка в целом и его отдельных единиц в частности актуализирует свою знаковую природу, становится способной аккумулировать человеческий опыт, связанный с адаптацией в реальной действительности.

Семантическая информация, кодируемая разнородными языковыми единицами, отражает организацию человеческого бытия и типизированные модели взаимодействия людей с окружающим миром, утверждая «экзистенцию в действительности отдельных тел, лиц, их атрибутов» [6, с. 22]. Результатом такого «диалога», происходящего в пространстве культуры, можно считать «смысловую сеть языка, сотканную им из тех значений, которые пронизывают собою разные его уровни» [11, с. 434], в том числе и словообразовательный уровень.

Словообразование русского языка имеет достаточно сложную системную организацию. Занимая межуровневое положение в языке, оно имеет свой предмет исследования – производные единицы, образование которых происходит в границах словообразовательных типов, характеризующихся типизированным и вместе с тем специфичным для каждого типа пропозиционально-семантическим устройством [1]. О сложности системных отношений в словообразовании писал Н. В. Крушевский: «Всё, что известно в грамматике под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выделяющихся в невообразимой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении» [5, с. 181]. В. фон Гумбольдт рассматривал словарный состав как постоянно развивающийся и вновь воспроизводящий продукт – словообразовательную потенцию, «прежде всего в той своей основе, которой язык обязан своей формой» [4, с. 112]. В своём стремлении обозначить связь именуемых явлений, которые в природе никак не связаны между собой, человек обнаруживает эту связь через соотношение мотивирующих и мотивированных слов.

Именно словообразование «позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного предмета действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [3, с. 9]. Открывая возможности для концептуальной интерпретации действительности, словообразовательный уровень языка воплощает в своих единицах (как в простых, так и в комплексных) способы, с помощью ко-

торых перерабатывает, хранит и транслирует культурно значимую информацию. Эта информация, организуя содержательный план языковых единиц, имеет антропоцентрическую направленность, поскольку включает знания о правилах жизнеустройства и поведения людей, о том, чему они придают значимость для самих себя и своего существования.

В связи с этим в границах внутреннего устройства словообразовательной системы возникает необходимость антропомоделирования, т. е. построения модели жизнедеятельности человека в различных аспектах, отражающей его роли в культурно значимых ситуациях, ценностные ориентации и особенности мировидения, посредством анализа плана содержания деривационных единиц. Имеется в виду моделирование того, как, в каких ракурсах репрезентирован образ человека и связанные с ним реалии, его место в мире и формы бытия.

Поскольку «в словообразовательном акте, так же, как и в оценочном суждении, совершается тот же процесс мыслительной операции и устанавливаются те же причинно-следственные связи между явлениями действительности, как и в любом оценочном высказывании: здесь происходит то же сопоставление и так же даётся логическая квалификация и оценка явлений, подлежащих словообразовательному детерминированию, как и в предикативных конструкциях» [3, с. 8], то целесообразно рассматривать пропозиционально-семантическую организацию СТ «Основа существительного + -ин(а)» как пропозициональную сеть лексико-словообразовательных значений. Лексико-словообразовательные значения (ЛСЗ), объединяясь в рамках словообразовательно-пропозиционального значения (СПЗ), «внося в него наибольшее разнообразие» [2, с. 13], несут разную информативную нагрузку и позволяют реконструировать ценностную картину мира диалектоносителей, ядерное место в которой занимает человек и все реалии, связанные с его образом жизни.

Зафиксированные в границах рассматриваемого словообразовательного типа «Осн. сущ. + -ин(а)» 23 СПЗ («Артефакт – средство по функционально значимому объекту назначения», «Артефакт – средство по функционально значимому результату», «Артефакт – средство по функционально значимому месту», «Артефакт – средство, характеризующееся через внешние свойства другого объекта», «Артефакт – результат по средству изготовления», «Артефакт – результат по функционально значимому объекту», «Артефакт – результат по функционально значимому месту», «Артефакт – результат по функционально значимому времени», «Артефакт – место по функционально значимому времени», «Артефакт – место по функционально значимому объекту», «Артефакт – место по функционально значимому месту», «Артефакт – часть по целому», «Натурфакт – место по объекту», «Натурфакт – результат по объекту», «Натурфакт – часть по целому», «Натурфакт – объект по времени», «Натурфакт – объект, характеризующийся через внешние свойства другого объекта», «Натурфакт – объект, характеризующийся через другой объект», «Натурфакт – целое по части», «Лицо по объекту» и др.)

демонстрируют аспекты, в которых эксплицитно или имплицитно репрезентирован человек в системе его взаимоотношений с миром (с артефактами, натурфактами). В сознании диалектоносителей, живущих в определенном культурном пространстве (пространстве бытования русских народных говоров), человек выступает прежде всего как субъект или объект деятельности и представитель культурного сообщества. Он, находясь в «диалоге» с предметами, являющимися социально или биологически значимыми для него, оказывается участником культурно обусловленных ситуаций. Набор этих ситуаций вскрывается через анализ ЛСЗ, которые следует рассматривать как результат тематического освоения мира субъектами культуры. Каждое ЛСЗ в контексте системной организации СТ способно аккумулировать информацию о некой последовательности ситуаций. Так, в рамках СПЗ «*Артефакт – результат по функционально значимому средству*», занимающего ядерное положение в пропозиционально-семантической организации СТ «Осн.сущ. + -ин(а)», объединяются ЛСЗ, которые показывают человека в аспекте его деятельной природы, т. е. в смысловой структуре дериватов актуализируется способность человека добывать, производить, изготавливать что-либо необходимое в повседневной жизни: ЛСЗ «Суп по ингредиенту» – ситуация приготовления супа, похлебки (*гороховина* – гороховый суп. – «В голодные годы мы все гороховину ели» (Карел.)); ЛСЗ «Кушанье по ингредиенту» – ситуация приготовления кушанья (*желудятинна* – кушанье, приготовленное из желудка убитой свиньи, начиненное мясом. – «Вырезают желудки у поросёнка, вываривают, катают в снегу. Только в горячей воде мыть нельзя, а то порвётся» (Смол.)); ЛСЗ «Одежда, обувь по материалу изготовления» – ситуация пошива, изготовления одежды, обуви (*сукманина* – верхняя одежда, сшитая из сукна. – «Весь разоделся в сукманину и отправился соболетничать. Сукманина серая, так дразнили раньше солдат (Забайкал.); *телятина* – шуба из телячьей шкуры (Яросл.); *кошмовина* – сапоги из кошмы, которые носили с галошами. – «Их носили с галошами» (Сверд.); ЛСЗ «Предметы быта по материалу изготовления» – ситуация изготовления предметов быта (*берестина* – берестяная посуда. – «Лук солили в берестине» (Приамур.); *берестина* – черпак пчеловода, роялка. – «Берестина – черпачок, роялка» (Алт.); *лоскутина* – половик, сотканный из обрезков ткани на ставе. – «*Лоскутина* – это с лоскутов наткали» (Карел.)); ЛСЗ «Помещение по материалу строения» – ситуация строительства жилого помещения (*мшевина* – изба, проконопаченная мхом (Перм., Урал.)); ЛСЗ «Получение мяса, шкуры, шерсти животного и птицы» – убой животных и птицы с целью получения мяса, шкуры, шерсти (*баранина* – баранье мясо. – «Баранину спякали вкусно, и так кушать, и в суп бросать. У нас баранины было много» (Пск.); *барсучина* – шкура барсука (Перм.); *коровина* – коровья шерсть (Нижегород., Волог.); ЛСЗ «Отходы от чего-либо» – ситуация обмолатки зерна (*колосина* – отходы после обмолаченного зерна, мякина. – «Колосину-то скотине кормим. Колосину домой принесёшь, она с зёрнышками, колосину-то курицы выгребут» (Карел.)).

Перечисленные культурно значимые ситуации оказываются сопряженными с ситуациями, получающими актуализацию в смысловой структуре дериватов с иными СПЗ, обнаруживающими взаимодействие человека с определёнными объектами, реалиями, средствами в конкретном времени и в пространстве. Для обеспечения своей жизнедеятельности он оказывается участником ситуаций, имеющих прагматическую значимость. Так, человек, приготовив напитки, нуждается в их хранении, поэтому значимой становится ситуация хранения напитков в специальной посуде (*бражина* – глиняный кувшин или кадочка для хранения браги. – Уж больно хороша была братина, разбил её внук. Братину возьми у соседа; братины нету и браги нету» (Мордов.)) (СПЗ «*Артефакт – средство по объекту назначения*»). Чтобы получить мясо, шкуру, шерсть, молоко животных, ему нужно ухаживать за ними в домашних условиях (*кобылина* – приспособление для ковки лошадей. – «Как кобылу подковать, кобылину надо брать» (Прибайк.). (СПЗ «*Артефакт – средство по объекту назначения*»); *поскотина* – изгородь. – «Они сегодня городят поскотину» (Ср. Урал.), «Надо поскотину городить, изломалась» (Яросл.) (СПЗ «*Артефакт – средство по объекту назначения*»); *зимнина* – помещение, в котором зимовали домашние животные. – «Скот зимой в зимнину переводили» (Смол.) (СПЗ «*Артефакт – место по функционально значимому времени*»); *веснина* – шерсть весенней стрижки (Заурал., Карел., Кемер., Краснояр., Перм., Пск., Пребайкл., Сиб., Смол., Среднеоб., Tobol., Том., Урал., Челябин.) (СПЗ «*Артефакт – результат по функционально значимому времени*»). Наряду с животными (домашними и дикими), птицами, рыбами диалектоноситель взаимодействует с объектами растительного мира, которые выращивает сам или собирает в дикой природе, выполняя роли добытчика, земледельца, производителя каких-либо изделий (*клёпина* – низкое прочное дерево, идущее на изготовление выпуклых дощечек – клёпок (Иркут., Нвсб.); *колосовина2* – ряд жердей, на которых укладывают снопы для просушки, колосники. – «Вырыли яму, делали печку, рядом делали настил из жердей. На эту колосовину клали снопы и сушили» (Смол.); *клёпина* – низкое прочное дерево, идущее на изготовление выпуклых дощечек – клёпок (Иркут., Нвсб.) (СПЗ «*Артефакт – средство по объекту назначения*»); *елошина* – дрова из ольхи. – «Привезли одной елошины» (Яросл.); *лозина* – ручка из лозы на рукоятке косы. – «Лозина – маленькая ручка из лозы, привязывали к пупку» (Нвсб.); *мшевина* – изба, проконопаченная мхом (Перм., Урал.) (СПЗ «*Артефакт – результат по функционально значимому средству*»); *болотина* – сено с заболоченного места (низкого качества). – «Когда делаешь копну, мелко сено в середину складываешь, а болотину-то по бокам и сверху» (Арх., Ср. Урал.); *садовина* – фрукты, плоды (Брян., Волог., Курск., Свердл.) (СПЗ «*Артефакт – результат по функционально значимому месту*»); *ржанина* – поле, засеянное рожью (Пск., Твер.) (СПЗ «*Артефакт – место по функционально значимому объекту*»); *зимнина* – сорт поздних фруктов и бахчевых. – «Зимнина – это длинная слива, стоит до самых морозов. Зимнина

– дыня, сверху шкурка зелёная» (Дон.) (СПЗ «*Артефакт – результат по функционально значимому времени*») и др.).

Обозначенные выше ситуации имплицитно подразумевают в своём развёртывании наличие темпорального компонента, определяющего остальных участников. Конкретный временной отрезок – те рамки, которые естественным образом ограничивают деятельность людей и влияют на её результаты. Поэтому для актантного распространителя «*результат*» особую значимость приобретает актантный распространитель «*время*», его обуславливающий. Отношения зависимости между этими актантами устанавливаются в пределах СПЗ «*Артефакт – результат по функционально значимому времени*», возникшего на основе пропозиции результат – действие – время. В смысловой структуре дериватов этого СПЗ темпоральный компонент оказывается эксплицитным и способствует актуализации следующих ЛСЗ.

ЛСЗ «Шерсть животного по времени стрижки» отражает культурно значимую ситуацию стрижки шерсти в определённое время года (*веснина* – овечья шерсть весенней стрижки (Карел., Кемер., Ср. Урал.), *летнина* – овечья шерсть летней стрижки (Забайкал., Карел., Краснояр., Нвсб., Перм., Том.), *осенина* – шерсть осенней стрижки (Арх., Дон., Карел., Краснояр., Новг., Смол., Среднеоб., Твер., Том.), *зимнина* – овечья шерсть зимней стрижки (Влад., Моск., Костром., Перм., Ср. Приоб., Ср. Урал., Ярослав.); ЛСЗ «Сено по времени косыбы» – ситуацию косыбы сена в определённое время (*меженина* – сено, скошенное в начале лета (Пск., Смол.); ЛСЗ «Сорт овощей, фруктов по времени произрастания» – ситуацию произрастания овощей, фруктов в определённое время (*зимнина* – сорт поздних фруктов и бахчевых (Дон.); ЛСЗ «Пшеница по времени сева» – ситуацию посева пшеницы в определённое время (*веснина* – яровая пшеница (Смол.); ЛСЗ «Рыба по времени улова» – ситуацию ловли рыбы в определённое время (*веснина* – снетки весеннего улова (Пск.); ЛСЗ «Ягода по времени сбора» – ситуацию сбора ягоды в определённое время года (*веснина* (Смол.); ЛСЗ «Шкура животного по времени его убоя» – ситуацию снятия шкуры животного, заколотого в определённое время (*меженина* – овчина от овцы, заколотой в июле (в конце петровского поста) (Нижегор.), *летнина* – овчина, снятая с овец летнего убоя (Яросл.); ЛСЗ «Молоко по времени хранения» – ситуацию хранения молока в течение определённого времени (*зимнина* – молоко, собранное и замороженное для длительного хранения в зимнее время (Смол.); ЛСЗ «Костер по времени образования» – ситуацию разведения костра в определённое время года (*купалина* – костёр (Смол.)).

Выражаемый производной лексикой смысл «*результат*», прогнозируемый смыслом «*время*», расчленяется девятью ЛСЗ, по причине чего СПЗ обретает смысловую ёмкость, позволяющую ему наряду с ситуацией функционального плана (какой-либо вид деятельности людей) отражать в имплицитном виде и ситуацию характеризующего плана (наделённость времени свойствами). Актуализация аспекта «время как фактор, обуславливающий деятельность челове-

ка» мотивирующей семантики в смысловой структуре производных единиц предполагает его зависимость от аспекта «время как обладатель определённых свойств» (погодные условия – тепло, холодно, дождь, снег и др.). Это приводит к реализации в смысловой структуре дериватов пропозиции результат – действие – время вместе с пропозицией характеристики, тяготеющей к импликации, но выводимой из оценочных суждений (контекстов), например: *веснина* – овечья шерсть весенней стрижки. – *Веснина* – плохая шерсть: весной скот худой – и шерсть худая, она выпадает как пух (Перм.); *Когда как стригут, так и называют: осенина, летнина, веснина, зимнина. А зимнина да веснина на валенки, она мягка да тепла* (Арх.); *веснина* – шерсть, снятая с молодого ягнёнка весной. – *Веснину снимают только с ягюшек весной, длинная шерсть* (Красн.); *летнина* – овечья шерсть летней стрижки. – *Летнина лучше веснины. Летом она жирная бывает* (Том.); *Летнину-то стригут в августе, позднее нельзя: холодно овце* (Красн.); *летина – то же, что летнина. – А летина уж короткая шерсть, с неё пимы катают* (Нвсб.); *осенина* – овечья шерсть осенней стрижки. – *Овечек стригут осенью, будет осенина. Больше летом стригут овец, осенью реже берут, чтоб в зиму овце холодно не было* (Красн.); *зимнина* – овечья шерсть зимней стрижки. – *Декабрь, в нём уж зимнину снимают, зимнина идёт на вязку; она уже не идёт на кату: в ей мало клеюто, серы-то. Зимой состригёшь овечку – одни хохлы, плохая шерсть, вся в хохлах; зимнина не катается, плохо бежит, а литвину катают* (Перм.); *зимнина* – зимняя шерсть с овечки. *Шерсть зимнина – в пост стригут её. Зимнина – плоха шерсть, идёт на рукавицы; летнина – лучшие* (Кем., Том)).

Рассмотрение пропозиционально-семантической организации словообразовательного типа сквозь призму антропомоделирования позволяет выявить и описать многоаспектный образ человека, представленный гаммой реальных и потенциальных смыслов, которые раскрывают его вписанность во взаимосвязанные семиосферы культурного пространства («животные (домашние, дикие), рыбы», «растения (сельскохозяйственные, лесные, полевые)», «предметы быта», «предметы быта, приспособления, постройки», «приспособления быта», «одежда», «пища, продукты питания», «темпоральные данные», «естественное пространство», «водное пространство», «части тела животного, человека», «явления природы», «природные объекты», «параметрические данные»). Каждому смыслу «объект», «время», «место», «результат», «средство», получающему реализацию в смысловой структуре дериватов, соответствует определённый актантный распространитель, актуализирующий на уровне семантики производного предикативно связанные имена предметов и явлений сельской культуры. Область денотативной соотнесенности антропоориентированных имен артефактов и натурфактов имеет четкую пропозициональную оформленность: средство – предикат – объект (функционально значимый), средство – предикат – результат (функционально значимый), средство – предикат – место (функционально значимое), средство – предикат –

объект (сравнение), объект – предикат – объект (сравнение), результат – предикат – средство (функционально значимое), результат – предикат – место (функционально значимое), результат – предикат – объект (функционально значимый), место – предикат – объект (функционально значимый), место – предикат – время (функционально значимое), результат – предикат – время (функционально значимое), результат – предикат – признак (функционально значимый), объект – предикат – место (характеризующего

типа), место – предикат – объект (характеризующего типа) и др.

Пропозициональный анализ семантики производных с -ин(а) обнаруживает особенности мировидения и мыслительной деятельности диалектоносителей, её культурную обусловленность, даёт возможность охарактеризовать ценностную картину мира жителей разных географических районов (территорий), в которой центральное место занимает человек как активно действующий субъект, познающий и осваивающий окружающую действительность.

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема: суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров) / Л. А. Араева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – 223 с.
2. Араева, Л. А. Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования / Л. А. Араева // Лингвистика как форма жизни: сб. науч. тр., посвящ. юбилею Л. А. Араевой. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002.
3. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 1998. – 236 с.
4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 2001.
5. Крушевский, Н. В. Избранные работы по языкознанию / Н. В. Крушевский. – М.: Наследие, 1998. – 294 с.
6. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 327 с.
7. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1993. – Т. 52. – № 1.
8. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
9. Магировская, О. В. Система антропоцентрической организации языка / О. В. Магировская // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – Т. 6. – Вып. 2.
10. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
11. Шведова, Н. Ю. Русский язык: избранные работы / Н. Ю. Шведова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

Информация об авторе:

Проскурина Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, proscurina@yandex.ru.

Proscurina Anastasia Victorovna – Candidate of Philology, senior lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 81'41

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРА СКАЗКИ

Л. П. Прохорова

COGNITIVE MECHANISM OF FAIRY TALE GENRE EVOLUTION

L. P. Prokhorova

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой описания жанра с позиций когнитивного подхода. Анализируется модель взаимодействия первичных и вторичных жанров на примере фольклорной и литературной сказок. В работе предлагается анализ понятия «антисказка» как жанровой модификации прототипического жанра сказки.

The paper takes cognitive approach to genre studies to look at how fairy tale genre modifications complement each other as traditional and innovative signs of genre evolution. The paper also focuses on the notion of “anti-tale” and its classification.

Ключевые слова: жанр, когнитивная модель, прототип, интертекстуальный фрейм, литературная сказка, антисказка.

Keywords: genre, cognitive model, prototype, intertextual frame, literary fairy tale, anti-tale.

Изучение произведений любого типа с точки зрения их жанровой принадлежности подразумевает поиск в некоем множестве текстов определённого общего правила их построения. В литературоведении жанр трактуется как относительно устойчивая типическая форма построения целого, включающая такие аспекты, как семантический, синтаксический и словесный, т. е., другими словами, содержание, структуру, стиль. М. М. Бахтин обращал особое внимание на существование первичных (простых) и вторичных (сложных) жанров. Характеризуя последние, он отмечал, что сложные жанры – проявления преимущественно письменного дискурса, условием их возникновения является высокоразвитое культурное общение. Вторичные жанры могут включать в себя различные первичные жанры, трансформируя их в процессе своего формирования. Ц. Тодоров видел различие между простыми и сложными жанрами в следующем: «первые характеризуются наличием или отсутствием одной единственной структурной характеристики, вторые – наличием или отсутствием совокупности этих характеристик» [9, с. 21].

Решение проблемы описания жанров может быть более продуктивным с использованием методов когнитивной модели понимания текста, которая делает акцент на том, каким образом подбираются элементы, как пользуется ими человек для выражения того или иного смысла, в каком контексте они употребляются и какую роль эти элементы играют в структуре. «Когнитивные принципы организации информации связаны также с большей или меньшей степенью приверженности текста к его прототипическому образцу» [5, с. 79]. Необходимость ориентации на текстовый прототип обусловлена, прежде всего, фактором адресата, конвенциональной природой жанров, принятых в данной социокультурной языковой общности. В рамках когнитивного подхода жанр трактуется как концепт, инвариант, функционирующий в культуре и представляющий собой «совокупность смыслов, фиксированных в сознании человека, в его долговременной памяти, причем часть концептуальной информации имеет способы языкового выражения, другая часть этой информации представляется принципиально иным образом – ментальными презентациями» [10, с. 4].

Прототипический подход к явлениям категоризации, к понятию как к структуре во многом разъясняет модель взаимодействия первичных и вторичных жанров. Одна из концепций прототипического подхода восходит к трудам Э. Рош по когнитивной психологии [18, с. 27 – 48] и связана с понятием «прототип», который определяется двояко: с одной стороны, как единица, проявляющая в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы и, с другой стороны, как единица, реализующая эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [4, с. 140]. Дж. Тейлор предлагает применять этот термин для обозначения одного

или группы центральных членов категории. Прототип, в его трактовке, является схематической репрезентацией концептуального ядра категории [20].

Применительно к теории жанров, прототипом будет наиболее репрезентативный текст, демонстрирующий типичные черты, характерные для текстов определённого жанра. Следовательно, одни тексты можно рассматривать как более типичные представители жанра – прототипичные, а другие как менее типичные – периферийные. Е. А. Юрковская предлагает следующее определение жанра как категории, с позиций когнитивистики: «жанр рассматривается как когнитивная модель, схематическая репрезентация наиболее типичных черт, присущих текстам данного жанра» [12, с. 141]. Говоря о проявлениях прототипичности, Дж. Лакофф, в частности, отмечал, что центральные члены категории (более близкие к прототипу, чем остальные) проявляют иные когнитивные характеристики, чем нецентральные: быстрее опознаются, быстрее усваиваются, чаще употребляются, ускоряют решение задач, связанных с идентификацией, а также используются в логическом вычислении того, что является референтом для имени, – словом, используемым для понимания категории в целом [15, с. 32].

Экстраполируя данное наблюдение, например, на жанр литературной сказки, предположим, что референтом для имени жанра стала сказка фольклорная, понимаемая нами как прототип. Являются ли народная и литературная сказки модификациями одного жанра или двумя самостоятельными жанрами – вопрос спорный. Основанием для разногласий, вероятно, выступает тот факт, что в пространстве культуры под общим именем сосуществуют два уникальных явления – одно продукт устного народного творчества, другое – возникшее на основе первого, произведение авторское, имеющее конкретное творца.

Этот процесс может быть представлен наглядно при помощи теории семиотических рядов. Суть теории заключается в том, что нечто новое, будь то материальный предмет или культурное явление, занимает в общественном сознании место старого предмета или явления, принимая его функцию. Как правило, при замещении происходит перенос формы и облика исходного объекта на новый объект. Таким образом, форма обозначает предмет, выступает знаком занятого места, функции или назначения. Имя жанра сохранилось и закрепилось в культуре благодаря тому, что перенесённая форма характеризуется устойчивостью моделей и относительной простотой в запоминании, воспроизведении и восприятии. Прототипическую модель жанра сказки составляют структуры различного уровня: композиционного (начальные и финальные формулы, троекратные повторы); сюжетного (сюжетные функции, персонажная схема); языкового, в частности, синтаксического уровня, обеспечивающие восприятие письменного текста как устного рассказа.

В тексте литературной сказки эти элементы становятся интертекстуальными фреймами, участвующими в процессе восприятия и интерпретации текста посредством соотнесения их с ментальной репрезентацией жанра и обеспечивающими прочтение текста по его законам.

Типичные структурные характеристики сказки, относящиеся к любому из уровней (содержания, формы или стиля), будучи внесёнными и / или трансформированными в новом жанре, легко распознаются реципиентом. Именно они, в разных количествах и вариациях, присутствуя в текстах литературных сказок, выступают в роли элемента, заменяющего в сознании целую категорию, каковой является жанр народной сказки. Так, в сказке всегда действует закон троичности. Число «три» с древних времён имеет особое, магическое значение. Все важные события случаются три раза, герою, как правило, нужно выполнить три задания, каждое из которых сложнее предыдущего. Этот приём позволяет держать слушателя/читателя в напряжении, с одной стороны, а с другой стороны, играет немаловажную роль в композиционном построении сказки, придавая ей стройность, строгость. Закон троичности обусловил наличие типичных формул синтаксического уровня: многосоюзие, повторы, параллельные конструкции.

Роль основного сюжетообразующего фактора в сказке играет чудо. Элементы чудесного выполняют три важные функции в произведении. Наличие трёх функций не случайно, оно базируется на общем семиотическом постулате о наличии у знака трёх функций: прагматической – отношение между знаками и их пользователями; синтаксической – отношение между самими знаками; и семантической – отношение знаков с их референтами. Соответственно, прагматическая функция чудесного заключается в особом воздействии на слушателя (в условиях литературного дискурса – на читателя), возбуждая в нём удивление или любопытство. Элементы чудесного выполняют синтаксическую функцию, являясь составной частью нарративной схемы. И наконец, чудо позволяет дать описание универсума чудесного, «который не имеет поэтому реальности вне языка; описание и предмет описания имеют общую природу... это своего рода самообозначение» [9, с. 80]. Согласимся с наблюдением Ц. Тодорова о том, что в произведениях жанра чудесного, каковым является волшебная сказка, сверхъестественные элементы не вызывают никакой особой реакции ни со стороны героев, ни со стороны имплицитного читателя (имеется в виду функция читателя, заложенная в тексте). В связи с последней оговоркой, можно высказать предположение о том, что имплицитно представленные в литературных текстах функции рассказчика и читателя восходят к устной традиции, когда рассказчик и слушатель находились в непосредственном контакте, активно воздействуя друг на друга.

Для представления процесса ментальной репрезентации знания о сущности того или иного жанра, которым оперирует среднестатистическая языковая личность, следует применить такие когнитивные понятия как фрейм, сценарий, схема, которые зачастую используются как взаимозаменяемые понятия. Под

фреймом понимается структура данных, хранимых в памяти человека для представления стереотипных ситуаций, конкретизирующая, в частности, что является для данной культуры характерным и типичным. В. А. Миловидов под фреймом предлагает подразумевать, например, макрожанровые ожидания читателя [6]. Применительно к вышеупомянутому нами жанру, они будут выражаться в том, что, приступая к чтению сборника сказок, читатель ожидает увидеть несложные по стилю развлекательные истории с установкой на вымысел. В более узком смысле [13, с. 7], фреймы представляют собой базисные элементы, которые исследователь в состоянии идентифицировать в рамках ситуаций.

Сценарий формируется в процессе интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста образуют тематические структуры. К уровням сценарной структуры, по М. Минскому, относится, в частности, фрейм повествования – базовые формы типичных рассказов, включающие представления о способах переключения фокуса внимания, о главных героях, о формах сюжета, о развитии действия [16, с. 1 – 25]. Соответственно, сценарием можно считать систему «сюжетно-композиционных», стилевых ожиданий читателя: читая волшебную сказку, где главными героями являются падчерица, принц, мачеха и её дочь, он ориентируется на её основные морфологические особенности и воспринимает новое произведение в их контексте, справедливо ожидая, что принц женится на падчерице, а нерадивая дочь и злобная мачеха останутся ни с чем.

Наряду с терминами «фрейм» и «сценарий» для аналогичных понятий используется термин «схема», причём последний был введён Ф. Бартлеттом значительно раньше (в 1932 г.). У. Чейф определяет схему как «стереотипную модель, с помощью которой организуется опыт, и в более специфическом значении – модель, которая диктует способ расчленения определённого большого эпизода на меньшие» [11, с. 43]. Понятие схемы также употребляется при моделировании интерпретации текста. Соответственно, наряду с термином «фрейм повествования» применяется термин «нарративная схема», которая включает следующие категории: Краткое Содержание, Обстановка, Направленность, Осложнение, Развязка, Оценка и Кода [2]. Анализируя схему построения народных сказок американских индейцев Каддо, У. Чейф приходит к выводу, что, по сути, она является схемой визита, стереотипной модели поведения из повседневной жизни. Таким образом, мы можем предположить, что схемы построения бытовых фольклорных сказок соотносятся со схемами стереотипных ситуаций, взятых из окружающего мира.

В рамках концепции культурной лингвистики понятию схемы придаётся статус культурного феномена, с помощью которого поддерживается существование культуры [17, с. 59 – 63]. Следовательно, знание о том или ином жанре соотносится в культуре с определённой схемой, и на её основе мы категоризируем тексты по разным группам. В случае со сказкой народной эта схема включает устоявшиеся инициальные и финальные формулы, неопределённость хронологических и топографических формул, троичность, ступен-

чатость, сюжетные функции. Когда мы говорим о сказке литературной, то данный набор жанровых правил ассоциируется с интертекстуальными фреймами. Любой узнаваемый элемент текста сказки сопоставляется с информационным тезаурусом читателя, и, далее, читатель программирует возможный сценарий развития сюжета. Напр.: «Once upon a time...» – стереотипный сказочный зачин подразумевает:

- 1) описываемое событие происходит в неопределённую, не историческую эпоху;
- 2) описываемое событие нереально;
- 3) говорящий хочет рассказать вымышленную историю, сказку.

Следует отметить, что авторская сказка является составной частью литературного дискурса. Последний, по мнению Ж. Женетта, производится и развёртывается в соответствии со структурами, за рамки которых он не способен выйти лишь потому, что и сегодня находит их в сфере своего языка и письма [3]. Согласимся с Ц. Тодоровым, что принадлежность произведения к определённому жанру ничего не говорит о его смысле, а только позволяет констатировать существование определённого правила, под действие которого подпадает как это, так и многие другие произведения [9, с. 115]. Однако представление о жанре как о схеме не отрицает её динамичность. Любое произведение искусства изменяет совокупность имеющихся возможностей. Поскольку литературный текст – это не только результат заранее данной схемы, но и результат трансформации этой схемы. От степени трансформации зависит, приведут ли изменения, внесённые в схему, к выделению поджанра или созданию нового жанра.

В этой связи следует упомянуть особую жанровую модификацию, обозначаемую как «антисказка». Термин был введён в научный обиход Андре Жолле на немецком языке как *Antimarchen* в работе «*Einfache Formen*» («Простые формы») в 1929 году и был использован для обозначения сказок, имеющих трагический или печальный конец, в отличие от ожидаемого по законам жанра счастливого конца [14].

Семантика антисказки ориентирована на память прототипического жанра, на общеизвестный сказочный код. Анти-характер новой жанровой модификации выражается в дискредитации авторитетной модели мира, ассоциируемой в сознании читателя с традиционной сказочной моделью. Художественная структура антисказки определяется особенностями архетипической модели, которая наполняется новым, диаметрально противоположным по смыслу содержанием, противоречащим образу идеального мира жанра-прототипа.

В рамках литературного дискурса термин «антисказка» может быть применён, на наш взгляд, по крайней мере, к двум типам данной жанровой модификации:

- 1) литературные сказки, имеющие трагический или печальный конец, в отличие от ожидаемого по жанровым канонам счастливого конца;
- 2) современные литературные переработки известных сказок (зачастую пародийного характера), тематика которых связана с актуальными проблемами

современного общества, эксплуатирующие традиционные нарративные схемы и сюжетные ходы.

В связи со сказанным выше, следует обратить внимание на ещё одно понятие – «память о жанре». Как атрибут субъекта дискурса, она представляет собой структуру-аттрактор. В процессе текстопостроения зарождающаяся жанровая форма есть калька со структуры-аттрактора, которая может в большей или меньшей степени ей соответствовать, а может и опровергать, вступать с ней в полемику. Последнее не отменяет связи отвергаемой формы с формой становящейся [6, с. 80].

Именно в этом месте, на наш взгляд, находится точка соприкосновения теории интертекстуальности и когнитивной науки. По мнению И. П. Смирнова, для первой большое значение имеют понятия «эпизодической» и «семантической» памяти. Эпизодическая память включает информацию, непосредственно приобретённую из окружающего мира, в процессе социальной деятельности, а семантическая память черпает информацию из усвоенных нами текстов. «Любой текст экстерииорирует как эпизодическую, так и семантическую память автора. Принадлежность текста к типу речи определяется тем, какому логическому отношению подчинены экстерииоризированные элементы семантической памяти. Мы вправе ввести понятие «память дискурса». Эпизодическое содержание памяти дискурса варьируется в различных текстах одного класса, тогда как семантическое содержание всех текстов данного класса упорядочивается инвариантно – в некоторой логической последовательности» [8, с. 126]. Принимая в целом данную концепцию, заметим, что более точным, на наш взгляд, был бы термин «дискурсивная память», поскольку, как уже говорилось выше, память – атрибут субъекта дискурса, а не самого дискурса.

В рамках дискурсивного анализа понятие «жанр» предлагается рассматривать в связи с понятием «дискурсивное сообщество», подразумевающим группу людей, которые осуществляют коммуникацию при помощи определённого количества типов или жанров дискурса. Жанр, по определению Дж. Суйлза [19], представляет собой класс дискурсов (как в узком, так и в широком смысле). «В широком смысле дискурс отражает общие особенности данного дискурсивного сообщества, особые условия коммуникации его конкретных участников. В узком смысле дискурс, входящий в тот или иной жанр, должен соответствовать прототипу данного жанра, то есть он должен являться конкретным воплощением инварианта, признанного дискурсивным сообществом» [7, с. 33].

Подводя итог сказанному, отметим, что рассмотрение жанра как когнитивной модели позволяет выйти на новый уровень понимания природы жанра и механизмов образования жанровых модификаций. Жанр присутствует в сознании языковой личности в виде концепта и представляет собой канал, через который мы воспринимаем мир. Подчеркнём также, что анализ способов трансформации прототипической модели жанра в жанре-реципиенте является наименее разработанным разделом в современной филологической науке.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк [пер. с англ.], сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
3. Женетт, Ж. Фигуры: работы по поэтике / Ж. Женетт: в 2 т. [пер. с фр.]; общ. ред. и вступ. ст. С. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 470 с.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
5. Лузина, Л. Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматический аспект / Л. Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 139 с.
6. Миловидов, В. А. Текст, контекст, интертекст / В. А. Миловидов. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1998. – 83 с.
7. Плотникова, С. Н. Неискренний дискурс / С. Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 244 с.
8. Смирнов, И. П. Порождение интертекста / И. П. Смирнов. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 190 с.
9. Тодоров, Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров [пер. с фр. Б. Наумова]. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
10. Тырыгина, В. А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. А. Тырыгина. – М., 2008. – 35 с.
11. Чейф, У. Память и вербализация прошлого опыта / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 12.
12. Юрковская, Е. А. О современных подходах к теории жанров / Е. А. Юрковская // Материалы II регионального науч. семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности. – Иркутск, 1999.
13. Goffman, E. Frame analysis: An essay on the organization of experience / E. Goffman. – New York: Academic Press, 1974. – 347 p.
14. Jolles, A. Einfache Formen: Legende, Sage, Mythe / A. Jolles. – Niemeyer, 1968. – 243 p.
15. Lakoff, G. Classifiers as a reflection of mind / G. Lakoff // Noun classes and categorization: Proc. of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983. – Amsterdam, 1986.
16. Minsky, M. A framework for representing knowledge / M. Minsky // Frame conceptions and text understanding. – B., 1980.
17. Palmer, G. Toward a Theory of Cultural Linguistics / G. Palmer. – Austin: University of Texas Press, 1996.
18. Rosh, E. N. Principles of Categorisation / E. N. Rosh, B. B. Lloyd // Cognition and Categorisation. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1978.
19. Swales, J. M. Genre Analysis. English in Academic and Research Settings / J. M. Swales. – Cambridge: CUP, 1990. – 245 p.
20. Taylor, J. R. Linguistic categorization. Prototypes in linguistic theory / J. R. Taylor. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 216 p.

Информация об авторе:

Прохорова Лариса Петровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, 8(3842)583497, larpro@rambler.ru.

Prokhorova Larissa Petrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Roman and Germanic Philology of KemSU.

УДК 811.161.1'42

ЖАНР УТЕШЕНИЕ И СРЕДСТВА ЕГО ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Т. Г. Рабенко

CONSOLATION GENRE AND THE MEANS OF ITS LANGUAGE IMPLEMENTATION

T. G. Rabenko

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12/14/42001а «Повседневная письменная русскоязычная культура Кузбасса: жанры речи».

В статье рассматриваются языковые средства, реализующие речевые тактики жанра утешение. Их использование предопределяется коммуникативной целью жанра и направлено на улучшение эмоционального состояния адресата.

The language means implementing the speech tactics of the consolation genre are described in this article. Their usage is predetermined by the genre's communicative purpose and is targeted at improving the recipient's emotional condition.

Ключевые слова: речевой жанр, речевая тактика, модель речевого высказывания, утешение, М. М. Бахтин.

Keywords: speech genre, speech tactics, consolation, M. M. Bakhtin, communicative policy.

Отмеченная антропоцентрической направленностью современная лингвистика помещает в центр исследовательского внимания проблему «язык и личность», в решении которой приоритетным становится пристальный интерес к продуктам речевой деятельности говорящего субъекта – речевым произведениям, как правило, жанровооформленным. Активно развивающееся в связи с этим жанроведческое направление, основанное на выделении речевого жанра (в дальнейшем РЖ) в качестве базовой единицы речи, обозначило ряд возможных аспектов исследования речеганровой организации [6, с. 88 – 89]. Данное исследование располагается в лоне речеведческого подхода, связанного с именем М. М. Бахтина [1, с. 159 – 160], определившего в свое время РЖ как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний», возникающие на базе некоего стереотипа речевого поведения. Основанный на определении РЖ как феномена речи, обозначенный аспект представляет РЖ как особую модель речевого высказывания, репрезентируемую комплексом жанрообразующих признаков, необходимых и достаточных для опознания, характеристики и конструирования РЖ.

В системе жанровых форм, направленных на гармонизацию межличностных отношений, особое место занимает РЖ утешение, особенно значимый для русского человека, ибо установлено, что русскому человеку искони свойственно сострадание к другим людям, душевность, «всемирная отзывчивость» [3, с. 58]. Полагаем, что обозначенный РЖ является одним из наиболее востребованных в русском коммуникативном поведении.

Утешение неразрывно связано с самим человеческим существованием, ибо человек с давних времен находил причины для эмоционального расстройства, от незначительных, не стоящих слез и огорчений, до самых внушительных, являющихся действительно горем. В своем стремлении облегчить страдание, забыть о неприятностях, успокоиться, человек, как правило, не одинок, так как в его переживании часто задействованы другие люди, сочувствующие его переживанию, утешающие его, стремящиеся отвлечь или, наоборот, игнорирующие переживание другого, отвергающие его. В итоге эмоциональные реакции окружающих людей оказываются действенным коммуникативным контекстом, «который вырастает во внутреннюю структуру индивидуального переживания и часто оказывается решающим для его течения и судьбы» (Ф. Е. Василюк).

Издавна привлекая внимание, феномен утешения становился объектом изучения различных отраслей научных знаний: философии, использующей в качестве средства утешения наставительную беседу (Цицерон, Сенека, Бозций и др.), психологии, стремящейся разобраться в проблемах человеческой души и ука-

зать пути их решения (Р. С. Немов и др.), богословия, которое призвано находить утешение в молитве (Игумен Евмений Перистый, Ф. Е. Василюк и др.), ряда областей лингвистики: риторики, речевого этикета (М. Ю. Федосюк, Н. И. Формановская), лексикографии (А. Г. Балакай) и др.

Цель предпринимаемого исследования – определить основные языковые (вербальные) средства реализации РЖ утешение. Источником фактологической базы являются произведения отечественной художественной литературы преимущественно XIX – XX вв. (всего около 500 контекстов).

Изучение лексикографического описания лексемы «утешение», являющейся номинацией избранного для анализа РЖ, позволяет определить его коммуникативную цель, связанную со стремлением принести кому-л. облегчение, успокоение, ослабить или устранить отрицательное эмоциональное состояние, в котором находится адресат [2]. Коммуникативная цель РЖ предполагает набор речевых тактик (РТ), то есть ряд языковых единиц, оптимальных для достижения цели коммуникации. Утешение, являясь, по мысли М. Ю. Федосюка [5, с. 73 – 75], комплексным РЖ, содержит в своей структуре, с одной стороны, явное или косвенное побуждение, призывающее адресата не переживать, и, с другой стороны, – аргументированное сообщение, обосновывающее это побуждение и составляющее по своей сути РТ. Обозначим языковые средства репрезентации РТ.

РТ «Со временем все наладится» реализуется за счет а) группы глаголов с общей семантикой благополучного исхода события: «наладится», «образуется», «обойдется»: *Не отчаивайся... все обойдется. Он сейчас уедет, она опять тебя полюбит (утирает ему слезы). Будет (Чехов, Чайка)*, а также синтаксических конструкций с подобным значением: «всё ... будет хорошо, о'кей, в порядке, (идет) к лучшему и т. п.»: *Полно, Кузьма, подбодрись. Рана очистилась, подживает, все идет к лучшему. Теперь не о смерти, а о жизни говорить следует (Гаршин, Трус)*, «всё (это) минет, пройдет» и т. д.: *– Юлька, родная! – Павел бросился к ней, стал греть ее озябшие руки. – Ты только не бойся, ты не расстраивайся: вот увидишь, это пройдет (Катасонова, Кому нужна синяя птица)*. См также устойчивые выражения «всё перемелется (мука будет)», «будет и на нашей улице праздник».

РТ «Значение события не следует преувеличивать» актуализируется посредством ЛСГ глаголов.

1. Интеллектуальной деятельности:

1.1. «Преувеличивать / преувеличить» (возможно с отрицанием) [4, с. 342]:

– *А мне вот не до шуток. Подумай о Маше. Представь себе, что ее ожидает.*

– *Ты все ужасно преувеличиваешь, миллионы людей живут, работают и абсолютно счастливы (Довлатов, Заповедник);*

1.2. Решения «придумывать/ придумать» и т. п. [4, с. 330]: – *Я вчера целый день думала, думала, – отвечала она сквозь слезы, – придумывала разные несчастья: то казалось, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... Я нынче мне уже кажется, что он меня не любит.*

– *Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! (Лермонтов, Герой нашего времени);*

2. Созидательной деятельности: «выдумывать/ выдумать» и т. п. [4, с. 333]:

– *Здравствуй, – кинулась к нему мать, – похудел... побледнел...*

– *Здравствуй, дорогая, – поцеловал ее Марк, улыбаясь, – не выдумывай, все у меня хорошо (Луганцев, Высокий блондин без ботинок).*

В арсенале средств реализации этой РТ:

а) существительные с общей семантикой 'ошибочное, неполное, неправильное понимание чего-л.': «недоразумение», «ошибка» и т. д.: *...ничего страшного не произошло, все выяснится. Какая-то ошибка, это ясно... недоразумение (Розов, Гнездо глухаря);*

б) конструкции со значением неосновательности, преувеличения происходящего события: «напрасно вы так», «тебе ведь лучше», «что уж сразу так», «неужели так серьезно», «на самом деле этого нет» и т. п.;

в) словосочетания, номинирующие события более трагические, на фоне которых происшедшее событие является незначительным: «не на войну», «не покойник на столе», «не покойников провожаешь», «точно по покойнику плачете», «вы меня не хоронить пришли», «точно на смерть».

РТ «Говорящий предлагает/ обещает помочь адресату» эксплицируется за счет ЛСГ глаголов.

1. Интеллектуальной деятельности:

1.1. Глаголов понимания «разбираться/ разобраться» [4, с. 314]: – *Ты не падай духом, – сказал Савва. – Вот вернется Сашка, и мы обязательно разберемся в этом деле (Баконина, Школа двойников);*

1.2. Глаголов мышления «думать/ подумать» [4, с. 330]: – *Не волнуйся, дядя Олег, – я подумаю, что можно сделать для Митяя (Малков, Две судьбы);*

1.3. Глаголов решения «придумывать/ придумать» [4, с. 330]:

– *Семнадцать лет... Все ему, все для него – тishе, папа работает, – а я как кухарка, как нянька, им всем... всем для него пожертвовала...*

– *Светик, мы все обсудим, что-нибудь придумаем (Катасонова, Бабий век – сорок лет);*

2. Социальных отношений:

2.1. Глаголов помощи «помогать/ помочь» [4, с. 629]:

– *А я вот думаю: если придется тут зимовать, то ни дров у меня, ни картошки, ни капусты.*

– *Не горюй, Лизавета. А мы-то на что? Подможем, – утешил Семен Григорьевич (Куропатов, Завтра).*

2.2. Глаголов обеспечения «устраивать / устроить» [4, с. 633]: *Это молодое горе было так искренне, а заплаканные девичьи глаза смотрели на Карачунского с такой умоляющей наивностью, что он не выдержал и проговорил: «Хорошо, я постараюсь все*

это устроить... только для вас... (Мамин-Сибиряк, Золото).

В рамках РТ «Проблемы есть не только у адресата» говорящий обращает внимание адресата на свои (либо третьего лица) проблемы, которые могут быть сходными либо иметь еще более сложный, нежели у адресата характер: «у меня горе похуже», «я сам (-а)...», «мне тоже нехорошо (плохо)», «у меня (ситуация) еще хуже» и т. д.: – *Все они такие... Дерьмо свинячье. Да не расстраивайся. Я же вот держусь, ничего... Хотя и обидно (Вильмонт, Нашла себе блондина).* При этом используется выражение «дешево отделаться от кого-, чего-л.» (разг.) 'легко, без особых последствий, неприятностей' [2, с. 260]: – *Ты еще дешево отделалась, Нина. Вспомни Вовку (Розов, С вечера до полудня).* Кроме того, говорящий может ссылаться на типичность события: «ты не один такой», «кому (сейчас) легко?», «миллионы (людей)...», «все (у всех) так», «я столько примеров знаю (похожих)» и т. д.: – *А кому легко? – успокаивал дед. – Кому же легко родного человека в землю зарывать? Дак если бы все ложились с ими рядом от горя, што было бы? Мне уж теперь сколько раз надо бы ложиться? (Шукин, Горе).* Говорящий обращается к собственному опыту, рассказывая случаи из своей жизни: «(а вот) у меня», «тоже думал (-а)...», у меня так же (тоже так) было», «на собственном опыте знаю», «я вон раз».

РТ «Надежда на божью помощь» актуализируется с помощью синтаксических конструкций с лексемой «Бог», «Господь»: «Бог милостив, Бог не без милости» 'выражение надежды на то, что всё обойдётся' [2, с. 86], «Бог даст» – 'иметь возможность благополучного исхода с божьей помощью':

– *Полноте, Потап Максимыч, перестаньте, – успокаивал лекарь, отстраняясь от рыдавшего у ног его тысячника. – Вот осмотрим больную, сделаем что нужно... Бог милостив, не всякая болезнь к смерти бывает (Мельников-Печерский, В лесах).* Бог / Господь выступает как высшая сила, в руках которой находится судьба человека: «всё в руках Господних», «Бог вас поддержит», «Господь пожалеет», «Бог пошлёт счастье», «Он (Бог) не оставит вас (нас)».

При РТ «Событие имеет и положительные стороны» говорящий стремится показать, что, несмотря на эмоциональное расстройство адресата, в событии можно найти положительные моменты, а сам адресат при тех или иных обстоятельствах может занять более или менее выгодное положение. – *Не нервничай. Всякое препятствие должно дух поднимать. Отец говорил (Розов, В добрый час!).* Среди средств реализации этой РТ можно выделить синтаксические конструкции с противительным союзом «зато» 'в то же время, однако' [2, с. 351], а также устойчивое выражение: «нет худа без добра». Для данной тактики характерно использование лексики с общей семантикой «могло быть и хуже»: «и не такое видали», «было (бывало) (дело) и похуже», «по сравнению с тем, что могло быть (это мелочи, пустяки и т. д.) и др. – *Пальцы вообще не очень хорошо будут двигаться. Но уверяю вас, по сравнению с тем, что могло быть, это такие пустяки! Будете немного больше времени тратить*

на бытовые подробности (Берсенева, *Возраст третьей любви*).

Кроме того, говорящий может призвать собеседника к выражению благодарности или высказать ее сам за то, что событие произошло именно так, а не иначе:

Лена. Чего обещать-то было? Чего брехать? Куда, где едем?

Галина Дмитриевна. А ну, прекратите! Скажите спасибо, что живы-здоровы, что погрузили, отправили организованно. Три таких эшелона за одну ночь оборудовали! (Роцин, Эшелон).

Среди глаголов, реализующих тактику РТ «**Винник события не заслуживает внимания**», центральное место занимает разговорно-сниженная лексема «плевать/ наплевать», используемая в форме императива:

– Ты, Илья Петрович, плюнь на них. Чего нервы без толку треплешь... (Розов, В дороге).

Для наименования виновника события используется разговорно-сниженная лексика: дерьмо, дура, козел, псих, сукин сын и т. п.

В качестве морального критерия оценки виновника события выступает совесть 'чувство моральной ответственности за свое поведение; нравственные принципы, взгляды, убеждения' [2, с. 1226]: «что делать, если у человека совести нет» и т. п.: *Я сразу душевно проникся к этой женщине, поведал ей, как нарвался на «теплую» встречу возле дач. Полина ..., сделав долгий, выразительный вздох, какой умеют делать только много пережившие русские бабы, вымолвила:*

– А-а, наплюй! На горе да на слезах, как поганок на назъме, их развелось. Совесть в рукавицах у их ходит. Наплюй! Главное, живой остался (Астафьев, Пир после Победы).

РТ «**Событие уже произошло и ничего изменить нельзя**» реализуется глаголами ЛСГ:

1. Качественного состояния

1.1. Изменения качественного признака «изменить/ изменить» [4, с. 501], возможно в сочетании с местоименным существительным ничего, усиливающим отрицание: *– Ситуацию не изменишь. Что реветь-то? (Кирсанов, Были-небыли);*

1.2. Становления эмоционального состояния «смиряться/ смириться», «примиряться/ примириться» [4, с. 531]: *– Время у нас строгое, ничего не поделаешь, его выслали на три года, он будет жить в селе, в селах живут миллионы людей, устроится там на работу. Он молод, три года пролетят быстро, надо только примириться с неизбежным, надо спокойно и терпеливо ждать, не распускать себя (Рыбаков, Дети Арбата).*

2. Социальных отношений: в частности, глаголами помощи «помогать/ помочь» [4, с. 629], возможно с отрицанием: *– Конечно, жалко... Но вить ничем теперь не поможешь. Изведёшься и все (Шукин, Горе).*

Кроме того, эту РТ объективируют устойчивые выражения: «ничего не поделаешь (ничего не попишешь)» 'невозможно сделать, поступить так, как хочется, невозможно изменить, необходимо смириться с тем, что есть' [2, с. 652]; «напрасно тратить порох» 'без пользы расходовать свои силы' [2, с. 1340], «следами горю не поможешь»: *Когда свет погас во время*

операции впервые, Юра почти растерялся. Он как раз вылуцивал осколки кости из загноившейся раны: – Все, дедушка, все, – негромко приговаривал он. – Надо все достать, ничего не поделаешь, а то гангрена начнется, ногу придется резать (Берсенева, Возраст третьей любви).

В указанной тактике фигурирует лексема «судьба» 'участь, доля, жизненный путь' [2, с. 1288] и синонимичные ей единицы: *Иван Тимофеевич успокаивал плачущую жену: – Не плачь, Катя, не надо. Ничего не поделаешь... Значит, так оно должно быть... Значит, такая его судьба (Кравченко, Не плачь, девчонка, пройдут дожди).* Подчеркивая независимость происходящих событий от воли человека, говорящий может использовать выражения: «на роду написано» (разг.) 'такая судьба, так предопределено' [2, с. 1125], «Богу угодно» и пословицы: «от своей судьбы не уйдешь», «от судьбы на коне не ускачешь» и т. д.:

– Я не знаю, Андрей, – обращаясь к нему за помощью, виновато добавила она. – Не знаю, что делать. Растерялась.

– От судьбы, Настена, никуда не уйдешь, – отозвался наконец он. – Хошь делай заделайся поперек ей, а она на своем поставит (Распутин, Живи и помни).

РТ «**Говорящий призывает адресата к терпению**» располагает глаголами ЛСГ качественного (эмоционального) состояния «терпеть / вытерпеть», «перетерпеть», зачастую в форме императива (см. также пословицу «терпи, казак, атаманом будешь»):

– Терпи, – грубовато подбодрил Рыбак, подавляя в себе невольное совершенно неуместное теперь чувств жалости (Быков, Сотников).

Кроме того, данную РТ реализуют выражения «сам Бог велел», «Бог терпеть велел», «господь терпел и нам велел» в значении 'то, что само собой разумеется' [2, с. 86]: *Татьяна набожно приложила иссохшие губы к холодной, вызолоченной меди и положила в руку попа два пятака. Да вдруг не выдержала и зарыдала:*

– Батюшка, мочи нашей нету... замучились... голодные, холодные, с ранней зари до поздней ноченьки за станком, а принесешь получку, глядеть не на што...

– Господь терпел и нам велел. Сказано ибо: не тищитесь о земном, ибо господь вам уготовил небесное... нет пред господом больше вины, чем ропот. Терпите, и дастся вам (Серафимович, История одной забастовки).

РТ «**Событие типично и потому неизбежно**» актуализируют наречия «всегда» 'во всякое время, постоянно, обычно' [2, с. 158], нар.-разг. форма «завсегда»: «всегда так бывало», «завсегда».

Валентина лежит в постели, укутанная, у нее температура, озноб, дрожь.

Бабка. Ну, ничего, ничего... Ты и маленькая всегда так: чуть температура, так и не выносишь (Роцин, Валентин и Валентина).

Говорящий может ссылаться на типичность ситуации, таким образом, оправдывая адресата: «со всеми случается», «с кем не бывает», «ведь это бывает», «мало ли что бывает»:

– Не будет свадьбы.

– *Как это не будет? Все уладится. Со всеми случается. Поссорились, помиритесь. Еще крепче любить друг друга будете! (Кравченко, Не плачь, девочка, пройдут дожди).*

РТ «Говорящий предлагает адресату забыть о случившемся» объективируется глаголами интеллектуальной деятельности, в частности глаголами познания: «забывать / забыть» [4, с. 317]. Реализация указанной РТ происходит также за счет выражений: «гони прочь тяжелые мысли» 'стараться отвлечься от каких-л. мыслей' [2, с. 211]; «выкинуть, выбросить из головы» 'оставить мысль о чём-л., забыть' [2, с. 214]; «забивать (забить) голову» 'обременить память, сознание чём-л. ненужным, неподходящим' [2, с. 310], последнее употребляется с отрицательной частицей «не»: – *Пожалуйста, успокойся и выкинь эту ахинею из головы (Николаев, Вещи сны...).*

В рамках РТ «Говорящий предлагает адресату выплакаться» слезы выступают как средство облегчения:

– *Узнал, крестный про горе твое, – молвил Сергей Андреич. – Как же не приехать-то?*

Горячо обнял его Потап Максимыч, сдерживая рыдания.

– *Плачь, а ты, крестный, плачь, не крепишь, слез не жалеешь – легче на сердце будет, – говорил ему Колюшкин. А у самого глаза тоже полнехоньки слез (Мельников-Печерский, В лесах).*

Таким образом, каждая РТ имеет свои сходные по семантике лексические средства реализации, что связано, прежде всего, с коммуникативной целью жанра, предполагающей улучшение эмоционального состояния адресата. Однако исследуемый РЖ обладает межтактическими лексическими средствами. Среди них: глаголы 1. ЛСГ качественного состояния.

1.1. Глаголы становления эмоционального состояния: «ободряться / ободриться» [4, с. 529 – 531],

«(не) отчаиваться / отчаяться», «приободряться/ приободриться»; «(не) расстраиваться / расстроиться», «успокаиваться / успокоиться».

1.2. Глаголы пребывания субъекта в эмоциональном состоянии [4, с. 518]: «(не) беспокоиться», «(не) волноваться», «(не) грустить», «(не) нервничать», «(не) переживать», «(не) тревожиться», «(не) убиваться», «(не) унывать» и т. п., а также близкие им по смыслу сочетания: Будет тебе (вам), Да ладно тебе, Не принимай близко к сердцу и т. п.

Кроме того, в качестве побуждающей части могут быть представлены устойчивые выражения (в форме повелительного наклонения 2-го лица ед. и мн. числа): держать себя в руках (взять себя в руки) 'сдерживать свои чувства, быть спокойным' [2, с. 252], держать хвост пистолетом 'не унывать, не падать духом' [2, с. 252], (не) вешать голову (нос) 'опускать в унынии, отчаянии; унывать, отчаиваться' [2, с. 123], (не) пасть духом 'утратить душевную энергию отчаяться' [2, с. 289], (не) принимать близко к сердцу 'относиться с большим сочувствием, сильно переживать' [2, с. 1178], (не) терять голову 'лишать самообладания, переставать соображать' [2, с. 1329], (не) трепать нервы 'расстраиваться, нервничать' [2, с. 1342].

Итак, РЖ утешение располагает уникальным набором языковых средств реализации. Среди них преобладают глаголы ЛСГ качественного (эмоционального) состояния, межличностных отношений. Данные глаголы используются преимущественно в форме повелительного наклонения, поскольку жанр утешения направлен на улучшение и стабилизацию психоэмоционального состояния адресата.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы речевых жанров / М.М. Бахтин // Собр. соч.: в 5 т. – М., 1996. – Т. 5: Работы 1940-х-начала 1960-х годов.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2001. – 1536 с.
3. Прохоров, Ю. Е. Русское коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М., 2005. – 180 с.
4. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М., 1999. – 1020 с.
5. Федосюк, М. Ю. Речевые средства воздействия на адресата (риторика обыденной речи) / М. Ю. Федосюк. – М., 1998. – 68 с.
6. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов, 1997.

Информация об авторе:

Рабенко Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, 8-904-994-45-35, Rabenko@mail.ru.

Rabenko Tatyana Gennadievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Slavic Languages of KemSU.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ «НЕСВОБОДА» В ТВОРЧЕСТВЕ СТИВЕНА КИНГА

Н. В. Рабкина

THE CONCEPT OF "UNFREEDOM" IN STEVEN KING'S WORKS

N. V. Rabkina

В статье исследуется мотив отсутствия свободы в творчестве Стивена Кинга, ключевой для многих романов и рассказов автора. В целом данный художественный концепт определяется главенствующей ролью свободы в американской картине мира. У Кинга он воплощается как несвобода в юридическом смысле / вызванная противоправными действиями других лиц / природными условиями / вымышленными фантастическими обстоятельствами, как несвобода объективная или субъективная, гендерно маркированная или добровольная, при этом концептуальное пространство несвободы варьируется от жилого помещения до субъективного, внутреннего пространства человеческой души.

The article concentrates on the motif of the lack of freedom, which is crucial for many Steven King's novels and short stories. On the whole, the concept in question reflects the way the notion of freedom is perceived within American worldview. In King's oeuvre the concept may externalize itself as a lack of freedom in the legal sense / caused by illegal actions of others / natural conditions / fictional circumstances; it may be objective or subjective, gender-marked or voluntary, its conceptual space varies itself from the boundaries of a haunted housing to the illusory trap of one's soul.

Ключевые слова: художественный концепт, интерпретация художественного текста, концепт «свобода» в американской лингвокультуре.

Keywords: literary concept, interpretation of a literary text, the concept of "freedom" in USA lingvoculture.

Данная статья посвящена исследованию индивидуально-авторского концепта «несвобода» в творчестве Стивена Кинга. Художественный / текстовый / литературный / индивидуально-авторский концепт – основная единица когнитивной парадигмы исследования художественного текста, объединяющей в себе достижения литературоведения и когнитивной лингвистики. В качестве основных характеристик художественного концепта В. А. Маслова выделяет его ассоциативную природу и образность. Художественные концепты индивидуальны, личностны, размыты и психологически более сложны и зависят от культурного и эмоционального опыта писателя [3, с. 34 – 35] – того, что в рамках стилистики декодирования называют «тезаурусом». Но тезаурус писателя обусловлен культурным содержанием эпохи и страны, к которой он принадлежит. Поэтому в целом принято приписывать художественному концепту двустороннюю природу: с одной стороны, он отражает субъективный авторский опыт переживания действительности, а с другой – выступает как часть культурного наследия и характеризует национальную картину мира того народа, к которому принадлежит писатель [5, с. 101 – 107]. Л. В. Миллер, рассматривая художественный концепт как смысловую и эстетическую категорию, подчеркивает, что он принадлежит «не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», под которой подразумевается «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [4, с. 42].

Таким образом, если понимать под художественным концептом образ, символ или мотив, имеющий

«выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [2, с. 14], то логичным представляется сперва рассмотреть функционирование интересующего концепта в соответствующей лингвокультуре. Понятие «несвободы» состоит в дихотомической паре с понятием «свободы». А. С. Солохина в своей диссертации, посвященной вербализации концепта «свобода» в английской и русской лингвокультурах, пишет, что сущность концепта «свобода» состоит в бинарном противопоставлении свободы и несвободы. Данный концепт актуализируется в ситуациях перехода человека из состояния свободы в состояние несвободы (или из состояния большей свободы в состояние меньшей свободы), и наоборот [7]. Принадлежит к числу базовых концептов-регулятивов, концепт «свобода» всегда играл ключевую роль в американской концептосфере: по сути, осознание себя как независимой нации произошло у американского народа именно через осознание свободы как признание личных прав других людей, как «ненавязывание» («*Может быть, я не могу делать что-то, что я хочу, но, по крайней мере, никто другой не мешает мне делать то, что я хочу и на что имею право*» [1, с. 257]). Именно в таком виде право на свободу зафиксировано в «Декларации независимости» (*We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness*), именно в таком виде оно существует в наивной картине мира в наши дни: *America has shined as a beacon of freedom in an unfree world for more than two centuries. (...) Americans can say anything they want, worship any god they choose, and associate with any motley crew around. Our legacy is not slave chains, Wounded Knee, and the murder of James*

Byrd, but American GIs liberating a Nazi death camp, an immigrant's first glance of lady liberty's torch, and Ronald Reagan exhorting the Soviet's to tear down the Berlin Wall. If nothing else, America means freedom [9].

В сознании американского народа этот концепт представляется в виде следующих идей: *choice, life, peace, free will, liberty, freedom of speech, freedom from prosecution, pride*. В целом, исследователи выделяют три основных значения, общие для всех лексем-репрезентантов концепта: возможность поступать, как хочешь; отсутствие ограничений; нахождение не в заключении, рабстве [6, с. 98 – 100].

Репрезентация концепта при исследовании художественных концептов, представляющих индивидуальное поэтическое сознание автора, может вызывать затруднения, так как наиболее явный репрезентант (*freedom, liberty* в нашем случае) может быть опущен, и концепт может вербализоваться не в слове и не фразеологически, а в целом тексте [8, с. 58 – 88]. Другими словами, авторские художественные концепты реализуются не прямыми номинациями, а образными языковыми средствами [8], и их смысловые составляющие рассредоточены по всему тексту (или по всему массиву творчества писателя) и «требуют кристаллизации». Так, мотив несвободы в романах С. Кинга содержится в номинациях жилых помещений и частей дома (*hotel, room, bathroom, ceiling, booth, door, gate, trapdoor, wall, elevator, cellar, shutters, hedge, lock, chain, maze*), глаголах, связанных с закрыванием помещения (*shut, slam, lock*) и управлением свободой человека помимо его воли (*suspend, hold, grab, drag, lead, cluster, herd, cordon, chase*). Кроме того, концепт «свобода» обладает высокой образностью и часто представлен в виде символа (орел и т. п.) [7].

Итак, переходя собственно к мотиву «несвободы» в творчестве С. Кинга, можно с уверенностью утверждать, что в данном случае речь идет именно об отрицательном полюсе оппозиции «свобода – несвобода». Автор, в первую очередь, концентрируется на поведении человека именно в ситуации внутренней / объективной несвободы и поиске выхода из нее, прорыве. Свобода в художественном универсуме писателя, как и в американской культуре в целом, а priori выступает естественным, природным состоянием человека, к восстановлению которого он стремится. Логично предположить, что описание естественного состояния не представляется автору интересным (вспомним знаменитую цитату – «Все счастливые семьи похожи друг на друга...»).

С. Кинг рассматривает все возможные варианты потери свободы. Потере свободы в юридическом смысле посвящены такие знаменитые (благодаря экранизациям) произведения, как *The Green Mile, Rita Hayworth and Shawshank Redemption, The Running Man, Dolores Clairborne*, а также *Eyes of the Dragon, Deathroom*.

Мотив потери свободы в результате противоправных действий со стороны другого лица отражен в романах и повестях *Firestarter, Misery, Hearts in Atlantis, Carrie, Lunch at Gottam Café, Rage, The Long Walk, Dollan's Cadillac*.

Потеря свободы в результате причин природного или фантастического характера: *1408, the Dome, Shining, Langoliers, Kujo, Storm, Mist, Rainy Season*.

В некоторых книгах мы обнаруживаем гендерный аспект несвободы. В романе *Rose Madder* женщина, подвергавшаяся домашнему насилию на протяжении 14 лет, вдруг решается на побег от внешне вполне благополучного мужа-полицейского (*Leave her home of fourteen years? The house where she could put her hand on anything she wanted?*), и внешне вполне благополучный дом описывается как клетка (*'I'm going,' she murmured. 'I'm really, really going.'* But she stayed where she was a moment longer, like an animal which has been kept in a **cage** so long it cannot believe in freedom even when it is offered. She reached behind her and touched the knob of the door — the door that led into her **cage**). Эта несвобода нарочито отрицается и не замечается обществом. В другом романе, *Dolores Clairborne*, женщина, чьей тюрьмой стал остров, вынуждена убить мужа, пьяницу и педофила, которого она сравнивает с жерновом на собственной шее (*Joe St George really wa'ant a man at all; he was a goddam millstone I wore around my neck. Worse, really, because a millstone don't get drunk and then come home smellin of beer and wantin to throw a f--- into you at one in the morning*). В результате героиня оказывается в настолько сложной финансовой ситуации, что ей приходится идти в услужение к полусумасшедшей богатой соседке (*With Joe out of the pitcher and no money coming in, I was in a fix, I can tell you – I got an idear there's no one in the whole world feels as desperate as a woman on her own with kids dependin on her*).

Ограничение свободы всегда связано с какого-либо рода замкнутым пространством: это может быть тюремная камера, заколдованный номер в отеле, отрезанный бурей остров или целый город, оказавшийся под невидимым куполом внеземного происхождения. Но в художественном универсуме С. Кинга в роли тюрьмы может выступать и человеческое тело. В рассказах *Apt Pupil* и *Gramma* старые, изношенные тела становятся тюрьмой для нацистского преступника и ведьмы, и им удается, с помощью мистических манипуляций, «переселиться» в более привлекательные молодые «вместилища духа». В фантастическом рассказе *The Jount* описана ошибка при телепортации: человеческое тело успешно исчезает из лаборатории и появляется в заданном месте через 0,000000000067 секунды, но разум за этот ничтожный отрезок времени успевает прожить тысячу лет, и испытуемый сходит с ума от одиночества (*In the space it took to Jaunt across the two miles..., Foggia's hair turned snow white. His face had not changed in any physical way – it was not limed or jowly or wasted – but it gave the impression of great, almost incredible age*). В вышеперечисленных случаях реализуется онтологическая метафора «тело – дом», физическая телесная оболочка – обиталище души.

У С. Кинга эта метафора «работает» и в обратном направлении: дом, здание, может стать приютом для злого духа. Дом с привидениями, «haunted house» – типичный фон готического романа, но С. Кинг трансформирует место действия в полноправного участника событий, антагониста. В романе *The Shining* отель

«The Overlook» не только становится смертельной ловушкой для героев, но и «вытесняет» из собственного тела наиболее уязвимого из них (*But it was not his daddy. It was not his daddy... This place killed him. This damned place*). Проникая в сознание героев и становясь его частью, злобный «гений места» лишает их надежды на побег (*There was no place he could run where the Overlook was not. He recognized it suddenly, fully, painlessly*). Аналогичная трансформация пространства, но в меньшем масштабе, описана в рассказе 1408, где антагонистом выступает гостиничный номер (*Even if you leave this room, you can never leave this room!*) Мотив дома с привидениями органичным образом пересекается с мотивом женской несвободы в рассказе *The House on Maple Street*: финансово зависимая мать троих детей становится жертвой психологического насилия со стороны своего нового мужа, домашнего тирана, но весьма кстати в их трехэтажном особняке вселяется нечто инопланетное, дом превращается в живой космический корабль и улетает, унося с собой незадачливого отца семейства. Безвыходная ситуация, когда слабая по характеру женщина становится заключенной в доме-тюрьме (*"Would she ever...you know..." "Divorce him?"..."No", Trent said, "Not she, not Mom." "Then there is nothing we can do."*), приводит к тому, что, когда дом исчезает вместе с супругом-тираном, это воспринимается ее детьми как освобождение (*"We're free." "It's better," Trent said. "She is."*).

Впрочем, лишение свободы может быть добровольным, как в романе *The Running Man* и *The Long Walk*, где герои обрекают себя на участие в смертельных телепроектах антиутопического будущего. В уже упоминавшемся романе *Dolores Claiborne* домработница соглашается на переезд в дом своей взбалмошной парализованной хозяйки, объясняя свой поступок тем, что они уже привыкли друг к другу, как две старые летучие мыши в одной пещере: *We was used to each other in the way I s'pose two old bats can get used to hangin upside-down next to each other in the same cave, even though they're a long way from what you'd call the best of friends*. Полицейские маленького городка (роман *From a Buick 8*) добровольно (просто потому, что их долг – «служить и защищать») делают себя одновременно тюремщиками и заключенными гаража № 8, где хранится непонятное, но смертельно опасное изобретение. Миры, порожденные фантазией Кинга, держатся на таких людях в прямом смысле слова, так как они поддерживают мировую ось. В мифологии существование ойкумены поддерживается за счет постоянной борьбы с внешним хаосом, что в эпических сказаниях выражается в форме битвы героя и чудовища, и то же можно утверждать относительно картины мира в романах Кинга. Ось его художественного мира поддерживают те персонажи, которые выполняют свой долг несмотря ни на что.

Библейский мотив жертвенности и безвинного страдания сопровождает самые известные «тюремные» романы писателя (*The Green Mile, Rita Hayworth And Shawshank Redemption*). Более того, люди, отнимающие свободу у невиновных, могут думать, что тем самым защищают свободу целой страны (*The Firestarter*): *Or they might put them in two little rooms*

where they could work full-time to keep two hundred and twenty million Americans safe and free... I bet they'd just want to take that child and put it in a little room and see if it could help make the world safe for democracy.

Другой мотив, заимствованный Кингом из готического романа и связанный с лишением свободы – погребение заживо. Заточение в небольшом замкнутом пространстве сравнивается с гробом и ведет к смерти: *Finally they threw me into a hole in the ground, and it was always dark. There was a little . . . a room, I guess you'd say, with roots sticking out of the earth walls... And then they'd laugh and put the boards back and cover them up with dirt. It was like being buried alive* (*The Firestarter*). В рассказе *Dollan's Cadillac* главный герой с помощью хитроумной ловушки заживо хоронит в Кадиллаке убийцу своей жены, превращая дорожную машину в восьмицилиндровый гроб: *It was the sound of the dirt coming down that finally got to him, I think. Sure it was. The sound would have been very loud inside the Cadillac. The dirt and stones rattling onto the roof and falling past the window. He must have finally realized he was sitting in an upholstered eight-cylinder fuel-injected coffin*. В романе *Kujo* женщина с ребенком несколько суток вынуждены прятаться в машине от бешеной собаки, и субъективное пространство просторной машины постепенно сжимается для напуганной матери до размеров гроба: *The longer the disease went untreated, the less chance there was. She rubbed her forehead and her hand skidded across a film of cold sweat. How long was too long? Hours? Days? Weeks? A month, maybe? She didn't know. Suddenly the car seemed to be shrinking. It was the size of a Honda, then the size of those strange little three-wheelers they used to give disabled people in England, then the size of an enclosed motorcycle sidecar, finally the size of a coffin. A double coffin for her and Tad. They had to get out, get out, get out.*

Интересно, что ловушкой может стать не только пространство, но и время. Так, в романе *The Langoliers* самолет проваливается в «прореху» во времени (*time rip*), и герои оказываются заточенными в прошлом, которое может исчезнуть вместе с ними: *Take a good look around you, fellow time-travellers. This is the past. It is empty; it is silent. It is a world – perhaps a universe – with all the sense and meaning of a discarded paint-can. ... But the world is clearly unwinding around us. Sensory input is disappearing. Electricity has already disappeared. ... But it seems to me that as the world winds down, time itself is winding up in a kind of spiral crowding in on itself.' ... This place we're in feels old and stupid and feeble and meaningless. It feels I don't know. Dinah spoke then. ... 'It feels over,' she said softly.*

Наконец, наш собственный мир может стать настоящей камерой пыток для попавшего в него вымышленного персонажа, как это происходит в рассказе *Umney's Last Case*, где разочарованному в жизни писателю удается поменяться местами с собственным альтер-эго из детективного романа: *It doesn't surprise me that Landry wanted to leave this groaning world with its freight of disease and senseless violence – a world where naked women dance in nightclub windows, and sex with them can kill you.*

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что лишение свободы в той или иной его форме – один из основных мотивов творчества С. Кинга. Это может быть несвобода в юридическом смысле, несвобода, вызванная противоправными действиями других лиц, природными условиями, вымышленными фантастическими обстоятельствами, это может быть несвобода объективная или субъективная, гендерно маркированная или добровольная. Концептуальное пространство несвободы варьируется от жилого по-

мещения до субъективного, внутреннего пространства человеческого разума или всего мира. Важность этого концепта в творчестве писателя объясняется главенствующей ролью свободы в американской картине мира. Концепт «несвобода» реализуется во всей совокупности творчества писателя, который вовлекает в его интерпретацию новые социальные смыслы и использует традиционные, но оригинальным образом трансформированные образы.

Литература

1. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
2. Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В. Г. Зусман. – Нижний Новгород, 2001. – 168 с.
3. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта, 2004. – 256 с.
4. Миллер, Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л. В. Миллер // Мир русского слова. – 2000. – № 4.
5. Петрова, Л. А. Художественный концепт в современной лингвокогнитологии / Л. А. Петрова // Вісник Дніпропетровського університету. Серія Мовознавство. – 2011. – Вып. 17. – Т. 3.
6. Сердюк, Е. Н. Некоторые характеристики концепта свобода в американской лингвокультуре / Е. Н. Сердюк // Культура народов причерноморья. – 2008. – № 138.
7. Солохина, А. С. Концепт "свобода" в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Солохина. – Волгоград, 2004. – 191 с.
8. Черкасова, И. П. Художественный концепт как смысловой фокус поэтического мира / И. П. Черкасова // Герменевтика поэзии. – Армавир: АГПУ, 2007.
9. The Urban Dictionary of Modern American Slang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=unfree>

Информация об авторе:

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, 8(3842) 58-34-97, modesta@kemsity.ru.

Rabkina Nadezhda Vladimirovna – Candidate of Philology, senior lecturer at the Department of English Philology № 1 of KemSU.

УДК 811

ТЕКСТОВАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В ФОРМИРОВАНИИ НОМИНАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО БЛОКА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА Ф. С. Рагимова

TEXT PRESENTATION OF THE PRECEDENT PHENOMENON IN THE FORMATION OF THE NOMINATIVE-SEMANTIC COMPONENT OF AN ADVERTISING TEXT F. S. Ragimova

Статья посвящена описанию прецедентных феноменов, функционирующих в определенной структурной константе рекламного текста. Функциональное наполнение прецедентного феномена оказывается различным в зависимости от презентации в определенном структурном элементе. Закрепление прецедентного феномена в заголовке и слогане способствует тому, что данный прецедент раскрывается как наиболее важная тема текста, как отражение авторского замысла, как "доминантный" материал, привлекающий внимание читателя и определяющий построение текста.

The article describes the precedent phenomena operating in a certain structural constant advertising text. The functional content of the precedent phenomenon differs depending on its presentation in a particular structural element. Putting the precedent phenomenon in the title and slogan contributes to the fact that the precedent is revealed as the most important theme of the text an a reflection of the author's intention, as a "dominant" material that attracts the reader's attention and determines the text composition.

Ключевые слова: лингвистика, рекламный текст, прецедентный феномен, заголовок.

Keywords: linguistics, advertising text, precedent phenomenon, title.

Целью статьи является описание и анализ способов актуализации номинативно-семантического блока рекламного текста через прецедентный заголовок и слоган.

Материал исследования составили печатные рекламные тексты из журналов "Идеи вашего дома", "Красивые дома", "Ом", "Мир ПК", "Elle", "Караван историй", "Практика рекламы", "Cosmopolitan", "Бассейны и сауны", "Домовой", "Самая" и др. за 2000 – 2011 годы, в которых функционируют прецедентные феномены.

Рекламный текст представляет собой свободную – как линейную, так и нелинейную – последовательность знаковых единиц. Структурно-семантическая многоуровневость рекламного текста, способствующая удвоению смысла, достигается за счет использования всех компонентов данного текста: вербальных (заголовка, основного текста, слогана) и невербальных, благодаря чему складывается самостоятельный над-текст. Мы исходим из того, что рекламный текст – сложное семиотическое целое, в котором нет места случайным, коммуникативно не нагруженным компонентам, в силу того, что решение прагматической задачи в таком тексте всегда первично. Создание рекламного текста подразумевает поуровневый подход к оценке прагматической целесообразности и коммуникативной нагруженности всех компонентов.

Существуют различные точки зрения на то, как выглядит структура традиционного рекламного текста [2, 3, 5 и др.]. Под традиционным, или классическим, рекламным текстом мы понимаем некую модель рекламного текста, содержащую полный набор всех необходимых структурных компонентов. Эта модель не учитывает специфики отдельных товаров, целей и задач рекламной кампании, ее этапа и т. д., она – некий каркас, на основе которого создаются конкретные рекламные тексты.

В силу своей способности вызывать богатые ассоциации, прецедентные феномены встречаются, в основном в сильных структурных элементах рекламного текста: заголовок, слоган, иллюстрация. Используя прецедентный феномен, авторы рекламных текстов как бы расширяют границы рекламного сообщения, добавляя к тому, что сказано непосредственно в тексте, те образы, которые возникнут в сознании потребителя рекламы при восприятии текста.

Структурной константой, с помощью которой осуществляется связь между компонентами рекламного текста и облегчается процесс декодирования или этот процесс «запускается» в нужном направлении, является заголовок. От содержания и компоновки заголовка зависит, будет ли реклама воспринята, удастся ли ей вызвать интерес читателя.

Анализ материала показывает, что рекламной константой, наиболее адаптированной к применению прецедента, является заголовок. Популярность данного структурного элемента мы связываем прежде всего с его функциональными особенностями, которые в сочетании с прецедентным материалом позволяют усилить воздействующее начало всего текста.

Заголовок, с одной стороны, является важнейшей составляющей рекламного текста, его семантическим репрезентантом. С другой стороны, заголовок во многом автономен, что подчеркивается и его независимым от текста положением, и семантической обособленностью. Иными словами, заголовок вступает в тесные отношения с собственно текстом и в то же время является посредником между текстом и читателем. В этом состоит его диалектическая противоречивость как авто- и синсемантического элемента одновременно. Таким образом, заголовок способен самостоятельно, в отрыве от текста публикации, выражать определенное суждение.

Обладая устойчивой воспроизводимой формой и большим смысловым потенциалом, прецедентный феномен часто актуализируется в качестве готового номинативно-семантического блока для создания заголовка. В результате наблюдаем сгущение двух базовых текстовых ориентиров, ведущее к направленному построению читательской проекции текста.

Заголовок как текстовый знак, являющийся ключевой константой текста и имеющий в нем фиксированное положение, – это, безусловно, сильная позиция любого текста. Закрепление прецедентного феномена в заголовке способствует тому, что данный прецедент раскрывает: 1) наиболее важную тему текста, 2) отражение авторского замысла, 3) "доминантный" материал, привлекающий внимание читателя и определяющий построение текста.

В результате такого соединения происходит, на наш взгляд, закрепление сильной позиции, которая характеризуется наличием связей со всеми основными частями текста, способностью к представлению в сжатом, компрессированном виде содержания всего текста, прозрачностью интерпретационных возможностей сильного структурного знака вне оставшейся части этого же текста, так как адекватное понимание целого текста возможно только при условии понимания его сильных позиций.

Наиболее распространенными видами заголовков с использованием прецедентного феномена являются ассоциативный заголовок, заголовок-вопрос и заголовок-парадокс.

Ассоциативный заголовок появляется тогда, когда в рекламном тексте используются ассоциации с сюжетами или названиями широко известных произведений литературы и искусства, с историческими персонажами или известными цитатами из книг и кинофильмов:

Тебе не хочется покоя? (слоган); Red Devil, энергетический напиток; Ом, 2011, декабрь. Источник: "Сердце, тебе не хочется покоя" – строка из песни И. Дунаевского к художественному музыкальному фильму "Веселые ребята".

Плач Ярославны (реклама новинок сезона: тренчей; Clatour, март, 2006. Источник: Плач Ярославны, фрагмент «Слова о полку Игореве», начинающийся со слов «На Дунай Ярославнынь глась...» и оканчивающийся словами «...тугою имь тули затче»).

При создании заголовка – вопроса, в структуру которого включен прецедентный феномен, осуществляется стратегия, при которой в заголовок рекламного текста выносится главный вопрос, на который отвечает весь рекламный текст:

Уж замуж за рубеж? (реклама брачных агентств; Cosmo, 2006, февраль. Источник: Уж замуж невтерпёж).

Дари, дари – ясно? (новинки парфюмерии и косметики "Линда"; МАХИМ; март, 2005. Источник: Г. Ф. Шпаликов «Стихи к 8 Марта»: Гори, гори ясно, Чтобы не погасло, Чтобы не напрасно... Высоко и красно").

В основе заголовка-парадокса лежит неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод об объекте информации (чаще всего – бренде), его качествах, предназначении. В этом случае потребитель рекламного текста, заинтересовавшись объяснением парадокса, продолжит чтение всего рекламного материала:

Твой до дыр (реклама обувного магазина; Elle, 2006, октябрь. Источник: «Мойдодыр» – детская сказка в стихах Корнея Чуковского, названная по имени одного из её героев).

Наличие прецедента в той или иной структурной константе рекламного текста способствует усилению данного структурного элемента и закреплению его базовой *номинативной* функции, когда заголовок называет предмет или услугу, о которой пойдет речь далее, называет тему текста (без ее предиката), выполняют роль знака текста аналогично именам собственным, которые служат названиями географических объектов, заводов, пароходов, живых существ и т. д. Но при этом наблюдается и наложение факультативных функций, привнесенных прецедентом:

- *информационная функция*, когда заголовок содержит основную текстовую информацию с той целью, чтобы читатель получил максимум сведений о продукции или услуге даже при быстром просмотре журнала или газеты;

- *рекламная функция*, если прецедент-заголовок привлекает внимание читателя, заинтересовывает, побуждает прочесть весь рекламный текст, чтобы больше узнать о рекламируемом объекте или услуге;

- *оценочная функция*, при условии, что прецедент-заголовок вызывает эмоциональный отклик, позитивное отношение как к рекламному тексту, так и к рекламируемому продукту или услуге;

- *интегративная функция*, заключающаяся в том, что заголовок объединяет несколько рекламных материалов об одном бренде. При правильном построении текста однажды встреченный заголовок потребитель запоминает и узнает впоследствии, перенося при этом отношения и эмоции, испытанные при прочтении первого текста, на все последующие рекламные послания;

- *композиционная функция* (в данном случае речь идет о заголовочном комплексе, включающем в себя подзаголовок/и), позволяющая автору рекламного текста выстроить материал, а читателю – удобнее его прочесть, если это материал большого размера (рекламная статья) или затрагивает сразу несколько вопросов;

- *графически выделительная функция*, которая достигается с помощью распределения на полосе, выделения шрифтом, цветом и т. п.

Встречаясь в основном в заголовках рекламного текста, прецедентные заголовки и сами часто являются заголовками исходных текстов. Находясь, таким образом, в двойной сильной позиции, прецедентный текст выигрывает, даже в том случае, если исходный текст остался неузнанным. Используя прецедентную фразу как средство усиления воздействия рекламного текста, обычно выбирают названия произведений, состоящие из двух-трех слов и порождающие богатые ассоциации даже вне связи с изначальным текстом: *Имя розы* (реклама посуды с цветочным орнаментом, Elle-декор, 2006, апрель. Источник: название книги У. Эко). Прототекстом является роман итальянского писателя, лингвиста, ученого Умберто Эко. В приложении к роману автор одну из глав посвящает смыслу заглавия и дает ряд расшифровок этого древнейшего символа, приводит варианты заглавий, от которых по тем или иным причинам был вынужден отказаться и пространно рассуждает, что значит «имя розы» конкретно для него, для читателя и для романа в целом. Текст самого романа в сочетании с данными авторскими размышлениями дает читателю мощную базу для дальнейших ассоциаций, а заголовок актуализирует их при прочтении рекламного текста.

Таким образом, мы имеем дело с горизонтальным (содержащим архитипические понятия, символику, которая может быть в разной степени дешифрована любым читателем) и вертикальным (связанным с текстом-основой и требующим более высокого образовательного уровня) контекстами. При этом реклама «срабатывает» независимо от того, какой из этих двух контекстов прочитан.

Такие же отношения мы можем наблюдать в ситуации с другим заголовком: *Опасные связи* (ARTICOLOR; ELLE, 2005, июнь. Источник: «Опасные связи» Ш. де Лакло). Прецедентный феномен «Опасные связи» последовательно исходит из нескольких текстов, принадлежащих к разным временным эпохам. Самый первый по времени – одноименный роман XVII века, эпохи интриг и вызывающей роскоши. Второй – одноименный голливудский фильм, сохранивший дух и атмосферу первоисточника. Третий – молодежный фильм «Жестокие игры», в котором изысканная интрига первоисточника помещена в более понятную современному человеку обстановку – студенческий городок одного из колледжей США конца 90-х годов XX века. И, несмотря на различие эпох, все эти тексты объединяет одно: «Заинтригуйте, соблазните, докажите свое превосходство» (основной текст рекламы).

Возможно также использование в качестве заголовков рекламных текстов прецедентных высказываний, которые сами заголовками не являются: «*И думать о красе ногтей...*» (студия Актуаль; PRO-движение, 2005, сентябрь. Источник: А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей»).

Итак, за тот короткий миг, что читатель фиксирует внимание на рекламном тексте, заголовок – прецедент должен «сказать» ему как можно больше, увлечь,

зацепить, побудить к прочтению самого текста, дать толчок развитию ассоциативного ряда, породить череду образов. Причем эти образы должны быть достаточно сильны, чтобы сохранять актуальность и в том случае, если читатель не пожелал ознакомиться со всем текстом и ограничился беглым просмотром страницы. Именно в заглавиях сосредоточено большинство «ударных» средств рекламного текста. В силу своей способности вызывать богатые ассоциации, прецеденты часто становятся таким «ударным» средством. Прецедентный феномен в заголовке проецирует последующее восприятие текста, играет роль контекста, вводя читателя в некое глобальное пространство еще до того, как сам корпус рекламного текста будет прочитан. В сознании читателя предыдущий опыт знакомства с текстом-источником наслаивается на новый текст, порождая некое неразделимое единство. РТ как бы вводится в глобальный контекст мировой культуры – еще до того, как будет прочитан. И если первообраз окажется достаточно сильным, даже слабый рекламный текст вызовет отклик со стороны потребителя.

Менее частотным является функционирование прецедентного феномена в слогане, так как данная структурная константа рекламного текста отличается не только оригинальным, творческим и запоминающимся решением, но и обладает "прецедентной формой" [1, с. 21], к которой применимы те же критерии, что и к определению любого другого прецедентного явления, а именно:

- 1) прецедентная форма должна обладать определенной значимостью для языковой личности в познавательном и эмоциональном плане;
- 2) прецедентная форма должна быть многократно повторяемой;
- 3) легко узнаваемой и (определяемой) большинством носителей языка.

Слоган – как "спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенства запоминающаяся мысль; своеобразный словесный портрет фирмы, товара, политического деятеля" [5, с. 222] функционирует в качестве прецедента по своим определенным правилам, обусловленным тем, что, с одной стороны, слоганы рассчитаны на мгновенный отклик, непосредственную реакцию, с другой – являются "долгожителями" и могут употребляться в течение десятилетий, что, безусловно, снижает их эмоциональность, но не уменьшает силу воздействия.

Основной задачей слогана является обозначение проблемы, беспокоящей потребителя, и конструктивные предложения ее желаемого решения. Слоган должен соответствовать общей теме, быть простым, лаконичным. Это некое связующее звено между всеми другими рекламными структурными компонентами. Слоган – своеобразный «якорь», который остается в памяти реципиента и вспоминается всякий раз, когда он видит рекламируемый товар. Тогда внезапно «всплывший» из подсознания девиз сыграет роль приказа, толчка к покупке. Слоган не обязан быть информативным, а только ярким, образным, запоминающимся, порождать ассоциативные цепочки, под-

сознательно формировать положительное отношение к предмету рекламы.

Презентация прецедентного феномена в слогане напрямую зависит от функциональной специфики данного структурного элемента, поэтому необходимо обозначить основные функции, выполняемые слоганом:

- слоган рекламной кампании;
- слоган рекламной акции (акция может быть приурочена к общественно значимой исторической дате, событию, важному для рекламодателя, или просто быть ограниченной периодом времени);
- слоган, связанный с предложением определенного товара или услуги;
- слоган фирмы (рассматривается и как часть PR-деятельности).

Слоган полифункционален: он может быть как частью рекламного текста, так и существовать самостоятельно. Учитывая эту особенность рекламного девиза, исследователи рекламного текста не рекомендуют использовать в качестве девиза идиому или другой устойчивый оборот, так как эти выражения уже размыты в общественном сознании и не будут устойчиво связываться с конкретной фирмой или товаром. Это действительно так, когда речь идет о слогане фирмы или глобальной рекламной кампании. Но в роли слогана рекламной акции, приуроченной к общественно значимой дате или связанной с конкретным предложением определенного товара или услуги, использование яркого слогана – прецедента может стать вполне уместным и действенным: слоган уже известен потребительской аудитории и при этом имеет ассоциативный шлейф. Неожиданность употребления известного высказывания в новом контексте придает свежее звучание всей рекламной акции и заставляет обратить на себя внимание:

Пример: *Ваш цвет без страха и упрёка (слоган); MAXFACTOR, помада на основе геля, которая не растекается и не забивается в трещинки на губах; GLAMOUR*, 2009, сентябрь; Источник: *выражение «Рыцарь без страха и упрёка»*. Помада, которая, как настоящий рыцарь, никогда не бросит даму на произвол судьбы, верная, стойкая к жизненным невзгодам, безупречная во всех отношениях.

Использование прецедента при создании слогана позволяет усилить воздействие данной текстовой константы, расширить содержание всего текста, сохранив при этом краткость формы.

В случаях, когда смысл исходного текста идет вразрез со смыслом текста вторичного, нельзя говорить о коммуникативной неудаче. Несмотря на различные, вплоть до отторжения реакции потребителя рекламного текста на такое использование прецедента, основная цель рекламы достигнута: и сам текст, и, следовательно, товар «зацепили» и остались в памяти.

Итак, заголовок и слоган рекламного текста формируются специальным набором речевых стратегий адресанта и обуславливают особенности речевого поведения адресата. Особенности бытования прецедентных феноменов, тяготеющих к такой инициальной позиции, как заголовок, обусловлены общими закономерностями развития рекламного дискурса.

Литература

1. Кузнецова, Я. В. Форма поэтического произведения как прецедентный феномен / Я. В. Кузнецова // Русистика на современном этапе: сб. науч. тр. – М., 1999. – 181 с.
2. Медведева, Е. В. Рекламная коммуникация / Е. В. Медведева. – М., 2004. – 280 с.
3. Мокшанцев, Р. И. Психология рекламы / Р. И. Мокшанцев. – М., 2000. – 230 с.
4. Морозова, И. Слагая слоганы / И. Морозова. – М., 2001. – 172 с.
5. Фещенко, Л. Г. Структура рекламного текста: учебно-практическое пособие / Л. Г. Фещенко. – СПб., 2003. – 232 с.

Информация об авторе:

Рagимова Фарида Сиражадиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета, ida_ragimova@yandex.ru.

Ragimova Farida Sirazhadinovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Journalism and Russian literature of the XX century of KemSU.

УДК 81'27

ЭТАПЫ И ВИДЫ МАНИПУЛЯЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В НЕИСКРЕННЕМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА «НИГЕРИЙСКИЕ ПИСЬМА»

В. В. Радевич

STAGES AND TYPES OF MANIPULATION IN INSICERE DISCOURSE AS REVEALED IN THE 'NIGERIAN LETTERS' GENRE

V. V. Radevich

Статья посвящена анализу речевого жанра «нигерийские письма». Подробно рассматриваются этапы и виды манипуляции, используемые авторами писем в целях вымогательства денег.

This article is devoted to the analysis of the "Nigerian letters" speech genre. Stages and types of manipulation, used by the authors for blackmail, are discussed in detail.

Ключевые слова: речевой жанр, манипуляция, этапы и виды манипуляции, стратегия, тактика.

Keywords: speech genre, manipulation, stages and types of manipulation, strategy, tactics.

Цель публикации состоит в том, чтобы описать этапы и виды манипулятивного воздействия, а также речевые и языковые средства их реализации, обнаруженные нами в ходе анализа неискренного дискурса в жанре «нигерийские письма».

Объектом исследования является неискренний дискурс, как проявление такой дискурсивной стратегии языковой личности, как неискренность. С семантической точки зрения, неискренность представляет собой личностный смысл, состоящий в осознанном выражении ложных пропозиций взамен истинных [3, с. 220 – 227].

«Нигерийские письма» являются одним из самых распространённых видов Интернет-мошенничества, которому даже присвоен свой код № 419. Суть этого мошенничества состоит в том, что от имени лиц различного социального статуса и рода деятельности, проживающих в одной из африканских стран, у получателя письма просят помощи в многомиллионных денежных операциях, обещая солидные проценты с сумм. Если получатель согласится участвовать, у него постепенно выманиваются крупные суммы денег якобы на оформление сделок, уплату сборов, взятки чиновникам, а потом и штрафы.

Особенностью речевой организации жанра «нигерийские письма» является использование такой коммуникативной стратегии, как манипуляция.

«Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [1, с. 59].

Г. А. Копнина выделяет следующие признаки манипуляции.

1. Манипуляция – это вид духовного, психологического воздействия, а не физическое насилие.

2. Манипуляция – это скрытое воздействие. Конечная цель манипулятора, как и сам факт манипуляции, должны быть не замечены объектом манипуляции. При этом у него (объекта) сохраняется иллюзия самостоятельности принятия решений.

3. Манипуляция – это воздействие, требующее определённых знаний и значительного мастерства.

4. К объектам манипуляции относятся не как к личности, а как к объектам.

Манипуляцию порождает ситуация, когда присутствует внешняя для коммуникации цель и отсутствует ее открытое объяснение-предложение для всех участников коммуникации. Осуществляя манипуляционную коммуникацию, ее создатели ставят целью управление ситуацией через управление поведением людей. Для манипуляционных технологий инструменты управления поведением и цель, которая ставится при таком управлении, как правило, скрыты от людей, чьим

поведением управляют. Содержание сообщения (коммуникативное пространство текста) создается заранее и определенным образом «упаковывается» для того, чтобы изменить его смысловую, целевую или ценностную идентификацию адресантом.

Манипулятивное воздействие, как и любой процесс, проходит несколько этапов: 1) подготовительный; 2) аттракционный; 3) перлокутивный [4, с. 98].

Рассмотрим каждый из этапов подробнее.

К подготовительному этапу следует отнести действия связанные со сбором информации, организацией ситуации и подготовкой адресата. А также выбор или создание «мишеней психологического воздействия» – тех психических структур, на которые будет оказываться влияние со стороны инициатора воздействия и которые будут изменяться в направлении, соответствующему самой цели воздействия [1, с. 117].

Что касается «нигерийских писем», то в них образ адресата практически лишён какой-либо определённой информации. Исключение составляют так называемые «официальные письма». Их основная идея сводится к предложению ведения партнёрского бизнеса, совершения различных экономических сделок и т. д. Адреса и телефоны бизнесменов берутся из рекламных буклетов, добываются в посольствах, переписываются из справочников и телефонных книг.

В остальных случаях информация об адресате практически сводится к нулю.

Так как аудитория, на которую направлено воздействие, несоизмеримо широка, то в качестве мишеней этого воздействия мошенники используют наиболее универсальные. Воздействие строится в расчёте как на «низменные», так и на «возвышенные» влечения и устремления человека. В качестве «низменных» выступает чувство жадности, стремление быстро обогатиться, т. е. получить деньги приложив минимум усилий.

(1) «*Telecoms has Awarded you GBP 1,000,000 in 2011 Anniversary draw*» (компания Телеком награждает вас...).

(2) «*Your email won the lottery... a total pay out of 1,000,000.00Euros*» (ваш электронный адрес выиграл лотерею...) [6].

В случае с «возвышенными» устремлениями, мы имеем дело с такими чувствами, как жалость, сочувствие, сопереживание, искреннее стремление помочь, желание быть нужным. В данном случае в письмах идёт речь о помощи в создании благотворительных фондов, помощи тяжело больным или умирающим людям, спасении из лагерей беженцев и т. д.

(3) «*am a 71 years old widow... celebrate 5 years as a multiple myeloma (MM) survivor... to ask for your support in establishing a similar trust fund in your country... offering you the chance to be of great effect to your community*» (...я вдова и мне 71...уже 5 лет больна миеломой...я прошу помощи в создании благотворительно фонда...я предлагаю вам возможность стать полезным вашему обществу) [6].

Аттракционный этап осуществляется посредством презентационной стратегии в сочетании с манипуляционной.

Задачей презентационной стратегии является сообщение знания. При этом коммуникационная среда,

в которой происходит общение, может оставаться неизменной, а понимания авторы сообщения пытаются добиться за счет представления целостной картины мира.

Презентационная стратегия сочетается с манипуляционной стратегией, т. е. знание передается не открыто, а в «упакованном» виде. Картина мира представлена искаженно, в виде целенаправленно выбранных фрагментов, необходимых для создания того или иного эмоционального отклика. Содержание писем направлено на управление поведением людей с целью получить от них деньги, которая является скрытой от них. В свою очередь, получатели писем уверены, что это они получают деньги. Такое ощущение уверенности создаётся с помощью презентационной стратегии, которая создаёт некую отдельно существующую от действительности ситуацию.

Для установления контакта авторы используют речевую тактику присоединения, которая состоит в подчёркивании общности и выражается в обращении: «*Dear friend*», «*My good friend*», «*Dear Lucky Winner*» [6].

Чаще всего авторами используется тактика создания автобиографической легенды человека, пострадавшего от притеснения и угнетения или просто вызывающего сочувствие и желание помочь.

(4) «*I am Sodindo Malinga, the first son of Tawanda Malinga, the most popular black farmer in Zimbabwe who was murdered in the land dispute in my country... This land problem came when Zimbabwean President Mr. Robert Mugabe introduced a new Land Act Reform wholly affecting the rich white farmers and some few black farmers, and this resulted to the killing and mob action by Zimbabwean war veterans and some lunatics in the society. In fact a lot of people were killed because of this Land reform Act for which my father was one of the victims... It is against this background that, I and my family fled Zimbabwe for fear of our lives and are currently staying in the Netherlands where we are seeking political asylum...*» (...сын чёрного фермера, который был убит...закон о земельной реформе...привёл к убийствам и насилию...много людей было убито...мой отец был одной из жертв...страх за наши жизни...ищем политического убежища...)» [5].

Одним из основных языковых средств данной тактики является эпитет. С его помощью конструируемый манипулятором образ человека отражается не только концептуально и эмоционально, но и эстетически. Свойства эпитета соотносятся с особенностями сознания, а именно с его преобразующим и интенциональным характером.

В анализируемых нами «нигерийских письмах» наблюдается использование в основном простых и составных эпитетов: «*loving couple*» (любящая пара), «*ungodly manner*» (не угодное богу поведение), «*positive potential*» (положительный потенциал), «*honest cooperation*» (честное сотрудничество), «*reputable and responsible and trust worthy person*» (ответственный, с хорошей репутацией, достойный доверия человек). Использование небольшого количества эпитетов соответствует разговорному стилю речи и не вызывает подозрений у получателя письма. Тогда как использование слитных или сложных эпитетов вызва-

ло бы ассоциации с художественным текстом и возбудило бы подозрение о намеренном внушении и акцентуации внимания на данном аспекте проблемы.

Так, конструируя образ попавшего в беду человека, угнетённого или нуждающегося в помощи, авторы используют такие эпитеты как: «*looming danger*» (надвигающаяся опасность), «*killing and mob actions*» (массовые убийства), «*worthy Christian*» (стоящий христианин), «*selfish interests*» (эгоистичные интересы), «*brief illness*» (короткий период болезни), «*God fearing individual*» (богобоязненный человек), «*dangerous life*» (опасная жизнь), «*frightening experience*» (ужасающий опыт), тем самым вызывая у получателя письма сочувствие и жалость.

Широко используется тактика создания доверия, проявляемая в демонстрации законности сделки, реальном наличии упомянутых людей (использовались фотографии чиновников на своем рабочем месте, фальшивые удостоверения личности, выписки с банковских счетов), состоянии счёта, реальности банковских реквизитов и т. д.

(5) «*You can catch more of the story on this <http://newsfromrussia.com/main/2003/11/13/51215.html>*»

(6) «*Legal Adviser NatWest Bank*
NatWest Bank Plc UK.
20 Dean St London,
W1D 3RU, United Kingdom
Tel: +44 (0)702 402 889»

(7) «*Name on account: Edmond Beneker*
Bank: Wachovia
Address: 8233 Rochester Hwy. SC4600 Salem, SC 29676
USA
Acct.#: 1010246561978
Routing#: 053207766
Swift Code: pnbpus76» [5].

Перлокутивный этап связан с манипулятивным воздействием на адресата с целью побуждения его к желаемому действию.

Лингвистически это выражается через глаголы повелительного наклонения: «*Send the above information...*» (пришлите информацию...), «*Try and come up*»; использование глагола усиления «*Do let me know*»; постановку временных рамок, напоминание о срочности ответа (8) «*The transaction has to be concluded in 1 week*» (операция должна быть проведена в течение одной недели), «*all winnings must be claim not later than july 27th, 2008*» (победители должны потребовать свой выигрыш не позднее 27 июля 2008 года), «*This mail need very urgent reply*» (письмо требует срочного ответа) [5].

Также авторами используется тактика разъяснения, которая не навязчиво подводит адресата к мысли о конкретных действиях.

(9) «*...money for nominating your account for this transaction. Or you can go into partnership with me for the proper profitable investment of the money in your country. Whichever the option you want, feel free to notify me, «If you do not prefer a partnership I am willing to give you 10 % of the money while the remaining 85 % will be for my investment in your country...».*» (что бы вы не выбрали, просто поставьте меня в известность...если вы не желаете быть партнёром, я отдам вам 10 % от

суммы, тогда как остальные 85 % пойдут на различные вложения в вашей стране...) [6].

Проанализируем «нигерийские письма» с точки зрения наличия в них различных видов манипуляции.

Л. Е. Доценко выделяет следующие её виды.

Манипуляция образами. Основная идея заключается в предъявлении стимулов, актуализирующих необходимую манипулятору потребность.

Речь идёт об образах актуально воспринятых или мысленно сконструированных.

В рассматриваемом нами случае, в «нигерийских письмах», мы имеем дело с образами «мысленно сконструированными», а точнее, с приёмом, основанным на непосредственном управлении воображением адресата. Так, авторы писем конструируют образ несчастного, попавшего в беду человека или богатого бизнесмена, нуждающегося в сотрудничестве или партнёрстве.

(10) «*...My Husband died after a brief illness that lasted for only four days... my Doctor told me that I would not last for the next four months... »* (мой муж умер из-за болезни, длившейся всего 4 дня... мой доктор сказал, что мне осталось не больше 4-х месяцев...).

(11) «*...I LOST MY FATHER, HE WAS A WELL KNOWN BUSINESS MAN... HE WAS POISONED BY HIS BUSINESS ASSOCIATES... NOW I'M PRESENTLY IN ABIDJAN, COTE D'IVOIRE AS REFUGEE (ASYLUM SEEKERS) IT INTEREST ME TO WRITE YOU FROM MY HEART HOPING THAT YOU WILL NOT BETRAY ME... TO ENABLE ME GET OUT OF THIS COUNTRY BEFORE HIS ENEMIES KILL ME... TREAT ME LIKE YOUR OWN CHILD...*» (я потеряла своего отца...он был известным бизнесменом...он был отравлен своими компаньонами...сейчас я нахожусь в Абиджане в качестве беженца...от всего сердца надеюсь, что вы не предадите меня...поможете выбраться из страны до того, как его враги убьют меня...обращайтесь со мной как со своим собственным ребёнком) [5].

Операционально-предметная манипуляция основывается на таких механизмах, как инерция, сила привычек, особенности распределения внимания. Авторы писем, как правило, акцентируют внимание на необходимости помощи, которую адресат может оказать: (11) «*WHAT I NEEDED FROM YOU IS YOUR GOOD ASSISTANCE IN HELPING ME*». (всё, что мне нужно, это ваше содействие) [Nigerian Scam Mail Archives]

Не подвергается сомнению тот факт, что при получении письма наше сознание автоматически фиксирует информацию, оформленную отлично от остального текста. Так происходит манипулятивное воздействие шрифтом (Шейнов, Песоцкий). С помощью увеличения объёма, жирности шрифта выделяется информация, к которой манипулятор хочет привлечь внимание адресата. В. П. Шейнов отметил, что толстый и жирный шрифт подсознательно ассоциируется с надёжностью.

Очевидно, что авторы «нигерийских писем» наиболее важной информацией в своих письмах считают суммы предлагаемых денег:

(12) «\$3 500 000», «TWO MILLION DOLLARS», «THIRTY MILLION UNITED STATES DOLLARS ONLY» [6].

Поддавшись на манипуляции мошенников, жертва продолжает перечислять необходимые суммы денег, как правило, небольшого объема («payment of 50 usd so that you will get this loan transfer to you without any further delay»), в силу привычки «доводить дело до конца». Начав некую работу и на полпути обнаружив, что завершение гораздо дальше, чем предполагалось, большинство людей, скорее, продолжают вкладывать усилия, чем предпочтут пренебречь вложенными усилиями [1, с. 162 – 163].

Эксплуатация личности адресата. Её сущность заключается в факте переложения ответственности за совершаемые действия на адресата, при этом создавая иллюзию свободы в принятии того или иного решения, иллюзии совершения поступка.

(13) «...I have two options for you. Firstly you can choose to have certain percentage... Or you can go into

partnership with me for the proper profitable investment ... If you do not prefer a partnership I am willing to give you 10 % of the money... » (я предлагаю вам два варианта действий...первый...или вы можете стать моим партнёром...или...) [5].

В ходе анализа неискреннего дискурса в жанре «нигерийские письма» нами были выявлены три этапа манипуляции: 1) подготовительный (сбор информации, организация ситуации и подготовка адресата, а также выбор или создание «мишеней воздействия»), 2) аттракционный (презентационная стратегия в сочетании с манипуляционной, тактика присоединения, тактика создания автобиографической легенды, тактика создания доверия), 3) перлокутивный (тактика разъяснения, лингвистические средства).

Также нами были рассмотрены такие виды манипулятивного воздействия как манипуляция образами, операционально-предметная манипуляция и эксплуатация личности адресата.

Литература

1. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М.: ЧеРо (МГУ), 2000.
2. Плотникова, С. В. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) / С. В. Плотникова. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2000. – 244 с.
3. Поспелова, А. Г. Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией / А. Г. Поспелова, Е. Н. Шустова // Прямая и непрямая коммуникация: сб. научных статей. – Саратов: Колледж, 2003.
4. Шейнов, В. П. Скрытое управление человеком (психология манипулирования) / В. П. Шейнов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001.
5. Internet Fraud and Online Security [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.419legal.org/>
6. Nigerian Scam Mail Archives [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nigerianspam.com/>

Информация об авторе:

Радевич Валентина Владимировна – аспирантка кафедры французского языка КузГПА, преподаватель английского и французского языков, «Тринити Центр», 8-905-966-37-91, Valentina.Radevich@yandex.ru.

Radevich Valentina Vladimirovna – post-graduate student at the French Language Department of Kuzbass State Pedagogical Academy, English and French teacher at “Trinity Centre”.

УДК 821.161.1 Сорокин.07

ДЕКОНСТРУКЦИЯ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ В. СОРОКИНА «РОМАН»

Е. Н. Рогова

DECONSTRUCTION OF F. M. DOSTOEVSKY'S "CRIME AND PUNISHMENT" IN V. SOROKIN'S "NOVEL"

E. N. Rogova

Статья посвящается деконструктивистскому подходу при прочтении романа В. Сорокина «Роман», выявлению игровой стратегии автора, основанной на разрушении и созидании традиций классического русского романа.

The article is devoted to the deconstruction approach to the reading of V. Sorokin's "Novel", detection of the author's play strategy on destructing and creating the traditions of the classical Russian novel.

Ключевые слова: деконструкция, роман, авторский стиль, стихотворная и прозаическая речь, игра, пастиш.

Keywords: deconstruction, novel, author's manner, poetry and prose speech, play, pastiche.

Наличие игровой установки автора в произведениях В. Сорокина, несомненно, в «Романе» читатель ощущает литературные влияния русских классиков, хотя прямых указаний, четких цитат нет. В. Сорокин подвергает переосмыслению особенности стилей романов девятнадцатого столетия, стилизует и обыгрывает узнаваемые элементы поэтики произведений. Попытаемся использовать деконструктивистский подход при прочтении романа В. Сорокина «Роман». Проследим за двойственностью текста, его внутренней противоречивостью, помня, что «деконструкция – это не демонтаж структуры текста, а демонстрация того, что уже демонтировано» [4, с. 126]. Основная часть романа В. Сорокина «Роман» состоит из стилистических аллюзий на творчество И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского.

Начало романа В. Сорокина «Роман» содержит приметы авторского стиля и стиля литературного направления. Под стилем мы понимаем, вслед за Н. Д. Тамарченко, «узнаваемый тип единой и эстетически целенаправленной упорядоченности (через систему композиционно-речевых форм произведения) фонетических, лексико-синтаксических и т. п. особенностей всех высказываний речевых субъектов, а также функций этих высказываний; общий регулятивный принцип такого рода особенностей высказываний и их композиционных форм в произведении, который осознается на фоне аналогичных художественных явлений» [7, с. 456]. Приведем анализируемый фрагмент из романа В. Сорокина: «Как все заросло вокруг! Какое запустение и торжество жизни над смертью. Сочная, густая трава покрывает все. Как красива она, сильна и разнообразна. Здесь зверобой и иван-чай, душица и мята, кукушкин лен и пижмы. Земляника стелется по еле различимым холмикам могил кудрявым ковром, дразня алыми бусинками ягод, папоротник заслоняет трухлявые кресты резными листьями, крапива высится, перерастая ржавые ограды. Вот простенькая ограда, завалившаяся под натиском колючих веток шиповника, а рядом – другая, побогаче, – проросшая молодой березкой и повисшая на ней: растет юное деревце, тянет за собой ржавые прутья....Хочется сесть на траву, прислониться к бугристому стволу старой березы и слушать немолчный шум крон, забывая обо всем брэнном, мелочном, недолговечном» [6, с. 269 – 270]. Перед нами речь автора-повествователя, носителя идиллического настроения. Идиллическая образность формируется лексикой, связанной с темой природы, растительной жизни. Автор использует многочисленные названия растений: зверобой, Иван-чай, душица, кукушкин лен, пижма, папоротник, крапива, земляника, шиповник, береза. Мотиву буйства природы противопоставлен мотив запустения, забвения, связанный с образом кладбища. Глаголы: покрывает, стелется, заслоняет, высится, перерастает, – способствуют формированию образа активной природы, словно стремящейся стереть следы человеческой социальной жизни (папоротник заслоняет трухлявые кресты, простенькая ограда завалилась под натиском колючих веток шиповника, юное деревце тянет за собой ржавые прутья). Формируется элегический мотив равнодушия природы к человеческому «я». Автор-повествователь выражает стремле-

ние приобщиться к гармоничному идиллическому миру природы, проявляющееся в пространственном слиянии, сближении с окружающим природным бытием (хочется прислониться к стволу березы) и стремлении отказа от рефлексии (хочется слушать шум крон, забывая о брэнном, мелочном, недолговечном). Речь автора-повествователя, содержащая высказывания, посвященные идиллическому пейзажу, носит эмоционально приподнятый характер. Приведенная цитата из романа В. Сорокина начинается с восклицательного предложения («Как все заросло вокруг!»). В данном предложении, выделяющемся интонационно, образ заросшего кладбища соотносится с центральной темой всего фрагмента равнодушия природы к проявлениям человеческой жизни. Пейзаж в романе В. Сорокина одушевлен, при описании картин природы используются определения, связанные с характеристиками человеческой жизни: трава красива, сильна; земляника стелется кудрявым ковром; земляника дразнит. Отголоски человеческой жизни здесь связаны с неодушевленными предметами (кресты, ограда, холмики могил) и определениями, имеющими значение отсутствия жизни (трухлявый, еле различимый, завалившаяся). В приведенном фрагменте можно выделить контекстуальные образы-антонимы, способствующие формированию темы противопоставленности вечно обновляющейся природы и смертного человека. В характеристике природы присутствует «индивидуальность» (трава разнообразна), в человеческом мире, пространстве кладбища, память о человеческой индивидуальности отсутствует (еле различимые холмы могил). Тема природы в данном контексте соотносится с образами развития (есть молодая и старая березы, юное деревце). Тема человеческой судьбы связана со смертью, разрушением (ржавые прутья, еле различимые холмы, трухлявые кресты); в природе яркость и интенсивность проявлений жизни, оформленность (трава красива, у папоротника резные листья), а в мире человека бесформенность (еле различимые холмы могил). В следующем фрагменте, представляющем собою внутренний монолог Романа, главного героя «Романа» В. Сорокина, выдержанном в том же стилистическом ключе, присутствуют схожие образы и мотивы: «Какое чудо. Лес вечен, как сама жизнь. И как жизнь, прекрасен. Но как странно отчужден он от человека, как далек он от него в своей самости! Он существует сам по себе и живет своей особой жизнью, в которую мы можем вмешиваться со своими топорами, пилами и огнем, но с которой мы не можем слиться, соединиться... она так или иначе проходит мимо, не дается в наши грубые руки. Мы идем по лесу, а он стоит, не обращая на нас внимания. Мы любим его красотой, а он не видит нас. Мы кричим, а он молчит, возвращая нам наши голоса многократным эхом. Ему ничего не нужно от нас. Он свободен. Как это прекрасно...» [там же, с. 333]. Данные фрагменты объединены единой манерой повествования, а также легко сопоставимы с конкретным авторским стилем. В. Сорокин явно стилизует И. С. Тургенева, хотя, конечно же, «объектность и условность воспроизводимого стиля ощущается благодаря его соотнесенности с языковым сознанием «современного стилизатора и его аудитории» [7, с. 462]. В.

Сорокин опирается на клише или, точнее, коды, связанные со стилем, жанром, типами художественной целостности. В стилизуемых фрагментах В. Сорокина, анализируемых нами, присутствует комплекс идиллических и элегических мотивов. В приведенных фрагментах узнается не только авторский стиль, И. С. Тургенева, но и стиль, характерный для произведений, содержащих элегическую картину мира. Это элегия в прозе, образцы которой появляются в литературе в конце восемнадцатого века. В. Сорокин использует лексику, формирующую оппозиционные темы вечности и мгновенности, природы и человеческой жизни. Приведенные цитаты носят медитативный характер, содержат философские рассуждения о соотношении вечно обновляющейся природы и краткой жизни человека.

Сопоставим фрагменты из романа В. Сорокина с фрагментами из произведений И. С. Тургенева для выявления общности «жанрового» стиля. Например, «Поездка в Полесье» И. С. Тургенева содержит элегическую картину мира. В «Поездке в Полесье» И. С. Тургенева носителем элегического переживания является рассказчик. Произведение открывается описанием природы, передающим элегический строй чувств рассказчика, напоминающих переживания героя романа В. Сорокина: «Вид огромного, весь небосклон обнимающего бора, вид «Полесья» напоминает вид моря ... та же первобытная, нетронутая сила растилась широко и державно перед лицом зрителя. Из недра вековых лесов, с бессмертного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, — говорит природа человеку, — я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть». Неизменный, мрачный бор угрюмо молчит или воет глухо — и при виде его еще глубже и неотразимее проникает в сердце людское сознание нашей ничтожности. Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, — трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет — вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли — и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значение и в свою силу» [9, с. 205]. В данном отрывке присутствует стиль, характерный для элегий в прозе. В этом фрагменте видно элегическое соотношение тем: ничтожный, смертный человек противопоставлен Вечной равнодушной природе. В приведенном примере присутствует характеристика элегического времени, времени человеческой жизни: человек рассматривается как существо одного дня, рожденный сегодня и уже обреченный на смерть. Данный отрывок может послужить объяснением характеристики «сконцентрированности» элегического времени и пространства. Окружающий человека мир настолько огромен и непостижим в своей вечности для человека, что человеческое «я» ищет спасения в собствен-

ном, малом пространстве. Эту же систему образов использует В. Сорокин, развивая мотивы вечности и равнодушия природы, смертности человека (образ овсянки, мирно чистящей клювик на кресте с надписью «Роман»). Подражая стилю И. С. Тургенева, В. Сорокин использует особенности поэтики ряда произведений писателя. В. Сорокин заостряет особенности авторской манеры повествования И. С. Тургенева, делает их отчасти гротескными, «слишком тургеневскими» (расширяет перечисление однородных членов предложения при описании природы, количество синтаксические конструкции, в которых сопоставляется жизнь природы и человека). В. Сорокин, опираясь на традиции стиля И. С. Тургенева, традиции элегических произведений, объединяет элегические и идиллические мотивы, но в их частом повторении, в очевидных выводах, настойчиво повторяемой характерной лексике кроется почва для игры.

Обращаясь к стилю Л. Н. Толстого, В. Сорокин использует, в частности, составляющие художественной целостности романа «Анна Каренина». В «Романе» присутствует фрагмент, содержащий приметы стиля и идиллической картины мира отдельных эпизодов романа Л. Н. Толстого. Тем не менее можно говорить лишь о подобии идиллической художественности. Сопоставим стилизуемый В. Сорокиным текст с фрагментами романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Попытаемся выяснить, как удастся автору постмодернистского произведения сформировать текст-«подобие», «сымитировать» целостность художественного мира романа Л. Н. Толстого и одновременно разрушить ее.

В. Сорокин в «Романе» использует элементы сюжета, темы, мотивы романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Воссоздается нравственная проблематика произведения Л. Н. Толстого, отношение к миру одного из героев, Левина. В. Сорокин изображает наиболее характерные черты поэтики романа Л. Н. Толстого, чтобы читатель смог уловить сходство и различие текстов, понять смысл разворачивающегося на уровне стиля процесса игры. В частности, В. Сорокин обращается к излюбленной Л. Н. Толстым теме народа, к эпизодам сюжета, посвященным косью, идиллическому единению героя с природой. В романе «Анна Каренина» переживания героя раскрываются в речи автора-повествователя: «Чем долее Левин косил, тем чаще он чувствовал минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тело, и, как по волшебству, без мысли о ней, работа правильная и отчетливая делалась сама собой. Это были самые блаженные минуты» [8, с. 279 — 280]. Тема счастья от ощущения сближения с крестьянами, природой, окружающим миром передается в словах автора: «Коса резала сама собой. Это были счастливые минуты. Еще радостнее были минуты, когда, подходя к реке, в которую утыкались ряды, старик обтирал мокрую густою травой косу, полоскал ее сталь в свежей воде реки, зачерпывал брусницу и угощал Левина ... и тотчас после этого наступала блаженная медленная прогулка...» [там же, с. 279]. Л. Н. Толстой развивает темы радости телесного существования, здоровья, достижения счастья через движение, коллективный труд:

«Левин не замечал, как проходило время», «... он не чувствовал никакой усталости», «он чувствовал себя более близким к нему, чем к брату, и невольно улыбался от нежности, которую он испытывал к этому человеку» [там же, с. 280 – 281]. Мотивы удовольствия от косьбы, духовного родства с простыми людьми присутствуют в репликах Левина: «А как мы сработали луг! Ах, как хорошо, удивительно!», «Ты не пове-ришь, какое наслаждение», «Мы скосили весь луг. И с каким стариком я там подружился! Это ты не можешь себе представить, что за прелесть!» [там же, с. 283, 285].

В. Сорокин применяет комплекс мотивов, связан- ный с идиллическим эпизодом романа Л. Н. Толстого, но достигает эффекта, позволяющего читателю осоз- нать игровую интенцию автора: «Господи, как хоро- шо! – думал Роман, с каждым движением обретая свободу и уверенность. – Как это просто: коси, коса, пока роса... Коси, коса, пока роса... Как просто и хо- рошо» [6, с. 414]. Тема гармонии в приведенной выше реплике героя романа В. Сорокина на интонационном уровне реализуется в стихотворном ритме, содержа- щемся в поговорке и усиливающимся при ее повторе- нии. Избыточность ритма для прозаической речи спо- собствует появлению иронии, «отстраненности» от стилизуемого текста. Глава «Романа», посвященная косьбе, завершается песней. В. Сорокин, вынося в речь автора и героя четкую формулировку нравствен- ной проблематики, вытекающей в романе Л. Н. Тол- стого из сюжетного развития, вновь достигает не идиллического, а иронического смысла, усиливая ха- рактерную для произведений Л. Н. Толстого склон- ность к морализаторству: «Он слушал их, улыбался, отвечал, шутил, не чувствуя никакой разницы между собой и ими, радуясь, что и они, подчас увлекаясь, разговаривая, забывали об этой разнице, и та толстая, веками создаваемая стена между русским мужиком и русским барином становилась совсем прозрачной» [6, с. 422]. Смысловая избыточность проявляется в по- вторе определения «русский» в рамках одного эпизо- да: «русский мужик», «русский барин», «русская пес- ня». Внесение буквального смысла в символическое значение образа «стена» при помощи использования качественного прилагательного «толстая» (возможна и аллюзия на фамилию писателя «Толстой») также разрушает воссоздаваемую стилистически идилличе- скую картину мира. Текст «русской песни», завер- шающий эпизод, посвященный косьбе, представляет собой веселую плясовую с карнавальными образами, но герой думает о ней как о песне с «неспешной мяг- кой мелодией», что также ведет к ироническому не- соответствию между формально воспроизводимой идиллией и неидиллической игрой со стилем:

.....
Да ты скуй себе топорочек,
Да пойди, Ваня, во лесочек,
Да сруби, Ваня, тополечек,
Сделай Насте холодочек.
Да чтоб Настя не горела.
Да чтоб сердцем да не болела,
Да была б Настя веселая,
Да была б Настя веселая.

Тема божественной воли присутствует наряду с темой гармонии природы и естественности созидая- щего труда в идиллических эпизодах романа «Анна Каренина», но не называется прямо (например, о Ле- вине): «Он чувствовал, что какая-то внешняя сила двигала им» [8, с. 283]. В «Романе» же эта тема разви- вается в слове, повторяется, что, с одной стороны, де- лает нравственную проблематику произведений Л. Н. Толстого узнаваемой для читателя, с другой – слишком определенной, лишенной сакральной тайны. В романе «Анна Каренина» читаем о Левине: «Он ни- чего не думал, ничего не желал, кроме того, чтобы не отстать от мужиков и как можно лучше сработать» [8, с. 277]. Мотив страха в романе В. Сорокина «Роман» вызывает обращение к Богу: «Господи, помоги, – взмолился про себя Роман, чувствуя, как краснеют его щеки. – Я же умел, Господи, не дай осрамиться перед ними» [6, с. 414]. Радуясь, Левин просто восклицает: «Как хорошо!», а в реплике героя В. Сорокина вновь содержится обращение к Богу: «Господи, как хоро- шо!» [6, с. 414]. «Избыточность» в развитии религи- озной темы становится очевидной в «Романе» благо- даря повторению образа Бога уже во фрагменте днев- ника героя: «Отчего человек хочет непременно что-то добавить к созданному Богом миру? Он пишет карти- ны, книги, сочиняет стихи, создает философские сис- темы, наконец, строит небывалые сооружения, как бы дополняя промысел Божий» [6, с. 423]. Повторение ключевых образов стилизуемых эпизодов, «умноже- ние» мотивов делают несомненной игрой В. Сорокина с романскими традициями творчества Л. Н. Толстого, авторским стилем и составляющими идиллического художественного мира.

В «Романе» В. Сорокина наличествуют «идилли- ческие» эпизоды, содержащие, на первый взгляд, об- раз героя, переживающего чувство сближения с ок- ружающим миром природы, идиллические мотивы (радость коллективного труда, приятие мира, изоби- лие в мире природы), идиллическое пространство и идиллическое время. Сюжет и композиционные фрагменты идиллического отрывка в романе В. Соро- кина «Роман» выстраиваются в соответствии со сти- лизуемым текстом Л. Н. Толстого, порожденным идиллической художественностью. В. Сорокин ис- пользуется идиллический пейзаж, диалог героя с кре- стьянами, речь повествователя, передающего едине- ние героя с природой. «Избыточность» стиля романа В. Сорокина, проявляемая на сюжетном, композици- онном, синтаксическом уровнях произведения в мно- гократных повторах элементов идиллической карти- ны мира и черт индивидуальной стилистической ма- неры письма, указывает на игровую интенцию автора. Текст романа В. Сорокина состоит из стилизуемых фрагментов, содержащих приметы авторских стилей, поэтик и характерные для них типы художественного оцельнения, объединяющихся стилистической игрой.

Нравственную проблематику, характерную для русского классического романа, произведений И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, В. Сорокин передает с помощью ключевых слов-образов, мотивов, пере- дающих идейную проблематику творчества писате- лей: природа, народ, смысл жизни, косьба, охота, со- весть, Бог, любовь, нравственный идеал. В. Сорокин

обращается и к стилю А. П. Чехова, а имя главной героини, Татьяны, воспринимается как указание на связь с романом в стихах А. С. Пушкина. Текст В. Сорокина строится на обнажении механизмов повествования русских писателей, в «Романе» присутствует движение к кульминационной точке проводимой деконструкции, связанной с романом Ф. М. Достоевского. Герой В. Сорокина Роман, подобно герою Ф. М. Достоевского, совершает убийство, но автор «Романа» ведет читателя к символической гибели жанра, демонстрируя моделирующие структуры реалистического романа девятнадцатого века, их «око-стеневающие» формы.

Завершающая часть произведения В. Сорокина соотносится с романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», эпизодом, в котором Родион Раскольников убивает старуху процентщицу и Лизавету: «Удар пришелся в самое темя, чему способствовал ее малый рост. Она вскрикнула, но очень слабо, и вдруг вся осела к полу, хотя и успела еще поднять обе руки к голове. В одной руке она еще продолжала держать «заклад». Тут он изо всей силы ударил раз и другой, все обухом и все по темени... Кровь хлынула как из опрокинутого стакана, и тело повалилось навзничь. Среди комнаты стояла Лизавета... Он бросился на нее с топором... губы ее перекошились так жалобно, как у маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана раз и навсегда, что даже руки не подняла защитить себе лицо, хотя это был самый необходимо-естественный жест в эту минуту, потому что топор был прямо поднят над ее лицом. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его. Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнула. Раскольников совсем было потерялся, схватил ее за узел, бросил опять и побежал в прихожую» [2, с. 63, 65]. Ф. М. Достоевский использует натуралистические описания сцен убийства и прием гротеска (в романе описывается два убийства, второе – незапланированное убийство беззащитной Лизаветы, напоминающей ребенка, делает идею автора о греховности и чудовищности совершенного Раскольниковым более «наглядной» для читателя). В сценах убийства важную роль играют детали, передающие психологическое состояние Раскольникова и жертв. В. Сорокин в «Романе» использует слово-«сигнал», позволяющее читателю уловить связь с романом Ф. М. Достоевского – «топор», а также сходные стилистические приемы (натурализм описания сцен убийства и обстановки, гротеск). «Умноженные» до избыточности сцены убийства в романе В. Сорокина теряют психологизм, гротеск ведет к абсурду, потере психологической напряженности сцен, полной бессмысленности, с точки зрения сюжетной логики, экспрессивным средством воздействия на читателя является в данном случае сама языковая игра в романе. В «Романе» В. Сорокина на последних ста двадцати четырех страницах продолжают многочисленные убийства, многократно повторенные удары топором:

только в последнем абзаце, состоящем из пятидесяти девяти страниц, глагол «ударил» используется тридцать восемь раз, помимо этого глагола, присутствуют также глаголы «разрубил», «отрубил», «рубить»: «На лежанке лежали Николай Горохов и его жена Матрена Горохова. На печи лежали их дети: Степан Горохов, Мария Горохова, Иван Горохов и Петр Горохов. Роман подошел к лежанке и ударил Николая Горохова топором по голове. Николай Горохов застонал. Роман ударил Матрену Горохову топором по голове. Она не двигалась. Роман ударил Николая Горохова. Он перестал стонать. Роман подошел к печке. Крайним на печке лежал Петр Горохов. Роман взял его за руки и потянул. Петр Горохов упал с печки. Роман ударил его топором по голове. Петр Горохов не шевелился. Роман потянул за руку Ивана Горохова. Иван Горохов упал с печки и заплакал. Роман ударил его топором по голове. Иван Горохов перестал плакать. Роман потянул за руку Степана Горохова. Степан упал с печки и заплакал. Роман ударил его топором по голове. Степан Горохов замолчал. Роман потянул за руку Марию Горохову. Мария Горохова упала с печки. Роман ударил ее топором по голове. Мария Горохова не двигалась» [6, с. 532 – 533]. Подобные эпизоды повторяются многократно, меняются только имена персонажей, убиваемых Романом (более сорока фамилий крестьян), что неизбежно ведет к потере смысла на сюжетном уровне и усилению значения происходящего на уровне ритмической организации произведения.

В анализируемом нами финальном текстовом отрывке «Романа» В. Сорокина присутствует перечисление действий, характерных для карнавального действия, трагического фарса, сущность которого – растерзание, «разъятие на части тела» [1, с. 212 – 213], связанное с амбивалентностью материи: «эта веселая материя амбивалентна – она и могила, и рождающее лоно, и уходящее прошлое, и наступающее будущее; это само становление» [1, с. 215]. В романе Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» избиение монахом Жаном воров и разбойников в монастырском фруктовом саду символизирует сбор урожая: «Одних он дубасил по черепу, другим ломал руки и ноги, третьим сворачивал шейные позвонки, четвертым отшибал поясницу, кому разбивал нос, кому ставил фонари под глазами, кому заезжал по скуле, кому пересчитывал зубы, кому выворачивал лопатки, иным сокрушал голени, иным вывихивал бедра, иным расплющивал локтевые кости... Кого ему не удавалось поддеть под ребро, тому он выворачивал желудок, и смерть наступала мгновенно. Иных он со всего размаху бил по пупку, и у них вываливались кишки. Иным протыкал мошонку и задний проход» [5, с. 86 – 87]. В последнем текстовом сегменте «Романа» В. Сорокина присутствуют разъятие тела, образы телесного низа, еды, испражнений. В. Сорокин, безусловно, ориентируется на творчество Ф. Рабле, но карнавальные гротескные образы в «Романе» становятся еще более гротескными за счет увеличения композиционных компонентов текста. В последнем абзаце «Романа» В. Сорокина содержатся образы отрубленных голов, рук, ног, сперма, газы, слезы, моча, кал, кишки (слово-образ «кишки», например, повторяется двести четырнадцать раз).

Карнавальным образам в романе В. Сорокина предшествуют стилистические вариации на тему русского классического романа XIX века, индивидуальные особенности стилей доведены гротескным заострением до абсурда, поэтому смерть и разрушение становятся средством обновления, освобождения от пародийно воссозданных стилистических особенностей.

Заключительные страницы романа, в результате использования на десяти страницах однотипных простых нераспространенных предложений, приобретают ритмичность, характерную для ритмизованной прозы, в которой, благодаря повтору глагольных окончаний, появляется рифма: «Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился» [6, с. 635].

Из романа постепенно исчезает разноголосица, характерная для прозы. Слово в конце произведения становится монологичным, экспрессивным, фразы ритмичными, действия героя примитивными, повторяющимися, напоминающими действие автомата. Количество слогов в простых предложениях постепенно уменьшается от 10 – 9 – 8 – 7 до 4 – 3 слогов. Последняя фраза романа В. Сорокина ритмически закономерна: на фоне чередования двусложных и трехсложных слов, ямбического («Роман остановился... Роман перевернулся... Роман понюхал пол... Роман потрогал зубы... Роман пошевелил») и хореического ритма («плюнул», «стукнул», «хлопнул», «вздрыгнул») появляется единство слогов, представляющих собою стопы ямба и хорея: «Роман умер» [6, с. 635]. Разрушение жанра, стилей, связанных с конкретной художественной картиной мира, деконструкция классического литературного произведения находит свое выражение в финале «Романа» в использовании двусложного ритма.

В символическом плане – это переход к архаическим структурам языковых высказываний, движение вспять, к литературным истокам, от сложных сюжетной и композиционной форм романного жанра к примитивной ритмической прозе с сюжетом и композицией, имитирующих действие, напоминающее обряд. О поэтапности формирования высказывания В. И. Тюпа говорит следующее: «...ритмическая и хронологическая организации высказывания зародились еще на ритуально-мифологической стадии культуры. Они несут в себе импульсы значений, уходящих корнями в коллективное бессознательное человеческого духа... Исторически наиболее поздними образованиями являются внешние и уровни объектной и субъектной

организации художественного произведения» [7, с. 456]. В «Романе» В. Сорокина мы имеем дело с последовательным разрушением традиционного сюжета, субъектной организации произведения, деконструкцией скрывающихся повествовательных структур.

Усиление ритмичности к концу «Романа» В. Сорокина ведет к невозможности многоголосия, социального расслоения языка: «Ритм, создавая непосредственную причастность каждого момента акцентной системе целого, ... умерщвляет в зародыше те социально-речевые миры и лица, которые потенциально заложены в слове» [1, с. 110 – 111].

Последние тридцать восемь страниц текста не имеют деления на абзацы, представляют собой единый ритмически и композиционно текстовый сегмент. Отдельные немногословные реплики персонажей не выделяются в нем графически как прямая речь и к концу романа исчезают полностью.

Сюжетное движение в конце романа затормаживается из-за многочисленных повторов, дублирования действий героя: происходит переход от традиционной прозы к прозе повышенной ритмичности, почти стихотворному ритму. Все произведение В. Сорокина «Роман» можно определить как пастиш, стилистическую имитацию, игру на тему индивидуальных стилей. Логикой игры является разрушение этих индивидуальных стилей с помощью гиперболизации стилистических отличий, отсюда закономерный переход от прозы к «поэзии»: «Стиль действительно является отклонением в том смысле, что он отходит от нейтрального языка в силу какого-нибудь отличия, какой-нибудь эксцентричной особенности; поэзия же ... уходит внутрь языка, углубляя его» [3, с. 361]. К концу романа «Роман» В. Сорокина разрушен пародируемый индивидуально-авторский стиль, но усиливается ритмичность прозаического языка, целью почти поэтического ритма является воздействие на читателя, его вовлечение в эстетическую игру. В романе В. Сорокина противоположные тенденции разрушения и созидания сосуществуют, способствуя формированию специфической по своей природе открытой целостности. Перед нами уже классический в постмодернизме пример пародии без цели высмеивания, целью подобной стилистической игры является сама игра. Все произведение представляет собою метаиронию: роман о Романе является деконструкцией классического русского романа.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1990.
2. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский // Полное собр. соч.: в 30 т. – Л., 1973. – Т. 6.
3. Женетт, Жерар. Фигуры: в 2 т. / Жерар Женетт. – М., 1998. – Т. 1.
4. Ильин, И. П. Деконструкция / И. П. Ильин // Западное литературоведение XX века. – М., 2004.
5. Рабле, Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль / Франсуа Рабле. – М., 1991.
6. Сорокин, В. Роман / В. Сорокин: собр. соч.: в 3 т. – М., 2002. – Т. 2.
7. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – Т. 1: Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М., 2004.
8. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой: собр. соч.: в 22 т. – Т. 8. Анна Каренина. – М., 1981.

9. Тургенев, И. С. Поездка в Полесье / И. С. Тургенев: собр. соч.: в 12 т. – Т. 6. Повести и рассказы. 1854 – 1860 гг. – М., 1955.

Информация об авторе:

Рогова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории литературы и истории зарубежных литератур, КемГУ, leonid@kemsu.ru.

Rogova Evgeniya Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Literature Theory and History of Foreign Literatures of KemSU.

УДК 81.00

ЗНАКОВЫЕ СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

М. Ю. Рябова

SIGN STRUCTURES OF EVERYDAY LIFE

M. Y. Ryabova

В статье рассмотрены принципы функционирования знаковых структур, характерных для культуры повседневности. Отмечаются отличительные признаки повседневной культуры, такие как: массовидность, телесность, наглядность и др. Основным проявлением знаковости повседневна является иконический принцип означивания в дискурсе.

The article deals with the functional principles of sign structures, typical of the culture of everyday life. The characteristic features of this culture are: massiveness, bodylines, visibility, etc. Iconism is the main feature of semiotics of quotidian in discourse.

Ключевые слова: повседневность, знаковость, креолизация, иконизм.

Keywords: everyday life, quotidian, semiotics, creolization, iconism.

Культура повседневности – это культура в многообразии всех жизненных проявлений, это то, во что погружен человек, как и где он живет и мыслит, как говорит и общается.

Культура повседневности включает организацию человеческих взаимоотношений, культуру общения и поведения, культуру ведения дискуссий, политическую культуру, культуру массовых коммуникаций, культуру ежедневного быта и др. Таким образом, исходным пунктом осмысления культуры повседневности является человек с соответствующим ему осознанием окружающего мира (в форме обыденного сознания). Обыденное сознание, направленное на понимание процессов языкового функционирования, общения, всех видов коммуникации, институционализировалось как лингвистика обыденного сознания, или лингвистика обыденного метаязыкового сознания, или как теория обыденной лингвистики. Объектом изучения теории обыденной лингвистики стали все факты «стихийного и экстенсивного развития» учения об обыденном метаязыковом сознании, включая такие аспекты, как: закономерности метаязыковой деятельности говорящего и слушающего, портрет метаязыковой личности (индивидуальной и коллективной), виды социального взаимодействия языковых личностей, языковая политика, вопросы так называемой «народной лингвистики».

Обыденное метаязыковое сознание как характеристика человека в его ежедневном бытовании лежит в центре категории повседневности, философской и культурологической, научный интерес к которой проявился в философии постмодерна в форме проблемы «Повседневна».

Термин «повседнев» (от фр. Quotidien и англ. quotidian, нем. Alltag, alltagsleben) появился в традиции социологических, гуманитарных наук как результат переориентации современных философских исследований на рассмотрение проблематики повседневной жизни, где, по мнению большинства исследователей, протекают наиболее важные процессы культурного бессознательного. Проблема изучения повседневности позволяет исследовать жизнь не в ее крайних проявлениях, а в том виде как она проявляется в быту (в большей степени в бессознательном виде).

Традиция изучения повседневна достаточно глубока. Первоначально она развивалась как философия жизни (Аристотель). Затем эта проблема приобрела актуальность благодаря деятельности школы Анналов, отказавшейся изучать историю «великих» людей, предпочтя им историю «молчаливого большинства», достаточно грамотного, чтобы оставить после себя письменные следы [3].

Новый импульс теория повседневна получила в работе Мишеля де Серто «Изобретение повседневна», в которой описывалась практика повседневной жизни [11]. Затем была опубликована книга Э. Гоффмана «Мизансцена повседневной жизни» [12], за которой последовала публикация Пьера Бувье «Работа повседневна: попытки социо-антропологического подхода» [10]. Таким образом, оформилась философская традиция повседневна как категории описания культурного бессознательного, проявляющегося в широком диапазоне социо-культурных практик, включая политические институты жизни и собственно антропологические аспекты жизни современных народов.

Большой вклад в изучение культуры повседневности внес французский философ Пьер Бурдьё, который описал в своей книге «Различие» привычки и вкусовые предпочтения разных слоев французского общества, отметив престижность тех или иных игровых, языковых и прочих пристрастий, убедительно показав, что повседневность представляет собой ту область жизни, где коренятся язык и поведение людей, что повседневность определяет манеру мышления и языковых практик представителей социальных групп [9].

Сегодня интерес к изучению категории повседневности снова возрастает одновременно в русле философии, социо-антропологии, культурологии и лингвистики. По мнению Бернхарда Вальденфельса, интерес к теме повседневности может рассматриваться как симптом возникновения вакуума, генезис которого связан с обесценивающим давлением односторонней рационализации [2, с. 39 – 50].

С другой стороны, внимание современной науки к проблеме повседневности связано с такими вопросами, как семиотика вещей, восприятие картины мира обыденным сознанием, архетипы массового сознания как регуляторы поведения, этикет, престиж, мода, реклама, имидж, взаимодействие традиционных высших и бытовых форм культуры. Современная культурная действительность основана на нескольких общих принципах: приобретаемости, тиражируемости, связи с техникой, создании и потреблении коллективом [5]. Данные принципы характеризуют культуру повседневности, которая предстает как некоторым образом «культура с маленькой буквы», культура человеческая и демократичная, что и обуславливает повышенный интерес науки к ее изучению в связи с необходимостью отличать традиционную культуру от альтернативной, культуру как духовность от некультуры и бездуховности.

Содержание понятия «повседневность» варьируется в зависимости от подходов, применяемых в исследованиях. Так, в работе И. Т. Касавина и С. П. Щавелева приведены следующие аспекты повседневности.

1. Повседневность как социологический феномен выступает в форме усредненного общественного мнения.

2. Как психологический феномен повседневность соответствует набору неизменных поведенческих реакций на окружение.

3. В социо-антропологическом ракурсе повседневность есть кумулятивный опыт группы, который транслируется в процессе изучения языка, ритуалов и др.

4. В когнитивно-социологическом аспекте повседневность выступает как использование результатов культурного творчества.

5. В методологическом плане повседневность «это статический образ мира, в котором искусственно приостановлены креативные, инновационные процессы и выделяются исключительно стабильные, не подверженные сомнению основания жизнедеятельности человека (традиции, ритуалы, категориальные системы)».

6. С трансцендентальной точки зрения повседневность – есть «оповседневливание», секуляризация архетипа или исторических априорных структур.

7. Экзистенциальное измерение повседневности представляет собой способность транслировать некое внешнее состояние мира в состояние «мир в себе» [4].

Повседневность в форме усредненного общественного мнения проявляется, в частности, и в том, что способность усвоить некие культурные коды способствует повышению социального статуса личности. Власть, как правило, захватывают те, кто наиболее полно освоил систему общеупотребительных знаков в данном сообществе. Это могут быть люди умные, талантливые, но чаще – это те, кто усвоил алфавит знаковых кодов [6].

Неизменность поведенческих реакций на окружение проявляется в существовании в разных культурах кодексов поведения, что в языковом плане выражается в наборе речевых формул социального этикета, регулирующего выбор говорящего в том или ином случае, в той или иной коммуникативной ситуации.

В процессе изучения языков повседневность заключается в необходимости запоминания и регулярного повторения, тренинга определенных грамматических моделей, паттернов, языковых клише и устойчивых выражений, будь то пословицы и поговорки или так называемые «крылатые выражения», цитаты известных людей, авторитетных личностей, писателей и др.

Таким образом, культура повседневности всегда связана с использованием результатов предшествующего опыта, с освоением творческого, интеллектуального, материального, научного и иного наследия человечества. В лингвокультурологическом аспекте данная зависимость обнаруживает себя в характерной для современной культуры повседневности тенденции к интердискурсивности коммуникативного пространства, что особенно очевидно в дискурсах медийной и сетевой коммуникации. Именно сетевые и медийные средства массовой коммуникации в максимальной степени изобилуют языковыми клише, характеризуются аллюзивностью своего дискурса, выражающегося в бесконечных намеках, отсылках к известным контекстам, словам, выражениям, песням, кинофильмам, романам и др.

Итак, к основным отличительным признакам дискурса повседневности можно отнести: повторяемость, цикличность, ритмичность событийного наполнения обыденного существования, устойчивость форм культуры; усредненность форм; массовидность распространения обыденных феноменов; отнесенность к частной жизни.

Таким образом, средоточием указанных сторон повседневности оказывается обыденное сознание, отражающее жизненные проявления обывателя (в нейтральном смысле слова), обитателя определенного социо-культурного пространства, участника бытия. Обыденность связана с отдельной личностью и ее непосредственным окружением. В лингвистике это проявляется в актуальности исследований некодифицированного, естественного языка и исследовании сферы метаязыкового сознания, изучаемого в русле лингвоперсонологии. Лингвоперсонология характеризу-

ется тем, что ее исследования сосредотачиваются на изучении языковой способности отдельных языковых личностей.

В когнитивном измерении категория повседневности может рассматриваться как один из способов освоения мира или один из способов человеческой активности, как структура познания, базисные компоненты которой концентрируются вокруг вопроса «как?», а не «что?». Повседневность как структура познания позволяет соотносить все наши восприятия и переживания и таким образом представляет собой совокупность процедур конфигурации и реконфигурации, как машина по производству значений, по созданию и преобразованию всевозможных объектов [7]. Данный способ преобразования значений и объектов К. Леви-Стросс назвал кодом, что позволяет говорить о повседневности в семиотическом измерении.

Одной из конституирующих черт дискурса повседневности является наглядность, т. е. предполагается, что все объекты окружающего мира должны восприниматься как нечто телесное, как образы, а не понятия. Таким образом, можно говорить о знаковом характере повседневности. Человеческий опыт есть поле знаковых систем со специфическими принципами конфигурации, а наглядность есть принцип кодирования содержания повседневности. Наглядность в коде представляет собой иконический принцип означивания, который проявляется в эффекте телесности, вещности, образности, использовании графиков, схем, рисунков и др. Эффект телесности, воплощенный в наглядных образах, в максимальной степени проявляется в современных дискурсах средств массовой коммуникации: на страницах газет, журналов, электронных средств коммуникации, современной прозы в виде эксплуатации образов мужской и женской сексуальности. В практике речевых жанров и коммуникативных форм наглядность как свойство дискурса повседневности выражается в креолизации текста.

Креолизованный текст представляет собой «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [8, с. 300 – 304]. Целостность креолизованного текста обусловлена коммуникативно-когнитивной установкой адресанта, единой темой. Связность проявляется в тесном взаимодействии вербального и иконического компонентов на разных уровнях: содержательном, языковом, коммуникационном. На содержательном уровне связность проявляется в соотносительности семантических связей знаков обоих кодов (вербальных и иконических, которые обозначают одно и то же). Между компонентами креолизованного текста могут существовать композиционно-семантические отношения, т. е. изображение коррелирует со словом, предложением, текстом и др. Восприятие креолизованного текста основано на построении единого целостного концепта, в создании которого участвуют как концепт вербального текста, так и концепт изображения, плюс знания и представления, образующие индивидуальное когнитивное пространство адресанта.

Иллюстрация представляет собой наиболее важный элемент сообщения, его визуальный и композиционный центр, т. к. приковывает внимание реципиента мгновенно и напрямую, образуя доминанту поля лингвистических средств воздействия.

Иконические средства креолизованного текста воспроизводят картину мира, шкалу ценностей, эстетические и этические идеалы нации, составляющие концептосферу культуры повседневности. Е. Е. Аниимова выделила основные функции иконических элементов в структуре креолизованного текста: аттрактивная, информативная, экспрессивная, эстетическая функции. В качестве дополнительных функций выделяются: символическая (выражение абстрактных идей и понятий), иллюстративная (воспроизведение информации в виде наглядных образов), аргументирующая (подтверждение вербальной информации) [1].

Иконическая наглядность позволяет придать информации большую убедительность, напрямую воздействовать на сознание обывателя; изображение может выразить мысль иносказательно, более завуалировано, позволяя интерпретировать эту мысль более свободно.

По характеру взаимоотношения между вербальной и невербальной частями информации, содержащейся в креолизованном тексте, можно выделить следующие типы текстов:

- а) репетиционные тексты, в которых изображение повторяет вербальный текст;
- б) аддитивные тексты, где изображение привносит дополнительную информацию;
- в) выделительные тексты, в которых изображение подчеркивает какой-то аспект вербальной информации, по своему объему значительно превосходящую иконическую;
- г) оппозитивные тексты – содержание картинки противоречит вербальной информации, что производит комический эффект;
- д) интегративные тексты – изображение встроено в вербальный текст;
- е) изобразительно-центрические тексты – с ведущей ролью изображения, вербальная часть лишь поясняет и конкретизирует их [8].

“Hang on, I think they’re just aiming for our hats.”

Например, на рисунке представлен креолизованный текст, вербальный компонент которого содержит следующее высказывание: «Hang on, I think they’re just aiming for our hats» (Держись, кажется, им нужны только шляпы). Иконический компонент поддержива-

ет смысл вербального сообщения, развивая и усиливая его в сторону расширения значения «aiming for» (целятся в шляпы и, как следствие, в головы). Общий смысл данного креолизованного текста можно определить как продуцирующий комический эффект. А сам текст охарактеризовать как репетиционный креолизованный текст.

Итак, изображение и слово в поликодовом сообщении креолизованного текста не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложный смысл. Дискурсы разных текстов смешиваются и адресат воспринимает сразу двойную информацию: очевидный смысл прямо выраженного и скрытого дискурса, направленного на достижение истинных целей адресанта. Это и достигается с по-

мощью креолизованного текста. Таким образом, креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата коммуникации [8, с. 300 – 304].

Очевидно, процесс смыслообразования, происходящий в нашей повседневной жизни, можно представить в виде определенной самоорганизующейся системы дискурсивных структур, обусловленных социальными символическими системами коммуникации, в которых большую роль играет иконический принцип организации структуры знака.

Литература

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс. – М., 1991. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/d/daily/html/7/12/2011>
3. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН: INTRADA, 2001. – 382 с.
4. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.
5. Кнабе, Г. Диалектика повседневности / Г. Кнабе. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/culture/article/knabe_dialpovs.php
6. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности / С. Т. Махлина. – СПб.: Алетея, 2009. – 232 с.
7. Сыров, В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) / В. Н. Сыров // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. Спец. выпуск. – Режим доступа: http://siterium.trecom.tomsk.su/syrov/-Syrov_12.htm
8. Тельминов, Г. Н. Интернет-реклама как вид креолизованного текста / Г. Н. Тельминов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 5.
9. Bourdieu, P. La distinction: Critique sociale du jugement de gout / P. Bourdieu. – Paris: Les Editions de Minuit, 1979. – 672 p.
10. Bouvier, P. Le travail au quotidien, demarche socio-antropologique / P. Bouvier. – Paris: PUF, 1989. – 190 p.
11. De Certeau, M. The Practice of everyday life / M. De Certeau. – Berkeley: Univ. of California Press, 1984. – 204 p.
12. Goffman, E. La mise en scene de vie quotidien / E. Goffman. – Paris: Les Editions de Minuit, 1973. – 256 p.

Информация об авторе:

Рябова Марина Юрьевна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии № 1 Кемеровского государственного университета, mriabova@inbox.ru.

Ryabova Marina Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English philology № 1 of KemSU.

УДК 800

ЭХО-КОНЦЕПТ В РЯДУ ДРУГИХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ

М. А. Рябцева

THE ECHO-CONCEPT AMONG THE OTHER CONCEPTUAL PHENOMENA

M. A. Ryabtseva

В данной статье автор обращается к особенностям функционирования концептосферы английской усадьбы в сознании носителей языка. В качестве материала взяты тексты английской литературы XX века, принадлежащие значимым для этого периода авторам (И. Во и А. Мёрдок). Автор имеет целью предложить новый, «динамический» ракурс рассмотрения лингвокультурной концептосферы и новый термин «эхо-концепт», что позволяет расширить традиционные представления о внутренней структуре концептосферы.

In the given article the author addresses the peculiar functional features of the ‘country house’ conceptosphere in English native speakers’ consciousness. The works of prominent English writers of the XX century (Evelyn Waugh and Iris Murdoch) are analyzed. The author’s aim is to suggest a new “dynamic” viewpoint for studying the linguocultural

conceptosphere and 'echo-concept' as a new term, thus expanding the traditional ideas of the inner structure of the conceptosphere.

Ключевые слова: концепт, антиконцепт, концептосфера, ценностный компонент, эхо-концепт.

Keywords: concept, anticoncept, conceptosphere, value component, echo-concept.

Многообразие дефиниций концепта, обусловленное неоднозначностью, семантической многоплановостью и глубиной самого определяемого явления, привело к тому, что некоторые исследователи стали относить его к «квазиметодологической категории» [8, с. 283]. Термин «концепт» относится к совокупности междисциплинарных (философия, лингвистика, филология, искусствоведение, социология, программирование) понятий, которые используются так широко, что понимается под ними подчас едва ли не всё, что угодно исследователю. Более того, выделяется целый ряд смежных понятий и терминов, которые нередко отождествляются с термином «концепт» – «понятие», «значение», «сигнификат» и др. Проблема их дифференциации – одна из самых сложных и дискуссионных в языкознании.

С другой стороны, наряду с термином «концепт» существует группа однокоренных терминов, таких, как «антиконцепт», «метаконцепт», «концептосфера». Таким образом, проявляется склонность людей мыслить, с одной стороны, оппозициями, а с другой – относителными категориями. Образы и понятия в человеческом сознании не существуют сами по себе, а определяются через взаимоотношения их с другими объектами. Эта фундаментальная черта мироустройства запечатлена как в народной мудрости («всё познаётся в сравнении»), так и в одной из главнейших теорий XX века – теории относительности А. Эйнштейна.

Основополагающей компонентой культуры является образ мира, существующий в сознании носителей этой культуры. Слово языка отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое имеется в сознании носителя языка. При этом следует учесть, что человеческое сознание обусловлено не только личностными особенностями, но и коллективным окружением, и условиями жизни. С другой стороны, перемены, произошедшие в сознании индивида, со временем меняют мир вокруг него. Концепты являются образованиями динамического характера [4, с. 243] и подвержены постоянным изменениям, которые изначально обусловлены перестроением жизни общества, а в дальнейшем включается механизм «обратной связи»: импульс, полученный извне, преобразовывается и снова посылается в языковую реальность.

Двойственный характер окружающей нас действительности отражается в трудах многих мыслителей, начиная с античности (Платон, Чжу-Си, Гегель и др.). Гегелевская триада тезис – антитезис – синтез свидетельствует о том, что противоречие следует понимать как сложный феномен, который необходимо рассматривать в составе более глубокого понимания, т. е. мы имеем целостность, которая распадается на бинарные оппозиции, вместе вновь образующие целостность.

Наряду с такими терминами, как «антисептик» (в фармакологии), «антинейтрон» (в физике), «антигерой» (в искусствоведении), появился и термин «анти-

концепт». М. Б. Ларина в диссертации «Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR)» [6] анализирует различные подходы к определению антиконцепта. Аффиксид *анти-*, постоянно возникающий в терминологии самых различных научных областей, не обязательно означает нечто «плохое», наоборот «хорошему», замечает Ю. С. Степанов [9, с. 172]. Е. И. Гуреева определяет антиконцепт как «особое развитие исходного концепта, своего рода усложнённый концепт, не всегда прямо противопоставленный исходному, в содержании которого отрицаются (снимаются) некоторые значимые концептуальные признаки (при сохранении других) и заменяются (замещаются) новыми» [3, с. 18]. Языковой репрезентацией пары концепт – антиконцепт часто является пара антонимов.

Развитие антонимических отношений в лексике отражает наше восприятие действительности во всей её противоречивой сложности и взаимообусловленности. Контрастные слова, как и обозначаемые ими понятия, не только противопоставлены друг другу, но и тесно связаны между собой. В антонимические отношения вступают слова, соотносимые по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному, пространственному – и принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности как взаимоисключающие понятия. Благодаря этим устойчивым связям, в системе языка антонимы воспринимаются на фоне своих семантических коррелятов, т. е., встречая тот или иное слово, имеющее антоним, мы невольно сопоставляем эти взаимосвязанные слова.

В работах по когнитивной лингвистике концепты нередко рассматриваются в рамках коррелятивных отношений синонимии или антонимии. Однако следует учитывать, что подобные семантические корреляции при рассмотрении концептов являются только призмой, поскольку концепты принадлежат уровню языкового сознания, а не системе языка. Кроме того, в отличие от синонимов и антонимов, концептуальные корреляции имеют более субъективный характер.

В. И. Карасик считает, что можно говорить о понятии «предметный концепт...», если в языковом сознании он ассоциируется с культурно значимыми смысловыми рядами» [5, с. 122]. Слова, являющиеся репрезентантами этих концептов (конкретные существительные), обычно не имеют антонимов, хотя в определённом контексте индивидуально-авторское, опциональное противопоставление может иметь место. Однако это не означает, что данные слова и объективируемые ими концепты выпадают из системы языкового мышления. Иногда «узловой точкой» системных отношений языка становится не пара слов, а одно слово, внутри которого можно наблюдать своего рода динамику, семантическую градуальность.

В языковом сознании представителей определённой лингвокультуры концепты образуют упорядочен-

ную совокупность, называемую концептосферой. Наряду с сопоставлением национальных концептосфер между собой, представляет интерес сопоставление групповых и индивидуальных концептосфер с национальной концептосферой, групповых концептосфер с индивидуальными, групповых и индивидуальных концептосфер друг с другом. Интерпретационным полем для подобной работы могут служить произведения национальных писателей, в творчестве которых с наибольшей полнотой и достоверностью отражаются значимые признаки концепта. Выбор окружения номинанта концепта, специфика употребления соответствующей лексемы не случайны, а культурно обусловлены, поэтому исследование дискурсивных практик позволяет реконструировать концепт через актуализацию его признаков в языке.

Однако при этом следует учитывать, что концепт как элемент концептосферы может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может воплощаться на основе альтернативных знаковых систем, таких, как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.

В современной гуманитарной науке, при устойчивом интересе к наследию усадебной культуры, любопытным является тот факт, что, несмотря её на очевидную «визуальность», «материальность» (дом, сад, обстановка), феномен усадьбы широко исследуется в рамках филологической науки на материалах художественных литературных текстов. Следовательно, есть основания полагать, что одной из важнейших составляющих феномена дворянской усадьбы является её особая духовная атмосфера, получающая наилучшее отражение в произведениях национального языка и обращённая напрямую к национальной ментальности. Мы считаем, что такая особенность усадебного феномена позволяет рассматривать его через призму когнитивной лингвистики.

При рассмотрении концептосферы английской усадьбы можно условно разделить составляющие её отдельные концепты на две группы: «материальные» (предметы, являющиеся неотъемлемой частью обстановки поместья) и «ценностные» (сфера отношений)

Классические образцы «усадебной прозы» относятся к XIX веку, который был «материальным» веком. Материальное становилось идеалом, красотой, поэзией. Мир был наполнен вещами, а деньги являли собой основное мерило всех вещей. Аристократизм понимался как виртуозная культура внутренней и внешней жизни, и вещи начали выражать своих владельцев. Накопление эстетических богатств и восхищение ими постепенно стало самоцелью. «Вещный мир» уже не выражает, а замещает человека. Будучи пресыщены собственным домом, хозяева уже не могут вдохнуть в него жизнь, придать ему индивидуальный характер.

Таким образом, со временем происходит смещение акцентов. В позднейших произведениях на первый план выходит масса «типичных» для английского поместья предметов и деталей, которые уже являются своеобразной «торговой маркой», и даже отношения становятся едва ли не театральными, пытаясь соответствовать существующим представлениям о жизни

в «настоящей английской усадьбе». Не обязательно описывать вещи в таком доме, достаточно их просто назвать: ‘Chippendale fretwork’, ‘Chinese drawing’, ‘painted paper’, ‘tapestry-hung hall’, ‘cucumber sandwich’, ‘silver cream-jug’, ‘English girl <...> in flowered muslin’ – чтобы воскресить в памяти узнаваемую концептосферу. Опасность, однако, состоит в том, что истинно характерные, индивидуальные и тем ценные черты превращаются в «обаяние» (‘charm is the great English blight’), становятся чисто внешними атрибутами.

Происходит словно бы «умаление», «сжатие» и дальнейшее «перевёртывание» означаемого и означающего. В романе А. Мёрдок «Дикая роза» (‘An Unofficial Rose’, 1962) австралийский кузен приезжает в гости к родственникам в их английскую усадьбу. Хозяева считают, что мальчик в восторге, что ‘*our chaos is ceremony to him*’ («для него наш хаос – придворный этикет») и что он находит Грейхеллок ‘*terribly romantic*’ («до крайности романтичным»), однако у Пенна несколько иное мнение, если не сказать противоположное: ‘*...he would be sorry to go home without having seen a bit more of England. But he was depressed by the countryside which they all thought so pretty, and constantly exclaimed about instead of taking it for granted. He disliked its smallness, its picturesqueness, its outrageous greenness, its beastly wetness*’ («...жалко будет уехать, почти не повидав Англии. Но его угнетал окружающий пейзаж, который они считали таким красивым, которым постоянно восхищались вслух, вместо того, чтобы принимать его как должное. Ему не нравилось, что всё тут такое маленькое, картинное, кричаще зелёное, противно мокрое» [перевод М. Лорие]). ‘Smallness’ («крохотность»), ‘picturesqueness’ («живописность»), ‘greenness’ («зелень»), ‘wetness’ («влажность») изначально не несут никакой коннотативной окраски, а просто отражают самую жизнь здесь, проникают в сознание и становятся необходимыми категориями мысли. Эти черты возможно считать составляющими концептосферы английского поместья, что подчёркнуто их формулированием в виде абстрактных существительных. Эти детали возникают в сознании всякий раз при упоминании Англии и «английского», повторяются, накапливаются, из естественных становятся типическими и наконец превращаются в раздражающие. Романы на полке в комнате Стива (английского кузена Пенна, заочно обожаемого им) ‘*looked dull English tearparty stuff*’ («скучные, всё про английскую семейную жизнь»). То есть «вечерний чай» (‘teaparty’) не является уже атрибутом английского уклада, а вся жизнь в большом поместье низводится до уровня «вечернего чая», который, в свою очередь, возводится до концептуального уровня. При этом каких-либо новых объектов, способных заместить опошлившиеся реалии, нет.

Пенн оказывается в пространстве, которое одновременно и является, и не является тем, чем кажется. Границы между реальностью и её «отражениями» размыты даже для постоянно живущих там людей, и они перестают понимать сами себя, теряют собственные точки отсчёта, обыденное превращается в зловещее, привычное – в потустороннее; это можно сравнить с эхом, отдающимся в коридорах старого дома.

Такой тип отношений представляет собой корреляцию иного рода, нежели корреляция «концепт–антиконцепт». Мы полагаем, что для определения данного феномена на нынешнем этапе целесообразно обратиться к научной метафоре. По Х. Ортеге-и-Гассету, «метафора – незаменимое орудие разума, форма научного мышления» [7]. Метафора напрямую указывает на связь нового объекта с тем, что нам уже известно из нашего опыта, и соединяет не идентичные, а лишь схожие в каком-то аспекте явления. Роль метафоры в понимании нового основана на механизме работы человеческой памяти: ассоциации, заложенные в самой природе механизмов нашей памяти, позволяют человеку соотносить различные впечатления, выявлять их общие черты, а значит, использовать прошлый опыт как основу для толкования настоящего. «Тем самым термин получает новый смысловой оттенок, опираясь на прежние и не отбрасывая их» [7].

Термины метафорического типа отвечают таким требованиям, как краткость, мотивированность (прозрачность внутренней формы) и простота. Кроме того, в уже существующих исследованиях нередко можно встретить определение термина «концепт» посредством различных когнитивных метафор. Это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловый квант бытия», и «ген культуры» (С. Х. Ляпин), и «некая потенция значения» (Д. С. Лихачев), и «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов), и «эмбрион мыслительной операции» (С. А. Аскольдов).

Основным вопросом, определяющим деятельность и результаты всех наук, остаётся вопрос о глубинном, первоосновном устройстве окружающего мира и месте человека в этом мире. Наука, изучающая наиболее общие и фундаментальные закономерности, определяющие структуру и эволюцию мироздания, – это физика, первоначально бывшая частью философии. В свою очередь, законы физики лежат в основе всего естествознания, а развитие языка составляет часть естественной истории человечества. Мы полагаем, что именно среди понятий физической науки мы можем найти то, которое поможет нам определить описанную выше динамическую корреляцию, а именно – явление эха. В физике это явление описывается как «отражение... звука от различных препятствий... воспринимаемое наблюдателем» [1]. В своём первичном значении относящийся к области акустики, этот термин метафорически применяется в астрономии (световое эхо), радиофизике (мировое эхо, long delayed echo), программировании, шахматной терминологии. Все эти применения термина в порой совсем несхожих областях объединяет идея воспроизведения (полностью или частично) некоего стимула по прошествии определённого времени. Данная идея как раз отвечает результатам наших наблюдений.

Несмотря на отсутствие единого определения концепта, налицо принципиальное сходство в пони-

мании его структуры. Большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки. С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [2, с. 7]. В. И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [5, с. 118]. Сделанные нами наблюдения позволяют говорить не о полном преобразовании исходных концептов, составляющих концептосферу УСАДЬБА, либо появлении новых взамен утративших актуальность, а о трансформации лишь одного компонента, а именно – ценностного (по терминологии В. И. Карасика). Остальные составляющие не изменяются, сохраняется также и лексическая репрезентация концепта (см. выше пример с 'teaparty'). Выявленные черты согласуются с представлением о гибкости внутренней структуры концепта, обусловленной его связью с активной динамической ролью концепта в процессе мышления [10, с. 58], однако мы считаем возможным говорить не просто о внутренней динамике, но именно о паре «концепт – антиконцепт». Если корреляция «концепт – антиконцепт» предполагает одновременное наличие в языковом сознании двух концептов, базовые признаки которых включены в «одни и те же понятийные, ценностные, образные сферы при одновременной внутренней оппозитивности данных признаков» [6, с. 50], причём выбор члена коррелятивной пары, маркируемого аффиксоидом *анти-*, в принципе зависит от избранного направления исследования, то в случае с парой «концепт – эхо-концепт» мы имеем дело с отношениями линейного характера: эхо-концепт развивается из концепта, при этом первичный образ также остаётся в сознании языковой личности. Именно сопоставление с эталонным образом и создаёт эффект «эха». В паре «концепт – эхо-концепт» концепт является определяющим элементом, в то время как для пары «концепт – антиконцепт» эту функцию выполняет метаконцепт [6, с. 35].

Итак, для обозначения концептов с переосмысленным ценностным компонентом мы будем применять термин «эхо-концепт». В содержание этого термина мы вкладываем сохранение формы лексической репрезентации концепта при динамике его содержания. На наш взгляд, представляет интерес дальнейшее изучение структурных особенностей данной разновидности концепта и его соотношения с другими концептуальными феноменами.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Большая советская энциклопедия. – 2-е изд.
2. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Гуреева, Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте объекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Гуреева. – Челябинск, 2007. – 22 с.

4. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Ларина, М. Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR): дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Ларина. – Новокузнецк, 2011. – 180 с.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://metaphor.narod.ru/gasset_two.htm (дата обращения: 21.05.2012).
8. Сорокин, Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» / Ю. А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Международного симпозиума. – Волгоград, 2003. – Ч. 1.
9. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
10. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под. ред. И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.
11. Murdock, I. An Unofficial Rose / I. Murdock. – Vintage, 2000.

Информация об авторе:

Рябцева Мария Александровна – ассистентка кафедры английского языка и методики преподавания КузГПА, аспирант КузГПА, +79236344003, X-stichress@ya.ru.

Ryabtseva Maria Aleksandrovna – assistant lecturer at the English Language and Teaching Methodology Department of Kusbass State Pedagogical Academy, post-graduate student at KuzSPA.

УДК 801.73

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА»

О. А. Салтымакова

THE LANGUAGE REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S IMAGE IN N. V. GOGOL'S "SOROCHINSKAYA FAIR"

O. A. Saltymakova

В статье выявляются особенности образа автора повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка», в связи с чем дается характеристика композиционно-речевых типов повествователя, а также выделяются мотивные комплексы и прослеживается их взаимосвязь с типами повествователя.

The article reveals the peculiarities of the author's image in Gogol's "Sorochinskaya fair". The characteristics of the narrator's compositional speech types is provided, motif complexes are marked out and their connection with the narrator's types is observed.

Ключевые слова: художественный текст, образ автора, повествователь, мотив.

Keywords: literary text, author's image, narrator, motif.

С целью выявления особенностей образа автора в повести Н. В. Гоголя проанализируем две словесно-художественные структуры в их взаимосвязи: типы повествователя и комплекс мотивов. Анализ вербализации образа автора в аспекте сопряжения типов повествователя и мотивной организации художественного текста объясняется следующим.

Во-первых, образ автора – «это не простой субъект речи» [3, с. 139], это «индивидуальная, словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [3, с. 176]. Поэтому раскрывать особенности образа автора, анализируя исключительно повествующего субъекта, значило бы сузить содержание понятия.

Во-вторых, мотивы репрезентированы в тексте посредством событий, в связи с этим мотив как знак вторичной семиотической природы в целом располо-

жен в «семантическом измерении», а потому объединяет как план содержания текста (смысловая функция мотива), так и план выражения (предикативная природа мотива). Мотив «зарождается в континууме фабульного повествования в процессе семантизации и эстетизации событийного аспекта этого повествования» [10, с. 117].

Из сказанного следует, что образ автора является смыслообразующим центром, который определяет как особенности композиции и повествовательной структуры, так и комплекс мотивов и идейную направленность художественного произведения, что позволяет проследить закономерности сопряжения типов повествователя и мотивной организации повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка».

Само понятие образа автора до сих пор остается не вполне точным в плане теоретического определения, так как «находится в области восприятия», а «не

материального воплощения» [2, с. 107]. Тем не менее бесспорно, что образ автора создается «на базе структуры текста» [2, с. 107], имеется в виду речевая структура. Поэтому образ автора высвечивается при вычленении более конкретных, с лингвистической точки зрения понятий, и в первую очередь, это субъект повествования.

Так как выбор речевой формы субъекта повествования «закладывает фундамент построения образа автора» [2, с. 106], а также «является одним из принципиальных моментов замысла» [5, с. 384], обратимся, в первую очередь, к типологии повествователя.

В многочисленных работах, посвященных исследованию повествующего субъекта, предлагаются различные типологии повествователей. Так, М. П. Брандес выделяет три композиционных типа повествователей: аукториальный повествователь в форме 3 л. ед. ч., персональный повествователь и повествователь в форме 1 л. ед. ч., причем между повествователями в форме 3 и 1 л., по мнению исследователя, «существует многообразие переходных форм» [1, с. 64 – 72].

Е. В. Падучева, рассматривая традиционный нарратив, выделяет два типа повествователя: диегетический повествователь (персонифицированный, эксплицитно выраженный) и экзегетический повествователь (не называющий себя в тексте, имплицитный) [8, с. 202 – 206].

В. И. Заика также предлагает бинарную типологию повествователей, применяя термины «участник» и «демиург» и проводя соответствие между ними и диегетическим и экзегетическим повествователями в терминологии Е. В. Падучевой. В целом соглашаясь с характеристиками типов повествователя у Е. В. Падучевой, В. И. Заика при этом вносит значимую поправку: повествователь – это «не лицо, не субъект и не фигура, повествователь – категория художественного текста» [5, с. 386], в описании которой желательно уйти от антропоморфности, так как повествующее лицо – это компонент художественной модели, или референтного пространства, а не реальный автор [5, с. 382].

Можно допустить, что любая бинарная типология повествователя, удобная грамматическим критерием классификации (1 или 3 лицо), намечает лишь наиболее общие типы, упрощая реальную структуру повествователя в художественном тексте.

Анализ повествовательной структуры повести Н. В. Гоголя показывает, что повествователь в ней не вполне укладывается в критерии вышеназванных классификаций и представляет собой соединение трех композиционно-речевых типов – это рассказчик, наблюдатель, отстраненное авторское сознание. Дадим характеристику каждому проявлению повествователя (первые попытки рассмотрения типов повествователя, их особенностей и функций, выполняемых в тексте, были предприняты нами в [4, с. 56 – 59; 9, с. 75 – 80]).

Обычно термин *рассказчик* употребляется для названия субъекта художественной речи, который является *участником* фабульных событий, нередко он наделен именем, социально и внешне охарактеризован (ср. персонифицированный рассказчик). Прини-

мая традиционный термин, поскольку, на наш взгляд, он удачен тем, что не вызывает противоречия между текстовой функцией данного речевого субъекта – рассказыванием – и значением слова («рассказчик» – это «тот, кто рассказывает что-н.» [7, с. 663]), укажем на своеобразие рассказчика в повести «Сорочинская ярмарка».

О рассказчике (его имя и внешность) мы узнаем из «Предисловия» к циклу повестей, однако в повествовательной ткани он себя не называет. Рассказчик вспоминает и описывает события, имевшие место в прошлом, но в момент рассказывания своих историй он находится в определенной точке времени и пространства, отличной от времени и пространства описываемых им событий. Пространство, в котором он находится, – это изба пасечника, время – это субъективное настоящее время рассказывания историй. Сознание рассказчика охватывает и события прошлого, и момент настоящего, а оценка событий прошлого происходит с позиции настоящего, в результате чего происходит наложение оценки рассказчика, каким он является в субъективном настоящем времени, на увиденное им в прошлом. Таким образом, слово рассказчика в психологическом плане организовано его субъективной точкой зрения в момент субъективного настоящего времени.

Рассказчик не является участником фабульного повествования, а в сюжетном повествовании (в данном случае под фабулой мы понимаем совокупность событий, происходящих с персонажами повести, а под сюжетом – события рассказывания, то есть действия повествователя) маркируется разговорными конструкциями (например, Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда; Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке!), для которых свойственна инверсия, повторы, недосказанность, восклицательная интонация, а также отдельными лексемами, свойственными устной разговорной речи: указательными местоимениями (такой, тот), частицами (да, вот), вводными словами (кажется, однако), местоимениями (мы, наш, нам). Слово рассказчика имитирует живую разговорную речь, создает доверительные, приятельские отношения между автором и читателем. Рассказчик в повести является стилистической условностью, договоренностью автора и читателя, игрой, задающей добродушно-ироничную тональность отношений автор – читатель. Его речь играет роль канвы повествования, это условная форма, обрамляющая художественный текст в целом.

Фабульное повествование организовано *наблюдателем*, который, как и рассказчик, не является участником разворачивающихся в повести событий. Возможно, наблюдатель – это рассказчик в прошлом, но находится он во времени и пространстве фабульных событий повествования, в мире действующих лиц, и наблюдает за происходящим со стороны. Выбор термина *наблюдатель* для обозначения одного из субъектов повествования обусловлен следующим пониманием: наблюдатель – это такой субъект повествования, который осуществляет когнитивный процесс трансформации восприятия (зрительного, слухового,

осязательного и др.) в речевое сообщение. Речь наблюдателя в исследуемом художественном тексте – это сложная организация различных способов восприятия и точек зрения (понимание точек зрения основывается на исследовании Б. А. Успенского [11]), которая позволила выделить четыре *модификации наблюдателя*.

Первая модификация наблюдателя (№ 1). Это наиболее отдаленная от происходящих событий и героев позиция наблюдателя. № 1 описывает воспринимаемые им события, которые происходят с неким множеством предметов или персонажей (например, «дорога... кипела народом, поспешавшим... на ярмарку»; «горы горшков... медленно двигались»; «много прохожих поглядывало...»; «клубы дыму... понеслись»; «овцы заблеяли»; «лошади заржали» и др.). Для него свойствен одновременный охват сцены с какой-то одной общей точки зрения. Наблюдатель № 1 занимает пространственную позицию «со стороны», «на отдаленном расстоянии», что позволяет охватить в качестве объекта описания обширное пространство.

Вторая модификация наблюдателя (№ 2) характеризуется тем, что позиция его в пространственном отношении приближается к персонажу или описываемому явлению (по сравнению с позицией № 1). В фокусе такого наблюдателя находится только персонаж с его минимальным наиболее тесным окружением. Функция наблюдателя № 2 заключается в подробном описании действующих лиц, их поведения, явлений или событий (например, «Одинок в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивой рукой обтирал он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов»).

Третья модификация наблюдателя (№ 3). Для № 3 характерно то, что его позиция в пространстве очень тесно соотнесена с позицией персонажа. Кроме того, наблюдатель № 3 как будто проникает в сознание персонажа, и повествование в этот момент ведется со ссылкой на индивидуальное сознание последнего. № 3 показывает чувства, эмоции, ощущения, мысли, внутреннюю реакцию персонажа, которые могут и не проявляться внешне. Речевая структура № 3 содержит заведомо субъективную точку зрения персонажа (или нескольких персонажей), причем, наблюдается тесное переплетение их психологической точки зрения (например, «все было ей [Параске] чудно, ново»; «издали уже веяло прохладой, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара» – передаются ощущения героев).

Четвертая модификация наблюдателя (№ 4) отличается тем, что наблюдатель № 4 обладает избыточным знанием по сравнению с остальными наблюдателями и персонажами, о событиях, происходящих с героями, самих героях, их переживаниях, имевших место за пределами непосредственного изложения событийного действия. Восприятие наблюдателя № 4 основывается на прошлом опыте персонажей, не во-

шедшем в фабулу произведения. № 4 выступает на сцену тогда, когда без его комментария что-либо останется не выясненным, не понятным или события требуют пояснения сведениями из прошлого героев (например, «но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упрямить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха...»; «закричал один из гостей,... старавшийся всегда выказывать себя храбрецом»; «который [Черевик], привыкнув издавна к подобным явлениям,...» и др.). Пространственно-временная позиция № 4 выходит за рамки фабульного действия, поскольку наблюдатель знает то, что было с героями «прежде», «всегда», «издавна» и т. д.

Речевые типы модификаций № 2 и № 3 могут как последовательно сменять друг друга, так и переплетаться, соединяясь в пределах одного высказывания (например, «как вдруг слова: «Ай, да дивчина!» – поразили слух ее»; «оглянувшись, увидела она...»; «который [попович] долго стоял в недоумении...» и др. – в приведенных фрагментах не только описываются действия героев, но и раскрывается произведенное на них чем-либо впечатление, их зрительное и слуховое восприятие, ощущения).

Модификации № 3 и № 4 отличаются тем, что № 3 проникает в мысли и чувства героя в момент происходящих событий, передает состояние героя, синхронное фабульному времени. А № 4 знает о переживаниях героев, их мыслях, а также происходивших с ними событиях, которые имели место за пределами настоящего для героя момента времени, даже за пределами событийной канвы произведения.

В сюжетном повествовании речевая структура рассказчика тесно взаимодействует с речевой структурой наблюдателя, их точки зрения переплетаются, создавая объемное и динамичное повествование.

Авторские отступления (опыт структурно-семантического анализа авторских отступлений в повестях Н. В. Гоголя представлен нами в [6, с. 130 – 138]) организованы словом *отстраненного авторского сознания* (далее ОАС). Выбор термина «сознание» продиктован таким его психолого-философским содержанием, как способность отстраниться и подумать, способность идеального и адекватного отражения действительности, что соответствует назначению авторских отступлений: выражать в непосредственной форме авторские мысли и чувства, связанные с общим замыслом художественного произведения. Выбор определения «отстраненное» также обусловлен одним из свойств авторского отступления – отстранение, отвлечение от событийного повествования, ретардация.

Для ОАС характерны временная и пространственная дистанцированность от фабульного повествования, экспрессивная манера речи при одновременной максимальной степени обобщения. ОАС – это способ непосредственного самораскрытия автора, результат эстетического преобразования его собственного «я», а также жизненного опыта. ОАС проявляется в повествовании в тех случаях, когда взгляд повествователя останавливается на некоем факте, событии, предмете в событийной канве произведения, которые требуют авторского осмысления, комментирования и

к которым необходимо привлечь особое внимание читателя. И тогда факт, событие или предмет становятся не просто частью сюжета, а частью всеобщего читательского, а значит, и общечеловеческого опыта.

С целью рассмотрения характера смыслового и эстетического «наполнения» выявленных типов повествователя обратимся к анализу мотивов повести «Сорочинская ярмарка». Сюжет повести представляет собой описание событий, так или иначе связанных с ярмаркой. Тема ярмарки – времени, когда может произойти любое, даже самое невероятное событие – раскрывается через комплекс мотивов.

Наблюдатель организует фабулу повести, в которой наиболее значимыми выступают мотивы дороги, торговли, любви, сатаны. Все четыре мотива имеют одинаковую валентность по отношению друг к другу и отражают основные события повести. Кроме названных центральных мотивов, раскрываемых наблюдателем, можно выделить мотивы второго плана. К ним относятся: мотивы красоты природы; встречи; дня и ночи; питания; женской красоты; свадьбы; супружеских отношений; адультера; страха; обмана; смеха; омертвления. Мотивы второго плана вербально и ассоциативно связаны с центральными мотивами, развивают их, проявляют еще более тесное взаимодействие как в плане содержания, так и в плане выражения.

Так, мотив дороги связан с такими мотивами второго плана, как мотив красоты природы, встречи, дня и ночи. Комплекс мотивов позволяет выявить следующие модальные компоненты: путь дальний, дневная жара изнуряет путешественников, которые хотя и спешат на ярмарку, но двигаются медленно и лениво, при этом, несмотря на изнуряющую жару, окрестность завораживает своим роскошным видом; путь целенаправленный, сопровождается значимыми встречами, определяющими дальнейшие взаимоотношения персонажей, заканчивается встречей, которая дает долгожданный отдых.

Мотив торговли связан с такими мотивами второго плана, как мотив дня и ночи, питания, обмана, смеха. При этом в модальном рисунке, который определяется в данном комплексе мотивов, актуализируются такие ключевые единицы, как ярмарка – значительное событие, ярмарка – роскошь, ярмарка – праздник, привез продать, подарки, много смешного и забавного, странное происшествие, ярмарка шумит, народ толкается.

В свою очередь, мотив любви взаимосвязан с такими мотивами второго плана, как мотив встречи, дня и ночи, женской красоты, свадьбы, питания, супружеских отношений, адультера, обмана. Основной модальный план связан с оценкой любви, которая раскрывается через оппозицию двух пар действующих лиц – Параски и Грицько, Хиври и попovichа. Модальность проявляется в противопоставлении двух шкал оценок: одобрение, сочувствие, сопереживание, если любовь сопровождается красотой, молодостью, чистотой чувств, открытостью, и наоборот, высмеивание, неодобрение запретной любви, скрываемой от людей, основанной на обмане и нарушающей нравственные законы.

Наконец, с мотивом сатаны прослеживается взаимосвязь таких вторичных мотивов, как мотив дня и ночи, страха, омертвления, питания, смеха. Модальность этого комплекса мотивов раскрывает отношение людей к сатане: узнаванию сатаны предшествует любопытство, а полученные сведения вызывают робость, испуг, страх, ужас; днем страх преодолевается безмятежностью и весельем окружающих, ночью страх овладевает всеми людьми, а преодолевают его, употребляя хмельные напитки и тем самым вызывая искусственное веселье; крайняя степень страха – ужас – скывает, обездвиживает людей.

ОАС, как уже говорилось, организует авторские отступления. В них можем выделить ведущий мотив – мотив вечности мироздания, закономерности бытия, который раскрывается в комплексе мотивов второго плана: мотиве красоты и гармонии природы; хаотичности человеческого мира; безысходной грусти и одиночества. Образу автора в таком случае свойственно философское обобщение проявлений бытия.

Итак, образ автора в повести «Сорочинская ярмарка» представлен тремя композиционно-речевыми типами повествователя, которые выполняют различные функции в тексте повести, имеют разную степень участия в организации повествовательной структуры. Читатель то погружается в фабульные события вслед за наблюдателем, с разных точек зрения передающим восприятие героев, явлений, событий; то принимает и оценивает добродушно-ироничную игру рассказчика; то вместе с ОАС абстрагируется от событий повести и осмысливает значимые для автора ценности.

Анализ также показывает, что расслоение образа автора на несколько типов повествователя не случайно и позволяет соотносить их с разными комплексами мотивов, свойственных, мы полагаем, не только повести «Сорочинская ярмарка», но и всему творчеству Н. В. Гоголя. Несмотря на многообразие мотивов, впечатление цельности текста не разрушается, так как все мотивы тесно переплетены в сюжетном повествовании, каждый комплекс мотивов выполняет свою функцию, а также имеет эксплицитно выраженную модальность. Мотивы, раскрываемые наблюдателем, организуют фабульное развитие повести, тогда как мотивы, выявленные в речи ОАС, отражают авторские представления о мироздании (и в этом случае, осмелимся предположить, речь идет не только об образе автора, но и об авторе-создателе).

Чередование, сочетание, взаимодействие трех композиционно-речевых типов повествователя и сопряженных с ними мотивных комплексов создают в исследуемом художественном тексте специфический образ автора, которому свойственно эксплицитное выражение модальности, что обеспечивает совершенно особый эмоционально-оценочный и эстетический эффект повести.

В заключение обозначим существенное для нас положение, вытекающее из анализа специфики образа автора в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка»: образ автора не просто речевая структура, лицо или субъект, это особая категория словесной организации художественного текста, совмещающая в себе как план выражения, так и план содержания.

Литература

1. Брандес, М. П. Стилистический анализ (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – М., 1971.
2. Виноградов, В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие / В. В. Виноградов. – М., 2005.
3. Валгина, Н. С. Теория текста: учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М., 1998.
4. Грунина, Л. П. Особенности авторского повествования ранних повестей Н. В. Гоголя / Л. П. Грунина, О. А. Салтымакова // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово, 1999.
5. Заика, В. И. Повествователь как компонент художественной модели / В. И. Заика // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: материалы Международной научно-методической конференции / отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб., 2001.
6. Наймушина, О. А. Авторские отступления как особый структурно-семантический компонент художественного текста в аспекте их внутренней организации / О. А. Наймушина // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. / И. Г. Митченков (отв. ред.) и др.; КузГТУ. – Кемерово, 2005.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: РАН. ИРЯ им. В. В. Виноградова, 1999.
8. Падучева, Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996.
9. Салтымакова, О. А. Композиционно-речевые типы авторского повествования ранних повестей Н. В. Гоголя / О. А. Салтымакова // Вопросы филологии: сб. науч. работ студентов и молодых ученых. – Вып. IV. – Кемерово, 2003.
10. Силантьев, И. В. Поэтика мотива / И. В. Силантьев. – М., 2004.
11. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский // Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М., 1995. – С. 9 – 220.

Информация об авторе:

Салтымакова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева, 8-960-910-4373, neakris2005@rambler.ru.

Saltymakova Olga Anatolievna – senior lecturer at the Department of Russian History, Theory and History of Culture of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

УДК 81'37 (=161.1)

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЯДОВЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Л. Х. Сарамотина

RUSSIAN NATIVE SPEAKERS' METALANGUAGE ACTIVITY WHILE INTERPRETING AN ENGLISH TEXT

L. Ch. Saramotina

В статье анализируется метаязыковая деятельность рядовых носителей русского языка при интерпретации англоязычного текста. Выделяются три типа метатекстов, характеризующих их авторов как языковую личность.

The article deals with the Russian native speakers' metalanguage activity while interpreting an English text. Three types of metatexts, which characterize their authors as linguistic personalities, are pointed out.

Ключевые слова: метаязыковая деятельность, интерпретация, метатекст, интерпретируемый текст, интерпретирующий текст, языковая личность.

Keywords: metalanguage activity, interpretation, metatext, the interpreting text, the interpreted text, language personality.

Метаязыковая деятельность может осуществляться не только при создании, но и при интерпретации текстов. Понятие «интерпретация» является центральным для теории интерпретации и интерпретационной лингвистики, находящейся в стадии становления (В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер, В. Е. Чернявская, Н. Д. Голев, Л. Г. Ким, Н. В. Мельник, Н. Н. Шпильная и др.). Под интерпретацией по-

нимается когнитивная деятельность, «сущность которой заключается в смыслопочувствовании, или распределении, т. е. процессе, при котором содержание (смысл) языкового выражения (предмета) становится достоянием субъекта-интерпретатора, и смыслопостроении, или опредмечивании, т. е. процессе, при котором содержание (воспринимаемый смысл) получает языковое воплощение» [6, с. 52]. Текст (языковое вы-

ражение) рассматривается как система, которая обладает признаком целостности и проявляет свои свойства во взаимодействии со средой. Роль среды, как представляется, в нашем случае в большей или меньшей степени играют языковой опыт и внутренний контекст. Понятие «внутреннего контекста» (А. А. Залевская) охватывает разные виды деятельности человека, протекающие при постоянном взаимодействии многочисленных аспектов его психической жизни как активного и пристрастного субъекта.

Англоязычный текст рассматривается как интерпретируемый текст, на основе которого в процессе интерпретации создаются интерпретирующие тексты, реализующие его смысловой потенциал. «Смыслы точно также не даны в готовом виде, как и одевание для них; форма складывающегося высказывания не безразлична и не может быть безразличной для мысли; ... раз возникнув или возникая, языковая форма сама может служить источником новых значений и новых смыслов [7, с. 51].

Интерпретирующие тексты являются вторичными текстами, в основе которых заложен субъективный момент. По утверждению Н. В. Мельник, «при восприятии текста происходит его свертывание в некий «смысловой сгусток» (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты) [9, с. 15]. «Вариант» текста отражает субъективный мир автора, его личный жизненный опыт.

Интерпретирующий текст может представлять собой метатекст как «материализованное в высказывании суждение о своем языке» [10, с. 55]. Тип метатекста характеризует его автора как языковую личность. Языковая личность – «индивидуум... со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; представитель данной языковой общности; и представитель рода человеческого, неотъемлемым свойством которого является использование естественного языка» [5, с. 671]. Для определения типа языковой личности, кроме экспериментального метода, применялся прием наблюдения за речевым поведением испытуемых в учебном процессе. Полученные данные анализировались с учетом результатов проведенного ранее семасиологического эксперимента по выявлению особенностей обыденной семантизации незнакомых иноязычных сложных слов.

Мы предположили, что существует возможность соотнесения полученных в результате эксперимента данных о метаязыковой деятельности рядовых носителей русского языка при интерпретации англоязычного текста с результатами исследования обыденной семантизации незнакомых иноязычных сложных слов в той его части, где речь идет о разновидностях метатекстов [11]. Основанием для соотнесения, с одной стороны, является признание необходимости употребления термина *языковая личность* для обозначения «исходного качества языковой способности, коррелирующего с психологическим понятием «когнитивный стиль» [2, с. 12]. Последний представляет собой индивидуальный стиль познавательной деятельности человека. «Разнообразие стилей (когнитивных, речевых) в целом и каждый стиль в отдельности есть фундаментальная лингводидактическая ценность, ко-

торую желательно не просто учитывать на периферии учебной деятельности, но класть в основание развития языковой личности...» [2, с. 12]. С другой стороны, и в том, и в другом случае участники эксперимента – студенты юридического факультета 1 – 2 курсов, составляющие однородную социально-возрастную группу и являющиеся носителями молодежной культуры. Им по большей части свойственна демонстрация «непохожести» на других, проявляющаяся в творческом отношении к языку. Их «профессиональное» сознание еще только начинает формироваться, а представления о профессиональных ориентирах остаются в поле обыденного сознания. Задача, стоявшая перед ними, была похожей. В первом эксперименте испытуемым предстояло совершить операцию логического выведения смысла сложного слова, опираясь на знакомые компоненты, – инференцию (Е. С. Кубрякова), и процесс осознания слова часто сопровождался его интерпретацией, проявляющей особенности испытуемого как языковой личности. Эксперимент, результаты которого анализируются в данной статье, представляет собой клоуз-тест, являющийся формально-смысловой процедурой достраивания текста. Достраивание респондентами текста также сопровождалось его интерпретацией. Материалом для эксперимента послужил следующий текст:

The violent criminal has become a---. He is shown on the screen, he is pursued by the press. Newspapers which specialize in crime-reporting enjoy enormous circulations and publishers of trashy cops or "murder mysteries" have never had it so good / Жестокий преступник стал.... Он – на экране, о нем пишут газеты и журналы. Газеты, которые пишут о преступлениях, выходят большими тиражами и те, кто пишет о продажных полицейских и «таинственных убийствах», никогда еще не пользовались таким успехом.

Текст носит «нейтральный» характер: отношение к человеку (*violent criminal* / жестокий преступник) не выражено явным образом, а информация, заложенная в тексте, отражает только «количественный» аспект явления.

Испытуемые (студенты 1 – 2 курсов юридического факультета КемГУ, всего 28 человек) получили следующую инструкцию: «Прочитайте внимательно текст и заполните пропуск. Это может быть одно слово или фраза. Если считаете нужным, измените предложение. Объясните свой вариант». Задание можно было выполнить на английском или русском языках. Свобода выбора обусловлена универсальным характером мыслительных механизмов. Уровень владения языком у испытуемых – средний или высокий: для того, чтобы заполнить пропуск, нужно было понять текст.

Результаты исследования позволяют выделить следующие разновидности метатекстов по степени развертывания метаязыковой деятельности (в приведенных примерах сохраняется орфография и пунктуация авторов текстов, выделения сделаны нами для демонстрации индивидуальных особенностей интерпретации).

I. Формальный метатекст, характеризующийся иррациональностью. Иррациональность, нелогичность, бессмысленность, ирония (последняя присут-

ствуется в первом суждении), – в поле обыденного сознания, где под обыденным сознанием понимается практическое сознание людей, выходящее за рамки любой профессиональной области и являющееся основой повседневной познавательной деятельности:

1. *The violent criminal has become a friendly citizen after his arrest* (жестокий преступник стал дружелюбным гражданином после того, как его задержали. Чтобы произвести хорошее впечатление, члены жюри вынесли мягкий приговор).

2. Он показан на экране, он преследует прессу.

3. Он показал на экране, он преследовал прессу.

4. Сильные преступления начинаются в уголовных делах. Оно начинается на проверке политической благонадежности. Он исполняется в прессе.

Формальные метатексты, создаваемые испытуемыми в процессе обыденной семантизации незнакомых иноязычных сложных слов, представляли собой похожий «продукт» интерпретации языковой действительности, которому были также свойственны отсутствие смысла и нелогичность (*Self-incriminator* если он самоинкриминатор, ему будет легче соблюдать закон; если он инкриминировал преступление в свою пользу, то это ему с рук не сойдет).

Тип языковой личности автора формального метатекста – «человек играющий». Механизм игры, определяющий ее творческий характер, – «вероятностно-игровое начало, допускающее свободу действия в пределах правил» [3, с. 12]. Нереальность, абсурдность ситуации – один из возможных вариантов интерпретации с включением игрового подхода. В связи с этим интересно следующее высказывание Б. М. Гаспарова: «Процесс языкового существования представляется мне игрой бесчисленного множества разнородных и разнонаправленных факторов – открытым полем, в котором нет ни раз и навсегда определенных действий, ни полностью предсказуемых эффектов, вытекающих из этих действий» [1, с. 12].

II. Копирующий метатекст, в котором воспроизведено основное содержание исходного текста, а в качестве пропуска нередко приводится слово из того же «источника»:

1. *Жестокий преступник стал популярным, потому что он часто показывается на экранах и в прессе.*

2. *Topic for crime-reporting, shown on the screen, pursued by the press* / тема для репортажа, показываемая на экране, часто обсуждаемая прессой. Потому что для привлечения зрителей и читателей, все равно будут что-то публиковать такое, что всегда привлечет внимание, а жестокость всегда привлекала внимание.

3. *Насильственные преступления стали широко освещаться в СМИ. Газеты, специализирующиеся на криминальные темы, чаще всего издаются и публикуют о преступлениях или загадочных убийствах.*

4. *Serious crimes are subject to news.* Серьезные преступления транслируются по экранам телевизоров, печатаются в газетах, поэтому они являются предметом новостей.

5. *The violent criminal has become a frequent phenomenon* / ...частым явлением. СМИ постоянно описывают, рассказывают о разных видах преступ-

лений, и иногда (даже в большинстве случаев) выводят статистику.

6. *Жестокий преступник пользуется большой популярностью у прессы.*

7. *Популярный. Оскверняющие преступления становятся популярными, потому что о них написано в газетах, т. е. это выносятся на всеобщее обозрение.*

8. *Жестокие преступления становятся темой для СМИ, пропаганда насилия по телевидению.*

9. *Преступник с отклонениями, маньяк. Его показывают по телевизору, о нем говорят в прессе.*

Отличительный признак таких метатекстов – отсутствие оценки и сохранение нейтральной интонации. «Метаязыковую» роль выполняют союзные элементы с пояснительным значением *потому что*, *поэтому*, такие фразы, как *все равно будут*, *иногда* (даже в большинстве случаев).

При семантизации композитов также часто происходило копирование формы слова или части слова. Однако «палитра» опорных элементов была разнообразной: в качестве опоры могли выступать части слова (английского и русского), звуки, буквы, слоги: *shoplifter* лифтер в магазине; *housebreaker* хорошо танцует; *pickpocket* открывашка (в объяснении респондента «чпок – и крышка открывается») и т. д.

Тип языковой личности авторов копирующих метатекстов – «копиальный» (Н. Д. Голев). Он отличается стандартностью в организации и построении текстов и ориентирован на воспроизведение исходного текста.

III. Креативный метатекст, содержащий «скрытые смыслы», оценку или эмоциональную реакцию на содержание интерпретируемого текста. Следует отметить, что оценка явления (рассказы о жестоких убийствах) не является однозначной. В большинстве суждений выражается негативное отношение к этому явлению:

1. *Часто проявляется в нашем обществе. По телевизору все чаще замечаю совершение жестоких преступлений. В газетах часто пишут о таинственных убийствах и т. п. грязь в нашем обществе.*

2. *Popular theme for different kinds of literature stories, press and TV. Posts and articles about this criminal and they call him "the Greatest Mysterious criminal" and his crimes – "the big mystery of violent" or...1) violent criminal – the "good" and interesting story for channels and newspapers, 2) There are always some stupid and trashy newspapers calling "yellow press"* Популярная тема для книг, прессы и телевидения. ...И они зовут его Величайший Таинственный преступник а его преступления – «большая тайна насилия или... 1) жестокий преступник – «хорошая» и интересная история для телевизионных каналов и газет» 2) всегда есть тупые и ужасные газеты, которые называются «желтая пресса».

3. *very dangerous and become more often nowadays. Offenders become violent and angry. The situation is terrible* / очень опасны и встречаются все чаще сегодня. Правонарушители становятся жестокими и злыми. Ситуация ужасная.

4. *The violent criminal has become a danger* / опасностью. Потому нельзя знать что можно от них ожидать. Они могут причинить вред здоровью людей и даже совершить убийство. Таких людей не пугает

наказание за совершенное преступление, поэтому они могут **повторяться**. В утренних сообщениях могут сообщать о таких преступлениях и как идет их расследование. 5. Жестокий человек становится широко известным человеком в обществе. Возможно, если он скрывается, то **нужно помочь органам следствия** найти и наказать его **по той строгости закона**, которая соответствует вине преступника с помощью граждан. Если же не скрывается, найден, пойман, ему назначено соответствующее наказание, то **придают огласке** это событие, чтобы показать, что бывает с теми, кто совершает **подобного рода деяния**, чтобы **подавить желание** у людей совершать преступления.

Как видим, метатексты этой подгруппы содержат отрицательную оценку данного явления. В первых трех метатекстах отрицательное отношение к жестоким преступлениям передается через оценочную лексику, включенную в интерпретирующие тексты авторами суждений: *пишут о таинственных убийствах и т.п. грязи* (1); *stupid and trashy newspapers / тупые и скверные газеты* (2); *dangerous, terrible / опасный, ужасный* (3). Отметим ироническую интонацию автора второго текста, подчеркнутую заглавными буквами в словах *Greatest Mysterious* и *превосходной степенью прилагательного Greatest / величайший*. Последний интерпретирующий текст включает слова, обладающие юридической значимостью, и является ярким примером формирующегося профессионального сознания: «профессиональное» активно внедряется в быденное сознание через специальные слова и соответствующую модальность (**нужно помочь органам следствия** найти и наказать его **по той строгости закона**, и т. д.).

Есть другая оценка этому явлению: 1. По новостям часто сообщают о таких преступлениях. Людям нравятся подобные газеты. 2. Стали более популярными у публики. Насильственные преступления стали более жестокими и «востребованными» среди публики, в деятельности СМИ. Людям интересны всевозможные происшествия, и чем необычнее они, тем больше к ним внимания. Возможно это связано с тем, что в быденной жизни людей не хватает необычных явлений, событий, ярких ощущений. Они ищут их вовне и находят в СМИ – самом легкодоступном источнике информации современных людей. 3. Жестокие преступления становятся интересной темой. Их показывают на экране и печатают в прессе. Потому что людей всегда привлекает жесткость, им интересны загадочные заголовки газет и заставки телепередач с каким-нибудь названием типа «таинственное убийство». Потому что для людей это своего рода детектив в реальном времени.

В последнем тексте словосочетание *жестокие преступления* соотносится со словами *привлекает* и *интересны*. Тем самым формируется положительная оценка этой «интересной» для людей темы. Ощущение, что автор суждения дистанцируется от отношения большинства к жестоким преступлениям как интересной теме и «остается в тени», передается через метаязыковые вкрапления типа, *это своего рода*.

Суждениям «людям нравятся», «людей привлекает жесткость», как представляется, свойственна мифологичность, характеризующая быденное сознание.

В результате интерпретации исходного текста возможно определение признаков, свойственных явлению «жестокое преступление», заполнение своеобразного фрейма: *The violent criminal has become: 1) very difficult to reveal 2) frequent phenomenon 3) the norm. / жестокое преступление: 1) трудно раскрыть 2) частое явление 3) норма*.

При невыраженности оценки интерпретирующий текст может реализовать некий скрытый смысл, т. е. смысл, не выраженный вербально в исходном тексте, но воспринимаемый адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте показателей [8, с. 4]:

– характеристика конкретного преступления (реализуемые смыслы «необычность», «несправедливость» соответственно): 1. *Жестокое преступление стало известным из-за своей необычности. Потому что оно попало в газеты и телевидение, специализирующееся на мистических преступлениях в криминальных репортажах. 2. Free / свободен. Всплеск интереса прессы вокруг преступника вырос, т. к. «he is shown on the screen, he is pursued by the press», считая, что имел место быть какой-то скандал вокруг данного преступника. Вероятно, несмотря на то, что все улики говорили о виновности данного преступника, его оправдали, вследствие чего данная ситуация и вызвала большой интерес прессы;*

– «публичность»: *Жестокие преступления стали шоу, т. к. их показывают на экранах, за ними охотится пресса. На TV и в газетах популярны статьи о «грязных» копах и загадочных убийствах;*

– «обычность»: 1. *The violent criminal has become the norm. Потому что пресса уделяет этому большое внимание. 2. commonplace;*

– «переживания из-за содеянного»: *Насильник становится жертвой, потому что после содеянного не дадут покоя ему мысли о том, что он совершил. Подобная ситуация описана в произведении Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».*

Многие метатексты, созданные испытуемыми при семантизации незнакомых сложных слов, являются креативными: *Wrongdoer – если он ронгдуэр, он плохой, асоциальный человек, таких т.п. в тюрьму, тах.лечить; Wrongdoer если честно, то мне даже ничего в голову не приходит, как назвать этого человека, но, наверно, это плохой человек, что-то нехорошее; Шоплифтер – осторожен, изворотлив, любитель легкой наживы, возможны психические отклонения например болезнь клептомания. Вор он; Wrongdoer может убивать людей, делать им гадости. Просто может по-хамски разговаривать, оскорблять. Часто пребывает в плохом настроении, очень озлоблен на всех; он без ума от насилия, стремится походить на Гитлера; правонарушитель, государство своим аппаратом принуждения и насилия, в виде органов внутренних дел, накажет его за выход из рамок закона.*

Тип языковой личности этой группы респондентов – «креативный». Авторы суждений включают в

интерпретирующий текст свои представления о мире, выражают свою точку зрения, используют специальную профессиональную лексику (*по той строгости закона, подобного рода деяния*) или «сложные» фразы, которые похожи на профессиональную лексику (*имел место быть*). Отметим также употребление авторами текстов эвфемизмов, принятых в профессиональной среде (*придают огласке, аппарат принуждения и насилия, выход из рамок закона*) и прецедентных текстов, аллюзий (*«Преступление и наказание», Гитлер*).

Таким образом, предрасположенность к метаязыковой рефлексии составляет индивидуальную способность языковой личности, определяемую психологическими особенностями, языковым опытом, склонностью к самоанализу, ситуацией и другими причинами. Результаты исследования метаязыковой деятельности при интерпретации англоязычного текста подтверждается возможность их соотнесения с экспериментальными данными, полученными в процессе обыденной семантизации носителями русского языка незнакомых иноязычных сложных слов.

Литература

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Голев, Н. Д. Лингвоперсонологические основания личностно-ориентированного поведения / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. – Кемерово, 2009.
3. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Гридина. – М., 1996.
4. Демьянков, В. З. Интерпретация / В. З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков и др.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996.
5. Караулов, Ю. Н. Языковая личность (словарная статья) / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия; гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1997.
6. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: монография / Л. Г. Ким. – Томск: Изд-во ТГУ, 2009. – 312 с.
7. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 150 с.
8. Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 264 с.
9. Мельник, Н. В. Деривационное функционирование текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты: монография / Н. В. Мельник. – Кемерово, 2010. – 212 с.
10. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – 194 с.
11. Сарамотина, Л. Х. Обыденная семантизация незнакомых иноязычных композитов носителями русского языка (на материале семасиологического эксперимента): дис. ... канд. филол. наук / Л. Х. Сарамотина. – Кемерово, 2011. – 171 с.

Информация об авторе:

Сарамотина Людмила Христофоровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии КемГУ, 8(3842)72-79-85, l.saramotina@yandex.ru.

Saramotina Lyudmila Christoforovna – Candidate of Philology, senior teacher at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Roman and Germanic Philology of KemsU.

УДК 811.161

КОД «УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале восточнославянских фразеологизмов)

Н. М. Сергеева

THE CODE OF «MENTAL ACTIVITY» IN THE SLAVONIC CULTURE (as revealed by East Slavonic phraseology)

N. M. Sergeeva

В данной статье рассматривается актуальная проблема, посвящённая описанию кода «умственные способности человека» в культуре восточных славян. Материалом послужила восточнославянская фразеология. Фразеологизмы восточнославянских народов содержат разные метафорические модели: антропоморфные, фитоморфные, витальные, представляющие код «умственные способности человека» в языковой культуре славянских народов. Идиомы по своей специфике максимально выражают глубинный уровень означивания и содержат этнокультурную специфику.

This article focuses on the code of “mental activity” in East Slavonic phraseology. This code represents a mosaic structure of different images. “Mental activity” appears to be both an animate and inanimate object in the author’s

picture of the world. That is why “mental activity” turns out to be an object to be influenced and consequently, to be changed.

Ключевые слова: код, культура, метафорическая модель, компонентный анализ, антропоцентризм.

Keywords: code, culture, phraseology, metaphor, comparative analysis, atropocentrism.

В отечественном и зарубежном языкознании лингвисты предлагают разные способы объяснения языкового материала лексики и фразеологии. Известны теории семантических полей [3, с. 105 – 113; 9; 15; 16, с. 30 – 63], лексико-семантических групп [3; 5], логическая классификация семантики (компонентный анализ) [1; 17, с. 1 – 9; 20, с. 104], когнитивные исследования семантики [2; 7; 8, с. 56 – 61; 13, с. 195 – 208; 14].

Логическая классификация предполагает этапную систематизацию семантических элементов – от системы к частностям, в которой выделяется общее и частное значения слова. Когнитивные исследования рассматривают языковое поведение слов, представляющих разные типы, способы отображения действительности в языке, значимые языковые объекты для человека.

Таким образом, антропоцентричность в семантических исследованиях настоящего времени, ориентированность на человека характерна для теоретического взгляда на язык. По мнению А. Вежбицкой, антропоцентричность описания языка должна быть его главной доминантой: в языковой картине мира никак нельзя «упустить» информацию, которая значима для человека [4, с. 80].

Е. В. Рахилина отмечает, что когнитивный подход в семантике осознал вторичность всех собственно лингвистических исследований: «...никакой языковой образ никогда прямо не соответствует конкретному объекту действительности <...> Он отражает некоторые канонические представления носителя языка о том, каким он должен быть» [13, с. 21].

В семантических теориях отечественного языкознания вводится новый метод исследования языкового материала – концептуальный анализ, который, ориентируясь на прототипическую организацию значения [13, с. 45], по-иному организует толкование слов – семантическим описанием, объяснением взаимосвязей культурологических, исторических, психологических представлений о предмете (или концептом).

Предметом исследования в данной статье послужили фразеологические единицы, собранные путём тематического отбора тех идиом, в которых содержался семантический компонент «умственные способности человека».

Основным, базовым языком в ходе классификации материала является русский язык. Параллельно с классификацией русского фразеологического материала на основании тех же принципов проводилась и классификация восточнославянских языков. Последовательное описание классификации будет даваться только по русскому фразеологическому материалу. А для украинского или белорусского эквивалентов будут даны классификационные схемы.

В словаре С. И. Ожегова «умственные способности человека» определяются через следующий синонимический ряд: природная одарённость, талантлив-

ость, относящаяся к деятельности ума, сознания [12, с. 921].

Анализируя собранный фактический материал, следует расширить компонентный состав семантической группы «умственная деятельность человека» следующими смыслами: природные умственные способности отождествляются с «образованностью», «грамотностью», «знанием», «отличной учёбой» (по данным ассоциативного эксперимента слово-реакция «отличник» сопровождается слово-стимул «ум»). Так, например, фразеологическая единица (ФЕ) *учёная голова* (Ирк., Кр, Крап.) употребляется в значении «очень умный человек».

Значение большей части ФЕ, характеризующих человека со стороны его образованности, в словарях определяется одновременно двумя семемами-антонимами: «умный и образованный (знающий)» и «глупый, необразованный» (ср.: *міністэрская галава* (белор.) – реализуется сема «умный, знающий человек» и *тюха-пантюха* (Кем., Кр.) – «невежда, глупый, тёмный человек»; см.: *не лыком шит, Кремлёвская голова, ходячий университет, ходячая библиотека, ходячий университет* (белор.), *не в тёмь битый, лаптем щи хлебать, лыком шит, ликом шитый* (укр.), *пень горелый* (диал., Новосиб.)).

ФЕ данной группы включены в концептуальную сферу «умственные способности человека» и имплицитно содержат объяснение семантического компонента «умный/образованный»/ «неумный / необразованный», который закрепляется в сознании носителя языка и заменяется ФЕ: «умный вследствие образованности», «глупый вследствие необразованности»: Ср.: *Ну, да и мы тоже не лыком шиты. Может и перхитрим других прочих-то. Мамин-Сибиряк, Золотая ночь, Вот как купцы живут, которые, когда были серыми мужиками, щи лаптем хлебали. Лейкин, В старом гнезде.*

В исследуемое смысловое поле ФЕ, содержащих семы «умственные способности человека», «отсутствие умственных способностей человека», включены ФЕ, характеризующие состояние интеллектуальной активности человека: «тщательность в отборе интеллектуальных средств» (*ломать голову, сушити [ламати, морочити] голову [мозок] (укр.), ламаць галаву (белор.), перекидывать в уме [в памяти, в мыслях, в голове], раскидывать умом, перебирати в памяти [в думках, в голові] (укр.), розкидывати [розкинути] розумом [думами] (укр.)*), «сосредоточенность, сопровождающая мыслительную деятельность» (*собираться с мыслями, збирати думки (укр.), шевелить мозгами, ворошити [ворохнути, повертати] мозгом (укр.), ва-рушыць галавою (белор.), круцыць галавою (белор.)*).

Антонимом среди совокупности значений концептуальной сферы «умственные способности человека» выступает сема «отсутствие умственных способностей». Репрезентация данной семы сопровождается метафорической моделью «ум → дом». Причём у

слова *дом* значимыми для данной метафорической модели становятся два семантических компонента: 'строение', 'семья, члены семьи, домочадцы'. Ср.: *Крыша поехала; Крышу сносит; Не все дома; Не всі дома (укр.); З Максимом (укр.); Не усе дома (белор.)*.

Во ФЕ, характеризующих отсутствие интеллектуальной активности, реализуются метафоры, в которых источник наименования связан с «предметностью» (*винтиков [клёпок] не хватает [не достаёт] в голове, не стає клепки в голові (укр.), без сьмой [десятой] клепк в голові (укр.), без клёпки [без клёпок] у голове, Алёша с вальтами, Альоша з мильного заводу (укр.), считать на умах, не пером пишут умом*) или с «нарушением пропорциональности» (*мозги набекрень, пускай ум наперед, а не наоборот*).

Во многих ФЕ, характеризующих отсутствие интеллектуальной активности, содержится дополнительный семантический компонент 'отклонение в психическом состоянии', реализуемый через фрейм или сценарий-метафору, где описывается сюжет несчастного случая (падения на голову мешка/кирпича) или намеренного нападения (удар из-за угла): *Как [будто, словно] из-за угла мешком прибитый [ударенный]; як [мов, наче] з-за вула [із-за рогу] мішком прибитий; мяшком ударены (белор.)*.

В сферу концептов, представляющих интеллектуальную деятельность человека, входят ФЕ, чьи смысловые компоненты содержат семы, относящиеся к периферии концептуальной сферы «умственные способности человека», которые характеризуют иные качества и действия человека, но опосредованно они связаны с умственными способностями человека. Это параметры языка, волос: излишняя длина данных частей тела человека влечёт за собой ущербность интеллекта у женщин или мужчин. Ср.: *Язык довгий, ум короткий (укр.); Волос долог, ум короткий; Одна голова, два языка (Ирк.); Ни туеза, ни губ (Ирк.)*.

Если разделить ФЕ с содержанием указания на типы, виды умственной деятельности человека на функционально-семантические классы, то получим категориальные смыслы, которые характеризуются предельной абстрактностью: «ум – сообразительность», «целенаправленное мышление», «эволюция ума». Категориальное значение вычленяется путём разложения значений ФЕ на минимальные смысловые элементы. Такое деление производится на основе анализа словарных дефиниций.

Значение ФЕ представляет собой сложное образование, совокупность нескольких смысловых (концептуальных) признаков (элементов), которые находятся между собой в определенных иерархических отношениях. В каждом фразеологическом значении можно выделить доминирующие и второстепенные, интегральные и дифференциальные признаки.

В семантической структуре ФЕ очень трудно разлагать фразеологическое значение на элементарные смысловые составляющие. Тем не менее принципы концептуального анализа в сочетании с компонентным членением применимы и к рассмотрению значения ФЕ. Так, например, ФЕ 'хромать на обе ноги' содержит несколько смысловых компонентов: во-первых, 'иметь значительные проблемы в знаниях';

во-вторых, 'протекать, идти плохо, с перебоями' (о каком-либо деле.); в-третьих, 'быть совсем плохим'.

Только первое значение из всего набора предложенных смыслов реализуется в сфере концептов «умственная способность человека», вернее, неполнота реализации интеллектуальной активности у человека. На понятийном уровне данная ФЕ, то есть в сознании говорящего на русском языке реализуется метафорической моделью «ум → человек, с физическими недостатками, которые задерживают его активность».

Таким образом, мы получаем следующее категориальное значение, которое закрепляет в сознании носителя языка данный опыт: отсутствие умственной деятельности сопровождается недееспособностью. Эта модель закрепляется в памяти человека и реализуется в речи говорящего неоднократно благодаря мнемоническим функциям мозга.

ФЕ 'без головы' передает в русской языковой картине мира несколько смыслов, которые реализуют доминантные значения для представления концептуальной сферы «умственные способности человека» (1) 'глупый, несообразительный'; 2) 'не обдумав, безрассудно'.

Концептуальная сфера «умственные способности человека» включает в себя ФЕ, отражающие мышление как процесс, и ФЕ, обозначающие интеллектуальные свойства и состояния человека.

По семантическому признаку в компонентном составе сем ФЕ, репрезентирующих концептуальную сферу «умственные способности человека» выделяют несколько категорий: «наделён умом» (*голова на плечах, светлая голова, с царём в голове, ума палата, голова на плечах [на в'язах] (укр.), мати макітру на в'язах (укр.), мець галаву на плечах (белор.), світла [ясна] голова (укр.), з галавою (белор.), з царем у голове (белор.), розуму палата (укр.)*), «лишён ума» (*ума лишен, с ума сшедший, сойти с ума, мешаться в уме, спасти [сходити] з ума (укр.), страциць розум (белор.), з'їхати з глузду (укр.), зрРозуму тронуцца (белор.)*), «больной ум» (*выживать из ума, бог с дороги збив (укр.), не хапае у голове (белор.), не в своем уме, не в порядке с умом, не при своему розуму (укр.), не сповна розуму (укр.) дурья голова, дурья башка, тронуться [повредиться] умом [рассудком, в уме, в рассудке]*), «неумный» (*не ведает, что творит, богом обижен, мозги тяжелые, маленько не хватает, как богом обиженный, не в уме, не при уме*).

Категория «наделён умом» наполнена следующими смыслами, которые обнаруживаются в результате компонентного анализа семантики слов в составе ФЕ: «голова → орган, где локализована активность мозга», «мозг → орган мыслительной деятельности человека». Данные смыслы реализуются с помощью метафорических моделей, которые представлены сочетанием самостоятельных слов, значения которых приобретают в составе ФЕ зависимый характер.

Метафорические модели категории «наделён умом» следующие: «голова → часть тела» (ср.: *'голова на плечах', 'иметь голову на плечах': Была бы голова на плечах, а хлеб будет; Будет голова, будет и борода, Тяжело голове без плеч, худо и телу без головы; Куда голова, туда и животы*); «голова → место» (ср.: *'с царём в голове', 'мозги в голове' –*

эти смыслы передают наличие умственных способностей; *‘труха в голове’ ‘каша в голове’* – эти смыслы характеризуют антонимическую часть концептуальной сферы «умственные способности человека»: *глупость, необразованность: Без головы; Без царя в голове; Не иметь царя в голове; Без головы (укр.); Порожня голова (укр.); Галавы няма (белор.); Без царя у голове (белор.), Мозги в голове тронулись [перевернулись, потекли]*).

Метафорическая модель «голова → вместилище» является частью образного компонента концепта *голова*, характеризуемого представлениями о том, что *голова* выступает преимущественно как вместилище ума, мозга, мыслей памяти. Это признак нашел выражение в ряде фразеологизмов: например, *улетучиваться из головы, дырявая голова, укладываться в голове, забить голову, голова забита, держать в голове, солома в голове, набивать голову, выбрасывать из головы голова* имеет признак ‘сосуда’, ‘вместилища мысли’, которая в данном случае уподобляется мгновенно испаряющемуся химическому веществу. В ряде случаев фразеологизм *дырявая голова* представляет голову сосудом, из которого вытекает содержимое.

В значении слова *голова* содержится семантический компонент ‘голова – предмет’. Данная сема в сочетании с содержанием глаголов *вбить, забить* реализует смыслы ‘запоминания’, ‘внушение/ вера’: *Дениска наш вбил себе в голову, что деревня пустая стоит. Бересаев, В мышеловке.*

Как предмет, у которого известен материал изготовления, *голова* выступает во фразеологизмах типа: *голова мякинная, голова дубовая, голова еловая.*

Предметные образы для концепта *голова* воплощаются в сравнительных оборотах, когда сопоставляются их функции: например, *голова*, как котелок, в котором варят: *голова варит*. Ср. *Ты что же полагаешь, что я за одну зарплату лес стережу? Хватай выше! Я хоть и не ученый, а котелок у меня варит. Паустовский, Повесть о лесах; Он решительно объявил, что голова его ничего не варит при тощем желедке. Лажечников, Последний Новик.*

Признаки физического состояния, характерные для живой материи репрезентируются следующими фразеологическими единицами: *голова пухнет, голова распухла, валить с больной головы на здоровую*, если точнее, то обладает витальными признаками.

Голова отождествляется с жизнью, что выражено в таких идиоматических выражениях: *голову сложить, давать голову на отсечение, свернуть себе голову, снять голову, выдавать головой, сорвать голову, положить голову; Бог не судил мне сыном красоваться. В честном бою голову сложил. Островский, Василиса Мелентьева.*

Для категории «лишён ума» определяющим признаком является ‘потеря умственных способностей’, который реализуется в яркой метафорической модели с религиозным содержанием «ум, разум → дар [от Бога/ от природы]»: ср. ‘лишиться ума’: *И тут я спохватился! Прогневался бог: разума лишил! Некрасов; Вот, подлинно, если бог хочет наказать, так отнимает прежде разум. Гоголь.*

В категории «больной ум» реализуется смысловой компонент ‘недостаточность/ нехватка умственных способностей’. Метафорические модели, представляющие концептуальное содержание данных ФЕ, характеризуют образы ‘жизни/ одушевлённой предметности’: ‘ум → сосуд жизни/ тело для жизни’, ‘ум → живое существо’, ‘ум → больной человек (дурак / олух – в терминологическом значении, ‘душевно-больной’). Ср.: *выйти из толку, ума сдвинуться, закрут его берет, дурне, як кірасінова робка (укр.), заплішений [набитый] дурень (укр.), дурний, як колода (укр.), дурний, як стріха (укр.); олух Царя Небесного, мухи летают – олухов оплетают, вислоухий олух, олух на олуха идет, олухом погоняет.*

Концепт *ум* в русской языковой картине мира характеризуется витальным признаком ‘болезнь’, активированном в адъективных и глагольных словосочетаниях с лексемой ‘ум’ таких производных слов, в которых есть корень ‘боль-/ бол-’, содержащий сему ‘больной, т. е. нездоровый’: *больной, болеть, болезненный*, где выражается концептуальный признак ‘нездоровое состояние живого существа’ (*больной ум, болит ум; И не в одних приговорах его ума было дело: своему мрачному, одиночному и больному уму он бы и не поверил; но доходило до проклятий что тут и не до слез, если и не наружных, так внутренних. Достоевский*). Данный образ ‘ум → больной’ включается в содержание метафорической модели ‘ум → дурак/ олух (в терминологическом значении, душевнобольной)’ и характеризует в сфере концептов «умственные способности человека» ту часть, которая мыслится как антонимы: концепт *глупость*, концепт *дурак/ олух*.

Концепт *ум* может быть представлен через признак ‘болезнь’, реализуя метафорическую модель ‘ум → нездоровый орган человека’ в сочетаниях: *болеть умом, вылечить ум*. Ср.: *Половину вы вчера от меня уже слышали: я вас считаю за самого честного и за самого правдивого человека, всех честнее и правдивее, и если говорят про вас, что ум... то есть что вы больны иногда умом, то это несправедливо; я так решила и спорила, потому что хоть вы и в самом деле больны умом...Достоевский; Желая вам вылечить ваш ум и ваши подслепые глаза. Достоевский.*

По мнению Б. В. Маркова, «внутреннее тело преобразуется в процессе вытеснения переживаний и замещения их этическими ценностями. <...>. И те и другие являются коммуникативными: на основе морали и долга вырабатывают внутренние чувства вины и покаяния, благодаря которым преобразование тела становится внутренней проблемой отдельной личности, сдерживающей и контролирующей свои побуждения и витальные аффекты» [11, с. 85].

Для категории «неумный» определяющим признаком является ‘отсутствие ума – полное или частичное’: *не сполна ума, не при уме, не в уме, несповна розуму (укр.), не у поуным розуме (белор.), не хапае у голове (белор.), маленько не совсем, маленько не хватает.*

Образ *дурака* в категории «неумный» реализуется метафорическими моделями вегетативного содержания: ‘неумный → пень’, ‘неумный → дерево’, ‘голова → сад’, ‘голова → капуста’, ‘голова → дерево’, ‘голо-

ва из соломы' 'голова с опилками', 'неумный → трава', 'неумный → дубина/ балда'.

Метафорическая модель 'неумный → дерево' реализуется в сочетаниях со словом *пень*, причём, используемое с различными эпитетами: *березовый, осинный* и т. д. Ср.: *пень в два обхвата, пенёк с ушами, пенёк осиновый*.

Метафорическая модель 'неумный человек → дуб' содержит семантический компонент 'дерево' – дуб, ель, осина: *дурний, як довбна (укр.), ступа дубавна (укр.), дубовая голова, голова еловая*.

Метафорические модели 'голова → сад', 'голова → капуста', 'голова → дерево', 'голова из соломы' 'голова с опилками' реализуются в следующих ФЕ: *голова деревянная, голова соломенная, в голове опилки, солома в голове, голова набита соломой, голова садовая, голова капустяна (укр.), голова садова (укр.), галава, як капуста, соломьяна голова (укр.), салом у галаве (белор.)*.

Метафорические модели 'неумный → трава', 'неумный → дубина/ балда' реализуются в следующих сочетаниях: *бестолковый, как трава, балда стоеросовая, дубина стоеросовая*.

Для языческой картины мира были сопоставимы значения «дерево» и «ум» через образы Мирового древа и Мирового разума. Мировое дерево по представлениям язычников обладало Мировым разумом.

Из исследовательского материала М. М. Маковского следует, что, если сравнить слова со значениями 'дерево' и 'ум' во всех языках индоевропейской семьи, то можно обнаружить определённое сходство. Это сходство можно обнаружить как в звуковом сочетании слов со значениями 'дерево' и 'ум', так и в производных с общим корнем: «...ср. литов. *meds* 'дерево', но лат. *meditare* 'думать', и.-е. **ag-* 'дуб', но гот. *aha-* 'разум'» [17, с. 138 – 139].

В текстах Библии образ дерева – это символ источника познания добра и зла, но не всякое дерево обладало этими чудодейственными особенностями: И заповедовал Господь человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь, смертью умрёшь. Библейских образ дерева, как источника познания интерпретируется богословами как источник вечной жизни. Сорвав плод с древа жизни, с древа познания добра и зла, первый человек – Адам –

разделил мир на живые и мертвые сущности: сорванный плод – это символ неодоушевлённой вещи.

М. М. Маковский отмечает, что «семасиологические параллели соотношения значений «вещь» – «дерево» <можно найти в таких языках:> др.-англ. *ceatt* 'вещь', но осет. *gād* 'дерево'...» [10, с. 139].

Вещь является частью дерева, но дерева, утратившего живительный источник. Такой вещью представляется столб. Язычники поклонялись столбам. Это связано с мифологическими представлениями о том, что дерево символизировало не только Вселенную (Мировое дерево), но и создателя Вселенной – божество. С появлением христианства языческие божки, облечённые в виде деревянных фигур стали восприниматься как пустые, не имеющие силу, а, значит, глупые. Слово *болван* соотносится со значением 'деревянный столб в углу печи, изваяние, идол'. Это слово в некоторых славянских языках приобрело дополнительное значение 'глупый'.

Символом глупости, неумного человека в восточнославянских языках выступают деревянные предметы или части деревьев, утратившие питательную среду, а следовательно, прекратившие существовать как «живое дерево»: *балда 'шишка, дубина', болван 'бревно, брус, идол'*. Во ФЕ с использованием данных слов проявляются концептуальные символические признаки: «дерево» и «часть 'мёртвого' дерева», как показатели категории «без/ума/отсутствие ума»: ср. *балда стоеросовая, дубина стоеросовая, балда осиновая, пенёк берёзовый*.

Таким образом, ФЕ восточнославянской лексики репрезентируют регулярные метафорические модели 'ум → голова', 'ум → образованность', 'ум → природная одарённость', 'неумный человек → дерево, трава, овощ', 'ума → дар, которого можно лишиться', 'ум → больной'.

Концептуальная сфера «умственная деятельность человека» включает смысловую оппозицию, выражённую категориями: «ум – сообразительность», «целенаправленное мышление», «эволюция ума», «наделён умом» и противопоставленные им в содержательном отношении категории «лишён ума», «больной ум». Данные категории реализуются прямыми значениями и метафорическими сочетаниями ФЕ, в которых один из семантических компонентов передает представление о природе умственных способностей человека.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. I: Лексическая семантика.
2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 520 с.
3. Васильев, Л. М. Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5.
4. Вежбицка, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986.
5. Гак, В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова / В. Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической структуры языка: тезисы докладов. – М., 1971. – № 1.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 1889 с.

7. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М.: Прогресс, 1997. – 400 с.
8. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1.
9. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – М.: Просвещение, 1986. – 428 с.
10. Маковский, М. М. Дерево / М. М. Маковский // Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
11. Марков, Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета / Б. В. Марков. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 232 с.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: ЭЛПИС, 2003. – 944 с.
13. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 415 с.
14. Селевёрстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов) / О. Н. Селевёрстова. – М.: Просвещение, 1975. – 400 с.
15. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж: ВГАУ, 1979.
16. Уфимцева, А. А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Просвещение, 1961.
17. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – Сер. 2. Информационные процессы и системы. – М., 1992.
18. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Просвещение, 1974. – С. 45.
19. Wierzbicka, A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor, 1985.
20. Harris, Z. Componential analysis or a Hebrew paradigm / Z. Harris // Language. – 1948. – 24 с.

Информация об авторе:

Сергеева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета.

Sergeyeva Natalia Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Slavonic Languages of KemSU.

УДК 801.73

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ПОДТЕКСТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ С. С. Сермягина

BASIC ISSUES AND STRATEGY OF SUBTEXT ANALYSIS S. S. Sermyagina

Статья посвящена проблемным вопросам методики постижения подтекста художественного произведения. В работе соотнесены различные точки зрения понимания идейно-эстетического уровня текста, обозначены границы и определено место такой неоднозначно понимаемой категории, как подтекст. Языковые средства представлены как маркеры имплицитной информации, обусловленные идейно-тематической спецификой произведения.

The article is devoted to the issues in the strategy of a literary work subtext revealing. Different points of view on ideological and aesthetic message of a literary work are considered in the article. The author places special emphasis on defining such an ambiguous category as subtext. Language means are presented as implicit information markers determined by the conceptual specificity of the literary work.

Ключевые слова: подтекст, концептуальная информация художественного текста, идейно-эстетическая информация художественного текста.

Keywords: subtext, conceptual specificity of a literary work, ideological and aesthetic message of a literary work.

Проблема соотношения таких языковых категорий, как «текст» – «затекст» – «подтекст», в лингвистической науке обозначена, но не разрешена. «Подтекст», являясь важным текстовым уровнем, не приобрел необходимой для изучения художественной ре-

чи однозначности. Определение места подтекста относительно смысловых уровней текстовой структуры представляется важным, так как это дает возможность осознать границы исследуемого явления, а следовательно, и установить механизм его порождения, что, в

свою очередь, поможет обозначить пути интерпретации художественного текста (или прочтения подтекста).

В свою очередь, подтекст и имплицитность – трудно разграничиваемые категории, поскольку обе являются вариантом подразумевания и, как правило, присутствуют в тексте параллельно, взаимодействуя друг с другом. Если обратиться к различным трактовкам обозначенных категорий, то проблема их разграничения будет связана с тем, что они затрагивают совокупность как внешних, так и внутренних закономерностей организации семантического пространства художественного текста и соотносятся с такими понятиями, как пресуппозиция, модальность, подтекстовая информация, содержательно-концептуальная информация (СКИ), затекст, текстовые ассоциации и др.

Так, Н. В. Шевченко понимает подтекст как более общую категорию: «к подтекстовой информации относятся: пресуппозиция, символ, импликация, так называемый ассоциативный и ситуативный подтекст, контрапункт» [22, с. 28]; В. А. Кухаренко говорит о двух параллельных смыслах имплицированного сообщения: внешний, выраженный при помощи линейных связей и значений, и внутренний, требующий переосмысления сообщения в связи со сказанным ранее [17].

При таком различии мнений исследователей об обозначенных категориях, они тем не менее едины в том, что: 1) имплицитность и подтекст связаны со смыслом художественного произведения, а не с суммой значений составляющих его языковых элементов и 2) подтекст и имплицитность – выводимая информация, связанная с позицией интерпретатора, и, соответственно, в основе ее заложена субъективная трактовка.

Обратимся к первому положению для прояснения различий и общих моментов обозначенных категорий. Мы согласны с Г. И. Богиним в том, что, говоря о субстанциональной стороне понимания текста, необходимо разграничивать «содержание», «смысл» и «значение», а понимание текста трактовать как «понимание мыслей» (т. е. смыслов). Смысл схватывается рефлексно в ходе распределения средств текста. Смысловая, нозматическая система асимметрична по отношению к системе текстовых средств, а техника распределения может быть неуниверсальной. В тексте бывает представлена смесь из смыслов категоризируемых и некатегоризируемых. Рефлексия на средства смысловыражения превращается в рефлексию смыслообразующую. Соотношение таких понятий, как смысл и значение, приводит к выводу, что значение существует в языке, смысл – в дискурсе. Именно смысл порождает неопределенность, размытость и соответственно связан с имплицитностью.

По нашему мнению, необходимо добавить, что содержание текста не «превращается» в смысл, поскольку смысл – одна из организованностей рефлексии, а совокупность всех доступных человеку смыслов есть картина наполнения схемы системомыследеятельности (по Г. П. Щедровицкому). Смысл же целого текста – это «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или

восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [23, с. 88 – 89]. Таким образом, вкупе с содержанием смысл образует весь состав интеллектуальных актов – содержательность: «все единицы оказываются «контекстными ключами» в поисках содержательности (единства смысла и содержания), т. е. все единицы текста герменевтически релевантны. При этом средства прямой номинации не имеют никаких преимуществ сравнительно с импликациями, метафоризациями и другими непрямыми средствами...» [23, с. 60].

В свое время Н. И. Жинкин указывал, что мы думаем не о словах, а о действительности (см. подробнее [12]). В связи с вышесказанным, хотелось бы обратить внимание на постоянное взаимодействие языковых и энциклопедических знаний человека, формирующих языковую картину мира как обязательную основу процесса коммуникации (см. подробнее [13]). Такой вид энциклопедической информации в специальной литературе именуется фоновыми знаниями [1; 10]. Фоновые знания – совокупность сведений, которыми обладает как тот, кто создает текст, так и тот, для кого этот текст создается; в коммуникативном аспекте такие знания определяются как пресуппозиция. Можно сказать, что пресуппозиция – это знания, которыми владеет автор и специально не облакает их в словесную форму, полагая, что для читателя подобная информация выступает как нечто само собой разумеющееся, то есть это часть высказывания, характеризующаяся самоочевидностью и тривиальной истинностью (см., напр., [22]). Пресуппозиция предполагает реализацию разных смыслов, оттенков значения одного и того же слова в отрезке текста. Причем разные смыслы фразы способны заключать в себе словосочетание, предложение и целый контекст. Пресуппозиция как логико-лингвистическая категория предполагает учет разносторонних знаний, жизненного опыта в коммуникативной деятельности человека.

Таким образом, подтекст и имплицитное в равной степени связаны с таким понятием, как «смысл художественного текста».

Второе положение связано с первым, поскольку интерпретатор, пытаясь постичь скрытую текстовую информацию, опирается, прежде всего, на собственный опыт понимания произведения, а языковые маркеры постоянно соотносит с моделью уже постигнутого им смысла текста.

Объединяющим различные точки зрения на механизм проявления «подтекста» является особый смысл, лежащий вне прямой логики развития сюжетно-событийного уровня. Большинство исследователей (Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, Н. А. Купина, В. А. Кухаренко, И. Я. Чернухина и др.) говорят о заданности подтекста, о невозможности субъективных толкований. Подтекстовая информация запланирована автором, выражена и не выражена вербально, но обозначена различными маркерами. Подтекстовое содержание передается в «таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем» [20]. Существует и другая точка зрения. Так, А. А. Богаты-

рев обращает внимание, что понятие «смысл» неоправданно наделяется в рамках известных авторских концепций подтекста «несвойственными ему атрибутами, поскольку смысл не кодируется, не хранится и не декодируется, и не суммируется, никогда не бывает дополнительным» [6].

Т. И. Сильман, одна из первых обратившая внимание на сложную природу механизма порождения подтекста, отмечает, что «подтекст есть не что иное, как рассредоточенный, дистанцированный повтор, который именно благодаря своей дистанцированности использует лишь общую атмосферу ситуации, далеко не всегда опираясь на буквальное цитирование..., в основе всякого подтекстного значения всегда лежит нечто уже однажды бывшее...». Само явление «дистанцированного столкновения отрезков текста приносит совершенно новые оттенки восприятия того, что однажды имело место..., погружая читателя в атмосферу смутных ассоциаций, в атмосферу более или менее приближительных отголосков и смысловых перекличек, из которых и рождается явление подтекста» [18, с. 84 – 90]. Исследователь обращает внимание на однородность различных механизмов возникновения подтекста и трудное, практически невозможное разведение их (различных механизмов возникновения подтекста) при анализе. В таком случае текст является проекцией вербальной манифестации мысли, результатом скрытого механизма ассоциативного мышления.

Такая трактовка подтекста соотносится с внетекстовыми ассоциациями (Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, А. М. Камчатнов, Д. М. Урнов и др.): «текст может вызвать образы... Эти образы оказываются безразличными к самому содержанию литературно-художественных произведений» [9]; «в каждом истинно художественном произведении отражаются «вековые накопления», груз традиционных представлений, выработавшихся до простоты принятого, естественного. Помещаясь где-то между строк, за текстом, в подтексте, эти представления, словно противовес, приводят в движение механизм простых действий персонажей» [19, с. 52 – 73]. Хотелось бы заметить, что при восприятии эксплицитного содержания высказывания у воспринимающего в мозгу включаются не все ассоциации подряд, а лишь те, которые лежат в диапазоне интересов, деятельностных и познавательных установок. К. А. Долинин отмечает то, что «имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте каких-то «лакун» – пропусков, недоговорённостей, неясностей, противоречий, нарушений каких-то норм» [11].

Если же принимать во внимание, что приемы выразительности всегда построены на неожиданной лексической сочетаемости, которую можно трактовать как нарушение общезыковой нормы, то вполне логично говорить о том, что средства образности (метафора, метонимия, эпитет, сравнение) всегда будут сигнализировать об имплицитной информации и являться своеобразным ключом к постижению последней. Однако нужно заметить, что понимание читателем таких нормативных «нарушений» осуществляется в соответствии с его (читателя) тезаурусом и тем, что имеется в тексте. По выраженным средствами языка

образам, аналогиям и т. п. читатель «восстанавливает опущенное и недосказанное, механизмом возникновения подтекста являются в его мозгу ассоциации между теми или иными элементами эксплицитного содержания текста и представлениями и понятиями, связанными с ними в действительности» [11].

При таком понимании механизма возникновения «подтекста» восприятие художественного текста связывается с процессом ассоциирования, «на основе которого происходит приобщение читателя к авторскому мироощущению. Ассоциации, возникшие в сознании читателя, позволяют соотнести новую информацию с уже имевшейся в его прошлом опыте» [15, с. 32].

Многие исследователи (И. Р. Гальперин, Л. Г. Кайда, А. И. Новиков, И. Я. Чернухина и др.) обращают внимание на то, что в подтексте дополнительное содержание доходит до границ сюжета и основной темы произведения. Так, Л. Г. Кайда, обращаясь к проблеме подтекста и связывая лингвистический подтекст с коммуникативной целостностью текста, отмечает композицию как составляющий компонент художественной формы: «любое произведение – это качественно новое целое, а не механически сложенная сумма составных компонентов» [14, с. 20]. Такому пониманию подтекста способствовали, по мнению исследователя, работы М. Бахтина, Ю. Лотмана, Б. Успенского.

Соответственно, подтекст, будучи явлением текстового уровня, формируется на основе разнородных и разноуровневых элементов, расположенных не только контактно, но и дистантно. Подтекст реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения. Импликация же создается преимущественно контактно расположенными лексическими элементами. Углубляя эту мысль, И. Я. Чернухина отмечает, что имплицитное содержание возникает на композиционно-синтаксическом уровне в результате определенного соположения компонентов художественного текста, смыслы которых вступают во взаимодействие и вследствие этого порождают новую семантику, не имеющую формального воплощения на лексическом уровне [21, с. 18]. К. А. Долинин такое содержание и называет подтекстом [11, с. 37]. И. В. Арнольд определяет текстовую импликацию как «дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста, но ими вербально не выраженный» [1, с. 84]. Она считает, что импликация является частью смысла отрывка текста, а не отдельного слова или предложения. Исследователь предлагает импликацию в тексте понимать в широком и в узком смысле слова [2, с. 3].

Особый взгляд на механизм возникновения подтекста у И. Р. Гальперина. Исследователь точнее проясняет природу этой категории, вводя новые параметры «информационного поля». Так, отмечая, что «подтекст – «явление чисто лингвистическое, но выводимое из способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразию сочетания предложений, символики языковых фактов», подтекст, по его мнению, имплицитен по своей природе, он недоступен

непосредственному наблюдению, ускользает от внимания при первом чтении и начинает проступать через содержательно-фактуальную информацию (СФИ) при повторном и даже неоднократном чтении. Подтекст – это своего рода диалог между содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной сторонами информации.

В основе содержательно-подтекстовой информации (СПИ) лежит способность человека к параллельному восприятию действительности сразу в нескольких плоскостях или к восприятию разных, но связанных между собой отношений одновременно. Подтекст существует с вербальным выражением (СФИ) и сопутствует ему. Он запланирован создателем текста [9, с. 42].

И. Р. Гальперин выделяет два вида СПИ: ситуативный и ассоциативный.

Подтекст не только расширяет и углубляет смысл художественного текста, но и изменяет его по сравнению с тем, что выражено в тексте эксплицитно, ведет свою смысловую линию, помогает более полному раскрытию главных тем произведения.

По И. Р. Гальперину, понятия «подтекст» и «приращение смысла» близки, но не тождественны. Приращение смысла спонтанно: оно возникает в процессе реализации лексических, синтаксических, композиционных особенностей сверхфразового единства, а подтекст сосуществует с вербальным выражением и сопутствует ему. Он запланирован создателем текста. Буквальное и подтекстовое соотносятся как «тема» и «рема»: буквальное – тема (данность); подтекстовое – рема (новое) [9, с. 44 – 46].

В отличие от содержательно-концептуальной информации (СКИ), подтекст может быть обнаружен в конкретном предложении или в сверхфразовом единстве (СФЕ), а СКИ – только в целом тексте. Восприятие подтекста зависит от тезауруса читателя. Чем этот тезаурус богаче, тем больше развита способность читателя аналитически воспринимать текст, тем конкретнее для него очертания несказанного, подразумеваемого [9, с. 27 – 29].

Считаем целесообразным различать текстовую импликацию и подтекст, так как «признак текстовой импликации – признак масштаба контекста, который здесь имеет ситуативный характер, а подтекст реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения» [1, с. 83]. Таким образом, под подтекстом мы будем понимать скрытую информацию, извлекаемую из СФИ в макроконтексте произведения благодаря способности языковых единиц порождать ассоциативное и коннотативное значения, а также благодаря способности предложений внутри сверхфразового образного единства (СФОЕ) развивать дополнительные текстовые смыслы.

Импликация и подтекст создают глубину содержания, но в разных масштабах: в подтексте это дополнительное содержание углубляет сюжет, ведет свою смысловую линию, помогает более полному раскрытию главных тем произведения; текстовая же импликация отражает обстановку отдельного коммуникативного акта, поступка или действия, составляющих отдельное звено сюжета – эпизод. Имплика-

ция, в отличие от подтекста, смысл не меняет, а только дополняет и вводит элементы субъективной и эмоциональной оценки.

Важная черта подтекста и текстовой импликации состоит в том, что оба вызывают эмоциональное и оценочное отношение читателя к тому, о чем рассказывается.

Поиск заложенной в тексте информации (которая именуется подтекстом, имплицитным уровнем произведения) невозможен без предварительного выявления и описания особенностей структуры текста (экспликации смысла), что ещё раз доказывает положение К. А. Долинина и Ю. М. Лотмана о том, что интерпретация художественного текста должна основываться на выявлении структуры произведения.

Поскольку семантическое пространство художественного текста организовано иерархически, то в каждом конкретном случае необходим поиск «выхода» подтекстовых смыслов (авторского замысла) на структурно-композиционном уровне, где эксплицируется «доминантный код» текста. Именно в таком композиционном пространстве содержится имплицитивный «сгусток» текстовой информации. Очевидно, что центральная (в смысловом отношении) композиционная часть текстовой структуры будет содержать максимально значимые знаки (в роли такого знака, например, может выступать заголовок), которые будут задавать основное направление семантического пространства (концептуальной информации) текста. Сам факт такой организации концептуальной (имплицитной) информации доказывает нелинейный характер развёртывания эстетической информации (в отличие от линейного развёртывания сюжетно-композиционного уровня произведения).

Таким образом, в результате рассмотрения основных механизмов проявления подтекста отметим самые важные моменты:

1. Семантическое пространство текста соотносится с такими категориями, как «содержание», «смысл», «значение». Неявные смыслы художественного текста связаны с категорией «смысл», в основе которой – организованная рефлексия, или совокупность всех доступных человеку смыслов есть картина наполнения схемы «системомыследеятельность» (по Г. П. Щедровицкому).

2. Можно говорить о разных видах имплицитного содержания художественного текста. Одним из таких видов является «подтекст» – категория, обязательно присутствующая в художественном тексте и «заданная» его создателем.

3. Выявление подтекста – процесс творческий, индивидуальный, но регламентируемый «словесной тканью» произведения. Границы подтекста обозримы, очерчены языковыми ориентирами. Поиск заложенной в тексте подтекстовой информации должен вестись при постоянном сопряжении с системой целого произведения.

4. Языковые ориентиры подтекста авторски индивидуальны. Единые правила прочтения подтекста задать сложно. Кроме того, постижение неявных смыслов связано с индивидуальным опытом читателя, отсюда – множественность интерпретаций текста. Процесс постижения «скрытых» смыслов осложняется

также и тем, что процедура формулирования эстетических смыслов чрезвычайно сложна, так как связана с постоянным сопряжением частных смыслов со всем семантическим пространством художественного текста.

5. Необходимо рассматривать текст как «совокупность смыслов» (Ю. А. Сорокин). Границы подтекста, как выводимой категории, в каждом конкретном случае будут меняться и пересекаться с различными смыслами, требующими рефлексии читателя. Например, с модальностью, пресуппозицией и т. д. Возможна ситуация наложения этих смысловых полей семантического пространства художественного текста.

В методике лингвистического анализа художественного текста постепенно наметились два основных аспекта анализа: лингвостилистический анализ, цель которого – раскрытие выразительности языкового материала, и лингвопоэтический анализ, выявляющий соотношенность языковых средств текста с категориями поэтики: темой, идеей, образной системой произведения и т. д. Еще в 30-е годы XX в. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба и ряд других исследователей обозначили суть лингвопоэтического анализа, определив ее (суть) через принцип координации темы, идеи, замысла произведения и словесно-речевых средств их выражения. Следовательно, лингвопоэтический анализ, который некоторые исследователи приравнивают к филологическому, должен быть связан с формированием установок на восприятие и понимание художественного текста в единстве формы и содержания.

В современной литературе по лингвистике текста используется и другая терминология в определении основных направлений анализа текста, так лингвостилистический анализ называют стилистическим анализом, а лингвопоэтический – лингвистической поэтикой.

В методической литературе вопрос о системе приемов филологического (лингвопоэтического) анализа и последовательности его этапов решается по-разному. В свое время академик В. В. Виноградов говорил о двух путях объективного исследования художественных произведений, «один – от анализа и понимания цельного словесно-художественного произведения как эстетического единства» [7, с. 31]. Другой путь... «от самых первичных, непосредственно составляющих текст элементов – от звуков и фонем» [7, с. 40]. Некоторые исследователи (Н. А. Купина, Л. Ю. Максимов) рекомендуют начинать анализировать с установления основных, внешних по отношению к языку содержательных характеристик произведения (темы, идеи, жанра и др.), которые вначале формулируются как гипотетические варианты. После этого следует лингвистический анализ, который должен подтвердить (или опровергнуть) выдвинутые гипотезы и в целом – углубить первоначальное представление о произведении. Думается, что фактор объективности при таком подходе представляется преувеличенным, так как уровень понимания текста зависит не только от знания читателем языковых значений, но и от понимания затекстовой ситуации.

Всестороннее раскрытие содержания (содержательно-фактуальной и содержательно-концептуаль-

ной информации) художественного текста как сложно организованного сообщения и как продукта словесно-художественного творчества, по мнению И. Р. Гальперина, предусматривает поэтапную (включающую 6 этапов) процедуру анализа.

В настоящее время многими лингвистами (Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, Ю. А. Гвоздарев, К. А. Долинин, Л. И. Донецких, Н. А. Кузьмина, В. А. Кухаренко, А. Ю. Мазилова, Н. Ф. Пелевина, Г. В. Степанов, А. И. Студнева, И. Я. Чернухина и др.) принята и проверена на разном материале методика по лингвопоэтическому исследованию художественного текста, что, на наш взгляд, является важным методическим и методологическим достижением, так как позволяет увидеть онтологическую природу художественной речи. Однако в выделении структурных уровней текста обнаруживается разноречивость, что обусловлено объективной сложностью текста как объекта изучения.

Самое популярное поуровневое представление текста ориентировано на выделение в тексте фонетического, морфологического, лексического и синтаксического уровней. И. В. Арнольд, отмечая целесообразность применения схемы языкового уровневого анализа художественного текста, допускающего включение промежуточных, факультативных уровней, а именно уровня словосочетаний, фразеологических единиц и уровня сверхфразовых единств, подчеркивает, что с точки зрения стилистики схемы уровней выглядят иначе: «звуковой уровень, лексический уровень, и далее условно (поскольку сплошной сегментации здесь не получится) – уровень стилистических приёмов, уровень образов, уровень типов выхождения, уровень текста» [2, с. 85].

Л. Г. Бабенко, обобщая различные подходы к выделению уровней текста, выделяет три основных подхода:

- 1) функционально-лингвистический (структурно-языковой), рассматривающий текст как уникальную организацию языковых единиц различных уровней;
- 2) текстовый (структурно-семантический), основанный на представлении о тексте как уникальном структурно-текстовом целом, имеющем собственную единицу – сложное синтаксическое целое (ССЦ);
- 3) функционально-коммуникативный, выделяющий динамические текстовые единицы, образующие информационно-смысловой и прагматический уровни [3, с. 41 – 42].

Таким образом, в практике лингвистического анализа художественного текста основной собственно текстовой единицей следует считать ССЦ, при этом важным является то, что такая единица – средство тематического развертывания текста, соответственно, это средство интеграции основной идеи текста. Следовательно, методика анализа текстовой структуры, связанная с вычленением и осмыслением делимитизации ССЦ в тексте будет сопряжена с постижением имплицитной информации.

Построение методики декодирования художественного текста при любом подходе не представляется возможным без учета того, что создатель текста надеется на опыт получателя, который позволит последнему воспринять и информацию, не получившую

прямого словесного выражения. Для раскрытия смысла художественных текстов требуется и достаточно высокий уровень филологической компетенции читателя. Речь идет о знании специальных приемов использования языка, принятых в литературно-художественном творчестве.

Ввиду того, что в языковой компетенции и тезаурусе автора и читателя всегда существуют более или менее заметные расхождения, содержание текста для читателя всегда будет отличаться от того, которое было закодировано писателем. С психолингвистической точки зрения, процесс декодирования означает не постижение суммы языковых значений его элементов, а порождение в сознании читателя смысла, который инициируется составляющими данный текст языковыми знаками. Именно этот смысл и можно рассматривать как проекцию авторского замысла.

Отстаивая идею активного воздействия на читателя в плане прочтения имплицитной информации через осмысление приемов выразительности, считаем необходимым внести коррективы в методику изучения художественного пространства и определения приемов декодирования, которые связаны с основными задачами изучения художественной структуры.

Предлагаем поиск имплицитной информации направить по пути выявления и осмысления приемов выразительности художественного произведения. Особо нужно рассматривать заглавие, которое традиционно признается функционально значимой текстовой единицей; номинируя весь текст, заглавие всегда сочетает в себе тема-рематическую информацию, что дает возможность расценивать его как особый выразительный структурный компонент текста.

Соглашаясь с тем, что слово реализуется в контексте, необходимо уточнить, что «импликации, основанные на контексте, полностью исчислены быть не могут, так как их число столь же бесконечно, что и число возможных ситуаций, где может употребляться слово» [6, с. 48].

Поскольку слова как лексические единицы языка находятся в различных и многообразных отношениях между собой вне текста, то системные отношения в лексике могут тоже создавать у читателя ассоциации. Системные отношения отдельного слова с другими словами в языке могут дополнять ЛСВ значения слова, реализованный в контексте, причем представляется, что такие ассоциативные значения могут быть как запрограммированы писателем, так и не запрограммированы. Лексическому уровню правомерно отводится особая роль в формировании эстетического значения.

Подобно слову, смысл которого нельзя исчерпать во всех возможных контекстах, понимание текста сосредоточивается на той схеме возможностей, которая в нем заложена и в отношении которой действительное содержание есть не что иное, как единичная реализация возможных осмыслений. Если весь реализованный в конкретном произведении идейно-эстетический комплекс понимать как концептуальную информацию, соотносимую с авторской модальностью, то возможное осмысление этой информации читателем будет соотноситься с подтекстом. Таким образом, подтекст — это категория лингвистическая,

словесно выраженная. Следовательно, путь постижения авторского замысла (подтекста) должен быть направлен на выявление ключевых языковых знаков разного характера и осмысление их семантики в соответствии с целым художественного текста.

Принимая во внимание особую, эстетическую функцию слова, связанную с авторской концептуализацией, нужно отметить, что в художественном тексте актуализируются коннотативные смыслы, создающиеся благодаря содержательным компонентам языковых форм, и имплицитные, возникающие в результате невыраженности формальными средствами грамматических и лексико-грамматических форм. По мнению И. Р. Гальперина, именно концептуальность заостряет внимание на том «новом», что раскрывается постепенно, так как связана с содержательно-подтекстовой информацией, следовательно, концептуализация — это процесс актуализации смыслов, характеризующий как систему языка, так и авторский замысел. Формализуется концептуальность в ключевых знаках текста с оценочным компонентом, связанных с выражением авторской модальности.

Взаимосвязь концептуальной и подтекстовой информации в художественном тексте очевидна, что заставляет направить исследовательский анализ по пути выявления способов «прочтения» последней, максимально отходя от субъективности толкования и «снятая» неопределенность художественной информации. Предполагается, что писатель, заботясь о доступности информации, использует не случайные языковые средства, а обусловленные идейно-тематической спецификой произведения.

Основанием такого подхода могут быть следующие моменты:

а) онтологические свойства художественного текста связаны с его «вторичностью»;

б) поскольку писатель раскрывает одно явление через другое (часто это несоотносимые в действительности вещи), многозначность и недосказанность художественного текста, а соответственно и подтекста, строится метафорически, что связано, как правило, с системой приемов выразительности;

в) общая модель деривации художественного текста, которая осваивалась в рамках школы структурного анализа литературного произведения (см. работы А. К. Жолковского и Ю. Р. Щеглова), объясняя звенья перехода от рождения идеи к ее конкретному воплощению — тексту, опирается на такой значимый для художественного текста блок, как приемы выразительности;

г) приемы выразительности — это один из самых индивидуальных элементов стиля писателя, демонстрирующий как мастерство образного преподнесения материала, так и обнаруживающий субъективную позицию автора, что помогает «выйти» на подтекстовую информацию;

д) понимание заглавия художественного текста как «поля возможных интерпретаций» (Ю. М. Лотман), которое определяет текст в отношении развернутой пропозициональной структуры и, соответственно, также направляет читателя по пути поиска подтекстовой информации.

Таким образом, логика осмысления такой сложной и неоднозначно понимаемой в лингвистической литературе категории, как подтекстовая информация, позволяет сделать следующие выводы:

1. Механизм познания подтекстовой (имплицитной) информации художественного текста в лингвистической литературе является одним из «открытых» вопросов. Незавершенность дискуссии связана со сложностью вычленения минимального смыслового сегмента, задающего глубину интерпретации художественного текста, а также с трудностью осмысления неоднозначно трактуемой категории (подтекста).

2. Представляется, что подтекст – это одна из разновидностей имплицитной информации в тексте. Имплицитное и подтекст – это разная глубина постижения текста: подтекст задает главные темы произведения, импликация – характеризует отдельный коммуникативный акт.

3. Подтекст соотносится с авторским замыслом, выступая в роли регулятора отношений между автором и читателем. Подтекст взаимосвязан с концептуальной информацией, являющейся, по сути, его «биологической матрицей».

4. Сущностным отличием подтекста является то, что он всегда задан писателем и эксплицирован разными знаками текстовой структуры. Границы подтекста трудно выявляемы, что связано с отсутствием единых правил его прочтения, со специфичностью языковых ориентиров, его задающих, с множественностью интерпретаций текста. Думается, один из путей решения этой проблемы – рассмотрение образных языковых средств в аспекте ключей-актуализаторов представления идейно-эстетического уровня текста – позволит точнее представить соотношение таких базисных текстовых категорий, как эксплицитное/имплицитное.

Литература

1. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд. – Л., 1982. – 76 с.
2. Арнольд, И. В. О понимании термина «текст» в стилистике декодирования / И. В. Арнольд // Стилистика художественной речи. – Л., 1985.
3. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для вузов по спец. «Филология» / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 534 с.
4. Богин, Г. И. Субстанциональная сторона понимания текста / Г. И. Богин. – Тверь, 1993. – 137 с.
5. Борисова, Е. Г. Значение слова и описание ситуации / Е. Г. Борисова // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1996. – № 3.
6. Богатырев, А. А. Элементы неявного смыслообразования в художественном тексте / А. А. Богатырев. – Тверь, 1998. – 100 с.
7. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М., 1971. – 240 с.
8. Гальперин, И. Р. О принципах семантического анализа стилистики маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований / И. Р. Гальперин. – М.: Наука. – 1976. – С. 284 – 289.
9. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 138 с.
10. Гюббенет, И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. – М.: Изд. МГУ, 1991. – 204 с.
11. Долинин, К. А. Интерпретация текста / К. А. Долинин. – М., 1985. – 288 с.
12. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 156 с.
13. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – РГГУ, 1999. – 360 с.
14. Кайда, Л. Г. Композиционный анализ художественного текста: теория. Методология. Алгоритмы обратной связи / Л. Г. Кайда. – М.: Флинта, 2000. – 152 с.
15. Карпенко, С. М. Ассоциативные связи слова и его актуальный смысл (на материале поэзии Н. С. Гумилёва) / С. М. Карпенко // Коммуникативные аспекты слова в тексте разной жанрово-стилевой ориентации. – Томск, 1995.
16. Купина, Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск, 1983. – 160 с.
17. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М., 1988. – 143 с.
18. Сильман, Т. И. Подтекст как лингвистическое явление / Т. И. Сильман // Филологические науки. – 1969(6). – № 1.
19. Урнов, Д. Мысль изреченная и скрытая (о подтексте в современной прозе) / Д. Урнов // Вопросы литературы. – 1971. – № 7.
20. Федосюк, М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М. Ю. Федосюк. – М., 1988. – 83 с.
21. Чернухина, И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста / И. Я. Чернухина. – Воронеж, 1984. – 116 с.
22. Шевченко, Н. В. Основы лингвистики текста / Н. В. Шевченко. – М., 2003. – 160 с.
23. Щедровицкий, Г. П. Смысл и значение / Г. П. Щедровицкий // Проблемы семантики. – М., 1974.

Информация об авторе:

Сермягина Светлана Семёновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, theory_yazuka@mail.ru.

Sermyagina Svetlana Semyonovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Language Theory and Slavonic and Russian Linguistics of KemsU.

УДК 81.373.611

ПОЛИ-/МОНОМОРФЕМНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОЛИМОТИВАЦИИ ДЕРИВАТОВ

С. К. Соколова

SIMPLICITY / COMPLEXITY OF THE MORPHEMIC STRUCTURE AS A DETERMINANT OF DERIVATIVES' POLYMOTIVATION

S. K. Sokolova

В статье развиваются идеи о системности полимотивации, которая рассматривается как стратегия речемыслительной деятельности носителя языка, направленная на раскрытие смыслового потенциала производного слова. На материале психолингвистического эксперимента доказывается положение о зависимости интенсивности проявления полимотивации от полиморфемности / одноморфемности производного.

The article develops the idea of the systemic nature of polymotivation. Polymotivation is seen as a strategy of subjects' speech activity aimed at disclosing the semantic potential of the derived word. The results of a psycholinguistic experiment proved the connection between the characteristics of polymotivation (weakening/strengthening of its intensity) and the structural features of derivatives.

Ключевые слова: полимотивация дериватов, поли-/моморфемность структуры дериватов, детерминанта речемыслительной деятельности.

Keywords: derivatives' polymotivation, simplicity / complexity of the morphemic structure of derivatives, determinant of speech activity.

Традиционно понятием полимотивации в словообразовании характеризуются случаи формально-семантического соотношения производного слова с несколькими производящими единицами, что свидетельствует о введении данного понятия в теорию словообразования еще в рамках системно-структурной лингвистики.

Распространение функционального подхода в языкознании позволило по-новому взглянуть на явление полимотивации. Так, в Кемеровской дериватологической школе в конце XX века разрабатывается когнитивная теория полимотивации, автором которой является П. А. Катышев. Полимотивация в рамках данной теории определяется как «стратегия речемыслительной деятельности носителя языка», направленная «на раскрытие смыслового потенциала словообразовательной формы» и осуществляемая «по принципу замены дериватемы множеством конкретизаторов, включенных как в одно, так и в несколько мотивирующих суждений» [5, с. 12]. Системное описание данного явления способствовало выделению основной и сопутствующих детерминант полимотивации (более подробно об этом в работах [3 – 7]).

Особый интерес представляет структурная детерминанта, изучение которой позволило сделать предположение о зависимости речемыслительной деятельности носителей языка от свойств структуры деривата; в частности, выявляется зависимость интенсивности полимотивации от агглютинативности / фузионности морфонологической структуры [11] и от степени членности производного [12, с. 131 – 136].

Одним из дополнительных факторов (по отношению к членности производного), увеличивающим возможность многократного использования созвучных по основе конкретизаторов при идентификации языкового знака, является такая характерная черта производного, как полиморфемность / одноморфемность его основы.

И. А. Бодуэн де Куртенэ ставил мотивационное расширение деривата в зависимость от одно-/много-

морфемности его основы, указывая, что типичная для русского деривата многоморфемность отсылочной части требует «распыления» внимания на разных местах в середине основы [1, с. 320]. В диссертационной работе Э. С. Денисовой отмечено, что «одним из факторов системной упорядоченности единиц ментального лексикона, направляющего их поиск по линии исследования идентификационных процедур поверхностного / глубинного ярусов лексикона, является полиморфемность производного слова» [2, с. 260]. П. А. Катышев в качестве предпосылок полимотивации предлагает рассматривать в том числе и полиморфемность структуры деривата [5, с. 117].

Изучение связи полимотивации и структурно-семантических свойств деривата осуществляется на экспериментальном материале (более подробно об этом в работах [8, с. 327 – 331; 9, с. 168 – 174]). С точки зрения одноморфемности / многоморфемности, использованные в эксперименте слова-стимулы (*красноголовник*, *девятильник*, *рекостав*, *свербигуз*) можно охарактеризовать, с одной стороны, опираясь на узусальное выделение в их составе некоторого количества морфем, а с другой – используя данные эксперимента (прим. автора: *при подсчете количества морфем не учитывалась флексия*). Примечательно, что относительно одних фитонимов эти данные совпадают, а применительно к другим – различаются. Производное *красн/о/голов/ник*, как по результатам узусального анализа, так и по данным информантов, включает в себя наибольшее количество морфем (2 корневые морфемы, 1 словообразовательный формант, соединительная гласная (интерфикс) = 4 морфемы). В отношении фитонима *медуница* наблюдаются некоторые расхождения: по данным морфемно-орфографического словаря А. Н. Тихонова основа фитонима *мед/ун/ица* состоит из 3 морфем [13], а контекстов, подтверждающих осознанность такого членения, выявлено не было. Производное воспринимается информантами как «двучлен», состоящий из отсылочной и формантной части. В состав производ-

ных *девятильник* и *рек/остав*, в соответствии с показаниями испытуемых, входят по 2 морфемы, хотя при узувальном рассмотрении можно выявить в составе фитонима *рек/о/став* – 4 морфемы: 2 корневые морфемы, соединительную гласную и нулевой суффикс, и в составе фитонима *девятильник* – 3: корневую, суффиксальную и усечение *-иль-*, оставшееся от корня *-сил-*, входившего в состав исходного производного *девяти/и/сил/ник*, что отмечено в [10, с. 104 – 105]. Основа единицы *свербигуз* в работе В. А. Меркуловой рассматривается следующим образом: «свербигуз – это старое сложение глагольной основы *сверби-* с именем *гуз*», в подтверждение чему приводятся слова, образованные по той же модели: *сорвиголова* и одноструктурные оценочные имена: *ленгуз* «лентяй», *боягуз* «трус» [10, с. 81]. Соответственно основа производного состоит из 2 морфем: *сверби-* и *-гуз*, хотя данный факт подтверждается лишь единичными метатекстами.

При анализе связи полимотивации с рассматриваемой структурной характеристикой производных были выявлены некоторые закономерности.

Так, полиморфность производного *красноголовник* и, прежде всего, вычленяемость двух корневых морфем дали возможность участникам эксперимента выбирать ту из них, которая, по их мнению, способствует описанию фитонима. Так, выделяются реакции, в которых был актуализирован корень *красн-*:

Следующее, с интересным названием растение – красноголовник. Называется так потому, что имеет несколько маленьких красненьких шишечек и используется в декоративных целях.

Отмечаются тексты, в которых в качестве мотивирующих выступают однокоренные слова к корню *-голов-*. Нужно отметить, что при этом может актуализироваться как первое значение данного корня (см. пример 1), так и второе (см. пример 2), а также встречаются тексты, в которых одновременно мотивирующим выступают однокоренные слова и к первому значению корня *-голов-*, и ко второму (см. пример 3).

(1) *Красноголов/ник: красноголовн/ик* конкретизируемое ← {головная боль: болит <то, что связано с> головой} конкретизирующее.

Красноголовник! Не может быть! Я не видела его уже много лет. А вы знаете, что это растение имеет древнее происхождение. Как вам я уже сказала, они для меня представляют интерес, как лекарства. Ну значит так, если вас мучают головные боли, болят глаза, уши, в общем все, что связано с головой, как изнутри, так и снаружи, то красноголовник – это самое верное средство...

(2) *Красноголов/ник: красноголовн/ик* конкретизируемое ← {красные головки: головок еще нет: кончики стебля краснеют} конкретизирующее.

Красноголовник – это растение полностью зеленого цвета, кроме красных головок на кончиках стебелька. Листья вытянутые, с зазубренными боками. Весной, когда красноголовник начинает расти, головок еще нет, но в середине лета кончики стебля краснеют.

(3) *Красноголов/ник: красноголовн/ик* конкретизируемое ← {красная головка: <помогает> избавиться от головной боли} конкретизирующее.

Красноголовник – это удивительное растение. Он растет только в самой гуще леса. Он очень полезен и очень опасен. Красная головка этого растения очень полезна. Она поможет за очень короткое время избавиться от головной боли. Но листья этого растения очень ядовиты. Чтобы сделать лечебный отвар нужно: отрезать головку, погрузить в кипящую воду и варить пять минут.

Примечательно, что привлечение конкретизаторов к корню *-голов-* во втором значении способствует актуализации и первой части этого сложного производного (во всех контекстах при использовании однокоренных конкретизаторов со значением «вершина растения» обязательно включались основные конкретизаторы к корню *красн-*).

Так как фитоним *медуница*, несмотря на возможность выделения в его составе трех морфем (*мед/ун/ица*), воспринимается информантами как производное, состоящее из двух морфем, то правомерно объединить его в группу со словами *рекостав* и *девятильник*, основа которых также состоит из двух формально выраженных морфем. При анализе параметра полиморфность / одноморфность эти слова занимают (по данным метаязыкового сознания носителей языка) промежуточное положение между производными *красноголовник* и *свербигуз*. Выделение в составе производных двух частей: отсылочной и формантной позволяет испытуемым при их идентификации использовать, с одной стороны, единицы, которые полностью или частично воспроизводят отсылочную часть слова-стимула (основные конкретизаторы), а с другой – конкретизаторы, полностью или частично воспроизводящие формантную часть слова-стимула (формантные конкретизаторы), что подтверждается следующими примерами.

Медуница конкретизируемое ← *мед* конкретизирующее

Еще одно растение – медуница, называется так потому, что имеет своеобразный, похожий на мед, запах. Еще это растение имеет лечебное свойство: оно используется для заживления ран и обезболивания.

Девятильник конкретизируемое ← {тысячелистник + девять} конкретизирующее.

Девятильник – мне кажется, это цветок по виду похожий на тысячелистник, может быть у него девять лепестков.

Рек/остав конкретизируемое ← *река* конкретизирующее:

Вот такое растение, как рекостав называется так по своему местоположению: это растение располагается на берегу реки и может расти только вблизи водоема, этому растению необходим влажный климат.

Рекоста/в: рекоста/в конкретизируемое ← {река: настаивать: настой: самостоятельно: сустав} конкретизирующее:

(1) *Рекостав* – это невысокая трава, произрастающая у берегов рек, в болотистой местности. Как размеренное течение реки, рекостав помогает

от болезней сердца. И особенно эффективно действует, если **настаивать** вместе с **свербигузом**. Эффект просто колоссальный особенно у маленьких детей, если с раннего детства лечить настоем этих трав, то у некоторых детей с врожденным пороком сердца недуг отступает. А откуда произошло такое название этого растения, даже сама Аграфена не помнит, а значит и вряд ли кто вообще.

(2) А это кусты, сторонящиеся других растений и растущие самостоятельно – **рекостав**. Он очень полезен при болезнях суставов, костей.

Как видим, в случае с производным **медуница** актуализируются основные конкретизаторы, при идентификации фитонима **девятильник** возможно привлечение как основных, так и формантных конкретизаторов, а при раскрытии языкового образа **рекостав**, помимо использования единиц, полностью или частично воспроизводящих отсылочную часть слова-стимула и имеющих при этом синхронные связи с производным, наблюдается использование диахронных конкретизаторов. То, что производное **свербигуз** также состоит из двух морфем, практически не способствует привлечению основных конкретизаторов в силу низкой осознаваемости морфем, содержащихся в структуре производного.

В зависимости от того, какие языковые средства были выбраны для раскрытия языкового образа, можно говорить о реализации различных стратегий в рамках каждого отдельного дискурса. Так, при использовании анафонических конкретизаторов, актуализирующих основу производного, т. е. при обращении к основной анафонии информантами задействовались две разные стратегии: полимотивация и мономотивация (данный тип стратегии устанавливается по определенному основанию – по частоте обращения к одному и тому же ассоциативному типу). При этом поли-/мономотивация может сопровождаться использованием собственно анафонических конкретизаторов или же конкретизаторов, интенсифицирующих формантную часть производного.

Результаты анализа показали, что увеличение количества морфем, с одной стороны, дает продуцентам определенную свободу выбора подходящих для раскрытия языкового образа конкретизаторов, а с другой – четко регламентирует тот набор мотивирующих, которые способны интенсифицировать дериватему в тексте. При этом многоморфемность деривата в совокупности с другими факторами (прежде всего агглютинативностью морфонологической структуры и высокой степенью членимости производного) влияет на интенсивность использования полимотивации в дискурсивной деятельности информантов.

Анализ случаев множественной мотивации свидетельствует о том, что между формой и содержанием нет жесткого соотношения, поскольку при одном словообразовательном значении, обеспечивающем языковую репрезентацию лексической категории, деривационная форма может ассоциироваться с несколькими синтаксически независимыми пропозициями, а одна пропозиция может воплощаться в словообразовательную форму через несколько словообразовательных значений [5].

Приведем примеры использования данной стратегии относительно каждого слова-стимула.

Красн/оголовник конкретизируемое ← {красные головки: головок нет: <головки> краснеют} конкретизирующее.

Красноголовник – это растение полностью зеленого цвета, кроме **красных** головок на кончиках стебелька. Листья вытянутые, с зазубренными боками. Весной, когда красноголовник начинает расти, **головок** еще нет, но в середине лета кончики стебля **краснеют**.

Комментарий. В данном примере обнаруживается трансформация суждений, в которых актуализируется как первая, так и вторая корневая часть фитонима: *нечто имеет/не имеет красные головки* <=> (прим. автора: данный знак означает отношение трансформации) *нечто имеет часть, которая краснеет в определенное время*, что является проявлением принципа гетерогенности.

Мед/уница конкретизируемое ← {собирают мед: хранят мед: берем мед} конкретизирующее.

Медуница – это лечебное растение. У этого растения пчелы собирают **мед**, а потом они этот **мед** хранят в ульях, и мы все оттуда берем **мед** и употребляем его в пищу, чтобы не болело горло.

Комментарий. Последовательное разворачивание ситуации предопределяет использование самостоятельных суждений, находящихся в отношениях последовательности/одновременности (с точки зрения временных характеристик).

Десят/ильник конкретизируемое ← {с **девятью** листочками: через **девять** лет: от **девятой** болезней} конкретизирующее.

Десятильник – это растение с **девятью** неприятными желтенькими листочками. Цветет через **девять** лет после прорастания. Помогает от **девятой** болезней.

Комментарий. Информант актуализировал сразу несколько функциональных характеристик растения, что и привело к неоднократному обращению к основной анафонии.

Рек/остав конкретизируемое ← {растет у **рек**: стоит у **реки**} конкретизирующее.

Рекостав – трава, которая растет у берегов **рек**, озер, прудов. Она высокая, тонкая. Если на нее посмотреть, то кажется, что она гордится тем, что стоит у **реки** и может в любое время напиться вдоволь, и никакая засуха этой траве ни почем.

Комментарий. С одной стороны, можно наблюдать объективное описание растения (*трава, которая растет у берегов рек*), с другой – используется прием олицетворения, натурфакт наделяется способностью чувствовать (*кажется, что она <река>гордится*). Соответственно, в метатексте реализуются самостоятельные синтагмы, которые реализуют принцип гетерогенности.

Свербигуз конкретизируемое ← {подгузник: «под» «гуз»: **свербит**} конкретизирующее.

Ну, и самое последнее растение **свербигуз**. Слово **подгузник** как раз от него и произошло, то есть «под» «гуз». Бывало, постился русский человек в Великий пост, а как закончится пост, наестся до отвала вкуснятины всякой, да так, что и обратно все

выйти не может. Вот тут-то свербигуз и помогал. Выпьет его русский человек, да как выйдет в чисто поле и **свербит** целыми днями; и от того хорошо и приятно на душе.

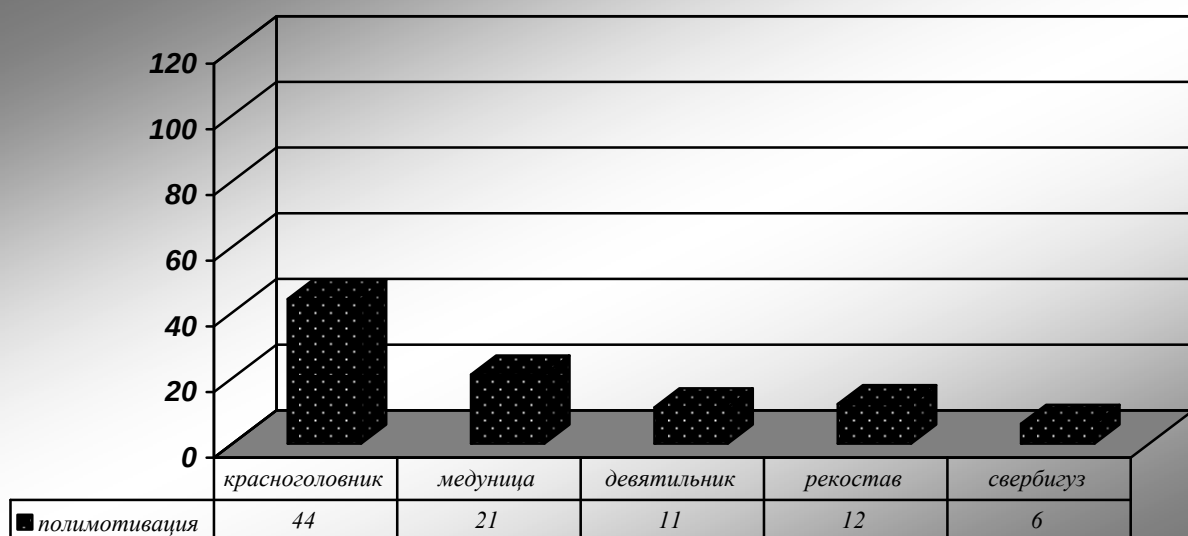
Комментарий. В данном случае происходит актуализация обеих корневых частей дериватемы. Полимотивация реализуется за счет интенсификации второй корневой части -гуз через использование имплицативных суждений, что является проявлением принципа гетерогенности.

Следует добавить, что конкретизаторы, актуализированные в рамках данной стратегии, преимущественно находятся в конвергентных отношениях с конкретизируемой единицей, что нашло отражение во всех вышеприведенных примерах.

Таким образом, можно выстроить диаграмму использования полимотивации при раскрытии языкового образа исследуемых производных.

Так, по результатам эксперимента полимотивация использовалась в 44-х случаях по отношению к производному **красноголовник**, в структуре которого выделяется наибольшее количество морфем, в 21-м – по отношению к деривату **медуница**, в 11-и при идентификации фитонима **девятитьник**, 12 раз – относительно производного **рекостав**, и всего 6 раз – **свербигуз**.

Однако данный фактор следует рассматривать как сопутствующий, дополнительный по отношению к такому свойству производного, как членимость, поскольку наличие нескольких морфем в составе основы не способствует мотивационному расширению деривата, как в случае с фитонимом **свербигуз**, если производное имеет низкую степень членимости.

Диаграмма

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. 2. – 392 с.
2. Денисова, Э. С. Иконичность словообразовательной формы (на материале окказиональной деривации русского языка): дис. ... канд. филол. наук / Э. С. Денисова. – Кемерово, 2005. – 309 с.
3. Катышев, П. А. Полимотивация – проявление детерминанты русского языка (на материале дискурсивной деятельности носителей диалектного и русского языка) / П. А. Катышев // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2006а. – Вып. 3. Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 488 – 494.
4. Катышев, П. А. Полимотивация в свете системной лингвистики / П. А. Катышев // III Международные Бодуэновские чтения. – Казань, 2006 б. – Т. 2. – С. 59 – 61.
5. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 260 с.
6. Катышев, П. А. Полимотивированность деривата в системологическом освещении / П. А. Катышев // Язык в контексте гуманитарных знаний. – Великий Новгород, 2008. – С. 37 – 47.
7. Катышев, П. А. Влияние синтактики языка на языковую личность как проблема риторической критики / П. А. Катышев, С. В. Оленев // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 191 – 199.
8. Катышев, П. А. Об экспериментальной методике изучения идентификации языкового образа в дискурсивной деятельности носителей русского языка / П. А. Катышев, С. К. Соколова // Актуальные проблемы современного словообразования: сб. науч. статей. – Вып. 4 / под общ. ред. проф. Л. А. Араевой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011а.
9. Катышев, П. А. Источниковедческий аспект в контексте экспериментального изучения полимотивации дериватов / П. А. Катышев, С. К. Соколова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 4 (48).

10. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений / В. А. Меркулова. – М.: Наука, 1967. – 260 с.
11. Соколова, С. К. Агглютинативность / фузионность как структурная детерминанта полимотивации деривата / С. К. Соколова // Вестник Челябинского госуниверситета. Серия: Филология. Искусствоведение. – 2009а. – Вып. 36.
12. Соколова, С. К. Степень членимости деривата как детерминанта полимотивации / С. К. Соколова // Сибирский филологический журнал. – 2009 б. – № 4.
13. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 18 – 51.

Информация об авторе:

Соколова Светлана Константиновна – старший преподаватель кафедры стилистики и риторики факультета филологии и журналистики КемГУ, sokolova.82@list.ru.

Sokolova Svetlana Konstantinovana – senior lecturer at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemSU.

УДК 81'373.232.1

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ КИТАЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

С. Н. Сокольникова

PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF THE INTERNAL FORM OF CHINESE SURNAMES

S. N. Sokolnikova

В статье описывается проведение психолингвистического эксперимента с носителями китайского языка, а также анализируется степень прозрачности внутренней формы антропонимов китайского языка, которой обуславливается понятность антропонима для носителей языка.

A psycholinguistic experiment with Chinese native speakers is described. The degree of transparency of the internal form of Chinese anthroponyms which makes them understandable for the Chinese people is analyzed.

Ключевые слова: антропонимы, внутренняя форма, тематические группы, носители китайского языка.

Keywords: anthroponyms, internal form, thematic groups, Chinese native speakers.

Для эксперимента с носителями китайского языка было отобрано 18 китайских антропонимов. В качестве материала исследования использовались китайские фамилии.

В эксперименте было задействовано 60 носителей китайского языка – студентов ПГУ им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан. Гендерный и возрастной факторы не учитывались. Материал предъявлялся в письменном виде, время на выполнение задания не ограничивалось. Реципиентам была предложена следующая инструкция в письменной форме: «Укажите значение данных слов и словосочетаний».

Приведем список антропонимов, предъявляемых испытуемым: 陈 Чэнь, 吉 Цзи, 杨 Ян, 游 Ю, 农 Нун, 白 Бай, 周 Чжоу, 马 Ма, 龙 Лун, 画 Хуа, 车 Чэ, 家 Цзя, 唐 Тан, 邓 Дэн, 金 Цзинь, 刘 Лю, 幸 Син, 米 Ми, 韩 Чао, 危 Вэй.

В результате эксперимента было получено 1313 толкований, которые представлены ниже в форме таблицы. При подсчете учитывались все ответы на предъявляемый стимул, в том числе и описательные. В статью были помещены толкования, превысившие 10-процентный порог частотности.

Поскольку при ответе мы не ограничивали информантов в количестве толкований, то в большинст-

ве случаев они давали несколько вариантов. Проанализировав толкования фамилий, предложенные информантами, можно сделать следующие выводы:

1. Частотность толкований в целом совпадает с частотностью словарных дефиниций: 幸 – счастье; 家 – дом и т. д.

2. При определении внутренней формы образовывались словосочетания с указанными лексемами, приводилось описательные значения: 农 – человек, выращивающий продукты и фрукты; 车 – средство перевозки грузов и т. д.

3. В ряде случаев информанты указывали на имеющиеся коннотативные оттенки, но не в качестве основного значения: 马 – большой; 白 – цвет снега, чистый, ясно понимать и т. д.

4. Фамилии 邓Дэн, 唐Тан, 刘Лю, согласно информантам, утратили свое лексическое значение и могут функционировать в языке как фамилии.

Анализ результатов эксперимента будет неполным без сопоставления тематических полей, полученных автором, с данными психолингвистического эксперимента. Для этого поместим толкования фамилий носителями китайского языка в семантическую классификацию.

Для классификации были отобраны наиболее частотные ответы информантов.

Итак, классифицировав отобранные для эксперимента антропонимы, мы получили 9 групп. Проведенный системно-структурный анализ во второй главе выявил 18 групп для китайского языка. Несовпадение объясняется разным количеством анализируемого материала: 18 для психолингвистического эксперимента, 200 для сопоставительного анализа.

К группе «фамилии без перевода» согласно ответам информантов, помимо имеющихся 唐Тан, 邓Дэн, 刘Лю были добавлены еще 4 фамилии: 陈Чень, 杨Ян, 周Чжоу, 金Цзинь. Несмотря на то, что эти фамилии обладают общеизвестными лексическими значения-

ми, носители языка обозначили их как часть имени, вероятно, вследствие большого числа обладателей этих фамилий.

金Цзинь также была отнесена к группе «драгоценные металлы», так как в процентном соотношении ответы информантов были одинаковыми.

В группу «абстрактная лексика» помимо 幸Син была помещена также фамилия 吉Цзи, так как основным значением информанты называли «счастье» и лишь затем «счастливый».

В отношении оставшихся фамилий можно сказать, что их семантические значения совпадают с выделенными автором.

Таблица 1

<i>Китайские фамилии</i>	<i>Реакции информантов (в переводе на русский язык)</i>	<i>Количественная представленность</i>	<i>В том числе в %</i>
陈	фамилия	56	58,9
	старый	13	13,7
	расставлять	11	11,6
Итого:		95	100,0
吉	счастье, счастливый	44	51,2
	удача, удачливый	17	19,8
	фамилия	12	14,0
Итого:		86	100,0
杨	фамилия	17	53,1
	тополь	10	31,3
	дерево	4	12,5
Итого:		32	100,0
游	плавать в воде	41	51,9
	путешествовать	11	13,9
	непостоянный	8	10,1
Итого:		79	100,0
衣	крестьянин	35	43,2
	сельское хозяйство	19	23,5
Итого:		81	100,0
龙	мифическое животное	39	48,8
	животное	10	12,5
Итого:		80	100,0
画	рисунок	20	28,2
	живопись	10	14,1
	рисовать	9	12,7
Итого:		71	100,0
车	транспортное средство	41	52,6
	машина	10	12,8
	фамилия	9	11,5
Итого:		78	100,0
白	цвет	37	38,9
	фамилия	19	20,0
	белый цвет	14	14,7
Итого:		95	100,0
周	фамилия	17	24,3
	неделя	14	20,0
	вокруг, кругом	13	18,6
	древне-китайская династия	7	10,0
Итого:		70	100,0
马	зверь	46	51,1
	фамилия	23	25,6
	домашнее животное	11	12,2
Итого:		90	100,0

Продолжение таблицы 1

家	дом	24	33,3
	место жительства	19	26,4
	родители, родственники	14	19,4
Итого:		72	100,0
唐	фамилия	40	56,3
	династическое имя	27	38,0
Итого:		71	100,0
邓	фамилия	56	90,4
Итого:		62	100,0
金	фамилия	39	36,8
	золото	35	33,0
Итого:		106	100,0
刘	фамилия	60	100
Итого:		60	100,0
幸	счастье	36	42,4
	удача, счастливая возможность	30	35,3
Итого:		85	100,0

Таблица 2

№ п/п	Принцип номинации	Авторская классификация	Коли- чество	Данные психолингвисти- ческого эксперимента	Коли- чество
1.	Фамилии без перевода	郑 Чжэн, 钮 Ню, 刘 Лю, 阎 Янь.	4	陈 Чень, 杨 Ян, 周 Чжоу, 唐 Тан, 邓 Дэн, 金 Цзинь, 刘 Лю.	7
2.	Предметы обихода	吕 – ноты, 罗 – сеть для ловли птиц, 席 – циновка, 画 – картина, 封 – конверт, 弓 – лук, 索 – верёвка, 戈 – копьё, 盘 – тарелка.	9	画 Хуа – рисунок), 车 Чэ – машина, 家 Цзя – дом.	3
3.	Абстрактная лексика	屈 – обида, 荣 – слава, 幸 – счастье.	3	吉 Цзи – счастье, 幸 Син – счастье.	2
4.	Фауна	马 – лошадь, 凤 – птица феникс, 贝 – моллюск, 熊 – медведь, 骆 – верблюд, 羊 – баран, 乌 – ворона, 龙 – дракон, 牛 – корова	9	龙 Лун – дракон, 马 Ма – лошадь.	2
5.	Виды действия	陈 расставлять, 卫 – защищать, 许 – одобрять, 施 – осуществлять, 张 – раскрывать, 谢 – благодарить, 喻 – сравнивать, 昌 – процветать, 任 – назначать, 费 – тратить.	46	游 Ю – плавать.	1
6.	Цвета	朱 – красный, 白 – белый, 蓝 – синий, 颜 – цвет, 黄 – жёлтый, 阴 – тёмный, 苍 – сизый, 彤 – ярко-красный, 华 – яркий, 明 – светлый.	10	白 Бай – белый.	1

7.	Единицы измерения времени	年 – год, 时 – время, 孟 – первый месяц сезона, 纪 – век, 季 – сезон, 夏 – лето, 秋 – осень, 仲 – второй месяц сезона, 申 – время с 3 до 5, 周 – неделя.	10	周Чжоу – неделя.	1
8.	Драгоценные металлы	皮 – кожа, 毛 – шерсть, 柴 – дрова, 金 – золото, 陶 – керамика.	5	金 Цзинь – золото.	1
9.	Социальный статус	农 – крестьяне, 郎 – молодой мужчина, 史 – летописец.	13	农Нун – крестьянин.	1

В заключение следует сказать, что полученные в ходе эксперимента данные в целом согласуются с результатами сопоставительного исследования. Выявленные различия доказывают наличие в китайском языке многозначности и субъективной актуальности того или иного значения для носителей языка. Дефиниции, предложенные носителями китайского языка, как и предполагалось, были разнообразнее выявленных значений. При составлении авторской тематиче-

ской классификации учитывались только наиболее частотные, распространенные дефиниции. Информанты же в рамках отсроченного психолингвистического эксперимента могли предлагать неограниченное количество вариантов. Однако наиболее частотные варианты, указанные носителями, тем не менее, совпали с основными значениями, выделенными в рамках системно-структурного исследования по выявлению внутренней формы антропонимов.

Информация об авторе:

Сокольникова Светлана Николаевна – аспирантка, ассистентка кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, 8 913 254 9583, sokolnikovas@rambler.ru.

Sokolnikova Svetlana Nikolaevna – post-graduate student, assistant lecturer at the Department of Oriental Languages and Methodology of Foreign Language Teaching of V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.

УДК 81'373 (=511.142); 39;7.04

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАГМЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА «ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ» (на материале казымского диалекта хантыйского языка) В. Н. Соловар

NATIONAL SPECIFICS OF “NATURAL PHENOMENA” AS FRAGMENTS OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (as revealed in the Kazym dialect of the Khanty language) V. N. Solovar

Рассматриваются вопросы смыслового диапазона и этноспецифические особенности образного содержания концепта «Природа» в языковой картине мира хантов.

The article deals with the questions of semantic range and figurative content ethno-specific features of the concept of “Nature” in the Khanty’s language picture of the world.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, национальная специфика, явления природы, лексема.

Keywords: language picture of the world, concept, national specifics, natural phenomenon, lexeme.

Каждый язык формирует определённый комплекс представлений об окружающей действительности, не совпадающий или частично совпадающий с видением мира носителей другого языка, представителей иной культуры. Этот комплекс представлений иначе можно назвать картиной мира. «Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [1, с. 64].

Языковая картина мира, с одной стороны, формирует, а с другой – отражает систему мыслительных образов, представлений об объектах действительности, создаваемую как объективными, так и субъективными факторами, или, другими словами, концептуальную систему [1, с. 37].

Картина мира, отражаемая единицами национальной концептосферы «Явления природы» сочетает в себе природные, географические, бытовые, религиоз-

ные и другие особенности, выделяющие ее из совокупности культурных концептов.

Рассмотрим средства объективизации концептов *й'рт* 'дождь', *лонц* 'снег', *й'к* 'лед', *нфлд* 'гроза' в хантыйском языке, номинативные единицы, принадлежащие основным частям речи (существительные, прилагательные, глаголы), субстантивные словосочетания, фразеологизмы.

Природа – это окружающий нас материальный мир, всё существующее во вселенной, зримое, вещественное. Таким образом, в определенной ситуации природа может мыслиться живым существом, способным создавать, изменять, наделять какими-либо качествами, а природные явления персонифицировались [2, с. 545].

Персонификация природы отражена, в частности, в поверьях, мифах, сказках, указывающих на одушевление природы, что показывает связь с мифологическими представлениями. Образы дождя, снега, грозы (грома) являются антропоморфными. В образной системе хантыйского языка образ дождя связан с целым рядом ассоциаций, на основе которых возникают метафорические образы. Так, метафорически дождь концептуализируется образами живого существа, он идет, уходит, льет, издает звуки, имеет, как человек, плечи: *Й'рт к'фм л'фкдрн шошмдл* 'Дождь льет очень сильно (букв.: двумя плечами льет)'. В закличках дети обращаются к снегу, просят, чтоб он шел, тогда на улице станет теплее: *лонцийэ, лип-лип-лип* 'Снежок, лип-лип-лип'. В мифологии Гром предстает в облике гагары, он осмысливается как почитаемый родственник – дядя, поэтому к нему обращение уважительное: *Карт тохтд ак'м ики, Төрмэн кэйа, Курсэн кэйа* 'Железная гагара-дядя, Отца-Неба моли (заклинай)'; если гремит гром, то просят: *П'флд ак'м ики, айлта вела, айлан ал пакндпта* 'Дядя-гром, потише будь, детей не напугай'.

В языке дается оценка погоде, она может быть плохой и хорошей: *Төрм атма йис* 'Погода плохой стала (букв.: погода к плохому стала)'; *Төрмэв й'фма йитал хурасп* 'Погода, похоже, становится лучше (букв.: к хорошему)'.

Погода имеет огромное значение для человека, влияет на его жизнедеятельность, определяет условия его существования. Языковые средства, описывающие представление хантов об атмосферных явлениях, позволяют раскрыть национальную специфику их языкового сознания.

Мы попытаемся выявить словесные образы мира хантыйской природы, так как именно они отличаются общенациональной маркированностью и позволяют представить своеобразие национальной языковой картины мира. Специфика этих знаний обусловлена климатическими особенностями Ханты-Мансийского автономного округа, его географическим положением, культурно-историческими традициями народа ханты. Образ атмосферных явлений интерпретируется нами по зрительным, слуховым, тактильным параметрам, связанным с восприятием через ощущение.

Визуальные характеристики. Образ дождя часто воспринимается зрительно, человек видит дождь, предполагает, что он приближается. Это действие передается глаголами *йувсмты* 'стать', *йсртты* дож-

дять, *пушты* 'впитаться', *посыты* 'капать', *мфнты* 'идти', *йухтты* 'прийти' и др.

Дождь – это облака, тучи (предвестники дождя), туман: *Йсрт х'фмл всрс* 'Дождливый день'; *Йсрта йитал хурасп* 'Похуже, пойдет дождь' Ванкуты *шив йсртн йсрмл*, йөшт вуллы вушллыйт 'Часто моросит (букв.: туманным дождем дождит), дороги совсем размокают'; *Щи йсрт мува пушс* 'Земля сыростью пропитана,'; *Т'фмх'фл төрмэв й'рмд* 'Сегодня день дождливый'. Интенсивность дождя передается специальными глаголами, лексемами с семантикой степени, частицами, фразеологизмами, например: *всра* 'очень', *тарм* 'сильный', *вөн* 'сильный (букв.: большой)', частицами *щи, ши хуты* 'как', глаголом *куруты* 'очень сильно литься с глухим звуком', *шошшты* 'лить (о проливном дожде)' и др.

П'флх м'фрты *питс, тарм вөн йсрта йувсмс. Фл ши шошшыл* 'Гром стал греметь, начался сильный дождь (букв.: сильный большой). Льет сильно; *Тарм йсрт фл куруыл* Сильный дождь проливной (букв.: сильно льет с глухим звуком); *Всра йсрмл* 'Очень сильно дождь идет (букв.: дождит)'; Визуальный образ дождя представлен образами капель, брызг, тумана: *Йсрт фл посыл* 'Дождь просто капает'; *Йсрт ссмн м'фл* 'Моросит (букв.: каплями идет)'; *Шив й'рт* 'Туманный дождь (букв.: туман, дождь)'; *Шивх йсрт йсрмл* 'Моросящий дождь идет (букв.: туманный дождь дождит)'; *Йсрт р'фмшыл* 'Дождь брызжет'. Предвестником дождя является туча – антропоморфное существо, это родственник по отцу – дядя. К нему дети обращаются с закличками, чтобы не было дождя: *Ак'м ики, йики хунэн па т'фхийн п'лки ат похднд*. 'Дядя, живот твой с водой в другом месте пусть лопнет'; если тучи закрывают солнце, то произносят: *п'ухдс куншдн, вой куншдн куншлм, п'флгт ара м'фнша, ак'м ики 'т сай эвдлт ким 'та* 'Соболиными когтями, звериными когтями царапаю, разорви тучи, выходи из-за тени дяди моего'.

Во время первой грозы можно провести гадание, которое проводят дети: нужно бросить берестяную посуду, обращаясь к дяде-грозе, чтобы определить, будет ли год, удачным для семьи, будет ли пища в достатке. Так, например, ханты, бросив кузовок (сөн) назад над головой, произносят: *"П'флэх аксм ики, ванл тэ, муйсэр ол всрлэн"* 'Дядя-гроза, предскажи, какой год сделаешь', подобный обряд проводится и у манси. Ханты наблюдают, что произойдет раньше, первая гроза прогремит или крик кукушки раздастся, это является предвестником определенной погоды: *П'ф п'флэх акэн ики сырыйа ки питл, шунэһ лыһ ши питл: воншумутэһ, хулэх ол. Па йухи ки х'фшл, ши П'флэх Акэн икэт всра лыкэт, м'фрытэлэн всра кшкэт, ш'фк лыһ всрлэт* 'Если дядя-гроза прибьет раньше, будет удачное лето: ягодный, рыбный год. Если он отстанет, все, дяди-грозы очень злые, когда гремят, очень раздражительные, сделают жаркое лето.

Для заклинания хорошей погоды можно провести обряд: *Стэр й'фм х'фл вохтыйэн вулы па сорт пшк, м'фгты, тута вушкэлы па луплэт: "Х'флэвэт, Төрэм Аши,*

сорт пснк лампа стэр хфл всра!» Төрэм Ацэн шфла йфм стэр хфл ши хувэтэл 'Когда просишь ясную хорошую погоду, оказывается, зуб оленя и шуки бросают в огонь и говорят: "Завтра, бог отец, сделай ясную погоду, как зуб шуки".'

Невзгоды, пережитые человеком, сравниваются с природными явлениями дождя и снега, дождя и ветра, льда и снега, преградами, которые вызывали у человека эмоционально-негативные переживания, страх, обреченность: лув йсрт йиһки ар шөкл, лопц йиһки ар шөкл, арл вантмал йупийн имтйин йошл йоша йис, курл кура йис 'После того, как он перенес много страданий (букв.: много бед дождевой воды, много бед снежной воды, наконец вырос'; *Й'рт шөк* фнт вантлддн, вот шөк фнт вантлддн 'Они не испытывали невзгод (букв.: беды дождя не видели, беды ветра не видели'; лопц йиһк йапши хфималийэ, *Йсрт йиһк* йапши муй муһ хфимэв, Ин lakh ки, вэт *мфл* мфр, *Йсрт йиһк* фн йфпшиймэвийэ, *лопц йиһк* фн йфпшиймэвийэ 'Оставил нас бедствовать (букв.: оставил нас пить снежную воду, Или остались мы пить дождевую воду, пять зим военных, Дождевую воду мы не пили, Снежную воду мы не пили'; *Й'к* усм'м, *лопц* усм'м хулта пун'м, шив пун'м, хута пфплдм, шфга пфплдм 'Ледяное изголовье мое, снежное изголовье мое куда положу, туда и положу, где умру, там и умру'.

Однако дождь не может быть преградой для работы: Вулы лавлты йох кашһ хфл рөпитлт. Лывэл *ицки* фнтө, *йсрт* фнтө, *ишк* фнтө; И пуш лух лөйһсм пила тулха йфхсв. Ши йэлпи хфл *йсртс*, ши хфл иши ай *йсрт* *йсртс*, муһ шиты ши мфнсв; *Йсрмх* *хфмлтн* мин аһксмн тохтһвөл вопшсмн.

Символом добрых отношений между людьми является дорога, которая не засыпана снегом, не залита дождем: Көрт кут йөшэл ши мурта вута йис, *лопцдн* фн питыйла, *й'рмдн* фн *й'рмыйла* 'Дорога между стойбищами такой широкой стала, снегом не заносит её, дождем не заливает (букв.: не дождит)'. Забота о близком человеке выражается в культурном коде как изменение температурных ощущений (освобождение от льда и снега) в сочетании с установлением телесного контакта, а также изменение локуса в оппозиции дом-жилище-внешнее пространство: *Мфн'м* *мосты*, *мфн'м* *рфхты* хфнн'хө лопцдл тфхты, й'кдл тфхты нул'малдн, йухи пөхдлмалдн 'С человека, мне нужного, мне подходящего, снег и лед слизните, домой втолкните'.

Прекращение дождя отмечается глаголами движения или завершения действия, состояния: *Йсрт* *вулыс* 'Дождь перестал', *Йсртэв* *мфнс* 'Дождь перестал (букв.: ушел)'; *Йсрт* *йфма* *йис* 'Дождь перестал (букв.: хорошим стал)', последний глагол имеет эмоционально-положительную окраску.

Снег представлен разными лексическими единицами: *лопц* 'снег', лопц рав, *вул* 'свежевыпавший пушистый снег', *төһлн* 'поземка', пошдм 'мелкий снег', *лопц* *вуцалы* 'мокрый снег (букв.: липкий мокрый снег)', *лопц* *пөш* 'снежный вихрь (букв.: снежный дым)', *ссмһ* *лопц* 'снег в виде крупных частиц, шариков (букв.: снег с глазами)', *сундл* *лопц* 'мягкий пушистый снег'; кср 'наст', кср *сух* 'корочка наста', лопц *сух* 'на настe снежок (букв.: шкура снега)' и др.

Например: *Йики* *лопц* *вуцалы* *питл* 'Мокрый снег падает'; лопц *кул* 'Снег глубокий (букв.: толстый)'.

Названия снега отражают её форму, структуру, размер, пространство, способ перемещения. Лексема *лопц* сочетается с прилагательным *нуви* белый, *кул* 'толстый (о слое снега)', *ссмһ* 'крупный (букв.: глаза имеющий)', *супл* 'липкий', *йиһки* 'мокрый (букв.: воду имеющий)'.

Образ снега 'лопц' представлен ЛСГ глаголов движения: *питты* 'выпасть', занести', *пфриты*, *йувнтты*; *лфн* *төты*, *лфн* *питты* 'занести снегом' *йувнтты* 'стать'; *состояния, восприятия*: *лылаты* таять (о снеге, льде), *суртты* блестеть и др., например: Хотсм *лопцн* *лфн* *төсы* 'Дом мой снегом занесло'; лопц *питл* 'Падает снег'; лопца *йис* 'Начался снег'; лопц *нух* *лылал* 'Снег растает'; лор *й'кдт* ши *лыладт* 'Льды озера растаяли'; лопц *суртдл* 'Снег блестит'. лопцн *мувэв* *лфн* *питса* 'Снегом занесло землю'; Овсм лопцн *лфн* *тувм* 'Дверь мою снегом занесло'; Ат *сфмһ* лопца *йувнтс* 'В середине ночи шел снег'.

Деление календарных периодов по состоянию снега, наста, льда: Ай кср нуви 'Месяц непрочного (букв.: маленького наста)', Вөн кср нуви 'Месяц крепкого (букв.: большого наста)', Ай лопц тылц 'Месяц тонкого (букв.: маленького) снега', Ас потты тылдц 'Месяц замерзания больших рек'; Сус йсчк хур 'замерзшее осенью место возле берега'. Например:

Йсчк *ноптты* *тылц* *олхитмн* лопц всра *лылаты* *питс* 'Когда начался май, снег стал быстро таять'; Камн пфдтап *вурдх* 'На улице страшный гололед'.

По наблюдениям хантов, предвестником метели может быть северное сияние: Төрдм тут хөн *палмда* *л'л*, вотаса *йил* 'Когда северное сияние (огонь неба) горит языками пламени, будет метель'.

Интенсивность снега, сила метели передается особой сочетаемостью слов, повторами, парными словами, лексическими единицами с семантикой интенсивности, степени, например: *Щфла* *лөхх* *вотас*, *калт* *вотас* *всрлм*, – лупийл, *иса* *овлн* *лфп* *ал* *төлийт* 'Потом я сделаю так, чтоб поднялась сильная метель (букв.: божественную метель сделаю) – говорит, все двери ваши, возможно, занесет', в данном примере имеется повтор лексемы *вотас* 'метель', к ним примыкают антонимичные эпитеты *лөх* 'бог', *калт* 'богиня', которые передают высокую степень силы метели; *Ууһ-уцрһ* *кср* фнт *всрнтс* 'Не было значительного (т. е. крепкого) наста'; *Тардм* *вотас* 'Сильная метель'; *Вотаса* *ишхлдс* 'Сильная метель', глагол *ишхлдты* имеет семантику 'перемещение в пространстве большого количества вещества (газообразного; состоящего из мелких единиц)'; *Тфм* *мурта* *хөхлдлмдм* *вотас*, и ат *мфр* *хулта* *төллэ* 'До такой степени намело (букв.: метель, которую заставили бежать), куда он за ночь снег уберет'. Обращается внимание на начальную фазу метели: *Вотас* *тыв'мдс* 'Метель получилась', *Вотас* *похдл* *тыв'мдс* 'Снежный вихрь поднялся (букв.: ком метели получился)', глагол употребляется в мгновенной форме действия; Ин *төрмдл* *вотаса* *к'рлдс* 'Началась метель (букв.: погода к метели повернула)'.

Цветовые характеристики связаны прежде всего со снегом и льдом: *Ухл* *и* *пуша* *лопц* *иты* *вотса*, *тушл* *иса* *лопца*, *нувийа* *йис*, *хфлэв* *сух* *иты*; *Седина* *предстает* *белым* *цветом*, *цветом* *снега*, *цветом* *оперения*

речной чайки. Возраст пожилого человека сравнивается со льдом и снегом, т. о. старость предстает как зима, движение к ледяному морю, к смерти: *Йэхка* вантты *йчкк* имсн-иксн, *лонца* вантты *лонц* имсн-иксн ‘Старые муж с женой (букв.: на лед глядящие ледяные муж с женой, на снег глядящие снежные муж с женой)’; *Йчки цорс пска* мфнты ксма йис ‘Достиг возраста старости, (букв.: когда уходят к ледяному морю)’; Ма вѳш^ом йупийна, Ныкы мфнты ар н^ана, Вуты мфнты ар хейна, *Й^аки сув* пурдхна, *лонци* сув пурдхна, *fl* ат катыидлты ‘После моей смерти люди, идущие мимо, увидят углы дома, покрытые льдом и снегом’. С цветом льда или цветом меха зайца сравнивается очень белый олень, а серый по цвету олень соотносится с цветом снега, например: *Тфл шовдр пундп хѳлм й^ак хоп^тмдн мфндмдн* ‘Поедем на трех белых (букв.: ледяных) оленях, цвета меха зимнего зайца’, в этом примере имеется две метафоры к слову олень, что указывает на высокую степень белизны меха оленей (ср. с приур. *Тфм лонц хорпи* нави-нави калах ‘Этот белый-белый олень похож на снег’, в данном примере усиление степени белизны достигается повтором прилагательного и сравнением со снегом). Снег представлен в мифологии метафорой – это белый конь, а вода – черный конь, который представляет угрозу, гибель, смерть: *Нуви лов шфни элм ниты лов шфниша. lcllm*, – так говорят весной, в первый раз после зимы садясь в лодку и смачивая голову водой. Этот обряд является оберегом на воде.

Слуховые характеристики. Звуковой образ дождя например: *лысыты* ‘Падать с шумом’ (о сильном дожде, потоке), *курыты* ‘литься с глухим звуком’: *Тардм й^арт фл курыидл* ‘Сильный дождь льет с шумом’; *Й^арт лысыйдл* ‘Дождь льет (букв.: падает)’. Звуковой образ снега представлен глаголами, например: *шихдрты* ‘скрипеть’.

Дождь существует в неразрывной связи с тучами, ветром, радугой, например: *Йсрта-вота* щи йувсмс, Ма па хулта хфнсмлм ‘Дождь с ветром начался, А я куда спрячусь’; *Пфл тут вушсмс* ‘Сверкнула молния’; *Хоппсм лэщитм мфрсмн йсрт нфл* йухтс ‘Пока я чистил сети, дождевая туча пришла’. Радуга осмысливается как предмет материальной культуры: Мэн н^а *кусы лак* Дуга невестки; *Тѳрдм кусы лак* ‘Небесная дуга’; Йухан шѳпа хурамд *нул йух* лопцантс ‘Через реку красивая радуга (букв.: инструмент для обработки шкур) встала; Нып йух й^арт фкдтдл ‘Появилась радуга (букв.: радуга дождь собирает)’.

Крик гагары предвещает, символизирует ненастную погоду: *Тохтмд акэн* увты пйтл, хоп voxdl, *тѳрдм шфкдл. Й^арт йит* в^ардл ‘Дядя гагара начинает кричать, просит лодку; погода портится. Наступает дождливый период. В мифологии хантов гагара является создателем Земли, эта птица священна, она считается почитаемым родственником – дядей.

Тактильные характеристики. Тактильный образ дождя репрезентируется образным признаком физического воздействия холодом и/или холодной водой (сыростью, влажностью) различной степени интенсивности: *нуш хфмл* ‘Сырой день’; Тѳрмэн шфха *йика-ланта* лылдл ‘Потом будет мокрый снег (букв.: погода в воду-крупницы снега смешается)’.

Псха мухл лылты ‘Дождь, растопляющий крылья комара’ (о теплом дожде, после которого комары начинают кусаться более активно).

В мифологических представлениях хантов, липкий снег, идущий крупными пушистыми хлопьями, является символом шубы богини Калтащ, жены бога Торума. Одной из ипостасей богини Калтащ является облик зайца. Приведем пример: Тѳрм *ацэн имэл нила кумха йичн, лыкаыл* па имэл *шовр сфх* мфншлэ, па *супл лонца ци йул* ‘Торум-отец поссорился с женой, рассердился он и рвет заячью шубу жены, вот и пошел липкий снег крупными пушистыми хлопьями’; *Шовр пун нитмах lcnm лонц* ‘Мягкий снег, как пух зайца’ (букв.: падающий пухом зайца).

Дождь, метель имеют пространственную и временную соотнесенность с временем суток и сезоном, например: *Ат вѳтас* хурпи тылдщ ‘В этот месяц, похоже, метели будут ночью (букв.: месяц образа ночных метелей)’; *Илта йѳвдл* ‘По низу метет’; *Нѳмдлта нитпы вѳтас* ‘Метель (букв.: сверху падающая метель)’; *Йсрпх хфмл* ‘Дождливый день’; *Алх йсрпс* ‘Утром шел дождь (букв.: дожило)’; *Й^арт с^ам* ки питыйдс, *луа нѳмдлэ, лонц с^ам* ки питыйдс, *мфла нѳмдлэ* ‘Если капля дождя выпадала, помнил он, как лето, если снежинка выпадала, помнил (это время) как зиму’; *Атлн йсрпх* вѳс ‘Ночью было дождливо’; *Тѳнал* и мулты ол щи *йсрпх* па рувх *лух* вѳс ‘В прошлом, в какой-то год такое дождливое и знойное лето было’; *Сусэв хув, йсрпх сус*, пур ййхки сѳнн омсса, йики сѳн сѳнтылс там *сусэн* (о дождливой, туманной осени) ‘Как будто поставили кузовок, полный воды, эта осень сделала кузов, полный воды’; так осмысливается символически хантами дождливая, туманная осень.

Плохая погода ассоциируется с дождем, метелью, например: Па щи й^арта йис ‘Опять начался дождь’; *Вѳтас* йиты йэлпийн йухи ат йухдтлмдн ‘Успеть бы нам домой до метели’.

Погода может быть холодной и теплой: *Ички хфл* ‘Холодный день’; *Ички тылдщ* ‘Холодный месяц’; *Пѳтл* ‘Замерзает (о почве)’; *Ичка йис* ‘Похолодало’, *Йфм к^ам ички* ‘Довольно холодно (букв.: приблизительно к хорошему холодно)’; *М^алдк* ‘Тепло’; *лайдм нфл* мѳрыты тылдщ ‘Очень холодный месяц (букв.: месяц, когда обламывается топориче)’; *Тфлэн шохтап* пивл хув ‘Длинная суровая зима’.

Образ метели передает выносливый, терпеливый характер хантов: *Вѳтас йѳцалм* йфхмэвийэ ‘Мы ходили навстречу метели’. Имеется пример хантыйской загадки, в которой метель ассоциируется с богом Смерти: *Куклэхки хотхфры йѳвл* ‘Метет (букв.: бог Смерти пол подмета)’.

Фразеологизмы играют особую роль в создании языковой картины мира. Они приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию, оценивают её, выражают к ней отношение. Мир отражается сквозь призму вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. Так, интенсивность дождя передается через антропоморфное представление этого явления и дейст-

вие: льет, как из ведра (букв.: дождь двумя плечами льет).

Образы дождя, снега, льда, кроме непосредственных, предметно-образных форм отражения, связаны с целым рядом ассоциаций, на основе которых возникают метафорические образы, которые указывают на своеобразие восприятия хантами этих природных явлений. Так, дождь и метель концептуализируются образами живого существа, препятствия, неприятных переживаний. Образы снега, льда ассоциируются со ста-

ростью, смертью. Снег ассоциируется с белой лошадью.

Итак, в составе образных компонентов данных фрагментов концептов доминируют метафорические – визуальный и слуховой – образы, наиболее ярко представляющие своеобразие представлений и ассоциаций хантов; тактильный образ обладает более однородной репрезентацией; образы дождя, снега, льда, метели воплощены посредством традиционных мифологических и религиозных образов-символов.

Литература

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
2. Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
3. Красовская, Н. В. Некоторые особенности образного содержания концепта «Дождь» в латиноамериканской художественной литературе / Н. В. Красовская // Известия Саратовского университета, 2009. – Т. 9. – Сер. Социология. Политология. – Вып. 1. – С. 62 – 66.

Информация об авторе:

Соловар Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, заведующая лабораторией по созданию УМК для школ; Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), 8(3467)321435, solovary@rambler.ru.

Solovar Valentina Nikolaevna – Candidate of Philology, Head of the Laboratory for School teaching materials development at Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Projects, Khanty-Mansiysk.

УДК 81'221

УЧЕНИЧЕСКОЕ ПОРТФОЛИО КАК ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ

С. Н. Сорокина

STUDENT PORTFOLIO AS A POLYCODE TEXT

S. N. Sorokina

В статье рассмотрено ученическое портфолио как поликодовый текст, представляющий собой взаимодействие вербальных и невербальных компонентов. Представлены типы и структура портфолио в зависимости от цели его создания. На примере фрагмента портфолио исследуется взаимосвязь вербальных и визуальных знаков как частей единого поликодового целого.

The paper deals with the portfolio as a type of polycode text. The term 'polycode text' implies the interaction of verbal and non-verbal components. We examine the types and the structure of the student portfolio according to the purpose of the text-making. Besides, using the portfolio fragment as an example, we explore the interconnections between the verbal and visual signs as the parts of a polycode unity.

Ключевые слова: поликодовый текст, «вербально-визуальное сцепление», кумулятивная функция поликодового текста.

Keywords: polycode text, verbal and visual cohesion, cumulative function of the polycode text.

До XX века письменный текст представлял собой четко ограниченное речевое образование, выстроенное в линейном порядке. Современное мышление становится все более нелинейным, и это находит отражение в формах письма, в новых типах текста. Интерес к данной проблеме обусловлен появлением и активным внедрением новых мультимедийных технологий и массовой компьютеризацией различных областей общения.

Поликодовый текст – явление, которое всё шире входит в различные сферы нашей жизни. Данный текст строится соединением и наложением различных вер-

бальных и невербальных компонентов. В качестве невербальных могут выступать рисунки, фотографии, схемы, реальные предметы окружающего мира, составляющие предмет общения, сюда же относятся специфические, только для устного общения, мимика и некоторые виды жестов [2]. «Основными текстообразующими характеристиками являются гипертекстовость, полимодальность и мультимедийность» [5, с. 3].

Большое внимание проблеме поликодового текста уделил Ю. М. Лотман и его последователи. «Отрывок, который был не текстом, включаясь в конкретный текст, становится частью этого текста, что порождает

новую художественную целостность» [8, с. 73]. Г. В. Ейгер и Л. Юхт считали, что «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [6, с. 107]. Термин «поликодовый текст» используется А. Г. Соинным. Он называет поликодовыми «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [11, с. 117]. В. Е. Чернявская понимает под поликодовым текстом «факт взаимодействия различных кодов, систему условных обозначений, символов, знаков и правил, их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде» [14, с. 90]. Для описания взаимодействия вербальных и невербальных знаков автор вводит в лингвистическую практику понятие «вербально-визуальные сцепления» [14, с. 90].

Феномен поликодности в портфолио состоит в различном характере структурирования и функционирования вербальной и визуальной систем. Визуальная система, в отличие от вербальной, не представляет собой иерархическую членимую систему знаков с определенным значением. Иначе говоря, визуальный элемент обладает высокой способностью к полисемии из-за отсутствия установленного значения. Для снятия смысловой неопределенности необходим вербальный компонент с установленным значением. Таким образом, феномен поликодности включает взаимодействие вербальных и визуальных знаков.

Поликодовое содержание портфолио тесно связано с этимологией слова. В английском языке portfolio – портфель или папка для документов, «дело». В переводе с французского это слово означает «излагать», «формулировать», «нести», а также «лист», «страница», «досье», «собрание достижений»; в переводе с итальянского – «папка с документами», «папка специалиста».

Данный термин пришел в Россию из Западной Европы в XV – XVI вв. В эпоху Возрождения итальянские архитекторы представляли заказчикам наброски своих строительных проектов в особой папке, которую и называли «портфолио». Документы, представленные в этой папке, позволяли составить впечатление о профессиональных качествах претендента.

В настоящее время портфолио широко используется в профессиональной среде копирайтеров, фотографов, веб-дизайнеров для представления собственных достижений, наработок. Цель такого портфолио – заинтересовать потенциального заказчика любыми возможными способами, используя различные компоненты поликодового текста.

Существуют различные классификации портфолио: портфолио-собственность (собирается для себя) / портфолио-отчет (для других); коллективное / личное портфолио; электронное / текстовое портфолио; портфолио, охватывающее большой временной промежуток / портфолио, ограниченное по времени.

Идея использования портфолио в сфере образования возникла в середине 80-х годов в США. В конце прошлого века идея применения портфолио в школе становится популярной во всем мире, в том числе и в России. Портфолио – это способ фиксирования, аккумуляции, накопления оценки и самооценки индивидуальных достижений за какой-то период времени. «Оно является истинным, наиболее реальным оцениванием» [10, с. 61]. Его основной смысл – накопить и показать все, на что способен автор портфолио, используя при этом различный материал: рисунки, схемы, фото, видео, материалы на бумажном носителе, продукты собственного творчества. Этот метод позволяет обучающемуся самостоятельно проанализировать свои достижения, чтобы сделать выводы и работать дальше в этом направлении.

Индивидуальный подбор учеником вербальных и невербальных компонентов в портфолио позволяет:

- 1) проследить индивидуальный прогресс обучающегося, достигнутый им в процессе обучения, причем вне прямого сравнения с достижениями других детей;
- 2) оценить достижения ученика и дополнить (заменить) результатами, полученными на основе использования других форм контроля.

В настоящее время разрабатываются различные виды ученического портфолио, различающиеся между собой структурой, целями работы с ними. По целям выделяют следующие типы портфолио:

– **«Папка достижений»** содержит готовые, выбранные и специально оформленные работы.

– **«Тематическое (предметное) портфолио»** создается в процессе работы по определенному проекту, теме, разделу.

– **«Портфолио документов»** содержит официально признанные сертификаты, грамоты, дипломы конкурсов, соревнований, олимпиад; документы об окончании музыкальных и художественных школ.

– **«Портфолио работ»** – это комплект исследовательских, проектных и других работ ученика.

– **«Портфолио отзывов»**. В нем представляются отзывы на творческие работы, исследовательские и другие проекты.

– **«Экспресс-портфолио»**. Созданию данного портфолио может способствовать неожиданно возникшая ситуация, ограниченная во времени: участие в исследовании или освоение программы дополнительного обучения.

Набор вербальных и визуальных компонентов ученического портфолио в различных видах деятельности

<i>Вид деятельности</i>		<i>Материалы портфолио</i>
Учебная (программа общего образования)	Школьные предметы	– диктанты, сочинения, изложения; – аудиозаписи монологов, диалогов; – дневники читателя; – иллюстрированные авторские работы; – материалы самоанализа и рефлексии; – научно-исследовательская работа.
Творческая (программа дополнительного образования)	Музыка, вокал	– аудио-, фото- и видеоматериалы; – продукты собственного творчества;
	ИЗО, декоративно-прикладное творчество	– аудиозаписи выступлений; – материалы самоанализа и рефлексии; – научно-исследовательская работа.
	Журналистика	– дневники наблюдений; – мини-исследования и мини-проекты; – видеозапись интервью; – творческие проекты; – аудиозапись устных ответов; – материалы самоанализа и рефлексии; – научно-исследовательская работа.
	Физическая культура	– фото-, видеоматериалы; – дневники наблюдений и самоконтроля (режим дня, утренняя зарядка, оздоровительные мероприятия, подвижные игры и т. д.; наблюдения за своим физическим состоянием, величиной физических нагрузок, данных мониторинга здоровья (рост, масса тела и др.);
	Хореография	– самостоятельные работы; – материалы самоанализа и рефлексии.
	Туризм и краеведение	

Обзор современной литературы, посвящённой портфолио в обучении (см., например, [9; 10, с. 61; 12, с. 32 – 37]), позволяет выделить общую структуру ученического портфолио:

– **раздел «Информация об авторе (авторах)»** представляет информацию об ученике – авторе портфолио. Раздел отображает особенности личности автора портфолио, может включать записи о нем других людей, характеристику, резюме, фотографию, видеопрезентацию и т. п.;

– **раздел «Коллектор»** содержит материалы, авторство которых не принадлежит ученику. Это могут быть материалы, предложенные ученику педагогом (памятки, схемы, списки литературы, презентации, аудио-, видеозаписи) и найденные учеником самостоятельно (ксерокопии статей, материалы периодических изданий, иллюстрации);

– **раздел «Рабочие материалы»** включает все материалы, которые созданы и систематизированы учеником (см. таблицу);

– **раздел «Достижения»** представляет те материалы, которые, по мнению учащегося, отражают его лучшие результаты и демонстрируют успехи (см. таблицу). Ученическое портфолио помогает зафиксировать и сохранить информацию о постигнутой обучающимся действительности в разнообразных видах деятельности: учебной, творческой, социальной, коммуникативной. Данные таблицы позволяют проанализировать набор вербальных и невербальных компо-

нентов ученического портфолио в различных видах деятельности.

Рассматривая портфолио как поликодовый текст, следует обратить внимание на функционально-языковые особенности портфолио. Исходя из существующих в лингвистике трактовок понятия «функция языка», можно выделить три главнейшие (базовые) функции языка:

– коммуникативная (являющаяся средством человеческого общения);

– когнитивная (познавательная, гносеологическая, иногда называемая экспрессивной, выражающая деятельность сознания);

– кумулятивная (аккумулятивная, эпистемическая, характеризующаяся хранением и передачей информации, национального самосознания, традиций культуры и истории народа).

Коллекция и информативность являются существенными свойствами кумулятивной функции, благодаря которой человек может хранить информацию об окружающей действительности в течение многих поколений. Язык в этой функции выступает связующим звеном между человеком и обществом, служит «хранилищем» и средством передачи внеязыкового коллективного опыта.

Являясь отражением накопления опыта, портфолио, по мнению многих исследователей, представляет собой рабочую папку, содержащую многообразную информацию, которая документирует приобретённый

опыт и достижения через набор взаимосвязанных между собой вербально-визуальных компонентов.

Поликодовость портфолио наиболее четко отражает кумулятивную функцию языка, представляя собой накопительный материал в виде текста, рисунков, фотографий, схем, реальных предметов и т. д.

Материальная организация портфолио представляет систему взаимосвязанных и взаимообусловленных на содержательно-смысловом уровне «кодов», в основе взаимоотношения которых можно выделить следующие способы:

- интеграция (невозможность отделения невербального компонента от вербального);
- взаимодополнение (смысл визуального компонента поясняется, уточняется, конкретизируется вербальным);
- дублирование (содержание вербального компонента дублирует содержание визуального);

При этом функция вербального компонента включает «объяснение», «разгадывание», «пояснение» визуального компонента, т. е. текст поясняет картинку, схему, таблицу.

На примере фрагмента портфолио «Информация об авторе» (рис. 1) объясняется функциональная нагрузка внешнего оформления, которая вытекает прежде всего из специфики генеалогического дерева. Расположение визуальных знаков в данном примере имеет определенный порядок, включая рисунки и фотоматериалы. Вербальные знаки (подписи к фотографиям) оформляются печатным или рукописным шрифтами и используются в качестве комментария к фотографиям, определяя место каждого члена семьи в семейной иерархии.

Таким образом, взаимодействие вербальных и визуальных знаков в портфолио базируется на общем принципе создания и функционирования поликодовых текстов, где каждая система, благодаря своим специфическим свойствам, дополняет, разъясняет, компенсирует специфические свойства другой системы.

Рассматривая портфолио, необходимо подчеркнуть равноправие вербальных и визуальных компонентов как частей единого поликодового целого.

Рис. 1. Генеалогическое дерево семьи обучающегося

Литература

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – С. 34.
2. Академик: словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ped_recheved.-academic.ru/161/Поликодовый_текст
3. Аракин, В. Д. Англо-русский словарь / В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина. – М.: Профиздат, 1993. – С. 395.
4. Большакова, Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л. С. Большакова // Вестник Новгородского университета. – 2008. – № 49. – С. 48 – 51.
5. Дьякова, Е. Ю. Поликодовый текст в британском рекламном дискурсе сферы образования: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Дьякова. – Воронеж, 2011. – 25 с.
6. Ейгер, Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Ейгер, В. Л. Юхт // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. – Ч. I. – М., 1974.
7. Карабыков, А. В. Проблема функционирования языка в ее отношении к динамике жанровой системы речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/327/image/327-011.pdf>
8. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
9. Макарова, Е. И. Портфолио как оно есть / Е. И. Макарова // Библиотека в школе. – 2006. – № 6. – М.: Первое сентября, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.1september.ru/2006/06/5.htm>
10. Новикова, Т. В. Папка индивидуальных достижений «портфолио»: федеральные рекомендации и местный опыт / Т. В. Новикова // Директор школы. – 2004. – № 7.
11. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6.
12. Фролова, Н. З. Портфолио как форма мониторинга продвижения воспитанника в освоении образовательной программы в компьютерном классе / Н. З. Фролова // Методист. – 2007. – № 2.
13. Хлебович, Н. И. Реализация кумулятивной функции языка в условиях формирования духовно-нравственной культуры личности / Н. И. Хлебович // Человек и образование. – 2010. – № 3.

14. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
15. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – М., 2002.
16. Электронный Всероссийский Интернет-педсовет. – М.: Образ-Центр. 2010. – Режим доступа: http://pedsovet.org/component/option,com_mtree/task,viewlink/link_id,26859/Itemid,550

Информация об авторе:

Сорокина Светлана Николаевна – соискатель кафедры русского языка и литературы КузГПА, 8-923-632-8021, afor78@mail.ru.

Sorokina Svetlana Nikolaevna – post-graduate student at the Department of the Russian Language and Literature of Kuzbass State Pedagogical Academy.

УДК 82-5

ХАРАКТЕРИСТИКА АВТОРА В ЖАНРАХ ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Т. П. Сухотерина

AUTHOR'S CHARACTERISTICS IN THE RUSSIAN NATURAL WRITING GENRES

T. P. Sukhoterina

В статье рассматривается характеристика одного из признаков жанров речи – автора. Автор является создателем текста и занимает одно из важнейших мест среди параметров коммуникативно-семиотической модели описания жанров естественной письменной речи. В рамках настоящей статьи рассматриваются авторы девичьего альбома и гипержанра «поздравление».

This article is devoted to the characterization of the author as a feature of the speech genre. The author is the producer of the text and takes one of the most important places among the indicators of the communicative semiotic model which was worked out to define the Russian natural writing genres. The authors of the girls' album and the supergenre of "congratulation" are examined in this article.

Ключевые слова: жанры естественной письменной русской речи, гипержанр «поздравление», девичий альбом, коммуникативно-семиотическая модель, фациент «автор».

Keywords: Russian natural writing genres, the supergenre of "congratulation", girls' album, communicative semiotic model, author as a constitutive element of speech genres.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ авторов двух жанров естественной письменной русской речи (далее – ЕПРР): авторов гипержанра «поздравления» и девичьего альбома.

Авторами жанров ЕПРР являются люди, родившиеся и выросшие в городе или близлежащих населенных пунктах. Они – носители национального языка, который включает в себя литературный язык, разговорный, просторечие и др. В основу нашего анализа положена гипотеза о том, что не во всех жанрах ЕПРР характеристики автора представлены одинаково.

Автор – продуцент текста, создатель письменно-речевого знака. Данный фациент занимает одно из важнейших мест среди параметров модели естественной письменной речи. Автор письменного текста не имеет возможности наблюдать за воздействием текста на адресата и судить о его реакции и о результатах понимания. Передача мысли незримому лицу, присутствующему в акте коммуникации, в письменной речи заставляет пишущего стремиться к точности, ясности, недвусмысленности, выбирать «такие слова и грамматические конструкции, которые могли бы легко восприниматься, ибо в письменной коммуникации нет возможности подчеркнуть ударением, паузами, понижением и окраской голоса смысл слов и предложений» [6, с. 444 – 523]. «Автор – субъект текстообразования, создавая текст определенного жанра, вы-

ступает в прагматически обусловленной роли или ролях – таких, которых требует этот вид текста» [3]. Именно характеристики автора, его индивидуальные особенности, которые отражаются в высказывании, как устном, так и письменном в любой сфере речевого взаимодействия, играют большую роль в процессе создания того или иного вида текста. Коммуникативный портрет автора и адресата складывается из многих составляющих. Предполагается существование некоторого типичного автора с присущими ему типичными характеристиками, пишущего тот или иной текст, создающего какой-либо жанр. Так, по виду контакта с адресатом (открытый/закрытый), автор воспоминаний, как и авторы девичьего дневника, письма, характеризуется как закрытый, в отличие от граффити, объявлений; по отношению к себе автор воспоминаний представляется как рассказывающий о себе и о событиях; по ситуативному параметру (одиночество, спокойствие, импульсивность, деятельность) автор воспоминаний спокойный; импульсивный автор может быть представлен в поздравлении.

Рассмотрим характеристики автора в гипержанре ЕПРР «поздравление». Гипержанр «поздравление» – это этикетный, праздничный речевой жанр, в котором часто используются клишированные фразы, следовательно, автор поздравления – это лицо, соблюдающее ритуалы, этикетные формулы поведения, признающее

фатическую функцию языка, поэтому о типовых характеристиках автора гипержанра «поздравление» мы можем говорить условно, в отличие, например, от автора девичьего альбома. При рассмотрении фациента «автор» немаловажное значение имеют такие признаки, как пол, возраст, психологические характеристики автора. Эти аспекты представляют интерес в исследовании таких жанров ЕПРР, как личный дневник, записка, а также в гипержанре «поздравление» и его разновидностях: поздравительной открытке, поздравительной записке, коллаже, то есть в тех жанрах, которые отдалены от официально-делового, газетно-публицистического стиля письма и находятся в ядре модели ЕПРР либо на ближайшей периферии по признаку непрофессиональности. В исследуемых поздравлениях данные аспекты рассматриваются на примере частных, бытовых, семейных поздравлений, а официальные поздравления во внимание не берутся, так как в таких поздравлениях менее ярко проявляются индивидуальные психологофизиологические особенности авторского стиля письма.

Мы считаем, что гендерный аспект важен при рассмотрении автора «поздравления». Тексты «поздравлений» отражают язык авторов, однако говорить о принципиальном различии мы можем условно, поскольку «поздравление» – это этикетный, праздничный жанр и в нем часто используются клишированные фразы. Гендерная принадлежность текста поздравительной открытки, поздравительной записки, плаката определяется по именам, по указанию степени родства в подписи автора (*брат, мама, баба, тетя, Катя, Сергей* и т. д.). Характеристики пола, возраста, психические, социологические характеристики, несомненно, влияют на особенности поздравлений, так как поздравление в силу своих жанровых признаков требует соблюдения стандартной организации, это пограничный жанр между ЕПР и ИПР и соответственно здесь могут быть выражены только самые поверхностные стороны индивидуальности.

Концепция автора поздравления предполагает, что пишущий правильно оценивает некоторые события из жизни адресата как положительное и, согласно этикету, поздравляет его. Прагматическая интенция автора обуславливает законченность поздравительной открытки, поздравительной записки. «Коммуникативно-прагматический подход позволяет вывести для высказываний, реализующих интенцию поздравления, следующую структуру коммуникативной ситуации: Адресант – Речекомплекс – Адресат, в пресуппозиции которой есть цель данного речевого действия – сохранить контакт в нужной тональности, поддерживать теплые, дружеские отношения с коммуникантом посредством выражения собственного эмоционального состояния» [5].

Категория эмотивности проявляется во всех этикетных формулах, входящих в гипержанр «поздравление»: обращение, поздравление, пожелание. Наличие этикетных формул в рассматриваемом жанре связано с социальными нормами поведения в ситуации поздравления, позволяют поддерживать контакт в нужной тональности. Этикетные формулы поздравления имеют устойчивый план выражения и необходимы автору для реализации основной интенции – по-

здравляя, выразить собственное эмоциональное состояние и вызвать у адресата положительный эмоциональный отклик. Автор «поздравления» владеет определенными этикетными формулами, чтобы отразить в своем речевом поведении прагматические установки и добиться желаемого эффекта воздействия на адресата. Поздравительная открытка, поздравительная записка, плакат, альбом являются отражением мира пишущего, что реализуется при помощи эмотивных средств языка. Категория эмотивности воплощается во всех этикетных формулах, входящих в поздравительный дискурс.

Порождение текста носит сложный характер по сравнению с процессом порождения устной речи. Текст должен обладать законченностью в плане выражения замысла. Различные личностные особенности автора могут оказывать влияние на содержание и форму текста. Личность автора проявляется в тексте в выборе темы, языка, композиции, в сюжете текста. Так, каждый автор поздравлений выбирает определенную форму поздравления, наполняет текст поздравления таким содержанием, которое, по его мнению, лучше всего отразит его эмоциональное состояние и наилучшим образом повлияет на состояние адресата.

Чтобы коммуникативная функция создания у Адресата положительного эмоционального настроения была реализована, необходима общность иллюкутивной и перлокутивной целей, т. е. цель «выразить эмоцию» и цель «добиться ответной реакции» должны быть учтены автором «поздравления». Это находит отражение в обращении к адресату, в пожеланиях. В большинстве «поздравлений» автор называет адресата словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*очк*», «*ечк*», «*еньк*», «*юшк*» и др., например: «*Дорогая бабулечка...*», «*Женечка!*».

Для выявления характеристик автора «поздравления», на наш взгляд, необходим анализ текстов поздравлений с точки зрения психолингвистического подхода, который позволяет выявить в них такие особенности, как наличие в текстах поздравлений определенных эмоционально-смысловых доминант и обусловленность особым эмоциональным состоянием. Особенности автора можно выявить из текстов поздравлений, которые, на наш взгляд, наиболее близки к выделенным В. П. Беляниным «красивым» и «светлым» текстам [1]. Тексты поздравлений не могут быть жестокими, печальными, это противоречит жанру поздравления, который, более, чем какой-либо другой жанр ЕПРР, связан с праздником, с праздничным, светлым, радостным настроением. В красивых текстах большое внимание уделяется внешнему выражению эмоционального состояния. Поздравления представляют собой красивые тексты, которые призваны воздействовать на чувства получателя поздравления.

Авторы «поздравлений» – красивых текстов используют художественно-изобразительные средства: эпитеты, метафоры, олицетворения, сравнения (*сибирское здоровье, чаша счастья, сказка жизни, чудесный день, смех как журчание ручейка, дорога без печали, девушка – мой неразбуженный сон, искристый смех, сказка со звездным небом*).

На синтаксическом уровне в поздравлениях, этих «красивых» текстах, выявлены обращения, вопросительные (риторические вопросы) и восклицательные предложения. В целом стиль поздравлений приподнятый и нарочито красивый.

Исследователями было доказано, что психической основой эмоционально-смысловой доминанты «красивых» текстов является демонстративность (истероидность), которая основана на истерии (одном из психопатологических отклонений). По мнению Леонгарда, это является формой акцентуации. Он называет таких лиц и истерическими, и демонстративными личностями [4]. Истерия проявляется в поведении человека, рассчитанном на внешний эффект. Авторы большинства исследуемых «поздравлений» – демонстративные личности, которым свойственна эмоциональность, экспрессия, часто театральность. Часто эмоциональность оказывается кажущейся, в действительности оборачивается отсутствием глубоких искренних чувств при большой экспрессии эмоций. Так, когда поздравление начальник пишет коллективу, то, наверняка, за него пишет кто-то другой, а чувства, эмоции, которые отражаются в «его» поздравлении, являются не совсем настоящими. В этом случае автор выступает лишь как лицо, соблюдающее этикет поведения, установленного в обществе, а не как человек, близкий адресату, испытывающий к нему теплые чувства.

У демонстративно-истероидных авторов в значительной степени преобладает потребность в самовыражении. Согласно наблюдениям, истероидные лица предпочитают род деятельности, связанный с миром искусства. Именно поэтому в поздравлениях, авторами которых являются демонстративно-истероидные личности, присутствуют яркие, красочные рисунки, карикатуры, фотографии, то есть тексты поздравлений являются креолизированными. В исследуемых поздравлениях авторы используют яркие, цветные элементы, то есть паравербальные компоненты, которые служат средством украшения текста.

Рисунки, яркие цвета в гипержанре «поздравление» являются эмоциональным показателем, а также показателем интонации. Письменная речь в «поздравлении» лишена прямого контакта, поэтому для автора и адресата паравербальные элементы являются показателями эмоций, интонации в тексте. Вербальное письмо (слова, расчленение текста на буквы) определяется левым полушарием головного мозга, а правым полушарием охватывается целостный образ. Таким образом, авторами креолизированных поздравлений являются люди, для которых мало только написанного текста, ими движет потребность приукрасить текст поздравления, то есть правое полушарие у них преобладает над левым.

Отличительной чертой колористики «красивых» текстов является яркость. Функцию яркости выполняют использующиеся авторами прилагательные с семой «блестящий», «свет», характерные для поздравлений как «светлых» текстов. В поздравлениях, принадлежащих к «светлым» текстам, присутствует светлое описание мира: ... *Желаем, чтоб глаза твои от счастья сияли// ... Пусть самая яркая звезда всегда освещает твой жизненный путь, по которому*

ты будешь идти долго-долго// ... Позволь мне, мама, пожелать тебе здоровья, счастья, света// ... Пусть твою душу согревает надежда, свет, огонь тепло// ... Будь счастливой, здоровой, солнечной.

Истероидность, демонстративность авторов поздравлений проявляется также и в почерке, для которого характерны завитушки, витиеватость, открытые буквы, в некоторых исследуемых «поздравлениях» – волнистые линии.

Остановимся на рассмотрении авторских характеристик жанра «девичий альбом». Примерно с 4 класса девочки начинают вести тетради, в которые записывают понравившиеся стихи, песни, афоризмы и т. д. Записи ведутся обычно до 8 – 10 класса. Девичий альбом отражает «бытующие в соответствующем возрасте представления о любви и дружбе, об отношениях с юношами и подругами; фиксирует этикетные правила, связанные с уходом и дружбой» [2, с. 57 – 58]. В связи с этим экстралингвистические (психологические, социологические, культурологические и проч.) характеристики данной возрастной группы могут быть определены следующим образом.

Девичий альбом является проявлением молодежной субкультуры, отражающей доминирующие черты культурной модели общества, но имеющей отличные от общей культуры ценности, нормы и обычаи. В рамках общей культуры всякого сложного общества всегда имеются частные, суверенные целостные образования, выражающие интересы и стиль жизни тех или иных социальных групп и слоев населения. Эти образования называют субкультурами. Они отличаются собственным ценностным строем, обычаями и нормами.

Традиционно сложилось так, что быт народа, социальные проблемы, внешняя жизнь людей в девичьем альбоме отражается слабо. У него свой круг проблем. Девичий альбом устремлен во внутренний мир молодого человека – девушки от 11 до 15 лет. Его стихия – отношения любви и дружбы, все грани этих отношений, в текстах утверждаются не только представления подростков о красоте, но и нравственные начала, добрые чувства, которые для всех одинаковы.

Жанр девичьего альбома можно отнести к «женскому» типу жанров, так как продуцентами являются только девушки, поэтому его изучение предполагает не просто рассмотрение особенностей «мира девичества», но и выделение его эмоционально-смысловых доминант. Девичий альбом – это часть именно девичьей жизни, продукт размышлений девочек о взаимоотношениях полов, о добре и зле, о любви. Это «мир девичества», который характеризуется следующими признаками: повышенным интересом к любовной тематике; стремлением к ориентации на стандарт взаимоотношений между мужчиной и женщиной; наличием черт показной скрытности, стыдливости и кокетства, преследующих цель – обратить на себя внимание, придать дополнительную важность своим чувствам; стремлением овладеть социальным опытом с целью подготовки к будущей семейной жизни; желанием приобщиться к миру «запретных» чувств; ориентацией на романтику, приподнятость над обыденным существованием, вневременность

Описание автора девичьего альбома невозможно без учета именно этих условий, в которых и создается данный жанр, так как они оказывают существенное влияние на образ автора девичьего альбома как носителя данной культуры, которая характеризуется наличием ряда эмоционально-смысловых доминант, рассмотрение которых позволяет определить черты типичного автора. Вполне очевидно, что в альбомной культуре воплощены общечеловеческие ценности: любовь, дружба и т. д. Данные ценности нами не рассматриваются, так как они не являются специфическими, а следовательно, остаются на уровне универсальных мотивов, образов, символов, присущих общечеловеческой культуре. Набор доминант, характеризующих альбомную культуру, на наш взгляд, можно представить следующим образом.

Доминанта «нереализованного чувства». Данный возрастной период связан с глубоким переживанием недостатка любовных эмоций. Чувства подростка в это время необычайно обострены, что обусловлено постоянным состоянием эмоционального ожидания. Энергия, порождаемая острым желанием любить и быть любимой, требует естественной реализации, но в реальной жизни это невозможно по причине слишком юного возраста. Отсюда в действительности возникает расхождение между существующими запросами ребенка и возможностью их удовлетворения, в связи с чем девушка заводит девичий альбом, пытаясь самостоятельно справиться с неразрешимой в реальной жизни ситуацией. Только в этом «нереальном мире» она может дать выход всем своим скрытым эмоциям и чувствам.

Доминанта «виктимной настроенности», отчетливо проявляющаяся в стремлении страдать. В девичьем альбоме редко встречаются стихи, песни, заканчивающиеся *happy end*’ом, все должно быть как в реальной жизни. Любовь для представителей альбомной культуры – это безответное чувство с ручьями слез и разбитым сердцем.

Доминанта «экспрессии», требующая описания чувств на повышенном эмоциональном уровне. Альбомная культура – это культура эмоций.

Доминанта «игры». Полагаем, что альбомная культура – это воплощение карнавального начала, здесь все перевернуто с ног на голову: если в действительности девушка только ожидает любви, то здесь она уже не только познала это чувство, но и переживает горечь его потери, полное разочарование в нем. Поэтому нет ничего удивительного в том, что игровые моменты «разлиты» на всем пространстве девичьего альбома. Тем более, не следует забывать, что

создатели альбомов – это еще совсем юные особы, которые в силу своих возрастных особенностей не могут быть долгое время серьезными, удрученными проблемами, пусть даже важными и приятными для них. Детское, смеховое начало все равно даст о себе знать, это и всевозможные «секреты», и смешные рисунки, и анекдоты и т. п.

Доминанта «самоинициации». И авторы девичьих альбомов, и их читатели всегда в какой-то мере пытаются отождествлять себя с героями стихов, песен; вместе страдают, радуются, огорчаются и, по словам С. Б. Борисова, даже умирают. В реальность же они возвращаются с новым опытом, желанием никогда не повторять роковых ошибок своих героинь, с определенными представлениями о нормах и правилах поведения во взрослой жизни.

Полагаем, что круг эмоционально-смысловых доминант высвечивает не только особенности носителей альбомной культуры, но и оказывает влияние на языковые особенности девичьего альбома.

Проводя аналогию с особенностями оформления альбомов, можно сказать, что автор всегда стремится оформить альбом таким образом, чтобы всех поразить. Для любого продюсента девичьего альбома очень важно внимание окружающих, девичий альбом – это способ обратить на себя внимание, подчеркнуть свою значимость, что как раз является характерной чертой лиц с истероидной акцентуацией. Демонстративность личностей, ведущих девичьи альбомы, проявляется не только во внешнем поведении, но и в речевом поведении. В речи лиц с истероидной акцентуацией преобладает не столько содержание, сколько форма (огромное внимание уделяется цветовому оформлению текстов альбомов).

Таким образом, анализ показал, что поздравления – это «красивые» и «светлые» тексты, для которых характерна приукрашенность, высокая эмоциональность, экспрессия. Тексты поздравлений написаны авторами легко и свободно. Яркость, разнообразная цветовая гамма паравербальных компонентов, отраженная автором, обращает на себя внимание адресата. Для продюсентов девичьего альбома характерны следующие черты: автором является девушка от 11 до 15 лет, представительница особого типа субкультуры – альбомной культуры, накладывающей существенный отпечаток на особенности психологического склада ее носителей. Считаем возможным утверждение, что для жанра «девичий альбом» характерен типичный образ автора, позволяющий четко отличить его от автора любого другого жанра ЕППР.

Литература

1. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В. П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
2. Борисов, С. Б. Культурная антропология девичества / С. Б. Борисов. – Шадринск, 2000.
3. Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М., 1974. – 687 с.
4. Леонгард, К. Акцентуированные типы личности / К. Леонгард. – М., 1981. – 390 с.
5. Маринин, Ю. Н. Речекомплекс «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Маринин. – Волгоград, 1996. – 34 с.
6. Матезиус, В. Язык и стиль / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. – М., 1967.

Информация об авторе:

Сухотерина Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания АлтГПА, 8 909 504 0215, tatsu81@mail.ru.

Sukhoterina Tatiana Pavlovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and General linguistics of Altai State Pedagogical Academy.

УДК 659.123.1

**К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ
И КОММУНИКАТИВНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ**

О. В. Тускова

**ON FUNCTIONAL NORM AND COMMUNICATIVE EFFICIENCY
CORRELATION IN ADVERTISING MESSAGES**

O. V. Tiskova

В статье рассматривается проблема определения критериев эффективности рекламного сообщения и соотношение этих критериев с требованиями культуры речи и лингвистической прагматики. Также в статье анализируются наиболее часто встречающиеся в рекламных текстах нормативные нарушения с точки зрения «фатальности» подобных нарушений относительно критериев коммуникативной эффективности рекламного сообщения.

The article considers the problem of determining the criteria of the advertising message efficiency and the relationship of those criteria with the requirements of the speech culture and linguistic pragmatics. The most common regulatory violations in advertising texts are analyzed from the point of view of such violations' «fatality» for the criteria of advertising messages communicative efficiency.

Ключевые слова: коммуникация, реклама, рекламное сообщение, копирайтинг, креативность, норма, эффективность рекламы, культура речи.

Keywords: communication, advertising, advertising message, copywriting, creativity, norm, advertising efficiency, speech culture.

Язык рекламы проникает в массовое сознание, закрепляясь в нём. Он характеризуется непрерывным развитием и усложнением, постепенным обособлением его как самостоятельной части русского языка. Российская реклама – это поистине языковой феномен, в котором можно встретить и прагматизм, и юмор, и «прецедентный текст», апеллирующий к знаниям носителей языка, и многое другое.

Для создания эффективного рекламного текста копирайтер должен знать и уметь применять на практике правила конструирования текста, его основные композиционные и жанровые разновидности. Кроме того, реклама должна быть оригинальной, чтобы привлечь внимание потенциального покупателя товара или услуги, но оригинальность не должна быть самоцелью. Ведь главная функция рекламы – продать товар или услугу. То есть достоинства рекламного текста определяют не художественно-изобразительные изыски или изящество словесной формы (творческое самовыражение), а точность, яркость и доступность рекламного образа, многообразие и направленность ассоциативных связей, не изощренная, а максимально прагматически работающая на коммуникацию композиция.

Основная цель рекламного сообщения (далее – РС) – привлечь внимание, вызвать интерес и стимулировать сбыт. Для достижения этой цели составители рекламного текста обращаются к использованию различных лингвистических и психологических приемов. Рекламный текст должны отличать доходчивость, яр-

кость, лаконичность, экстравагантность, высокопрофессиональное исполнение. Законы конкурентной борьбы требуют от создателей рекламы максимальной точности при передаче информации, выразительности, профессионализма. Однако нельзя не учитывать ракурс функциональной оценки определенного текста, его реального назначения, его функциональной роли в конкретной речевой ситуации. Эффект воздействия рекламы основан на правильном использовании ряда лингвистических феноменов и закономерностей. Говоря о языке рекламных сообщений, мы ведем речь об использовании языка в профессиональных целях, результатом которого является порождение сообщений, ориентированных на определенную аудиторию и выполняющих определенные задачи. Но эта «профессиональная» направленность, утилитарность рекламных текстов никоим образом не отменяет необходимости их функционирования по законам языка. При создании рекламных текстов абсолютно необходимо учитывать лексические, синтаксические и изобразительно-выразительные возможности языка. Знание правил использования лексико-грамматических средств языка способствует созданию сильных, побуждающих к действию, эмоциональных и, главное, продающих текстов.

Практика рекламы такова, что рекламисту необходимо гармонично совмещать в своей деятельности филологические умения и навыки с умением «отступать» от них. Кроме того, в процессе создания рекламных текстов копирайтер сталкивается с несколькими серьезными проблемами. Прежде всего, отсут-

ствует четкость в определении решающих критериев коммуникативной эффективности рекламных сообщений. Коммуникативная эффективность складывается из следующего комплекса факторов: влияние рекламы на изменение знаний о фирме, ее товарах и услугах (когнитивный уровень), на формирование позитивного отношения к ней (аффективный уровень), а также на формирование намерений вступить в контакт с фирмой, приобрести ее товар (конативный уровень). Существует три основных традиционно выделяемых критерия коммуникативной эффективности рекламы: распознаваемость, запоминаемость, агитационная сила рекламы [5, с. 58 – 69].

В работах отечественных специалистов по рекламе эффективная реклама, в первую очередь, «подразумевает сочетание **действенного** креатива и оптимального, обеспечивающего охват наибольшей части целевой аудитории, размещения» [4, с. 198]. Но каковы параметры и границы действенного и недейственного креатива?

Споры об определении именно решающих критериев коммуникативной эффективности приводят к тому, что текстовая составляющая рекламного сообщения не учитывается, что недопустимо, т. к. реклама, как и любое СМИ, оперирует прежде всего средствами языка. Реклама гораздо более других СМИ нуждается в формировании позитивного отношения (восприятия) максимально широкого круга лиц; но при этом культурноречевая составляющая, формирующая по большей части такое отношение, также не признается значимой.

Затрудняет деятельность копирайтеров и то, что рекламный текст – лишь составная (и часто минимальная) часть рекламного сообщения и всегда сопровождается изображением (в рамках данной статьи мы не рассматриваем телевизионную рекламу, «живущую» по другим законам), что одновременно и облегчает (не все смыслы необходимо выражать словами), и затрудняет (своего рода креативная избыточность) процесс коммуникации.

Самое главное – соотношение креатива и нормы; где это – языковая игра, способствующая усилению коммуникативной эффективности РС (тот самый «действенный» креатив), а где – ошибка, вызывающая обратную реакцию и разрушающая основную цель РС – создание благоприятного отношения к объекту рекламирования и, как следствие, – принятие решения о покупке.

Нам представляется, что креативность, «идущая» самым простым путем – путем нарушения языковых норм – опасна и, главное, нефункциональна. Но степень «фатальности» этого явления зависит от типа норм и вида рекламного сообщения и подлежит практической проверке.

Необходимо конкретное исследование каждого сегмента рекламного «пространства» с позиции коммуникативной эффективности. Нами (в рамках студенческих курсовых и дипломных исследований) была осуществлена попытка практического анализа необходимого «нормативно-креативного баланса» на материале наружной рекламы.

Исследование производилось методом анкетирования. В исследовании принимали участие 200 чело-

век, сгруппированных по возрастным, социальным, «образовательным» и профессиональным критериям. Выбор этого вида рекламных сообщений был обусловлен тем, что время взаимодействия реципиента с источником информации в наружной рекламе составляет всего 2 – 3 секунды. Текст должен быть ярким и лаконичным. Согласно правилам копирайтинга, количество слов в тексте наружной рекламы не должно превышать 11 [3, с. 227]. Такая особенность выводит на первый план необходимость быстрого «считывания» информации и не менее быстрого понимания и адекватного толкования ее, что выводит на первый план именно аспект нормативности (как «общепринятости», т. к. в этом случае у читающего нет времени на расшифровку) рекламного сообщения. В соответствии с этим информация, содержащаяся в рекламных сообщениях этого вида, должна быть читаемой, понятной, легко запоминаться, импонирует потенциальному покупателю, а сам рекламируемый товар должен легко и быстро соотноситься с определённой маркой. С учетом сказанного, анализ образцов осуществлялся по критериям запоминаемости, распознаваемости и агитационной силы.

Проанализированные рекламные сообщения позволили определить несколько направлений «креативного движения». Основным (и самым простым) способом привлечения внимания остается языковая игра, основанная на нарочитом смещении различных стилистических пластов лексики (рис. 1), использовании слов сниженной, разговорной стилистической окраски, жаргонизмов и сленга.

Подобный прием традиционно признается эффективным [1, 3, 4], но возникает серьезная опасность, связанная с еще одним важным аспектом РС – соответствием его формы и содержания запросам целевой аудитории [2]. Указанное РС у 80 % опрошенных старше 30 не вызвало доверия и желания воспользоваться услугами банка. Опрошенные сочли неприемлемым иронию и жаргонизмы там, где речь идет о «серьезных» вещах – кредитах и процентах по вкладам. Другие образцы РС, не представленные в данной статье, свидетельствуют о том, что подобное «вольное» обращение со стилистическими и лексическими нормами при рекламировании любых «серьезных» товаров и услуг имеет эффект, обратный задуманному автором.

Не менее эффективным «полигоном» творческой деятельности является пространство орфографических, морфологических и пунктуационных норм. Ю. Бернадская расценивает преднамеренные орфографические и пунктуационные ошибки как прием языковой игры в рекламе [1, с. 85]. Осознанное использование этих приемов свидетельствует о высоком профессионализме копирайтера и способствует запоминаемости РС. Мы же в своем исследовании столкнулись с орфографическими нарушениями другого рода.

Большая часть проанализированных образцов наружной рекламы, на наш взгляд, не содержит именно преднамеренных, целенаправленных нарушений орфографических и морфологических норм. Нам встретились лишь орфографические ошибки, имеющие непреднамеренный, случайный характер (рис. 2), либо

ошибки, фиксирующие современные «общепринятые» орфографические и морфологические нарушения, часто встречающиеся и в других СМИ (рис. 3 и 4). И в том, и в другом случае такие ошибки фатальны прежде всего по критерию агитационной силы РС, т. к. расцениваются как проявление неуважения к потенциальным потребителям (хотя отношение респондентов разных возрастных групп к представленным

РС значительно отличалось: негативную реакцию проявили 76 % опрошенных старше 25 лет и только 7 % – младше этого возраста; особенности сегментирования целевой аудитории по возрастным, профессиональным, социальным критериям, безусловно, требуют дополнительного внимательного изучения уже вне данной статьи).

TRUST® НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК ТРАСТ

Раздаем капусту
хватит на всех!

КРЕДИТЫ

- наличными и для бизнеса
- платежи от 1000 руб. в месяц

www.trust.ru
(495) 647-90-44

Рис. 1

Рис. 2

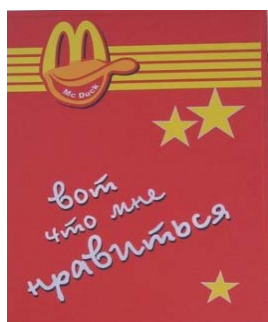

Рис. 3

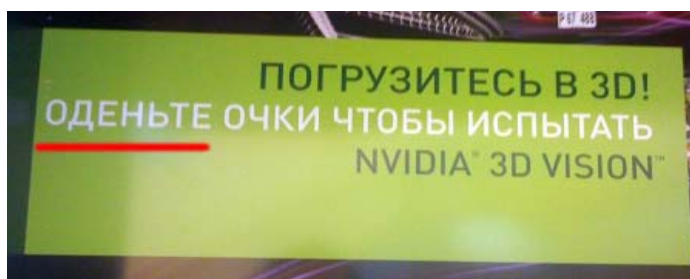

Рис. 4

В более ранних работах нами было выделено три основных направления пунктуационных нарушений в

рекламных текстах: отсутствующие знаки препинания, избыточные знаки препинания, «неудачные» зна-

ки препинания [6, с. 80]. При анализе образцов наружной рекламы мы обнаружили преимущественно пунктуационные ошибки первого типа – отсутствующие знаки препинания (рис. 5). Отсутствие кавычек в данном случае (и других знаков препинания, чаще всего запятых, в других предложенных РС) вряд ли возможно оценить в качестве креативного приема.

При опросе 97 % респондентов, независимо от возраста и других особенностей, «не заметили» отсутствующих знаков препинания, не испытывая никаких затруднений при прочтении. Нам представляется, что краткость текстов наружной рекламы и простота синтаксических конструкций просто «не позволяют» возникать ситуациям непонимания или неоднозначного понимания содержания РС, независимо от его пунктуационного оформления.

Таким образом, что бы ни вызвало пунктуационные нарушения (свободная воля копирайтера или безграмотность исполнителей), у представителей целевой аудитории они не вызывают такой яркой негативной реакции, как орфографические. Пунктуационные нарушения, не создающие ситуации коммуникативной недостаточности, непонимания, многозначности и под., по мнению респондентов, не оказывают влияния на запоминаемость, воспроизводимость и формирование положительного отношения к рекламируемому товару /услуге.

Описанное исследование представляет собой лишь небольшую попытку изучения прагматического аспекта коммуникативной эффективности рекламного

сообщения. Необходима разработка «правил сосуществования» креативности и нормы, шкалы «фатальности» нормативных отклонений; подобные практические исследования пойдут на пользу и рекламной деятельности (прежде всего в области копирайтинга), и практической лингвистике и позволят создавать литературно, нормативно и прагматически «сбалансированные» рекламные сообщения.

Рис. 5

Литература

1. Бернадская, Ю. С. Копирайтинг: уч. пособие / Ю. С. Бернадская. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2003. – 136 с.
2. Блинкина-Мельник, М. М. Рекламный текст. Задачник для копирайтеров / М. М. Блинкина-Мельник. – М.: ОГИ, 2007. – 200 с.
3. Валладарес, Дж. А. Ремесло копирайтинга / Дж. А. Валладарес. – СПб.: Питер, 2005. – 272 с.
4. Назайкин А. Н. Рекламный текст в современных СМИ: практич. пособие / А. Н. Назайкин. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.
5. Пирогова, Ю. К. Критерии оценки коммуникативной эффективности рекламы / Ю. К. Пирогова // Бюллетень финансовой информации. – 1997. – № 6.
6. Тискова, О. В. Пунктуационная нормативность в рекламном тексте / О. В. Тискова // Реклама: история и современность: сб. ст. / отв. ред. Н. Г. Павлова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. – Вып. 4.
7. Тискова, О. В. Соотношение функциональной нормативности и коммуникативной эффективности рекламных текстов (на материале наружной рекламы) / З. Ю. Кияголова, О. В. Тискова // Наука и молодежь 2012: материалы Всероссийской студенческой науч.-практ. конф. [в печати].

Информация об авторе:

Тискова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедр «Реклама и культурология», «Культура и коммуникативные технологии» Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, 8-913-214-3840, olgaT7777@mail.ru.

Tiskova Olga Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Advertizing and Cultural Science and the Department of Culture and Communicative Technologies» of I. I. Polzunov Altay State Technical University.

**ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Н. В. Торчакова, А. Г. Фомин

**THE PROBLEMS OF PHONEMIC AND SEMANTIC LOANWORDS ADAPTATION
IN THE CHINESE LANGUAGE: A DIACHRONIC APPROACH**

N. V. Torchakova, A. G. Fomin

Данная статья посвящена изучению фонетических и семантических заимствований в китайском языке в различные периоды его развития. Дается обзор работ, посвященных проблемам адаптации фонетических и семантических заимствований в китайском языке.

The article deals with the problems of phonemic and semantic loanwords in the Chinese language during different periods of its development. A review of the works on the problems of phonemic and semantic loanwords adaptation is presented in the article.

Ключевые слова: фонетические заимствования, семантические заимствования, адаптация, китайский язык.

Keywords: phonetic loanword, semantic loanwords, adaptation, the Chinese language.

Языки не могут существовать изолированно друг от друга, их взаимовлияние неизбежно. Слова-заимствования – это довольно распространенное явление в системе любого языка. Развитие языка всегда связано с развитием общества, все процессы, происходящие в обществе, отражаются прежде всего на лексическом составе языка. При этом именно заимствованные из других языков слова показывают, насколько данная культура подвержена влиянию иных культур. Данная статья посвящена изучению фонетических и семантических заимствований в китайском языке в различные периоды его развития. Материалом исследования послужили работы ученых, исследовавших заимствования в древнем, среднекитайском и новокитайском языках, а также материал собственных исследований современного китайского языка.

Развитие китайского языка подразделяется на три основных периода:

- древнекитайский язык (XVIII век до н. э. → 3 век н. э. (династии Шан, Чжоу, Цинь, Хань));
- среднекитайский язык (IV век н. э. → XII век н. э. (6 династий, включая династии Тан, Сун));
- новокитайский язык (XIII век н. э. → XX век (включая династии Юань, Мин, Цинь)) [7, с. 200 – 229].

Что касается процесса заимствования иноязычных слов в китайский язык, следует отметить, что на протяжении своего развития китайский язык, как и китайская цивилизация в целом, на протяжении долгого времени оставался закрытым, изолированным языком, развиваясь по своим собственным законам. Учеными выделяется три основных периода наибольшего взаимодействия Китая с другими странами и, соответственно, три периода наибольшей уязвимости языка влиянию других языков. Данные периоды совпадают со временем, когда переводческая деятельность в Китае приобретала наибольшие масштабы. Первая волна приходится на период с конца эпохи Восточная Хань и включает эпоху Сунн (148 – 1127). На протяжении около тысячи лет китайские переводчики занимались переводом буддийской сутры с санскрита, чем и способствовали проникновению в китайский язык индий-

ской культуры и религии, а вместе с этим и большого количества слов из санскрита. Поскольку уровень развития перевода как теоретической науки в то время был очень низок, а переводчики боялись, что перевод будет далек от оригинала, многое переводилось дословно, а несуществующие понятия транслитерировались. Это приводило к очень сложному пониманию перевода буддийских текстов, так как длина слов и количество слогов значительно уступали словам в санскрите. Несмотря на последующую редакцию переводов и дальнейший перевод сутры «по смыслу», а не дословно, санскрит оказал большое влияние на китайский язык, заметно обогатив его лексический состав.

Второй период, а вместе с тем и вторая волна переводческой активности, приходится на рубеж эпох Мин и Цин (середина XVII в.). Этот период характеризуется тем, что в Китай стали прибывать европейские миссионеры, торговцы и путешественники. С одной стороны, таким образом, началось знакомство Запада с китайской философией, историей, литературой, оказав заметное влияние на западную идеологию и культуру. С другой стороны, западная культура также оказала влияние на китайскую культуру, что неизбежно отразилось и в языке.

Третий период, который отличается наибольшим влиянием западной культуры на китайскую цивилизацию, начинается после опиумных войн (вторая половина XIX в.). В это время с Запада в Китай большим потоком хлынула общественно-политическая, художественная и научно-техническая литература. В последующие годы взаимоотношения Китая и остального мира постоянно возрастали вплоть до конца XX – начала XXI вв. Соответственно, третий период – это период активного лексического заимствования из языков стран Запада и России [3].

Существует несколько различных классификаций слов-заимствований в китайском языке, наиболее распространенная и доступная описана в работах отечественных китаистов В. Г. Бурова и А. Л. Семенас, а также в ряде работ зарубежных ученых (Жуйцин Мiao, Карстен Менде, Фэн Чживэй и др.). Заимсткова-

ния в китайском языке подразделяются на четыре основных типа. Фонетические, при котором образование новых слов происходит по принципу передачи звучания, например: 盘尼西林 [pánníxīlín] penicillin (пенициллин). Семантические, когда новые понятия входят и начинают функционировать в языке, а их передача осуществляется путем перевода составляющих его частей, например: 电话 [diànhuà] telephone (телефон). Полусемантические, полуфонетические заимствования характеризуются тем, что часть термина переводится на китайский язык при помощи существующих в нем лексических единиц, а другая часть термина передает звучание, схожее со звучанием в языке оригинала, например: 长吨 [chángdùn] длинная (большая) тонна (=1016,047 кг). Гибридные заимствования включают элементы обоих языков. Здесь звучание и значение передаются в переводе, например: 来复枪 [laifuqiang] rifle (винтовка). Другая часто используемая форма гибридной передачи слов-заимствований – это непосредственное использование элементов обоих языков, например, использование английской аббревиатуры и перевод слова: MPA流量计 MPA flow instrument (расходомер MPA) [1, 4, 5, 8].

Как видно из вышеприведенной классификации, в процессе заимствования и адаптации слов в языке преобладают два способа: фонетический и семантический. Рассмотрим преимущества и недостатки фонетических и семантических заимствований.

Преимущества фонетических заимствований заключаются в том, что: поскольку фонетически слово похоже на слово языка-донора, оно значительно облегчает общение между представителями разных культур; фонетическое слово-заимствование легко воспринимается и запоминается образованными людьми, особенно людьми, владеющими языком-донором.

К недостаткам фонетических заимствований можно отнести: трудность воспроизведения. С точки зрения произношения фонетического слова-заимствования, оно не всегда является привычным и легко воспроизводимым для носителей языка-реципиента, не владеющих языком-донором; письменную фиксацию. Данная трудность характерна для языков с иероглифическим письмом, так как не существует строгих правил письменной фиксации фонетических заимствований, вполне вероятно, что для одного и того же слова будет несколько вариантов его записи иероглифами. Так, например, английское слово SARS (тяжелый острый респираторный синдром, атипичная пневмония) можно записать как 萨斯 [sasi] или как 沙斯 [shasi].

К преимуществам семантических заимствований можно отнести следующие:

– легкость произношения и запоминания. Так как семантически заимствованное слово записывается в языке-реципиенте средствами (словами и морфемами) самого языка-реципиента, то произношение данного

вида заимствований максимально приближенно к привычной фонетической организации звуков и слогов в языке-реципиенте, следовательно, данное слово легко для произношения и запоминания носителями этого языка;

– семантическая наглядность. В силу того, что китайские иероглифы – это идеограммы, значение слова передается уже посредством значения самого иероглифа, что значительно облегчает понимание и запоминание нового слова носителями китайского языка.

К недостаткам относится значительное неудобство в использовании данного слова в международном общении [7].

К одной из основных сложностей в процессе заимствования иностранных слов в китайском языке относится его письменность. Так, невозможно применять такой широко распространенный среди буквенных алфавитных языков способ письменной фиксации заимствованных слов, как транслитерация. С фонетической точки зрения, иероглиф китайского языка – это слог, состоящий из двух частей: инициали и финали; фонетическое заимствование, переданное таким образом, может сильно отличаться от изначального слова в языке-доноре. В зависимости от используемых иероглифов сочетания согласных звуков могут быть разбиты, изменены, а некоторые звуки или даже слоги могут отсутствовать вообще. Данное явление говорит о том, что в процессе адаптации слово-заимствование должно локализоваться в языке-реципиенте в соответствии с фонетическими и иными особенностями китайского языка.

С фонетической точки зрения, сложность также может представлять наличие большого звукового разнообразия в одном языке и его недостаток в другом языке. Фонетический состав различных языков может сильно разниться, далеко не все звуки в языке-реципиенте могут в достаточно точной мере передавать фонетическую оболочку слов языка-донора.

В процессе семантического заимствования трудность заключается в подборе иероглифа, наиболее точно передающего нужное значение. При уровне и стремительности развития науки и техники, иероглифы, уже существующие в языке, не всегда способны передать то значение, которое необходимо. Также не исключена проблема многозначности того или иного термина и его неоднозначного толкования. Однако впоследствии локализация и использование данного термина в языке происходит гораздо быстрее.

Как уже упоминалось выше, семантические заимствования наиболее легко усваиваются носителями китайского языка, этим и обусловлена тенденция к возрастающему количеству семантических заимствований. В более ранние периоды развития языка фонетические заимствования были наиболее характерны. Так, в древнекитайском языке встречаются фонетические заимствования из так называемых Западных районов (в настоящее время это автономный округ Китая Синьцзян и некоторые страны Центральной Азии, такие, как Индия, Персия), а также заимствования из языков других национальностей (не Ханьцы), проживающих на территории современного Китая, в частно-

сти, языка кочевого племени Хунну (匈奴), населявшего степи к северу от Китая [6].

Примеры фонетических заимствований из Западных районов:

琉璃 [liuli] – глазурь, стекло. Данное слово было заимствовано от слова Veluriya из пракрита (любой из индоарийских литературных языков среднеиндийского периода). Фонетически слово изменялось следующим образом: Ve-Luri-Ya → Luri → Liuli.

葡萄 [putao] – виноград. Данное слово было заимствовано от beduwa (виноград) из персидского языка. Для сравнения: в современном персидском языке buda означает «вино».

Примеры фонетических заимствований из языка племени Хунну:

骆驼 [luotuo] – верблюд. Данное слово было заимствовано от слова “dada” из языка кочевого народа Хунну. Фонетически слово трансформировалось следующим образом: “dada” → “dlada” → “lada” → “luotuo” (骆驼).

琵琶 [pipa] – пипа (род лютни), щипковый музыкальный инструмент. Существовало также другое написание этого слова: “枇杷” [pipa]. Это фонетическое заимствование из языка племени Хунну. Однако существует и другая версия происхождения этого слова о том, что название этого инструмента пришло в китайский язык из персидского языка от слова “barbat”, также означающего название музыкального инструмента.

Таким образом, в древнекитайском языке преобладают фонетические заимствования. Однако следует отметить, что для двусложных и многосложных слов уже в древнекитайском языке происходил процесс локализации (адаптация слова в языке-реципиенте), происходили некоторые изменения фонетической оболочки слова, и оно становится более созвучным и удобнотпроизносимым для носителей языка-реципиента.

С VI в. н. э. начинается период среднекитайского языка. Он характеризуется большим количеством многосложных заимствованных слов, а также полусемантическими и полуфонетическими заимствованиями, и все увеличивающимся числом семантических заимствований. Кроме того, данный период ознаменовался приходом Буддизма в Китай, что повлекло за собой огромное количество заимствований из санскрита, большая часть из которых, особенно на раннем этапе, были фонетическими. В этот период происходила локализация некоторых фонетических заимствований, которые, в конце концов, заменялись на семантические, что частично объяснялось труднопроизносимостью, непривычной и, следовательно, сложно запоминаемой фонетической структурой заимствованного слова. Например:

Санскрит	Фонетическое заимствование	Семантическое заимствование
Buddhaksetra	佛陀差但罗 [fotuochadanluo]	佛国 [foguó] (Буддийская страна)
Duta	杜底 [dudi]	信使 [xìnshǐ] (посланник, гонец)
Mayura	摩裕罗 [moyuluo]	孔雀 [kǒngquē] (павлин)

Примеры фонетических заимствований в среднекитайском языке:

佛 [fo] = 浮屠 [futu] – Будда, буддийский монах. Слово было заимствовано из санскрита “buddha”.

魔 [mo] = 魔障 [mozhang] – первоначальное значение «магия, магическая сила», затем значение слова изменилось и стало означать «дьявол». Слово было заимствовано из санскрита “maga” (魔罗 [moluo]).

僧 [seng] – буддист (мужчина). Слово заимствовано из санскрита “samgha” 僧伽 [sengjia].

Примеры полуфонетических и полусемантических заимствований в среднекитайском языке:

彼岸 [bì'ān] – 1) тот (противоположный) берег 2) будд. потусторонняя жизнь (Pāramita). Слово заимствовано из санскрита “para”. 彼 [bì] – фонетический компонент, 岸 [ān] – семантический компонент.

尼姑 [nigu] – будд. Монахиня. Слово заимствовано из санскрита “Bhikhsuni”. 尼 [ni] – фонетический компонент, 姑 [gu] – семантический компонент.

Таким образом, в период среднекитайского языка, несмотря еще на большое количество фонетических заимствований, уже прослеживается тенденция к предпочтению полуфонетических, полусемантических или полностью семантических заимствований, что привело к замене части фонетических заимствований на полуфонетические и, соответственно, более широкому использованию заимствованных слов и закреплению их в китайском языке.

И наконец, период новокитайского языка (с XIII в. н. э.) отличается все большим количеством семантических заимствований в разных сферах жизни – образование, религия, наука, техника, политика, экономика, искусство и т. д. [6, с. 293 – 296]. Заимствования появлялись в китайском языке в основном из европейских языков, через японский язык.

Примеры семантических заимствований через японский язык в области естественных наук и технологии

<i>Заемствованное слово</i>	<i>Японское произношение слова</i>	<i>Значение на английском и русском языках</i>
地质学 [dizhixue]	chishitsugaku	geology (геология)
电报 [dianbao]	denpoo	telegram (телеграмма)
电话 [dianhua]	denwa	telephone (телефон)
工业 [gongye]	koogyoo	industry (промышленность)

Примеры семантических заимствований через японский язык в области политики и экономики

<i>Заемствованное слово</i>	<i>Японское произношение слова</i>	<i>Значение на английском и русском языках</i>
不动产 [budongchan]	fodoosan	immovable (недвижимость)
财团 [caituan]	zaidan	syndicate (синдикат)
金融 [jinrong]	kin'yu	finance (финансы)
人权 [renquan]	jinken	human right (права человека)

Примеры семантических заимствований через японский язык в области культуры и искусств

<i>Заемствованное слово</i>	<i>Японское произношение слова</i>	<i>Значение на английском и русском языках</i>
悲剧 [beiju]	higeki	tragedy (трагедия)
出版物 [chubanwu]	shuppanbutsu	publication (публикация)
漫画 [manhua]	manga	caricature (карикатура)
体育 [tiyu]	taiiku	sport (спорт)

В современный период также наблюдается тенденция к переходу к семантическим заимствованиям, хотя на современном этапе переход осуществляется не всегда естественным путем. Группа гибридных слов-заимствований включает так называемые «буквенные слова», которые были заимствованы в современный китайский язык вместе с понятием, которое оно обозначает [2, с. 15 – 22]. Среди образованных слоев населения, а также в кругу специалистов, данные термины широко употребляются в виде буквенных обозначений. Например: WTO (world trade organization) (всемирная торговая организация), CBD (central business district) (центральный деловой район), GDP (gross domestic product) (валовой внутренний продукт) и CEO (chief executive officer) (главный исполнительный директор). Однако данные обозначения не всегда понятны более широкому слою населения, поэтому некоторые борцы за чистоту языка и некоторые СМИ пропагандируют использование вместо данных буквенных сокращений эквиваленты на китайском языке:

WTO – 世界贸易组织 [shijiemaoyizuzhi] ,

CBD – 中央商务区 [zhongyangshangwuqu],

GDP – 国内生产总值 [guoneishengchanzongzhi],

CEO – 执行总裁 [zhixingzongcai].

Таким образом, сравнительный анализ состояния китайского языка в аспекте заимствований показал, что фонетические заимствования наиболее характерны для древнекитайского языка, когда слово заимствовалось в том виде, в каком оно употреблялось в родном языке лишь с небольшими фонетическими изменениями. В среднекитайском языке, поскольку заимствованные слова становятся все более многочисленными и все более сложными для произношения и запоминания, происходит их локализация: упрощается фонетическая структура и усиливается семантический аспект, в то время как в современном китайском языке фонетические заимствования уступают место семантическим заимствованиям, что облегчает процесс адаптации данного вида заимствований в китайском языке. В современном китайском языке фонетические заимствования встречаются лишь в редких случаях, когда слова имеют простую фонетическую организацию и означают реалии страны, не имеющие аналога в китайском языке и культуре.

Литература

- Буров, В. Г. Китайско-русский словарь новых слов и выражений / В. Г. Буров, А. Л. Семенов. – М.: Восточная книга, 2007 – 735 с.
- Солнцев, В. М. Куда идет китайский язык? / В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева // Китайское языкознание: изолирующие языки: материалы IX Международной конференции. – М., 1998.

3. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода = 汉语翻译理论与实践: учебное пособие / В. Ф. Щичко. – 2-е изд. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 223 с.
4. Carsten, Mende. English in Chinese and Japanese / Mende Carsten // TCWORLD (magazine for international information management), February, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://82.165.192.89/initial/-index.php?id=141>
5. Feng, Zhiwei. Standardization of Chinese Scientific Loanwords / Feng Zhiwei // The Multi-Faceted Nature of Language Policies that Aim to Standardize and Revive Language, Proceedings for 11th International Symposium. – Tokyo; The National Institute for Japanese Language, 2004. – С. 71 – 77.
6. Feng Zhiwei. The Structure of Chinese Loanwords / Feng Zhiwei // The Multi-Faceted Nature of Language Policies that Aim to Standardize and Revive Language, Proceedings for 11th International Symposium. – Tokyo: The National Institute for Japanese Language, 2004.
7. Feng Zhiwei. The Semantic Loanwords and Phonemic Loanwords in Chinese Language / Feng Zhiwei // The Multi-Faceted Nature of Language Policies that Aim to Standardize and Revive Language, Proceedings for 11th International Symposium. – Tokyo: The National Institute for Japanese Language, 2004.
8. Ruiqin Miao. Loanword adaptation in Mandarin Chinese: Perceptual, Phonological and Sociolinguistic Factors: a Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy in Linguistics / Ruiqin Miao. – Stony Brook University, December, 2005.
9. Xing Zhigang. Purity of Chinese language debated / Xing Zhigang // Национальная китайская газета «China Daily» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2004-09/13/content_-373918.htm

Информация об авторах:

Торчакова Наталья Владимировна – соискатель, ассистент кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии КемГУ, 8 (3842) 58-34-97, tortchakova@mail.ru.

Torchakova Natalia Vladimirovna – post-graduate student, assistant lecturer at the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии КемГУ, 8 (3842) 58-34-97, andfomin67@mail.ru.

Fomin Andrey Gennadevich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

УДК 811.161.1+394.91

НЕМЦЫ XXI ВЕКА. КАКИМИ ИХ ВИДЯТ РОССИЯНЕ (результаты анализа русских Интернет-источников) Ю. Н. Точилина

THE GERMANS OF THE XXI CENTURY AS VIEWED BY THE RUSSIANS (an analysis of contemporary Russian Internet sources) Yu. N. Tochilina

Статья посвящена современным стереотипным представлениям о Германии и ее жителях, сложившихся в русской культуре начала XXI века.

The article is devoted to the contemporary stereotypic conceptualization of Germany and its people that has developed in the Russian culture of the XXI century.

Ключевые слова: стереотип, менталитет, концептуальная система, нация, Германия, немцы.

Keywords: stereotype, mentality, conceptual system, nation, Germany, Germans.

Каждый народ имеет типичные черты характера. Для успешного осуществления коммуникативного акта между разными нациями необходимо не только владение языком, но и наличие определенных фоновых знаний, связанных с культурой той или иной страны. С расширением межкультурных контактов в современном мире, с появлением и широким использованием Интернета резко возросли возможности общения людей, относящихся к различным лингвокультурным общностям, повысились требования не только

к уровню владения языком, но и к уровню лингвокультурной компетенции. Самое непосредственное отношение к процессу овладения новым языком/новой культурой в данных условиях имеет проблема использования стереотипов как явлений, упрощающих контакты, и изучение их национально-культурной специфики. Развитие сети Интернет позволяет проследить, какие представления о Германии и ее жителях складываются у россиян в XXI веке. В Интернете созданы информационные порталы о Гер-

мании, форумы и блоги, много интересной информации можно найти в электронных журналах. Анализ различных российских Интернет-источников помог составить определенную картину представлений о Германии и немцах, сложившуюся у россиян в первое десятилетие XXI века.

Российская академия государственной службы при президенте РФ провела в 2005 г. социологический опрос населения РФ. В России было опрошено 2000 человек в возрасте от 18 лет. На вопрос «Какие чувства в целом вызывают у Вас упоминания о современной Германии?» российские граждане ответили следующим образом: 43,9 % оценили эти чувства как «положительные», 32,6 % как «смешанные» (и положительные, и отрицательные), 4,6 % как «отрицательные». Никаких чувств Германия не вызвала у 16,7 % россиян [1]. Форум «Любовь и Ненависть» определил индекс любви россиян к немцам как 3.33 (253 (любят немцев) / 76 (ненавидят немцев)) [2].

Немецкий национальный мир и немецкую концептуальную систему в существенной мере сформировали геополитические и исторические особенности. В Германии можно увидеть восхитительные города, потрясающие воображение пейзажи и разностороннюю культуру. Хотя каждый район имеет свои неповторимые особенности, все немцы имеют много общего и чрезвычайно гордятся страной, в которой живут. Немцы стремятся к процветанию, стремятся преуспеть отцов в уровне быта [2].

Для немцев давними ценностями давно стали порядочность и экономность. Они могут сидеть часами и говорить о немецком прилежании. У немцев есть национальный характер, так как они обнаруживают большее количество общих, чем разделяющих, признаков. Здесь, в первую очередь, глубокая незаинтересованность друг другом. Во-вторых, убеждение, не следует брать что-то, когда люди хотят иметь это сами. И наконец, неудовлетворение собственным существованием. Германия – недовольное общество, оппозиционно настроенное. Каждая группа имеет свою любимую жалобу: академики не довольны телевизионными программами, домохозяйки – магазинами, жены – мужьями. Экономность немцев связана с дороговизной жизни в ФРГ. Около половины зарплаты среднестатистического немца уходит на пенсионное страхование (19,5 %), страхование по болезни (14 % плюс доплаты) и по безработице (7 %). Вместе с тем пожилые немцы особо не экономят, расходуя до 75 % своего дохода [8].

Немцы очень ценят чистоту. Все должно быть чисто и опрятно. Немецкие кухни всегда чистые, как и улицы, и дороги. Во всех общинах, на вокзалах и т. д. есть корзины для мусора. И действительно, немцу не составит труда выбросить туда свой мусор. Если же кто-то случайно бросил мусор мимо, например бумажку, по неосторожности, то другой может ему вежливо сказать: “Entschuldigen Sie, ich glaube, Sie haben etwas verloren!” (Извините, я полагаю, что Вы что-то потеряли). И дело не в том, что немцы моют улицы, а в том, что грязи просто неоткуда взяться. Газоны засажены плотной травкой, плитка и асфальт положены очень аккуратно. Всё ровно отмерено, и каждая мелочь продумана [2].

Самый распространенный стереотип относится к педантичности и любви немцев к порядку. И он совершенно справедлив. Большинство немцев очень уважают порядок. Немцы делают все правильно: правильно и разумно воспитывают детей, правильно выстраивают отношения, правильно относятся к неудачам [2]. ORDNUNG является ключевым немецким культурным концептом. Время и пространство в Германии пропитаны духом строгого порядка. Этому идеалу в Германии подчинены семейная жизнь и бизнес, правительство, свободное время, школьная жизнь. В Германии все функционирует. Нет спешки. Прекрасно организованные дороги, окутавшие сетью всю Германию, причем бесплатные, великолепно налаженные сервис и быт, превосходная туристическая инфраструктура. Понятие Ordnung – неотъемлемая часть стереотипа, создаваемого иностранцами о Германии, это то, что их поражает в немцах. Подчинение времени и пространства порядку – одно из величайших достижений германского общества. В Германии ходят по правой стороне, даже если входят в магазин. Стремление упорядочить все и вся является источником большинства национальных достоинств и недостатков. Любовь немцев к порядку нашла свое отражение и в пословицах: Ordnung ist das halbe Leben (Порядок – душа всякого дела), Ordnung muss sein (Порядок должен быть), Heilige Ordnung, segensreiche Himmelstochter (Святой порядок – благословенный сын небес) и др.

Немцы имеют и одну опасную слабость – одержимость всякое хорошее дело доводить до крайности, так что добро иногда превращается в зло. Это в полной мере применимо к немецкому порядку. Взять хотя бы немецкую бюрократию: по числу правил и регламентации она, может, и не опережает других, но вот по увлеченности их выполнением – едва ли не на первом месте в Европе. Бюрократизм немцев отнюдь не миф. Для того чтобы провести в Германии хотя бы пару дней, иностранец должен заполнить массу форм.

Немцы всегда впадают в крайность. Им недостаёт чувства меры. Их часто заносит и они просто не могут остановиться. Если они испытывают чувство вины, то это просто какое-то уничижительное чувство. Если их охватывает счастье, то начинается такая эйфория! Эта нация обладает очень большой энергетикой, главное, чтобы она была направлена в нужное русло. Метания немецкой души породили великую немецкую философию и метафизику и сделали почти каждого немца глубоким и мыслящим человеком. Это нация с очень сложной и богатой душевной организацией. Немцы очень поэтичны, романтичны и сентиментальны. Любовь немцев к музыке просто удивляет. Причем все их чувства не показные, всё идёт от души [2].

Немцы умудряются найти массу препятствий для самых простых вещей. Существуют «страшные» истории из повседневной жизни немцев: порицание за нежелание развешивать постиранное белье по порядку и размеру, делая это совершенно хаотично; терроризирование соседями за нестриженный газон, попытки же подстричь его привели к новым жалобам, так как делать это в выходные оказалось запрещено [3]. В Германии издается специальный дорожный справоч-

ник пробок, подробно описывающий, где и в какое время их надо ожидать.

Знаменитый немецкий порядок поддерживает закон, поэтому немцы на редкость законопослушны. Всякий, кто когда-либо ехал за немецкой машиной по европейской дороге, поражался ее удивительной точности в исполнении предписаний: можно не смотреть на знаки, скорость немецкой машины всегда в точности им соответствует. Но уж и пропустить тебя не пропустят, порядок для всех один, и любые попытки превысить скорость и нарушить этот порядок будут пресечены на корню [3]. Если где-то образуется очередь, все следят за тем, чтобы никто не пробирався вперед. Германия, наверное, единственная страна, в которой огромное количество разрешающих табличек. И это наводит на мысль о том, что в этой стране все, что не разрешено, видимо, запрещено.

Многие склонны думать, что немцы – грубая нация, но на самом деле они просто прямолинейны. Любой немец почти всегда скажет Вам то, что он в действительности думает. В Германии почитают серьезность и профессионализм. Немцы говорят всегда четко «да» или «нет».

Немцам не хватает теплоты и спонтанной дружбы. Подружиться с немцем не так-то легко. Немцы очень осторожны. Они недооценивают дистанцию между собой и другими людьми. Немцы общаются на больших расстояниях, чем русские, что говорит о более формальном, холодно-вежливом общении. Большинство немцев, кажется, полагают, что зрительный контакт – это слишком интимное отношение к совершенно незнакомому прохожему. Они смотрят с любопытством только на того, кому доверяют. При личном разговоре смотрят своему собеседнику прямо в глаза, иначе считаются неуверенными или "закомплексованными". Но в дружбе они очень верны и надежны. Надежны также немецкие мужчины. Немецкий муж – пример заботы и ответственности. Он знает, что он должен поддерживать жену и помогать ей. И это у них в крови. Он нянчится с детьми, готовит обед, всячески трудится по дому. И смотрят на женщин немецкие мужчины очень уважительно.

Немцы ведут себя в непривычной ситуации раскованно: показывают пальцами или руками на того, о ком говорят, зевают, смеются, пьют, едят, жуют и т. д. [4].

Интерес для рассмотрения представляет также рукопожатие и неофициальные приглашения. Это правда, что немцы используют жест рукопожатия, где бы они не были и с кем бы они не встречались. Рукопожатие считается данью вежливости. Только молодежь и близкие друзья заменяют рукопожатие каким-либо другим жестом. Рукопожатие немцев имеет много общего с русским рукопожатием и не имеет заметных отличий. Однако и здесь существуют некоторые нюансы, на которые нужно обратить внимание. Рукопожатие у русских является прерогативой мужчин; женщины, как правило, не входят в круг лиц, с которыми принято здороваться за руку. По-прежнему встречаются случаи, когда при приветствии мужчины целуют руку женщин, в знак особого внимания и уважения. В немецкой культуре подобные знаки внимания к прекрасному полу практически исключены и

даже могут быть восприняты как неуважение. Рукопожатие, в свою очередь, расценивается как нормальное явление и принято у женщин, поэтому многие русские мужчины недоумевают, когда немки протягивают им руку.

Все виды приглашений можно условно разделить на официальные и неофициальные. И немцы, и русские формулируют неофициальные приглашения в произвольной форме: «Заходите на чашку чая!» – «Kommen Sie doch mal auf eine Tasse Kaffee vorbei!» (В немецком варианте скорее приглашают на чашку кофе). Несмотря на одинаковость формулировок, восприятие такого приглашения русскими и немцами заметно отличается. Так, русские склонны воспринимать подобное приглашение совершенно серьезно и, поблагодарив за приглашение, действительно могут, спустя некоторое время, «заглянуть на чашку чая» к своему немецкому партнеру. Обычно русским не приходит в голову, что подобные приглашения – это лишь вежливая форма сближения. В немецкой культуре действительная встреча обговаривается более конкретно, с датой и временем встречи, поскольку неожиданные визиты у немцев, как правило, исключаются.

Немец на уровне личного общения сильно отличается от немцев как национального объединения и исторической общности. Личное и общественное для немца – вещи разного порядка, причем последнее всегда важнее первого.

В настоящее время в Германии прослеживается тенденция к увеличению пар, живущих вместе в гражданском браке. Разрушение семьи как ячейки общества, резко бросается в глаза. Семейная жизнь в последние десятилетия очень изменилась. Молодое поколение имеет другое представление о семейной жизни, нежели их родители.

Достаточно сложно у немцев дело обстоит с юмором. Не случайно во время уличных праздников выступления ораторов сопровождаются оркестром, который специальным звуком отмечает каждую шутку, иначе очень трудно определить, в каком месте нужно смеяться.

Тот же порядок определил одну из главных слабостей немца – любовь к машинам и разного рода механизмам. Автомобиль для немца – и друг, и любовница, и показатель его социального статуса. В их производстве немцы достигли настоящих высот, покупка следующего по классу автомобиля для них гораздо важнее продвижения по карьерной лестнице (впрочем, эти два фактора всегда взаимосвязаны). Немецких машин в Германии много. Стоят они дороже импортных, зато запчасти обходятся на порядок дешевле. Но в рейтингах популярности все чаще мелькают «японки» и «француженки». При всей любви к регламентации правительство не решилось ввести одно ограничение – скорости на автобанах, и здесь уж немец выказывает всю свою удалость и лихачество.

Нельзя обойти молчанием важнейшую особенность современной немецкой жизни: страсть к путешествиям. Вся Европа сегодня заполнена немецкими туристами. То, что не смог покорить немецкий солдат, сегодня без боя сдалось на милость немецкого туриста. Немцы, в отличие от многих других предста-

вителей западной цивилизации, несмотря на привычный комфорт и удобство жизни у себя дома, совершенно неприхотливы и не боятся трудностей. Немцы с большим интересом и вниманием относятся к чужим культурам, пытаясь понять их, они охотно изучают иностранные языки.

Германия занимает 3-е место в мире по книгопечатанию (после Великобритании и Китая). Самая читающая возрастная группа среди немцев – молодежь 14 – 19 лет.

Важный вопрос для немцев – здоровье. К числу факторов, необходимых для его поддержания, они относят охрану окружающей среды, организацию и благоустройство лечебных курортов, развитие фармакологической промышленности, хороший полноценный отдых, здоровое питание. Пьют немцы только в выходные, по праздникам и на отдыхе. Но пьют с удовольствием и немало. Пьяный немец – явление не такое уж удивительное. Страсть к пиву и умение превосходно варить его – характерная черта немцев, и этим они отличались уже с самых древнейших времен. Уже в средние века пиво считалось одним из основных пищевых продуктов. Пивом Германия славится: более 300 сортов. Немцы называют пиво *flüssiges Brot* (жидкий хлеб). Но пьют его далеко не все и не всякое. Женщины традиционно предпочитают вино или коктейли, мужчины же чаще заседают в тех пивных, которые оборудованы пивоварнями. Немцы – большие любители велосипедов. Согласно специальной концепции Федерального правительства, поддержка этого вида транспорта оказывается на государственном уровне.

Во всем мире известно, что пунктуальность – национальная черта немцев. Пунктуальность означает уважение планов других и равнозначна соблюдению договоренностей. Непунктуальное появление является признаком плохого воспитания и неуважения. Родители требуют от своих детей пунктуальности. Но некоторые немцы не отличаются особой пунктуальностью. И транспорт опаздывает часто.

В Германии любят дискуссии. Немцу часто не хватает способности слушать и ему трудно бывает признавать чужое мнение. В телевизионных ток-шоу бурно дискутируют, громко говорят, прерывают других. Немцы все время ожидают внимания.

Воинственный менталитет немцев, сложившийся ещё в раннем Средневековье, стал меняться после Второй мировой войны в сторону открытости и терпимости к другим народам. Интересно, что сегодня именно старшее и, в некоторой степени, среднее поколение немцев хранят память о войне, об ужасах фашизма, страдают от так называемого «чувства вины» перед народами, пострадавшими в войне. Сегодня существует интересный парадокс: хорошее отношение к русским среди бывших немецких военнопленных и их родственников. По данным статистики ЕС, немцы делают наибольшее количество в Европе добровольных пожертвований.

Германия – сравнительно вежливая страна. Чиновники не грубы, а скорее обходительны. Совсем ненавязчива таможня. Полиция вежлива. В гостиницах персонал действительно готов оказать помощь. В Германии существует истинная законность.

В домах все очень по-немецки аккуратно и очень красиво. Очень многие предметы декора сделаны своими руками – это особенно ценится. Даже в самых маленьких квартирах обязательно есть отдельная спальня. Но квартиры чаще снимают – далеко не все немцы могут себе позволить даже ипотеку. Снаружи все дома белые (особо ценно с черными деревянными перекладинами – этот стиль считается старинным национальным).

Секреты немецкого благополучия [7]. Секрет первый. Немцы все делают с идеальным качеством. Поэтому все, что сделано в Германии, служит долго. Секрет второй. Вся немецкая промышленность рассредоточена по стране – повсюду видны мелкие заводы. Видно, что таким образом немцы ценят труд своих граждан, давая работу даже в мелких городках. Секрет третий. Все заводы Германии экологически чистые. Секрет четвертый. Немцы чтят свои традиции и помнят родственников. Кладбища в Германии очень красивые. Везде горшки с цветами, свечи. Секрет пятый. Немцы абсолютно самодостаточны, в Германии производится все, что нужно для жизни.

Интересны также следующие факты о Германии [5]: в Германии можно не работать и жить на социальную помощь. Правда, очень бедно и скованно, но жить. Берлин второй в мире город по количеству живущих в нем турок. Разность диалектов немецкого языка такова, что телепрограммы на севере страны иногда идут с сурдопереводом, если говорят южане. Если не работать в определенных сферах, не заниматься сомнительной деятельностью, то можно всю жизнь прожить в Германии, ни разу не столкнувшись с явным криминалом. С введением евро большинство цен в Германии взлетели в два раза. Но до сих пор уровень жизни в Германии считается одним из самых высоких в мире. Уровень культуры среднестатистического немца значительно превышает уровень культуры среднестатистического россиянина, зато, как правило, уступает уровень образования. Алкогольное опьянение является смягчающим вину обстоятельством в суде. За исключением дорожно-транспортных инцидентов и должностных преступлений. Все, что относится к необходимому, в Германии очень дешево. Все что относится к удобству и капризам – дорого. По количеству проводимых ярмарок и выставок Германия занимает в мире передовые позиции. Здесь расположены 3 из наибольших мировых ярмарочных территорий.

Германия – одна из немногих стран, которые с помощью различных надбавок и доплат обеспечивают своим гражданам некоторую социальную защищенность. К ним относится и пособие на детей (*Kinder-geld*). Пособие выплачивается на каждого ребенка без исключения, начиная с первого месяца рождения. И после 18 лет получение детского пособия все еще возможно [6]. В Германии и проблем тоже хватает. Немцы недовольны расширением Евросоюза, поскольку поток эмигрантов из более бедных стран хлынул в более обеспеченные, что увеличило преступность. Также в Германии существует и проблема рождаемости [7].

Россияне сегодня осознают, что Вторая мировая война закончилась в XX веке. Все меняется, и люди

тоже. По мнению россиян, современные немцы вынуждены расплачиваться за ошибки предыдущих поколений. Наши соотечественники не забывают и положительные моменты истории: сколько было немцев в русской армии, верой и правдой служивших и не предавших Россию в 1917 году, сколько их было в управлении страной, они благодаря своим способно-

стям справедливо достигали самых высоких постов. Насколько они помогли Русскому государству организовать и укрепиться, как много мы приобрели толковых сограждан с заселением немцами Волги по призыву Екатерины. У большинства россиян уже не возникает ассоциаций между словами «немцы» и «фашизм» [2].

Литература

1. Сайт Российской академии государственной службы при президенте Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inter.rags.ru/node/532>
2. Любовь и Ненависть: форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lovehate.ru/opinions/4378/7>
3. Традиции // Вокруг Света [Электронный ресурс]. – 2003. – № 10. – Режим доступа: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/587>
4. Информационный портал о Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.de-portal.com/ru/kak-ponjat-nemzev/osobennosti-obschenija-v-raznyh-kulturah/prakticheskie-otlichija-nemzy-slavjane.html>
5. Spletnik.ru [Электронный ресурс]: электронное периодическое издание. – Режим доступа: http://www.spletnik.ru/blogs/govoryat_chno/26347_interesnye_fakty_o_germanii/comments/2#comments
6. Блоги Балашова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.balashka.ru/blog/448.html>
7. Весёлый ветер: авторский сайт о путешествиях и отдыхе в разных странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesveter.ru/Germany1.htm>
8. Живой журнал «odi-odi» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://odi-odi.livejournal.com/158120.html>

Информация об авторе:

Точилина Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФИиМО КемГУ, 8 913 303 85 62, totschilina-juli@mail.ru.

Tochilina Yulia Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations of KemSU.

УДК 800:159.9

НЕНОРМАТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПРОЦЕССАХ СЕМАНТИЗАЦИИ КАК КОГНИТИВНО-ДЕСКРИПТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ

У. М. Трофимова

NON-NORMATIVE VARIABILITY IN PROCESSES OF SEMANTIZATION AS A COGNITIVE-DESCRIPTIVE PHENOMENON

U. M. Trofimova

В статье различные сбои в процессах семантизации слов носителями языка рассматриваются через призму скоординированности когнитивных и дескриптивных процессов в речевой деятельности индивида. На материале психолингвистического эксперимента описываются факторы, влияющие на успешность семантизации.

The article presents the results of the psycholinguistic experiment: 50 adult Russian native speakers were asked to give their interpretation of 65 somatisms. It is an attempt to establish the correlation between an individual's descriptive potentions and their principles of the outside world categorization.

Ключевые слова: естественная семантизация, когнитивные процессы, дескриптивные процессы, метаязык толкования.

Keywords: natural semantization, cognitive processes, descriptive processes, metalanguage of definition.

Под *семантизацией* в данной статье понимается результат выявления индивидом значения слова. Интуитивная (возможны варианты *стихийная* по аналогии, например, со стихийной орфографией Н. Д. Голева, или *естественная* по аналогии с естественной письменной речью Н. Б. Лебедевой) семантизация – один из способов интерпретации носителем языка психического значения слова. Интересующее нас явление обнаруживает сходство с письменной речью в

презумпции нормативности. Поэтому даже в психолингвистических исследованиях интуитивная (спонтанная) дефиниция используются как объективный инструмент измерения расстояния между значениями слов (например, [6, 7] и мн. др.). Как правило, вопрос о том, насколько метод спонтанных толкований является достоверным способом установления близости слов в лексиконе, даже не ставится.

Несомненным достоинством антропоцентризма как черты современной лингвистической парадигмы является интерес к проявлению человеческого фактора в языке, что, в частности, реализуется в смещении акцента внимания на «отрицательный языковой материал». В статье мы пытаемся рассмотреть ненормативную вариативность в процессах семантизации как отражающую, с одной стороны, общие тенденции «профанных» метаязыковых суждений, с другой – раскоординированность когнитивных и дескриптивных процессов.

Семантизации (или толкования), а также лексикографическая деятельность, направленная на их создание, являются традиционным предметом дискуссий в лексической семантике. Операциональные дефиниции традиционных толковых словарей, например «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, неоднократно становились объектом критики в лингвистике последних лет (характерные недостатки словарных определений суммированы, например, в статье Н. З. Котеловой [5]). Именно в стремлении преодолеть несовершенство традиционных словарей сформировались основные положения Московской семантической школы.

Толкование слова является продуктом когнитивной деятельности индивида, в ходе которой очерчиваются границы понятия и выявляются его значимые признаки. С другой стороны, в процессе семантизации перед лексикографом стоит задача формирования метаязыка толкования и его синтаксиса (или стратегии) как факторов системного подхода к описанию лексики.

В лексикографии актуальным признается вопрос о значимости для носителя языка тех или иных признаков понятия. Так, по мнению Л. В. Щербы, в нормативном словаре интерпретация смысла лексемы должна соответствовать представлению об объекте «наивного» носителя языка. Например, слово *прямая* Лев Владимирович предлагал толковать как ‘линия, которая не уклоняется ни вправо, ни влево (а также ни вверх, ни вниз)’ [13]. В дефинициях словаря должна отражаться наивная картина мира носителя языка [1].

Исследования способов категоризации как принципов объединения объектов на основе значимых признаков у взрослых реципиентов показало, что для них не характерно строить классификации, основанные на родовидовом принципе (логический навык, большинством приобретаемый в раннем детстве). Гораздо более актуальна прагматическая интерпретация объектов [10], особенно артефактов. В таком случае «необходимым и достаточным» будет являться функциональный признак слова (ср. толкование А. Вежбицкой слова *лодка* как ‘рода объектов, изготавливаемых для передвижения по воде’ [2, с. 202]). В современной семантике описана корреляция между типами объектов и значимыми для них признаками [2], следовательно, вопрос о «необходимых и достаточных» признаках дефиниции хотя бы отчасти решен.

Совершенно иное отношение в системной лексикографии к метаязыку словаря. Существует несколько подходов, однако ни в одном из них не ставится вопрос о психической адекватности метаязыка и синтаксиса толкования. Объясняется это, по-видимому, тем, что продукт метаязыковой деятельности считает-

ся искусственным образованием, отсюда метаязыковая вариативность мотивируется исключительно лингвистическими установками исследователя (грамотностью носителя языка) и является *вторичной* по отношению к когнитивным процессам. Иначе говоря, однажды овладев навыками толкования, далее можно без затруднений их использовать при интерпретации значения.

Принято полагать, что метасемантические процессы формируются уже к 5 – 6 годам (по данным [9]): от эллиптических дефиниций в форме инфинитива или конструкции ‘*потому что...*’, ‘*чтобы...*’ через формирование прообраза родового понятия – ‘*то, что...*’, ‘*тот, кто...*’, наконец, к 5 – 6 годам в детских ответах появляется полноценная дефиниция: ‘*...– это такой/такая...*’. Собранный А. Д. Палкиным материал показывает, что в возрасте 11 – 12 лет школьники уже владеют разнообразными способами семантизации, уместно употребляя тот или иной ее вид [12, с. 110 – 119].

Однако результаты подобного эксперимента, проведенного на взрослых носителях языка, а именно – студентах педагогического вуза – не только не демонстрируют большую лингвистическую компетенцию реципиентов, но, напротив, значительную долю неточных, ошибочных или даже абсурдных толкований.

Ниже будет комментироваться экспериментальный материал, полученный методом интуитивной семантизации от студентов различных факультетов Бийского педагогического университета. В качестве стимулов выступили лексические единицы, номинирующие части человеческого тела, и слова, так или иначе семантически связанные с ними, прежде всего глагольная лексика; особое место в выборке уделялось узкозначным единицам, обеспечивающим системную выделенность соматизмов. В качестве дополнительных примеров используется материал других исследователей, полученный также методом спонтанной дефиниции.

Рассмотрим последовательно различные варианты «ошибочных» реакций носителей языка. Разумеется, некоторые случаи ошибок в толковании объясняются **отсутствием соответствующей единицы в лексиконе носителя языка**. Например, семантизации информантами слова *сервер* как ‘человек, живущий в северной части страны’ или ‘человек, который работает в сервисе’, *виртуальный* – ‘это, может быть, мир, который вертится’ (примеры Е. В. Какориной [3]) указывают на неосвоенность слова, что по отношению к иноязычным новообразованиям ожидаемо. Подобная ситуация складывается при толковании архаической лексики – во всех случаях агноним толкуется с опорой на форму. Здесь, кстати, не проявляется закономерность, установленная физиологами, о различии в работе нейронов при восприятии слова родного языка, квазислова родного языка и слова иностранного языка [8, с. 171]: стратегии толкования заимствованных и архаических агнонимов идентичны, кроме того, носитель языка легко маркирует заимствованное слово как архаизм и наоборот (результаты дипломной работы О. Н. Рехтиной, 2011).

Более удивительным представляется неосвоенность исконно русских слов, описывающих части тела. Отказы в эксперименте получили табуированные (*сосок, лобок, пах, ляжка*) и некоторые малочастотные (*кадык, талия, запястье, лодыжка*) соматизмы, причем если первые маркировались пропуском, то вторые – ответом ‘не знаю’. Невладение этими словами эксплицировано и в реакциях: *талиа* – ‘что-то женское, наверное’, *кадык* – ‘живот’, ‘небольшой отросток в виде язычка колокола, находится в ротовой полости, в глотке’, *ключица* – ‘на спине’, ‘где-то на спине, наверное’. Неожиданно, однако вполне объяснимо, были получены отказы на слова типа *бросать, кидать*: встроенные в именной ряд они не были восприняты носителями языка, что в очередной раз подтверждает синтагматическую обусловленность восприятия слов. Целый ряд узкозначных слов также были неверно интерпретированы: *окладистый* – ‘приветливый’, ‘хороший’, ‘послушный’, ‘хороший характер’, ‘положительный’ (по аналогии с *покладистым*); ‘получающий большую зарплату’, ‘богатый’, ‘много окладов в банке’; *смежить* – ‘сравнить’, ‘измерить’, ‘находить сходства’; *насупить* – ‘налить супа’ (неправильно этимологизируя слово); *уткнуть* – ‘указать на что-л.’, ‘ткнуть в недоделанное’ (по аналогии с *ткнуть*) и т. д. Не исключено, что такого рода реакции проявляют в эксперименте языковую игру реципиентов.

В целом, однозначный отказ для этой группы слов малохарактерен: по всей видимости, в таких известных семантических областях, как части тела, так или иначе маркируются все единицы.

Другой тип ошибок может объясняться **невладением объемом значения** слова. Многие узкозначные слова были охарактеризованы без учета их денотативной фиксированности: *дрыгать* – ‘дергать чем-л.’, ‘шевелиться, делать движения чем-л.’, ‘трясти чем-л.’, ‘смотря чем’; *ерошить* – ‘приводить в беспорядок’, ‘наводить беспорядок в холодильнике’, ‘ставить в непривычное положение’, ‘будоражить воображение’, ‘смотря что’; *смежить* – ‘соединить’, ‘прикрыть’, ‘закрыть’; *клацать* – ‘стучать’, ‘издавать какие-либо звуки’; *расквасить* – ‘разбить’; *пинать* – ‘сдвинуть с места что-л.’; *лакать* – ‘пить’ и т. д. К слову заметим, что в семантизациях информантов проявляется тенденция к расширению объема значения узкозначного слова, также как и к сужению широкозначного. В целом, представленность ошибок такого типа зависит от степени лексической компетенции информанта. Естественно, что студенты-филологи допускали их значительно реже, чем студенты других факультетов.

Таким образом, оба типа описанных «сбоев» в эксперименте имеют *когнитивные* причины. Однако существуют и «ошибки» другого рода.

Несомненно, информанты проявляют различную **степень владения метаязыковыми навыками**, тем не менее, представление о дефиниции имеется практически у всех. Вопреки предполагаемому, в ответах взрослых информантов проявились все формы детской дефиниции: *рот* – ‘чем говорим и едим’, *ухо* – ‘чем слышим’, *челюсть* – ‘чем жуем’, *талиа* – ‘за что обнимаем’, *пятка* – ‘на что наступаем’, *зад* – ‘на чем си-

дим’, *глаз* – ‘тем, чем смотрим’, *ухо* – ‘то, чем слышим’, *грудь* – ‘там находятся соски’, *живот* – ‘там где есть пупок’, *висок* – ‘куда показывают ...’, *грудь* – ‘это то, что ниже шеи’, *губа* – ‘бывает верхняя и нижняя’.

Идентифицирующий признак либо опускается вовсе, либо заменяется дейкисом. Можно было бы предположить несформированность представлений о толковании слова, однако такая семантизация нередко соседствует в анкете с «нормативной». Более того, этот тип толкований совмещается только с функциональной или пространственной категоризацией – основными для частей человеческого тела, т. е. когнитивные и метаязыковые процессы находятся в отношениях дополнительности.

Сходные неточности обнаруживаются и в противоположном случае, когда достаточным для информанта оказывается идентифицирующий признак, осуществляющий пространственную локализацию через другую часть тела: *щека* – ‘часть лица’, *стопа* – ‘часть ноги’, *талиа* – ‘часть туловища’, *бедро* – ‘отдел таза’, *ладонь* – ‘часть кисти’, *ноздря* – ‘часть носа’, *мочка* – ‘часть уха’, *лицо* – ‘голова’, *поясница* – ‘спина’. Семантизируя слово, информант ограничивается ориентирующим признаком, придавая, таким образом, стимулу статус прототипической части *лица, ноги, туловища* и т. д. Объясняется это самой ситуацией эксперимента, где ответ функционально не востребован, в результате чего носитель языка реагирует стимулом «для себя». В игровой ситуации, где от участника требовалось опознать слово по спонтанному толкованию партнера, давались толкования только первого типа: *вентилятор* – Для... чтоб воздух дун-дун; *ваза* – хрустальная, фарфоровая; от цветов, для растений; *гитара* – электрическая/акустическая; шестиструнная/семиструнная и т. д.

Наибольшее количество ошибок и неточностей связано с **отсутствием скоординированности когнитивной и дескриптивной деятельности индивида**. В этом случае информант знает слово, знаком он в целом и с принципами семантизации, однако процессы эти не скоординированы между собой.

Например, слово *затылок* семантизируется как ‘задняя часть лба’. В качестве идентифицирующего признака, «псевдоцелого» называется *лоб*, который этим же информантом верно истолковывается как ‘передняя часть головы’. Появление данной лексемы в семантизации связано с антонимическими отношениями слов *затылок* – *лоб* (противопоставление реализует пространственную оппозицию). В качестве модифицирующего признака назван *задняя*, как наиболее «сильный», реализующий опять же пространственное расположение. Именно это категория оказывается доминирующей для восприятия слова *затылок*. Информант реализовал наиболее значимые признаки: ориентир – *лоб*, расположение относительно него – *задний*. Однако вписал эти признаки в типичную для толкования частей тела конструкцию: ‘пространственный признак + часть + (часть тела – целое)’. Ошибочной оказывается позиция метаслова *часть*. Можно привести целый ряд подобных примеров: *ребро* – ‘передняя часть руки’, *бок* – ‘боковая часть живота’, *щека* – ‘часть рта’ и т. д.). Во всех случаях в

дефиницию включается слово, ассоциативно связанное со стимулом, ему и приписываются свойства целого.

Рассмотрим другой случай проявления раскоординированности метаязыковых и когнитивных процессов. Слово *макушка* толкуется испытуемым как 'верхний *отдел* головы'. Информант использует метаслово, не совместимое с точечностью семантизируемого объекта. Вообще десемантизация метаслов – частотное явление в эксперименте. Носители языка имеют представление о том, что в толкованиях используются слова высокой степени абстракции – метаслова, и активно включают их в дефиницию (*макушка* – часть, отдел; *бок* – вид плоскости, *рука* – хватательный орган), однако несколько деформируя их значения. Метаслово в этих случаях оказывается исключительно *маркером принципа категоризации*.

Информанты допускают свободное использование предлогов: *в* в значении *на* (пупок – находится *в* животе), *между* в «объемном», а не «плоскостном» смысле (*бок* – 'часть тела *между* спиной и грудью'), включение *в/исключение* из дескриптивной зоны крайних точек в конструкциях 'от... – до...' (*туловище* – 'часть тела *от* головы *до* ног'), 'между ... и ...' (*туловище* – 'между головой и тазом') и т. д.

При семантизации соматизма через части (реже целое) могут происходить процессы редукции сем: *туловище* – 'человек без головы'; *кисть* – 'часть руки, состоящая из ладони и пальцев'; *стопа* – 'пятка и пальцы ноги', *голова* – 'это то, что на ней находится, такие части тела, как нос, глаз, губы, уши, мозги, волосы, зубы, язык'. Несмотря на то, что в толковании *туловища* область денотата шире нормативного, речь идет не о наращении, а о редукции сем отрицательного характера. Слово *туловище* вообще, как правило, семантизируется неверно: 'это все тело человека' (нормативное толкование 'тело человека или животного (исключая голову и конечности)'). Данное понятие само по себе символизирует раскоординирован-

ность когнитивных и номинативных явлений, поскольку «для человека привычно с помощью слова выделять объекты внешнего мира на положительной основе» [11, с. 51].

Итак, в метаязыковых процессах отражаются свойства дескриптивной деятельности человека. Тавтологии, содержательный эллипсис, дейктичность и десемантизация метаслов и прочее – элементы разговорной речи – активно используются в метаязыковых конструкциях. На наш взгляд, онтологию этих явлений следует искать в раскоординированности когнитивных и дескриптивных процессов. В основе профессиональной метаязыковой деятельности лежат различного рода логические классификации (отношения по принципу «выше-ниже»). «Профанные» семантизации опираются на установление тождества, смысловой соотнесенности между любыми двумя элементами и для «наивного» носителя языка наиболее органичными будут синонимичные толкования, в позиции синонима в них выступает ассоциативно связанное со стимулом слово. Таким образом, в ходе естественной семантизации не происходит переход на иной уровень обобщения, а метаслово является только маркером принципа категоризации.

Когнитивные и дескриптивные процессы вступают в сложные и противоречивые отношения, являясь в различных ситуациях (порождение/восприятие текста, «для себя» / «для других», профессиональная / профанная метаязыковая деятельность, семантика/синтаксис и т. д.) дестабилизирующим фактором друг для друга.

Процессы раскоординированности между явлениями разных систем не ограничиваются сферой семантизаций. Инерция отдельной из систем антиномии имеет место во всех случаях, когда человек больше думает, чем выражает свои мысли (и наоборот), осваивает новое «для себя» или «для других» когнитивное пространство.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 464 с.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Какорина, Е. В. Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) / Е. В. Какорина // Русский язык сегодня. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 137 – 156.
4. Караулов, Ю. Н. Словарь как компонент описания языков / Ю. Н. Караулов // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – С. 313 – 340.
5. Котелова, Н. З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) / Н. З. Котелова // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 48 – 63.
6. Крисанова, И. В. Полисемия и омонимия в восприятии разновозрастных носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Крисанова. – Кемерово, 2003. – 22 с.
7. Лебедева, С. В. Синонимы или проксимы? / С. В. Лебедева. – Курск: Курский гос. пед. ун-т, 2002. – 202 с.
8. Медведев, С. В. Что знает наука о мозге / С. В. Медведев // Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007.
9. Палкин, А. Д. Возрастная психолингвистика: толковый словарь русского языка глазами детей / А. Д. Палкин. – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 362 с.
10. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина [и др.]. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
11. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 321 с.
12. Шамис, Е. М. Особенности дефиниций значений слов в дошкольном возрасте (на примере имен существительных и местоимений) / Е. М. Шамис // Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком. – М., 2000.

13. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Известия АН СССР. – 1940. – № 3.

Информация об авторе:

Трофимова Ульяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина», 89059861627, umt2005@rambler.ru.

Trofimova Uliana Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department of V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.

УДК 81

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА КОНКУРЕНТНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ В РАМКАХ ДИАЛЕКТНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НИШИ С ФОРМАНТОМ – Н/Я/

И. П. Фаломкина

THE PRINCIPLE OF COMPETITIVE EXCLUSION IN THE FRAMEWORK OF THE DIALECT WORD FORMATION NICHE WITH THE RUSSIAN FORMANT - N/Y/

I. P. Falomkina

Статья посвящена описанию взаимодействия словообразовательных типов в рамках ниши на основе принципа конкурентного исключения.

The article is devoted to the description of word formation types interaction within a niche, based on the principle of competitive exclusion.

Ключевые слова: словообразовательная ниша, словообразовательный тип, пропозиция, фрейм.

Keywords: word formation niche, word formation type, proposition, frame.

Изучение особенностей организации словообразовательной системы обуславливает обращение к словообразовательным нишам – комплексным единицам, созданным на основе словообразовательных типов с одним и тем же основным формантом.

В 60-е годы XX века Й. Л. Вайсгербер вводит понятие Wortnische («словарная ниша»), в качестве иллюстрации которого приводит в пример слова, объединенные одним суффиксом (-ling) и значением «ребенок, незрелое существо», но с различными по частеречной принадлежности мотивирующими: Säugling – «ребёнок, которого кормят грудью» от глагола saugen – «кормить грудью»; Flaschling – «ребёнок, которого кормят из бутылки, искусственник» от существительного Flasche; Zwillinge – «двойняшки» от числительного zwei, Drillinge – «тройняшки» от drei и т. д. Эти существительные, по мнению исследователя, образуют «нишу детского возраста» (Й. Л. Вайсгербер; цит. по [7, с. 54]). М. В. Хитина обращает внимание на лексикологический характер термина «словарная ниша» [9, с. 4].

Необходимость исследования сочетаемости аффикса с мотивирующими разных частей речи отмечает в работе «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания» И. С. Улуханов. Исследователь дает перечень подобных аффиксов и подчеркивает: «Слова, мотивированные словами разных частей речи, но имеющие формально и семантически тождественные аффиксы, можно рассматривать в качестве одной из единиц классификации и описания словообразовательной системы» [8, с. 113]. В Заключении к монографии автор предлагает производные, объединенные словообразовательным значением, но мотивированные словами различных частей

речи, либо рассматривать в качестве особых подтипов (в этом случае исключить из определения словообразовательного типа критерий тождества частеречной оформленности мотивирующих), либо, «сохраняя прежнее определение типа», ввести особый термин для слов с формально и семантически тождественным формантом и рассматривать их рядом в одном «архитипе» или «супертипе». Исследователь полагает, что нельзя «оставлять без внимания большую семантико-словообразовательную близость таких слов (ср., например, *глушить*, мотивированное прилагательным, и *хамить*, мотивированное существительным, и т. п.). Разделяя такие слова на разные словообразовательные типы, приходится, по выражению Е. А. Земской, «резать по живому» [8, с. 242]. При рассмотрении производных с одним формантом, но мотивирующими разных частей речи в одном архитипе появляется возможность продемонстрировать связи и соотношения слов [8, с. 242].

И. А. Шишов, обращаясь к проблеме множественной мотивации, использует понятие «словообразовательного архетипа». Под «словообразовательным архетипом» ученый понимает единицу «классификации словообразовательной системы, включающей в себя ряд типов с тождественным дериватором и характеризующейся наличием у мотиваторов инварианта значения» [10, с. 49].

Р. С. Манучаряном в связи с изучением типологии словообразовательных значений было предложено другое наименование подобных единиц – «словообразовательный макротип» [6, с. 170]. Макротипы, объединяя производные с общим словообразовательным формантом, но различными по частеречной оформленности мотивирующими, имеют ин-

вариантные межтиповые значения, обладающие наиболее самостоятельным, специализированным формальным выражением.

Термин «словообразовательная ниша» для объединений производных слов с одним суффиксом, но мотивирующими различной частеречной оформленности [3] представляется наиболее удачным: с одной стороны, он свидетельствует о том, что слова, включенные в нишу, имеют отношение к деривации (представлены мотивирующими и мотивированными, составляющими разные словообразовательные типы), а с другой – *ниша* указывает на объединение этих производных на основе принципа конкурентного исключения.

Под руководством Р. С. Манучаряна, внесшего в 70 – 80-е гг. значительный вклад в развитие теории русского словообразования, в последние годы написаны две кандидатские диссертации: М. В. Хитиной и О. А. Аладына. Развивая идеи Р. С. Манучаряна, авторы исследуют разные типы субстантивов в пределах макротипа. В работе М. В. Хитиной дано структурно-системное описание суффиксальных производных с предметно-конкретным значением в аспекте продуктивности с учетом новообразований; выявлены лексический центр и периферия; описана лексико-словообразовательная синонимия функционирующих в русском литературном языке словообразовательных типов на *-ник*, *-щик*, *-ак*, *-ач*, *-ун*, *-арь* в составе более крупных объединений – макротипов; установлена типовая структура каждого макротипа, качественная характеристика этих единиц совмещается с количественной, выделяются доминантные типы внутри макротипов. Дается характеристика словообразовательно-семантических подтипов внутри типов. Теоретической и практической базой исследования становится описание словообразовательных типов и подтипов, содержащихся в Русской грамматике-80 [9].

Практически те же задачи ставятся и выполняются в работе О. А. Аладына на материале суффиксальных словообразовательных макротипов имён существительных со значением собирательности и отвлечённости [1].

В кандидатской диссертации Т. В. Ковалевой [5] с когнитивных позиций анализируются словообразовательные типы с одним заимствованным формантом *-атор*, *-тор*. Автор описывает особенности пропозиционально-семантической организации типов с *-атор*, *-тор*, определяет критерии вхождения типов в деривационную систему русского языка. При этом выявляются особенности их взаимодействия на уровне словообразовательной синонимии, описываются полимотивационные процессы, пронизывающие типы, анализу также подвергаются многозначные дериваты. Одной из задач исследования является характеристика словообразовательных типов с *-атор* в границах словообразовательной ниши. Выбор этой деривационной единицы обосновывается следующим образом: большая часть дериватов мотивируются глаголами на *-ировать*, *-изировать* (не периферии *-овать*) и отглагольными существительными на *-ция*, *-ния*. «В силу того, что именуемые производными с *-атор* субъекты, приборы, орудия, называемые по производимому ими

действию, дифференцируются по другим свойствам, не указанным в семантике глагола, в русском языке появляются сложные слова и устойчивые словосочетания (центром которых являются отглагольные субстантивы с *-атор*), эксплицирующие эту дифференциацию. Ср.: *механизатор – гидромеханизатор*». Мотивирующие глаголы и отглагольные существительные обладают разветвленной сетью семантической сочетаемости. С точки зрения автора, словосочетания представляют собой переходную ступень к формированию сложных слов: *электрический генератор – электрогенератор*. В связи с этим, полагает Т. В. Ковалева, требуется расширение понимания словообразовательной ниши: включения в нее, помимо производных, оформленных одним формантом с исходными мотивирующими разными частями речи, сложных слов и устойчивых словосочетаний [5, с. 46 – 48]. Подобное понимание словообразовательной ниши обусловлено спецификой исследуемых производных на *-атор*, а именно «эмбриональным» состоянием словообразовательных типов с формантом *-атор*, только входящих в деривационную систему русского языка.

Пропозиционально-фреймовый подход к моделированию словообразовательной ниши с формантом *-ищ/е/* на уровне диалектной макросистемы, проявляющей максимум ассоциативного творчества наивного сознания, представлен в работе Л. А. Араевой [4]. Исследователь делает вывод о том, что «анализируемая словообразовательная ниша специализируется прежде всего на формировании имен мест по объекту, в меньшей степени – по действию и времени. Объект при этом выступает в роли засеянного либо убранного с места (сельскохозяйственные культуры), нахождения на месте, являясь меткой места, либо ранее находящегося долгое время на этом месте» [4, с. 155].

По сути дела, уже в кандидатской диссертации исследователь при характеристике мотивирующих классов предпринимает попытку описания того, как один и тот же суффикс стремится к преимущественному оформлению тематически объединенных производных, образованных от мотивирующих различных частей речи [2]. Описание мотивирующих классов, образующих производные одной темы, выполнено в ономазиологическом аспекте, являющемся, по выражению Е. С. Кубряковой, предтечей к когнитивному исследованию производных единиц. Используя современную терминологию, семантические объединения производных, в основе которых находятся мотивирующие классы слов, можно квалифицировать как фреймы, устроенные по пропозициональному принципу.

Принцип конкурентного исключения был сформулирован применительно к экологическим нишам и гласит, что «полные конкуренты не могут существовать бесконечно». Если же два вида сосуществуют, то между ними есть какое-то принципиальное экологическое различие. Аналогичные законы действуют в деловых, рыночных нишах. Словообразовательные типы, образующие нишу, на наш взгляд, находятся в состоянии некоего равновесия, дополняя друг друга.

Принцип вскрывается при анализе пропозиционально-семантической и фреймо-семантической орга-

низации словообразовательной ниши. Так, во всех типах, за исключением словообразовательного типа «Наречие + -н/я/», образуются производные со значением средства. Однако отглагольные названия средства с помощью форманта -н/я/ образуются чаще, чем отсубстантивные. Это объясняется тем, что при наименовании инструмента наиболее значимой становится его предназначенность для выполнения определенного действия, использования для проведения каких-либо работ. Отсубстантивные производные со значением средства именуют чаще более примитивные приспособления, необходимые в быту. Дериваты, мотивированные глаголами, называют более сложные орудия, применяемые в производственной сфере.

При наименовании орудий, используемых в определенном промысле (например, рыболовстве), названия более сложных снастей образуются от глаголов (*лѣжня* «часть атармы в виде скрепленных параллельно бревен, по которой идет рыбак проверить атарму (рыбозаградительное сооружение)» (Том.), *мотня1* «часть невода в виде мешка, куда попадает при ловле рыба» (Том.), *посадня* «верхняя и нижняя тетива рыболовной снасти (невода, волокуши)» (Дон.)), простых – от существительных и прилагательных (*рожня2* «березовый кол с леской и крючком для зимней ловли налимов» (Олон.), *отметня1* «большой крючок для ловли крупной рыбы» (Арх.), *отметня2* «большая удочка» (Арх.), *отметня3* «устройство для ловли щук из вбитых наклонно кольев с привязанными к ним длинными крючками, наживляемыми мелкой рыбой» (Арх.)).

Производные со значением результата несколько чаще образуются в рамках словообразовательного типа «Существительное + -н/я/», чем от глагольных основ или от основ имен прилагательных. Так, пища в основном именуется по ингредиенту, а не по способу приготовления. Видимо, компонент кушанья в большей степени определяет его вкус, чем то, как он приготовлен. Цвет или консистенция пищи тоже не всегда свидетельствуют о вкусовых особенностях.

Кроме того, функционирование дериватов, мотивированных разными частями речи, позволяет охарактеризовать те или иные объекты, используемые в одной сфере, по нескольким признакам, имеющим утилитарную значимость. Например, отсубстантивы называют посуду по объекту назначения (хранения), по результату (приготовленному продукту), девербативы – по назначению или способу изготовления, отадективы – по размеру, дериваты с мотивирующими именами числительными – по количеству составляющих частей: *оладня* «сковорода, на которой обычно пекут оладья». – *Оладня-то большая, да и семья не маленькая* (Забайкал.); *махотня* «глиняный горшочек» (Ряз., Тамб., Тул.); *жаровня1* «чугунная или глиняная посуда (обычно с крышкой) круглой или продолговатой формы для жарения или тушения (мяса, дичи, картошки и т. п.) в вольной печи» (Зауралье, Калуж., Курск., Нвсб., Пенз., Ряз., Смол., Том., Тул., Урал.). – *Гуся в жаровне жарили. В жаровне картошку жарили бывало* (Смол.); *жаровня2* «противень» (Новг., Моск., Курск., Свердл.); *крошевня* «корыто, в котором размельчают, крошат корм для скота» (Забайк.), *шкварня* «сковорода». – *Пожарь мяса на шкварне*

(Смол.); *махотня* «глиняный горшочек» (Ряз., Тамб., Тул.); *двойня9* «приспособление для переноски кушанья в виде двух горшочков, скрепленных общей ручкой» (Смол.). Лодки именуются отглагольными производными по назначению и способу изготовления, отсубстантивными – по сходству с предметом быта, с мотивирующими числительными – по назначению через количественный признак (по числу лиц, для которых предназначены). Заметим, что, как правило, наименования лодок образуются все же от глагольных основ, для носителя языка важно отметить предназначение лодки для определенного действия: перевозки, скота, людей, завозки якоря, невода.

Что касается производных с ядерным для словообразовательной ниши значением «помещение», то отсубстантивы преимущественно называют примитивные постройки, используемые для содержания животных или хранения сельскохозяйственной продукции (исключения составляют производные, мотивированные названием лица определенной специальности): *голубня* «пустое место под печью, где иногда зимой держат кур» (Волог.), *конюшня1* «помещение (обычно утепленное) для скота» (Заурал., Ленингр., Новг., Пенз., Свердл.), *конюшня2* «помещение для содержания лошадей» (Верш.), *коровня* «хлев для коров» (Влад., Курск., Нвсб.), *круляшня* «крючатник» (Ср. Урал), *лошадьяня* «помещение для лошадей, конюшня» (Курск.), *овечня1* «хлев для овец» (Кем.), *пелёвня1* «сарай для мякины – пелевы, соломы, сена» (Волог.), Калинин., Костром., Новг., Петерб., Тамб., Твер., Яросл.), *пелёвня2* «сарай для сельскохозяйственных орудий» (Калин.), *телушня* «постройка для хранения телег» (Карел.), *хомутарня* «огороженная часть конюшни для хранения упряжи» (Смол.) и др. Девербативы ориентированы на именование помещений, в которых протекают более сложные производственные процессы: *опальня* «о ткацком производстве – помещение, где опаливается ткань (для удаления волокон, выступающих над ее поверхностью)» (Моск.), *валяня1* «валяльная мастерская» (Орл.), *воротня2* [удар?] «инструмент для удаления стружки при долблении» (Том.), *пекарня* «небольшое предприятие по выпечке хлеба» (Верш.), *огородня2* «приспособления для поднятия судна (при его починке), состоящее из сложенных костром брусьев с бревном наверху, в которые упираются толстые колья, выполняющие роль рычага» (Арх.), *сколотня2* «брус для скрепления ткацкого станка» (Алтай), *парня5* «мастерская для сушки с помощью пара полозьев, колесных ободьев» (Том., Кемер.), *толчня* «станок для размягчения волокна» и др. Дериваты, мотивированные числительными, отсылают к способу строения (*двойня1* «изба из двух отдельных срубов» (Волог., Арх.), *двойня2* «дом-пятистенки, состоящий из зимней половины с печью и летней – без печи» (Арх., Волог.), *двойня3* «летняя или зимняя половина избы, как правило из двух комнат» (Арх., Волог.), *двойня4* «двухэтажный дом» (Арх.)), мотивированные прилагательными – указывают на местоположение части помещения относительно всего строения (*задня1* «первая комната в крестьянском доме» (Краснояр.), *передня1* «передняя часть дома» (Влад., Иркут.), *передня2* «чисто, хорошо обставленная комната в крестьянском

доме» (Краснояр.), *серёдня* «средняя комната в связанном доме» (Нвсб., Арх., Иван.)).

Принцип комплементарности обнаруживается также при анализе словообразовательно-пропозициональных синонимов, функционирующих в рамках ниши.

Словообразовательно-пропозициональные синонимы обозначают один и тот же предмет, но при этом мотивирующие акцентируют внимание на том ином прагматически значимом аспекте.

Анализ диалектного материала по данным словарей и проведенные в кемеровских говорах эксперименты в позволили А. А. Шумиловой обнаружить «большое количество производных слов, обладающих общим лексическим значением, называющих один объект действительности, но различающихся на уровне пропозиций» [11, с. 64], что обуславливает словообразовательно-пропозициональную синонимию как онтологическое свойство русского языка, проявляющее механизм работы мозга. Исследователь обосновывает наличие данной метаязыковой категории следующим образом: «Возможность существования пропозициональных синонимов обусловлена тем, что данная пропозиция имеет место в сознании говорящего и свойственна конкретному концепту, поэтому в разных концептуальных пространствах количество и виды пропозиций будут индивидуальными, а значит и количество синонимов во внутренней «языковой вселенной» человека будет специфичным» [11, с. 65].

Опираясь на методологическое обоснование данной метаязыковой категории, разработанное исследователями, работающими в рамках Кемеровской дериватологической школы, представим выявленные словообразовательно-пропозициональные синонимы в пределах фреймов анализируемой словообразовательной ниши.

В рамках фрейма «Животноводство» как словообразовательно-пропозициональные синонимы могут

выступать производные *колоко́льня*², *бызо́ня*, *перехо́дня*, а также *бу́рëня*, именующие корову.

Производные *скотня́1* и *летня́2* могут в высказывании обозначать одно и то же помещение с акцентом на объекте назначения либо на времени использования.

Пастбище в пределах ниши называется как по субъекту, который пасет стадо – *пастушня́1*, так и по способу ограждения – *горо́жня1*, *городня́1*.

Производные *битовня́* и *коже́вня* означают одно и то же помещение по разным основаниям, в первом случае – по совершаемому в помещении действию, во втором – по результату действия.

Производные, означающие еду, приготовленную из яиц (*яичня́*, *яишня́*), могут быть синонимичными деривату *пастушня́2* (пища для пастуха).

В границах фрейма «Рыболовство» производные *рыбня́2* и *садовня́2*, *садня́* являются словообразовательно-пропозициональными синонимами. Обозначая один и тот же предмет, дериваты называют его либо по объекту назначения, либо по назначению.

Дериваты *гребня́*, *лопашня́*, *лопарня́* могут называть один и тот же предмет (весло) по действию и по составляющей части.

В пределах фрейма «Приготовление пищи» как синонимы используются дериваты *квашня́1* и *долбня́2* «долбленая посуда, обычно используемая как квашня».

Производные *сковоро́дня1* и *жарня́*, в принципе, могут обозначать одну и ту же пищу, которая является жареной на сковороде.

В рамках фрейма «Перевозка» производные *полоня́* и *ложня́3*, обозначают дорогу, проложенную полозьями саней, то есть по средству и действию.

Таким образом, словообразовательные типы, характеризующиеся частеречной разнооформленностью исходных единиц, находятся в состоянии комплементарности, взаимодополнения, вербализуя различные актантные позиции мотивирующих в границах пропозициональных структур в пределах общих фреймов.

Литература

1. Аладьин, О. А. Словообразовательные макротипы собирательности и отвлеченности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / О. А. Аладьин. – М., 2010. – 270 с.
2. Араева, Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора: дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Араева. – Томск, 1981.
3. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров): дис. ... д-ра филол. наук / Л. А. Араева. – Кемерово, 1994. – 452 с.
4. Араева, Л. А. Словообразовательная ниша как экспликатор механизма восприятия и систематизации мира обыденным сознанием (на материале диалектных производных с -ище) / Л. А. Араева // Актуальные проблемы современного словообразования: мат-лы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – Вып. 2. – С. 149 – 156.
5. Ковалева, Т. В. Производные с -атор/-тор в деривационной системе русского языка: когнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Ковалева. – Кемерово, 2004. – 190 с.
6. Манучарян, Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках / Р. С. Манучарян. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.
7. Степанова, М. Д. Словообразование, ориентированное на содержание, и некоторые вопросы анализа лексики / М. Д. Степанова // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1966. – Вып. 6.
8. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
9. Хитина, М. В. Суффиксальные словообразовательные макротипы существительных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / М. В. Хитина. – М., 2006. – 227 с.

10. Ширшов, И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке / И. А. Ширшов. – Ростов на/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1981. – 117 с.
11. Шумилова, А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка) / А. А. Шумилова. – Кемерово: КемГУ, 2010. – 199 с.

Информация об авторе:

Фаломкина Ирина Павловна – ассистент, кандидат филологических наук КемГУ, 8(3842)31-09-72, falomkina@mail.ru.

Falomkina Irina Pavlovna – Assistant Professor, candidate of philological sciences KemGU.

УДК 81'23

СЛОВО-СТИМУЛ СНОБИЗМ / SNOBBISM В ВОСПРИЯТИИ РОССИЯН И АМЕРИКАНЦЕВ

А. Г. Фомин, Н. С. Якимова

WORD-STIMULUS SNOBBISM IN RUSSIANS' AND AMERICANS' PERCEPTION

A. G. Fomin, N. S. Yakimova

В статье рассматривается структура ассоциативных полей слов-стимулов «снобизм» и «snobbism» в языковом сознании россиян и американцев, анализируется потенциал психолингвистического метода свободного ассоциативного эксперимента как инструмента изучения лингвокультур. Данные ассоциативных экспериментов могут использоваться при подготовке к межкультурной коммуникации.

The paper covers the structure of associative fields of the words-stimuli «снобизм» and «snobbism» in Russians' and Americans' verbal consciousness. The potential of verbal associative experiment method as a means of studying languages and cultures is analyzed. The verbal associative experiments data can further be used when preparing for intercultural communication.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этнопсихолингвистика, языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент.

Keywords: intercultural communication, ethnopsycholinguistics, verbal consciousness, verbal associative experiment.

Основным средством общения для людей является язык, при помощи которого коммуниканты кодируют и декодируют сообщения. В ситуации межкультурной коммуникации язык можно рассматривать как основной специфический признак этноса, который, с одной стороны, при общении между представителями одного этноса, выступает как главный фактор этнической интеграции. С другой стороны, в ситуации межкультурной коммуникации язык становится основным «этнодифференцирующим признаком этноса» [12, с. 15].

Ю. С. Яценко трактует межкультурную коммуникацию как коммуникацию между народами-носителями разных языков и культур или между отдельными их представителями [13]. Чаще всего участники межкультурного общения демонстрируют высокий уровень владения иностранным языком, но в силу того, что они имеют разную культурную принадлежность, одним и тем же языковым и речевым формам они приписывают разные значения: в этом и заключается особенность межкультурного общения [1, с. 8]. Следовательно, для достижения взаимопонимания в процессе межкультурного общения недостаточно знаний лексической и грамматической систем иностранного языка; необходимо также иметь представление об этнокультурно-маркированных особенностях употребления языковых единиц.

Е. Ф. Тарасовым было сформулировано положение о том, что основная причина непонимания в про-

цессе межкультурного общения заключается в различии языкового сознания коммуникантов [11, с. 45 – 54]. В концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина языковое сознание рассматривается как часть коммуникативного сознания, являющегося основным компонентом когнитивного сознания нации [6, с. 29].

И. А. Стернин также говорит о коммуникативном сознании нации и, в частности, отмечает, что «понятие об ограниченном коммуникативном суверенитете личности» является рациональной чертой русского коммуникативного сознания [9, с. 87 – 94]. Таким образом, для русских считается допустимым вторжение в коммуникативное пространство любого человека в любых обстоятельствах, например, русские легко могут начать говорить с незнакомцем, отвлечь человека от его дел беседой. В то же время ключевым в американской культуре является лакунарное понятие *privacy*, подразумевающее недопустимость вторжения в чужое личное пространство, а также уважительное отношение к чужому времени [4, с. 178 – 179].

И. В. Привалова оперирует понятием «этноязыковое сознание», которое она определяет как «культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии». Данный феномен шире языковой картины мира, поскольку в него, наряду с осознанным и вербализованным знанием, включается также неосознанное [7, с. 10].

К языковым репрезентантам, служащим для «овнешнения языкового сознания» Е. Ф. Тарасов относит: слова, свободные и устойчивые сочетания, предложения, тексты и ассоциативные поля [10]. Следовательно, именно эти единицы должны изучаться при освоении иностранного языка с целью дальнейшего использования в межкультурной коммуникации. Изучая иностранный язык с целью дальнейшего межкультурного общения, необходимо обращаться не только к грамматикам, но и к двуязычным и толковым словарям, и к ассоциативным словарям, а также к материалам кросс-культурных исследований.

Уникальным средством исследования языкового сознания является проведение ассоциативных экспериментов, в ходе которых респондентам предлагается записать за ограниченное время все реакции, вызванные у них предложенными словами-стимулами. Согласно психолингвистической концепции, интеллектуальное речевое поведение подразумевает осознанный выбор одной из множества реакций на имеющуюся реакцию-раздражитель [5]. Выбор реакции на слово-стимул при проведении ассоциативного эксперимента также можно трактовать как речевое действие, которое является культурно-маркированным и позволяет судить о модели поведения исследуемой языковой личности в ситуации, вызванной предложенным словом-стимулом. Все реакции, полученные на слово-стимул, составляют его ассоциативное поле, которое является «внешней формой существования образов сознания» и, следовательно, служит инструментом объективации этих образов [10]. Поэтому результаты экспериментального исследования, описание которого приводится ниже, представляют собой срез языкового состояния общества и являются ориентиром при определении языковой политики данного общества. Поскольку по условию эксперимента все респонденты являются носителями языка, результаты эксперимента могут служить универсальным источником информации о синтагматических и парадигматических связях слов в языке и основных особенностях словоупотребления, являя «фрагмент языка в его предречевой готовности» [3, с. 751].

Соотнесение русской и американской лингвокультур в контексте психолингвистического исследования позволяет собрать достаточное количество достоверной информации об особенностях коммуникативного поведения, а также о структуре образов языкового сознания россиян и американцев. Компаративное исследование этих двух культур представляет огромный интерес для антропологов, лингвистов и социологов. Сравнение русской и американской этнолингвокультур представляется нам целесообразным потому, что эти этносы легко сопоставимы по геополитическим масштабам, а также по экономической роли в обществе и степени мирового влияния. К прочим сходствам русской и американской культур можно отнести многочисленность и разнообразие этноконфессионального состава и богатое поликультурное наследие.

Формирование единой нации в условиях этнического и культурного разнообразия России и США обусловлено наличием единого языка, который является «консолидирующим фактором» [4, с. 91]. При

этом языковые системы русского и английского языка в его американском варианте демонстрируют структурное различие и оппозицию (флективный / аналитический язык) и представляют обширный материал для компаративного лингвистического исследования.

В настоящей статье мы приводим результаты свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие россияне и американцы – студенты Кемеровского государственного университета и университета г. Лок-Хэйвен (Пенсильвания, США). Для обеспечения достоверности полученных результатов при отборе респондентов учитывались следующие критерии: возраст: 18 – 28 лет, период вторичной социализации личности; средний возраст россиян – 19,52 года, американцев – 20,16 года; социальный статус: все респонденты были студентами гуманитарных факультетов очной формы обучения; родной язык: российские респонденты являлись носителями русского языка, американцы – носителями американского варианта английского языка.

В рамках свободного ассоциативного эксперимента респондентам предъявлялись списки слов-стимулов и было предложено записать все возникающие в связи с ними реакции. Количество ассоциатов не ограничивалось, однако было ограничено время эксперимента.

Материалом исследования являлись данные, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *снобизм* / *snobbism*. Данные о составе ассоциативного поля этого слова-стимула и, следовательно, о представлениях россиян и американцев о снобах и их типичном поведении может быть исключительно полезно при межкультурном общении.

Словарные толкования понятий *снобизм* и *snobbism* практически идентичны. В толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой приводится следующее толкование: «СНОБИЗМ: Поведение, манеры, образ мыслей, присущие снобу», «СНОБ: Тот, кто слепо подражает тому, что принято в обществе. Тот, кто претендует на изысканно-утонченные вкусы и манеры, на особый, исключительный круг знаний и интересов» [2]. Идентичное толкование приводится и в словаре английского языка: «SNOB: 1. a person who imitates, cultivates, or slavishly admires social superiors and is condescending or overbearing to others. 2. a person who believes himself or herself an expert or connoisseur in a given field and is condescending toward or disdainful of those who hold other opinions or have different tastes regarding this field: a musical snob» [14]. Аналогичные толкования можно встретить и в других национальных толковых словарях.

Снобизм – это личностное качество или особенность индивидуального коммуникативного стиля, которая оказывает непосредственное влияние на характер общения. Личностные качества собеседника – один из ситуационных факторов, регламентирующих характер общения, которые наряду с личностными и общественными факторами составляют экстралингвистический контекст коммуникации и обуславливают необходимость выбора определенных вербальных средств выражения (либо сознательного отказа от общения) как формы деятельности [15]. В рамках

кросс-культурного общения знания о том, какое именно поведение, в том числе и коммуникативное, воспринимается представителями иной культуры как *снобизм*, позволит избежать подобного поведения. Таким образом, поведение коммуниканта, информированного о данных особенностях, не приведет к коммуникативной неудаче, агрессии со стороны собеседника или отказу от общения.

Даже количественные показатели результатов ассоциативного эксперимента (табл. 1) свидетельствуют о различиях в восприятии этого слова россиянами и американцами. Количество участников эксперимента двух национальностей было почти равным (101 русский и 102 американца). Однако количество реакций американцев существенно превосходит количество реакций россиян, что может свидетельствовать о большей релевантности данного понятия для данной лингвокультуры. В ответах россиян также необходимо заметить очень большое количество отказов (25 %). Очевидно, респонденты просто не знают или слышали, но не понимают это слово. Это свидетельствует о том, что самое понятие *снобизм* не является актуальным для современных россиян. Вероятно, поэтому среди частотных реакций россиян на данное слово-стимул встречается повторяющийся ассоциат *англичане*. В то же время, в реакциях американцев присутствует единичный ассоциат *America*. Наиболее частотной реакцией на слово-стимул *сноб* по данным РАС также является отказ от реакции [8].

Реакции россиян также характеризуются крайне низкой степенью стереотипизации – процентом идентичности реакций, рассчитываемым как обратное отношение количества различных реакций к общему количеству реакций по формуле:

$$St = 1 - \frac{n_{dif}}{n_t} \times 100\%,$$

где *St* – показатель степени стереотипизации реакций; *ndif* – количество вариантов различных реакций; *nt* – общее количество реакций на слово-стимул. В российской группе респондентов степень стереотипизации реакций – 18,75 %, в американской группе этот показатель в 2 раза больше – 37,03 %. Более высокая степень стереотипизации ассоциаций также свидетельствует о большей однозначности отношения к данному понятию в американском обществе и культуре, а также о большей распространенности и релевантности данного феномена.

Таблица 1

Количественные показатели реакций респондентов на слово-стимул СНОБИЗМ / SNOBBISM

	<i>Россияне (n = 101)</i>	<i>Американцы (n = 102)</i>
Всего реакций на слово-стимул	96	135
Различных реакций	78	85
Единичных реакций	67	65
Отказов	25	4

Анализ реакций, составляющих ассоциативное поле исследуемого слова-стимула (таблица 2), также свидетельствует о большей актуальности данного феномена для американской культуры. В частности, об этом можно судить по количеству реакций, соотносимых с личным опытом респондентов: 1 у россиян (*мой бывший школьный преподаватель*) и 5 у американцев (*a girl I knew from high school; Alex; Brad; grandma; my cousins*).

Таблица 2

Реакции респондентов на слово-стимул СНОБИЗМ / SNOBBISM

Россияне (n=101)	Американцы (n=102)
жадность (8); высокомерие (5); англичане (3); богач (3); занудство (3); одиночество (3); отвращение (3); скука (3); ханжество (3); недостаток (2); аристократия; возвеличивание себя, хотя на самом деле это не так; глупость; ерунда; жадина; животное; жлобство; жмот обыкновенный; замкнутость; зима; золотая молодежь; интеллект; кошелек; кровать; лето; мажорство; мелочность; мой бывший школьный преподаватель; морализм; надуманность ситуации; напыщенность; не знаю что это; не умно; не я!; нейтралитет; неоправданная гордыня; неприятие; неприятно слушать и общаться; нос; нудизм; педантизм; пиджак; плохо и хорошо; приводит к ограниченности общения; ;противно; раздражение; редиска (плохой человек); самомнение; самоуверенность; свойственен многим; скандал; скучность; слаборазвитость; смех; смокинг; сонливость; страх; стремно; сумрак; сундук; толстый кошелек; тупое явление; узость взглядов; умиление; хвастовство; человек; чистота; чопорность; я не знаю значение этого слова.	stuck up (18); rich people (9); girls (7); think you are better than anyone else (6); rude (5); rich (4); jerk (3); mean (3); arrogant (2); attitude (2); better than (2); bitches (2); brat (2); cheerleader (2); cocky (2); condescending (2); disrespectful (2); full of oneself (2); inflated ego (2); money (2); nose in air (2); selfish (2); snotty (2); 2 shoes; a girl I knew from high school; above; Alex; all about yourself; America; annoying; blonde puppy girls; Brad; class; conceited person; crabby; desire to please and make people feel less worthy while making oneself feel better; ego; elitist; Europe; funny word; get over yourself; goody; grandma; greedy; ignorant; insecurity; internal; irritating; leads to conflict; most teenage girls; my cousins; nasty person; never necessary; not humble; not nice; preppie; prissy; proud; prude; sneer; snobby peer; spoiled; stupid; the crowd; the movie <i>Mean girls</i> ; thinking highly of oneself; too confident; too good for everyone; too good for their own mind; unrealistic view of oneself; uptight; you shouldn't do it?

Данные реакции являются единичными и составляют периферию ассоциативного поля исследуемого слова-стимула, в ядре которого сосредоточены наиболее частотные реакции. Состав ядра ассоциативного поля слова-стимула *снобизм* / *snobbism* также свидетельствует о существенных культурно-маркированных различиях в восприятии данного феномена.

У россиян *снобизм* ассоциируется в первую очередь с *жадностью* (по мнению 8,3 % респондентов), с этой реакцией могут быть соотнесены единичные ассоциаты *жадина*, *мелочность*, *жмот обыкновенный*. Поскольку *снобизм* – отрицательное качество, неудивительно, что оно ассоциируется у российских респондентов как противоположное основному качеству «русской души».

На втором месте по частотности в реакциях россиян – ассоциат *высокомерие* (5,2 %). Частично с этим же семантическим полем соотносятся ассоциаты, обозначающие национально-маркированную специфику: *аристократия*; *золотая молодежь*; *мажорство*; *пиджак*. Среди реакций женщин особо стоит отметить вариант *англичане*, что отражает существующие стереотипы. Подобное поведение вызывает однозначно неодобрительное отношение россиян (как можно судить по единичным реакциям *животное*, *жлобство*, *мелочность*, *отвращение*, *противно*, *редиска (плохой человек)*, *слаборазвитость*, *стремно* и др.), в том числе *отвращение*, *неприятие*, *не умно*, *недостаток*.

Наиболее частотная реакция американцев – *stuck up* (13,3 %), с ней может быть соотнесена частотная реакция *think you're better than everyone else*, повторяющая словарное толкование слова, а также единич-

ные реакции *nose in the air*, *cocky*. Другие зафиксированные единичные прилагательные также обозначают отрицательные человеческие качества: *rude*, *mean*, *disrespectful*, *selfish*. Среди полученных реакций можно также выявить наименования людей-снобов: *bitch*, *jerk*.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что на третьем месте по частотности оказываются гендерно-маркированные ассоциаты *girls*, *blonde puppy girls*, *a girls I knew from high school*, *teenage girls*. При этом данные ассоциаты более частотны в реакциях респондентов женского пола. Помимо этого среди полученных ассоциаций имеется культурно маркированное слово *cheerleader* – «член команды поддержки», а в группах поддержки у американцев тоже чаще участвуют именно девушки. Вероятно, данный факт отражает значительность конкуренции и социальной иерархии как характерной черты американского общества, в частности – подростковой и студенческой среды.

Результаты проведенного ассоциативного эксперимента убедительно свидетельствуют о том, что даже когда универсальные феномены имеют идентичное словарное толкование, их репрезентация в образах сознания реальных носителей языка гораздо шире словарных положений и имеет определенные культурно-маркированные особенности. Изучение данных особенностей необходимо для успешного межкультурного взаимодействия и потому непременно должно учитываться при обучении иностранным языкам и формировании коммуникативной компетенции вторичной языковой личности.

Литература

1. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 291 с.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info>
3. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции.
4. Леонтович, О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
5. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – М.: КомКнига/URSS, 2007. – 312 с.
6. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 60 с.
7. Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. ... дис. д-ра филол. наук / И. В. Привалова. – М., 2006. – 50 с.
8. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php>
9. Стернин, И. А. О национальном коммуникативном сознании / И. А. Стернин // Лингвистический вестник. – Ижевск, 2002. – Вып. 4.
10. Тарасов, Е. Ф. Актуальные вопросы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-3.html
11. Тарасов, Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000.
12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
13. Яценко, Ю. С. Воспитание толерантности студентов средствами межкультурной коммуникации в процессе языкового образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ю. С. Яценко. – Ростов на/Д, 2008. – 24 с.

14. Dictionary.com Unabridged // Random House, Inc. – URL: <http://dictionary.reference.com/browse/-snob?qsrc=2446>.

15. Infante, D. A. Teaching Students to Understand and Control Verbal Aggression / D. A. Infante // Communication Education, # 44, 1995. – URL: http://www.studyworld.com/newsite/reportessay/Science/Social%5CVerbal_Aggression-321957.htm

Информация об авторах:

Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода КемГУ, 8-903-993-3444, andfomin67@mail.ru.

Fomin Andrey Gennadyevich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Interpretation and Translation of KemSU.

Якимова Наталия Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ, 8-903-907-2901, nataliyayakimova@mail.ru.

Yakimova Nataliya Sergeevna – assistant lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of History and International Relations of KemSU.

УДК 811.1

РАЗРАБОТКА НОВОЙ МОДЕЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ В СФЕРЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Л. П. Халяпина

CREATING A NEW MODEL OF TEACHING LINGUISTIC DISCIPLINES AIMED AT FORMING THE COMPETENCE IN THE SPHERE OF UNIVERSAL CULTURAL CONCEPTS

L. P. Khalyapina

В статье рассматриваются теоретические и практические основы обучения иностранным языкам на основе достижений таких базовых наук, как межкультурная коммуникация и когнитивная лингвистика, которые дают возможность осуществлять исследование универсальных культурных концептов, имеющих как сходства, так и различия в интерпретации их значений в изучаемом и родном языках (английском и русском).

In the article new theoretical and practical bases for teaching foreign languages on the basis of studies in the field of such sciences as intercultural communication and cognitive linguistics are revealed. This approach gives an opportunity to investigate universal cultural concepts through the interpretation of their similarities and differences in the target and native languages (English and Russian).

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, универсальные культурные концепты, концептуальный анализ, культурные ценности.

Keywords: intercultural communication, universal cultural concepts, conceptual analysis, cultural values.

Наиболее значимыми характеристиками XXI века, которые не могут не сказаться на системе обучения иностранным языкам, являются глобализация и информатизация. Происходит сближение стран и народов, становление единого взаимозависимого мира, получившего название глобального или глобализирующегося, в рамках которого расширяются экономические, политические и культурные связи между странами.

Глобализация обостряет ситуацию всеобъемлющего взаимодействия поликультурного мира, требует безотлагательного решения вопросов эффективного сотрудничества представителей различных культур, что, в свою очередь, ставит новые задачи перед системой обучения иностранным языкам.

В частности возрастает роль иностранного языка (чаще всего английского) для решения задач глобального взаимодействия, что позволяет говорить о глобализации целей обучения иностранным языкам [6].

Иностранный язык (английский) рассматривается в данных условиях ни как средство приобщения к культуре страны изучаемого языка, а как средство приобщения к различным культурам глобального мира. Глобализация английского языка означает процесс распространения и использования иностранного языка при коммуникации между представителями разных стран и культур по всему миру.

Необходимость в поиске и построении новых моделей преподавания лингвистических дисциплин продиктована именно условиями глобального мира, для эффективного функционирования в котором недостаточно изучать и понимать лишь культуру страны изучаемого языка (что характерно для существующей системы обучения иностранным языкам). Необходим принципиально иной подход к обучению – подход, который базировался бы на когнитивном уровне осмысления как универсальных культурных концептов, имеющих общечеловеческую ценность, так и на по-

нимании специфического культурного характера выражения данных концептов в различных этнокультурах.

Для разработки новых моделей обучения мы обратились к исследованиям в области межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики, которые анализируют сходства и различия между представителями различных культур на уровне концептуальных картин мира, универсальных культурных концептов, концептуального анализа и т. д. Мы считаем, что использование в методической науке данных подходов и понятий поможет в большей степени подготовить изучающих иностранный язык к лучшему взаимопониманию с представителем другой культуры в ситуации межкультурной коммуникации и сокращению межкультурных барьеров.

Одна из ключевых задач данного исследования заключалась в том, чтобы научить студентов понимать, что универсальные культурные концепты лишь частично имеют общие черты в разных культурах, в большинстве случаев их интерпретация в разных культурах различна.

В настоящее время в лингвистике и теории межкультурной коммуникации общепризнанными являются положения о наличии общих для всех культур элементов, которые обеспечивают возможность взаимопонимания всех людей на общепланетарном уровне. В плане терминологии здесь нет устоявшихся понятий, однако семантика представленных в данном контексте явлений идентична. Так, к наиболее распространенным относятся следующие: семантические и концептуальные универсалии (А. Вежбицкая), культурные универсалии (В. А. Маслова), общечеловеческие концепты (В. М. Бухаров), универсальное когнитивное пространство, универсальная когнитивная база и универсально-прецедентные феномены (В. В. Красных, Д. Б. Гудков).

Возникновение универсалий связано с потребностями человека и человеческих общностей. Культурные универсалии предстают в многообразии конкретных вариантов культуры. Многообразие культурных форм ставит проблему сравнимости этих форм.

Многие ученые, принадлежащие к различным наукам и различным школам внутри наук, предпринимали попытки выявления культурных универсалий, присущих культурам всех человеческих общностей, населяющих нашу планету, и делали это при помощи различных по природе концептуальных аппаратов. Решение задач по определению общих черт, свойственных всем культурам – культурных универсалий – осуществляется в сфере лингвокультурологии, социологии, антропологии, собственно культурологии и других науках. Объяснение существованию культурных универсалий антропологи связывают с биологическими и психологическими факторами. Исходя из того, что универсальная модель культуры существует во всех культурах: простых и сложных, древних и современных, ее основа объясняется особенностями биологической природы человека и условиями человеческого существования.

Идеи антропологии относительно универсальности модели культуры нашли своё продолжение в исследованиях по лингвистике и лингвокультурологии.

Заслуживающее внимания высказывание В. М. Бухарова сформулировано следующим образом: «...формирование концепта в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых, обнаруживают национальную, этническую, культурную и т. д. специфику. В результате этого возникают трансконцептные связи и отношения» [1, с. 74 – 84].

Полного согласованного списка культурных концептов данного, то есть универсального, уровня в лингвистической литературе ещё нет, и дискуссионным является вопрос о том, каковы критерии для составления такого списка – концептуария культуры.

Система универсальных культурных концептов, представленная Ю. С. Степановым, выделяет следующие: «вечное, мир, время, огонь и вода, хлеб, действие, ремесло, слово, вера, любовь, радость, воля, правда и истина, знание, наука, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизация, душа, совесть, мораль, деньги, страх, тоска, грех, грусть, печаль, дом, язык» [9].

В исследованиях группы волгоградских ученых Э. В. Грабаровой; С. П. Димитровой, О. А. Зеленовой, Е. В. Кормаковой и др. рассматриваются такие культурные концепты, как честь, судьба, собственность, любовь, труд, обман, образование, красота, вежливость, гостеприимство, власть, закон, тоска, смерть, самоуважение, здоровье.

По проявлению культурных универсалий, культуры и культурные группы можно сравнивать между собой: в какой степени близки или далеки друг от друга те или иные общечеловеческие концепты в плане их содержания.

Проведенный анализ лингвистических источников позволил нам сделать заключение о том, что быть компетентным в сфере универсальных культурных концептов – значит обладать знаниями, умениями и способностями, необходимыми для того, чтобы выявлять концепты данного уровня в дискурсе собеседника, оповещать его о специфическом наполнении культурных универсалий в собственной культуре с тем, чтобы обеспечить возможность взаимного понимания с собеседником – носителем другой культуры.

Таким образом, мы пришли к выводу, что компетенция в сфере универсальных культурных концептов представляет собой совокупность: знаний о наличии культурных универсалий; знаний о различном наполнении (выражении) культурных универсалий в различных культурах; умений осуществлять анализ способов языковой объективации (репрезентации) универсальных культурных концептов; умений в процессе анализа языковых средств вычленять те общие значения концепта, которые характерны для контактирующих культур; способность понимать причину и различий сходств между представителями разных лингвокультур.

После исследования теоретических основ обращения к системе универсальных культурных концептов и доказательства их значимости для ситуации межкультурной коммуникации было организовано экспериментально обучение иностранным языкам студентов язы-

кового вуза с целью обучения их технологии осуществления учебного варианта концептуального анализа и формирования обозначенных выше компетенций.

Знакомство с практической стороной концептуального анализа было направлено на изучение методики исследования толковых и энциклопедических словарей. В данном случае для анализа лексикографических источников рекомендуется отбирать только прямые номинативные значения. Используемый для примера сравнительный анализ словарных дефиниций имен существительных «замужество» и «marriage» показал, что мнения составителей словарей по поводу признаков, по которым можно определить каждое из значений данных многозначных единиц, не совпадают, поэтому выделенные ими признаки весьма разнообразны.

В качестве практического задания студентам предлагалось поработать с англоязычными и русскоязычными лексикографическими изданиями на предмет изучения лексической репрезентации того же концепта «marriage». Выводы, полученные студентами, заключались в следующем: в английском языке большое внимание уделяется признакам, характеризующим замужество как нечто рациональное, связанное с ментальным процессом, лишенное эмоциональной составляющей: “to take a person in marriage (Longman dictionary); to join as spouses by exchanging vows; to take as a spouse; to unite in a close, usually permanent way (The American Heritage College dictionary).

В русской культуре замужество / женитьба рассматриваются в качестве категорий, имеющих гендерные различия: независимость мужчины и зависимость женщины: Speaking about a girl who is going to marry we say *ona vyhodit zamuj*: note the last two-syllabled word, which means 'behind a man', and you will get the original meaning: 'she is going out, or leaving her parental home, to place herself behind a man'.

– Whilst speaking of a man about to wed, we say *on jenitsa* - which means, as it were, 'he be-wifes himself', which indicates much more independence in comparison with the marriage for a girl (Oxford: B.N. Blackwell).

Несмотря на наличие очевидных различий в интерпретации концепта marriage / замужество / женитьба в английском и русском языках, были выявлены ряд общих характеристик. Например, в качестве общих признаков, обозначенных как в русских, так и в английских источниках, было выявлено такое, как «пребывание женщины / мужчины в браке» (*the legal union of a man and a woman as husband and wife*).

Подобные результаты анализа лексикографических источников позволяют дать студентам первичное представление об универсальной и этнокультурной специфике культурных концептов.

Следующим задачей обучения, направленного на знакомство с методикой концептуального анализа с целью выявления общего и различного в характеристиках концепта, является знакомство с методикой сопоставления интерпретаций контекстуальной реализации смысловых составляющих концепта и выявление общего и специфического в ассоциативных связях языковых сознаний представителей сопоставляемых лингвокультур.

В качестве других концептов, предложенных студентам для совместного подготовительного исследования, были выбраны концепты «дружба», «счастье», «деньги», «вредные привычки».

Целостная модель обучения иностранному языку, ориентированная на формирование компетенции в сфере универсальных культурных концептов, включала в себя такие методические категории, как принципы обучения, содержание обучения и комплекс упражнений. Упражнения на понимание сходств и различий на уровне концептуальных систем разных культур – подразделяются на три разных типа: 1) упражнения на поиск и исследование способов лексической репрезентации концепта (исследование толковых и энциклопедических словарей) в целях изучения ядерного уровня концепта в сопоставляемых лингвокультурах; 2) упражнения на поиск и исследование дискурса различных лингвокультур, представленного на web-сайтах, в целях изучения интерпретационного поля концепта; 3) упражнения на исследование материалов реальной коммуникации, представленных в интернет-форумах и chat-конференциях, в целях расширенного изучения интерпретационного поля концепта.

Данная классификация упражнений разработана в соответствии с тремя этапами осуществления учебной модели концептуального анализа.

В качестве примера упражнений первого типа можно привести представленные на персональной web-странице упражнения для исследования способов лексической репрезентации одного и того же концепта в разных лингвокультурах:

Ex. 1. Do you know the meaning of the following words? If not, work with the online dictionary. Analyze the definitions of the words referring to the topic “Marriage of love or marriage of convenience?”: insurance benefits, social benefits, mutual affection, mutually beneficial arrangement, foster care, custody, deception, prenuptial agreement, to nag somebody to get married, to nag somebody to have babies, detrimental.

Ex. 2. Please, work with the “thesaurus window” on the site “dictionary.com” and compare the given words with their synonyms.

Ex. 3. Using the on-line dictionaries analyze the meanings of the concept “love” in two different languages and cultures.

Ex. 4. What are their common meanings? What are the differences?

Ex. 5. What kind of cultural misunderstanding can people belonging to these cultures have in the process of intercultural communication?

Анализ финальных самостоятельных работ студентов содержал полный и всесторонний сопоставительный анализ как лексической репрезентации концептов в двух лингвокультурах, так и исследование интерпретационного поля концепта на основе различных типов дискурса и интернет-коммуникации. В работах правильно интерпретировались сходства и различия смысловых значений концепта, на основе которых определялись выводы о возможном взаимопонимании между представителями исследуемых культур.

Итоговые работы говорят о том, что студенты, пользуясь учебным вариантом концептуального ана-

лиза, продемонстрировали способность, исследуя различные лингвистические источники (словари, энциклопедии, разные виды дискурса), осуществлять на когнитивном уровне проникновение в концептуальную систему носителей другой лингвокультуры, определять сходства и различия сопоставляемых лингвокультур, что оказывает положительное влияние на

процесс межкультурного взаимодействия и взаимопонимания.

Таким образом, результаты внедрения разработанной автором модели преподавания английского языка представили картину положительной динамики формирования компетенции студентов в сфере универсальных культурных концептов.

Литература

1. Бухаров, В. М. Концепт в лингвистическом аспекте / В. М. Бухаров // Межкультурная коммуникация: учебное пособие. – Нижний Новгород: Деком, 2001.
2. Грабарова, Э. В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» / Э. В. Грабарова // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 71 – 78.
3. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 287с.
4. Димитрова, Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Димитрова. – Волгоград, 2001. – 16 с.
5. Елизарова, Г. В. Интерпретация культуры как текстовой сущности / Г. В. Елизарова. – СПб.: Книжный дом, 2008. – 191 с.
6. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Academia, 2001. – 203 с.
8. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Информация об авторе:

Халыпина Людмила Петровна – доктор педагогических наук, профессор кафедры английской филологии № 1 Кемеровского государственного университета, 8(384-2)58-62-62, lhlapina@bk.ru.

Khalyapina Lyudmila Petrovna – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of English philology № 1 of KemSU.

УДК 81'42

БЫТОВОЙ ДИСКУРС КАК ЭКСПЛИКАТОР КОЛЛЕКТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЁЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. Г. Чабаненко

ORDINARY DISCOURSE AS EXPLICATOR TO A COLLECTIVE LINGUISTIC PERSONALITY IN YOUTH COMMUNICATION

M. G. Chabanenko

В статье анализируется молодёжный дискурс печатного издания. В фокусе внимания автора находится бытовая разновидность исследуемого дискурса. Современный «взрыв» интереса к носителю языка определяет актуальность изучения типа коллективного языкового субъекта (социокультурной группы) как категоризирующего основания характера дискурса.

The article contains a thorough analysis of youth discourse found in the printed word. The author focuses on the ordinary discourse variety. The contemporary "blast" of interest to the language personality determines the relevance of studying the collective linguistic entity categorized as the basis for discourse nature.

Ключевые слова: молодёжный дискурс, коллективная языковая личность, социокультурная группа.

Keywords: youth discourse, collective linguistic personality, socio-cultural group.

Развитие современной лингвистики связано с изменением представлений о языке, с рассмотрением языка как деятельности. Волна интереса к деятельностному аспекту изучения языка восходит к идее В. фон Гумбольдта: «Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа,

направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [2, с. 70]. В отечественной лингвистике идеи В. фон Гумбольдта развивает Л. В. Щерба, обращая внимание на то, что «язык есть деятельность человека, направленная всякий раз к определённой цели, к наилучшему и наиболее удобнейшему выражению своих мыслей и чувств» [9,

с. 102]. Рассмотрение языка в аспекте интеракции характерно для современной лингвистики. «Язык есть непрерывный процесс становления, осуществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих» [1, с. 108].

Изучение языка как деятельности приводит к новому пониманию текста. Рассматривая текст как процесс, учёные отмечают, что необходимость учёта обстоятельств общения и характеристик коммуникантов диктует «переход к коммуникативной модели представления текста. Такой переход осуществляется в следующих направлениях:

1) осваиваются результаты исследований, так или иначе связанных с целым текстом, в прагма-, психо- и социолингвистике, риторике, литературоведении, когнитологии;

2) концептуально и терминологически противопоставляются текст, погружённый в ситуацию реального общения, т. е. дискурс, и текст вне такой ситуации;

3) на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения;

4) исследуются не идеальные, правильно построенные тексты, а текстовые стратегии в их разнообразных реализациях» [4, с. 226 – 227].

По мнению Е. С. Кубряковой и Л. В. Цуриковой, «высшей реальностью языка» стал дискурс, или дискурсивная деятельность», под которой понимается практика «использования языка в разных типах человеческой общественной и личной деятельности, разными сообществами говорящих, общающихся в разных условиях» [5, с. 126]. Научный интерес к пониманию дискурса вызван критическим отношением лингвистов к теории Н. Хомского, противопоставившего знание языка и его использование, «ведь в конечном счёте для человека важнее всего знание языка в целях его адекватного использования» [5, с. 134].

Учёные отмечают, что дискурсивный подход к анализу речи берёт начало в дискурсивной психологии, развитие которой обусловлено рядом факторов: ростом интереса традиционной когнитивной психологии к явлениям социального и культурного порядка, популярностью идей Л. С. Выготского, его психологической теории социализации, благодаря чему «когнитивно-психологические и когнитивно-антропологические проблемы всё чаще решаются посредством анализа языкового общения» [6, с. 79].

Молодёжный дискурс представляет собой сложноструктурированный феномен, который может быть рассмотрен в разных аспектах. Особый интерес представляет социально-культурный аспект изучения молодёжного дискурса. Вопрос о параметрах социально-культурного аспекта описания дискурса остаётся открытым, его решение связано с типологией дискурса. Так, по каналу общения выделяют устный и письменный тип молодёжного дискурса. С позиций участников общения дискурс (в трактовке В. И. Карасика) подразделяется на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный. Личностно-ориентированный дискурс проявляется как бытовой и бытийный, а статусно-ориентированный может носить институциональный (прототипичный для определённой социальной группы или речеповеденческой ситуации) и

неинституциональный характер [4, с. 234, 239]. По признаку индивидуальности-типичности коммуникативного поведения выделяют индивидуальную и модельную (прототипическую для данной социальной группы) языковую (дискурсивную) личность.

Несмотря на популярность термина «дискурс», его широкое использование в современных гуманитарных науках, в лингвистике отсутствует единое понимание этого термина. Дискурс в статье рассматривается как эксплицируемая в тексте речевая деятельность, осуществляемая под влиянием широкого спектра социально-культурных и прагматических факторов.

Субъект этой деятельности может быть представлен как коллективная языковая личность, то есть определённая социокультурная группа носителей языка в целом (носители диалекта, интеллигенция, молодёжь и т. д.). Конкретная языковая личность совмещает групповые черты (особенности мировидения определённого коллектива, эталоны и стереотипы корпоративной культуры) и индивидуальные психолого-прагматические характеристики.

Тип коллективного языкового субъекта (социокультурной группы) может рассматриваться как категоризирующее основание характера дискурса.

В данной работе исследуется молодёжный дискурс, субъект которого выделяется на основании общности возраста и ряда социокультурных параметров. В этом понимании молодёжный дискурс находится в ряду таких дискурсов, как дискурс носителей традиционной крестьянской культуры, дискурс интеллигенции, дискурс рабочей среды (шахтёров, строителей и т. д.), дискурс актёрской среды и т. д.

Дискурс, выделенный на основании типа социокультурной группы, является собой некий инвариант, представленный в совокупности индивидуальных текстовых реализаций. Индивидуальные параметры дискурса заданы характером конкретных коммуникативных задач и личностными характеристиками. Дискурс как текстовая реализация личности выявляет своеобразие её жизненной идеологии, индивидуальные социально-психологические черты.

Вместе с тем исследуемый в статье дискурс реализован в периодическом издании, что обуславливает возможность его рассмотрения как публицистического дискурса, сопоставленного с научным, официально-деловым, политическим и др. видами дискурса.

Объект исследования – бытовой молодёжный дискурс как функционально-речевое явление.

Предметом исследования является бытовой дискурс печатного издания как текстовое воплощение коллективной языковой личности – участников молодёжной коммуникации.

Материалом исследования послужили тексты областной молодёжной газеты «Бродвей с тобой». Авторы текстов – молодые люди от 14 до 25 лет, настроенные не только на молодёжную коммуникацию в газете, но и желающие представить свои творческие (поэтические и прозаические) произведения.

Бытовой дискурс обладает, по определению В. И. Карасика, следующими признаками: «...общение носит свёрнутый, “пунктирный”, характер, речь идёт об очевидных вещах, используется разговорная

форма речи, бытовой дискурс диалогичен и является исходным типом общения» [6, с. 289]. *Всем огромный привет!!! Всех рада видеть, слышать и читать!!!* **Freneza.** Че-то Бродская сноска вылезла ни с того ни с сего. Моргану чеели привет передать. Ну, Морган, бывай, чеб все было. Чеб мозгов побольше, пиши нам, не забывай. **Furlust.** Ывуафыафыауфыафыау. **Лелик..** Привет ВСЕМ БРОДВЕЙцам! Мне очень нравится читать «Вас». Прошу не судить строго. **STEIN.**

Как отмечает В. И. Карасик, «специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращённый код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [4, с. 232].

В рамках бытового дискурса общение бродвейцев основано на тех правилах коммуникации и отношений, которые они сами разработали:

– во-первых, стремление выявить лучших членов своего клуба в различных номинациях. *Напоминаю номинации: 1. Лучший бродвеец 2006 г. 2. Лучший дебютант(ка) 2006 г. 3. Лучший поэт. 4. Самый неординарный на «Бродвее». 5. Лучший новатор (желательно с указанием инновации).* **Солнце.** На тему «Брэмми»... Не знаю, как с остальными номинациями, но для меня «Самый неординарный бродвеец» – это Пилот. Глючит от его обьяв хорошо очень. **Велиана;**

– во-вторых, проведение совместных праздников и регулярных встреч: *Многоув. тов. Бродвейцы! У нас будет СОВМЕСТНЫЙ Новый год? Конечно!!! Нужно только решить, ГДЕ и КОГДА («до» или «после»).* Пишите свои предложения в «Бродвей», и у нас появится ещё одна традиция!:) **Interna-novaja и Йо.** Внимание! Бродвейцы! Наш Новый год состоится 25 января. Встречаемся, где и всегда – на Дrame 12.00. Запомнили? 25.12.2005 на Дrame в 12.00. Вот и замечательно!:. Приглашены ВСЕ, абсолютно ВСЕ!!! Очень ждём вас, Будет весело:) **Йо и Interna-novaja;**

– в-третьих, сохранение своей газеты и, следовательно, своего «братства»: *Грабят!!! Караул!!! Нас с вами грабят. Причём мы сами у себя и ворует наш «Бродвей». Я понимаю – лето, солнце, море, пляж. Мальчики, девочки (каждому своё:)) НО! Всякое поведение имеет свои последствия. В данном случае – негативное. И мы сами в этом виноваты. Если «Б» не было две недели, отговорки тут ни к чему. ВИНОВАТЫ, дорогие мои. Ещё и как!!! Одна девочка сказала: «Собирать узелки и бродяжничать...» Готовьтесь. С таким отношением так и будет. Давайте все дружно забьём на «Б»! И пусть его на х*% закроют, отменяют, забудут. «Концы отрублены, узлы развязаны, душа обуглена...». Всё. Сколько можно вас уговаривать!? Вы не маленькие дети и должны отдавать отчёт своему бездействию. Бездействие тоже способ совершения преступления. И если «Б» закроют, то вина будет на нашей с вами совести. Бездельничайте дальше, господа. **Солнце.** Хорошая всё-таки штука – «Б»! Тут тебе и проба пера, и жи-*

вое общение, и просто место для «публикации мыслей». Атанварно.

Несмотря на то, что бродвейцы хорошо чувствуют специфику каждой рубрики молодежной газеты и предложенный ими материал соотносится с названием рубрик, нельзя говорить о большом разнообразии тем: все рубрики объединяются наличием авторских текстов, отражающих принципиальное совпадение тематического пространства молодежного дискурса (любовь и секс, дружба, внутреннее состояние личности, отношения между бродвейцами и другими людьми, искусство и музыка, язык, социальное мироустройство, учёба, работа, религия).

Основные темы бытового дискурса, представленного в рубриках «Гостиная», «Диалог», «Свои дела», «Здравствуй!», «Ситуация», «Дебаты», ориентированы прежде всего на диалог и отражают проблемы повседневной жизни, раскрывают отношения между участниками общения. В рубриках, эксплицирующих бытовой дискурс, частотны жаргонные слова и выражения, возможно употребление лексики с пейоративной коннотацией. *Узнала, что менты к утру устраивают засады... Рядом с остановками и в зарослях среди деревьев... К чему бы это... Ночью их точно не было.* **Ада.** 1. Euphoria, а если, улыбаясь, раздавить улитку, то всем всё равно будет светло? Понимаю, обьява добрая была, просто мысли нехорошие так и лезут...2. Smoken, Най смылась в чёртикуда, а La Herida собрала как-то вечером вещи и утром уехала куда-то в окрестности Междуреченска подальше от людей. И никаких вестей от них. Поэтому, скорее всего, La Herida тебя не услышит. Может, и я когда-нибудь сбежу... 3. Морвен, подвал тебе подойдёт? Или крыша? А подушка может пахнуть Луной? 4. Знаешь, князь Ramiel, людей лучше не убивать – пусть мучаются. Интересно, а люди вообще заметят, если «придёт Ад со всеми присными его»? Скорее всего – нет...**Велиана.**

Субъектом молодежного дискурса является личность переходного возраста во всей совокупности своих стихийных чувств и мыслей, парадоксальности представлений о мироустройстве, в постижении сути бытия обнаруживающая склонность к мистериям, в речевой деятельности тяготеющая к вербальной обрядовости, сложной семиотике.

К. Ф. Седов, дополняя разработанные психотерапевтом М. Е. Литваком параметры описания характера человека, определяющие жизненный сценарий, жизненные установки, разные типы поведения человека, выделил пять компонентов личности, формирующихся на разных этапах её развития и обуславливающих индивидуальный портрет речевого поведения [7, с. 173 – 174]: «Я» (отношение к самому себе), «Ты» (отношение к близким друзьям), «Мы» (отношение к родственникам, роду, клану), «Вы» (отношение к коллегам по работе, корпоративные отношения), «Они» (отношение к людям вообще), «ТРУД» (отношение к социально полезной деятельности). Для дискурса «Бродвея» параметр «ТРУД» является неактуальным, его место занимает «МИР» (осмысление мироустройства, своего места в этом мире, своего предназначения).

В бытовом дискурсе на первый план выходят отношения «Я» – «ТЫ», «Я» – «МЫ», «Я» – «ВЫ». В центре этих взаимоотношений всегда находится автор, поэтому самопрезентация личности является ключевой темой молодёжного дискурса.

1. Самопрезентация. *Привет всем любимым старым Бродвейцам! Пишет вам Девочка, она же Бархатная, она же Листопад! Сижу в кафе ночью, скучаю по вас! Надеюсь, у вас все хорошо, просто замечательно! Бархатная. Я обыкновенная среднестатистическая идеальная женщина. Вторая половина. Я – Батько Махно, то есть безбашенный мужик, который грабил селян, поджигал хаты, горланил под гармошку «Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!» и т. д. Грозный атаман.*

2. Выражение своего отношения к другим членам клуба «Бродвей». Адресатами в исследуемом дискурсе прежде всего являются члены клуба, участники переписки, авторы сообщений. В сфере массовой коммуникации, как отмечает Т. В. Чернышова, «адресат традиционно понимался как пассивная сторона коммуникативного речевого акта, в отличие от автора (отправителя массовой информации)... В текстах современных СМИ, представляющих собой область активного лингвокогнитивного взаимодействия автора и адресата, адресат выступает как активный, заинтересованный субъект коммуникации» [8, с. 22 – 23].

Личность адресата дискурса «Бродвей с тобой» ещё более значительна в силу его реальности как члена клуба, личности-маски, так и реальности личности, скрывающейся за никнеймом.

В сообщениях, посвящённых оценке творчества и мировоззренческих позиций бродвейцев, высказываются суждения как позитивные, одобрительные, так и резкие, негативные: *Говорю как есть. Хотел было наехать на кого-нибудь, почитал пару номеров последних, ну, блин, все такие мягкие и пушистые, даже Морган на нежности перешел. Того и гляди воином света станет, какой там сатанизм. Слушай, Морган, раз готы не пьют, чего ж ты себя старым алкоголиком называешь? В завязке? BRUTAL. Пушистая – вот человек, который по-настоящему ценит себя и умеючи этим пользуется! Smoken, как ты умудряешься писать такие невероятные мэсэджди? И откуда столько умных мыслей? А ты случайно диссертацию не защищал? Witch.*

Иногда сообщения, оценивающие других членов клуба, облакаются в поэтическую форму: *Посвящается Моргану! «Твой потертый черный плащ уже давно поела моль. Ты берешь черный карандаш и рисуешь свою боль. Твоя душа давно забыта, и ты лишний в этом мире. В черной копоти зарыта руками гребанных цивилизованных. Пытаюсь свет найти в конце жестокого тоннеля, стараешься быстрее уйти, в мечту уже не веря». Witch.*

3. Отношение к братству бродвейцев и к газете «Бродвей с тобой». Бродвейцы по-настоящему любят свой клуб и высоко оценивают возможность реализовать не только желание быть вместе, поддерживать друг друга, но и проявлять свой творческий потенциал, печатаясь на страницах молодёжной газеты. *Перелистывая календарь, долго искала ту дату, когда же я сяду и напишу вам хоть строчку. Вот, собственно,*

эта дата и настала. Признаюсь честно, что я подумывать начинала о том, чтобы перестать писать в «Бродвей», но всё-таки решила своим долгом писать сюда. «Бродвей» стал пристанищем в годы, когда я ещё в школе обучалась. Он был мне домом, кормил меня и поил... Ну, в общем, вы все меня понимаете. ШАКА.

4. Личностные взаимоотношения и коммуникативные конфликты. *Бьорн, меня ненавидят... Это прикольно, блин! Я не против, ненавижу меня и других лесбиянок. (Мне с тобой детей не крестить). 220V(Электра). Пиарщик! Ты враный вран! ПУШИСТАЯ ТАНЯ.*

5. Любовь и гендерные отношения. *Алексис, ты про какую теорию и практику меня спрашиваешь? Про то, что нет любви? Да нет ее и не было! Я в этой теме не изменилась. Если за прошедшие 10 лет она меня не посетила, то и не посетит уже. Нет любви! Порок. Таня-Пуша, а серьезные и суровые мужчины тебе нравятся исключительно по причине твоей собственной воздушности и исключительно-сти, вот как я серьезно и сурово думаю. Пиарщик.*

6. Дружба. *Тьма, ты очень интересный человек, а интересных мне людей мало. Давай пообщаемся, узнаем друг друга, если тебе не в лом с девушкой пообщаться. Меня твои строчки интригуют и завораживают... очень интересно. 220 V(Электра).*

7. Информация о положении дел. *Ні, бродвейцы!!! Лето продолжает свой длинный путь, до конца лета нужно оторваться по полной программе, потому что вслед за летом последует осень – время, когда необходимо учиться (кошмар!!!). Не работает Интернет. Закидываю объявления в «Бродвей» силой мысли. Пиарщик.*

8. Социальное неравенство. *Люди, ответьте! Почему продавец современной молодёжной одежды зарабатывает 7000 рублей, а я пацан на работе ногам за 1500? Причём совмещаю работу с учёбой. И есть ли смысл учиться 3 года? Ставка медсестры чуть больше 1000. Почему кому-то всё даётся легко, а кому-то приходится вламывать? Астри.*

Бытовой дискурс связан с «киническим комплексом» жаргона, главной установкой которого, как отмечает В. С. Елистратов, является «так называемая перекеканка монеты, т. е. переоценка общепризнанных, официальных ценностей, выворачивание общепризнанных идей, образов, слов, эталонов наизнанку, демонстрация их абсурдности через публичное снижение, обнажение, осмеяние» [3, с. 626]. Отрицание общепринятых канонов – неотъемлемая черта молодых людей. В своих текстах бродвейцы с удовольствием демонстрируют это: *Не понимаю: зачем кого-то с чем-то поздравлять. Мне кажется это лишённым смысла. А всякие праздники только напоминают о том, что время движется по кругу, из которого почти нет выхода. Най. Живу не в то время, не в том месте. Заточила сама себя в глупом мире. Превратилась в рабу своих чувств. Замкнутый круг бесконечных идей, которые не могу воплотить в жизнь. Я от них просто задыхаюсь, медленно умираю. Чувство одиночества не покидает меня никогда. ЧКС.*

Широко известно, что отличительной чертой молодёжного жаргона является «игра со словом и в сло-

во». Статус игры в молодёжном дискурсе газеты «Бродвей с тобой» иной: его назначение – «освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения» [6, с. 231]. Бродвейцы придумали свои правила игры, по которым живёт их бунтующий мир, мир их субкультуры.

Рубрика «Приколы нашей улицы» является игровым заполнением досуга и составляет кинический дискурс, детерминированный киническим комплексом жаргона. Стремясь быть оригинальными, проявить остроумие, умение «чувствовать слово», бродвейцы используют богатые возможности языковой игры. *Если вас грызёт совесть – выбейте ей зубы. И пусть она вас нежно облизывает. Пиаририк. Мужчин надо холить и лелеять. Тогда у них растёт холка и лелейка. Феерическая дура Ульяна.. Бардак – это праздник, который всегда с тобой! Она самая.*

«Киник внемирен, он полностью уходит из быта в бытие, но поскольку он всё-таки вынужден касаться быта (есть, пить, ходить и т. п.), то всю бытовую сторону своей личности он намеренно снижает... Кинический комплекс в языке воскрешает аномалию на фоне всеобщего засилия аналогии» [3, с. 631].

С киническим комплексом тесно связан раблезианский культурно-исторический код практически всех социальных диалектов. В. С. Елистратов отмечает: «Космос арг – это человеческое тело и, по Бахтину, общенародное, карнавальное тело. Арг, по сути дела, мало интересуется остальным миром, информация из него привлекает постольку, поскольку она имеет отношение к телесной жизни. Но дело в том, что потенциально к человеческому телу имеет отношение всё, весь мир. Поэтому арг – это имманентная проба пера в призме человеческого тела, языковая попытка сделать весь мир огромным человеческим телом. Это

смеховое очеловечивание мира, его «отелеснивание», «инкарнация», превращение его в тело. Мир осмеивается через тело и таким образом перестаёт быть страшным, чуждым. В этом заключается глубинная магия арга. Глубинно арг, со всем его словесным, фонетическим, словообразовательным, риторическим составом, есть грандиозная смеховая метафора тела» [3, с. 662]. *Рекламная акция: «Купи два яйца и получи банан в подарок!». Пиаририк. Реклама: Полюби меня с разбега! Скидки! Шилов.*

Обценная лексика в исследуемом дискурсе, с одной стороны, нечастотна в силу репрезентации текстов в печатном издании, однако, с другой – появление матизмов и вульгаризмов на страницах газеты возможно (видимо, редакторы оценивают такие факты как проявление языковой игры). Как правило, инвективная лексика имеет необычное графическое оформление с использованием различных знаков электронной коммуникации.

Таким образом, существование различных аспектов исследования дискурса предопределено как сложившимися научными традициями, так и сложностью, многопризнаковостью самого изучаемого феномена.

Условия функционирования, относительно однородные социокультурные характеристики коммуникантов, прагматические факторы формируют специфику исследуемого дискурса.

Бытовой дискурс ориентирован на диалогическую форму общения и на отражение проблем повседневной жизни. В его тематическом пространстве выделяются актуальные для сферы личностных отношений вопросы самопрезентации личности, личностные взаимоотношения и коммуникативные конфликты, любовь и гендерные отношения, традиции бродвейского сообщества.

Литература

1. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода / В. Н. Волошинов. – М.: Лабирифт, 1993. – 189 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Елистратов, В. С. Словарь московского арга / В. С. Елистратов. – М., 1994.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. Гнозис, 2004. – 390 с.
5. Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дикурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. П. Цурикова // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. – Ч. 2. – М.: МГУ, 2004.
6. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
7. Седов, К. Ф. Типология и портретирование наших современников / К. Ф. Седов // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. – Барнаул; Кемерово, 2006.
8. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата / Т. В. Чернышова. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – 293 с.
9. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974.

Информация об авторе:

Чабаненко Марина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, 8(3842) 58-41-71, kemsu@list.ru.

Chabanenko Marina Gennadievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department of KemSU.

ИМПРОВИЗАЦИЯ В РЕЧИ ПОЛИТИКА

(на материале устных и письменных текстов губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева)

А. В. Чепкасов

IMPROVISATION IN THE POLITICIAN'S SPEECH

(as revealed in A. G. Tuleev's oral and written texts)

A. V. Chepkasov

В статье рассматриваются особенности вербальной импровизации в выступлениях политиков. Дается сопоставительный анализ написанных первичных текстов выступлений и текстов, произнесенных губернатором Кемеровской области А. Г. Тулеевым. Выявлены основные виды речевых отступлений от исходных письменных текстов в условиях устного политического дискурса.

The article is devoted to the specifics of verbal improvisation in politicians' speeches. A comparative analysis of the written primary speech texts and of those presented by A. G. Tuleev – the Governor of the Kemerovo region – is provided. The main types of speech aberration from the initial written texts in the oral political discourse are revealed.

Ключевые слова: вербальная импровизация, политический дискурс, спичрайтинг, письменная и устная речь, текст.

Keywords: verbal improvisation, political discourse, speechwriting, oral and written speech, text.

Публичная речь или выступление политика независимо от жанра, функции и задач, – это практически всегда вторичная речь, в основе которой находится письменный текст, предназначенный для устного произнесения. Причем чаще всего это текст, написанный не самим политиком, а спичрайтером или даже командой спичрайтеров.

Вот почему так часто дискуссионным представляется вопрос «авторства» текста публичного выступления политика. Так, например, А. Д. Кривоносов определяет спичрайтерский текст как текст, «обладающий мнимым авторством» [2, с. 13]. Действительно, спичрайтер, а чаще это группа, команда людей, фактически оказываются в тени, они как бы и не являются авторами данного текста. Они не участвуют в акте коммуникации, они «невидимы», «не маркированы», их, собственно, никто и не знает как авторов текста. Между тем именно политик произносит текст перед аудиторией. Нам представляется, что в данном случае возможно говорить о ситуации со-авторства, со-творчества [5, с. 34 – 41].

Написанный спичрайтером текст – это та канва, которая находится в основе произносимой речи, она направляет мысль, но никак не является застывшей формой, которую политик принимает как единственную данную.

Произносимый политиком текст как бы заново рождается, и в процессе этого рождения говорящий проявляется как личность: язык дает возможность человеку выразить самого себя и одновременно открывает эту личность для других, независимо от ее воли и желания. Текст как феномен культуры позволяет осуществить его творческое осмысление как на когнитивном, так и на коммуникативно-эмоциональном уровне.

Другими словами, политик в момент произнесения речи рождает новый текст, неизбежно изменяя подготовленный спичрайтерами и прошедший все стадии согласования написанный текст. В этом смысле становится важным понятие импровизации как

создания произведения непосредственно в процессе его исполнения.

В современных исследованиях и пособиях по спичрайтингу в качестве жесткого требования к выступлению политика выдвигается необходимость тщательной его подготовки, в том числе обязательного наличия написанного текста и его неоднократной «начитки». Исходя из степени подготовленности выступления, выделяют речь подготовленную, частично подготовленную и неподготовленную [2, с. 38]. Кривоносов называет оптимальным для устного публичного выступления политика речь частично подготовленную, когда «говорящий владеет материалом, а форма его исполнения будет зависеть от конкретных условий произнесения» [2, с. 39]. В целом такой же подход разделяют и практики спичрайтинга. Так, например, в книге спичрайтеров Б. Н. Ельцина отмечены возможные варианты выступления политика. Так, «оратор может выступать:

- строго следуя готовому тексту или отрываясь от написанного, по ходу что-то кратко добавляя от себя;
- имея перед собой тезисы или справочные материалы и время от времени обращаясь к ним;
- без письменных материалов в руках, полагаясь на собственную память или эрудицию» [1, с. 39 – 40].

В любом случае, в политическом публичном дискурсе мы имеем дело, как правило, с устной формой речи, в которой потенциально заложена возможность импровизации.

В отличие от письменной речи, которая строится в соответствии с логическим движением мысли, устная речь разворачивается посредством ассоциаций. Подготовленная устная речь отличается продуманностью, более четкой структурной организацией, но при этом говорящий, как правило, стремится, чтобы его речь была непринужденной, не «заученной», походила на непосредственное общение, что является одним из важнейших признаков ораторского мастерства. В разговорной речи всегда присутствует личностное начало с целью усиления воздействия на слушающих. Поэтому в устной речи используется эмоционально и

экспрессивно окрашенная лексика, применяются различные сравнительные конструкции, фразеологизмы, пословицы, поговорки, при необходимости – сленг и просторечные элементы.

Текст, в принципе, не создается одним человеком (даже когда пишет текст один человек, он оказывается связанным с другими текстами); более того, нет текста без того, к кому он адресован, текст запрограммирован на взаимодействие Я и другого (не-Я) таким образом, чтобы Я и не-Я объединились в МЫ. Всякое воплощение замысла всегда есть его уточнение, а в большинстве случаев и его изменение» [3, с. 116]. Следовательно, политик в устном выступлении как бы совмещает смыслы, имеющиеся в тексте спичрайтера со своими. Происходит, по выражению Б. В. Томашевского, «миграция замысла». Освоение спичрайтерского текста на уровне сознания обуславливает переконструирование первичного текста.

Текст (художественный, публицистический и др.) всегда ориентирован на адресанта с целью внушить заложенную в нем идею, убедить в ее правильности и необходимости, воздействовать на слушающего или читающего посредством слова. В тексте, особенно политическом, всегда есть направленность на адресанта. Спичрайтер при написании текста всегда учитывает, кто будет читать текст и для кого он будет произноситься. В этом случае адресант (для кого пишется текст) одновременно выступает и как адресат (на стадии произнесения текста) [6, с. 230 – 237]. «Я» реализуется тогда, когда текст произносится для другого. Произносимый текст, политик как бы объединяет в нем себя с теми, на кого текст ориентирован. И этот текст всегда диалектичен, всегда видоизменяется, даже если он заучен наизусть.

В настоящей статье мы сделали попытку проследить механизмы переконструирования текста, написанного спичрайтером, часто детально обсужденного и все-таки в ситуации его произнесения творчески переработанного. Данный процесс может быть обусловлен ситуацией, в которой он произносится, функцией и жанром речи, спецификой аудитории. Процесс отступления от первичного и уже накануне прочитанного текста можно обозначить как *вербальная импровизация*, проявляющая особенности ментально-эмоционального склада спикера.

В результате сопоставительного анализа написанного и произнесенного текстов нам представляется интересным выделить основные виды вербальных импровизаций губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева, наиболее частотные типы отступлений от первичного текста и значение этих импровизаций.

Сразу отметим, что А. Г. Тулеев практически всегда использует написанный текст как основу своего устного выступления. При этом он постоянно делает отступления от написанного текста. В зависимости от жанра выступления, текст, который рождается при произнесении, может быть близким к первичному тексту, либо отходить от него на большое расстояние.

Так, при анализе речи губернатора на селекторном совещании с главами городов и районов, руководителями различных ведомств, посвященном лесным пожарам в России и в Кузбассе, мы отмечаем очень высокую степень импровизационности вторичного текста. Очевидно, это связано и с жанром речи – критически-аналитический разбор ситуации и постановка задач, и с атмосферой совещания – это откровенный разговор с подчиненными и коллегами, и с целью выступления – «разбор полетов» и «производственная накатка». Задача губернатора в данном случае – довести значимость проблемы до каждого, убедить, растолковать и заставить принимать решения. Глубокое знание темы и аудитории позволяет А. Г. Тулееву практически «без бумажки» вести диалог, используя различные способы отступлений от подготовленного текста.

Наиболее частотный случай вербальной импровизации в анализируемой речи губернатора – это *повтор* отдельных слов и словосочетаний. Повтор делает речь диалогичной [4], так как, по образному выражению Н. Д. Арутюновой, оратор использует наряду с написанным спичрайтером материалом «собственное коммуникативное жало» с тем, чтобы адресат эмоционально отреагировал, проявил заинтересованность.

Ниже приведено несколько примеров таких повторов и краткое их объяснение.

Таблица 1

Написанный текст	Произнесенный текст	Вид и значение импровизации
Ущерб от лесных пожаров, по самым скромным оценкам экологов, превысит 50 миллиардов рублей	И вот <i>предварительный, предварительный</i> только ущерб от лесных пожаров по всей России по самым скромным подсчетам экологов, превысит 31 миллиард рублей. <i>Предварительный...</i>	Добавление трехкратного повтора слова <i>предварительный</i> . Усиление масштаба проблемы за счет отсутствия точных и достоверных данных. Скрытая вероятность увеличения объемов ущерба. В каждом употреблении повтор выполняет специфическую функцию. В первом – в сочетании с <i>вот</i> – информативную; во втором – в сочетании с частицей <i>только</i> – уточняющую; в третьем – с паузой – как бы подведение итогов вышесказанного и незаконченность мысли, что заставляет задуматься об истинных масштабах пожаров.
В том числе 105 расположены прямо в лесу, в тайге.	Из этих 226-ти 105 – <i>прямо в тайге, прямо в тайге, прямо в лесу, прямо в тайге.</i>	Усиление экспрессии через повтор наречия <i>прямо</i> .

Написанный текст	Произнесенный текст	Вид и значение импровизации
—	Это только <i>по официальным</i> данным. <i>По официальным</i> . Посмотрите, какие потери понесла страна, <i>сколько потеряли</i> людей, <i>сколько потеряли</i> деревень, <i>какой моральный ущерб</i> и <i>какой ущерб</i> здоровью нации.	Данного фрагмента нет в первоначальном тексте. Эмоциональный разворот с участием повторов фрейма, проявляющего результаты пожаров. Повторы указывают на источник информации (по официальным данным – повторное употребление создает эффект БОльших потерь) и на масштаб урона: сколько потеряли (людей, деревень); какой ущерб (моральный, здоровью нации).
И если придет пожарная машина, то воды набрать практически невозможно.	<i>Ну проехал, дальше-то что? Чем тушит- то? Слюной что ли?</i>	Усиление через повтор риторических вопросов с использованием коллоквиализмов. Риторические вопросы, проявляющие безысходность. Коллоквиальное образное сравнение.

Одним из частых случаев отступления от первичного текста становятся вкрапления в речь губернатора эмоционально и экспрессивно окрашенных слов, выражений, зачастую носящих разговорный, просторечный характер. Очевидно, что такие вставки обусловлены необходимостью более сильного эмоционального воздействия на аудиторию, придание дополнительной экспрессии. Вот только несколько примеров.

Ярким проявлением языковой личности губернатора можно считать его отступления, связанные с историческими аналогиями или личным жизненным опытом, которые также эмоционально усиливают аргументацию, делают текст личностно окрашенным, а главное, придают убедительность, правдивость и достоверность сказанному. Кроме того, в анализируемой речи мы встретили импровизации следующих видов:

– активизация и привлечение внимания аудитории: «*Теперь смотрите*: смертность только в Москве...» вместо «Смертность только в Москве...»;

– замена и использование более сильного определения: «Я считаю, *основная* вина лежит на руководителях» вместо «*Большая* доля вины лежит и на руководителях»;

– усиление аргументации через отсылку к общепринятым ценностям: «Если *Господь* разрешил тебе руководить, все равно ты должен думать, какая бы ситуация не была» или «Одно дело, когда нерешаемо. А то ведь *Божий суд* есть»;

– усиление аргументации через использование юмора: «Там нога человека не ступала, там только этот *снежный парень твой бродит*»;

– персональное обращение к ответственному лицу (на «ты»), апелляция к его личным и профессиональным качествам: «Яшкинский район (Мамонтов). *Александр Владимирович! Ну ты ведь инженер по образованию! У тебя* 65 водонапорных башен. <...> Но у *тебя* в 34 башнях не смогут пожарные машины набрать воду».

Таблица 2

Написанный текст	Произнесенный текст	Вид и значение импровизации
Считаю, что нельзя все списывать только на жару, хотя она действительно аномальная. <...> Убеждён, одной из главных причин пожаров является человеческий фактор...	Ну, с нашей стороны было бы <i>идиотизмом</i> просто говорить: аномалия и все. <i>Ну и что, что жара? Главное</i> ведь не в ней. <i>Главное</i> все равно в людях.	Использование эмоционально-окрашенной лексики (идиотизм). Использование риторического вопроса. Лексический повтор. Частица НУ, являясь разговорно-просторечной, выстраивает доверительное отношение с аудиторией, что корректируется словосочетанием <i>с нашей стороны</i> (то есть со стороны всех, находящихся в аудитории, включая губернатора), что и позволяет оратору употребить экспрессивно-ругательное слово <i>идиотизм</i> . Далее употребление частицы НУ в вопросительной форме звучит как обвинение в бездейственности. Выявление главного фактора причины пожара. Употребление кратких, по сравнению с письменной речью, разговорных синтаксических конструкций.
Кто-то поджиг траву, кто-то бросил окурки, кто-то не затушил костер... А результат один – пожар.	<i>Ну, а дальше как обычно</i> : кто-то поджиг траву, кто-то бросил окурки, кто-то не затушил костер... <i>Глава видит – мер не принимает. Народ пьет. Деревня гуляет. И пошло, и поехало.</i>	Использование экспрессивных выражений, разговорного стиля. Преамбула <i>Ну, а дальше как обычно</i> к описанию действий, приводящих к пожару, уже подготовила к тому, что у слушателей в голове прокрутились причины пожара, поэтому следующие словосочетания они воспринимают как собственные. Такой разворот событий нет в тексте-основе, но в устной речи они значимы. Нарисована картина, характерная для русской ментальности. И не надо называть слова «пожар».

Продолжение таблицы 2

Написанный текст	Произнесенный текст	Вид и значение импровизации
А многие просто не выполняли предписаний, телеграмм, которые вам направлялись	Сколько телеграмм мы посылали. Что только не посылали? Уже пишешь, вот, если телеграмма, мы, вот я ее стараюсь сделать настолько <i>балалаечным языком</i> , чтобы <i>с тремя извилинами</i> было понятно, что от тебя нужно.	Использование эмоционально и экспрессивно окрашенной сниженной просторечной лексики. Фразеологизм <i>писать балалаечным языком</i> , чтобы понятно было каждому, даже тому, у кого <i>все три извилины</i> .
У нас в Кузбассе, слава Богу, такого пекла нет.	Если посмотреть у нас, нам <i>молиться надо по три раза в день</i> , у нас такого пекла нет.	Усиление через использование устойчивого разговорного выражения.
	Всем <i>по барабану</i> , все считают, <i>что их пронесет</i> .	Использование экспрессивной окрашенной разговорной лексики.
	Дай трактористу деньги, покорми его и <i>пусть пойдёт до посинения</i> . <...> <i>Горюководители</i> и все.	Использование стилистически окрашенной лексики и просторечных устойчивых выражений.
	Их надо учить, обучить, <i>что ЖИ ШИ пиши через И</i> .	Использование устойчивого разговорного выражения в ироническом аспекте.
И вот сидят сейчас с Ходорковским, рукавицы шьют.	Все твои коллеги сидят рядом с Ходорковским и шьют варежки. <...> <i>От сумы и от тюрьмы никто не уберёгся</i> .	Использование трансформированного прецедентного выражения для эмоционального усиления аргументации.
	Бесконечные садовые товарищества. Там вообще <i>конь не валялся</i> .	Использование просторечного эмоционально окрашенного выражения.
В некоторых районах не проведена опашка территорий вокруг населённых пунктов, чтобы огонь не мог перекинуться на жилые дома.	Теперь вы знаете, самое действенное, это еще <i>Киевская Русь была</i> , ничего больше не придумашь, самое эффективное, <i>и я служил в саперных войсках в Забайкалье</i> , это одно – опашка территорий. Опашка – это самое действенное.	Прием исторической аналогии и апелляция к собственному опыту.
В большинстве территорий у нас фактически отсутствуют добровольные пожарные команды. То есть они имеются, но только на бумаге.	В большинстве территорий числятся пожарные дружины, но они не работают. <i>Я еще помню социализм. Там действительно не до конца была система продумана, но я помню пацаном, что мне давали три дня к отпуску. Я, правда, не тушил, честно это говорю, но мне давали эти три дня, потому что я записался, я член этой пожарной дружины</i> .	Прием исторической аналогии, плюс апелляция к собственному опыту.

Еще раз повторим, что в данном случае высокая степень импровизации губернатора, его «свободное» обращение с исходным текстом связано с особенностями коммуникативной ситуации, характером аудитории и целями выступления.

Для сравнения возьмем текст другого выступления губернатора – приветственного слова на открытии областного форума «Кузбасс спортивный». Характер этого мероприятия совсем иной – это широко публичное событие, с участием большого количества почетных гостей и жителей Кузбасса, транслируемое по областным и российским телеканалам. Жанр выступления губернатора в данном случае – ритуально-торжественная речь. Импровизации политика минимальны, но при этом очень точно соответствуют задаче выступления и атмосфере праздника. Функцию импровизаций А. Г. Тулеева в этом случае мы могли бы определить как консолидирующую, объединяющую, интегративную. В этот момент губернатор выступает как гостеприимный хозяин благополучного региона, где есть социальная стабильность, единство и сплоченность людей. Отсюда в отступлениях от написанного чаще всего используется объединительная лексика: мы, вместе, сообща и т. д.

Написанный текст	Произнесенный текст
Сегодня мы даем старт.	Сегодня <i>вместе с вами</i> даем старт.
Можно сказать, закладываем новую традицию в жизни области.	Можно сказать, <i>мы совместно</i> закладываем еще одну новую традицию в жизни <i>нашей</i> области.
Я рад приветствовать наших почетных гостей.	И конечно, в первую очередь, <i>мы должны поприветствовать</i> наших почетных гостей.

В этом же тексте мы встречаем активизирующие внимание и побудительные дополнения в текст, которые делает губернатор.

Например: «**Дорогие друзья!** Сегодня на нашей встрече...» вместо «Сегодня на нашей встрече...»; «...и добился победы. **Давайте поздравим его!**» вместо «...и добился победы»; «**Посмотрите**, у нас в Таштаголе действует...» вместо «У нас в Горной Шории, в г. Таштаголе, действует...».

Но в целом импровизации в данном выступлении носят точечный характер, при этом неся высокую

степень продуманности и соответствия задачам оратора.

В публичных выступлениях А. Г. Тулеева нередки случаи объемных импровизаций, значительных отступлений от написанного текста. Чаще всего они связаны с темами, которыми губернатор владеет свободно и легко: прошлое и настоящее Кузбасса, развитие угольной, металлургической, химической промышленности и т. д. Эти импровизации всегда к месту и всегда по делу. Они никогда не бывают для «красного словца» и всегда несут определенный эмоциональный заряд, важный политический смысл.

Так, на открытии Бизнес-инкубатора в Кузбасском технопарке в апреле 2011 года А. Г. Тулеев начинает свое по сути информационное выступление с большого импровизационного пролога, которого нет в подготовленном тексте выступления. Он обращается напрямую к присутствующему на мероприятии министру связи и массовых коммуникаций И. О. Щеголеву. Причем это не просто этикетная форма обращения, хотя А. Г. Тулеев начинает с фразы «Рад Вас видеть, Игорь Олегович». Но далее губернатор делает отсылку к прошлому приезду министра, который состоялся 9 лет назад. Тулеев напоминает министру о его участии в заседании Госсовета РФ под председательством В. В. Путина, о принятой на том заседании Программе развития угольной промышленности до 2020 года, которая крайне значима для Кузбасса. И здесь же губернатор успевает кратко отчитаться перед министром, а косвенно перед Правительством России, о ходе выполнения этой Программы в Кемеровской области. Данное вступление к речи, на первый взгляд,

напрямую не относится к теме выступления. Однако это только на первый взгляд. По сути, импровизация Тулеева расширяет контекст одного локального мероприятия (открытие бизнес-инкубатора) до уровня реализации программы государственного масштаба.

Как следует из проведенного сопоставления первичного текста и текста, произнесенного в аудитории, – это два сопряженных между собой текста. Окончательный текст обладает более мощной суггестивной направленностью. Почти всегда отступления политика от написанного текста в виде повторов, риторических вопросов, апелляций к жизненному опыту, исторических аналогий, емких сравнений и метафор – это черты, в большей степени разговорной устной речи. Эти отступления всегда связаны с конкретной ситуацией произнесения, текущим моментом, состоянием аудитории и задачами коммуникации. Произнесенные с разной интонацией, характеризующие разные объекты одной ситуации, они обладают мощным импульсом воздействия на подсознание, порождая в мозгу слушающих образную картину события.

Вербальная импровизация помогает политику сделать свое выступление ярким, образным и индивидуальным.

Таким образом, эффективный текст публичного выступления политика – это не идеально написанный универсальный текст, отвечающий всем требованиям ораторского искусства, а произнесенный в конкретных коммуникативных условиях текст, который соответствует психологическому портрету политика, его индивидуальному имиджу, вербальным и невербальным особенностям личности.

Литература

1. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России / А. Ильин [и др.]. – М.: ИМА-пресс, 1999. – 144 с.
2. Кривоносов, А. Д. Основы спичрайтинга / А. Д. Кривоносов. – СПб., 2003. – 55 с.
3. Лихачев, Д. С. Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.) / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962.
4. Плотникова, А. В. Диалогический повтор как средство организации речевого взаимодействия: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Плотникова. – Саратов, 2004. – 203 с.
5. Чепкасов, А. В. Работа спичрайтера и политического деятеля над текстами публичных выступлений (к постановке проблемы) / А. В. Чепкасов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – № 11.
6. Чепкасов, А. В. Спичрайтинг как когнитивно-дискурсивный процесс / А. В. Чепкасов // Вестник Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 9.

Информация об авторе:

Чепкасов Артур Владимирович – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и журналистики КемГУ, 8 (3842) 582745, chepkasoff@yandex.ru.

Chepkasov Arthur Vladimirovich – Candidate of Philology, Dean of the Faculty of Philology and Journalism of KemsU.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОСНОВА СИСТЕМНОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Н. И. Шапилова

SEMANTIC DERIVATION AS A BASIS OF LEXICAL ITEMS SYSTEMIC AND FUNCTIONAL INTERACTION

N. I. Shapilova

В статье рассматривается семантическая деривация слов в сфере ЛСГ как типовой модели системных отношений слов, детерминирующих регулярность внутрисловных деривационных процессов в сфере языка и речи.

The article deals with the semantic derivation of words in the lexico-semantic group as the typical model of word system relations, determining the regularity of innerword derivational processes in the sphere of language and speech.

Ключевые слова: семантическая деривация, лексико-семантическая группа, типовая модель системных отношений слов, сфера языка и речи.

Keywords: semantic derivation, lexico-semantic group, the typical model of word system relations, the sphere of language and speech.

Обращение к лингвистическому анализу в широком аспекте, раскрывающему внутренние связи между отдельными уровнями классов слов, лексико-семантических категорий и возможностями перехода из одной категории в другую, обусловлено активным интересом исследователей к описанию функциональных свойств лексических единиц на новом витке развития лингвистической науки.

Внимание современной лингвистики к функционированию языковой системы и описание как лексико-семантической системы в целом, так и отдельных её фрагментов в динамическом аспекте поставило задачу разработки общей теории, которая адекватно и полно отразила бы процессы речевой и текстовой деятельности. В качестве объекта построения такой теории естественно были выбраны наиболее часто повторяющиеся регулярные языковые процессы, которые получили отражение в виде определённых правил порождения, позволяющих прогнозировать и моделировать тот или иной процесс, тот или иной аспект функционирования языковых единиц. Результативность таких исследований является высокой в том случае, когда объектом изучения выступает та или иная интегративная совокупность единиц, связанных системными, формально-смысловыми отношениями. К ним относятся прежде всего такие парадигматические объединения, как лексико-семантические и тематические группы, которые одновременно являются и единицами, моделирующими лексико-семантическую систему языка.

Анализ моделирующих возможностей, указанных лексических объединений в когнитивном аспекте показал, что парадигматические модели выражают не только системные отношения, но и когнитивную деятельность человека, то есть в этом случае исследователи говорят об интегративном единстве, создаваемом «взаимодействием двух типов концептов: во-первых, связанных со знаниями, полученными в результате отражения действительности, и, во-вторых, связанных со знаниями языковой системы, используемой в качестве средства познания этой действительности, со

знаниями языка как объекта действительности [8, с. 337]. В этом случае, в зависимости от акцентирования функции языка как объекта или инструмента в процессе исследования, можно говорить об актуализации при интерпретации либо когнитивной, либо метаязыковой компетенции субъекта.

При исследовании системных связей лексических единиц самыми значимыми признаются лексико-семантические парадигмы, формирующиеся на основе категориально-лексических сем – лексико-семантические группы (ЛСГ). Категориально-лексические семы являются, по мнению семасиологов, важнейшими в организации лексического значения слова и образуют узловые пункты в квалификации слов, в связи с чем «словарный состав может быть представлен разбитым на определённые классы, образуемые пересечением именно категориальных признаков» [3, с. 371]. Категориально-лексическим семам подчинены все остальные, менее общие семы, которые уточняют, конкретизируют их, что обуславливает иерархический характер семантического пространства парадигмы. Вместе с тем ЛСГ представляет собой типовую модель системных отношений. Исследователями отмечается эталонный характер этой модели (А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев, Э. В. Кузнецова, О. И. Блинова). В лексико-семантической группе все системные отношения «достигают предельной концентрации» – они «структурируются по трем осям системных отношений, обозримы в своих границах и свойствах, отражают языковую картину мира» [1, с. 46] и представляют собой указанную модель системных отношений. Не случайно во многих семасиологических работах говорится об исследовании лексической системы методом ЛСГ. Включаясь в образование более широких классов слов (как, например, полей), ЛСГ вместе с тем выступает в качестве объединяющего пространства для синонимических, антонимических рядов, а также для парадигм внутрисловного характера, формирующихся в результате деривационных семантических процессов на основе их метафорического и метонимического моделирования. При этом регулярность внутрислов-

ных деривационных процессов задаётся наличием интегральных признаков в структуре исходных лексем, включающих семантику слова – идентификатора (например, говорить, чувствовать, двигаться, воспринимать).

Семантический процесс образования вторичных значений обладает определёнными закономерностями, которые связаны не только с конкретным алгоритмом их развития, но и с семантической первоосновой – первичными значениями, которые прямо соотношены с их денотативными значениями.

Порождение семантических дериватов осуществляется в ментальной сфере, представляя собой процесс ассоциативно-мыслительного взаимодействия двух представлений, сформировавшихся на основе восприятия объектов реального мира. Указанный процесс проецируется в вербальную сферу, проекция формирования деривата в языке получает выражение во взаимодействии денотатов, понятий, отражённых в значениях слов.

Сущность процесса языковой внутрисловной деривации состоит в семантическом взаимодействии исходной единицы (источника) и производной единицы (результата, цели). Механизм порождения семантических дериватов основывается на взаимодействии исходного и производного значений на семном уровне. Моделированию семантического механизма деривации способствовало применение анализа, позволившего вербализовать элементы, составляющие лексическое значение слова, отражающие признаки предметов и явлений реальной действительности.

Выявление механизма семантической деривации осуществляется, как известно, на основе взаимодействия семных структур, исходного и производного значений. При этом необходимо выявить не только набор сем, но и установить их статус в структуре значения взаимодействующих единиц. На основе типологии актуализирующихся в процессе семантической деривации сем (интегральные, дифференциальные, потенциальные) и их статусных свойств создаются модели семантической деривации [9, с. 233].

Одной из специфических черт ЛСГ является однородный, повторяющийся набор дифференциальных семантических признаков, выделяемых в значении составляющих её единиц. Это обусловлено тем, что семы исходных категориально-лексических значений детерминируют определённые аспекты своего уточнения, формируя типы дифференциальных сем, наборы которых оказываются специфическими для каждой группы.

Таким образом, ЛСГ обладает и сложной полевой структурой, в них отчетливо выявляются ядерные и периферийные зоны. Э. В. Кузнецова отмечает, что слово-доминанта с наиболее тесно примыкающими членами ЛСГ образует ядро, в котором сосредоточено основное семантическое значение данной группы. Периферийные элементы наиболее удалённые от ядра, вследствие наличия дополнительных характеристик, детализируют и конкретизируют основное значение.

Многие исследователи сходятся на признании открытого характера ЛСГ. Так, Ю. Н. Караулов считает, что открытость поля, его незавершённость, способ-

ность «генерировать» новые слова выступает как фундаментальное его свойство [5, с. 214]. Объём и состав ЛСГ обусловлен конкретно-языковой реальностью и постоянно изменяется в соответствии с требованиями коммуникативной пригодности языка. Границы ЛСГ имеют подвижный характер и в силу подвижности семантической структуры самих элементов группы, их способности к постоянному изменению и развитию, что, с другой стороны, обуславливает пересекаемость различных ЛСГ [2, с. 119].

В изучении семантической системы языка особенно значимыми являются глагольные лексико-семантические парадигмы, так как глагол – это семантически ёмкая и сложная категория, отражающая, по мнению Е. С. Кубряковой, вполне определённый пласт человеческого опыта. Русский глагол отличается исключительной сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей [6].

Своеобразие глагольной семантики находит выражение в сложности, многокомпонентности, высокой степени иерархизованности семной структуры глагола, а также в синтаксической обусловленности некоторых аспектов его значения.

Предельно абстрактный в рамках класса глаголов категориально-грамматический признак, по которому глагол выделяется из всего класса словаря, обычно характеризуется как процессуальный (динамический) признак. Значение процесса свойственно всем глаголам, независимо от их лексического значения.

Грамматика современного русского языка именно по этому признаку противопоставляет глагол прилагательным и наречиям, которые называют признаки нединамичные, статальные.

Особенно информативны для таких исследований группы глаголов, принадлежащие к основному словарному фонду языка, к числу которых относится и ЛСГ глаголов движения или перемещения субъекта.

Денотатом исследуемых глаголов является процессуальная ситуация, представляющая глобальный характер динамики движения, разных типов субъектов, способных к перемещению в пространственно-временном континууме. Всеобъемлющий характер движения получил выражение в одном из значений лексемы движение, относящемся к области философии («филос. Способ существования материи «её всеобщее, неотъемлемое свойство; непрерывный процесс изменения и развития материального мира». МАС). Особенно активно в роли субъекта выступает человек, динамика которого проявляется в различных сферах его жизни: физической (физиологической), ментальной, психической, эмоциональной.

Кроме того в роли субъекта в ситуации перемещения могут выступать: биофакты (животные, птицы, рыбы, насекомые); натурфакты (вода, воздух, огонь); планеты (Земля, Солнце, звезды); единицы времени и пространства (час прошёл, год пролетел, ночь подкралась; степь приближалась, поле раздвинулось и т. д.).

В ментальной, психической и эмоциональной сферах движение предстаёт как динамический процесс – изменение состояния, развитие, совершенство-

вание; в сфере социальной, профессиональной – как перемещение по иерархической лестнице.

Ситуация движения вербализуется глаголами обобщённой семантики (двигаться, перемещаться, передвигаться), выступающими в роли идентификаторов ЛСГ.

Общекатегориальная сема процессуальности, характеризующая любой глагол, в то же время в каждом из них конкретизируется в менее абстрактных субкатегориальных семах. Последние являются основанием деления глагольной лексики внутри классов на подклассы. В ЛСГ глаголов движения в качестве субкатегориальных сем выступают семы, конкретизирующие движение в аспектах изменения состояния (страх прошёл, радость улетучилась), развитие способностей (восприятие обострилось, память притупилась), совершенствование умений, навыков (владение кистью пришло не сразу).

Дальнейшая субкатегоризация глагола осуществляется на основе семантических категорий ещё более низкого уровня абстракции путем их конкретизации в значениях отдельных глаголов, объединяющихся в подгруппы. Таковыми являются, например, абстрактные лексико-категориальные семы, 'общая направленность перемещения', 'целенаправленность движения', 'способ перемещения', 'среда перемещения' в ЛСГ глаголов движения.

Абстрактные семы в пределах класса глаголов выполняют двоякую функцию: идентифицирующую – по отношению к единицам, находящимся на последующей ступени иерархии класса, и дифференцирующую – по отношению к единицам предшествующей ступени. Соответственно они различаются по степени конкретности / абстрактности.

В рассмотрении проблемы семантического взаимодействия классов на основе внутрисловной деривации центральным должно стать положение об обусловленности семантических процессов взаимодействием базового класса порождающего значение и класса, его воспринимающего. Формирование производного значения слов представляет собой сложный процесс, определяемый как категориальными свойствами взаимодействующих классов, так и семантическими характеристиками лексических объединений, располагающихся на разных ступенях семантической иерархии внутри классов.

Большие возможности для реализации семантического потенциала на основе свойственной ему синтагматичности глагол получает в пространстве текста. Синтаксическая обусловленность семантики глагольного слова связана с тем, что в нем получили обобщённо-типизированную репрезентацию отношения между реалиями объективного мира. При этом глагол включает в свою семантику и обобщённо-языковые представления о самих этих реалиях в виде функционально различающихся синтагматических сем – таких, как субъектность, объектность, адресантность, директивность, локативность и т. п. Так, например, глагол *двигаться* содержит в своём основном значении обобщённо-языковое представление о субъекте или лице, предмете и адвербиальные компоненты (место, время, способ, цель, темп и др.), большинство из которых может подвергаться количественно-

оценочной квалификации. Глагол аккумулирует огромную потенциальную силу экспрессии, так как обладает широкими возможностями описания жизни в её развитии, движении. В художественных произведениях всё, о чем рассказывает автор, лишь тогда «оживает», когда события, люди, мотивы их поступков, свойства характеров представлены в динамике, в действии. Глагол используется в художественной речи прежде всего для передачи движения, выражающего динамику мира и духовной жизни человека.

В связи с переакцентировкой внимания на функциональный аспект языка в современной лингвистике особую актуальность приобретают работы, в которых представлено функциональное описание ЛСГ в речи, в текстах (Л. Г. Бабенко, О. П. Жданова). ЛСГ, функционирующие в текстах (ФСК), часто отличаются и в количественном отношении, и в структурном (ядерно-периферийная организация элементов).

И хотя ЛСГ и ФСК предикатов движения определяются на основе разных источников (соответственно словаря и художественной литературы), в их структуре отмечается пересечение по ядерному составу.

ЛСГ глаголов движения, сформированная на основе прямых и переносных значений слов, зафиксированных толковыми словарями, составляет ядро и околядерную зону ФСК, обеспечивая устойчивость своего функционально-семантического эквивалента, подвергающегося разного рода трансформации под воздействием контекста речевой среды.

Автор стремится обозначить вновь познаваемые стороны наблюдаемых явлений и устанавливаемые им новые связи между реалиями внеязыкового мира. При отражении этих моментов и проявляются в ФСК предикатов движения периферийные участки, элементы которых имеют дополнительную маркировку, не обусловленную семантическими потенциями элементов непосредственно предшествующей ступени иерархии.

В ходе исследования было отмечено, что в процессе функционирования в тексте лексические единицы, принадлежащие по своей исконной семантике к ЛСГ глаголов движения, могут видоизменять семантику под влиянием контекста в соответствии с целью установкой и стратегией автора.

В художественном тексте под влиянием широкого контекста нередко ослабляются словарные особенности слова, то есть те свойства, которые ему присущи как единице языковой, и актуализируются потенциальные свойства слова, в результате чего в тексте реализуются различного рода контекстуально обусловленные модификации.

В зависимости от степени трансформации в условиях текста слова могут оставаться в пределах ФСК, перемещаясь при этом на периферию класса, а могут переходить в другие смежные или семантически удалённые ФСК. По отношению к исходной ЛСГ подобные перемещения единиц определяются как центробежные или центростремительные. Та или иная ЛСГ может «отдавать» единицы, подвергшиеся семантической трансформации, и может «вбирать» единицы других ЛСГ, получившие смыслы, свойственные её семантической структуре. Такое перемещение единиц приводит к постоянному взаимодействию и взаимообогащению ФСК в условиях текста.

В цикле рассказов В. П. Астафьева наиболее частотным является взаимодействие глаголов движения и звучания:

*...по кромке каменистого берега **прохрипит** на-пряженным мотором самосвал, грузовик с гвоздями и пиломатериалами,*

*Однако никто меня не грабил, и вот уже поезд вдали **завучал**, я снова шагу прибавил,*

*Хожу я обычно к Соборной горке – здесь тихо, уютно, **не урчат** машины, **не трещат** лихие мотоциклы...*

Несмолкаемо, монотонно шумело вокруг месиво комара.

Тяжелые условия жизни сибирской деревни тридцатых годов нашли отражение и в семантике глаголов движения, находящихся на периферии ФСК:

*У нас на Руси от веку по дорогам **шатаются** ушибленные судьбой хромые или кривые бабенки.*

*Знающие люди предсказывали, что она **станет таскаться** за ним всю жизнь.*

*Я тяжело **волочил ноги** и задыхался.*

*И всякий раз, когда я слышал его, этот плач, сердце останавливалось у меня, и думал я: если все женщины земли соберутся на солдатские кладбища; мир **содрогнётся** и **падет ниц** перед этим горем.*

Как показывают контексты, семантике движения сопутствуют компоненты физического, эмоционального состояния героев, особенно женщин, жизнь которых была в то время тяжелой часто безысходной:

шатаются бабёнки ('без цели', 'без дела'); она станет таскаться за ним ('обреченность', 'мучение', 'безысходность').

На периферии ФСК предикатов движения отмечаются индивидуально авторские образования, отражающие своеобразие данного функционально-семантического эквивалента в сопоставлении с языковой ЛСГ:

*По окраине города **култыхала** подвода с цыганами.*

*На фронте тоже повезло, на почтовика- «кукурузника» посадили, **пыркал** он, ползал по фронту невысоко над землей.*

*Бабка Евлампия уже при огнях бегала к продавщице за вином, случалось в другую деревню гололяхом **строчила**, сжимая мелочишку в сухонькой горсти.*

*Она (изба) **хряпнулась** в реку, закружилась в водовороте, роняя одно по одному брёвна.*

*Во время заделья я все время неусыпно следил, ждал этого момента и **стриганул**, раскидывая тяжёлыми ботинками комок грязи на стороны...*

Таким образом, глаголам движения, вследствие их потенциальной динамичности, способности к порождению единиц не только на межсловном, но и на внутрисловном уровнях, принадлежит особая роль в раскрытии таких художественных смыслов, как человек, пространство и время в их единстве и взаимосвязи.

Литература

1. Антонова, С. М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации: монография / С. М. Антонова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 519 с.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. – Т. 1. – М., 1995.
3. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1983.
4. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004.
5. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
6. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М., 1997.
7. Стернин, И. А. Лексическое значение в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985.
8. Шарандин, А. Д. Семантическая структура слова как отражение языковой интеграции / А. Д. Шарандин // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2010 г.): труды и материалы. – М., 2010.
9. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. – М., 1973.

Информация об авторе:

Шапилова Нина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, kemsu@list.ru.

Shapilova Nina Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Russian Language Department of Kemsu.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ИЗОМОРФНОГО ОБРАЗА-СИМВОЛА ВОЛКА В ГЕРМАНСКОМ МИФОМИРЕ

Л. А. Шарикова

CONCEPTUAL MEANINGS OF THE ISOMORPHIC IMAGE-SYMBOL OF THE WOLF IN THE GERMAN WORLD OF MYTHS

L. A. Sharikova

В статье рассматривается проблема изучения мифосознания на примере выделения и интерпретации концептуальных смыслов, вложенных в изоморфные образы с традиционным ценностным статусом, в частности, в фольклорный образ-символ Волка, являющегося значимой составной частью единого мифомира древних германцев, зафиксированного в сохранившихся текстах «Старшей Эдды».

The problem of studying the myths consciousness is discussed on the basis of allocation and interpretation of the conceptual meanings enclosed in isomorphic images with the traditional valuable status, in particular, in the folklore image-symbol of the wolf as a significant component of the Ancient Germans' united world of myths, fixed in the remaining texts of the *Elder Edda*.

Ключевые слова: мифосознание, мифологическая картина мира, концептуальные смыслы, изоморфный образ-символ.

Keywords: myths consciousness, mythological picture of the world, conceptual meanings, isomorphic image-symbol.

Данное сообщение посвящено исследованию концептуальных смыслов (далее – КС) зооморфных образов-символов в текстах германских мифов (на примере образа Волка). В творчестве любой эпохи находит отражение определённая картина мира (далее – КМ), сформированная особым мировидением целых народов. Создатели текстов «Эдды», древние германцы, – носители особого мышления, резко отличающегося от современного. В древнем искусстве отражены образы, которые наделены особым ценностным статусом (образы-символы) и в совокупности составляют мифологическую КМ.

Общее описание древнегерманской мифосистемы наиболее полно представлено в работах Я. Гримма («Die deutsche Mythologie», «Die germanische Goetterwelt»), однако оно представляет собой переложение содержания германских мифов и описание основных персонажей без их детального анализа. Непосредственно анализом зооморфных образов-символов в различных культурах, и прежде всего в германской мифологии, занимались лишь несколько фольклористов: Е. М. Мелетинский, А. Я. Гуревич, М. И. Стеблин-Каменский, Т. В. Топорова, представляющие российскую школу фольклористики XX века [1, с. 155 – 161]. Но и их исследования в данном направлении во многом носят описательный характер. Актуальность темы заключается в том, что функции зооморфных образов-символов в текстах германских мифов с точки зрения исследования приписываемых им создателями древней мифосистемы КС, в филологии изучены крайне мало. В образах-символах, их характеристиках и роли в функционировании мифомира выражается концептуальная КМ древних германцев, поэтому их толкование, изучение сознания архаичного человека – это ключ к пониманию современного человека, его менталитета, объяснению этнических и национальных особенностей.

Исследуемая проблема интересна тем, что она коррелирует с фундаментальной проблемой взаимоотношения языка и сознания, которая была впервые сформулирована В. фон Гумбольдтом в его известной работе «О различии строения человеческих языков» («Über die Verschiedenheit des Menschlichen Sprachbaues»). Он полагал, что человеческий опыт, выраженный в содержательных аспектах языка, формирует сознание и мировоззрение людей. Кроме того, он поставил вопрос о том, что дух народа, репрезентируемый его внутренней формой, определяет особенности его языка. Во многом идеи В. ф. Гумбольдта развил Й. Л. Вайсгербер: «Объективный мир представлен предметами природы, объектами материальной культуры, предметами духовных сфер. Человек удерживает через язык свой чувственный опыт объективного мира» [2].

«Изучение образов-символов в текстах германских мифов актуально по нескольким причинам:

- образы животных первоначально возникали в архаичном мифологизированном сознании древнего человека и затем находили свое отражение в эпосе и искусстве, где выражалась система ценностей древнего общества;

- в результате исследования реконструируются КС компонентов мира, релевантные и сегодня;

- тексты «Старшей Эдды» изучены недостаточно и вызывают большой интерес в современной филологической науке» [3, р. 148].

Объектом исследования выступают КС, определяющие ядро мифологизированного этносознания, предметом является комплекс случаев вербализации характеристик зооморфного образа-символа в текстах германских мифов. Цель исследования – выделить и описать КС образа-символа Волка в текстах германских мифов. Источниками материала исследования послужили тексты песен о богах «Старшей Эдды», представляющих мифосистему древних германцев.

1. Роль зооморфных образов-символов в мифологической картине мира

Как неотъемлемая часть КМ миф является одним из способов адаптации человеческого общества к условиям окружающей среды, он помогает его членам постичь реалии объективного мира, примириться с некоторыми из них.

В мифологическом представлении природный мир един, живое тождественно неживому, это приводит к представлению о вечности и цельности мира, о том, что ничего не исчезает бесследно, что смерть – не конец всего, а начало нового мира как миропорядка. «Для мифа характерна замена причинно-следственных связей прецедентом – происхождение предмета выдаётся за его сущность. ... Объяснить устройство вещи – это значит рассказать, как она делалась, описать окружающий мир – значит рассказать о его происхождении» [4, с. 6]. Содержание мифа для архаичного человека является реальным событием прошлого (как правило, очень далёкого) и не подвергается сомнению [5]. Первым, кто отверг понимание мифологии как поэтического или философского вымысла, был Шеллинг. Его последователь Эрнст Кассирер также утверждал, что миф является сознанию как полностью объективная реальность.

Пространственная «модель мира» скандинавской эддической мифологической системы включает «горизонтальную» и «вертикальную» проекции. Горизонтальная проекция антропоцентрична и построена на противопоставлении обитаемого людьми и занимающего центральную, освоенную часть земли Мидгарда пустынной, каменистой и холодной окраине земли (Утгард, Етунхейм), населённой великанами (ётунами), а также находящемся вокруг земли океану, где живёт чудовище Ермунганд. Основу вертикальной космической проекции составляет мировое древо – ясень Иггдрасиль. Оно связывает землю, где живут люди (Мидгард), с небом, где (в Асгарде) находятся боги и где помещается своеобразный «край» для павших воинов – вальхалла, а главное – с подземным миром, где находится царство мёртвых – хель и разнообразие водные источники.

Во временном аспекте скандинавская мифология делится на «космогоническую и эсхатологическую (мифы творения и конца мира)», между которыми существует неполная симметрия [6, с. 127 – 130]. Мир возникает из взаимодействия воды и огня с холодом и погибает от пожара и наводнения, стужи и жары, в «начальные» и «конечные» времена повторяются примерно те же поединки богов и хтонических демонов. В то же время асы и ваны (основные группы скандинавских богов), враждебные в «начале», выступают в «конце» как единое племя богов.

Для архаичного человека характерным было наделение КС того, что его окружает. «В качестве естественных символов избираются силы и стихии природы, небесные и космические тела, драгоценные камни, реки, моря, леса, животные и т. п.» [7, с. 340]. В быту животным отводилась важная роль: на них охотились и с их помощью охотились, их содержали и получали от них шкуры, шерсть, мясо, молоко, жир, от них защищались и с их помощью защищались. Это не могло не привести к наделению образа того или

иного животного какими-то функциями, которые, по мнению человека, оно призвано выполнять в этом мире. Таким образом, человек стремился объяснить не только окружающую его природу, но и самого себя, пытался определить свою роль в мироздании. «Отсутствие в сознании определённой дифференциации между человеком и животным, представления о «двойственной» природе человека приводят подчас к крайней неопределённости, вернее, к зоантропоморфному облику героя мифа. Это относится прежде всего к тотемным мифам, в которых действуют тотемные предки-создатели одновременно и какой-нибудь определённой породы животных, и человеческой группы, для которой тот или иной вид животных является тотемом» [8, с. 9]. При этом моделью мира может быть не только дерево, но и гора, и даже человек. Таким мировым древом в скандинавской мифологии является ясень Иггдрасиль. На его вершине сидит орёл, а между его глазами – ястреб Ведрфёльнир. Корни ясени грызут дракон Нидхёгг и змеи. Перебранку между орлом и драконом переносит белка Рататоск. Посередине – четыре оленя, щиплющих листья, олень Эйктюрмир и коза Хейдрун. Ствол Иггдрасиля покрыт медом поэзии, и поедающая его листья коза Хейдрун питает медвяным молоком павших в бою воинов в вальхалле.

«В эддических мифах животные ... в ряде случаев играют центральную роль (волк Фенрир, змей Ёрмунганд, корова Аудумла), и многие человекоподобные главные персонажи принимают образ животного... всё это... реликт той древней эпохи, когда господствовало представление, что животные – это такие же личности, как люди...» [9, с. 152]. М. И. Стеблин-Каменский говорит о совпадении особи и вида, то есть каждый зооморфный персонаж выступает как единственный представитель вида.

2. Концептуальные смыслы образа-символа Волка в германском мифомире

В мифологических представлениях многих народов Евразии и Северной Америки образ Волка был преимущественно связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени (прим. автора: из текста «Старшей Эдды» выбраны мини-тексты, содержащие характеристику символа (из песен *Hávamál* «Речей Высокого», *Grímnismál* «Печи Гримнира», *Hárbarpsljóð* «Песнь о Харбарде», *Völuspá* «Прорицание вёльвы», *Sigrdrífumál* «Печи Сигдривы», *Lokasenna* «Перебранка Локки»).

[PB] 1. Ár skal rísa sá er annars vill fê eða fjör hafa; sjaldan liggjandi ulfr lær of getr né sofandi maðr sigr.	Рано встает, кто хочет отнять добро или жизнь; не видеть добычи лежащему волку, а победы – проспавшему.
---	---

[PG] 2. Mjög er auðkennt, þeir er til Óðins koma salkynni at séa: vargr hangir fyr vestan dytt ok drúpir örn yfir.	Легко отгадать, где Одина дом, посмотрев на палаты: волк там на запад от двери висит, парит орел сверху.
[PG] 3. Sköll heitir úlfr , er fylgir inu skirleita goði til varna víðar, en annarr Hati , hann er Hróðvitrnis sonr, sá skal fyr heiða brúði himins.	Сколь имя Волка , за солнцем бежит он до самого леса; а Хати другой, Хродвитнира сын, предшествует солнцу.
[PC] 4. Þat ræð ek þér it tíunda, at þú trúir aldregi várum vargdropa , hvárstu ert bróður bani eða hafir þú felldan föður; ulfr er í ungum syni, þó sé hann gulli gladdr.	Десятый совет – не верь никогда волчьим клятвам, – брата ль убил ты, отца ли сразил: сын станет волком и выкуп забудет.
[PLI] 5. Hann var bundinn með þörmum sonar síns Vála, en Narfi sonr hans varð at vargi .	Он был связан кишками сына своего Вали, а сын его Нарви превра- тился в волка .

В качестве бога войны волк выступал, в частности, в индоевропейских мифологических традициях, что отразилось в представлении о двух волках Geri и Freki («жадный» и «прожорливый», но это не единственные их имена), сопровождавших Одина в качестве его «псов».

Богам войны, в том числе Одину, приносили в жертву волков, собак, а также людей, «ставших волками» (согласно общеиндоевропейскому представлению, человек, совершивший тягостное преступление, становился волком).

В «Эдде» конец мира вызван чудовищным волком, сорвавшимся с цепи. Фенрир (др.-исл. Fenrir, Fenrisulfr) в скандинавской мифологии гигантский волк, одно из трёх хтонических чудовищ, порождённых в лесу Ярнвид великаншей Ангрбодой от Локки.

[PB] 6. Austr sat in aldna í Járnvíði ok fýddi þar Fenris kindir. Verðr af þeim öllum einna nokkurr tungls tjúgari í tröls hami.	Сидела старуха в Железном Лесу и породила там Фенрира род; из этого рода станет один мерзостный тролль похитителем солнца.
---	--

В «Младшей Эдде» рассказывается, как боги сначала держали Фенрира у себя, причём только Тюр решался его кормить. Так как все пророчества говорили о том, что Фенрир создан им на погибель, боги надели на него цепь Лединг, но Фенрир легко её порвал, так же, как и другую Дроми.

Карлики сделали по просьбе богов крепчайшую цепь Глейпнир (из шума кошачьих шагов, женской бороды, корней гор, медвежьих жил, рыбьего дыхания и птичьей слюны), и боги надели на него эту цепь и приковали волка, причём он откусил правую руку Тюру, положившему её к нему в пасть в знак того, что боги не нанесут волку вреда.

В «Старшей Эдде» и в «Младшей Эдде» описывается, как перед концом мира Фенрир вырывается из пут и в последней битве хтонических чудовищ и великанов с богами проглатывает Одина. Видар, сын Одина, мстя за отца, разрывает Фенриру пасть (или пронизывает мечом сердце). Согласно «Речам Вафтруднира», Фенрир проглатывает солнце. Эстахологический демон Фенрир, несомненно, связан, прежде всего, с «одинической» мифологией, в которой волки занимают большое место [10, с. 245].

[PLI] 7. Handar em ek vanr, en þú hróðrsvitrnis ; böl er beggja þrá; úlfi hefir ok vel, er í böndum skal bíða ragnarökr.	Я лишился руки, а Хродрвитнир где твой! Оба терпим потерю; но тяжко и Волку в цепях дожидаться заката богов.
[PLI] 8. Úlfr sé ek liggja árósi fyrir, unz rjúfask regin; því mundu nýst, nema þú nú þegir, bundinn, bölvasmiðr!	« Волк должен лежать в устье реки до кончины богов; если ты не замолкнешь — тотчас же будешь закован, злодей!»

[PX] 9. “Orðkringi þín mun þér illa koma, ef ek ræð á vág at vaða, ulfi hæra hygg ek þik nýra munu, ef þú hlýtr af hamri högg.”	„Отплачу я тебе за обидные речи, пролив переплыв: громче волка ты будешь выть, коль ударю молотом мощным!“-
[PLI] 10. Þegi þú, Týr, þú kunnir aldregi bera tilt með tveim; handar innar hægri mun ek hinnar geta, er þér sleit Fenrir frá.	«Ты, Тюр, молчи! Мирить не умел ты в распре врагов: правую руку твою помяну я, что Фенрир отгрыз».
[PLI] 11. Jarðar burr er hér nú inn kominn; hví þrasir þú svá, Þórr? en þá þorir þú ekki er þú skalt við úlfinn vega, ok svelgr hann allan Sigföður.	«Вот и сын Ёрд прибыл сюда: что ж браниться ты на- чал? Не будешь ты смелым, с Волком сражаясь, что Одина сгубит».

[ПВ] 12. Kjóll ferr austan, koma munu Múspells um lög lýðir, en Loki stýrir. Fara fiðmegir með freka allir, þeim er bróðir Býleists í för.	С востока в ладье Муспелля люди плывут по волнам, а Локи правит; едут с Волком сыны великанов, в ладье с ними брат Бюлейста едет.
[ПВ] 13. Þá kemr Hlínar harmr annarr fram, er Óðinn ferr við úlf veka, en bani Belja bjartir at Surti; þá mun Friggjar falla angan.	Настало для Хлин новое горе, Один вступил с Волком в сражение, а Бели убийца с Суртом схватился, — радости Фригг близится гибель.
[ПВ] 14. Þá kemr inn mikli mögr Sigföður, Viðarr, vega at valdýri. Lætr hann megi Hveðrungs mundum standa hjör til hjarta, þá er heftit föður.	Сын тут приходит Отца Побед, Видар, для боя со зверем трупным; меч он вонзает, мстя за отца, — в сердце разит он Хведрунга сына.
[ПГ] 15. Fimm hundruð dyra ok umb fjórum tögum, svá hygg ek áValhöllu vera; átta hundruð Einherja ganga senn ór einum durum, þá er þeir fara við vitni at vega.	Пять сотен дверей и сорок еще в Вальгалле, верно; восемьсот воинов выйдут из каждой для схватки с Волком .

Морфологические характеристики

1. ulfr (1, 4, 7, 9, 13, 14, 15) – сущ., нариц., ед. ч., м. р., склоняется (1, 4, 11, 13, 14 – Nom., 9 – Gen., 7, 15 – Dat.).
2. vargr (2, 16) – сущ., нариц., ед. ч., м. р., не склоняется.
3. vitnir (3) – сущ., нариц., ед. ч., м. р., склоняется (vitni – Gen.).
4. freki (6) – сущ., нариц., ед. ч., м. р., склоняется (freka – Dat.).
5. valdýr (8) – сущ., нариц., ед. ч., ср. р., склоняется (valdýri – Akk.).
6. Sköll (4) – сущ., собств., ед. ч., м. р., не склоняется.
7. Hati (4) – сущ., собств., ед. ч., м. р., не склоняется.
8. Hróðvitnir (4, 13) – сущ., собств., ед. ч., м. р., склоняется (Hróðvitnis – Gen.).
9. Fenrir (5, 12) – сущ., собств., ед. ч., м. р., склоняется (Fenrir – Nom., Fenris – Gen.).
10. Þjóðvitnir (10) – сущ., собств., ед. ч., м. р., склоняется (Þjóðvitnis – Gen.).
11. vargdropsi (11) – сущ., нариц., ед. ч., м. р., склоняется.

Этимологические характеристики

Ulfr – от и.-е. *ulkuos «Wolf» («волк»), также значение «Zerreißen» («тот, кто разрывает, раздирает»), возможно, от и.-е. *uel- «reißen, rupfen, an sich reißen, rauben, ritzen, verwunden» («разрывать, щипать, грабить, царапать, ранить») [EWB, 1988].

Vargr – 1. criminal («преступник»), 2. wolf [OID].

Vitnir – wolf only used of the wolf Fenrir («волк» только по отношению к Фенриру) [OID].

Freki – «ravenous one» («очень голодный; жадный, прожорливый; хищный») 1. wolf esp. Fenrir («волк», особенно Фенрир); also the name of a wolf 2. a term for fire (наименование огня). 3. champion, warrior («борец, воин») [OID].

Valdýr – beast of slaughter, carrion beast (the wolf Fenrir) (кровожадный зверь, гниющий зверь, падаль) [OID].

Sköll – «обман» [OID].

Hati – «ненавистник» [OID].

Hróðvitnir – «Infamous wolf», i.e. Fenrir («позорный, бесчестный, скверный волк», т. е. Фенрир) [OID].

Fenrir – этимология слова неизвестна (ср. feikn – бедствие, зло, fign – жестокость (→ forn – древний → ?fiorir – четыре), ben – смертельная рана + ?risi – подниматься [OID]).

Þjóðvitnir – «Great Wolf», name of the wolf Fenrir («великий волк») [OID].

Vargdropi (vargr + dropi («капля» – ?кровь) – offspring or close relative of an outlaw, who has an obligation to avenge him («потомок или близкий родственник «человека вне закона» (изгоя или убитого), который обязан отомстить за него») [OID].

Семантические характеристики

Символ Волка употребляется в контексте войны или последней битвы, приводящей к гибели богов: við vitni at vega («с волком на битву»), Fara fiðmegir með freka allir, þeim er bróðir Býleists í för («едут с Волком сыны великанов, в ладье с ними брат Бюлейста едет» – освободившиеся чудовища приплывут из царства мёртвых на корабле Нагльфар), er Óðinn ferr við úlf veka («Один вступил с Волком в сражение»), vega at valdýri («для боя со зверем трупным»), er þú skalt við úlfinn vega ok svelgr hann allan Sigföður («с Волком сражаясь, что Одина сгубит»).

Показываются злые намерения волка: sá er annars vill fé eða fjör hafa («кто других хочет добро или жизнь иметь»), er fylgir inu skirleita goði til varna viðar («за солнцем бежит он до самого леса» – во время последней битвы волк проглотит солнце).

Волк также изображается пленённым или побеждённым: vega at valdýri. Lætr hann megi Hveðrungs mundum standa hjör til hjarta, þá er heftit föður («для боя со зверем трупным; меч он вонзает, мстя за отца, — в сердце разит он Хведрунга сына»), vargr hangir fyr vestan dyrt («волк там на запад от двери висит» – Фенрир был прикован к западной стене Вальхаллы), sjaldan liggjandi ulfr lær of getr né sofandi maðr sigr («не видеть добычи лежащему волку, а победы — проспавшему» – Фенрир был скован, чтобы не наступил Рагнарёк), úlfgi hefir ok vel, er í böndum skal bíða ragnarökr («но тяжко и Волку в цепях дожидаться за-

ката богов»), Úlfr sé ek liggja árósi fyrir, unz rjúfask regin («Волк должен лежать в устье реки до кончины богов»), но при этом опасным: handar innar hægri mun ek hinnar geta, er þér sleit Fenrir frá («правую руку твою помяну я, что Фенрир отгрыз»).

Род волка также обладает отрицательными характеристиками: Verðr af þeim öllum einna nokkurt tungls tjúgari í trölls hamí («из этого рода станет один мерзостный тролль похитителем солнца»). Волком считается родственник изгнанного или убитого, так как он будет мстить: ulfr er í ungum syni, þó sé hann gulli gladdr («сын станет волком и выкуп забудет»), en Narfi sonr hans varð at vargi («сын его Нарви превратился в волка»).

Волк связан с нижним ярусом мирового древа (в его окружении присутствует вода (он «должен лежать в устье реки», он и сыны Муспелля «плывут по волнам»), он родился «в Железном Лесу», его брат – змей Ёрмунганд, а сестра – хозяйка царства мёртвых Хель), что противопоставляет его верхнему ярусу – асам. С появлением Фенрира было предсказано, что он станет причиной конца мира, из-за чего его и приковали к стене Вальхаллы. Когда он освободился, он начал мстить асам. Скорее всего, образ волка изначально был связан с образом врага, которого надо победить и пленить, так как он опасен для племени (отсюда и вызываемый волком конец света), поэтому волк противопоставляется Одину (вождь, предводитель). Для древних германцев враг – существо жестокое и агрессивное, о чём свидетельствует этимологический анализ наименований волка. Волк выступает как предатель: «Þat ræð ek þér it tíunda, at þú trúir aldregi várum vargdropa, hvárstu ert bróður bani eða hafir þú felldan föður; ulfr er í ungum syni, þó sé hann gulli gladdr» («Десятый совет – не верь никогда **волчьим** клятвам, – брата ль убил ты, отца ли сразил: сын станет **волком** и выкуп забудет»), то есть, человек, нарушающий клятвы. В этом контексте предательство связано с мстостью (волком называли родственника убитого или изгнанного (см. Lokasenna «Перебранка Локки», где Локки был связан, а сын его «превратился в волка»)). Таким образом, Волк в древнегерманской мифологии выражает отношения человека и социума (человек противопоставлен обществу, он вне его, возможно, он принадлежит другому обществу).

Все зооморфные образы-символы можно условно разделить на три группы:

– образы-символы, выражающие отношения «человек - человек» (волк – отрицательные отношения);

– образы-символы, выражающие отношения «человек - ценность»;

– образы-символы, выражающие отношения «человек – окружающий мир».

По связи с антропоморфными персонажами (богами и колдунами) эти образы-символы можно классифицировать следующим образом:

– самостоятельные персонажи (волк);

– зооморфные персонажи на службе антропоморфных персонажей;

– зооморфные ипостаси антропоморфных героев.

Итак, в мифологии древних германцев животные играли очень важную роль. К наиболее важным для древних германцев животным можно отнести волка. Зооморфные образы-символы выражают а) отношения между людьми; б) ценности; в) отношения человека с окружающим миром. Некоторые образы-символы животных в большей степени связаны с антропоморфными героями германских мифов, следовательно, те качества / ценности / отношения, им присущие, в большей степени ценились в архаичном обществе. Отрицательные персонажи (волк как враг) являются самостоятельными, эти образы-символы не связаны с богами. Положительные персонажи связаны с антропоморфными персонажами. Таким образом, можно сделать вывод, что отрицательных персонажей не хотят сравнивать и связывать с богами: боги – защитники и покровители, а не враги. Отрицательные же качества человек «примерять» на себя не хотел (например, «становиться волком», то есть, становиться врагом или мстителем), поэтому эти образы-символы не перешли в разряд антропоморфных. Волк связан с нижним ярусом мирового древа и тем самым противопоставлен верхнему ярусу – асам. Образ Волка изначально связан с образом врага, опасного для племени и несущего разрушение и смерть. С врагом древние германцы ассоциировали и предателей. Таким образом, Волк в текстах германских мифов выражает отношения между людьми.

На месте богов, способных превращаться в животных, архаичный человек представлял себя. Ему недоступны были те качества, которыми обладают животные, поэтому он восхищался ими и поклонялся им, приближая животных к богам и, следовательно, к себе. Отсюда следует вывод о неделимости мира в восприятии древнего германца. Мир един, всё в нём взаимосвязано и взаимозависимо.

Литература

1. Шарикова, Л. А. Концептуальные исследования аутентичного мифа в филологии / Л. А. Шарикова // Гуманитарное обозрение. Научный журнал. – Пермь: ПСИ, 2011. – № 5(48).
2. Шарикова, Л. А. Лингвистическая концепция Лео Вайсгерберга: учебное пособие / Л. А. Шарикова. – 2-е изд. – Кемерово: Графика, 2004. – 212 с.
3. Sharikova, L. A. Conceptual meanings of the isomorphic image-symbol of the raven in the German world of myths / L. A. Sharikova // European Science and Technology: international scientific conference. Vol. II. – Wiesbaden: Bildungszentrum Rdk e. – V., 2012.
4. Мифы народов мира / гл. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – М.: БРЭ, 1998. – С. 13; Мелетинский, Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1968. – С. 6.
5. Стеблин-Каменский, М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.

6. Шарикова, Л. А. Проблемы интерпретации этномифа [Текст] / Л. А. Шарикова // Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. – Кемерово, 2002.
7. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999.
8. Еремина, В. И. Миф и народная песня; Миф. Фольклор. Литература / В. И. Еремина. – Л.: Наука, 1978.
9. Стеблин-Каменский, М. И. Историческая поэтика / М. И. Стеблин-Каменский. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978.
10. Мифы народов мира / глав. ред. С. А. Токарев. – Т. 1. – М.: БРЭ, 1998.
11. EWB – Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – Berlin: Akademie-Verlag, 1989. – 435 s.
12. OID – Old Islandic Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/-dct/zoega/index.html>

Информация об авторе:

Шарикова Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии КемГУ, 89234925195, charikova@kemcity.ru.

Sharikova Lyudmila Anatolievna – Candidate of Philology, Professor at the Department of Germanic Philology of KemSU.

УДК 800(082)

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОПИСАНИЯ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ЯЗЫКА ИДИШ К. А. ШИШИГИН

THE COGNITIVE-SEMANTIC PRINCIPLE OF DESCRIBING YIDDISH PREFIXAL VERBS K. A. Shishigin

В статье предлагается когнитивно-семантический подход к описанию префиксальных глаголов языка идиш, который предполагает учет пространственной этимологии префикса и рассмотрение префиксальных глаголов с точки зрения ситуации и концепта ситуации.

The article introduces the cognitive-semantic approach to the description of Yiddish prefixal verbs. The method takes into account the spatial etymology of the prefix and considers the prefixal verbs from the viewpoint of the situation and situation concept.

Ключевые слова: идиш, когнитивная семантика, ситуация, концепт ситуации, префикс, префиксальный глагол, ось, координаты, граница.

Keywords: Yiddish, cognitive semantics, situation, situation concept, prefix, prefixal verb, axis, coordinates, limit.

Способность человека ориентироваться в пространстве и осмыслять это пространство – притом не только в конкретных категориях, но и абстрактно, метафорически – закономерно привела к выработке определенных способов описания этого пространства при помощи средств языка, и такими средствами стали, в частности, давшие начало префиксам наречия и предлоги, а также глаголы, в том числе префиксальные. Необходимой в связи с этим представляется выработка ориентированного на ситуацию подхода для исследования семантики префиксальных глаголов, который бы базировался на ономастическом, когнитивно-семантическом принципах, и такой подход предлагается в настоящей статье на примере префиксальных глаголов языка идиш.

В связи с этим представляется целесообразным различать ситуацию и концепт ситуации, где **ситуация** – это «отрезок реальной действительности, частное событие, факт, о котором сообщается в конкретном высказывании» [1, с. 7], а **концепт ситуации** – обобщенно-абстрагированный, обусловленный наивными представлениями носителей языка о мире способ репрезентации высказыванием с глаголом определенного фраг-

мента внеязыковой действительности. Таким образом, концепт ситуации есть языковой способ репрезентации структур ментального мира, а ситуация принадлежит области объективной действительности.

Важными параметрами ситуации и концепта ситуации мы предлагаем считать:

а) **Наблюдателя** как точку отсчета;

б) **ось** как направление действия или процесса или местонахождение / состояние предмета по горизонтали/вертикали или по степени близости к Наблюдателю;

в) **координаты** как пространственную или временную локализацию предмета относительно Наблюдателя и

г) **границу** как пространственный или временной предел действия, процесса или состояния, определяемый относительно Наблюдателя.

Ниже приводится таблица, иллюстрирующая распределение идишских префиксов в соответствии с их этимологически обусловленными пространственными значениями и достаточно четко показывающая парадигматические и синтагматические взаимосвязи (см.: [2, с. 137 – 141]) идишских отделяемых и неотделяемых префиксов, исконно имевших пространственные

значения (подробнее см.: [4, с. 102 – 104]) (в данной статье используется практическая транскрипция Идишского научного института ИВО [см.: http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275]):

а) расположенные в одной строке префиксы, маркирующие разные границы и общие координаты, находятся в (квази)синонимических отношениях, как глаголы с *unter-2* и *tsu-* со значением «приближение к Наблюдателю»:

(1) *untertrogn, tsutrogn* «поднести»: *dvoyre trogt im unter a hantukh...* [7, с. 246] «Двойра *подносим* ему полотенце» – *er... pruvt im mit di tseyen, trogt tsu tsum oyer* [6, с. 10] «Он... пробует его на зуб, *подносим* к уху».

б) Расположенные в одной ячейке префиксы, маркирующие одни и те же границы и общие координаты, также находятся в (квази)синонимических отношениях, как глаголы с *arunter-* и *anider-* со значением «вниз по направлению к Наблюдателю»:

(2) *aniderfaln, aropfaln* «упасть»: *...ikh fal anider...* [7, с. 285] «...я *падаю ничком...*» – *...tomer falt der epl arop...* [6, с. 30] «...если яблоко *упадет...*».

в) Префиксы, маркирующие разные координаты, находятся в (квази)антонимических отношениях, как глаголы с *arayn-* и *aroys-*:

(3) *arayngeyn* «войти», *aroysgeyn* «выйти»: *der aynbinder geyt arayn tsu undz in shtub arayn...* [6, с. 20] «Переплетчик *входит* к нам в дом» – *...nisht umkukndik zikh, geyt zi aroys fun shtub* [7, с. 253] «...не оглядываясь, она *выходит* из дома».

г) Префиксы, не имеющие изначально заданной функции маркировки границы (контекстуально обусловленные), реализуют ее в контексте (см. пример (6) ниже).

Приведенные выше примеры (1), (2) и (3) иллюстрируют ситуации, описываемые высказываниями с глаголами движения и прямого эффекта, где пространственность прослеживается наиболее явно.

Однако чем отвлеченнее представление носителей языка о действии, процессе или состоянии и чем меньше ситуация, описываемая префиксальным глаголом, связана с пространственностью, тем больше различий между ситуацией и ее концептом.

В связи с этим целесообразно различать:

а) **эквивалентные** концепты ситуаций, где ситуация концептуализуется в полном соответствии тому, как она выглядит в реальной действительности и где можно говорить (условно) о «совпадении» ситуации и концепта ситуации;

б) **неэквивалентные** концепты ситуаций, где истинно этимологическая пространственность усматривается лишь при значительной степени абстракции.

Данные положения можно проиллюстрировать на следующих идишских глаголах с отделяемым префиксом *oyf-* и неотделяемым префиксом *der-*:

(4) *oyfnemen* «поднять, принять», *oyfzitsn* «взбираться»: *ikh (Наблюдал) nem im (Объект) oyf der fug, er (Субъект) zitst oyf...* [5, с. 462] «Я *беру* его к себе на подводу, он *взбирается...*».

В примере (4) оба префиксальных глагола описывают конкретно-пространственные ситуации окончания перемещения человека снизу вверх – с земли на повозку: в первой части высказывания (при глаголе *oyfnemen*) на перемещающегося (где он выступает в качестве Объекта) указывает личное местоимение *er* в дативной форме *im*. Во второй части (при глаголе *oyfzitsn*) к перемещающемуся (Субъекту) отсылает личное местоимение *er*. В данном случае можно говорить об эквивалентном концепте ситуации, так как ситуация концептуализуется как «перемещение снизу вверх по направлению к Наблюдателю» – извозчику (референт личного местоимения *ikh*). И ситуация, и концепт ситуации – это перемещение по вертикальной оси, что можно проиллюстрировать схемой 1 (стрелка указывает ось направления действия).

Таблица

Оси	Координаты	Границы		
		контекстуально обусловленные	начало	конец
Вертикальная	Верх	oyf- iber-1		aroys- ariber-1 on-2
	Низ	unter-1		arunter- arop- anider-
Фронтальная	Перед	foroy- fir-/for-		
	Зад	nokh- tsurik-		
Латеральная	Изнутри наружу	oys- afer-/afir-)		aroys-
	Снаружи внутрь	ayn-		arayn-
	От одной стороны в другую	iber-2 durkh-/adurkh-		ariber-2

Оси	Координаты	Границы		
		контекстуально обусловленные	начало	конец
Степень близости к Наблюдателю	Близко	unter-2 mit-	far~2 der~1	tsu- aher- antkegn- (akegn-) on-1 tsunoyf- (tsuzamen-) arum- (um-) bay- ba~ ge~ der~2
	Далеко	farbay-	op-1 avek- funander- tse~2	ahin- op-2tse~1 ant- far~1

Условные знаки: «-» – отделяемый префикс; «~» – неотделяемый префикс; нижние индексы «1» и «2» – омонимичные префиксы.

(5) *oyftrefn zikh* «встретиться, столкнуться»: di *arme* (Субъект) *treft zikh oyf* mitn *soyne* (Контрагент=Наблюдатель) *ronem-el-ronem* [5, с. 447] «Армия *сталкивается* с врагом лицом к лицу».

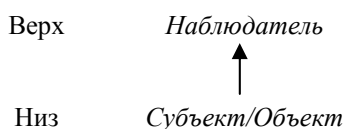

Схема 1. Ситуация и эквивалентный концепт ситуации «Перемещение снизу вверх по направлению к Наблюдателю»

Пример (5) описывает пространственную ситуацию, которая интересна тем, что ее концепт представляет собой латеральную ось, перевернутую в вертикальную, то есть Субъект нападает на Контрагента, совпадающего с Наблюдателем, как бы сверху. Ситуацию и ее неэквивалентный концепт можно проиллюстрировать следующей схемой (стрелка указывает ось направления действия) (схема 2).

(6) *oyfhinken* «захромать»: der shteyn hot getrofn un der kelev hot *oyfgehunken* [5, с. 432] «Камень попал в пса и он *захромал*».

Схема 2. Ситуация и неэквивалентный концепт ситуации «Перемещение в сторону Наблюдателя»

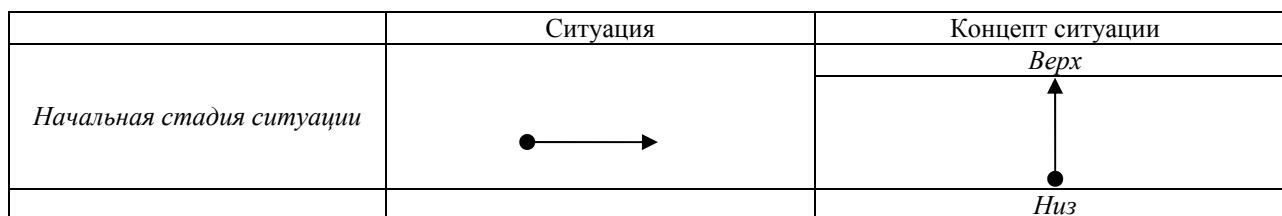

Схема 3. Ситуация и неэквивалентный концепт ситуации «Начало ситуации»

Таким образом, в примере (5) ситуация как объективное явление и концепт ситуации как языковой способ ее репрезентации неэквивалентны друг другу по направлению оси действия.

Префикс *oyf-* в данном контексте маркирует временную границу – начальную стадию, которая концептуализуется как пространственная точка, от которой действие разворачивается вверх, что можно

проиллюстрировать следующей схемой (стрелка указывает временную направленность действия, круглое начало стрелки – начало ситуации) (схема 3).

При различении ситуации и концепта ситуации необходимо, однако, учитывать, что «язык ни на одном этапе своего развития не выступает в качестве самостоятельной креативной силы и не создает своей собственной картины мира, он лишь фиксирует кон-

цептуальный мир, первоначальным источником которого является реальный мир» [3, с. 32]. Так, проживание идиш-говорящих евреев на славянских территориях привело к тому, что, в частности, в сфере префиксальных глаголов идиш стал заимствовать некоторые значения и функции славянских префиксов и переносить их на уже существовавшие в языке этимологически немецкие морфемы, в результате реальный еврейский мир стал во многом концептуализоваться по славянскому образцу.

Например, этимологически немецкий неотделяемый префикс *der~* со стертой пространственной семантикой, развившийся из средневерхненемецкого *er-*, но позднее приобретший – по формальному сходству – значение славянского префикса *do-/da-/до-* «окончание перемещения субъекта/объекта в непосредственной близости к пространственному ориентиру, служащему пределом линии перемещения» [2, с. 164], получает в идише ярко выраженное пространственное значение, как в следующем примере:

(7) *deryogn* «догнать»: ...*er* (Субъект) *zol mikh* (Конечная точка=Наблюдатель) *kenen deryogn...* [7, с. 285] «...пусть попробует догнать меня...», где префикс *der~2* маркирует конечную точку действия, описываемого мотивирующей основой *yogn* 'гнать', что можно представить в виде следующей схемы (стрелка указывает ось направления действия, круглый конец стрелки – конечную точку действия):

Субъект —● Конечная точка = Наблюдатель

Схема 4. Ситуация и эквивалентный концепт ситуации «Перемещение Субъекта по направлению к Наблюдателю»

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
2. Волохина, Г. А. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения / 3. Д. Попова, Г. А. Волохина. – Воронеж: Изд. ВГУ, 1993. – 196 с.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 159 с.
4. Шишигин, К. А. Когнитивно-семантический подход к описанию и классификации префиксальных глаголов языка идиш / К. А. Шишигин // Знак – свідомість – знання: зб. наук. пр. / відпов. ред. В. І. Теркулов. – Горлівка: Вид-во ГДППМ, 2011. – Вип. 2.
5. Mark, Y. Groyser verterbukh fun der yidisher shprakh / Y. Mark, Y. Yofe. – Band I. – Nyu-York: Komitet farn Groysn verterbukh fun der yidisher shprakh, 1961. – 511 z.; 31 z.
6. Sholem-Aleykhem. Motl Peyse dem khazns / Sholem-Aleykhem. – Yerusholaim: Magnes, 1997. – 366 z.
7. Vaysenberg, I.-M. Geklibene verk / I.-M. Vaysenberg. – Nyu-York: Cyko-bikher, 1954. – 311 p.

Информация об авторе:

Шишигин Кирилл Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии КемГУ, +7-9039849936, schischigin-ka@rambler.ru.

Shishigin Kyrill Aleksandrowitsch – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Germanic Philology of KemSU.

Если в высказывании (7), описывающем конкретно-пространственную ситуацию, ситуация и концепт ситуации эквивалентны, то в следующем примере ситуация достижения временной границы на уровне концепта превращается в пространственную.

(5) *derlebn* «дожить»: *zi* (Пациент) *zol derlebn khasene makhn dem mizenik* [6, с. 35] «Она должна дожить до свадьбы младшего сына».

Данная ситуация иллюстрируется следующей схемой (стрелка указывает ось направления процесса) (схема 5).

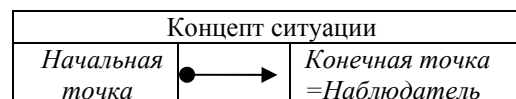
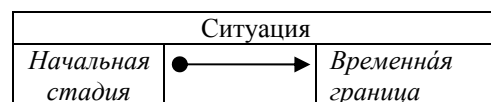

Схема 5. Ситуация и неэквивалентный концепт ситуации «Достижение временной границы»

Таким образом, потенциально неограниченное количество ситуаций, описываемых глаголами с разными префиксами, сводимо к определенному набору концептов ситуаций, которые могут быть проанализированы посредством подхода, предложенного в настоящей статье на примере префиксальных глаголов языка идиш.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ ВНЕШНОСТИ
АТРИБУТИВНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**
О. Ю. Шишигина

**THE REPRESENTATION OF MEN'S AND WOMEN'S APPEARANCE
BY ATTRIBUTIVE ADJECTIVES IN MODERN ENGLISH**
O. Yu. Shishigina

Настоящая статья посвящена выявлению, систематизации и сравнительному анализу внешних признаков концептов «man» и «woman», объективируемых субстантивными словосочетаниями, построенными по модели «adjective + man/woman», в корпусе современного американского варианта английского языка. В исследовании учитывается как абсолютная частотность употребления словосочетаний, так и номинативная плотность соответствующих концептуальных признаков. На основе анализа семантики атрибутивных репрезентантов концептов выявляются культурно-национальные коннотации признаков.

This article presents some results of a corpus-based study to identify how men's and women's physical appearance is represented by collocations of the lexemes 'man' and 'woman' with attributive adjectives in modern American English. The findings are based on the frequency of occurrence and the 'nominative density' of the features of the concepts 'man' and 'woman' in the Corpus of Contemporary American English. The semantic analysis of the adjectives helps to identify 'cultural and national connotations' of the conceptual features they represent.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, концептуальные исследования, языковой корпус, номинативная плотность, культурно-национальная коннотация.

Keywords: concept, conceptual feature, study of concepts, language corpus, nominative density, cultural and national connotations.

Настоящая статья посвящена выявлению, классификации и сопоставительному анализу внешних признаков концептов «man» и «woman», а именно: физических и эстетических признаков, характеризующих внешность, физический облик или состояние мужчины и женщины. Исследование проводилось с использованием метода семантико-когнитивного анализа, состоящего в анализе семантики языковых единиц, объективирующих концепт (признаки концепта), и когнитивной интерпретации полученных данных с целью выявления содержания концепта (признаков концепта) [2, с. 9].

Анализу было подвергнуто 137 атрибутивных прилагательных, сочетающихся с лексемой *man*, и 134 прилагательных, сочетающихся с лексемой *woman*. Источником материала исследования послужил Корпус современного американского варианта английского языка (Corpus of Contemporary American English, далее корпус COCA). Общее количество употреблений проанализированных словосочетаний с лексемой *man* в данном корпусе составляет 51040 примеров, с лексемой *woman* – 27791 пример.

В контексте данного исследования важным представляется то, что, по мнению лингвистов-когнитологов, атрибутивные прилагательные, как правило, выражают постоянные признаки («stable, inherent properties») объекта, в то время как предикативные прилагательные выражают временные признаки, обусловленные обстоятельствами («temporary, circumstantial properties») [4, с. 455].

Сопоставительный анализ внешних признаков концептов «man» и «woman» проводился с учетом двух показателей, а именно: номинативной плотности того или иного признака и частотности его вербализации в корпусе. Термином «номинативная плот-

ность», введенным в метаязык концептуальных исследований В. И. Карасиком, обозначается количество номинаций (номинантов, репрезентантов) того или иного концепта или концептуального признака в языке. Номинативная плотность может рассматриваться в системе культурно-ценностных координат: многостороннее обозначение в языке получают именно те предметы, процессы или явления внеязыковой действительности, которые являются для человека данной культуры наиболее ценными [1, с. 4 – 5]. Вместе с тем необходимо учитывать и частотность вербализации того или иного концептуального признака, выражаемую количеством употреблений соответствующих репрезентантов концепта. Можно предположить, что, чем чаще вербализуется тот или иной признак концепта, т. е. чем выше его коммуникативная востребованность, тем более значимым является этот признак для данного народа.

Как показал семантико-когнитивный анализ атрибутивных репрезентантов обоих концептов, группу внешних признаков можно разделить на две подгруппы признаков, а именно: 1) физические признаки, характеризующие возраст, размер, рост, форму тела и другие признаки физического состояния мужчины и женщины; 2) эстетические признаки, указывающие на наличие или отсутствие привлекательности.

Интересно отметить, что хотя количество проанализированных атрибутивных прилагательных, объективирующих внешние признаки обоих концептов, было примерно одинаковым (137 прилагательных, сочетающихся с лексемой *man*, и 134 прилагательных, сочетающихся с лексемой *woman*), частотность употребления соответствующих словосочетаний с лексемой *man* почти в два раза превышает частотность употребления словосочетаний с лексемой *woman* (см.

выше), что противоречит стереотипному представлению о том, что внешность для женщины является более значимым признаком, чем для мужчины, и потому при описании женщины чаще, чем при описании мужчины, указываются особенности внешности (возраста, фигуры и т. д.).

Результаты количественного подсчета, проведенного с целью определения номинативной плотности и частотности вербализации внешних признаков концептов «man» и «woman», представлены в таблице 1.

Таблица 1

Номинативная плотность и частотность вербализации внешних признаков концептов «man» и «woman»

№	Подгруппы признаков	Концепт «man»		Концепт «woman»	
		номинативная плотность, %	частотность, %	номинативная плотность, %	частотность, %
1.	Физические признаки, в т. ч.:	91,2	96,9	82,1	87,0
	возраст	25,5	72,0	41,1	72,3
	размер	9,5	8,7	5,2	3,9
	форма тела	17,5	3,8	14,2	3,4
	рост	1,5	1,9	1,5	0,4
	волосы	13,1	2,9	6,0	2,6
	физическое состояние	16,8	3,1	10,5	2,3
	витальные	4,4	4,2	2,9	1,4
	прочие особенности внешности	2,9	0,3	0,7	0,1
2.	Эстетические признаки, в т. ч.:	8,8	3,1	17,9	13,0
	привлекательность	8,0	3,0	15,7	12,7
	непривлекательность	0,8	0,1	2,2	0,3
	Всего:	100	100	100	100

Сравнительный анализ статистических данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать следующие выводы. Абсолютным «лидером», как по номинативной плотности, так и по частотности вербализации в структуре обоих концептов, оказался признак возраста, что свидетельствует о его высокой значимости в современной американской лингвокультуре. И хотя возрастные признаки концепта «woman» репрезентируются в корпусе COCA более разнообразно (41,1 % по сравнению с 25,5 % у концепта «man»), частотность вербализации данного признака у обоих концептов одинаково высока (72,0 % и 72,3 %). На втором месте по значимости для концепта «woman» оказывается признак привлекательности (номинативная плотность 17,9 %, частотность 13,0 %; ср. 8,0 % и 3,0 % у концепта «man»). Остальные признаки женской внешности объективируются либо менее разнообразно и часто, либо на одном уровне с признаками концепта «man».

При описании мужской внешности атрибутивными прилагательными чаще и разнообразнее выражаются признаки размера (номинативная плотность 9,5 %, частотность 8,7 %; ср. 5,2 % и 3,9 % у концепта «woman»), физического состояния, включая признаки здоровья/хорошей физической формы и признаки болезни / физического недостатка (16,8 % и 3,1 %; ср. 10,5 % и 2,3 % у концепта «woman»), а также витальные признаки жизни / смерти (4,4 % и 4,2 %; ср. 2,9 % и 1,4 % у концепта «woman»). Более высокой номинативной плотностью (по сравнению с признаками кон-

цепта «woman») обладают также признаки, характеризующие форму тела / особенности телосложения (17,5%; ср. 14,2 % у концепта «woman»), а также указывающие на наличие или отсутствие волос (13,1 %; ср. 6,0 % у концепта «woman»).

Таким образом, при описании женской внешности атрибутивными прилагательными в современном американском варианте английского языка наиболее релевантным (после возраста) оказывается эстетический признак привлекательности, а при описании мужской внешности чаще и разнообразнее (также после возраста) вербализируются признаки размера, формы тела, физического состояния и витальные признаки.

Атрибутивные репрезентанты внешних признаков концептов «man» и «woman»

	Репрезентанты концепта «man»	Репрезентанты обоих концептов	Репрезентанты концепта «woman»
Физические признаки	возраст		
		<i>young, old, (numeral)-year-old, elderly, middle-aged, mature, senior, adult, aging, ancient, aged, middle-age, grown-up, youngish</i>	<i>adolescent, elder, college-age, fortyish, teenage</i>
	размер		
	<i>burly, huge, bulky, hulking, giant, husky, compact</i>	<i>big, large, full-grown, little, small, tiny</i>	<i>petite</i>
	форма тела: полнота, худоба, особенности телосложения		
	<i>portly, pudgy, chubby, squat, round; lean, wiry, lanky, gaunt; broad-shouldered, barrel-chested</i>	<i>fat, heavy, overweight, obese, plump, stout, stocky, heavy-set; thin, skinny, slender, slim, slight</i>	<i>formidable, full-figured, voluptuous, sturdy, buxom, hefty</i>
	рост		
		<i>tall, short</i>	
	волосы: наличие волос, отсутствие волос, цвет волос		
	<i>bearded, hairy, long-haired, moustachioed; bald, balding, bald-headed, clean-shaven; gray, silver-haired, grey-haired</i>	<i>blond, gray-haired, white-haired, dark-haired, red-haired, red-headed, black-haired</i>	<i>blonde</i>
	физическое состояние: здоровье/хорошая физическая форма, болезнь/физический недостаток, цвет лица		
	<i>muscular, able-bodied, fastest, beefy, robust, whole; one-armed, one-legged, one-eyed, paralyzed; red-faced, florid;</i>	<i>healthy, athletic, fit; blind, sick, ill, disabled, deaf, unconscious, HIV-positive; pale</i>	<i>high-risk, HIV-infected, infected;</i>
Эстетические	витальные: жизнь, смерть		
	<i>drowning, drowned</i>	<i>living; dead, dying, mortal</i>	
	прочие особенности внешности		
	<i>tattooed, bespectacled, suited, hooded</i>		<i>round-faced</i>
	привлекательность		
	<i>dapper</i>	<i>beautiful, handsome, nice, attractive, good-looking, well-dressed, elegant, charming, lovely, gorgeous</i>	<i>pretty, stylish, glamorous, striking, fashionable, stunning, chic, best-dressed, graceful, nice-looking</i>
	непривлекательность		
		<i>ugly</i>	<i>plain, unattractive</i>

В таблице 2 представлены атрибутивные прилагательные, объективирующие внешние признаки концептов «man» и «woman». В первом столбце перечислены прилагательные, употребляемые только с лексемой *man*, в третьем – только с лексемой *woman*, а во втором – с обеими лексемами. Анализ словарных дефиниций языковых репрезентантов концептов позволяет выявить культурно-национальные коннотации того или иного концептуального признака (термин «культурно-национальная коннотация» был введен В. Н. Телия в рамках лингвокультурологического подхода для обозначения результатов интерпретации знаков языка со знаками «языка» культуры в соответствии с культурно-языковой компетенцией носителей языка) [3]. Дефиниционный анализ атрибутивных репрезентантов концептов проводился на материале следующих словарей: Oxford American Dictionary (OAD), New Oxford American Dictionary (NOAD),

Oxford Dictionary of English (ODE) и Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary (CCD).

Данные таблицы 2 иллюстрируют выводы, сделанные на основе анализа статистических данных таблицы 1 в отношении номинативной плотности соответствующих признаков концептов «man» и «woman». Анализ словарных дефиниций языковых репрезентантов исследуемых концептов, в особенности тех прилагательных, которые встречаются в корпусе COCA исключительно в сочетании с лексемой *woman* или *man* (в рамках используемой выборки) и, таким образом, объективируют специфические признаки соответствующих концептов, позволяет выявить следующие культурно-национальные коннотации.

1. При объективации мужской внешности дименсиональный признак размера (*large, big*) часто дополняется признаком физической силы (*strong*), например: *burly* – ‘*large and strong*’ (OAD), *husky* – ‘*big and*

strong (OAD), *giant* – ‘You can refer to someone, especially a man, as a giant, if they seem important or powerful or if they are big and strong’ (CCD). При этом данное сочетание признаков наблюдается не только при объективации большого размера, но и небольшого (small), например: *compact* – ‘small, strong, and well proportioned’ (ODE).

2. Значимость признака большого размера для концепта «man» эксплицируется также усилением признака размера в семантике соответствующих прилагательных, например: *huge* – ‘extremely large; enormous’ (OAD).

3. Дименсиональный признак размера концепта «man» часто сопровождается признаком большого веса (heavy), неуклюжести (clumsy), например: *bulky* – ‘large and heavily built (NOAD), *hulking* – ‘(of a person or object) large, heavy, or clumsy’ (OAD).

4. При объективации женской внешности дименсиональный признак (небольшого) размера (small) дополняется эстетическим признаком привлекательности (attractively), изящества (dainty): *petite* – ‘(of a woman) having a small and attractively dainty build’ (OAD).

5. Признак полноты или худобы мужского тела часто дополняется эстетически отрицательным признаком непривлекательности (unattractive, ungraceful), непропорциональности (disproportionate): *pudgy* – ‘If you describe someone as pudgy, you mean that they are rather fat in an unattractive way (CCD)’, *squat* – ‘If you describe someone or something as squat, you mean they are short and thick, usually in an unattractive way (CCD), disproportionately broad or wide (ODE); *lanky* – ‘ungracefully thin and tall’ (OAD).

6. Признак худобы (thin) мужского тела может сопровождаться как признаками здоровья (healthily), силы (strong), так и признаком болезненности (haggard), например: *lean* – ‘thin, esp. healthily so’ (OAD), *wiry* ‘rather thin but is also strong’ (OAD), *gaunt* – ‘(of a person) lean and haggard, esp. because of suffering, hunger, or age’ (OAD).

7. При объективации особенностей женского телосложения дополнительными признаками часто оказываются признаки сексуальности (sexual), привлекательности (attractive), здоровья (healthy). При этом в словарных дефинициях соответствующих прилагательных часто содержится характеристика формы или размера отдельных частей женского тела, в частности, груди (breasts) и бедер (hips). Например: *voluptuous* – ‘If you describe a woman as voluptuous, you mean that she has large breasts and hips and is considered attractive in a sexual way (CCD), *buxom* – ‘If you describe a woman as buxom, you mean that she looks healthy and attractive and has a rounded body and big breasts (CCD).

8. Признак хорошей физической формы мужчины объективируется в семантике прилагательных через признаки силы (strong), размера (big) и наличия крупных мышц (well-developed, large muscles), например: *muscular* – ‘having well-developed muscles’ (OAD), *able-bodied* – ‘fit, strong, and healthy; not physically disabled’ (OAD), *beefy* – ‘Someone, especially a man,

who is beefy has a big body and large muscles’ (CCD), *robust* – ‘strong and healthy; vigorous’ (ODE). Среди признаков физического состояния мужчины выделяется также признак физического недостатка (увечья), полученного в результате травмы, ранения и т. д. (*one-armed* ‘однорукий’, *one-legged* ‘одноногий’, *one-eyed* ‘одноглазый’). Данный признак представлен только в структуре концепта «man».

9. В единственном прилагательном с семантикой привлекательности, которое сочетается исключительно с лексемой *man* (dapper), эстетический признак концепта «man» актуализируется через признаки аккуратности, ухоженности (neat, trim), а также через признак силы (strong), который представлен во внутренней форме лексемы *dapper* – ‘(typically of a man) neat and trim in dress, appearance, or bearing (probably from a Middle Low German or Middle Dutch word meaning ‘strong, stout’)’ (OAD).

10. Эстетический признак привлекательности концепта «woman» объективируется через признаки моды (fashionable, trend), стиля (stylish), элегантности (elegant), изящества (delicate, grace), например: *stylish* – ‘fashionably elegant’ (OAD), *graceful* – ‘having or showing grace or elegance’ (OAD), *chic* – elegantly and stylishly fashionable (OAD), *fashionable* – (of a person) dressing or behaving according to the current trend (OAD), *pretty* – ‘(of a person, especially a woman or child) attractive in a delicate way without being truly beautiful’ (ODE).

11. В семантике прилагательных, выражающих эстетические признаки концепта «woman», эксплицируется усиление признака привлекательности (dramatically, extremely), что свидетельствует о высокой значимости данного признака для женщины, например: *striking* – ‘dramatically good-looking or beautiful’ (OAD), *stunning* – ‘extremely impressive or attractive’ (OAD).

12. Признак женской красоты часто атрибутируется признаком сексуальности, например, в прилагательном *glamorous* – ‘full of glamour (beauty or charm that is sexually attractive)’ (OAD).

Таким образом, семантико-когнитивный и дефиниционный анализ атрибутивных прилагательных, семантически ориентированных на объективацию внешности и сочетающихся с лексемами *man* и *woman* в корпусе СОСА, позволяет сделать вывод о доминировании (как по частотности, так и по номинативной плотности) и, соответственно, высокой культурной значимости физического признака возраста при объективации внешности как женщины, так и мужчины. В структуре концепта «woman» вторым по значимости оказывается признак привлекательности, который, в свою очередь, часто дополняется признаками сексуальности, элегантности, изящества и моды. В вербализации мужской внешности наблюдается акцентирование признаков размера, формы тела, наличия или отсутствия волос, а также физического состояния. При этом дополнительными признаками часто оказываются признаки силы, веса и непривлекательности.

Литература

1. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996.
2. Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – М.: Гнозис, 2007.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Taylor, J. R. Cognitive Grammar / J. R. Taylor. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

Информация об авторе:

Шишигина Оксана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8 (3842) 58-34-97, xanashishigina@rambler.ru.

Shishigina Oksana Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English philology № 1 of KemSU.

УДК 81'37(=511.142)

ПАРНЫЕ СЛОВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ХАНТОВ (на материале шурышкарского диалекта хантыйского языка)

А. А. Шишанова

PAIRED WORDS IN THE KHANTY' LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (as revealed in the Shuryshkar dialect of the Khanty language)

A. A. Shiyanova

В статье анализируются парные слова, представляющие языковую картину мира хантов. Языковая картина мира включает в себе особое мировосприятие и мировидение этноса, закреплённое в семантике языковых единиц и в понятийно-категориальном составе языка (лексике, грамматике, словообразовании).

The article analyzes the paired words representing the Khanty's linguistic picture of the world. The linguistic picture of the world implicates the ethnic group's special perception of the world and world-view, fixed in the semantics of the language units and in the conceptual-categorical structure of the language (in vocabulary, grammar, and word formation).

Ключевые слова: картина мира, хантыйский язык, шурышкарский диалект, слово.

Keywords: picture of the world, the Khanty language, the Shuryshkar dialect, word.

Ханты – это народность, говорящая на хантыйском языке, расселена по Оби и Иртышу и их притокам от Обской губы на севере до реки Васюган на Юге [8, с. 114 – 127].

Основная занимаемая хантами территория входит в состав Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области. Немногочисленные группы хантов проживают в Нарымском районе Томской области. В хантыйском языке в настоящее время выделяются два крупных наречия: западное и восточное.

Шурышкарский диалект относится к западному наречию хантыйского языка и распространён на территории Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа, в котором коренное хантыйское население живёт в бассейнах рек Большая, Малая и Горная Обь, Сыня, Куноват (населённые пункты Питлярь, Шурышкар, Мужа, Горки, Лопхари, Азовы, Восьяхово, Усть-Войкары, Унтсельгорт, Овгорт, Ямгорт и др.).

История языкознания демонстрирует различные пути и методы исследования языка, устанавливает связь между многочисленными способами описания языка, объясняет причину неодинаковых интерпрета-

ций одних и тех же явлений в разных научных школах и направлениях на всех этапах развития языковедческой науки.

Парных слов в хантыйском языке достаточно много, их общий состав окончательно ещё не выявлен. Это важное стилистическое средство создания образности, один из способов пополнения словарного состава языка; наличие парных слов связано с особенностями организации структуры простого и сложного предложений, т. е. парные слова являются средством организации всех уровней языка. Не для всех языков они характерны, именно поэтому их изучение представляет интерес.

Парными словами мы называем сочетание двух антонимичных по семантике или же относящихся к одному и тому же кругу понятий близких по значению лексем, которые обозначают близкое или отличное от семантики обоих компонентов новое понятие.

Языковое мышление имеет разные формы своего бытия и способы проявления, варьирование которых имеет как наднациональный, так и национальный характер, отражающий, с одной стороны, специфику национального языка, а с другой – доминантные характеристики языковой личности.

Фундаментальным лингвоантропологическим понятием, в котором отражается бытие человека в мире и роль языка в процессе познания мира и развития сознания, является понятие *языковой картины мира*. Главное содержание этого понятия можно представить следующим образом: языковая картина мира – это национально специфичная схема (модель) восприятия и отображения действительности, репрезентируемая всей системой и подсистемами языка и речи. В настоящее время языковой картине мира на материале различных языков посвящено огромное количество исследований, с каждым годом их число увеличивается.

Одним из первых лингвистов, кто обратил внимание на национальное содержание языка и мышления, был В. фон Гумбольдт, который отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [3, с. 324]. По В. фон Гумбольдту, именно язык оказывает влияние на формирование системы понятий и системы ценностей. Эти его функции, а также способы образования понятий с помощью языка, считаются общими для всех языков. В основе различий лежит своеобразие духовного облика народов – носителей языков, но главное несходство языков между собой состоит в форме самого языка, «в способах выражения мыслей и чувств» [3].

Й. Л. Вайсгербер ввел в научную терминологическую систему понятие «языковая картина мира» [2]. Восприятие мира осуществляется мышлением, но с участием средств родного языка.

Основательный вклад в разграничение понятий «картина мира» и «языковая картина мира» внесен Э. Сепиром и Б. Уорфом, утверждавшими, что «представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, – это всего лишь иллюзия. В действительности “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [7].

Современные представления о языковой картине мира выглядят следующим образом. Язык – факт культуры, составная часть культуры, которую мы наследуем, и одновременно ее орудие. Культура народа вербализуется в языке, именно язык аккумулирует ключевые концепты культуры, транслируя их в знаковом воплощении – словах. Создаваемая языком модель мира есть субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропостижения, т. е. антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Данную точку зрения разделяет В. А. Маслова: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [6].

«Языковая картина мира» – это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [4].

Понятие наивной языковой картины мира, как считает Ю. Д. Апресян, «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [1, с. 39].

Языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир [1].

Языковая картина мира, как отмечает Г. В. Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счете эти особенности находят свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образовании значения слова) и т. д. В языке «закрепляется все разнообразие творческой познавательной деятельности человека (социальной и индивидуальной)», которая заключается именно в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [5, с. 33].

Парные слова представляют собой специфику языкового освоения разных элементов действительности – фрагментов языковой картины мира. Мир ханты представляет собой диаду – единство, образуемое двумя близкими по сущности явлениями или противоположными, но существующими в единстве. К близким по сущности относятся слова, обозначающие эмоциональное состояние, оцениваемое положительно, например: *nǎχ-kaš* ‘веселье (букв.: смех-развлечение)’, *ar-jönt* ‘песня-игра’; предметы быта, например: *an-sun* ‘посуда (букв.: чашка-берестяная четырехугольная посуда)’ и др. К противоположным по сущности явлениям относятся слова, обозначающие возраст, пол, время, например: *unǎl-ajǎl* ‘старый и молодой’; *ikeŋǎn-imeŋǎn* ‘муж и жена’; *ewi-poχ* ‘дети (букв.: дочь-сын)’; *atǎl-χǎtǎl* ‘сутки (букв.: ночь-день)’ и др.

Парные слова в языковой картине мира занимают особое место, так как они по своей структуре существуют только вместе, при этом семантическая структура этих слов разнообразна, что формирует особое лексико-семантическое поле. Она в основном отражает родственные и социальные отношения, структуру се-

мы, например: *imeŋən-ikeŋən* ‘жена с мужем’, *aŋeŋən-aŋkeŋən* ‘родители (папа с мамой)’, *jaŋŋən-oreŋən* ‘брат с сестрой’, *ewəŋən-roxŋən* ‘дочь с сыном’ и др. Грамматическая структура примеров – оформление обоих имен суффиксами двойственного числа отмечает неразрывную связь между мужем и женой, отцом и матерью, братом и сестрой, сыном и дочерью; все данные примеры называют пару и неразрывную связь семейных уз.

Картина мира, представляемая парными словами, отражает представления хантыйского человека о своем мире, о духовных ценностях, принятых в этом обществе, так общее название богов *Naj-Urt* ‘богиня-бог’ напоминает о женском и мужском начале, осмысливаемых попарно, на это указывают и антонимичные пары названий родственников.

Парные слова охватывают почти все области деятельности человека. Они отмечают психическое и физическое состояния человека, его характер, внешность, поведение, интеллектуальные способности, например: *mišəŋ-kašəŋ* ‘имеющий болезни’ (букв.: больной, болеющий); *jošli-kürli* ‘без рук, без ног’; *semli-pälli* ‘слепой-глухой’; *unəl-ajəl* или *ajəl-unəl* ‘старый и молодой, большой и маленький’; *wusi-kari* ‘с болячками с коростой’; *peŋkli-kunšli* ‘беспомощный’; *kašli-pušli* ‘унылый, скучный’; *ħalli-sorəmli* ‘бес-смертный’; *ħolli-palli* ‘без нюха, без слуха’.

По представлениям хантов, здоровый человек имеет руки и ноги, зубы, обладает обонянием, слухом, зрением, обладает физической крепостью, внешне выглядит здоровым, у него есть желания, например: *ħaləŋ-seməŋ* ‘с носом-с глазами’; *lanŋkrəŋ-kunšəŋ* ‘крепкого телосложения (букв.: плечистый-когтистый)’; *wurəŋ-lantəŋ* ‘здоровый (букв.: кровь=имеющий-плоть=имеющий)’; *ħoxəŋ-lantəŋ* ‘упитанный (букв.: мясо=имеющий-мелкие частицы=имеющий)’. Действительно, для того, чтобы выжить в таких экстремальных условиях, в первую очередь, человек должен передвигаться, т. е. иметь руки и ноги, что подтверждается и другими видами повторов: *talaŋ još*, *talaŋ kür* ‘пожелание здоровья’ (букв.: целые ноги, целые руки).

Интеллект человека зависит от его ума, внимания, умения слушать других, наблюдать, понимать, например: *oli-moli* ‘недалекого ума’; *ošəŋ-sašəŋ* ‘понятливый, понимающий’ (букв.: с умом, с пониманием); *ošli-uli* ‘неизвестный’ (букв.: непонятный, незнакомый); *oxli-semli* ‘действовать необдуманно’ (букв.: без головы-без глаз); *ħarəŋ-morəŋ* ‘равнодушный’; *ojli-jisli* ‘несчастный’ (букв.: без везения, без судьбы); *pirli-wošli* ‘одинокий, не имеющий близких родственников’; *losi-ħuli* ‘безалаберный’; *ošli-semli* ‘глупый, слепой’ (букв.: без ума, без глаз).

Эмоциональное состояние человека характеризуют смех, песни, игры, удача, плач, долгий век, например: *arəŋ-potrəŋ* ‘с песней-с рассказом’; *arəŋ-moŋšəŋ* ‘с песней-со сказкой’; *ħəŋəŋ-potrəŋ* ‘со смехом-с разговором’; *sawər-wawər* ‘шустрый’; *jasəŋli-l’awətl* ‘без слов-без ругани’; *kuni-mani* ‘бойкий’; *ħaxti-ariti* ‘смеяться-петь’; *ħaxti-jōntti* ‘смеяться-играть’; *ħolləti-jesləti* ‘плакать-выть’; *ħolləti-irŋəltiti* ‘плакать-рыдать’; *ħalti-sorti* ‘умереть-высохнуть’; *parti-ušti* ‘стать дряхлым-исчезнуть’.

Имущественное состояние человека отмечается наличием оленей, рыбы, например: *tašəŋ-ušəŋ* ‘богатый’ (букв.: со стадом, с нельмой); *šunəŋ-ħuləŋ* ‘счастливый-богатый’; *ħalti-parti* ‘умереть-стать дряхлым’.

Ханты как представители традиционного общества обращают внимание на природные явления, они дают характеристику природным объектам, осуществляют качественное и цветовое описание предметов, явлений окружающей среды и животного мира, например: *muw-jinŋ* или *jinŋ-muw* ‘земля, местность’ (букв.: земля-вода); *torəŋ-lipət* ‘зелень’ (букв.: трава-листья); *juŋ-jinŋ* ‘растительный мир’ (букв.: дерево-вода); *juŋ-lipət* ‘природа’ (букв.: деревья-цветы); *unt-jinŋ* ‘лес-вода’; *jinŋ-wot* ‘вода-ветер’; *loŋš-jenŋ* ‘снег-лед’; *loŋš-wuśali* ‘мокрый снег’ (букв.: снег-сырость); *ħatəl-naj* ‘день-солнце’; *najəŋ-ħətləŋ* ‘солнечный’; *jertəŋ-wotəŋ* или *wotəŋ-jertəŋ* ‘ненастный’ (букв.: дождливый-ветреный); *loti-pajəŋ* ‘неровный’ (букв.: с ямками-кочками); *tišəŋ-ħətləŋ* ‘лунный-солнечный’; *iški-iški* ‘холодно-холодно’; *ruwəŋ-ruwəŋ* ‘жарко-жарко’; *muwəŋ-jinŋəŋ* ‘земляной-водяной’; *wojəŋ-ħuləŋ* ‘промысловый’; *ħoraŋ-šunŋri* ‘стрекоза’; *šan-woj* ‘личинки в носу у оленя’; *woš-woš* не ‘дрозд’; *oxli-makla* ‘сова’ (букв.: безголовая сова); *wasi-aŋki* ‘утка-мать’; *siwəŋəŋ-kurəkəŋ* ‘орел-тетерев’; *wasi-lunt* ‘перелетные птицы (букв.: утка-гусь)’; *saw-ħuləŋ* ‘хищник’; *low-mus* ‘домашние животные (букв.: лошадь-корова)’; *mojpər-aŋki* ‘медведица-мать’; *amp-woj* ‘собака-животное’; *ħor-woj* ‘самец-животное’; *ħoti-sujəw* ‘маленький теленок’; *woj-ħul* или *ħul-woj* ‘животные-рыбы’; *ōtiji-ħōluwiji* ‘эта маленькая важечка’; *woj-kul* ‘животное-злой дух или переносное волк’; *jinŋ-ħūl* ‘рыба (букв.: вода-рыба)’; *ħalteŋəŋ-toreŋəŋ* ‘мальки-плавники’.

Основные цвета, которые отмечают ханты: черный, красный, синий, зеленый и их оттенки, например: *piti-wurti* ‘темно-красный, темно-рыжий’; *wurti-wurti* ‘красный-красный, рыжий-рыжий’; *piti-piti* ‘черный-черный’; *piti-ħanšəŋ* ‘темно-пестрый’; *nawi-ħanšəŋ* ‘светло-пестрый’; *nawi-nawi* ‘белый-белый’; *wosti-wosti* ‘синий-синий, зеленый-зеленый’. Данными цветами в основном описывают масть оленя, небо, снег, листву.

При характеристике природных явлений положительной коннотацией отмечается солнечная земля, дающая хорошее настроение; река и земля, земля-вода, дающие человеку питание. Отрицательной коннотацией отмечены холод, ветер, дождь, снег.

Положительную коннотацию имеют слова, называющие следующие качества человека: разговорчивый, общительный, удачливый, счастливый, поющий-рассказывающий, смеющийся, способный выжить, умеющий шить, аккуратный, тот, кто не ругается и др. например: *ūŋləŋ-ħəlməŋ* ‘разговорчивый’ (букв.: рот имеющий, язык имеющий); *ojəŋ-piśəŋ* ‘удачливый’ (букв.: удачливый, с возможностями); *piśəŋ-ojəŋ* ‘удачливый’ (букв.: удачливый с возможностями); *jintpəŋ-lujəŋ* или *lujəŋ-jintpəŋ* ‘умелая мастерица’ (букв.: с иголкой, с наперстком); *šāk-pāk* ‘аккуратный’; *netəŋ-sijəŋ* ‘известный’ (букв.: именитый, звонкий) и др.

Сожаление вызывает человек без удачи, с короткой жизнью, одинокий, глупый, беззащитный ребенок.

нок, не имеющий родителей и т. д., например: *jiwłap-ášlap* ‘без роду, без племени’ (букв.: без отца, без матери); *jiwli-ášli* ‘безродная’ (букв.: без отца, без матери); *aŋkili-ašili* или *ašili-aŋkili* ‘без отца, без матери’.

К неодобряемым качествам относятся: бессердечность, необдуманность действий, невнимательность, лень, беспомощность, например: *sāmli-moxəl̄li* ‘жестокий, бессердечный’ (букв.: без сердца, без печени);

Во внешности человека отмечается полнота фигуры человека, его худоба, сила, рослость, выносливость, болезненный вид, старость-молодость; внешняя красота человека не акцентируется на его физических данных, красивым считается любой здоровый человек, например: *kuli-mori* ‘толстый’ (букв.: толстый, бугристый); *taki-sari* ‘сильный, выносливый’ (букв.: крепкий, выносливый); *kūl-waś* ‘широкий, узкий или толстый, тонкий’; *lowəŋ-soməŋ* ‘рослый, коренастый, костистый’ (букв.: костлявый, чешуйчатый).

Дополняющими друг друга явлениями, обладающими большой связью, в хантыйской культуре осмысливаются следующие пары слов: сказка-песня, жена-муж, сестра-брат, стадо-нелма, смех-удовольствие, танцы-песни, слово-разговор, удача-возможность, век-древность, земля-вода, день-свет и мн. др., например: *potər-jasəŋ* или *jasəŋ-potər* ‘рассказ-слово или слово-рассказ’; *jasəŋ-riχ* ‘слово-ягода’; *jasəŋ-pol̄ŋaŋ* ‘насмарку (букв.: слово-слюна)’; *mońś-potər* ‘сказка-рассказ’; *mońś-ar* ‘сказка-песня’; *ar-mońś* ‘песня-сказка’; *ŋaχ-kaś* ‘смех-удовлетворение’; *jak-ar* ‘танец-песня’; *ar-jōnt* ‘песня-игра’; *aj-keł* ‘новость’ (букв.: новость-веревка); *nār-wurt* ‘повод’; *jur-śom* или *śom-jur* ‘сила-мощь или мощь-сила’; *śuńəl-χuləl* ‘счастье’; *taś-wuńś* ‘богатство (букв.: стадо-нелма)’; *sorñi-naŋ* ‘золото солнце’;

Материальный мир, культурные реалии данного этноса представляют парные слова, которые выражают языковую картину мира через вещи, орудия труда, предметы домашнего обихода и т. д., например: *sāχ-waj* ‘одежда’ (букв.: ягушка-кисы); *sōχ-ñir* ‘одежда’ (букв.: одежда-обувь); *turəŋəŋ-wajŋəŋ* ‘тоборы-кисы’; *χarχe-sāχ* ‘ягушка из плохой шкуры’; *an-put* ‘посуда’ (букв.: чашка-котел); *an-sun* ‘посуда’ (букв.: чашка-берестяная, четырехугольная посуда); *keśi-lajām* ‘нож-топор’; *χop-lur* ‘лодка-весло’; *ñol-juχəl* ‘стрела-лук’; *siw-sonχer* ‘лыжная палка’ (букв.: хорей-лопатка из дерева); *wot-woj* ‘вымпел’.

Картина мира отражается через парные глаголы созидательного, разрушительного действия, напри-

мер, положительную оценку имеют следующие действия человека: *ariti-mońśti* ‘петь-рассказывать сказки’; *ariti-jakti* ‘петь-танцевать’; *jakti-ariti* ‘танцевать-петь’; *jontti-werti* ‘шить-делать’; *jontəsti-werantti* ‘шить-мастерить’; *kāŋsti-kāŋsti* ‘искать-искать’; *kansti-χāŋsti* ‘искать-писать’; *χāŋsti-lūŋətti* ‘писать-читать’; *χuśti-lelti* ‘завязать-погрузить’; *χuśəsti-leltəsti* ‘завязать груз на нартах-погрузить’; *mānti-aktəsti* ‘идти-собираться’; *āpətti-wośχiti* ‘обнимать-гладить’; *āpətti-śal’itti* ‘обнимать-жалеть’; *āpətti-moštətti* ‘обнять-целовать’; *āpəltantiti-moštantiti* ‘обниматься-целоваться’; *moštətti-ewəmlətti* или *ewəmlətti-moštətti* ‘поцеловать’; *leti-jińśti* ‘есть-пить’; *leti-ortti* ‘есть-делить’; *lapətti-jińśltətti* ‘кормить-поить’; *āktəsti-punantiti* ‘собираться-надеть головной убор’; отрицательную оценку получает то, что человек осуждает, к чему он относится неодобрительно, она представлена в основном глаголами разрушительного действия: *jowərtiti-jaraśti* ‘придираться-силами меряться’; *seŋkti-uwti* ‘бить-кричать’; *śuŋkiti-puχətti* ‘тыкать-толкать’; *sewətti-ewətti* ‘рубить-резать’; *təŋətti-paśətti* ‘мять-жать, давить’; *kunsti-śuŋχti* ‘царапать-пинать’.

Специфика многих парных слов обусловлена представлением в языке фрагментов картины мира с точки зрения морали, они концентрированы в антиномиях, отражающих ценностное отношение к миру. К таким лексико-семантическим группам слов относятся имена, называющие лексику родства, обозначающие характер, поведение, психический склад, внешность человека. В хантыйском традиционном обществе несомненной ценностью являются родство, семья, а также здоровье – физическое и психическое, религия.

Своеобразие языкового сознания ханты закреплено в особой сочетаемости парных слов; специфику языка представляет отсутствие в нем сочинительных отношений между словами, что способствует формированию большого количества парных слов, а также способствует специфической организации простого и сложного предложений.

Языковая картина мира включает в себе особое мировосприятие и мировидение этноса, закреплённое в семантике языковых единиц и в понятийно-категориальном составе языка (лексике, грамматике, словообразовании). Парные слова передают семантику собирательного, обобщения, экспрессии и т. д. Повтор передает длительность действия, усиление интенсивности и др.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Языки русской культуры. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа, 1995. – Т. 2.
2. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 1993. – 223 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
4. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1996. – 264 с.
5. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
6. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
7. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 123 с.
8. Хонти, Л. Хантыйский язык / Л. Хонти // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 114 – 127.

Информация об авторе:

Шиянова Анастасия Антоновна – аспирант ЮГУ, научный сотрудник БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 89505006596, SyaziA@mail.ru.

Shiyanova Anastasia Antonovna – post-graduate at Ugra State University, researcher at Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Projects, Khanty-Mansiysk.

УДК 81.161.1'42

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ТЕКСТА КАК НОСИТЕЛЬ ПОТЕНЦИАЛА
ЕГО ДЕРИВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ**

Н. Н. Шпильная

INTERNAL TEXT FORM AS THE POTENTIAL SUPPORT OF ITS DERIVATION

N. N. Shpilnaya

В статье поднимается проблема деривационного развития текста как компонента коммуникативной ситуации. В качестве источника (носителя) деривационного потенциала текста предлагается рассматривать его внутреннюю форму как билатеральную сущность, имеющую пропозициональную организацию. Предметом анализа является относительный план деривации текста. На конкретном эмпирическом материале иллюстрируются особенности реализации деривационного потенциала внутренней формы текста как субъекта рецептивной текстопорождающей деятельности адресата.

The problem of the text derivation as a component of the communicative situation is raised in the article. Its internal form is suggested to be considered as the potential support of the derivation. The latter is regarded as a bilateral nature, having a propositional organization.

Ключевые слова: внутренняя форма текста, деривация текста, деривационная текстология, пропозиция.

Keywords: internal text form, derivation text, derivational textology, proposition.

...протяженность и развитие могут быть
свойственны только языковым представлениям.

И. А. Бодуэн де Куртене

Проблематика данной статьи вписывается в русло деривационной текстологии, предмет изучения которой – деривационное функционирование текста, обусловленное его включенностью в непрерывный деривационно-мотивационный процесс, движущими силами которого являются внутренние потенции языковой речи (об этом см. подробнее в [1; 2, с. 65 – 84]). Исходной посылкой настоящей работы послужило положение, согласно которому любая единица языка обладает деривационно-мотивационным потенциалом, проявляющимся в ее способности служить источником и объектом деривационно-мотивационных процессов, вследствие чего процесс создания речевых единиц предстает как процесс их развития («продления») в едином коммуникативно-речевом пространстве. В фокусе нашего внимания – проблема деривационного развития текста как компонента коммуникативной ситуации, структурообразующими элементами которой, наряду с текстом, являются референтная ситуация, адресант и адресат. Основной задачей статьи является выделение единиц, реализующих деривационный потенциал текста и позволяющих адекватным образом описать данный процесс. В качестве источника и носителя деривационных свойств текста, то есть тех внутренних сил, которые приводят его в движение, мы предлагаем рассматривать его *внутреннюю форму как устроенную по принципу знака ментально-языковую сущность, имеющую пропозициональную*

организацию и являющуюся представителем текста в единстве его формальной и содержательной сторон. Представительность, как ведущее свойство семиотической системы в целом и языковой в частности, здесь выполняет особую роль, определяемую не системно-структурным и антропоцентрическим подходами, согласно которым языковой знак рассматривается как условный представитель денотативной области или концептуальной сферы, а подходом, в соответствии с которым актуализируется потребность выявления представителя самого языкового знака как билатеральной сущности с особыми отношениями между означаемым и означающим.

Внутренняя форма текста как билатеральная сущность. В лингвистике уже предпринимались попытки описания деривации текста с опорой на его внутреннюю форму. Однако в работах исследователей внутренняя форма текста предстает, скорее, как единица гносеологического типа, позволяющая адекватно представить процесс деривации текста, чем онтологического. Так, в работе Н. Д. Голева и Н. В. Сайковой внутренняя форма текста используется в качестве объяснительного принципа при деривационной интерпретации вторичных текстов – установлении возможных степеней деривационности текста [3, с. 20 – 27]. В статье С. В. Ионовой, в методологическом плане являющейся продолжением идей Н. Д. Голева и Н. В. Сайковой, внутренняя форма текста становится «свидетель-

ством тождества, генетического единства соотносимых текстов» [4, с. 14]. Далее мы исходим из того, что внутренняя форма текста является единицей онтологическо-гносеологической типа; это в целом не противоречит, а напротив, соответствует современным представлениям о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии. Тезис о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии доказывает Н. Д. Голев, рассматривая его проявление при исследовании метаязыкового сознания, которому придает онтолого-гносеологический статус [5, с. 7 – 40].

Как нам представляется, признание онтологического статуса внутренней формы текста сопряжено с осознанием факта ее самостоятельного статуса как симбиотического образования, синтезирующего одновременно формальные и содержательные свойства языко-речевой материи: внутренняя форма текста есть и содержание, и форма. Рассматриваемая со стороны содержания, она является *значимой* формой, рассматриваемая со стороны формы, она является *формальным* содержанием. Сказанное вовсе не означает нивелирование самостоятельного статуса внутренней формы текста, которая, как представляется, лишь имитирует совпадение то с «формой», то с «содержанием» в тех или иных своих проявлениях. Следствием осознания самостоятельного статуса внутренней формы является возможность ее рассмотрения как билатеральной сущности, обладающей «собственными» содержанием и формой и функциональными возможностями. (Аналогичный, то есть основанный на признании билатеральной природы внутренней формы, подход к рассмотрению анализируемого языкового феномена предложен О. И. Блиновой, исследующей явление мотивации слов, в [6]). Это становится возможным в том случае, если рассматривать внутреннюю форму не извне, а изнутри – как «вещь в себе». Методологической посылкой такого подхода является признание разноаспектного – тройного – представления (в гносеологическом плане) какого-либо явления: как вещи, как свойства и как отношения: «Когда предмет выступает как что-то самостоятельное, выделенное среди многообразия других явлений, мы называем его вещью. Если же этот предмет рассматривается как что-то принадлежащее другому предмету, он выступает как свойство. И наконец, если тот же предмет выступает как что-то объединяющее в совокупность множество других явлений, он будет отношением» [7, с. 179].

Осознание внутренней формы текста в аспекте «вещи» предполагает выделение сущностных – субстанциональных и значимостных – характеристик явления, позволяющих дифференцировать его в ряду других смежных с ним явлений. Следует отметить, что мысль о билатеральной организации внутренней формы уже высказывалась в лингвистике. Так, В. фон Гумбольдт, сформулировавший гипотезу о наличии в языке как системно-структурном образовании внутренней формы, подчеркивает, что внутренняя форма синтезирует свойства «интеллектуального содержания» и внешней формы, полагая, что «синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [8, с. 107]. Ср. также с высказыванием В. В. Библина, согласно которому внутренняя форма предстает «как начало организации

и звуковой материи знака, и его семантики в цельный образ» [9, с. 62]. О билатеральной сущности внутренней формы слова и художественного произведения говорил А. А. Потебня, отождествляя внутреннюю форму с представлением как образом образа ситуации [10]. Имплицитно мысль о билатеральной сущности внутренней формы текста содержится в работах современных исследователей. К примеру, в работах Н. В. Сайковой, исследующей взаимодействие текста и слова в деривационном аспекте, выделяются две модели текстопорождения – ономазиологическая, ориентированная на содержание текста-основы, и семасиологическая, ориентированная на форму исходного текста [11]. Сам факт выделения данных моделей позволяет сделать вывод о наличии у внутренней формы текста не только формы, но и содержания.

Что представляют собой составные части – «форма» и «содержание» – внутренней формы текста и каков характер их взаимоотношений? Для обозначения составных частей внутренней формы текста мы предлагаем использовать следующие термины: для отражения содержательной стороны – *пропозициональное содержание*, для соответствующей ей формы – *пропозициональная форма*. Далее мы исходим из того, что *содержание* внутренней формы представляет собой совокупность смысловых сфер (субъект, объект, результат и пр.), отражающих весь комплекс потенциальных аспектов ситуации и задающих общее направление процессов смыслообразования, получающих конкретизацию на языко-речевом (текстовом) уровне. Важно подчеркнуть, что исходные смысловые сферы представляют собой пакет позиций, некий скелет для создания образа референтной ситуации, обладающий смысодеривационным потенциалом, репрезентированным в смысловой структуре текста: они формируют смысловую многомерность пропозиционально-семантической организации текста. Сказанное согласуется с положением о дуалистической природе языкового знака, проявляющейся в его способности к денотации (референции) и сигнификации, которая, кстати сказать, обусловлена такими антиномическими свойствами языкового знака, как генетическая мотивированность и синхронно-функциональная произвольность (условность). Выделение и осознание пропозиционального содержания в «составе» внутренней формы находит подтверждение также в мысли о том, что в семантической структуре текста можно выделить два вида «значений» – коммуникативно-прагматическое, ориентированное на адресата и «вычисляемое» им, и «упакованное» в нем (коммуникативно-прагматическом значении) пропозиционально-семантическое, соотносящее высказывание с референтной ситуацией и ее содержанием и обеспечивающее, с одной стороны, относителный изоморфизм высказывания и ситуации, а с другой стороны, – процесс «адекватного» (в плане соотносительности общей «ситуации мира») восприятия текста адресатом (см., например, [12]).

Что касается *пропозициональной формы*, то она задает способ выстраивания отношений между смысловыми сферами пропозиционального содержания, своего рода коммуникативный ракурс будущего высказывания (конечный образ высказывания), порождение которого осуществляется по линиям семантики, син-

тактики и прагматики, что согласуется с семиотической природой языка в целом и языкового знака в частности. Подчеркнем, что идея о пропозициональной организации внутренней формы языковых единиц, для лингвистики не нова: подобного рода идеи высказываются и в рамках пропозиционального направления в дериватологии (словообразовании), связанного с именами Е. С. Кубряковой, М. Н. Янценецкой, Л. А. Араевой и др.; ср.: «производное должно соотноситься не с тем или иным конкретным предложением или синтаксическим оборотом, а с глубинной пропозицией, которая, в свою очередь, может получить синтаксическое (и добавим – текстовое. – Н. Ш.), морфологическое или лексическое выражение» [13, с. 9]; причем глубинная пропозиция, являясь, по сути, мотивирующим суждением и обладая самостоятельным статусом, получает свое формальное воплощение в процессе текстовой актуализации ее актантно-предикативной структуры (см., например, [14]); «морфологическая структура производного является целостным отображением структуры ситуации, как ее представляет себе говорящий» [15, с. 4 – 5]. Ср. также с высказываемыми в теории речевой деятельности мыслями о релятивном предикате как носителе потенций смыслового развития текста [16].

Обобщая сказанное, заметим, что самостоятельность внутренней формы текста служит лишь предпосылкой (условием) деривационного развития текста, тогда как *деривационный потенциал внутренней формы текста* определяется ее внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условно-технической) природой. Деривационная сущность внутренней формы текста проявляется в ее способности служить опорой (и в то же время источником) для деривационных процессов, обеспечивая преемственность между «данным» и «новым», где «новое есть содержание интенции, являющееся стимулом для создания говорящим высказывания» [2].

Абсолютный и относительный планы деривации. Традиционно при рассмотрении сущности деривации текста лингвисты описывают данный процесс в направлении от производного текста к тексту-основе (ретроспективный подход), что предполагает выявление характера и результатов внутритекстовой и межтекстовой деривации, установление генетического единства текста-основы и его деривата [11; 17]. Основной аспект нашего анализа связан с исследованием проблемы деривации текста в направлении от текста-основы к его деривату (перспективный подход). При таком подходе процесс деривации текста предстает как процесс функционально-семантического (формально-семантического) продления текста-основы в речевой деятельности носителя языка, имеющей дело, по сути, не с текстом, а его представителем – внутренней формой. Не останавливаясь подробно на проблеме *текстовости* и *внетекстовости* текста, отметим, что его статус определяется ролью текста как компонента коммуникативной ситуации. Согласно Л. Г. Ким, исследующей особенности вариативно-интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата, можно дифференцировать три аспекта текстовых явлений: текст автора, текст субстанциональный и текст адресата, где *текст автора* представляет собой объект и результат текстопорождающей деятельности

автора, *текст субстанциональный* – это текст как некая субстанция в совокупности его признаков, текст как потенциальный объект восприятия, *текст адресата* – текст, представляющий собой результат интерпретационной деятельности носителя языка, возникающей при восприятии текста [18, с. 186]. Исходя из сказанного, мы считаем возможным говорить о том, что текст адресанта, так же, как и текст адресата, являются условными единицами. В действительности, как *в процессе порождения текста, так и при его интерпретации, носитель языка имеет дело не с текстом, а с его представителем, то есть с внутренней формой текста*. Так, в процессе порождения текста внутренняя форма предстает как предтекст, предвосхищающий разворачивание текста в единстве его формальной и содержательной сторон как цельной семиотической сущности. А в процессе рецептивной текстопорождающей деятельности адресата внутренняя форма обеспечивает диктумно-модусное «продление» текста как цельнооформленной единицы (ср. с высказыванием Г. Г. Шпета: «Что касается смысла, который заключается в словесном выражении данной вещи, то он нами постигается, уразумевается через внешние формы словесного выражения, в *собственных самодеятельных логических формах, которые и должны рассматриваться как внутренние формы слова*» (выделено нами. – Н. Ш.) [19, с. 82]). С нашей точки зрения, сказанное справедливо и по отношению к внутренней форме текста как объекту речепорождения адресата. Отметим, что процесс создания текста характеризует *абсолютный план деривации*, а процесс его речевой интерпретации – *относительный план деривации*.

Далее мы подробнее очертим путь деривационного развития текста как субъекта рецептивной текстопорождающей деятельности адресата, осознавая, что процесс деривационного развития текста как со стороны адресата (относительный план деривации), так и со стороны адресанта (абсолютный план деривации) един по своей сути: «...процессы понимания, интерпретации знаков языка <...> обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность и процессов говорения» [20, с. 361].

Внутренняя форма текста как субъекта рецептивной речепорождающей деятельности адресата. Актуальными для нас являются положения о вариативно-интерпретационном функционировании текста в пространстве адресата, сформулированные Л. Г. Ким. Согласно Л. Г. Ким, текст как онтологический феномен содержит в себе потенциальное множество (веер) «интерпретационных значений» (смысловых версий, по Л. Г. Ким). Ср.: «Интерпретационный процесс осуществляется по вариативно-смысловой модели и имеет своим результатом множественность и вариативность смысловых версий интерпретируемого текста» [18, с. 186]. Причем характер реализации смысловых версий определяется субъективным фактором – языковой личностью, ее коммуникативной интенцией. Последняя при таком подходе становится стимулом для создания человеком высказывания, то есть текстового воплощения смысловой версии. Актуализируемая из текста смысловая версия и есть его внутренняя форма. Иными словами, деривационное развитие текста пред-

полагает актуализацию виртуальной внутренней формы текста, служащей суппозицией для его дальнейшего развития, характер реализации которого определяется коммуникативной интенцией носителя языка, опредмечивающейся в тех или иных текстовых версиях – *деривационных вариантах текста*, находящихся между собой в различных отношениях. Так, реализация излучаемых текстом импульсов деривационной энергии зависит от *коммуникативной активности* субъекта речи, способного выступать в разных ипостасях: «включателя», «проводника», «выключателя» потока деривационной энергии текста.

Деривационное развитие текста находит выражение в его диктумно-модусном продлении, где диктумная составляющая коррелирует с содержанием внутренней формы, а модусная – с собственно формой. Представляется уместным подчеркнуть, что деривация и интерпретация текста – хотя и взаимосвязанные, но не тождественные процессы, разница между ними определяется соотношением двух базовых речевых функций – когнитивной и коммуникативной. В этом смысле деривация есть коммуникативный процесс («Понятие “деривация” <...> используется в его самом широком смысле как образование текста (Т-2) от текста (Т-1)» [3]), а интерпретация – когнитивный («Интерпретация представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в смыслосчитывании, или распределении, и смыслопостроении, или опредмечивании» [21]). Признавая общую коммуникативную направленность речепорождения, далее мы исходим из приоритета деривационных процессов по отношению к интерпретационным, полагая, что последние служат предпосылкой для осуществления актов коммуникации. Основанием сказанного может служить факт внутренней речи как речи звучащей, но не озвученной.

Проиллюстрируем особенности реализации деривационного потенциала внутренней формы текста как объекта и в то же время субъекта рецептивной текстопорождающей деятельности адресата на примере бытового диалога, основу которого составляет процесс передачи сплетен (слухов) – неавторизированной информации о ком-либо. Такой выбор эмпирического материала обусловлен тем, что в диалогах изначально заложены деривационно-мотивационные отношения между репликами коммуникантов – адресанта и адресата. При этом каждая реплика рассматривается нами как самостоятельное высказывание (текст). Ср. с позицией М. М. Бахтина, согласно которому граница текста определяется сменой субъекта речи.

Литература

1. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск: ТГУ, 1989. – 252 с.
2. Голев, Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации / Н. Д. Голев // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: АГУ, 1998.
3. Голев, Н. Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: сб. ст. / под общей ред. В. А. Пищальниковой. – Барнаул, 2001. – Вып. 3.
4. Ионова, С. В. Внутренняя форма текста и способы ее экспликации / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2007. – № 6.

Пример.

- Говорят, *ТФ поедет в Турцию* <суппозиция>
- Да, не слышала, не знаю. *А когда она поедет?*
- Точно не знаю, но вроде, *в субботу*.
- *На выходные....* Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-то на огород...

Приведенный пример хорошо иллюстрирует особенности деривационного – диктумно-модусного – развития текста. В данном коммуникативном фрагменте, композиционно организованном в форме диалога, в первой реплике содержится мотивирующее суждение – *ТФ поедет в Турцию*, – являющееся суппозицией и обладающее деривационным потенциалом. Этот потенциал реализуется в ответной реплике адресата – *Да, не слышала, не знаю. А когда она поедет?* – предполагающей на уровне диктумного развития текста актуализацию такого фациенса, как локатив, что находит отражение в ответной реплике адресанта – *в субботу*; а на уровне модусного развития текста – «приращение» оценки-комментария – *Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-то на огород*. При этом наблюдается усложнение виртуальной внутренней формы (потенциального) текста.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что признание деривационной функции внутренней формы текста сопряжено с осознанием ее самостоятельного статуса как билатеральной сущности, обладающей формой и содержанием. В таком случае внутренняя форма текста есть представитель текста в единстве его формальной и содержательной сторон. Деривационный потенциал внутренней формы текста определяется ее внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условно-технической) природой, и реализуется в тексте как субъекте текстопорождающей деятельности адресанта и адресата – основных структурообразующих компонентов коммуникативной ситуации. Выделение и осознание внутренней формы текста как носителя потенциала его деривационного развития в конечном счете позволяет расширить горизонты деривационной текстологии, включив в ее проблемное поле вопросы определения границ текста как *новой* единицы, сущности и статуса текста как «непроизводной» (самостоятельной) и производной единицы, способных вступать в деривационные отношения на различных уровнях деривационной системы (уровне деривационной цепочки, типа, гнезда, парадигмы) и пр. Решение перечисленных вопросов – дело будущего.

5. Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологем) / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: АГУ, 2009. – Ч. 1.
6. Блинова, О. И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект: учеб. пособие / О. И. Блинова. – Томск: ТГУ, 1984. – 191 с.
7. Сагатовский, В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В. Н. Сагатовский. – Томск: ТГУ, 1973. – 432 с.
8. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт / общ. ред. Г. В. Рамишвили; посл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
9. Биbihин, В. В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях / В. В. Биbihин // Языковая практика и теория языка. – М., 1978. – Вып. 2.
10. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/index.php
11. Сайкова, Н. В. Взаимодействие текста и слова в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов): дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Сайкова. – Барнаул, 2002. – 163 с.
12. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://homepages.tversu.ru/~ips/5_02.htm
13. Янценецкая, М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) / М. Н. Янценецкая // Актуальные направления региональной лингвистики и истории Сибири: материалы Всероссийской научной конференции «Говоры и разговорная речь» (март 1991 г.). – Кемерово: КемГУ, 1992.
14. Резанова, З. И. Функциональный аспект словообразования (русское производное имя) / З. И. Резанова. – Томск: ТГУ, 1996. – 219 с.
15. Шахнарович, А. М. Порождение и восприятие производного слова / А. М. Шахнарович, Л. И. Гараева // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: синхронное словообразование и номинация. – М., 1995.
16. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
17. Прокудина, И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции текста (на материале студенческих рефератов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Прокудина. – Кемерово, 2009. – 25 с.
18. Ким, Л. Г. Единицы описания интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата / Л. Г. Ким // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1 (49).
19. Шпет, Г. Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. – М.: Эдиториал, 2006. – 216 с.
20. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965.
21. Интерпретация / Д. З. Демьянков [и др.] // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 31.

Информация об авторе:

Шпильная Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного медицинского университета, venata85@mail.ru.

Shpilnaya Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication of Novosibirsk State Medical University.

УДК 81'373. 421'282.2

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ СИНОНИМИИ (на материале диалектной лексики Кемеровского района)

А. А. Шумилова

FRAME-BASED MODELLING OF WORD FORMATION PROPOSITIONAL SYNONYMY (based on the dialect vocabulary of the Kemerovo district)

A. A. Shumilova

Задача статьи – продемонстрировать методику фреймового моделирования на примере единиц словообразовательно-пропозициональной синонимии, а также представить когнитивное видение словообразовательной синонимии, дать определение и подробное описание словообразовательно-пропозициональной синонимии на материале диалектной лексики.

The article aims to show the technique of frame modelling basing on the word formation propositional synonymy units, and to present a cognitive vision of word formation synonymy, as well as to provide the definition and the detailed description of word formation propositional synonymy on the material of dialect lexicon.

Ключевые слова: фрейм, синонимия, категория, когнитивный подход, пропозиция, словообразовательно-пропозициональная синонимия.

Keywords: frame, synonymy, proposition, word formation propositional synonymy, category, cognitive approach.

На современном этапе развития научной мысли лингвистика выходит за пределы внутрисистемного описания языковых факторов: переосмысляются не только основные языковые категории и процессы, но и методы их исследования. На смену структурному описанию языка приходят линейные и сферические построения, учитывающие глубинные семантические связи, представленные в пределах такой минимальной структуры знания, как пропозиция, актуализирующейся во фреймах. Одними из ведущих походов к исследованию языковых процессов становится – пропозиционально-фреймовый, как продолжение когнитивно-дискурсивного подхода, позволяющий ввести в исследование языковой сферы ситуативно-личностный компонент. Методика пропозиционально-фреймового анализа и моделирования сегодня широко применяется в дериватологии при изучении производной лексики, структуры словообразовательного типа и словообразовательного гнезда, а также при изучении явления полимотивации, полисемии и синонимии на словообразовательном уровне [5].

Выделение словообразовательно-пропозициональной синонимии стало возможным в рамках современной лингвистической парадигмы, рассматривающей язык через человека, через актуализацию в языке таких минимальных структур знания, как пропозиции [2, с. 203 – 208; 5; 7]. Пропозиция представляется нам как синтаксически организованный набор лексем и обобщение представлений, единицей хранения и передачи знаний об объектах, которые в ней заключены. Но пропозиция является не только межуровневым прототипом (стремлением к обезличению, надличностной относительностью), но и воплощением индивидуальных речемыслительных способностей человека, управляемых объективностью языковой формы; то есть конструкцией, зависящей от условий контекста, от коммуникативной ситуации, строящейся в соответствии с поставленными задачами и характеризующейся определенной степенью детализированности, непрочности и вариативности.

В рамках когнитивного подхода меняется представление о словообразовательном типе и словообразовательном значении. Словообразовательный тип понимается как ментально-языковая категория, организованная по принципу прототипа, которая на подсознательном уровне является одной из единиц хранения и передачи знаний о мире [1]. Как и всякая естественная категория, тип обладает ядром и периферией, в силу этих причин данная категория характеризуется подвижностью формально-семантических границ, в результате чего мы наблюдаем постоянное взаимодействие типов и постоянное образование одних и распад других словообразовательных синонимов, а виды словообразовательного значения представлены как уровни категоризации языковой картины мира, при этом все словообразовательные значения, кроме лексико-словообразовательного, проявляются на бессознательном уровне.

В области словообразования обращение к феномену словообразовательно-пропозициональной синонимии позволило выделить такой вид словообразовательного значения, как словообразовательно-пропозициональное [1]. Выделение этого вида словообразовательного значения связано с изучением семантики производного слова с позиции глубинного синтаксиса, что естественно и закономерно, так как связь словообразования и синтаксиса очевидна: словообразование синтаксично по своей сути, всякое производное слово – это свернутое высказывание. Глубинный синтаксис определил иное рассмотрение роли мотивирующего в семантике мотивированного: значимым стал анализ языковых ситуаций, лексико-синтаксических ролей мотивирующих в этих ситуациях. Исследуя специфику деривационного потенциала мотиваторов, лингвисты обращают внимание на актуализированный аспект семантики, который, способствуя вхождению мотивирующих в конкретную пропозицию, обуславливает определенные виды мотивационных отношений. Последние своеобразно распределяются между словообразовательными типами, что объясняет появление в словообразовательных типах целых групп производных, в основе которых находятся мотивирующие с одной и той же синтаксической ролью в пропозиции. «Оставить без внимания типовые объединения подобного рода невозможно, что привело ученых к выделению особого рода словообразовательных значений, обусловленного синтаксическими ролями мотивирующего и мотивированного определенного субкатегориального подкласса» [1, с. 38].

В основу номинаций предметов, действий и признаков положены одни и те же структурно-логические схемы, которые реализуются разной компоновкой составляющих эту схему актантов. Перестановка членов пропозиции связана с грамматическими показателями, частеречной семантикой. Значимой становится способность каждого члена пропозиции указывать на весь пропозициональный комплекс, мотивироваться им, т. е. «каждый компонент пропозиции несет информацию обо всей пропозиции в целом (и, следовательно, о каждом ее члене), любой из этих компонентов может быть использован в качестве основы мотивации» [6, с. 55], данное свойство деривационной пропозиции называется автором внутренней конвертностью. Этот принцип позволяет говорить о фреймовой природе пропозициональных связей: совокупность пропозициональных моделей формирует стереотипную ситуацию. Такой вывод позволяет М. А. Осадчему говорить о пропозиционально-фреймовом моделировании гнезда однокоренных слов, в рамках же нашего исследования можно говорить о фреймовой природе словообразовательно-пропозициональной синонимии.

В языковой картине мира через словообразовательно-пропозициональную синонимии представлена многоплановая характеристика познаваемого объекта (реализованная через характеризующие словообразо-

вательно-пропозициональные значения), множественность возможных ситуаций функционирования этого объекта (реализованные через функциональные словообразовательно-пропозициональные значения). Анализ словообразовательно-пропозициональной синонимии выявляет пропозиционально-фреймовую организацию таких единиц. В словообразовательно-пропозициональных синонимах актуализируются значимые компоненты фрейма, отвечающие потребностям ситуации общения. Приведем пример пересекающихся, раскрывающих один концепт фреймов, выраженных словообразовательно-пропозициональными синонимами в микродиалектной системе (с. Березово Кемеровского района).

Фрейм «пчела»:

– *будуница* (натурфакт – объект по характеризующему действию) – «пчела – она же будит» (Кем. р-н), в основу номинации положен характер издаваемого звука, подобный способ номинации свойственен для наименования класса насекомых;

– *жужжалка* (натурфакт – объект по характерному действию). Разные глаголы находятся в основе номинаций «будит» и «жужжит», которые свидетельствуют об индивидуальном восприятии объекта, точнее о восприятии издаваемого звука;

– *медовица* (натурфакт – объект по объекту, на который направлено действие). Релевантно то, что пчела собирает мед, т. е. ее практическая значимость для человека;

– *пузырница* (натурфакт – объект по результату действия) – обозначается другая сторона объекта, уже не имеющая практической значимости, но его характеризующая. Эта пропозиция представлена целой ситуацией: после укуса пчелы на теле человека остается пузырь.

Перед нами разворачивается фрейм, через который раскрывается многогранный образ познаваемого объекта. Словообразовательно-пропозициональные синонимы эксплицируют, благодаря заложенным в сознании диалектоносителей пропозициям, наиболее значимые характеристики познаваемого объекта. Становится понятным, что это насекомое можно узнать по характерному звуку (жужжит), характерному действию (собирает мед), по результату воздействия на человека (надувается пузырь).

Фрейм «помещение для пчел»:

– *зимник, пчельник, омшанник, медяник*. В первом производном актуально то, что это помещение зимнее (то есть релевантным является темпоральный признак, время использования помещения – «зимнее помещение для пчел»), во втором – то, что помещение предназначено для пчел (значим объект, для которого создается помещение, что, в свою очередь, предопределяет особенность строения этого вместилища), в третьем – то, что помещение утеплено мхом (значимо средство, с помощью которого утепляется помещение, что косвенно указывает на время использования помещения – «зимнее помещение для пчел, покрытое мхом»). В четвертом производном значимым становится признак, не актуализированный в лексическом значении слова, но существующий в общем концептуальном пространстве (продукт, добываемый или находящийся в этом помещении). Пропозиции, хра-

нящиеся в общем концептуальном пространстве, меняются в зависимости от определенного ракурса видения этого пространства, что влечет за собой появление пропозиционально связанных синонимов.

Фрейм «долбленный улей»:

– *долбенка* (артефакт – место: результат по функциональному действию): «*Бывает, что специально дерево выдалбливают, там пчелы начинают роиться*»;

– *дуляк* (артефакт – место по внешнему сходству с объектом): «*Дикие пчелы могут в дуляке поселиться, злющие такие*»;

– *пчельница* (артефакт – место по объекту назначения): «*Пчельница раньше такие из дерева делали, улья не строили*»;

– *колода* (артефакт – объект по предмету: материалу изготовления): «*Бревно колодку возьмешь, дыру проделаешь – вот тебе и улей*».

Фрейм «пасечник»

– *медовик* (субъект по результату действия): «*У нее родители богатые. Отец – медовик, пчел много держит*» (Кем. р-н);

– *пчелинец* (субъект по объекту, на который направлено действие): «*Они нынче пчелинцами подрабатывают – хлебное дело, мед сейчас какой дорогой*» (Кем. р-н);

– *улейщик* (субъект по функционально значимому объекту): «*Улейщик за ульями ходит в шапке такой специальной*» (Кем. р-н).

Для синонимов такого типа характерно то, что все они объединены на основе единого лексического значения, того мотивационного пространства, которое оказывается специфичным для каждого отдельно взятого члена синонимичной пары либо ряда. В языковой картине мира через пропозициональную синонимию актуализована многоплановая характеристика познаваемого объекта (представленная через характеризующие словообразовательно-пропозициональные значения, множественность возможных ситуаций функционирования этого объекта реализованная в рамках функциональных словообразовательно-пропозициональных значений). Язык, преодолевая дискретность производных единиц, стремится к объемному представлению одного и того же предмета разными дериватами в границах одного фрейма.

Применение фреймового подхода позволяет рассматривать синонимию как ситуативно-обусловленное явление, рождаемое и изменяемое в зависимости от ситуации общения. Отношения между элементами внутри определенного фрейма порождают синонимию смыслов, посредством процесса категоризации или ассоциативных связей. При этом фреймы не являются изолированными, а, пересекаясь друг с другом, разрастаются в сеть [7]. Многообразие фреймов приводит к потребности обозначить, закрепить их за определенной языковой формой, потенциально провоцируя бесконечный процесс установления сходства (переживание слов как близких по смыслу), а также к рождению новых смыслов (многообразие функционирования слова в различных ситуациях рождает обилие смысловых оттенков, которые приводят к распаду тождества) и новых форм (новые номинации, словообразовательно-пропозициональная синонимия).

Синонимы выстраивают фрейм, в котором реализуются специфичные пропозициональные структуры в зависимости от того, каким ракурсом видения поворачивается данная ситуация. Подобные отношения можно наблюдать в именах с функциональным значением, основываясь на метонимическом способе номинации: объект познания, помещаясь в разные ситуации, выполняет различные функции, тем самым выявляя все новые и новые свойства. В качестве примера можно привести выявленный в исследуемой диалектной зоне фрейм «лошадь»:

Наименования лошади можно разделить по следующим словообразовательно-пропозициональным значениям:

– натурфакт – объект по характеризующему признаку: *резвуха, быстреха, бодреха*;

– натурфакт – объект по характеризующему действию: *бегун, бегунец, скакун* – «лошадь, которая быстро бежит, скачет»;

– натурфакт – объект по месту действия: *коренник* – «Лошадь – ее первую запрягают, в центр, по бокам две другие, то она и коренная в тройке», *паровой* – «А за коренной дальше паровые стоят»;

– натурфакт – объект по характеризующему признаку (по цвету): *воронок, воронушка, рыжка, гнедушка, булан, пеган, игренька* – в этих номинациях значим окрас всего животного, а в слове *игренька* в основе номинации находится признак, основанный на метафорическом сходстве по характеризующему действию, отдельной части познаваемого объекта («Сам конь желтый, а грива белая – играет так, переливается на солнце»; ср.: «Конь не сивый и не бурый – игрене. Сам рыжий, а хвост вроде белый, переливается»). Проявляется множественная мотивация, с одной стороны, номинация осуществляется по цвету: игреневый цвет: неоднородный, переливается, с другой – значимо выделение отдельных частей: конь желтый, а хвост и грива белые, которые также играют и переливаются на солнце;

– натурфакт – объект по функционально значимому средству: *борона, боронуха* – «лошадь, которую запрягают в борону».

Анализ словообразовательно-пропозициональной синонимии позволяет нам увидеть, как выстраивается фрейм «лошадь», перед нами предстают возможные ситуации, в которых значимыми становятся отличительные, особенные признаки животного. Не все единицы в пределах фрейма «лошадь» вступают в синонимические отношения: *коренник, паровой, борона, боронуха* не являются синонимами, поскольку актуализируются признаки, функционально значимые для разных ситуаций, подчеркивается особое предназначение лошади: *запрягается в борону, в пару, в тройку*. Однако эти единицы, благодаря заложенным в сознании носителей языка пропозициям, могут выступать в качестве синонимов к словам *резвуха, бегун, бодреха*, а также взаимодействовать с номинациями по цвету, так, например, *борона* может быть *резвухой* и *гнедушкой*, а *бегун* синонимом к *игренке* и *бодрехе*. Приведенные примеры ярко демонстрируют нам зависимость синонимии от конкретного образа, представленного в сознании, т. е. образ одной лошади отличается от образа другой, что провоцирует употребле-

ление разных синонимических средств. В пределах данного фрейма синонимия варьируется в зависимости от индивидуального сознания человека и сопутствующих ситуаций.

Спецификой характеризующих имен является то, что они все являются синонимами, здесь сложно выделить так называемые ситуативные синонимы, поскольку все слова характеризуют одно лицо или объект.

Например, детеныш животного, родившийся осенью:

– *первоосенок* (натурфакт – объект по временному признаку), «детеныш, живущий первую осень», важным становится как временной признак, указывающий на время рождения (осень), так и возрастной, указывающий на время, которое прожило животное (живет первый год – первую осень): «*Ягенок со мной был первоосенок*». По аналогии с этим наименованием можно встретить: *зимник, веснёнок, летник, летошник, первозимок, перволеток, однозимка, однолетка*;

– *листопадник* (натурфакт – объект по характеризующему действию объекта), номинация осуществляется через основную характеристику времени года: осень – время, когда падают листья (листопад) соответственно детеныш, родившийся в это время, называется *листопадник*: «*Листопадник – это если осенью родился*»;

– *подкопник* (натурфакт – объект по характеризующему объекту), в этом производном значимым становится объект, характеризующий это время года – копка, т. е. время, когда косят сено, убирают урожай: «*Подкопник родился когда уже сено убрали*». В ЛСЗ включен косвенно темпоральный признак.

Исследуемые единицы в равной степени способны вступать в синонимические отношения, хотя, безусловно, выбор синонима обусловлен семиосферой, в которой данное слово живет, и определенным контекстом, в котором оно функционирует.

Изучение словообразовательно-пропозициональной синонимии опирается на всю теорию синонимии и, в частности, – на когнитивный аспект, что связано с изучением ономастической природы слова, выявлением внутренней формы слова, анализом стоящих за ним когнитивных процессов. Таким образом, рассмотрение словообразовательно-пропозициональной синонимии на фактическом диалектном материале, показывает закономерности функционирования этого явления и раскрывает природу его возникновения, обозначая его место и значимость в ментально-языковой деятельности человека.

Методика пропозиционально-фреймового моделирования демонстрирует внутренние системные синонимические связи, раскрывает ситуационно-семантический характер синонимических единиц, поскольку синонимы в речемыслительной деятельности связаны между собой определенными ролевыми отношениями. Словообразовательно-пропозициональная синонимия высвечивает разные стороны фрейма, актуализируя признаки, представляющие наибольшую ценность для языкового сознания. Организация синонимов по принципу естественной категории демонстрирует наиболее типичные синонимические

связи, а размытые формально-семантические границы верифицируют возможности дальнейшего развития синонимических связей в результате взаимодействия разных категорий в пределах фрейма. Благодаря заложенным пропозициям, мотивационной многомерности, через словообразовательно-пропозициональную синонимию воссоздаются многообразные ситуации, конкретизируются и обогащаются мыслительные образы, познаваемых объектов, при этом словообразовательно-пропозициональные синонимы организуются языковой формой и семантикой словообразовательного типа.

Применение методики пропозиционально-фреймового моделирования позволяет представить исследуемое явление как продукт речемыслительной деятельности индивида, активно формирующийся наряду с другими видами синонимии, такими, как лексическая и однокоренная синонимия. Данный подход в перспективе, обеспечивает возможность создания нового типа словаря синонимов, раскрывающего как системно-семантические связи, так и ситуативную варьированность синонимических связей, что позволяет расширить горизонты видения познавательной возможности человека и его креативности.

Литература

1. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы / Л. А. Араева. – Кемерово, 1994. – 223 с.
2. Араева, Л. А. Представление о годовом цикле в системе отыменных суффиксальных существительных / Л. А. Араева, П. А. Катышев // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2001.
3. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М., 2004. – 750 с.
4. Евсеева, И. В. Словообразовательный тип: антропоцентрический подход / И. В. Евсеева. – Красноярск, 2005 – 104 с.
5. Кемеровская дереватовологическая школа: традиции и новаторство / под ред. Л. А. Араевой, Э. С. Денисовой, С. В. Оленева, Ю. С. Паули. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 400 с.
6. Осадчий, М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук / М. А. Осадчий. – Кемерово, 2007.
7. Шумилова, А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Шумилова. – Кемерово, 2009.

Информация об авторе:

Шумилова Анастасия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, 89059097003, bakalka80@mail.ru.

Shumilova Anastasia Anatolievna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetoric of KemsU.

УДК 81'272=111

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

К. Ю. Щербakov

VERBAL EXPRESSION OF EMOTIONS IN MODERN ENGLISH PHRASEOLOGY

K. Yu. Shcherbakov

В статье исследуется эмотивная лексика современного английского языка, которая раскрывает универсальные свойства языковой способности человека, культурно-обусловленные различия в ее организации и функционировании, отражение в языке корреляции между эмоциями и психофизиологическим состоянием человеческого организма.

The article deals with emotive lexis of modern English, which discloses the universal features of human verbal abilities, the culturally determined differences in its organization and functioning, as well as the linguistic reflection of correlation between emotions and psychophysiological condition of the human body.

Ключевые слова: эмоции, фразеологизмы, психофизиологическое состояние организма, этнолингвистическая картина мира.

Keywords: emotions, phraseological units, psychophysiological condition of the human body, ethnolinguistic picture of the world.

Эмоции – особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний процесс и результаты собственной деятельности и взаимоотношений с окружающим

миром. Оценка человеком окружающего мира основывается на системе ценностей, принятой данным обществом.

Структура этнопсихологических характеристик – сложная динамическая многоуровневая система, элементы которой логично связаны друг с другом. Безусловно, особенно важными среди них представляются ценностные ориентации, господствующие в образе жизни большинства представителей данной этноязыковой общности. Система ценностей, как правило, имеет наиболее осознанный характер и несет идеологическую нагрузку. Ее влияние на формирование психологических характеристик народа, в том числе на его восприятие мира, чрезвычайно велико. Эта структура представляет собой синтез вечного и исторически преходящего. Это многомерный, почти неподдающийся сколько-нибудь четкому определению комплекс представлений, убеждений, верований народа (отраженных в его религии, философии, культуре, языке), который определяет существование и восприятие действительности. Этническая принадлежность проявляет себя в самых разных формах и на самых разных уровнях: на уровне идей, политики, культуры, обыденного сознания.

Национальная идея, осознанная или неосознанная, во многом движет жизнью любого народа. Исторически осмысленному существованию народа сопутствует широко разделяемая органическая система ценностей, убеждений, верований. Проблемами сходства и различия в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам, и обусловленности психологических различий социально-культурными, экологическими и биологическими особенностями и т. п. занимается кросскультурная психология. Одно из основных понятий здесь – “культурный синдром” – определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна группа культур отличается от другой.

Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, всегда этнически обусловлено и сознание человека. Этнический и социокультурный фактор выявляется, в частности, в национально-этнических особенностях способа формирования и формулирования мысли. Очевидно, процесс этот носит во многом неосознаваемый характер, поскольку сама система сознания, скорее всего, определяется этническими стереотипами поведения и не осознается каждым отдельным носителем культуры, то есть принадлежит коллективному бессознательному данного национального сообщества. Однако именно эта определенная системность сознания, или образ мира, влияет на поведение представителей того или иного сообщества и определяет его.

Языки различаются еще и тем, как в них осуществляется разграничение разных семантических сфер, а также, сколькими и какими способами делят они соответствующие семантические пространства на категории. Жизнь общества и лексика языка, на котором оно говорит, всегда тесно связаны. Можно привести довольно длинный перечень культурно-специфичных концептов, таких, как названия блюд, предметов обихода, обрядов и т. д. По-разному воспринимают представители разных культур и цветовой спектр.

Наше сознание хранит знания об окружающем мире во всем многообразии его проявлений, включая представления о различных предметах и связях между ними. Конечно, наборы знаний и представлений носят во многом индивидуальный характер и могут значительно различаться. Однако ядро таких наборов всегда носит обобщенный характер, ведь изолированный индивид – не более чем абстракция. И поскольку дух народа живет в индивидуальных личностях, закономерности его возникновения, расцвета и упадка могут быть познаны лишь тогда, когда главным объектом психолингвистического изучения становится этнос как таковой [1].

Одной из главных причин расхождения в семантических системах разных языков является неодинаковое отражение объективной действительности в сознании соответствующих носителей языка в ходе познавательной деятельности. Окружающая нас действительность представляет собой некоторый непрерывный ряд или, как иногда говорят, континуум, т. е. в действительности мы не имеем четких переходов, здесь все взаимосвязано, и трудно сказать, где кончается одно явление и начинается другое. В то же время лексическая система языка состоит из конечного, пусть и чрезвычайно большого числа элементов. Таким образом, отражая в своем сознании явления действительности, человеку приходится устанавливать соответствие между непрерывным рядом действительности и конечным числом дискретных языковых единиц. В результате континуум, существующий в природе, оказывается сегментированным в языке. Таким образом, жизнь общества, восприятие окружающего мира не может не сказываться на национально-лингвальных комплексах [5]. Этническая принадлежность не может не сказываться и на коммуникативном аспекте общения. Этническое своеобразие проявляется, в частности, в манере излагать информацию.

В жизни человека практически нельзя выделить ни одного состояния, которое не переживалось бы субъективно. Эмоции пронизывают всю жизнь человека – от инстинктивных порывов до высших форм социальной деятельности. Мир эмоций разнообразен.

В психологии эмоции определяются как переживание человеком своего отношения к чему-либо (к настоящей или будущей ситуации, к другим людям, к самому себе и т. д.). Все поступки человека связаны с ощущениями самого себя и своего отношения к окружающему миру. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу эмоций. Человек как субъект практической и теоретической деятельности, который познает и изменяет мир, не является ни бесстрастным созерцателем того, что происходит вокруг него, ни таким же бесстрастным автоматом, производящим те или иные действия наподобие хорошо слаженной машины. Как определил С. Л. Рубинштейн, эмоции выражают состояние субъекта и его отношение к объекту [2]. Они позволяют каждому живому существу надежно оценивать свое состояние и воздействие факторов окружающей среды, а также предвидеть эти воздействия.

Помимо этого узкого значения термин «эмоция» используется и в широком смысле, когда имеется в виду целостная эмоциональная реакция личности,

включающая не только психический компонент – переживание, но и специфические физиологические изменения в организме, сопутствующие этому переживанию. В этом случае можно говорить об эмоциональном состоянии человека. Эмоции имеются и у животных, однако у человека они приобретают особую глубину, имеют множество оттенков и сочетаний. Несмотря на то, что конкретные эмоции – это субъективные психологические состояния, эмоциональность как категория обусловлена этнопсихологией и является составной частью культурного синдрома. Лишь надежно установленные языковые универсалии могут дать серьезную основу для анализа концептуальных систем, закрепленных в языке, и для объяснения значений, закодированных в языках.

Часть эмоций принято относить к группе основных (гнев, страх, печаль и др.). Противопоставляют также положительные эмоции (например, радость) и отрицательные (гнев, горе, страх). Изучение эмоций представляет собой исключительную важность для понимания самого широкого круга проблем индивидуального опыта и человеческой деятельности в целом. Фундаментальным исследованиям вербально-понятийного множества эмоций уделяется большое внимание и в современной лингвистике. Однако, несмотря на то, что проблема эмотивности (проявления эмоциональности в языке) рассматривается в лингвистике уже сравнительно долго, наука о языке еще не готова представить полное описание этой категории [3].

Эмотивная лексика весьма активно исследуется лингвистами [4]. Экспрессивность (выразительность) относится к функциональной категории воздействия. Нас интересует такая лексика, которая связана именно с конкретными эмоциями и позволяет пролить свет на природу этих эмоций, дополняя данные психологии, физиологии и других наук.

Предлагаемые классификации резко отличались характером выдвигаемых оснований, числом выделяемых категорий, числом привлекаемых эмоций и самим подходом к различению эмоций и чувств. Мы не будем сейчас вдаваться в сопоставительный анализ этих теорий, однако отметим, что во многих случаях авторы считают разумным разделять эмоции на «основные» и «второстепенные». Поскольку общее число называемых эмоций в разных работах весьма велико, для нас было важным сократить объем материала, ограничившись только группой основных эмоций. К сожалению, до сих пор четких принципов отнесения эмоции к этой группе не выработано, и нам приходится довольствоваться тем, что на неформальном уровне степень совпадения мнений разных авторов относительно ряда эмоций довольно высока.

Функционирование эмоций – это сложный процесс, имеющий наследственный и эволюционный аспекты. Все эмоции с их взаимодействием составляют эмоциональную систему – важнейшую определяющую систему личности. Основные эмоции и эмоциональная система в целом определяют систему мотиваций человека, придавая смысл его жизни. В числе эмоций, чаще других относимых к группе «основных», оказываются радость, горе (или грусть), гнев, страх, презрение и удивление. Эти эмоции не только

существуют в реальных жизненных ситуациях, но и могут быть определены и использованы в качестве переменных в различных поведенческих построениях. Каждая из них включает ясно выраженные компоненты, взаимодействие которых и определяет эмоцию.

Каждая основная эмоция (в своем чистом виде) находит свое отражение во вполне определенном выражении лица. Последнее может быть как ответом на эмоцию, так и ее необходимым компонентом. Опыт зрительного восприятия мимики лица приводит к возникновению приобретенного компонента эмоций, который со временем, в свою очередь, ассоциативно связывает ту или иную эмоцию с какими-то сигналами и вербальными ярлыками. Из сказанного вытекает, что эмоции могут быть операционально определены либо путем описания мимики, либо путем анализа соответствующих вербальных средств. Тем самым исследования в этой области могут вестись либо на материале слов, либо на материале изображений выражения лица (например, в виде фотографий). Основные эмоции имманентны человеку и, как показывают некоторые исследования, являются универсальными. Известно, что и сами основные эмоции и соответствующие им выражения лица суть результат эволюционных, генетических процессов, универсальных для большинства народов европейской цивилизации.

Основные эмоции характерны для человеческого поведения и, как показывают некоторые исследования, являются универсальными. Известно, что и сами основные эмоции и соответствующие им выражения лица суть результат эволюционных, генетических процессов, универсальных для большинства народов европейской цивилизации.

Как бы то ни было, приходится признать, что канонического перечня основных эмоций пока нет. Проанализировав имевшуюся в нашем распоряжении информацию, мы остановились на следующих шести основных эмоциях: *joy, grief, anger, contempt, fear, surprise*.

Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств). Они рассматриваются как независимая, самодовлеющая величина. Описание внутренней жизни, в частности, ситуации борьбы элементов человеческой психики, требует определенного набора атрибутов – прилагательных и глаголов. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и описывают, и в то же время непосредственно создают его. Их изучение проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики.

При изучении любой лексико-семантической группы перед исследователем встает вопрос о выборе источника лексического материала. Определяя зону поиска слов, обозначающих эмоции, следует помнить, что, так как целью нашего исследования является изучение большой лексической группы, весьма значимыми факторами являются удобство расположения исходного материала и его полнота. Эмоции – это не только индивидуальная реакция на происходящие события, но и проекция идиоэтнических особенностей восприятия действительности, отражающая закреп-

ленное в обществе и в языке членение картины мира. Таким образом, отобранная для исследования группа слов должна соответствовать действующей речевой практике, т.е. быть репрезентативной. Немаловажное значение здесь также имеет и отношение к норме, исключающее окказионализмы из числа изучаемых лексических единиц.

Что касается следующего такого вида источников, как словари, то их неоспоримым преимуществом является, прежде всего, удобное расположение материала. Анализ словарных дефиниций дает практически исчерпывающее компонентное описание лексических значений. Составители толковых словарей в своих определениях часто отмечают существенные семантические признаки, проводят принцип компонентного описания последовательно, и потому в толкованиях слов максимально часто можно обнаружить полный набор смысловых элементов. Еще одним достоинством словарей является то, что они представляют собой своеобразные памятники языка, фиксируя то его состояние, которое было на момент создания словаря. Сопоставление словарей разных эпох или, например, сопоставление данных словаря одной эпохи с информацией от носителей языка, живущих в другую эпоху, служит ценнейшим источником материала для диалектических исследований.

Обращение к словарю нередко обусловлено тем, что словарная информация традиционно считается надежной, нормированность приводимых фактов подкрепляется авторитетным мнением составителей словаря. Данные словаря воспринимаются как истина в последней инстанции. Известны лишь единичные работы, в которых делается попытка «оспорить» отдельные факты, зафиксированные в словарях. Следовательно, доверие к данным словарей оправдано, так как эти данные объективны и полны.

Предполагается, что в словарь могут включаться лишь те факты, которые реально встречаются в языке (речи). Слово в данном значении включается в словарь, если оно было употреблено в каком-то реальном тексте, чаще всего в произведении писателя, считающегося классиком. Основным побудительным мотивом при отборе слов для словаря является стремление «очистить» его от нелитературных, «неправильных» форм. Тем самым словари играют роль некоего языкового фильтра.

Итак, главное достоинство словарей состоит в полноте материала. Более того, они обладают двумя дополнительными существенными достоинствами, а именно – удобством поиска слов и отмеченной нормативностью лексического материала, что в особенности очень удобно для исследования английской эмотивной лексики.

Названия эмоций фигурируют часто в отрыве от вызвавших данное чувство событий и даже от спровоцировавших его лиц (виновников или объектов чувств). Они рассматриваются как независимая, самодовлеющая величина. Описание внутренней жизни, в

частности, ситуации борьбы элементов человеческой психики, требует определенного набора атрибутов – прилагательных и глаголов. Предикаты, применяемые для сообщений об этом мире, и описывают, и в то же время непосредственно создают его. Их изучение проливает свет не только на процесс формирования несвободной сочетаемости слов, но и на структуру и свойства человеческой психики.

Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах. Мы сочли целесообразным рассмотреть только те реакции, которые могут быть расценены однозначно. К числу таких реакций следует отнести слова, связанные с описанием состояния организма человека, переживающего соответствующую эмоцию. Если прямая связь между эмоцией и конкретными психофизиологическими показателями реальна, она не могла не отразиться в языке.

Итак, в соответствии с поставленной задачей, из всего множества слов мы стали отбирать лишь те, которые были так или иначе связаны с функционированием организма. Такие ответы можно было свести в две группы. В одной группе оказались слова, прямо называющие те или иные внешние части тела. В другую группу вошли слова и словосочетания, которые характеризуют функциональное состояние организма, указывают на внутренние органы и их состояние.

Чтобы сделать обозримым имеющийся в нашем распоряжении материал, мы отобрали для дальнейшего анализа только те слова и словосочетания, которые могли быть однозначно отнесены к следующим категориям:

- 1) содержат упоминание головы, лица и их частей (глаза, лоб, уши, щеки, шея и т. п.);
- 2) содержат упоминание частей тела (руки, ноги, грудь, спина и т. д.);
- 3) связаны с деятельностью сердца и кровообращением;
- 4) называют разного рода выделения (слезы, пот);
- 5) указывают на изменения в температуре;
- 6) указывают на цвет;
- 7) указывают на функциональные изменения в организме.

Уточним содержание каждой категории. Во-первых, говоря о частях тела, мы одновременно имеем в виду и функции этих частей. Соответственно в категорию «глаза» попадают не только такие реакции, как *wide eyes, a feast for eyes*, и т. п., но и *surprised look, before you could blink*; в категорию «лицо» – как слова *a long face, show your teeth*, так и *my heart is in my mouth, it paralyzed my tongue, smile from ear to ear*; в категорию «тело» – наряду с *cry on sb's shoulder, stab sb in the back* помещены и *kick in the stomach, have your guts for garters* и т. д.

Теперь представим полученные результаты в виде сводной таблицы.

Сводная таблица эмоций, зафиксированных в английских фразеологизмах

Части тела/состояние организма	Эмоции						Всего
	<i>grief</i>	<i>joy</i>	<i>anger</i>	<i>contempt</i>	<i>fear</i>	<i>surprise</i>	
Голова (лицо, глаза, рот)	18	13	18	7	10	29	95
Части тела (конечности, грудь, спина)	10	6	6	13	7	7	49
Сердце и кровообращение	10	-	9	1	8	4	32
Выделения организма (слезы, пот)	6	1	2	-	2	-	11
Температура организма	3	1	15	1	6	-	26
Цвет кожи	4	7	3	2	3	2	21
Функциональные изменения организма	13	7	1	-	8	14	43
Всего	64	35	54	24	44	56	

Таким образом, если рассматривать антропоморфные характеристики фразеологизмов, передающих эмоциональное значение, то на первом месте, почти с двукратным отрывом, находится категория «Голова (лицо, глаза, рот)». При рассмотрении шести основных эмоций, в плане их зафиксированности в пласте фразеологии современного английского языка, то на лидирующих местах находятся такие эмоции, как *grief* и *surprise*.

В итоге были получены обширные данные по лексическим способам вербализации эмоций. Из всего множества данных непосредственно к анализу были привлечены слова, так или иначе связанные с функционированием организма, включая упоминание частей тела, состояние организма и слова, связанные с температурой и цветом.

Если говорить о частях тела, то самым «выразительным» оказывается лицо. *Удивление* лучше всего передается глазами, а *страх* – туловищем и конечностями. Для передачи эмоции *презрения* у англоговорящих ведущей частью тела являются конечности. При описании состояния *гнева* существенно упоминание слез и пота. Особый интерес для нас представляли слова, которые связаны с изменением температуры тела и цвета кожи. Заметим, что оба показателя напрямую связаны с движением крови. Известно, что гнев вызывает прилив крови и, как следствие, резкое повышение температуры, а страх – напротив, отток крови, слабость и понижение температуры тела. Движение крови приводит не только к колебаниям температуры, но и к изменению цвета кожи. «Горячие» эмоции по преимуществу сочетаются с цветами, которые принято считать «теплыми». Человек, охваченный чувством гнева, имеет повышенную температуру тела, проявляющуюся в общем ощущении тепла.

Литература

1. Падучева, Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
2. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 2002.
3. Чернец, О. Я. Проблемы эмотивности и коннотации // Некоторые вопросы общего и частного языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск, 2001
4. Шаховский, В. И. Эмоции и коммуникативное пространство языка // Массовая культура на рубеже XX – XXI вв.: человек и его дискурс / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – М.: Азбуковник, 2003.
5. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю / А. Д. Шмелев // Языки славянской культуры. – М., 2002.

Таким образом, анализ эмотивной лексики строился на рассмотрении объема и структуры фразеологии современного английского языков. Также мы попытались исследовать значение соответствующих фразеологических единиц в плане передачи эмотивного значения. С этой целью была опробована методика, основанная на использовании анализа словарных дефиниций фразеологизмов, которые передают шесть основных человеческих эмоций.

Развитие эмоций неразрывно связано с развитием личности в целом. Роль эмоций часто оказывается дезорганизующей или даже шоковой, но иногда они могут быть также и мощным стимулом к деятельности, мобилизирующим нашу энергию. В целом они способствуют целенаправленной деятельности, а потому необходимы для нормальной жизнедеятельности. Обычно исследователи оставляют вне поля зрения важные экстралингвистические факторы, оказывающие воздействие на эмоциональную, в том числе и вербально оформленную, сферу жизнедеятельности человека. Однако личность формируется в процессе социализации. Следовательно, сознание не может не нести на себе отличительные черты того общества, в котором происходит становление личности. Принадлежность к той или иной культуре предопределяет, в частности, уровень эмоциональности и ее интенсивность.

Описание вербальных знаков, выступающих в качестве носителей определенных концептов культуры, выявление универсальных свойств и этнических особенностей имеет большое теоретическое и прикладное значение для выявления сущности генерирования, развития и функционирования эмоциональной стороны языковой картины мира.

Информация об авторе:

Щербakov Кирилл Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 факультета романо-германской филологии КемГУ, 8-905-968-25-57, sku2@yandex.ru.

Shcherbakov Kirill Yurievich – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology №1 of KemsU.

УДК 81'1:32

ТИПОЛОГИЯ ИМИДЖЕВЫХ РОЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Д. А. Щитова

THE TYPOLOGY OF IMAGE ROLES IN THE POLITICAL DISCOURSE

D. A. Shchitova

Данная статья посвящена типологизации имиджевых ролей политических деятелей на основе факторов формирования успешного вербального имиджа. В статье представлены примеры вербализации различных имиджевых ролей российских и американских политиков.

The article is devoted to the typology of politicians' image roles based on the factors of successful verbal image formation. The author shows the examples of different Russian and American politicians' image roles verbalization.

Ключевые слова: имидж, речевой имидж, имиджеопределяющие факторы, имиджевые роли, политический дискурс.

Keywords: image, speech image, image-defining factors, image roles, political discourse.

В настоящее время хорошо продуманный имидж – обязательное условие достижения успеха для делового человека, особенно политического деятеля. Следовательно, важной задачей, стоящей перед политиком, является моделирование имиджа и его элементов (имиджевых ролей).

Цель данной статьи – представить типологию имиджевых ролей политических деятелей на основе анализа факторов формирования успешного вербального имиджа на материале российского и зарубежно-политических дискурсов.

В целом имидж воспринимается как стереотип человека. Это отражено в одном из определений имиджа политических деятелей: «эмоционально окрашенный психический образ-представление, имеющее характер *стереотипа*, наделяющий объект путем ассоциаций дополнительными ценностями (социальными, психологическими, эстетическими и т. д.), не обязательно имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [2, с. 85].

На таком понимании имиджа основано большинство политических имиджевых ролей, которые представляют собой воплощение некоего стереотипного представления, сложившегося в массовом сознании: «патриот», «борец за справедливость», «отличный семьянин», «мудрец», «провидец», «вождь», «сильная рука», «военный» и т. д. [1, с. 198 – 202].

Кроме того, в рамках исследования речевого имиджа определенную значимость имеет понятие языковой личности – «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [3, с. 11].

В исследованиях, посвященных проблемам и вопросам языковой личности (носителя языкового соз-

нания), выделяются различные типологии факторов, определяющих ее коммуникативное поведение: биологические, психологические, социальные; психологические, национально-культурные, социальные; объективные, субъективные; антропоцентрические, социоцентрические; экстралингвистические, интралингвистические и др. [4, с. 55 – 71].

На основе существующих разработок нами была создана типология факторов, участвующих в моделировании языковой личности политического деятеля, его вербального имиджа и имиджевых ролей.

Факторы, влияющие на успешность имиджа, представляют собой разного рода экстралингвистические ограничения, которые проявляются в лингвистических особенностях речи политика.

На основании того, от кого / чего исходят эти ограничения, выделим две группы факторов:

I) факторы, зависящие от особенностей самого политического деятеля;

II) факторы, формируемые под воздействием требований социума.

К I группе относятся **факторы, в соответствии с которыми политик должен ориентироваться на особенности своей личности.**

1. Личностные характеристики политика: морально-этические характеристики, менталитет, интеллект, мировоззрение, система ценностей, особенности характера, деловые качества, политические взгляды и т. д.

Вербальный имидж политика должен опираться на реальные черты, присущие ему, совпадать с его персональным восприятием окружающего мира. В противном случае, имидж будет конфликтовать с «внутренним Я» политика, требовать повышенного внимания со стороны обладателя имиджа и препятствовать достижению целей.

Кроме того, часто мировоззренческие особенности, менталитет и ценности проявляются на когнитивном уровне. Например, сравните следующие высказывания И. Хакамады, в которых политик позиционирует себя как целеустремленного и самодостаточного человека с особым происхождением:

<...> мою личность определила генетика: мой отец тоже был политиком, он был революционером, к тому же происходил из японского самурайского рода. С другой стороны, мою жизнь определило мое собственное стремление к свободе, стремление, несмотря ни на что, быть лидером, самостоятельно управлять своей жизнью [5].

Я – другая и ничего с этим поделать не могу. Во мне столько всего намешалось – и армянская кровь, и лезгинская, и русская, и японская... Такие люди, как я, с одной стороны, – космополиты, с другой – никуда не можем влиться. Мы в России – не русские, в Японии – не японцы, в Армении – не армяне. Это судьба [6].

Выделяемые экстралингвистические факторы реализуются в лингвистических особенностях речи политика, обеспечивают ему успешный имидж и берутся нами за основу классификации имиджевых ролей политика.

Так, **имиджевые роли**, детерминируемые **личностными особенностями** обладателя имиджа: «отличный семьянин», «мудрец», «патриот», «человек дела», «простой человек» и т. д.

«Для меня Петербург – это мои родители, моя мама, отец, это та среда, в которой я воспитывался. Улица, дом, где я жил, школа, в которую я ходил. Это всё – часть моей жизни, причем та, которой я дорожу» – вербализация имиджевой роли В. В. Путина «простой человек» [7].

2. Общие и частные цели и задачи, которые преследует политик. Эксплицитно или имплицитно выражая свои намерения, политические деятели обращаются к различным стратегиям и тактикам аргументации, к модальным словам, в большинстве случаев выражающим должествование, и другим языковым средствам (*я хотел бы сказать, I did say also...*).

Рангин Дадфар Спанга: *Целью нашего визита является обмен мнениями по вопросам развития торгово-экономических связей, укрепления мира и стабильности в регионе, а также восстановления Афганистана [8].*

В. В. Путин: В этой связи я *хотел бы сказать*, что мы и впредь будем уделять необходимое внимание работе внутри страны и на международной арене, направленное на борьбу с террором, будем укреплять правоохранительные органы, будем укреплять нашу политическую систему [9].

Дж. Буш: *But I did say also that our troops must be trained and prepared to fight and win war and, therefore, make peace more possible* / рус. Но я также говорил, что наши войска должны быть натренированы и подготовлены к борьбе и победе в войне и, следовательно, сделать мир более возможным [10].

В сфере политики достижение целей и задач во многом определяется способностью личности устанавливать контакты с адресатом в разных ситуациях и по разным поводам. В обязанности политика входит

решение частных задач: поздравления с праздниками, объявления о важных событиях, обращения и призывы и т. д., эффективность которых напрямую зависит от вербального имиджа говорящего. В частности, политик должен уметь выбирать подходящие речевые жанры для той или иной цели. Например, речевой жанр поздравления:

Д. А. Медведев: *Уважаемые граждане России, дорогие друзья*, через несколько мгновений наступит Новый год. *<...>* Новый год уже совсем рядом, пора открывать шампанское и загадывать желания. И в эту ночь я желаю здоровья и благополучия вам и вашим близким, *желаю*, чтобы в вашей жизни была любовь, *желаю*, чтобы исполнились ваши мечты. Верьте в себя. А я верю в каждого из вас. И все у нас получится. *Счастья вам. С праздником. С новым, 2012 годом [11].*

Имиджевые роли, отражающие **цели и задачи** политика: «патриот», «вождь», «борец за справедливость».

«Моя задача заключалась в том, чтобы научить всех жить по закону, подчиняться закону вне зависимости от объема накопленного состояния» – роль В. Путина «борец за справедливость» [7].

3. Социально-физиологические особенности: гендерная принадлежность политика, его возраст, особенности речевого аппарата и голоса.

Каждому возрасту политического деятеля соответствует определенная манера общения, вербализация определенных жизненных и профессиональных установок. Например, лидер «Молодой Гвардии Единой России» Ю. Бойко часто использует лексические единицы с семантикой молодости и новизны: *«Обновление власти, приход молодежи во власть»* – это, конечно, не самоцель. Мы, *молодые* политики, уже заставили считаться с нами *<...>*, мы доказали необходимость и значимость *молодежного* фактора в политике. *<...>* от нас ждут *новых* решений, *нового* стиля в работе» [12].

Что касается гендерной принадлежности политического деятеля, то, несмотря на попытки стереть границу между мужчинами и женщинами, политики-женщины подвержены повышенному вниманию и критике. В российской политике одной из таких женщин-политиков является И. Хакамада.

Ведущий: Если бы вы давали сегодня рекомендации Вашему конкуренту – *женщине*, которая хочет добиться успеха в политике, признались бы честно, что для этого ей нужно?

Ирина Хакамада: Если *она* конкурент, если *она* конкурент со мной в одном округе или *она* из противоположной партии, то никогда. Если же это вообще *женщины*, которые хотели бы повторить мою судьбу, то я протяну обязательно руку. Потому что *чем нас будет больше в мужской жизни*, тем, может быть, жизнь будет лучше [13].

Так, примеры **имиджевых ролей**, основанных на **социо-физиологических особенностях** политика – «молодой политик», «женщина-политик» и др.

Ко II группе факторов относятся **факторы, формируемые под воздействием требований социума**, под влиянием каких-либо социальных институтов.

1. Социальные факторы: статус, должность, обязанности политического деятеля, которые во многом определяют его цели и задачи, а также требуют соответствия определенным правилам и стандартам общения. Чем существенней воздействие перечисленных параметров (статус, должность), тем критичней оценивается речевое поведение политика. Это подтверждает фрагмент пресс-конференции В. В. Путина.

И. Максименко: Здравствуйте, Владимир Владимирович! Совсем недавно в одном из интервью Президент Польши господин Квасьневский сказал о том, что для Соединенных Штатов лучше Россия без Украины, чем Россия с Украиной. Как Вы можете прокомментировать подобное заявление? И Ваше мнение по этому поводу.

В. В. Путин: У меня такое впечатление, что *это заявление не действующего президента, а человека, который устраивается на работу в связи с истечением срока своих полномочий скоро*, потому что я не думаю, что *это заявление можно считать корректным*. <...> для действующего главы государства – государства очень солидного, уважаемого в мире и нашего соседа – выступать с комментариями политики другой страны, мне кажется, *не очень уместно* [9].

Подобный пример критики вербального имиджа политика представлен в интервью Б. Обамы:

Bahman Kalbasi: If I could just begin with getting your reaction to the remarks Mr. Ahmadinejad made yesterday, faulting America for 9/11 / *рус. Хотелось бы начать с того, как вы отреагировали на вчерашнее замечание господина Ахмадинежада относительно трагедии, произошедшей в Америке 11 сентября?*

Barack Obama: Well, it was *offensive*. It was *hateful*. And particularly for him to make the statement here in Manhattan, where families lost their loved ones, people of all faiths, all ethnicities who see this as the seminal tragedy of this generation... for him to make a statement like that was *inexcusable* / *рус. Что ж, это оскорбительно. Я был в ярости. Ему говорить нечто подобное здесь в Манхэттене, где семьи потеряли дорогих людей, где люди всех вероисповеданий и разной этнической принадлежности воспринимают это как настоящую трагедию поколения... ему это непростительно* [14].

Имиджевые роли, определяемые социальными факторами (должность, статус, обязанности): «вождь», «сильная рука», «человек дела».

«Я очень благодарен людям за то, что они чувствуют, что я все эти 8 лет работал по-честному, как раб на галерах, каждый день» – роль В. В. Путина «человек дела» [7].

2. Целевая аудитория. Важным качеством политического деятеля является умение общаться с разными типами адресатов: коллегами, партнерами, публикой. Это самый подвижный фактор, определяющий успешность и степень эффективности вербального имиджа политика, из всех представленных. Общественные движения, взгляды, стереотипы и ожидания являются, с одной стороны, мощной движущей силой, с другой стороны, объективной оценкой деятельности политика. Пример обращения к женской части населения от лица губернатора и председателя Государст-

венной думы Томской области В. М. Кресса и Б. Мальцева:

Дорогие жительницы Томской области! Поздравляем вас с международным женским днем! Этот праздник и наступающая весна вдохновляют мужчин на подвиги, красивые слова и романтические воспоминания. И мы как руководящие мужчины Томской области сегодня с теплотой вспоминаем женщин, с которыми связана наша жизнь и жизнь других мужчин. В ней женщины играют много ролей и все они – главные. Бабушка дарит мудрость и доброту, мать – жизнь, невеста – любовь, жена – детей, дочери – нежность, внуки – радость [15].

Имиджевые роли, направленные на целевую аудиторию: «слуга народа», «простой человек».

«Есть только одно мерило власти – доверие людей. Этим я очень дорожу» – роль В. В. Путина «слуга народа» [7].

«Хорошо известно, что за последний год количество голодающих людей в мире резко возросло – на 200 миллионов человек. Это уже миллиард человек в мире, которые испытывают проблемы с продовольствием, люди голодают. Я думаю, что эти, так же, как и ряд других проблем, крайне важных, чувствительных для миллионов людей на планете, и будут в центре нашего внимания» – роль В. В. Путина «слуга народа» [16].

3. Национальные и государственные особенности и традиции. Характерной чертой политического процесса в современной России является повышение значимости имиджа политических деятелей, в частности вербального, это объясняется высокой степенью персонификации политики в современной России [17]. Многие ученые относят Россию к странам лидерского типа. Так, у политических деятелей появилась почва для соперничества, требующего подтверждения уникальности, силы личности, создания привлекательного имиджа.

Национальные и государственные особенности и традиции реализуются в понятийной основе вербального имиджа политиков. Например, в российской политической коммуникации не принято затрагивать темы религии, семьи и другие вопросы личного характера, в отличие от американского политического дискурса, в котором отношение политика к семье, близким людям и его религиозные взгляды играют важную роль.

Дж. Буш: And it made me feel close to *my family*, and to *God*, and to *life*, and I was scared / *рус. Это заставило меня ощутить близость к своей семье, Богу и жизни, и я был напуган* [18].

Б. Обама: I am a *Christian*. So, I have a *deep faith*. I draw from the *Christian faith*. <...> I'm rooted in the *Christian tradition* / *рус. Я христианин. Итак, я очень верующий. Я вырос в христианской вере. Я укоренен в христианскую традицию* [19].

Имиджевые роли, отвечающие национальным и государственным особенностям и традициям: «монарх», «патриот». «Россия – это древняя страна, с древними, глубокими традициями и с очень мощным моральным фундаментом. И этот фундамент – это любовь к своей Родине, это патриотизм. Патриотизм» [15].

тизм в лучшем его понимании» – роль В. В. Путина «патриот» [7].

Выделенные факторы формирования успешного вербального имиджа политического деятеля и его имиджевые роли находятся в тесной связи друг с другом. Однако попытки склеить имидж из разрозненных осколков обречены. Более того, при изменении хотя бы одного из элементов должен измениться и весь имидж.

Разновидности имиджевых ролей и варианты их комбинирования неограниченны, поэтому, наряду с

наиболее распространёнными ролями («патриот»), каждый политик пытается выстроить уникальный имидж, подчеркивая свои «сильные стороны», и на их основе принимать ту или иную роль, которая впоследствии становится отличительной чертой, реализующейся в его поведении и речи.

Итак, моделирование имиджевых ролей на основе выделенных факторов – один из способов создания успешного и уникального вербального имиджа политика, который базируется на «высвечивании» сильных сторон и незаурядности обладателя имиджа.

Литература

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. – Омск: ОГУ, 1999. – 285 с.
2. Шашлов, М. Н. Политический имидж как актуальный предмет исследования / М. Н. Шашлов // Актуальные проблемы политологии: сборник научных работ студентов и аспирантов Российского университета дружбы народов / отв. ред. В. Д. Зотов. – М.: МАКС-Пресс, 2001.
3. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие. – Томск: ТГУ, 2010. – 160 с.
5. Хакамада, И. Интервью [Электронный ресурс] // ТОП Ульяновска. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ultop.ru/interviews/105>
6. Мысли сильных личностей: интервью Ирины Хакамада программе "Деловая лихорадка" [Электронный ресурс] // Психология жизни. – 2003. – Режим доступа: http://www.psylyve.ru/articles/1306_misli-silnih-lichnostei-intervyu-irini-hakamada-programme-delovaya-lihoradka.aspx
7. Путин: "США уже понимают, что только сильная Россия отвечает их коренным интересам" [Электронный ресурс] / inoСМИ.ru. – 2007. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20071219/238522.html>
8. Кабул заинтересован в развитии афгано-узбекских отношений / Новое Узбекское Слово [Электронный ресурс] // Интернет об Узбекистане. – 2006. – Режим доступа: <http://bukharainfo.com/blog/?p=524>
9. Пресс-конференция В. В. Путина для российских и иностранных журналистов [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 2004. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/-2004/12/81691.shtml>
10. Interview with president George W. Bush "Meet the press with Tim Russert" [Электронный ресурс] // Meet the Press. – 2004. – Режим доступа: <http://www.msnbc.msn.com/id/4179618/#.T2DAXnkzlkQ>
11. Новогоднее поздравление Медведева с 2012 годом // Партбилет. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.partbilet.ru/publications/novogodnee_pozdravlenie_medvedeva_c_2012_godom_11266.html
12. Юрий Бойко: молодые политики готовы быть востребованными для самых серьезных дел [Электронный ресурс] // БОСС Бизнес (Организация, Стратегия, Системы). – 2008. – Режим доступа: <http://www.bossmag.ru/view.php?id=3533>
13. Ирина Хакамада, политик, общественный деятель: «Мы в России – не русские, в Японии – не японцы, в Армении – не армяне. Это судьба» [Электронный ресурс] // 34 vechera.ru. – 2011. – Режим доступа: <http://34vechera.ru/starspeak/352583.html>
14. Obama, B. Interview by BBC Persian [Электронный ресурс] // Voltairenet.org. – 2010. – Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article167072.html>
15. Поздравление губернатора Томской области В. Кресса и председателя Государственной Думы Томской области Б. Мальцева с Международным женским днем 8 Марта [Электронный ресурс] // Агентство развития Томской области. – 2012. – Режим доступа: <http://www.arto.ru/anonses-2253.html>
16. Эксклюзивное интервью Владимира Путина каналу RT [Электронный ресурс] // Око Планеты. Новости. Аналитика. Информация. – 2012. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/136460-eksklyuzivnoe-intervyu-vladimira-putina-kanalu-rt.html>
17. Мякотина, О. В. Имидж политического лидера: тенденции становления и изменения: автореф. дис. ... канд. полит. наук / О. В. Мякотина. – Москва, 2008.
18. Bush, George, H. W. Interview [Электронный ресурс] // Academy of Achievement. – 1995. – Режим доступа: <http://www.achievement.org/autodoc/page/bus0int-1>
19. Barack Obama: The 2004 "God Factor" Interview Transcript [Электронный ресурс] // Audacity Of Hypocrisy. – 2004. – Режим доступа: <http://www.audacityofhypocrisy.com/2008/06/06/barack-obama-the-2004-god-factor-interview-transcript>

Информация об авторе:

Щитова Дарья Александровна – аспирантка филологического факультета ТГУ, ассистентка кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета, 89138400606, dashoook@sibmail.com.
Schitova Daria Aleksandrovna – post-graduate student at the Faculty of Philology of Tomsk State University.

УДК 811

**КУЛИНАРНЫЕ ОБРАЗЫ В ДИСКУРСЕ И СЛОВАРЕ
 (на материале образной парадигмы «блин»)**

Е. А. Юрина

**CULINARY IMAGES IN DISCOURSE AND DICTIONARY
 (as revealed by the figurative paradigm of «*blin*» («pancake»))**

Е. А. Yurina

В статье представлены методика и результаты анализа базовой для русского языка когнитивной метафоры «Нечто как блин», репрезентированной в дискурсе метафорическими словоупотреблениями, образными словами и идиомами с компонентом «блин». Рассматриваются возможности использования текстовой базы и поисковой системы Национального корпуса русского языка для исследования образных лексических и фразеологических единиц, реализующих кулинарную метафору. Разрабатывается модель словарной статьи, описывающей образное сравнение.

The article describes the methods and results of analysing the cognitive metaphor “Something like a *Blin* (Pancake)”, which is basic for the Russian language and is represented by metaphorical units, figurative words and idioms with the component “*Blin* (Pancake)” in the discourse. The author demonstrates the possibilities of using text database and information retrieval of the Russian national corpora to research figurative lexis and phraseology, which implement culinary metaphors. The model of a dictionary entry describing a figurative comparison is developed.

Ключевые слова: кулинарная метафора, фразеология, образный строй языка, корпусная лингвистика.

Keywords: culinary metaphor, phraseology, figurative lexis, corpus linguistics.

Одной из сфер активной метафорической экспансии во многих языках мира выступает сфера кулинарии. Еда является насущной витальной потребностью человека, поэтому процессы производства и добычи продуктов питания, приготовления кулинарных блюд, ритуализированные формы приема еды и напитков занимают исключительное место в бытовой и социально-производственной сфере жизнедеятельности. Во всех мировых культурах вышеназванные процессы наполняются культурно-символическим содержанием: обретают обрядовый, ритуальный, мифологический, сакральный смысл, получают особое аксиологическое значение [1; 2, с. 128 – 138; 10, с. 427 – 429 и др.].

Ментальные образы пищевых продуктов хранятся в памяти человека в виде предельно ярких, наглядных картинок-гештальтов, а также фреймов и слотов определенного сценария приготовления и поглощения пищи, связанных с целым спектром сенсорных ощущений. Подобная сенсорная и эмоционально-психологическая нагруженность кулинарных образов, их символическая и ценностная значимость делают кулинарную метафору эффективным средством воздействия на адресата речи и обуславливают частотность её использования в современных дискурсивных практиках, что подтверждают, в частности, данные такого электронного лингвистического ресурса, как Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [9].

Носители языка осмысливают и интерпретируют многообразные явления окружающей действительности сквозь призму кулинарных образов. Кулинарная

метафора (в широком когнитивистском понимании этого термина [6 – 8]) находит своё воплощение в различных образных средствах языка и речи, как общеязыковых, узуальных, так и в индивидуально-авторских [4, с. 11 – 14; 5, 13 – 15]. К числу общеязыковых образных средств мы относим языковые метафоры, образные слова с метафорической внутренней формой, устойчивые образные сравнения, идиомы разной структуры, пословицы и поговорки. Речевые образные средства представлены индивидуально-авторскими тропами и фигурами речи, реализующими аналогию между различными явлениями мира и сферой кулинарии. На сегодняшний день в рамках подготовки «Словаря русской кулинарной метафоры» (Е. А. Юрина, Е. В. Капелюшник) [14, с. 70 – 78] собрано и проанализировано более 700 лексических и 650 фразеологических единиц русского языка, функционирующих в более 3000 контекстов. С целью полноты охвата лексический и фразеологический состав образных средств объединяется в мотивационно-образные парадигмы (МОП), включающие однокоренные образные слова, восходящие (непосредственно или опосредованно) к одной исходной мотивирующей лексической единице с семой ‘пища’, и образные выражения, имеющие в составе эти единицы [15, с. 93 – 101].

Например, мотивационно-образная парадигма с вершиной **БЛИН** включает языковые метафоры **блин** ‘металлический груз в форме диска на спортивной штанге’, **блин** ‘плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)’; образные лексемы

блинчатый ‘плоский, расплюснутый, напоминающий по форме блин’; **блинообразный** ‘плоский, округлой формы, напоминающий блин’; устойчивые образные сравнения **как блин** ‘о лице человека’; творительные сравнения **блином, блинчиком** ‘о форме головных уборов’; компаративные идиомы **сиять как блин [масленный, с маслом]** ‘выражать своим видом удовлетворение, радость (о человеке)’; **печь как блины** ‘производить в большом количестве (о продуктах производственной и интеллектуальной деятельности)’; идиомы **первый блин [вышел / получился / стал] комом (не комом)** ‘первый опыт деятельности был неудачным (удачным)’ во множестве речевых модификаций, усеченный вариант идиомы **первый блин** ‘первый опыт создания чего-л.’; поговорка **к тёще на блины** и восходящий к ней фразеологизм **не к тёще на блины (идти, ехать)** ‘направляться в место, пребывание в котором опасно, связано с трудностями’ и др.

Основной принцип подобной систематизации материала – единство образного снования серии номинаций, обусловленное присущими русской лингвокультуре типовыми образными представлениями, которые базируются на сформированных в культуре и сознании личности гештальтах, метафорических и метонимических моделях. Рассмотрим на примере мотивационно-образной парадигмы с вершиной **БЛИН** особенности дискурсивного функционирования данного фрагмента общезыковой образной системы, а также возможности его лексикографической презентации.

Источником материала послужили текстовые данные НКРЯ, которые дают возможность создать лингвистическую модель реализации кулинарной метафоры в образном строе русского языка, а также описать особенности дискурсивного функционирования образной лексики и фразеологии с исходной кулинарной семантикой. Так, на запрос «блин» поисковая система НКРЯ выдала 571 документ, на запрос «блин*» – 1448 документов. Первый тип запроса исключил попадание созвучных слов (например, «**блиндаж**»). Второй тип запроса позволил учесть все грамматические формы и словообразовательные дериваты: **блином, блинчик, блинный, блинообразный** и т. п. Каждый найденный документ содержал, как правило, от 1 до 3 контекстов из одного источника, но некоторые документы включали до 15 контекстов. Полученный текстовый массив далее дифференцировался исследователем вручную: разграничивались неметафорические контексты, содержащие анализируемые слова в исходных или других необразных значениях, и метафорические контексты, содержащие различные образные лексические и фразеологические единицы, связанные с представлением о кулинарном продукте по принципу аналогии. Образные контексты составили 20 % от общего числа (в абсолютном выражении – 238 контекстов), необразные – 80 %, в их числе 50 % – это контексты с междометием-эффимизмом и 30 % – контексты с исходным кулинарным значением.

Благодаря возможностям НКРЯ, был уточнён лексико-фразеологический состав языковой экспликации анализируемого образа с учетом частотности речевого употребления каждого образного слова и выражения

и возможности их дискурсивной модификации. Например, обнаружилось ранее не зафиксированное в словарях образное слово **блинчатый** ‘состоящий из нависающих друг над другом складок (о толстом подбородке человека, напоминающем стопку блинов)’: «*Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус*» (В. Дудинцев). Обнаружилось типовое для языковой системы метафорическое значение слова **блин** ‘плоский и округлый пласт какого-л. вещества (снега, глины и под.)’: «*Там в полумраке дрожала вода, темная, как кофе, плавали блины зеленой плесени*» (В. Дудинцев). Анализ текстового массива позволяет интерпретировать образное выражение **сиять как блин [масленный, с маслом, на сковороде]** ‘выражать своим видом радость, счастье, довольство’ как устойчивый компаративный фразеологизм, поскольку компонент **сиять как блин** во многих контекстах сохраняется и не варьируется: «*Уж как наш администратор... был против этой елки, а теперь вон, активной всех с малышами с горки катается, шарики всем подряд надувает – того и глядишь, лопнет, и сияет, как блин на сковороде*» (Е. Маркова).

Анализ метафорических контекстов выявил особенности образного ассоциирования, характерные для описываемого фрагмента образного строя русского языка, а также специфику дискурсивной реализации данной подсистемы кулинарных образов. На основе дискурсивного исследования была определена стратификация исходного кулинарного образа; уточнены сферы метафорической референции, а также лежащие в основе уподобления признаки референта и агента образной номинации. Рассмотрим подробнее каждый из указанных аспектов.

Стратификация исходного кулинарного образа может быть представлена в виде комплексной когнитивной структуры, включающей динамические сценарии «приготовление блинов» и «употребление блинов в пищу», а также входящую в оба сценария статическую гештальт-структуру «блин», включающую представления о форме, цвете, размере, температуре и некоторых других качествах блюда.

Текстовый материал свидетельствует о дискурсивной актуализации следующих фреймов исходного сценария «приготовление блинов»:

1) изготавливаются из теста – «*В сельпо, к которому вела дорога, покрытая толстым слоем жидкой, как тесто для блинов, глиной, продавали слившиеся конфеты «подушечки»...*» (В. Рубин);

2) тесто льётся на сковороду – «*Во сне точно так же светилась тонкая рваная пена на неповоротливой воде, лившейся, как блин на сковородку, на бесконечный пологий песок...*» (О. Славникова);

3) жарятся на сковороде – «*Напечет тебе лысину. – Ничего, лысина не блин, не зажарится...*» (Н. Дубов);

4) прилипают к недостаточно разогретой сковороде – «*Оранжевый блин солнца намертво прикипал к эмалированной сковороде неба...*» (Н. Дубов);

5) переворачиваются для жарки второй стороны – «*Павел Алексеевич выпростал её из пелёнок, ... перевёрнул на животик тем ловким движением, кото-*

рым женищины перекидывают блины на сковородке» (Л. Улицкая);

6) снимаются со сковороды – «Верхний слой реки, согретой слабым солнцем осени, остудило, сняло, как блин...» (В. Астафьев);

7) пекутся в большом количестве – «В институте докторов и академиков навалом, они там науку вверх дном переворачивают, открытия, как блины, пекут, зарубежные ученые плачут от зависти» (А. Гладылин);

8) складываются в стопку – «То и дело Марина принимала за Климова подходящих по росту подвижных мужчин – раз это оказался пожилой татарин с жирной обритой башкой, похожей на горку блинов...» (О. Славникова);

9) намазываются маслом – «Кто здесь ходит, кто живёт и почему на пустой дудке висит вон насквозь промасленный, как блин, серый брезентовый картуз? Кто его сюда повесил? Зачем? Когда?» (Ю. Домбровский).

Фреймы исходного сценария «употребление блинов в пищу»:

1) едят со сметаной – «Солнце, зевая, высунулось из-за черных, пахнувших прелью и мышами стогов и, барахтаясь, застряло в вязком тумане, купаясь в нем, как ржаной блин в жидкой сметане» (В. Скрипкин);

2) оставляют жирный блеск на руках, лице – «Личико, умильно улыбающееся, кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом, белесенькие брови, малиновенькая лысинка, отороченная по бокам тем же пушком» (Е. Евтушенко);

3) едят на Масленицу – «...Лицо Б. Е. Троша расплылось, как масленичный блин, и все мы принялись неудержимо (в прямом смысле этого слова) хохотать» (Е. Попов).

При дискурсивном образном воплощении в исходной гештальт-структуре «блин» актуализируются следующие представленные в текстах фасеты (границы):

1) форма: круглый – «Он был толстенький, кругленький, и лицо у него было румяное и кругленькое, как блин» (Н. Носов), плоский – «Миниатюрные электронно-счетные устройства, плоские, как блин, телевизоры, крохотные, но мощные машины... – вот к чему идет нынешняя техника» (Л. Бобров), с неровными краями – «Смотрит художник в чужое лицо и видит блин. Блин известного блинного цвета, по краям рыжие кружева, а сверху две облупленные дыры» (Митьки);

2) структура: плотная, но мягкая и гибкая – «Ливень заливал, и брезент не гудел уже, палатка обмякла, стала вялой и прозрачной, не плотнее блина» (Ю. Коваль); ровная поверхность – «Леса чередовались с желтыми громадными полями, ровными, как блин» (Ю. Петкевич), пористая поверхность – «Лицо у нее было плоским как блин, с таким же, как и у блина, множеством мелких пористых рытвин, глаза точно узенькие щелки...» (Д. Емец), маслянистая поверхность – «И он протянул ей паспорт, большие похожий на сальный блин» (Е. и В. Гордеевы); цвет: от бледно-желтого до коричневого – «Лишь желтый блин луны зловеще освещает гарнизонные закоулки, мы завопили» (В. Синицына); бле-

стящий – «Его румяный лоб был влажен от пота и блестел, как блин» (И. Ильф, Е. Петров); температура: горячий «Солнце поджигало; на голову точно горячий блин положили» (В. Шукшин).

Посредством кулинарных образов блина, стопки блинов, блинного теста, процедур изготовления блинов именуются и характеризуются следующие концептуальные области:

1. «Человек»: самодовольный, холёный внешний вид – «А тот... превращается в Горбачева, глянцевого, масляного, как блин с черным подгорелым пятном» (А. Проханов), распластанная поза – «Я просто лег на крышу, распластавшись на ней блином» (И. Ушаков); круглая форма, румяный или бледный цвет лица – «На его круглой красной физиономии, напоминавшей блин, застыло вдохновенное выражение идиотической серьёзности» (Запись LiveJournal); расплывчатые черты лица – «Мама бы могла написать сырой блин вместо лица да два обшитых обилага, как у сухорукого Репина, и было бы похоже» (С. Есин); довольное, счастливое или безразличное выражение лица – «Глядя на этот хлюпающий и моргающий блин, Аля расхохоталась» (А. Берсенева), гладкая маслянистая или пористая структура кожи лица – «Личико, умильно улыбающееся, кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом...» (Е. Евтушенко); подбородок со складками – «Там стояла невысокая тяжеловесная женищина с тройным блинчатым подбородком, как бы в тройном ожерелье» (В. Дудинцев); дряблая грудь – «На ее продавленной койке сидела уже другая женищина, с жидкой блинообразной грудью и тугим огромным животом...» (О. Славникова); восторженное эмоциональное состояние – «Че-то, Люся, вы сияете, как блин с маслом?» (В. Аксенов); память, в которой смешались воспоминания – «Память его превратилась в огромный прокисший блин, в котором реалии и факты каторжного быта спеклись с небылицами, фантазиями, легендами и выдумками» (Н. Мандельштам).

2. «Артефакты»: плоские или сплюснутые головные уборы: берет, кепка, фуражка, пилотка, картуз – «На другом снимке тот же парень был один и выглядел куда симпатичнее, в солдатской блинчатой пилотке...» (В. Белов); металлические диски – «Вдвоем отодвинув тяжелый чугунный блин, закрывавший лаз, они начали спускаться вниз» (Д. Глуховский), «Потом я еще узнала, что в Ольгино, при съезде с трассы через железнодорожный переезд в поселок, на днях повесили «блин» и тоже пускают жителей поселка чуть ли не по прописке» (Е. Козырева); расплюснутые вследствие деформации предметы – «Медведица так сдавила её, что банка превратилась в жестяной блин» (Ю. Коваль), «Вертолет упал, видно, в самый центр «комариной плеши», и весь фюзеляж его расплющило в жестяной блин, только хвост остался цел, его слегка изогнуло...» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий); подушки, матрасы – «Он... только приподнялся на локте, отхлебнул из стакана, откинулся на мятую блинчатую подушку и опять стал ждать» (Ф. Кнорре); пласты вещества – «Жидкий металл застывал на дне изложницы, образуя слиток-блин» (В. Емельянов).

3. «Животное»: форма тела – «С тех пор я всегда старался держаться подальше от этих **небольшых, круглых, как блин, коричневых рыб**, с виду таких беспомощных и безобидных» (Ю. Курочкин); раздавленное тело – «Я кинулся шарить по темной земле и на ощупь нашел то, что осталось от моей **лягушки – она превратилась в блин**» (А. Макаревич).

4. «Натурфакты»: небесные светила: луна – «Над двором висит **луна, как блин поджаристый**» (А. Веселый), солнце – «**Солнце, чья округлая физиономия была плоской как блин, нежилось на соседней крыше, будто лентяй и соображая, стоит ли ему восходить дальше или и так сойдет**» (Д. Емец); снежинки – «В полёте снежинки **слепливались друг с другом и падали на землю, как узорные блины**» (Ю. Коваль).

5. «Пространство»: рельеф и характер местности: площадь – «Один из не в меру ретивых военачальников велел вырубать «**мешавшую**» **обзору красоту, дабы ровный, гладкий, как блин, плац** просматривался вдоль и поперек из окна его кабинета» (О. Дубова); берег – «**Тот берег как блин: ни кустов, ни укрытий**» (Б. Васильев), город – «**Город как бы сплюснут, раскатан, как блин**» (Д. Гранин).

6. «Социальная деятельность человека»: неудачный первый опыт создания продукта производственной, организаторской или творческой деятельности – «Куда ни кинься, трудно на Руси обойтись без кувалды. **Первый блин комом**. Сколько неудачников на этом и заканчивали свою карьеру» (Ф. Чуев); очень продуктивная производственная или творческая деятельность – «**Процесс изготовления идей имеет свою технологию и свои санитарные нормы, попытка печь их как блины в условиях телестудий и газетных редакций небезобидна ни для производителей, ни для потребителей**» (А. Зорин); победа в полемике, дискуссии – «Вы, надеюсь, понимаете, **какой блин я из него сделал**. Представитель из Москвы подтвердил, что ничего я сам не придумал...» (А. Рыбаков).

7. «Абстрактные категории»: нечто тривиальное, простое, обычное – «По-вашему, это **легко, вроде как блин спечь**. Ученые над ним пять лет мозговали» (Д. Гранин).

Характеризуя типовые образные представления русской лингвокультуры, наполняющие национально окрашенными конкретно-чувственными образами базовую метафорическую модель «Нечто – Блин», отметим следующее. Ядро данной микросистемы составляют образные представления предметно-отождествляющего типа, основанные на проекции исходной гештальт-структуры «блин» в область таких сфер референции, как «Человек» и «Артефакты». Денотатами здесь выступают соответственно лицо человека (включая представления о качестве кожи лица и мимике, выражающей эмоции), предметы круглой и плоской формы, расплюснутые в результате деформации предметы. Интеракция осуществляется на основании признаков формы и цвета.

Околоядерное подмножество составляют проекции исходной гештальт-структуры «блин» в область сфер «Натурфакты» (солнце, луна) и «Пространство» (рельеф местности) на основании признаков формы, цвета, качества поверхности. Кроме того, околоядерное подмножество представлено образными пред-

ставлениями пропозиционального предикативно-характеризующего типа, основанными на проекции фреймов исходного сценария «приготовление блинов» в область «Социальная деятельность человека» для оценочной характеристики производственной и творческой деятельности, а также её результатов. Основанием уподобления ситуаций здесь выступают такие качественные характеристики процессов, как 'трудоемкость в достижении первого положительного результата при изготовлении продукта', 'возможность изготовить продукт легко и в большом количестве при наличии навыка'.

На периферии находятся проекции исходной гештальт-структуры «блин» в область сферы «Животное»; проекции гештальт-структуры «блин» в область ядерных сфер, но на основании неактуальных признаков (температура, текстура); проекции фреймов исходного сценария «приготовление блинов» в область «Абстрактные категории»; а также различные проекции исходного сценария «употребление блинов». Периферия представлена вариативными дискурсивными реализациями нетипичных индивидуально-авторских образных выражений или малочастотными употреблением общезыковых образных средств.

Аксиологический (прагматический) потенциал рассматриваемой образной парадигмы направлен, прежде всего, на сенсорную достоверность и пластическую выразительность при характеристике объекта или ситуации, находящейся в фокусе образной референции. Общая оценка (хорошо-плохо) и эмоциональная оценка (одобрение, неодобрение, осуждение и т. п.), как правило, коммуникативно обусловлены, а экспрессивный потенциал (усиленное выражение личностного эмоционально-оценочного отношения к называемому) невысок.

Результаты семасиологического и когнитивно-дискурсивного анализа мотивационно-образных парадигм имеют большое значение для лексикографирования образных средств языка. Проиллюстрируем возможности применения разработанной исследовательской методологии в практике создания «Словаря русской кулинарной метафоры», представив фрагмент словарной статьи, описывающей образное сравнение:

БЛИН. В сравн. **Как блин / блин с маслом / масляный блин / масленичный блин.**

1. О лице человека, напоминающем блин по форме и цвету:

1) круглом и румяном – *Он был толстенький, кругленький, и лицо у него было румяное и кругленькое, как блин* (Н. Носов. Незнайка в Солнечном городе);

2) круглом и плоском – *Внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня с образом первого секретаря и его круглой, плоской, как блин, с маленькими глазками, не очень-то выразительной физиономией* (В. Некрасов);

3) с блестящей, лоснящейся кожей – *Личико, умильно улыбающееся, кругленькое, лоснящееся, как блин с маслом, белёсенькие брови, малиновенькая лысинка, отороченная по бокам тем же пушком* (Е. Евтушенко. Волчий паспорт), *Его румяный лоб был влажен от пота и блестел, как блин* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок);

4) с пористой кожей – *Эх, я же ведь тоже хромой, что ж меня под ручку никто не водит! – запричитал смеха ради круглолицый, как блин, и с пористым, как блин, лицом парень, хромя с ними рядом (Ф. Кнорре. Орехов);*

5) бледном и невыразительном, с плохо различимыми чертами – *Но лицо без грима на экране всегда*

выглядит плоским, как блин, и серым, как пасмурный день (М. Перова. Мишель Берк, королева ужаса);

6) довольном, выражающем радость – *Лицо Б. Е. Троша расплылось, как масленичный блин, и все мы принялись неудержимо (в прямом смысле этого слова) хохотать (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»).*

Литература

1. Байбурун, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурун. – СПб., 1993. – 240 с.
2. Банкова, Т. Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке / Т. Б. Банкова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4.
3. Блинова, О. И. Образное слово в толковом словаре / О. И. Блинова // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: тез. докл. – Л., 1990. – С. 115 – 117.
4. Капелюшник, Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е. В. Капелюшник // Вестник Томского государственного университета. – 2011 – № 345. – С. 11 – 14.
5. Капелюшник, Е. В. Отражение динамической модели приготовления и поглощения пищи в семантике образных средств русского языка / Е. В. Капелюшник // Язык и культура. – 2011. – № 1(13).
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415.
7. Мишанкина, Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина. – Томск: ТГУ, 2010. – 282 с.
8. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения / З. И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 26 – 43.
9. Русский национальный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)
10. Топоров, В. Н. Еда / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 1. – С. 427 – 429.
11. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: УГПУ, 2005. – 257 с.
12. Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск: УГПУ, 2005. – 158 с.
13. Юрина, Е. А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках / Е. А. Юрина // Язык и культура. – 2008. – № 3. – С. 83 – 93.
14. Юрина, Е. А. Словарь русской кулинарной метафоры: принципы отбора материала и структура словарной статьи / Е. А. Юрина // Вестник ТГУ. Серия: Филология. – 2011. – № 3(15).
15. Юрина, Е. А. Мотивационно-образные парадигмы в общеязыковой образной системе (на материале образного поля «еда») / Е. А. Юрина // Русская речевая культура и текст: материалы VII Международной научной конференции (16 – 18 мая 2012 г.). – Томск: ЦНТИ, 2012.

Информация об авторе:

Юрина Елена Андреевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета, 8-913-822-11-92, yourina2007@yandex.ru.

Yurina Elena Andreevna – Doctor of Philology, Associate Professor; Professor at the Russian Language Department of Tomsk State University; Professor at the Department of Russian as a Foreign Language of the Institute for International Education and Language Communication of Tomsk Polytechnic University.

УДК 81'25

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

А. А. Яковлев

TEACHING TRANSLATION AND INTERPRETING AND PERSONALITY DEVELOPMENT: AN INTEGRATIVE APPROACH

A. A. Yakovlev

В статье анализируются общепринятые трактовки личности и возможность их применения в преподавании перевода. Развитие личности не может проходить в отрыве от других аспектов обучения и развития. Поэтому в статье даётся обоснование интегративного подхода к обучению переводу как наиболее эффективного.

The paper discusses the common approaches to personality and possibilities to use them in teaching translation and interpreting. That process cannot be carried out separately from other aspects of learning. Therefore the most efficient is the integrative approach uniting different aspects of teaching and psychic development.

Ключевые слова: теория перевода, развитие личности, преподавание перевода.

Keywords: translation and interpreting theory, personality development, teaching translation and interpreting.

В настоящее время всё чаще можно встретить призывы создавать интегративные подходы к преподаванию не только перевода. Однако большинство учебных пособий по переводу направлены на развитие чисто языковых умений, что даёт фрагментарные знания, трудноприменимые на практике. В данной статье, как следует из её названия, рассматриваются основные толкования личности, существующие в психологической науке, и возможность их применения в процессе обучения переводу. Мы, разумеется, не претендуем не только на окончательное и однозначное решение вопроса о личности, но даже на достаточно разностороннее и глубокое его рассмотрение. Для нас важно не найти наиболее «правильную» трактовку личности, а проанализировать возможность применения существующих трактовок к процессу обучения переводу.

В отечественной психологии и философии общепринятой считается точка зрения, согласно которой личность возникает только в общественном взаимодействии людей и проявляется в отношении конкретного человека к другим людям и к своим и чужим поступкам. По С. Л. Рубинштейну, «личность определяется своими отношениями к окружающему миру... к другим людям» [11, с. 245]. Но это отношение человека к миру – не просто мнение о предметах и людях, не отстранённая точка зрения, оно носит деятельный характер, личность вообще проявляется в деятельности субъекта, в том числе и в речевой деятельности. «Человек определяется прежде всего не его отношением к его *собственности*, а его отношением к его *труду*» [10, с. 640]. Схожие суждения высказывал и Э. В. Ильенков, считавший, что личность – «не в манерничанье, а в умении делать то, что умеют делать все другие, но лучше всех, задавая всем новый эталон работы. <...> Конечно же, всё делать лучше всех нельзя. Да и не нужно. Достаточно делать это на том – пусть и небольшом – участке общего... дела, который сам человек себе по зрелом размышлении выбрал...» [6, с. 413 – 414]. Однако, как указывал А. Н. Леонтьев, не каждый индивид является личностью; личность суть «особое качество, которое *приобретается* индивидом в обществе» [9, с. 392]. Внешние свойства индивида и обстоятельства его жизни «составляют лишь условия (предпосылки) формирования и функционирования личности» [9, с. 392]. Следовательно, мы должны, соглашаясь с С. Л. Рубинштейном, отказаться от механистической трактовки личности (непосредственно выводящей психические явления из внешних воздействий) и от персоналистической её трактовки (исходящей из внутренних свойств личности), последняя является лишь обратной стороной первой. «Поэтому нельзя искать решения вопроса и преодоления этой антитезы в том, чтобы их соединить, утверждая, что надо учитывать и внешние воздействия, и внутреннюю обусловленность психических явлений личностью» [11, с. 241].

Отдельно необходимо сказать о взглядах А. Н. Леонтьева и В. В. Давыдова. Последний утверждал, что то, что рассматривается А. Н. Леонтьевым, А. Г. Асмоловым, Л. И. Божович как личность, есть не что иное, как субъект деятельности, осознающий себя таковым [4, с. 79 – 80]. В. В. Давыдов связывал личность с воображением как психологической основой *творчества*, делающего субъекта способным к созиданию нового в различных сферах деятельности и на разных уровнях значимости [5, с. 81 – 82]. «Сущность личности человека связана с его творческими возможностями, с его способностью созидать новые формы общественной жизни. Основная потребность человека как личности – потребность в созидании мира и самого себя» [5, с. 82].

Но противопоставление мнений В. В. Давыдова и А. Н. Леонтьева возможно лишь в том случае, если за отправную точку в концепции последнего брать сказанное им о личности в классической книге «Деятельность, сознание, личность». Однако в более поздних работах А. Н. Леонтьев несколько отходит от понимания личности как комплекса мотивов и действий и развивает свою точку зрения: «Первые активные и сознательные поступки – вот начало личности» [9, с. 382]. Это высказывание весьма созвучно мысли В. В. Давыдова о личности как основе созидającego, творческого индивида, ведь поступок и действие не есть одно и то же.

Суждения А. Н. Леонтьева можно свести к следующему. Личность – это то, *что, ради чего и как* использует индивид во внешних условиях и внутренних предпосылках своих поступков [9, с. 385]. В личности есть (помимо прочих) особый «ингредиент» – особый характер осуществления поступков, то, каким образом индивид осуществляет свое деятельное отношение к миру. А отсюда уже один шаг до творческого, созидającego ядра личности – концепции В. В. Давыдова.

А. А. Леонтьев, опираясь на идеи Л. С. Выготского и М. М. Бахтина, приходит к следующему выводу: «Моя личность и есть процесс (и результат) постановки меня самого в... ключевую позицию в мире “большого опыта” (по М. М. Бахтину – А. Я.)» [8, с. 133]. Далее он даёт определение личности как процесса «постоянного самоопределения человека в реальном мире» [8, с. 133]. Но здесь необходимо вспомнить о предостережении С. Л. Рубинштейна об односторонне-динамическом взгляде на личность: «Всё растворять в динамике межличностных отношений значит игнорировать наличие у личности, у человека устойчивых свойств» [11, с. 247].

Уместно остановиться на нескольких высказываниях М. М. Бахтина, а именно: «В человеке есть что-то, что только он сам может открыть в свободном акте самосознания и слова, что не поддаётся овнешняющему заочному определению... Подлинная жизнь

личности совершается как бы в точке... несовпадения человека с самим собой; в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, «заочно». Подлинная жизнь личности доступна только *диалогическому* проникновению в неё, которому она ответно и свободно раскрывает себя.

Правда о человеке в чужих устах, не обращённая к нему диалогически, т. е. *заочная правда*, становится унижающей и умерщвляющей его *ложью*...» [1, с. 68 – 69]. Б. С. Братусь вполне справедливо и небезосновательно характеризует эти идеи М. М. Бахтина как упрек всей психологии. Впрочем, сам он взамен не предлагает ничего принципиально нового, трактуя личность как особый инструмент, орудие человека для целей самостроительства [3, с. 6]. Если вдуматься в слова Б. С. Братуся, становится очевидно, что каждый индивид непременно является личностью (скорее даже имеет в себе личность, обладает ею), коль скоро он стал одним из субъектов социального взаимодействия. С этим нет никаких оснований согласиться.

Обобщая всё, что было сказано о личности, и учитывая ценность приведённых мыслей М. М. Бахтина, можно сделать вывод, что все изложенные суждения о личности на самом деле относятся не к самой личности, а к тем условиям, в которых она может существовать, и к продуктам, результатам её проявления. Взаимоотношения индивидов в обществе, о которых говорят А. Н. Леонтьев и С. Л. Рубинштейн, являются как раз внешними предпосылками личности, которые сами по себе личностью быть не могут. Воображение же и творчество – не основа личности, как считает В. В. Давыдов, а одна из форм её самоманифестации, это «след на песке», оставленный личностью. Чтобы осуществлять созидующую творческую деятельность, индивид уже должен быть личностью. Творчество и воображение – это то, в рамках и относительно чего мы можем констатировать: здесь мы имеем дело с личностью, но к самой личности это имеет лишь опосредованное отношение. То есть всё это – не характеристики самой личности, а условия работы с личностью.

Попытаемся всё же суммировать вышесказанное в форме положительных выводов, а не констатации недоступности личности. Итак, когда индивид реализуется как личность (например, в творчестве или самосознании), то он *уже* личность, т. е. генетически предшествующее состояние индивида исчезло или перешло в то состояние, в котором личность и реализовалась. Условия возникновения и развития личности, взятые сами по себе, ещё не дают гарантии личности. Однако очевидно, что, при наличии необходимых условий, вероятность возникновения личности выше; соотношение возникающих (или создаваемых) условий и актов манифестации личности может помочь, пусть и косвенно, определить благоприятность именно этих условий.

С одной стороны, личность не есть, она становится, и в этом становлении её бытие. С другой стороны, личность нужно описывать не в понятиях собственно процесса, а в понятиях драмы (по Л. С. Выготскому). То есть личность постоянно, вновь и вновь воссоздаёт себя во «внешнем» (поступки) и «внутреннем» (само-

сознание) мире индивида, это воссоздание имеет драматический и волевой характер.

Невозможно искусственно, заочно сделать человека личностью, наклеить на него соответствующий ярлык. Личность не может быть сведена к *знанию* о личности, человек должен сам осознать факт собственной личности, такое осознание не может произойти путём сопоставления индивидом самого себя (или своих поступков) с какими-то внешними, эмпирическими, заблаговременно данными фактами или событиями. Индивид сам и только сам на своём опыте открывает в себе личность, осознаёт её в момент реализации себя как личности (или реализации его личности в нём, в его поступках). Но всегда может и не открыть – от внешних условий это зависит лишь в определённой мере.

От сделанных выводов можно перейти к главному из интересующих нас вопросов: каким образом при преподавании теории и практики перевода возможно создание условий для развития (или лучше сказать – для реализации) личности?

Укажем прежде, что во всех переводных явлениях мы выделяем не два, как принято, а три аспекта: перевод-продукт, перевод-речь, перевод-общение [14, с. 9]. Перевод как продукт – это текст перевода, иногда рассматриваемый в его соотношении с исходным текстом. Сам процесс перевода (перевод-речь) суть особый вид речевой деятельности по передаче смысла исходного текста средствами какого-либо второго языка; специфика этого вида речевой деятельности состоит в использовании двух языков в качестве средств, а также в выражении субъектом деятельности не своей собственной мысли. Перевод как вид общения рассматривается с позиций внеязыковой ситуации общения, перевод-речь входит в его состав как важный функциональный компонент достижения вневелингвистической цели коммуникации. Динамический характер отношений между переводом-речью и переводом-общением, вхождение их в состав более широкой деятельности индивида даёт, на наш взгляд, широкий простор для создания условий развития личности.

Подчёркнём, что, трактуя перевод как вид речевой деятельности, мы исходим из общих предпосылок деятельностного подхода в психологии вообще и теории речевой деятельности в частности, а также рассматриваем процесс перевода в тесной связи с другими аспектами психической деятельности индивида (например, мышление, восприятие и т. д.). Подход с точки зрения теории речевой деятельности позволяет взглянуть на используемый в переводе язык как на достояние индивида, а не абстрактную, безотносительную к человеку систему знаков. Вместе с тем при психолингвистическом подходе процесс перевода предстаёт перед нами не как статическая система элементов (уровней эквивалентности) или правил (закономерных соответствий, трансформаций), а как динамическая система умений и знаний, функционирующая в деятельности.

Основываясь на изложенных суждениях о личности и нашем понимании перевода, мы считаем целесообразной разработку комплексов таких заданий, в которых учащийся вырабатывал бы новые умения за

счёт собственной деятельности в заданных ему условиях. То есть обучение должно строиться через создание *проблемных ситуаций*, включающих в себя не только чисто языковые, но также и экстралингвистические факторы. Постановка учащегося в определённые внеязыковые условия, основанная на принципе речевых действий, поможет обеспечить его «перенесение» на место предполагаемого переводчика, дать информацию (и формировать соответствующие умения) о поведении вообще в таких ситуациях и о конкретном речевом поведении в частности [7, с. 157 – 159]. При этом будущий переводчик самостоятельно формирует умения и способность ориентироваться и общаться в любой ситуации субъект-субъектного (человек – человек) и субъект-объектного (человек – вещь) взаимодействия. Согласно нашей принципиальной точке зрения, одной из наилучших теоретико-методологических баз для построения подобных комплексов заданий является теория развивающего обучения [4; 5].

Материал для собственно перевода в таких заданиях должен быть оформлен в виде цельных текстов, а не набора отдельных предложений или отрывков. Упражнения по сопоставительной грамматике не дают учащемуся возможности реализовать свой внутренний потенциал, проявиться его личности, так как не обладают никакими прагматическими характеристиками. Для создания условий такой реализации необходимо поставить учащегося в определённую, пусть и гипотетическую, ситуацию общения, взаимодействия с другими людьми. Эта ситуация должна содержать в себе внеязыковые условия общения и вообще взаимодействия людей, внеязыковую цель, возможно, какие-то сторонние (неоднозначные?) факторы и т. д. Сам перевод текста должен мыслиться в рамках такой ситуации лишь как средство достижения конкретной «ситуационной» цели, а те или иные способы перевода (трансформации, достижение эквивалентности и т. п.), соответствующие именно данной ситуации, – как способы достижения внеязыковой цели, преодоления трудностей, устранения помех и т. д. Каждое задание, предлагаемое учащемуся, должно быть основано именно на различных ситуациях общения, тем самым приближая учащегося к реальной деятельности переводчика.

Это не означает, что нужно сконцентрироваться только на устном переводе или переводе с листа. Например, указание в задании к тексту на письменный перевод прагматической направленности этого текста, его последующей функции также является частью конкретной ситуации взаимодействия людей. Поэтому не следует отказываться от текстов на письменный перевод, нужно лишь понимать, что задания к ним должны быть построены, исходя из указанных принципов. Учёт прагматических и функциональных характеристик языковых единиц, высказываний и текстов в целом возможен, только если подходить к построению заданий и упражнений с позиций функциональной грамматики [2; 12]. Что полезного из функциональной грамматики может вынести теория обучения переводу – вопрос непростой и непростой, его решение требует глубокого осмысления, серьёзной теоретической и практической проработки.

Всё же, однако, к личности. Цель всестороннего развития личности является хотя и первостепенной в иерархии целей обучения переводу, но всё же не первоочередной в порядке достижения. Ведь постановка в проблемную ситуацию требует от учащегося уже сформированных переводческих умений, с помощью которых он и будет решать поставленные перед ним задачи. Следовательно, начать целесообразно именно с формирования таких умений, а структура и наполнение соответствующих заданий должны строиться в соответствии с общей целью развития личности, но ни в коем случае не в отрыве от неё.

Исследуя проблему соотношения профессионального образования и развития личности, А. С. Арсеньев ставит вопрос: «Воспитывать ли человека как личность или как рабочую силу, как культурно-исторического субъекта или как специалиста-профессионала?» – и делает вывод о невозможности сочетания этих целей, а также о невозможности «умеренной» позиции (каждого индивида воспитывать немножко как личность, немножко как носителя социальных функций), так как эти цели антиномичны [13, с. 42]. «Разрешение основной антиномии воспитательно-образовательного процесса связано, по видимому, с осознанием иерархизации целей, в которой высшей целью является формирование нравственной личности» [13, с. 48]. Если построение средств образования (программ, учебников, методик и т. п.) происходит только исходя из частных целей, то оно может противоречить общей цели. Знания о предметах и действиях с ними должны выступать в качестве средств взаимодействия между людьми в рамках общих закономерностей жизни общества. «По отношению к цели развития личности задачи научного образования, приобретения профессии и т. п. должны быть рассмотрены как средства, помогающие её достижению» [13, с. 49]. Таким образом, можно наметить иерархию целей, в которой такие цели, как развитие умений передачи смысла текста различными способами, развитие мышления, развитие умений ориентироваться в ситуации общения и т. д., являются частными и подчинены цели всестороннего и гармоничного развития личности.

Здесь следует отметить, что для указанных целей, по всей видимости, не подходят наиболее распространённые способы и методы обучения переводу. Проведённый нами анализ некоторых (весьма популярных) пособий по переводу показал, что они не соответствуют требованиям, которые в них самих предъявляются к современным переводчикам [15]. Главным минусом всех пособий является линейность построения и эмпиризм. Для формирования переводческих умений менее всего подходит способ представления в готовом виде своеобразных правил перевода, чаще всего преподносимых на основе сопоставительной (но не функциональной) грамматики двух языков. Во-первых, при таком способе сущность именно переводческих действий по выражению содержания в определённой языковой форме подменяется переходом от одной формы к другой. Во-вторых, переводческие умения предстают тогда в виде некоторой «надстройки» над уже сформированными языковыми умениями учащегося, ничего качественно но-

вого они в себе не несут. По схожим причинам следует критически пересмотреть и такой не менее распространённый способ обучения переводу, как сравнение оригинального текста с уже готовым переводом. В данном случае отсутствует именно *процесс формирования* умений. Наиболее эффективное обучение переводу требует концентрации внимания не на сопоставлении готовых текстов и не на констатации застывших правил и формулировок, а на самих действиях учащегося. Объектом внимания должны стать «не усвоение информации, фактов, не заучивание правил и формул как готовых результатов, а сам поиск, процесс формирования знания, правила, формулы и т. д.» [13, с. 94]. Тогда, прежде чем разрабатывать систему обучения переводу, которая учитывала бы все вышеизложенные цели в их иерархии, следует решить вопрос о сущности переводческих действий, содержании деятельности переводчика. Целесообразность такой системы должна быть не только теоретически обоснована, но и подтверждена на практике, что делает весьма пер-

спективными и насущными соответствующие экспериментальные исследования.

Сказанное не отрицает традиционных приёмов обучения переводу. Они соответствуют иным целям и задачам, исходят из иных общетеоретических и методологических взглядов на онтологию перевода. Но задача полного и гармоничного развития личности при обучении лишь технике перевода достигнута быть не может. Для этого во главу угла должна быть поставлена конкретная ситуация взаимодействия индивидов как часть жизни общества, а не автоматизация навыков перехода от одной языковой формы к другой. Только в рамках такой ситуации есть возможность создать условия для всего, описанного выше: для осознанности поступка, для творчества, для расширения сфер взаимодействия с другими людьми, самосознания и т. д. – то есть возможность создать условия, в которых личность может найти себя и реализовать.

Литература

1. Бахтин, М. М. К диалогическому пониманию личности / М. М. Бахтин // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря, В. В. Архангельской. – М.: АСТ : Астрель, 2009.
2. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
3. Братусь, Б. С. К проблеме человека в психологии / Б. С. Братусь // Вопросы психологии. – 1997. – № 5.
4. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретического и экспериментального психологического исследования / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.
5. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
6. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
7. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: КомКнига, 2007 – 216 с.
8. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды / А. А. Леонтьев. – Воронеж: МОДЭК, 2003. – 536 с.
9. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
11. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
12. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 352 с.
13. Философско-психологические проблемы развития образования / под ред. В. В. Давыдова; Российская Академия образования. – М.: ИНТОР, 1994. – 128 с.
14. Яковлев, А. А. Контекст как опора в речевой деятельности переводчика и в построении модели перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Яковлев. – Челябинск, 2011. – 24 с.
15. Яковлев, А. А. Обобщение в преподавании перевода (анализ пособий по практике перевода) / А. А. Яковлев // Вестник Нижневартского гуманитарного университета. – 2010. – № 3.

Информация об авторе:

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, учитель МОУ СОШ № 14 г. Магнитогорска, +7-922-632-11-24, mr.koloboque@rambler.ru.

Yakovlev Andrey Aleksandrovich – Candidate of Philology, teacher at School №14, Magnitogorsk.

ПЕДАГОГИКА

УДК 81'243

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ

И. В. Граборская

DEVELOPING STUDENTS' CREATIVE THINKING IN FOREIGN LANGUAGES CLASSES

I. V. Graborskaya

В статье приводится анализ проблемы творческого мышления студентов в процессе языковой подготовки, дается научное обоснование того, что тренинг развития креативности является одним из эффективных способов при реализации принципов проблемного обучения на занятиях по иностранному языку.

The author gives the analysis of the problem of students' creative thinking in foreign languages classes and proves that creative thinking training is an effective method of problem education principles realization in foreign languages classes.

Ключевые слова: творческое мышление, языковая подготовка, проблемное обучение, креативность.

Keywords: creative thinking, language classes, problem education principles, creativity.

Перемены в культурной и производственной сфере, социально-экономические проблемы, вставшие перед обществом, повлекли за собой изменения в мышлении людей, в отношении к преобразовательной деятельности. Важной задачей системы образования является формирование личности, обладающей не только суммой готовых знаний, навыков и умений, но и способной проявить самостоятельность и инициативу и адаптироваться к новым условиям. Эта задача становится ещё более актуальной на фоне смены образовательных парадигм, внедрения личностно-ориентированного подхода к обучению и моделей развивающих педагогических технологий. Задача сохранить и развить творческие способности каждого обучающегося является социальным заказом общества. Это обуславливает перенос акцента с передачи учащимся готовых дисциплинарных знаний на организацию совместной познавательной деятельности. В настоящее время в системе образования нужны методики, по которым обучающийся сможет научиться:

- самостоятельно осваивать знания;
- уметь выражать собственную точку зрения;
- уметь брать ответственность на себя, решать проблемы нестандартно;
- уметь общаться и находить общий язык с другими;
- объединять собственные жизненные взгляды и потребности с общечеловеческими ценностями.

Гуманизация и гуманитаризация образования, личностно-ориентированная парадигма современной педагогики дают мощный стимул для использования всей полноты психолого-педагогических возможностей обучения. Современная ситуация в образовании предоставляет значительную свободу в использовании новых подходов, разработки педагогических технологий, способствующих развитию креативности обучающихся.

К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на значительное количество работ, посвя-

щённых этой проблеме, ряд вопросов остаются недостаточно освещёнными и требуют глубокого изучения и обоснования.

Одним из таких вопросов является развитие творческого мышления студентов вуза на занятиях по английскому языку. Особый интерес для нас представляет этот процесс в техническом вузе, в котором, с нашей точки зрения, изучение иностранного языка способствует не только повышению гуманитарного уровня подготовки будущих специалистов, но также развивает общий творческий потенциал. В своей будущей профессиональной деятельности студенты столкнутся с необходимостью разрешать ситуации, требующие нестандартного подхода к решению проблем, что будет невозможным без опыта творческой деятельности. В настоящее время наблюдается высокий темп развития науки и техники, создание думающих машин, на которые перекладываются всё более сложные функции, поддающиеся формализации. Это освобождает человека для творческой деятельности. В соответствии с этим резко возрастают требования к творческому мышлению, которое позволяет человеку ставить новые проблемы, новые решения в условиях неопределённости, множества выборов, делать открытия, не вытекающие непосредственно из уже имеющихся знаний. Эта сторона мыслительной деятельности имеет свои специфические особенности, без знания которых нельзя повысить её эффективность.

В специальных исследованиях (А. Г. Асмолова, Е. П. Варламова, Г. А. Глотова, Н. Д. Никандрова и др.) содержится ряд синонимов понятия «творческое мышление»: творчество, новаторство, продуктивная деятельность, творческая познавательная деятельность, творческий потенциал, эвристическая деятельность, креативность и др. При рассмотрении каждого из них оказывается, что они действительно несут в себе почти одно и то же содержание, хотя и обнаруживается, что даже в одно и то же из названных понятий вкладывается иногда самый различный смысл в

зависимости от задач исследования, предметы науки, позиции автора и т. п.

Мы постараемся определиться в отношении содержания понятия «творческое мышление» с позиции обучения иностранному языку в техническом вузе. В этой связи представляется целесообразным обратиться к сути понятия «креативность, творческое мышление».

В современной психолого-педагогической литературе нет однозначного определения креативности. Понятие «креативность» возникло в 50-х гг. XX столетия и связано с именем Дж. Гилфорда. Креативность, по его мнению, нужно рассматривать, как способность человека отказываться от стереотипных способов мышления. Он выделил следующие параметры креативности: способность к обнаружению и постановке проблем; гибкость – способность продуцировать разнообразные идеи; оригинальность – способность отвечать на раздражители нестандартно; способность усовершенствовать объект, добавляя детали; способность решать нестандартные проблемы, т. е. способность к анализу и синтезу.

В решении проблемы развития творческого мышления студентов в процессе языковой подготовки мы опираемся на определение Е. С. Жарикова, который приводит следующие характеристики творческого мышления:

- эвристичность – способность решать задачи, требующие открытия закономерностей, свойств, отношений;
- креативность – умение создавать новые вещи и новые методы;
- мобильность – способность переходить в смежные сферы науки, решать комплексные проблемы;
- независимость – способность противостоять сложившимся в науке традициям и взглядам, мешающим получению принципиально нового знания;
- экспрессивность – умение видеть перспективу изучаемого объекта на основе ограниченной информации о предмете, предсказывать его будущее состояние, строить гипотезы о его прошлых состояниях;
- системность – способность охватывать объект как целое;
- разумность – способность диалектически отрицать старые системы знаний, мешающие качественному изменению науки;
- открытость – способность принимать и преломлять любые идеи;
- антиномичность – видеть единство противоположностей или исключаящих друг друга определений предмета;
- способность к обобщению материала, позволяющая подниматься от эмпирической конкретности к выводам об общих свойствах [1].

Суммируя изложенные в этой работе положения, можно сделать вывод, что развивать творческое мышление – значит формировать и совершенствовать такие мыслительные операции, как анализ, синтез, сравнение и обобщение, классификацию, планирование, абстрагирование. Это также означает обладать такими характеристиками мышления, как гибкость, широта, критичность, быстрота, вариативность, а так-

же развивать воображение и обладать знаниями разного содержания.

Для студентов технических специальностей, будущих инженеров, наибольшую актуальность приобретает развитие таких качеств, как гибкость и быстрота. Именно наличие данных качеств позволяет студентам легко осваивать основы дисциплин, а так же является необходимой составляющей их будущей профессиональной деятельности. Развитие творческого мышления даёт возможность вырабатывать у студентов такие качества, как компетентность, эмпатию, умение устанавливать контакты и без потерь разрешать возможные конфликтные ситуации в профессиональной деятельности, умение быстро реагировать на изменяющиеся условия и находить адекватные пути выхода из тех или иных профессиональных или жизненных ситуаций.

Развивать творческое мышление и нацеливать на творчество необходимо также студентов, обучающихся на экономических и гуманитарных специальностях. Перед специалистами таких профилей ставятся задачи, которые не всегда можно решить традиционными путями.

Анализ литературных источников, а также наш опыт преподавательской деятельности показали, что одним из эффективных способов развития творческого мышления обучающихся является тренинг развития креативности, который даёт возможность, не создавая критических уровней напряжения, получить личностно-окрашенную обратную связь. Задачами тренинга являются:

- осознание и преодоление барьеров проявления креативности;
- осознание характеристик креативной среды;
- формирование умений и навыков управления креативным процессом.

Во время проведения тренинга мы старались:

- не подавлять интуицию обучающихся, развивать воображение, склонность к фантазированию – фантазирование освобождает мышление, снимает психологические ограничения;
- формировать у обучающихся уверенность в своих силах;
- стимулировать самостоятельный выбор целей, задач и средств их решения, т. е. во-первых, активизировать самостоятельность мышления, во-вторых, усилить мотивацию активной деятельности путём предоставления большей свободы обучающимся;
- подчеркивать значимость оригинального решения по сравнению с традиционным;
- формировать чувствительность к противоречиям, поскольку они лежат в основе любого развития;
- использовать задачи открытого типа – задачи, которые предполагают несколько вариантов решения, не только создают возможность, но и обуславливают необходимость творческого подхода к решению;
- применять проблемные методы обучения, обучать эвристическим методам решения задач, привлекать обучающихся к совместной исследовательской деятельности;
- опираться на положительные эмоции и поощрять склонность к риску и стремление быть самым со-

бой, поскольку только свободный человек может творить [3].

Мы попытались доказать, что эффективность процесса развития творческого мышления студентов в процессе языковой подготовки повысится при реализации функционально-содержательной модели, включающей комплекс педагогических условий:

- актуализация потребностно-мотивационной сферы студентов в развитии творческого мышления на занятиях по иностранному языку;
- освоение студентами алгоритма решения творческих задач в контексте проблемного обучения в процессе языковой подготовки;
- развитие рефлексивной позиции студентов на занятиях по иностранному языку.

Мы разработали комплекс упражнений, которые позволяют осознать феномен творчества и развивать умения и навыки управления его механизмами и латентными факторами, обуславливающими их успешное функционирование. Они могут быть использованы для развития гибкости мышления, принятия решений, решения проблем.

Типичным примером техники выдвижения идей является «мозговой шторм» (brain storming), индивидуальный или групповой, когда от участников требуется генерирование как можно больше разнообразных решений. Во время таких занятий предлагаемые решения не подлежат критике: участники должны знать, что решений у задачи может быть множество. После того, как этот этап пройден, проводится анализ выдвинутых предложений, а затем более детально рассматриваются наиболее удачные решения. Примеры задач для мозгового шторма: How to get more tourists into Russia? How to keep your car keys safe at the beach? A new toy, a new snack food, a new electronic consumer product.

Чтобы развить гибкость и дивергентность мышления, следует целенаправленно, настойчиво искать «второй правильный ответ» решая любую задачу. Это необходимо если не для достижения качественного нового результата, то для поиска новых средств, путей решения. Облегчить этот процесс можно путем умелого манипулирования вопросами, их формулировками с целью активизации мышления.

Исходя из вышесказанного, мы применяем следующие техники на наших занятиях.

- Тесты дивергентных способностей, в которых обучающимся предлагается найти максимальное количество вариантов использования обычных предметов. Например: What are the possible uses for a steak knife? Ideas: hot pad, planer stick or prod, holy digger, popsicle stick, buddle wand (through hole in handle), flipping tool or spring, hammer, gun sight, fishing weight/float, compass (magnetize the steel), plumb bob, drill, can opener, carving tool.

Примеры заданий: Versa Tarp. You have been hired by Acme Manufacturing to write an advertising brochure for its new product, Versa tarp. The product is an 8 by 10 foot plastic tarp with the usual spaced grommets and reinforcing. (You can see tarps like this at most hardware stores.) In the brochure, Acme wants you to list as many good, practical users for this tarp as you can, to show just

how versatile it is. List at least 25 practical users, with explanations if necessary.

Hole Punch. Redwood Mills, Incorporated is a manufacture of paper. A principal product of theirs is three-hole punch notebook paper for schools. A byproduct of making this paper is tons and tons of punched paper holes. You have been hired to suggest as many uses for these punched pieces of paper as possible. Be imaginative and practical. Think of at least 25 uses [2].

- Усовершенствование. Когда все идет гладко, мы об этом не думаем и склонны идти дальше тем же путем – путь этот чаще всего, рутинный. Таким образом, необходимо уйти от хорошо протоптанной тропинки, искать новый путь усовершенствования и постигать новые связи. Мы предлагаем обучающимся найти пути усовершенствования: controlling a car, a text book, museums, a pencil, dating.

Пример выполнения задания: The first and obvious «thing» to improve is an object, usually something common that most people would never think of changing. The classic, textbook example item is the coffee cup. Suggested improvements have included things like: multiple handles, anti skid, anti tip over, anti spill, built-in heater, decorations, wheels, tea bag holder on side.

- «Что, если бы». Для развития воображения, склонности к фантазированию рекомендуется использовать вопросы типа «что если?». Естественно, большинство полученных ответов не приведет к практическим идеям, но, практикуя подобную деятельность, наше мышление становится более продуктивным.

Это упражнение позволяет выйти за привычные рамки и не ограничиваться так называемыми правильными представлениями. На обсуждение выносятся тема, стимулирующая работу мысли, например следующие: What if gasoline grew on trees and was a renewable recourse? What if exams and grades were abolished in college? What if our pets could talk? What if we never had to sleep? What if everybody looked almost exactly alike?

Пример выполнения задания: What if automobiles were all owned by the government and everybody had a key and could be use any car that was handy? Consequences: Parking lot size could be reduced. There would probably be more cars pooling with strangers. If cars were maintained by the government, too, some would in better shape than now, but others would be in worse shape – no pride in personal ownership. On sunny days cars would be plentiful, but on rainy days, you might get stuck at the shopping centre. Cars that broke down would be abandoned. You couldn't lock things in your car. You'd never know if the car you drove to a location (Like the movie theatre at night) would be there when you got out.

- Тесты отдалённых ассоциаций. Мы предлагаем студентам рассмотреть три предмета, или понятия, которые принадлежат к взаимно отдалённым ассоциативным областям. Обучающимся необходимо установить между ними ассоциативную связь путем нахождения четвертого слова, которое объединяло бы все используемые.

Данные тестовые задания максимально освобождены от ориентации на мотивацию достижения, поскольку мотивация достижения является стимуляцией деятельности.

Например: bass-complex-sleep – deep,
chamber-staff-box – music,
desert-ice-spell – dry.

Результаты проведения тренинга позволяют утверждать, что студентам удалось развить способность выйти за пределы привычных представлений, увидеть объект с разных сторон и обнаружить новые способы его применения на практике. Они смогли найти и принять множество решений, продуцировать множество идей в неожиданных ситуациях и без труда переходить от одной проблемы к другой, не ограничиваясь одной точкой зрения.

Как мы видим, все описанные условия и методы развития творческого мышления студентов возможны лишь при соответствующем отношении педагогов к данной проблеме, так как процесс подготовки к твор-

ческим занятиям гораздо сложнее и отнимает больше времени. Поэтому необходимо осознать, что те профессионалы, которых мы выпустим из университета сегодня, будут определять вектор развития нашей страны в недалёком будущем, а то, насколько эффективно и быстро они будут решать возникающие, пока ещё неизвестные профессиональные вопросы и проблемы, зависит от качества полученного образования и уровня развития их творческого мышления.

Как показало наше исследование, в процессе педагогического взаимодействия происходит не просто обмен информацией, но и обогащение друг друга творческими идеями и способами решения проблем. В таком творческом сотрудничестве позиция студента становится самостоятельной и свободной.

Литература

1. Жариков, Е. С. Как приблизить час открытий: введение в психологию научного труда / Е. С. Жариков, А. Болотов. – Кишенёв, 1990. – 324 с.
2. Harris, R. Creative Thinking Techniques / Robert Harris [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.virtualsalt.com/crebook2.htm>
3. Смирнов, С. Д. Педагогика и психология высшего образования. От деятельности к личности / С. Д. Смирнов. – М.: Академия, 2005 – 400 с.

Информация об авторе:

Граборская Ирина Витальевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8-903-048-7455, valeriy.inkognito@mail.ru.

Graborskaya Irina Vitalievna – senior lecturer at the Department of Foreign Languages of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

УДК 81'243

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Т. В. Кочина

THE USE OF INTERDISCIPLINARY PROJECTS IN FORMING UNIVERSITY STUDENTS' PROFESSIONAL COMMUNICATIVE COMPETENCE

T. V. Kochina

В данной статье приводится анализ психолого-педагогических исследований по проблемам обучения студентов технического вуза гуманитарным дисциплинам; рассматривается понятие междисциплинарного проектирования и предлагается одно из решений данной проблемы на основе интегрированного обучения.

The article represents the analysis of psychological and pedagogical research on the problem of teaching the Humanities to students of technical institutes of higher education. The interdisciplinary project concept is considered to be a solution to this problem on the basis of integrated teaching.

Ключевые слова: междисциплинарное проектирование, проект, целостный подход к решению профессиональных проблем, инновационная деятельность.

Keywords: interdisciplinary project, project, integrated approach to the professional problems solution, innovative activity.

За последние годы стало понятно, насколько велик груз нерешенных проблем вузовского образования. На наш взгляд, главная проблема высшего образования – это отчуждение студентов и преподавателей от качества результатов обучения. И речь здесь идет не только о пресловутом господстве дисциплинарного образования в вузе, но и о несоответствии уровня

подготовленности выпускников к решению практических профессиональных задач и требованиям работодателей. Основа решения этой проблемы видится в целенаправленном объединении усилий педагогов технических и гуманитарных дисциплин в процессе подготовки студентов для целостного изучения познавательных и профессиональных задач.

На практике этот вопрос решается следующим образом: в цикл гуманитарных и социально-экономических дисциплин, дополнительно к традиционно изучаемым, вводятся курсы по выбору студента, устанавливаемые вузом. Но введение дополнительных гуманитарных дисциплин не предусматривает интеграции гуманитарных и технических наук, а в некоторых случаях вызывает даже негативное отношение у будущих специалистов. Необходимо отметить, что проблема установления междисциплинарных связей между гуманитарными и техническими дисциплинами в последние годы решается с различных позиций многими авторами научных работ, в том числе статей [1, с. 86 – 87; 4, с. 66 – 70]. Однако эти и другие известные работы не содержат практических рекомендаций по интеграции иноязычной и профессиональной составляющих подготовки студентов.

К факторам, снижающим качество иноязычной подготовки студентов, мы относим отсутствие содержательного единства между иноязычным и техническим курсами. Это, в свою очередь, обусловлено низким уровнем или отсутствием знаний иностранного языка у преподавателей специальных дисциплин и недостаточной технической подготовкой преподавателей кафедр иностранных языков.

Опрос студентов выявил достаточно интересную тенденцию: для студентов технического вуза более важной является сама гуманитарная дисциплина и ее содержание, чем интеграция этой дисциплины с профильной подготовкой к их будущей профессиональной деятельности. Студенты отмечают, что гуманитарные науки не помогают овладеть избранной специальностью, а связь гуманитарной дисциплины с профилем вуза ни в коей мере не обуславливает интерес студентов к изучению гуманитарных наук. Таким образом, для того чтобы повысить мотивацию будущих инженеров к более серьезному освоению гуманитарных знаний, преподавателям гуманитарных дисциплин необходимо обратить внимание на другие стимулирующие интерес студентов факторы. При этом нельзя забывать о междисциплинарных связях гуманитарного и профессионального обучения. Факторы, мотивирующие интерес студентов к изучаемой гуманитарной дисциплине, опрошенные распределили следующим образом:

- возможность расширить свой кругозор, узнать на занятиях что-то новое и, как следствие, повысить свой культурный уровень;
- связь содержания гуманитарной науки с современной ситуацией в стране и за рубежом;
- связь содержания преподаваемой гуманитарной дисциплины с профилем выбранной специальности;
- разнообразие форм проведения занятий, творческая атмосфера;
- личность преподавателя.

Необходимо также всегда иметь в виду, что студенты технического вуза, в отличие от студентов исторического, филологического или философского факультетов, не обладают стремлением к абстрактному теоретизированию. Будущий инженер больше ориентирован на конкретное прикладное знание. Поэтому любая гуманитарная дисциплина должна обеспечивать эффективное включение человека в систему со-

циальных связей, современных идей, целей и ценностей, помогать в освоении сложных социальных процессов. Иными словами, студент технического вуза должен видеть практическую пользу в изучении гуманитарных знаний.

Создание комфортной среды для коммуникативной подготовки студентов технических специальностей, по мнению студентов, обусловлено не в последнюю очередь демократизацией организационных аспектов процесса обучения. Под демократизацией процесса обучения студенты понимают вариативность предлагаемых для изучения гуманитарных дисциплин (или курсов гуманитарных дисциплин), многообразие форм проведения занятий и оптимизацию количества часов, выделяемых на изучение гуманитарных, социально-политических наук и языковой подготовки.

Все это хорошо вписывается в учебный процесс в условиях партнерского или личностно-деятельностного подхода к обучению, который практикуется на кафедре иностранных языков в КузГТУ имени Т. Ф. Горбачева. Данный подход предполагает, что в центре обучения находится сам обучающийся – его потребности, мотивы, способности и интеллект. Исходя из интересов студента, уровня его знаний и умений, преподаватель определяет учебную цель занятия и формирует, направляет весь образовательный процесс с целью развития личности учащегося. Обычно процесс обучения можно представить в виде следующей схемы взаимодействия преподавателя и студента: $S \rightarrow O$,

где S – преподаватель – субъект педагогического воздействия и управления,

O – учащийся, объект данного воздействия.

В условиях личностно-деятельностного подхода схема педагогического общения пересматривается в пользу партнерского учебного сотрудничества преподавателя и студентов. Информационно-контролирующие функции преподавателя уступают место координационным. В нашем исследовании мы предлагаем рассматривать данную схему с позиции межпредметной деятельности преподавателей. Таким образом, педагогическое общение реализуется по следующей схеме: $S_1 + S_2 \leftrightarrow S_3 + S_4 + \dots S_n$,

где S_1 и S_2 – это преподаватели профилирующих и гуманитарных дисциплин, коллективно организующие, координирующие и стимулирующие процесс обучения на межпредметной основе,

S_3, S_4, S_n – студенты, общение с которыми рассматривается преподавателями как сотрудничество в решении познавательных задач [5, с. 88].

Партнерский подход к обучению обязывает делать информирование и взаимное выполнение обязательств неотъемлемым элементом подготовки специалистов. В частности, преподаватель дает студенту в начале курса подробную информацию об организации курса, его целях, содержании, видах контроля, содержании и направлениях самостоятельной работы, критериях оценивания в конце курса и т. д. Такой подход настраивает на более серьезное и ответственное отношение к обучению, дисциплинирует как студентов, так и преподавателей.

На горно-электромеханическом факультете КузГТУ был введен четырехлетний цикл обучения ино-

странному языку. Процесс обучения в нашем университете можно рассматривать как трехэтапный для студентов I – IV курсов:

1 этап – первый и второй курсы: обучение студентов базовому иностранному языку, введение основ технического языка;

2 этап – второй и третий курсы: обучение студентов общепрофессиональному языку;

3 этап – третий и четвертый курсы: обучение студентов языку для специальных целей – иностранному языку горного профиля.

Цель данного курса – сформировать у студентов-инженеров коммуникативную компетенцию, которая позволит им использовать иностранный язык как в профессиональной деятельности, так и для дальнейшего самообразования. По окончании курса обучения предполагалось, что студенты должны будут уметь:

- читать оригинальную литературу как общего характера, так и профессионально ориентированную, владеть методами обработки текстового материала (аннотированием, реферированием);

- вести беседу в условиях повседневного и делового общения;

- владеть всеми видами монологического высказывания: от краткого информирования до развернутого доклада;

- обрабатывать деловую корреспонденцию, пользоваться современными видами связи, вести деловой разговор по телефону.

Решение проблемы интеграции иноязычной и профессиональной составляющих подготовки студентов целесообразно, по нашему мнению, осуществлять на основе применения междисциплинарного проектирования в профессионально-коммуникативной подготовке студентов. Под *междисциплинарным проектированием* мы понимаем совместную продуктивную деятельность преподавателей специальных и гуманитарных дисциплин, которая с опорой на междисциплинарный перенос знаний в процессе обучения студентов формирует у них потребность и умения использовать «аппарат» дисциплин как средство целостного подхода к решению профессиональных проблем.

Необходимо отметить, что не всякий вид деятельности нуждается в организации. Известно, что человеческая деятельность может подразделяться на репродуктивную, или механическую и продуктивную или творческую. Необходимость такого деления объясняется либо потребностью в постоянном создании новых объектов, более совершенных, чем старые, отвечающих новым нуждам общества, либо потребностью в простом тиражировании новых образцов для удовлетворения широких слоев общества [5]. Следовательно, потребность в тиражировании удовлетворяет репродуктивная деятельность. Такая деятельность осуществляется с помощью ранее усвоенных технологий, т. е. уже самоорганизована, поэтому в дополнительной организации не нуждается.

Продуктивная деятельность направлена на получение объективно или субъективно нового результата (например, для данного учителя или для данного образовательного учреждения). Академик А. М. Нови-

ков и профессор Д. А. Новиков относят продуктивную деятельность к разряду инновационных.

Поскольку понятие «инновационная деятельность» в научной литературе вызывает много разночтений, следует уточнить, что мы будем понимать под инновационной деятельностью. В научно-педагогической литературе различают такие понятия, как «инновация», «нововведение» и «инновационная деятельность». Причем интересно, что между понятиями «инновация» и «нововведение» знак равенства не ставится. В настоящее время различают два подхода к определению термина «инновация»: описательный и функциональный. Основой первого подхода является представление о том, что какие-то предметы или объекты, процессы или действия относятся к числу инновационных, т. е. являются новшествами, изобретениями, «ноу-хау». В этом смысле инновация – синоним слова «нововведение». Этот подход, с нашей точки зрения, не продуктивен, в нем видится дань моде. Мы придерживаемся второго подхода к трактовке «инновации».

Функциональный подход к пониманию термина «инновация» связан с необходимостью компенсации деструктивных явлений в развитии любой системы. В этом смысле *инновация* – это действие, направленное на удовлетворение новой потребности, в основе которого лежит использование новых знаний (или новое применение уже известных знаний), воплощенных в новые технологии с целью снятия последствий деструктивных процессов или получения новых (или с новыми свойствами) продуктов. Из этого определения следует, что *инновационная деятельность* – это особая по характеру деятельность (но не вид и не сфера деятельности), в которую привносятся новые знания, технологии, приемы, подходы не ради новизны, а исключительно для получения востребованного результата. А востребованность, в свою очередь, мотивируется внешней средой. Что касается технологии, то она может быть новой, старой или даже реликтовой. Она становится инновационной тогда, когда используется как фактор конкурентного преимущества. Таким образом, «инновация» не тождественна «нововведению», а лишь связана с ним в том смысле, что нововведение является лишь фактором инновационности [3, с. 23 – 25].

Существуют различные способы организации человеческой деятельности. В настоящее время наибольшую популярность приобретает проектно-технологический тип, суть которого заключается в том, что продуктивная деятельность человека (а также учреждения или организации) разбивается на отдельные завершенные циклы, называемые проектами. Вообще, любая преобразующая или созидательная деятельность человека (научно-исследовательская, образовательная, производственная и т. д.) связана с выполнением различных проектов, включающих в себя процедуру постановки задачи, генерации вариантов, выбора, оптимизации и принятия решений. По существу, мы проектируем каждый раз в любой сфере деятельности, когда перед нами встает какая-либо проблема, и нам необходимо найти оптимальные пути ее решения, разработать алгоритм действий и распланировать этапы достижения желаемой цели.

В современной научной литературе понятие «проект» трактуется по-разному. Существует два принципиально различных понимания проекта:

- 1) как нормативная модель определенной системы;
- 2) как целенаправленное изменение некоторой системы, ограниченное во времени и ресурсах и имеющее специфическую организацию.

Если проект удачный, он вызывает именно те изменения, на которые рассчитывал заказчик (в отношении нашего исследования – работодатель, предъявляющий требования к уровню подготовленности выпускников). Но даже если проект оказывается неудачным, и его конечное влияние весьма отдаленно напоминает ожидания проектировщика и заказчика, он все равно вызовет изменение того или иного характера. В любом случае мы можем утверждать, что цель проектирования – *положить начало изменениям в окружающей человека искусственной среде*.

Основу исследования составили научные труды, посвященные методологическим вопросам создания и управления проектами: В. Н. Буркова, В. И. Воробьева, А. К. Еналеева, В. А. Ирикова, В. В. Кондратьева; вопросам педагогического проектирования и моделирования: В. С. Безруковой, В. П. Беспалько, Л. И. Гурье, Е. С. Заир-Бек, П. И. Образцова; технологическим основам и вопросам управления образовательными проектами: В. М. Монахова, А. М. Новикова, Д. А. Новикова и др.

В ходе исследования были выявлены следующие основные признаки проекта:

- *Признак «изменений»*. Этот признак является наиболее важной характеристикой проекта, т. к. он разрабатывается для того, чтобы вызвать определенные изменения в предметной области его реализации. Проектирование в большей степени направлено не на разрабатываемый объект, а на те изменения, которые должен претерпеть конечный потребитель в ходе освоения и использования нового объекта.

- *Признак «ограниченной во времени цели»*. В контексте учебного процесса проект всегда ориентирован на достижение поставленных целей, которые координируют связь таких элементов, как содержание, методы и формы организации обучения. Причем процесс целеполагания в образовательном учреждении усложняется тем, что он осуществляется на разных уровнях: институциональном (государственные стандарты, учебные планы) и субъектном (преподаватели и студенты). Но цели отдельного проекта должны иметь временную ограниченность, т. е. после успешного завершения проекта, цели, поставленные перед творческой группой, должны быть достигнутыми.

- *Признак «ограниченности требуемых ресурсов»*. Помимо установленного бюджета, каждый проект вовлекает различные ресурсы: людей, оборудование, материалы и др. Объем этих ресурсов тесно связан с бюджетом и всегда лимитирован.

- *Признак «новизны»*. Эта характеристика является лишь эмпирическим признаком проектов. Упомянув признак новизны, мы имеем в виду относительную или субъективную новизну, т. е. новизну проекта для определенной организации, в рамках которой он реализуется.

- *Признак «комплексности»*. Комплексность проекта проявляется в системности всех факторов окружения проекта, прямо или косвенно влияющих на его результаты. Мы выделяем внешнее и внутреннее окружение проекта. Внешнее – это среда предприятия, в рамках которого осуществляется проект, а также окружение самого предприятия. К внешним факторам окружения мы относим критерии оценки эффективности проекта (например, соответствие сформированных профессиональных компетенций студентов требованиям рынка труда). Факторами внутреннего окружения проекта мы считаем мотивационные, кадровые, организационные условия осуществления проекта.

- *Признак «организационного обеспечения»*. Этот аспект связан с учетом различных интересов участников проекта и необходимостью регулирования их отношений. В данном случае имеется в виду специфическая для проекта организация, причем организация структуры, а не его выполнения. Например, создание новых структур (комиссий, факультетов, кафедр), четкое распределение обязанностей всех участников проекта, приглашение научных руководителей, консультантов, специалистов-практиков.

Учитывая то, что для нас с исследовательской точки зрения, представляет интерес продуктивная (или инновационная) деятельность, направленная на получение нового результата, а следовательно, на изменение окружающей действительности, мы придерживаемся определения проекта как процесса. Таким образом, на основе анализа определений и признаков проекта можно сформулировать общее определение этого понятия. *Проект мы понимаем как процесс целенаправленного изменения отдельной системы с установленными требованиями к качеству результатов, ограниченный во времени и ресурсах и имеющий специфическую организацию*.

Каждый проект от возникновения идеи до полного завершения проходит ряд последовательных ступеней своего развития. Совокупность ступеней развития проекта образует жизненный цикл проекта, который включает в себя три основные стадии: анализ, синтез и оценку.

Так же, как и проект, термин «проектирование» пришел в педагогику из технических наук. С развитием педагогического знания, увеличением числа методов, средств, технологий, педагогическая деятельность становится избыточно сложной. Поэтому педагогической науке пришлось воспользоваться рекомендациями технократической концепции. Так в педагогике появляется термин «проектирование». Он призван избавить педагогическую науку от перенасыщения педагогического знания и тем самым оптимизировать деятельность преподавателя. Еще одной причиной вхождения проектирования в педагогическую науку является возможность приблизить педагогический процесс к реальным условиям будущей профессиональной деятельности учащихся.

Проектирование в наиболее общем смысле понимают как концептуальную, информативную подготовку человеком желаемого изменения. Оно, следовательно, является целенаправленной деятельностью, а его целью – моделирование представления о будущей

производственной (но также и непроизводственной) деятельности, о будущем конечном результате этой деятельности и о будущих последствиях такой деятельности [7]. Л. И. Гурье утверждает, что в настоящее время любая созидательная деятельность человека опирается на методологию проектирования или ее отдельные элементы, включающие процедуру постановки задачи, генерацию вариантов, оптимизацию, принятие решений и т. д. Она приводит общее определение понятия «проектирование» как создания идеального *описания будущего объекта*, предшествующего его реализации.

Под педагогическим проектированием понимают предварительную разработку основных деталей предшествующей деятельности учащихся и педагогов и прогнозирование ее результатов [2]. Главное внимание педагога при этом сосредоточено на механизме рождения и протекания тех или иных действий, процессов, систем.

П. И. Образцов трактует проектирование как разработку дидактического описания педагогической системы, реализация которой предполагается в рамках учебного процесса. А конструктивная деятельность преподавателя, по его мнению, связана с отбором, композицией и разработкой учебного материала, т. е. подготовкой материального основания для создания проекта. Объектом проектирования может быть педагогическая ситуация, процесс или система. Системой в данном случае может считаться и очередной урок, и реорганизация отдельного образовательного учреждения, и развитие образования в стране. Проектировать возможно все: от учебных текстов, содержания и структуры образовательной программы, учебной дисциплины, до образовательных систем.

Мы, вслед за А. М. Новиковым, определяем проектирование как *процесс целеполагания*. Цель в данном случае занимает особое место в структуре деятельности человека. Если цели задаются человеку из

вне: учащемуся – учителем, специалисту – начальником, то деятельность носит репродуктивный, нетворческий характер, т. е. проблемы построения цели не возникает. В случае продуктивной деятельности цель определяется самим субъектом, и целеполагание становится сложным процессом со своими собственными методами, средствами и этапами.

Таким образом, основываясь на приведенных выше определениях, мы делаем вывод, что проектирование – это одна из фаз проекта, т. е. его начальная стадия развития.

Междисциплинарное проектирование – это целостный процесс решения познавательных и профессиональных задач, стоящих перед студентами. Причем каждая дисциплина, участвующая в решении интегральных задач, вносит свой вклад в методологическую, теоретическую и технологическую подготовку студента к будущей профессиональной деятельности, повышение мотивации к изучению данных дисциплин и развитие интеллекта на основе целостного подхода к обучению.

В контексте предложенной учебной технологии проблемные задачи, связанные с будущей профессиональной деятельностью студентов, решаемые с помощью иностранного языка, являются средством, интегрирующим содержание иноязычной и профессиональной составляющих подготовки специалиста. При этом должна произойти действительная интеграция дисциплин, когда в процессе обучения студенты не смогут с уверенностью ответить на вопрос, что они изучают на данном занятии – иностранный язык или специальную дисциплину. Мотивация к изучению иностранного языка должна быть обусловлена необходимостью его использования при получении профессиональных знаний. Одновременно познавательная активность при изучении специальных дисциплин должна подкрепляться желанием студента использовать новейшие материалы из иноязычных источников.

Литература

1. Алещанова, И. В. Междисциплинарные связи и мотивация образовательного процесса на занятиях по иностранному языку / И. В. Алещанова, Н. А. Фролова // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2006. – № 8.
2. Безрукова, В. С. Педагогика. Проектная педагогика: учеб. пособие для инженерно-педагогических институтов и индустриально-педагогических техникумов / В. С. Безрукова. – Екатеринбург: Деловая книга, 1996. – 344 с.
3. Ващенко, В. Инновационность и инновационное образование / В. Ващенко // Alma Mater. Вестник высшей школы. – 2000. – № 6.
4. Глухова, Е. А. Межпредметные связи в вузе как основа структуры образовательного процесса (на примере английского языка) / Е. А. Глухова // Педагогические науки. – 2010. – № 1.
5. Зимняя, И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. / И. А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
6. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
7. Новиков, А. М. Образовательный проект (методология образовательной деятельности) / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М.: Эгвес, 2004. – 120 с.

Информация об авторе:

Кочина Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева, 8-960-923-1756, t.kochina@inbox.ru.
Kochina Tatiana Vladimirovna – senior lecturer at the Department of Foreign Languages of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Е. С. Лесникова

INTEGRATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES INTO THE PROCESS OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES

E. S. Lesnikova

В статье анализируется использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам. Предлагаются авторские разработки и обосновываются условия эффективности обучения на основе мультимедийных программ, пакета учебных и аутентичных интернет-материалов с использованием виртуальной среды.

The article examines the use of information and communication technologies in teaching foreign languages. The author's materials are presented. The effectiveness of learning with multimedia programs and a set of educational and authentic Internet-materials and with the use of the virtual language environment are considered.

Ключевые слова: интеграция, информационные технологии, информационно-коммуникационная компетентность, информационно-коммуникационные технологии, иностранный язык, мотивация, Интернет.

Keywords: integration, information technologies, information and communication competence, information and communication technologies, foreign language, motivation, the Internet.

В наши дни информационные технологии присутствуют во всех сферах человеческой деятельности, а информационная компетентность все больше определяет уровень образованности. Гораздо сложнее построить образовательный процесс без широкого использования информационно-коммуникационных технологий. Обучающиеся, владеющие навыками ИТ, хотя и могут их использовать в освоении целого ряда предметов. В данном случае «иностраннй язык» не является исключением. В условиях современного общества информационно-коммуникационная компетентность преподавателя, его способность решать профессиональные педагогические задачи с привлечением ИКТ, становится важной составляющей его профессионализма. Именно это и определяет актуальность данной проблемы.

Процесс обучения иностранному языку является постепенно развивающейся системой. Стоит отметить, что компьютеризация не является лишь эффективным средством обучения иностранному языку. Поэтому мы считаем, что разработка методических основ обучения с помощью компьютера должна базироваться на глубоком анализе методических и дидактических возможностей, которые способствуют реализации основной цели в преподавании иностранного языка, то есть формированию умений и навыков коммуникативной компетенции и обучению его практическим владением.

Информационно-коммуникационные технологии могут использоваться в обучении языку при различных формах организации деятельности обучающихся, в число которых входят: аудиторная работа; внеаудиторная работа; дистанционное обучение; комбинированное (очно-дистанционное) обучение, сочетающее аудиторную работу с использованием информационно-коммуникационных технологий, и элементы дистанционного обучения.

Использование ИКТ на аудиторных занятиях предполагает непосредственную работу за компьютером в течение целого занятия или его фрагмента.

Внеаудиторное использование ИКТ в целях обучения языку может включать такие виды работ: самостоятельная; дополнительная; внеклассная.

Самостоятельная работа может быть организованной работой учебной группы по конкретным заданиям, в той или иной форме дополняющим аудиторную работу; дополнительная внеаудиторная работа может включать как самостоятельную работу учащихся по индивидуальным графикам, разработанным преподавателем, так и инициативную учебную деятельность обучающихся; внеклассная работа, как правило, напрямую не связана с учебным процессом и позволяет использовать творческие и проектные задания, связанные с применением ИКТ и изучаемого иностранного языка (например, подготовку конференций, выпуск электронных изданий, общение со сверстниками из других регионов и стран и т. п.).

Дистанционное обучение предполагает освоение иностранного языка с активным использованием мультимедийных средств обучения и средств электронной коммуникации. Такая организация обучения требует специальных программных средств (систем управления учебными курсами, виртуальных сред обучения), которые позволяли бы полностью организовывать учебный процесс в дистанционной форме. Эффективность обучения языку в значительной степени будет зависеть от стартового уровня подготовки учащихся и технической обеспеченности учебного процесса.

Комбинированные формы обучения в настоящее время считаются наиболее перспективными в обучении в целом и иностранным языкам в частности. Они позволяют сочетать непосредственное общение с преподавателем и группой и применение ИКТ на аудиторных занятиях для организации самостоятельной

работы и дополнительного общения с помощью электронных средств коммуникации [1, с. 12 – 13].

Интеграция информационно-коммуникационных ресурсов в процесс обучения иностранным языкам предлагает планирование заданий, учебных курсов и занятий с использованием ИКТ. Но при этом стоит отметить, что применение информационно-коммуникационных технологий – не самоцель, а органичная часть всего учебного процесса.

Попробуем разобраться, насколько целесообразно использовать ИКТ при изучении иностранных языков, какую пользу они принесут учащимся и преподавателям.

Чтобы ответили преподаватели на вопрос, почему они используют на занятиях учебник? Возможно, они сказали бы, что учебник позволяет доходчиво и наглядно представить важную информацию. В то же время они, безусловно, стали бы работать далеко не с каждым учебником, отвечающим вышеуказанным требованиям, а только с теми, оформление и содержание которого соответствует преследуемым конкретной группой учащихся целям.

Так же и в случае с компьютерными обучающими программами. Необходимо проверять их пригодность не вообще, а для каждого конкретного учащегося или группы. При оценке обучающей программы следует обратить внимание на ряд следующих вопросов.

Во-первых, могут ли преподаватели и обучающиеся достичь с помощью компьютеризации целей, недостижимых каким-либо иным способом?

Ответ на этот вопрос будет скорее утвердительным уже потому, что появление информационных технологий привело к новым целям в изучении иностранного языка: владение языком подразумевает и поиск информации в Интернете, и общение по электронной почте, и создание собственной электронной продукции.

Во-вторых, становится ли процесс изучения иностранного языка благодаря компьютеризации проще и интересней?

Большинство учащихся позитивно расценивают тот факт, что с появлением Интернета существенно возросла возможность общения с носителями языка, что дополнительно мотивирует их и в конечном итоге благотворно сказывается на их языковой подготовке. Кроме того, учащиеся могут найти информацию в Интернете на интересующие их темы, что также способствует мотивации [8].

Использование ИТ способствуют реализации личностно-ориентированного подхода в обучении. Изучение иностранного языка с помощью компьютеризации вызывает большой интерес у учащихся. На наш взгляд, современному преподавателю следует обладать навыками использования информационных технологий в профессиональном контексте. Он должен создать условия для практического владения языком, и в его арсенале должны присутствовать такие методы обучения, которые позволили бы каждому обучающемуся проявить своё умение и свою активность. Знакомство с многочисленными компьютерными программами, браузерами, различными веб-сайтами подтолкнуло нас к их активному использованию на своих занятиях.

Например, в основу использования мультимедийных презентаций положен коммуникативный подход к овладению всеми аспектами иноязычной культуры: познавательным; учебным; развивающим; воспитательным.

Внутри же учебного аспекта обучающийся овладевает всеми видами речевой деятельности: чтением; говорением; аудированием; письмом.

Познавательный аспект в работе над презентацией способствует созданию не только мотивации, но и позволяет сочетать все виды речевой деятельности. Для того чтобы отобрать необходимый для своей презентации материал, учащимся приходится просмотреть немалое количество информации, поработать с лингвострановедческими и энциклопедическими справочниками и словарями, изучить оригинальные тексты. Таким образом, у учащихся формируются лексические, грамматические и произносительные навыки чтения.

Также презентации включают в себя развивающий и воспитательный аспекты. При работе над презентацией у учащихся развивается воображение, творческое мышление, самостоятельность и другие качества личности. Участники создания презентации при её защите учатся не только умению общаться друг с другом, но и вступать в дискуссию и вырабатывать собственное мнение [9].

Кроме этого, мультимедийные презентации используются нами при введении и закреплении лексического, грамматического, страноведческого материала в качестве опор для обучения монологическому и диалогическому высказыванию. Их применение ведет к лучшему усвоению материала из-за возможности использования анимации, изменения наиболее значимых элементов при помощи цвета, шрифта, схем, добавления таблиц, фотографий.

Широкое применение Microsoft Power Point на занятиях приводит к стремлению самих учащихся создавать презентации. Данный способ является эффективным при обучении иностранному языку. Домашние задания выглядят гораздо интереснее. Мы предлагаем учащимся создавать презентации на определенную тему (не более 7 – 10 слайдов) с соответствующими к слайдам комментариями.

Работая над созданием презентации в соответствии с выбранной темой, учащиеся отбирают явления, события, факты, которые наиболее им интересны. Выявляются актуальные проблемы при обсуждении, представляющие взаимный интерес. Зная, что работа учащихся будет востребована, они более серьезно относятся к такому домашнему заданию. Также они активно используют мультимедийные средства при выполнении проектных работ, при подготовке к языковым конференциям.

Подробнее остановимся на методе проектных работ. Для обучения иностранному языку метод проектов обладает рядом преимуществ, главными из которых являются:

- интеграция всех видов речевой деятельности на изучаемом языке;
- произвольное запоминание лексических единиц и грамматических структур;

- отбор языкового материала, видов заданий и последовательности работы в соответствии с темой и целью проекта;

- наглядное представление внеязыкового результата проекта;

- использование иностранного языка в ситуациях, максимально приближенных к реальному общению;

- учет интересов и особенностей учащихся;

- создание внутренней и внешней мотивации к изучению иностранного языка;

- интенсивное межличностное общение учащихся.

Стоит отметить, что метод проектов предоставляет широкие возможности для формирования, развития и контроля иноязычной коммуникативной компетенции, помогая решить одну из важных современных проблем методики обучения иностранным языкам, связанную с поиском форм, методов и средств обучения, ориентированных на реальную коммуникацию. Именно в проектной методике реализуются основные достижения личностно ориентированного, проблемного и коммуникативно-деятельностного подходов к обучению иностранному языку.

Эффективность метода проектов для обучения иностранному языку зависит от многих факторов, среди которых – цели и задачи обучения иностранному языку, возраст учащихся, уровень владения языком, размер группы, изучаемый материал, состояние материально-технической базы и т. д., а также способ интеграции проекта в курс обучения иностранному языку.

Анализ научно-методической литературы, описаний проектов, реализованных на практике, а также проектных заданий в учебно-методических комплексах по иностранным языкам позволяет выделить три основных подхода к интеграции проектов в процесс обучения иностранному языку. Проект может:

- использоваться как **одна из форм внеаудиторной работы**;

- служить **альтернативным способом организации учебного курса**;

- **интегрироваться** в традиционную систему обучения иностранному языку.

Примерами проектов по иностранному языку, используемых в качестве **формы внеаудиторной работы**, могут служить всевозможные конкурсы, викторины, творческие вечера, концерты и т. д. Основная методическая задача внеаудиторного проекта – применение на практике уже известного учащимся лингвистического материала и комплексное развитие уже сформированных иноязычных компетенций.

Проект как **альтернативный способ организации курса** обучения иностранному языку исключает традиционные принципы планирования и реализации процесса обучения. Курс обучения иностранному языку, в основе которого лежит проектная работа, строится как один долгосрочный проект или цепочка проектов, связанных между собой тематически и реализующих принцип преемственности и постепенного усложнения языкового материала. Достижению цели проекта подчиняются все действия, производимые учащимися и преподавателем: изучение необходимых лексических и грамматических единиц, поиск источ-

ников информации, отбор нужных сведений, оформление и представление результатов работы. Результаты проекта могут быть наглядно представлены в виде стенда, брошюры, радиопрограммы, видеофильма, театрального представления и др. Наиболее яркими и уже классическими примерами таких проектов могут служить проекты «The Wheelchair-Friendly Guide» [3] и «New Generation's Choice» [4].

Проекты, **интегрированные в традиционный курс** обучения иностранному языку, тесно связаны с изучаемым в его рамках материалом. Наиболее типичным является использование таких проектов в качестве заключительных заданий в рамках серии занятий по определенной теме. Примерами реализации такого способа интеграции проектов в курс обучения иностранному языку могут служить учебные пособия по английскому языку «Generation 2000» [5], «Project English» [6] и пособие по немецкому языку «Hallo, Nachbarn!» [7]. Подобные проекты призваны выполнять функцию реально-коммуникативных заданий, в которых иноязычные компетенции, сформированные в процесс изучения всего курса или его раздела, применяются для решения коммуникативных задач на изучаемом языке. Другим вариантом интеграции проекта в традиционный учебный процесс является реализация проекта в процесс изучения какой-либо темы в рамках курса обучения иностранному языку. В этом случае на каждом занятии часть времени посвящается выполнению упражнений и заданий из учебника или учебного пособия, а в оставшееся время учащиеся применяют сформированные и умения, работая над проектом [2, с. 10 – 13].

Хотелось бы отметить, что метод проекта требует от самого преподавателя большого объема работы, связанной с координацией проекта и его интеграцией в курс иностранного языка. В то же время позволяет эффективно организовать аудиторную и внеаудиторную деятельность учащихся. Им дается возможность практически сразу использовать изученный материал в учебно- и реально-коммуникативных ситуациях, что значительно повышает мотивацию учащихся к изучению иностранного языка.

Все вышесказанное приводит к выводу, что использование новых информационных технологий дает реальную возможность для построения образовательной системы. Информационно-образовательная среда глобальной сети предоставляет учащимся и преподавателям возможность свободного доступа к различным образовательным ресурсам. И не только обеспечивает, но и позволяет самостоятельно создавать различные электронные продукты.

Для примера остановимся на некоторых из них.

Hot Potatoes. Инструментальная программа для разработки компьютерных заданий. Данная универсальная программа-оболочка, позволяет как преподавателям, так и студентам самостоятельно, создавать интерактивные тренировочно-контролирующие упражнения в формате HTML [10]. На базе данной инструментальной программы создан веб-сайт www.agenda.org

Сайт содержит широкий спектр упражнений на развитие грамматических и лексических навыков, навыков монологической и диалогической речи, а также

аудирования и говорения. Помимо этого, вы можете воспользоваться видео-файлами, словарями в режиме онлайн и множеством аутентичных текстов.

Filamentality. Данная оболочка была разработана в 1997 году и позволяет создавать в режиме онлайн пять типов заданий на английском языке с использованием ресурсов Интернет. Затем автоматически размещает их на образовательном портале SBS Knowledge Explorer Filamentality. Название образовано из двух английских слов: *filament* – нить, волокно и *mentality* – ум, умственное развитие, интеллект. Символизирует творческое использование ресурсов Интернет в образовательных целях. Поиск в базах данных осуществляется по названию, теме, автору заданий. Данные задания могут использоваться как самостоятельные – для изучения разных тем, так и в комплексе заданий по одной теме, ориентировано на более глубокое и всестороннее изучение материала [11].

Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning) позволяет создавать учебные курсы на 30 языках. Представляет собой веб-приложение, дающее возможность создавать сайты для онлайн-обучения). Также известная как система управления обучением или виртуальная обучающая среда. Система реализует философию «педагогики социального конструкционизма» и ориентирована, прежде всего, на организацию взаимодействия между преподавателем и учащимися, хотя подходит и для организации традиционных дистанционных курсов, а также поддержки очного обучения. Стоит отметить, что данная среда удобна для работы со студентами заочной формы обучения (проведение установочной сессии и проверка контрольных работ) [12].

Хотелось бы сказать несколько слов о собственном электронном ресурсе.

Для дистанционной работы со студентами очной формы обучения нами был создан веб-сайт <http://les-elena74.narod.ru>

На нашем сайте есть специальный раздел “home tasks”, где мы выкладываем домашние задания, видео-

и аудио-файлы, устанавливаем различные виджеты, а также подкасты.

Аутентичные подкасты содержат файлы с записью носителей языка и могут служить богатым ресурсом для аудирования.

Подкасты, созданные преподавателем, чаще всего делаются для того, чтобы обеспечить доступ к конкретному материалу, который недоступен.

Студенческие подкасты могут создаваться самими студентами, но часто с помощью преподавателя. Здесь они могут знакомиться с жизнью своих сверстников, слушать подобные образцы и прибегать к другой культуре.

Обучающимся гораздо интереснее работать в данной среде. Они могут без труда на веб-сайте проконсультироваться со словарями в режиме онлайн, прослушать без лишнего поиска в Интернет нужную информацию по заданной теме и добавить свои комментарии и пожелания.

В заключение хотелось бы отметить, что мультимедийные средства, различные электронные ресурсы и виртуальная среда Интернет позволяют пользователям общаться с реальными собеседниками, самостоятельно работать при поиске той или иной информации, создавать свои собственные цифровые продукты, однако не стоит забывать, что глобальная сеть – это лишь вспомогательное техническое средство обучения. А чтобы достигнуть реальных результатов, необходимо грамотно интегрировать его использование в процесс обучения в форме самостоятельной работы. Не стоит забывать, что многое зависит от компетенции самого преподавателя, который должен грамотно организовать и спланировать учебный процесс, адаптировать существующие электронные ресурсы к конкретным условиям и задачам обучения и привести к созданию собственных электронных ресурсов. Все это является ключевым фактором успешной интеграции информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения иностранному языку.

Литература

1. Бовтенко, М. А. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании иностранного языка: создание электронных учебных материалов: учеб. пособие / М. А. Бовтенко. – Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2008. – 112 с.
2. Кочетурова, Н. А. Телекоммуникационные проекты в обучении иностранному языку: учеб. пособие / Н. А. Кочетурова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – 64 с.
3. Fried-Booth, D. L. Project Work / D. L. Fried-Booth. – Oxford: Oxford University Press, 1986.
4. Haines, S. Projects. Resource Material for Teachers / S. Haines. – Harlow: Longman, 1989.
5. Granger, C. Generation 2000 / C. Granger, D. Beaumont. – Oxford: Heinemann, 1993.
6. Hutchinson, T. Introduction to Project Work / T. Hutchinson. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
7. Antonowa L. Hallo, Nachbarn! Grundkurs Deutsch fuer Erwachsene / L. Antonowa, H. Breitung. – Muenchen: Goethe Institut, 1997.
8. Использование новых технологий в изучении иностранных языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.repetit-center.ru/include/stat2.php>
9. Использование ИКТ на уроках немецкого языка и во внеурочной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://skolano1.ru/node/168>
10. Hot Potatoes Home Page [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.uvic.ca/hrd/hotpot/>.
11. Ресурсный центр: информационные технологии в обучении языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itlt.edu.nstu.ru/filamentality.php>

12. Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Moodle>

Информация об авторе:

Лесникова Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, +7-951-616-68-43, 210296@rambler.ru.

Lesnikova Elena Sergeevna – senior lecturer at the Department of Foreign Languages of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

УДК 81'243

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Н. Ю. Мамонтова

FORMING UNIVERSITY STUDENTS' COMMUNICATIVE AND CROSS-CULTURAL COMPETENCE

N. Yu. Mamontova

В статье рассматриваются актуальные вопросы современного высшего образования в условиях компетентного подхода. Анализируются и предлагаются возможности формирования коммуникативной компетентности студентов в контексте межкультурной коммуникации на основе социокультурных и социолингвистических педагогических технологий личностно ориентированного обучения.

The article deals with topical issues of contemporary higher education within the competence-oriented teaching approach. The possibilities of forming students' communicative competence in the context of cross-cultural communication based on the socio-cultural and sociolinguistic educational technologies of personality-oriented teaching are analyzed.

Ключевые слова: педагогические технологии, межкультурная коммуникация, коммуникативная межкультурная компетентность.

Keywords: educational technologies, cross-cultural communication, communicative and cross-cultural competence.

Развитие современного общества в условиях глобализации и динамики межкультурных контактов, адаптация Интернет-пространства к потребностям пользователей и обеспечение эффективности коммуникации в различных сферах деятельности человека определяют необходимость расширения межкультурных и лингвистических горизонтов и предъявляют принципиально новые требования к качеству высшего профессионального образования в России. В настоящее время формируется единое мировое образовательное пространство. Этот процесс сложно представить без гармонизации образовательных стандартов, учебных планов, специальностей в разных странах мира.

Внедрение Федеральных государственных образовательных стандартов в Российскую систему высшего образования обозначило новый вектор развития высшей школы и, соответственно, ставит новые цели и задачи для руководства вузов и научно-педагогических работников. В основу новых стандартов заложен компетентностный подход к обучению, ориентированный на обеспечение академической мобильности и конкурентоспособности выпускников вуза на рынке труда. Понятие «конкурентоспособность» специалиста включает уровень общей культуры, личностные качества и профессиональные качества, позволяющие выпускнику адаптироваться к современным требованиям и реализовывать приобретенные компетенции.

Академическая мобильность, как ключевая составляющая Болонского процесса, являет собой сложный и многоплановый процесс интеллектуального и профессионального развития, обмен научным и культурным потенциалами, ресурсами, технологиями обучения. Студент, которому предстоит обучаться в ином учебном заведении (в своей стране или за рубежом), сталкивается с необходимостью решения жизненных ситуаций и их анализа с позиции родной и чужой культуры. Возвращаясь в свое учебное заведение, он приносит с собой тот бесценный опыт общения, который он лично получил в живых, реальных условиях жизни. Нам это важно с точки зрения возможностей формирования межкультурного компонента коммуникативной компетентности студентов и повышения их мотивации к изучению иностранных языков.

Введение понятий «компетенция» и «компетентность» в педагогическую практику высшей школы требует изменения содержания и методов образования, уточнения видов деятельности, которыми должны овладеть обучающиеся к окончанию образования и при изучении отдельных дисциплин.

Создание педагогических условий для овладения компетенциями называют компетентностным подходом. Он означает «переориентацию доминирующей образовательной парадигмы с преимущественной трансляцией знаний, формированием навыков на создание условий для овладения комплексом компетен-

ций, означающих потенциал, способности выпускника к выживанию и устойчивой жизнедеятельности в условиях современного многофакторного социально-политического, рыночно-экономического, информационно и коммуникационно насыщенного пространства» [3, с. 138].

Перечень компетенций, заложенных в основу обучения по каждому направлению подготовки, регламентирован целями и задачами обучения. Для нас интерес представляют общекультурные компетенции (ОК), относящиеся к дисциплине «Иностранный язык». В соответствии с ними, процесс изучения дисциплины «Иностранный язык» направлен на формирование следующих общекультурных компетенций (ОК): умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; способность к эффективному деловому общению, публичным выступлениям, переговорам, проведению совещаний, деловой переписке, электронным коммуникациям. Формируется способность использовать для решения коммуникативных задач современные технические средства и информационные технологии. Важно понимание многообразия социальных, культурных, этнических, религиозных ценностей и различий, средств и способов культурных коммуникаций. Владение одним из иностранных языков как средством коммуникации в рамках сложившейся специализированной терминологии профессионального международного общения и для изучения зарубежного опыта в профессиональной деятельности, и для осуществления контактов на профессиональном уровне также относится к упомянутым компетенциям.

Поскольку понятия «компетенция» и «компетентность» являются относительно новыми для российской педагогики, понятно, что наблюдаются различия в их трактовке. Действительно, «компетенция» и «компетентность» имеют свои смысловые оттенки. Нам близки следующие определения этих понятий. Компетенция – совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [2, с. 346].

Современные исследователи рассматривают компетенцию как категорию, относящуюся к области умений, а не собственно знаний (Л. Н. Боголюбов, А. Н. Дахин, А. В. Хуторской, С. Е. Шишов, Л. С. Зникина). Но, относясь к области умений, компетенция – это не умение как таковое, а его проявление. «Компетенция – это общая способность, основанная на знаниях, опыте, ценностях, которые приобретены в процессе обучения. Компетенция не сводится ни к знаниям, ни к навыкам. Быть компетентным не означает быть ученым или образованным» [4, с. 30 – 34]. Умение конкретизируется как действия в конкретной ситуации. Умения «материальны», можно видеть их результат. Компетенции описывают, характеризуют действия, умения, – это своего рода их оценка, выражающая связь между знанием и ситуаци-

ей. Более того, это способность найти, обнаружить процедуру (знание и действие), подходящую для решения проблемы [2]. Компетенция как «способность к деятельности» обеспечивает готовность к постановке целей и задач; готовность к оценке; готовность к действию; готовность к рефлексии и самоанализу достигнутых результатов.

В рамках компетентного подхода к современному образованию компетенции позволяют:

- изучать (уметь решать проблемы, самостоятельно заниматься своим обучением, извлекать пользу из опыта, организовывать взаимосвязь своих знаний и упорядочивать их);
- искать (получать и обрабатывать информацию);
- думать (занимать позицию в дискуссии и формировать свое мнение, оценивать);
- приниматься за дело (включаться в проект; нести ответственность; уметь организовать свою работу);
- адаптироваться (умение использовать новые технологии и коммуникации, находить новое решение).

Итак, понятия «компетенция» и «компетентность» системны, многокомпонентны, многофункциональны. Овладение ими позволяет решать самые различные проблемы в повседневной, профессиональной, социальной жизни. Рассмотрим данные понятия в контексте межкультурной коммуникации. Разнообразная практика общения с иностранцами доказала, что даже глубокие знания иностранного языка не исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка. Чтобы подготовить студентов к эффективным межкультурным контактам, знание иностранного языка необходимо дополнить знанием особенностей культуры, знанием природы межкультурного непонимания, наличием практических навыков и умений в поведении, которые в совокупности позволяют свободно понимать представителей других культур.

Для достижения взаимопонимания необходима определенная совокупность знаний, навыков и умений, общих для всех коммуникантов, которые в теории межкультурной коммуникации получили название «межкультурной компетенции». Указанный термин, как правило, связывают с понятием «коммуникативной компетенции», которое мы интерпретируем как опыт взаимодействия с окружающими с учетом темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников общения. В нашем понимании, коммуникативная компетенция предполагает владение социолингвистической компетенцией, знание сведений о языке, наличие умений соотносить языковые средства с задачами и условиями общения, понимание отношений между коммуникаторами, умение организовывать общение с учетом социальных культурных норм поведения и коммуникативной целесообразности.

Термины «коммуникативная компетенция» и «межкультурная компетенция» тесно взаимосвязаны. В логике нашего исследования коммуникативная межкультурная компетенция трактуется как комплекс специальных, социокультурных и социолингвистических знаний и умений. Этот комплекс обеспечивает

эффективность межличностного и межкультурного общения для достижения профессиональных и личных целей, позволяет овладеть теоретическими знаниями коммуникативной организации профессиональной деятельности и развить способности к адаптации.

Сформированность коммуникативной межкультурной компетентности проявляется в способности преодолевать языковые и культурные стереотипы, умении проявлять толерантность к «чужой» культуре, осознании особенностей российского менталитета для успешной коммуникации с деловым партнером. Знание иностранного языка на уровне, достаточном для эффективного общения, практическое владение средствами профессионального общения, через которые реализуются специальные знания, например, умение разрабатывать стратегию коммуникативного поведения, снимать коммуникативные барьеры, также являются важными компонентами коммуникативной межкультурной компетентности.

Исходя из нашей интерпретации коммуникативной межкультурной компетенции как интегральной, считаем, что в основу ее формирования должно быть положено:

- развитие способности рефлексировать собственную и чужую культуру, что изначально подготавливает к благожелательному отношению к проявлениям «чужой» культуры;
- пополнение знаний о соответствующей культуре для глубокого понимания отношений между собственной и «чужой» культурами;
- приобретение знаний об условиях социализации и инкультурации в собственной и «чужой» культуре, о социокультурных формах взаимодействия, принятых в обеих культурах.

Процесс овладения коммуникативной межкультурной компетенцией преследует цели:

- управлять процессом взаимодействия;
- адекватно интерпретировать его;
- приобретать новые культурные знания из контекста конкретного межкультурного взаимодействия, т. е. осваивать иную культуру в ходе коммуникативных процессов.

В результате достижения этих целей студент должен обладать следующими способностями к межкультурной коммуникации:

- адекватно воспринимать и интерпретировать различные культурные ценности;
- рассматривать различные культурные явления и представителей других культур с позиций эмпатии;
- уметь пересматривать и изменять свои оценки «чужой» культуры в соответствии с расширением навыков и опыта межкультурного общения;
- менять самооценку в результате постижения «чужой» культуры и отказа от неустойчивых стереотипов или предрассудков;
- принимать новые знания о чужой культуре для более глубокого познания своей;
- систематизировать факты культурной жизни;
- синтезировать и обобщать свой личный опыт в межкультурном диалоге.

Межкультурное обучение использует иностранный язык для осмысленного развития эмпатии, кри-

тической толерантности, межкультурной сензитивности и способности к преодолению конфликтов. Преодоление коммуникативных препятствий на уроках иностранного языка может иметь место лишь в случае достижения коммуникативной межкультурной компетентности, которая является продуктом «диалога культур». Коммуникативная межкультурная компетенция необходима там, где в процессе межкультурной коммуникации возникают недоразумения, предвзятости и, как следствие, непонимание.

Таким образом, занятия по иностранному языку – это место систематической встречи обучаемых с «чужой» культурой, которая на коммуникативных занятиях оживает благодаря коммуникативной деятельности участников. Это и есть межкультурное обучение. Эффективность обучения зависит от многих факторов, среди которых мы выделяем методики обучения и профессиональную компетентность педагога, которые во многом влияют на качество обучения и мотивацию обучаемого.

При всем многообразии методик обучения мы отдаем предпочтение активным методам обучения, которые реализуются через современные педагогические технологии. Общепризнанного определения понятия «педагогическая технология» в отечественной педагогике и психологии пока нет. В своей работе мы ориентируемся на определение, данное Э. Ф. Зеером, одним из ведущих специалистов в области профессионального образования, который под педагогической технологией понимает «набор технологических процедур, обеспечивающих профессиональную деятельность педагога и гарантированность конечного планируемого результата» [1].

Педагогическая технология характеризуется следующими отличительными признаками: системностью; совокупностью способов, приемов, упражнений, техник, направленных на усвоение знаний и развитие личности обучающихся; гарантированностью конечного результата. С этих позиций мы разделяем понимание педагогической технологии как последовательного проектирования и точного воспроизведения гарантирующих успех педагогических действий, направленных на формирование компетенций специалиста. Таким образом, вводимое нами понятие педагогической технологии мы интерпретируем как управление процессом обучения, что включает в себя два взаимосвязанных компонента: организацию и мотивацию познавательной деятельности обучающихся и контроль этой деятельности. Эти процессы непрерывно взаимодействуют: результат контроля влияет на содержание управляющих действий, то есть изменяет дальнейшую организацию учебной деятельности.

Исходя из вышеизложенного, педагогическая технология – это способ деятельности, который дает преподавателю возможности, недоступные ни отдельному техническому средству, каким бы совершенным оно ни было, ни отдельному преподавателю, каким бы искусным он ни был. Возможности, возникающие в соединении того и другого, позволяют более совершенно решать принципиально новые задачи.

В своей практической работе мы применяем личностно ориентированные технологии формирования коммуникативной межкультурной компетенции сту-

дентов. Основной целью личностно ориентированных технологий является «не накопление знаний, умений, а постоянное обогащение опыта творчества; формирование механизма самоорганизации и самореализации личности каждого ученика» [5, с. 73]. Под личностно ориентированными технологиями понимается «упорядоченная совокупность действий, операций и процедур, направленных на развитие личности, инструментально обеспечивающих достижение диагностируемого и прогнозируемого результата в профессионально-педагогических ситуациях, образующих интеграционное единство форм и методов обучения, при взаимодействии обучаемых и педагогов в процессе развития индивидуального стиля деятельности» [1]. Структурными составляющими такой системы являются: цели обучения; содержание обучения; организация учебного процесса; студент; преподаватель; системотехнические комплексы педагогического взаимодействия; диагностика результатов педагогического процесса.

Практическая значимость личностно ориентированных технологий заключается в том, что они обеспечивают личностное включение студента в учебную деятельность с учетом его субъективного опыта, а также единства внутренних и внешних мотивов. Они активизируют совместную деятельность, межличностное взаимодействие и диалогическое общение субъектов образовательного процесса (преподавателя и студентов, студентов между собой), что соответствует принципам педагогики сотрудничества, которая ориентирована на развитие педагогического творчества преподавателя. Профессиональная деятельность преподавателя как личности рассматривается как одно из условий формирования коммуникативной компетентности будущего специалиста. Данный вид деятельности проявляется в том, что именно взаимодействие педагога и обучающегося «создает творческий характер в процессе обучения, обеспечивает по-настоящему личностный уровень общения субъектов обучения, повышает мотивацию самого процесса обучения. Более того, постоянным является процесс совершенствования самого преподавателя. Профессиональная деятельность преподавателя становится личностно ориентированной технологией» [1].

Профессиональная компетентность преподавателя иностранного языка, на которого в условиях «искусственной» среды обучения возлагается огромная ответственность, определяет новый ролевой репертуар преподавателя в условиях компетентности высшего профессионального образования. Современному преподавателю недостаточно функционировать как «транслятору» знаний. В соответствии с целями обучения и выбранными формами работы преподаватель реализует свой педагогический потенциал как фасилитатор, модератор, тьютор, супервайзер и медиатор образовательного процесса.

Для обеспечения принципов эффективности и рациональности образовательного процесса мы обосновали необходимость разграничить личностно ориентированные технологии преподавания иностранного языка две условные группы: социокультурные и социолингвистические технологии. Социокультурный компонент подразумевает знакомство с социокуль-

турным контекстом, знание правил и социальных норм коммуникативного повседневного и делового поведения представителей разных культур. Согласно такой интерпретации, социокультурные технологии нацелены на развитие умений различать коммуникативные стили представителей разных культур, идентифицировать и анализировать причины проблемных ситуаций в межличностной и межкультурной коммуникации. Социолингвистический компонент предполагает формирование умений использовать и преобразовывать языковые формы в контексте коммуникативных ситуаций, соответственно целью социолингвистических технологий является формирование знаний и практических навыков общения, формирование межкультурных знаний через обучение языку.

Личный педагогический опыт формирования коммуникативной межкультурной компетентности студентов позволил выявить и обосновать процедуру применения разработанных видов технологий, новизна которой заключается в системном и дифференцированном подходе к оценке знаний, умений и возможностей каждого конкретного студента. Такой пошаговый алгоритм работы обеспечивает комфортный темп и режим организации учебного процесса, при котором доминирует принцип качества, а не количества приобретенных умений, и гарантирует получение методически правильной обратной связи от студентов. В таком контексте представляется целесообразным рассматривать педагогические технологии как технологии первичной диагностики коммуникативных и межкультурных умений; технологии развития коммуникативной межкультурной компетентности студентов; технологии мониторинга, диагностики и самооценки приобретенных коммуникативных и межкультурных знаний, умений и навыков.

Первую группу мы реализуем через обсуждение компетентностных характеристик современного специалиста; идентификацию проблем межличностной, деловой и межкультурной коммуникации; описание имиджа специалиста, его ключевых качеств. На этом этапе мы проводим анализ иерархии личностных ценностей, при котором происходит осознание собственного «Я» как первого этапа сенсibilизации межкультурных различий в сопоставительной цепочке «я – свое; свое – чужое; чужое – свое; свое – я». Знакомим студентов с профессионально значимыми ситуациями в деятельности специалиста. Интерпретация авторской концепции педагога при обсуждении конкретных профессионально значимых коммуникативных событий является важной составляющей данного этапа.

Технологии развития коммуникативной межкультурной компетентности студентов способствуют совершенствованию умений межличностного и межкультурного общения в повседневных и деловых ситуациях и включают: деловые игры; кейс-ситуации; подготовку и проведение переговоров, дискуссий; подготовку и проведение презентаций, самопрезентаций с последующим обсуждением; проектирование сценариев деловых встреч и др. Активные методы обучения (дискуссии, мозговые штурмы, дидактические и ролевые игры, моделирование производственных ситуаций и другие) в том случае, если они отра-

жают суть будущей профессии, формируют профессиональные качества специалистов, являются своеобразным «полигоном», на котором студенты могут отрабатывать профессиональные навыки в условиях, приближенных к реальным. Глубокий анализ ошибок студентов, проводимый при подведении итогов, снижает вероятность их повторения в реальной действительности. А это способствует сокращению срока адаптации молодого специалиста к полноценному выполнению профессиональных задач, способствует формированию его профессиональной направленности, готовности, в том числе и психологической, к началу рабочей жизни.

К технологиям мониторинга, диагностики и оценки приобретенных знаний, умений и навыков мы относим промежуточные и итоговые рефлексивно-оценочные практикумы, мастер-классы, ролевые, деловые игры с последующим анализом, тренинги, тесты и др.

Методическое обеспечение процесса формирования коммуникативной межкультурной компетентности студентов в техническом вузе соответствует требованиям учебных программ по дисциплине. Следует отметить, что профессорско-преподавательский состав кафедры иностранных языков КузГТУ следит за тенденциями мировой образовательной практики и обеспечивает методическое сопровождение образовательного процесса современными учебными курсами известных англоязычных издательств. Кроме того, на кафедре разработаны и используются в работе учебные пособия «Язык и коммуникация», «Формирование коммуникативной межкультурной компетенции в подготовке специалистов», «Практикум по межкультурному речевому общению», «Межкультурные модели делового общения», методические рекомендации, например: «Невербальный язык межличностной, деловой и межкультурной коммуникации», «Стили управления». В них представлена необходимая тематика по курсу и комплексы упражнений, заданий, тестов на проверку сформированности приобретенных знаний и умений.

Необходимо пояснить, что разработанный комплекс технологий применяется в процессе формирования коммуникативной межкультурной компетентности студентов как в аудиторной, так и во внеаудиторной форме деятельности. Организация самостоятельной работы студентов требует дополнительного внимания со стороны преподавателя и обоснования целей и видов планируемой деятельности. Важно, чтобы студент был изначально ориентирован на достижимость конечного результата и четко представлял последовательность действий при выполнении определенного вида работ, был вовлечен в процесс выбора процедур реализации поставленных задач и сроков их выполнения, осознавал, что вся работа направлена не на формальное получение положительной оценки, а на обеспечение качества обучения. В этом случае потенциал его внутренней мотивации совпадает с возможностями мотивации внешней, что гарантирует эффективность самостоятельной работы студента. Организация деятельности во внеаудиторное время предполагает подготовку и проведение тренингов и деловых игр, презентаций и переговоров (проектная

работа студентов). Студенты участвуют в научных конференциях, олимпиадах, посещают факультативные занятия и курсы в рамках дополнительного образования, что, безусловно, расширяет возможности развития их коммуникативной компетенции.

Педагогическая практика показала, что применение личностно ориентированных технологий обучения положительно влияет на успешное овладение студентами умениями и навыками межличностного, межкультурного и профессионального общения. Обучение иностранному языку на основе обозначенных педагогических технологий обеспечивает будущему специалисту комплекс необходимых компетенций, проявляющихся в овладении студентами следующих умений и навыков:

- умение разрабатывать эффективную стратегию коммуникативного ролевого поведения в ситуациях межличностного, межкультурного и профессионального общения;
- умение работать в команде, четко и обоснованно формулировать задачу перед коллективом, обучать других;
- умение выходить на компромисс в конфликтных ситуациях, снимать коммуникативные барьеры;
- умение различать языковые и культурные стереотипы, знать особенности вербальной и невербальной коммуникации, проявлять толерантность к «чужой» культуре;
- владение основами деловой коммуникации: общение по телефону, проведение производственных совещаний, ведение документации, составление отчетов, личная и деловая корреспонденция;
- умение разрабатывать структуру предстоящих переговоров с учетом особенностей ведения переговоров в других культурах;
- умение готовить и проводить презентации (самопрезентации) с учетом особенностей (в том числе культурных) целевой аудитории;
- знание иностранного языка как инструмента общения с иностранными партнерами;
- знание особенностей российского менталитета для успешной коммуникации с деловым партнером (например, излишняя категоричность в суждениях, коллективизм, нежелание брать на себя персональную ответственность).

Применение личностно ориентированных технологий на занятиях по иностранному языку в техническом вузе существенно влияет на повышение качества образования, поскольку позволяет устранить противоречия между объективными и субъективными факторами изучения иностранного языка. Это противоречие проявляется в том, что объективно иностранный язык является общественной ценностью, и включение его в образовательную программу технического вуза есть не что иное, как социальный заказ. С другой стороны, субъективно для большинства студентов, иностранный язык – ценность потенциальная, а не реальная. На практическом примере мы показываем, что возможности реализации языковых умений не ограничены языковой средой и опыт, полученный в процессе обучения, будет востребован в дальнейшей профессиональной жизни наших выпускников.

Очевидно, что процесс формирования коммуникативной межкультурной компетентности привносит огромное количество положительных педагогических моментов в воспитание и образование современного студента. Прежде всего, важным педагогическим моментом является воспитание чувства патриотизма, ведь изучая культуру другой страны, человек начинает лучше осознавать значимость собственной культуры. На современном этапе развития России и российского образования это особенно актуально, современной молодежи порой не хватает уважения к родной стране и родной культуре, многие молодые люди считают западную культуру эталоном совершенства. Однако глобализация общества еще не должна означать отказ от собственных культурных ценностей в пользу так активно пропагандируемых ценностей другой культуры. Задача современного специалиста состоит в том, чтобы достойно представлять свою страну и свою культуру. Поэтому мы подчеркиваем значи-

мость и необходимость формирования в человеке качеств, необходимых для эффективного межличностного общения, основными критериями которого считаются толерантность, межкультурная сензитивность, отсутствие этноцентризма, эмпатия, уважение к себе и окружающим.

Итак, при обучении иностранному языку в техническом вузе важное значение имеют новые педагогические технологии, современные и прогрессивные методы обучения и, конечно, профессиональная компетентность преподавателя иностранного языка, на которого в условиях «искусственной» среды обучения возлагается огромная ответственность. Эффективность применяемых методик обучения является показателем качества работы учебного заведения и позволит успешно решить задачи высшего профессионального образования по формированию специалистов нового поколения.

Литература

1. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учеб. для вузов / Э. Ф. Зеер. – М.: Академия, 2009. – 378 с.
2. Зникина, Л. С. Профессионально-коммуникативная компетенция как фактор повышения качества образования менеджеров: дис... д-ра пед. наук / Л. С. Зникина. – Кемерово, 2004. – 406 с.
3. Селевко, Г. К. Компетентности и их классификация / Г. К. Селевко // Народное образование. – 2004. – № 4.
4. Шишов, С. Е. Понятие компетенции в контексте качества образования / С. Е. Шишов // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1999. – № 2.
5. Якиманская, И. С. Требования к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников / И. С. Якиманская // Вопр. психологии. – 1994. – № 2. – С. 73.

Информация об авторе:

Мамонтова Наталья Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово, nataliamamontova@yandex.ru.

Mamontova Natalia Yurjevna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

УДК 378

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Р. С. Полесюк

ON THE EFFECTIVENESS OF USING GAMES IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

R. S. Polesyuk

Особенность дисциплины, называемой «иностранный язык», заключается в том, что общение является и целью, и средством обучения. К сожалению, необходимо констатировать тот факт, что общение на иностранном языке в аудитории весьма ограничено, не каждый студент имеет возможность высказаться. Эту проблему, как и многие другие, способна решить игровая деятельность.

The peculiarity of a Foreign Language as the subject called lies in the fact that communication is both the aim and the means of teaching. Unfortunately one must state the fact that communication in a foreign language in classroom situation is limited. Not every student gets the opportunity to speak. This problem as well as many others can be solved by means of using games.

Ключевые слова: коммуникативные умения, общение, игра, говорение, эффективность, поощрение, познавательная деятельность.

Keywords: communicative skills, communication, game, speaking, effectiveness, encouragement, cognitive activity.

Модернизация содержания обучения иностранному языку в соответствии с актуальными профессиональными потребностями современных специалистов и требованиями работодателей проявляется в согласовании межпредметных связей (иностранного языка и профилирующих дисциплин) и развитии коммуникативных умений.

Особенность дисциплины «иностранный язык» заключается в том, что общение является целью и средством обучения. Поэтому необходимо обеспечить все условия для того, чтобы процесс общения был постоянным. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что общение на иностранном языке в аудитории весьма ограничено, не каждый студент имеет возможность высказаться.

Перед преподавателем вуза стоит сложная задача «выровнять» прослеживающийся у студентов, сформированный в средней школе, разный уровень языковых знаний, за время обучения дать возможность совершенствоваться и более подготовленным студентам, и тем, кто не получил должной базы за предыдущие годы обучения в школе, суметь заинтересовать их и поддерживать интерес к изучению иностранного языка, стимулировать их обучение.

Не секрет, что, приступая к изучению иностранного языка, все хотят научиться говорить на этом языке, поэтому важно заметить, что говорение играет первостепенную роль при обучении устно-речевому общению. Однако существуют некоторые проблемы, которые возникают при обучении говорению:

1) студенты стесняются говорить на иностранном языке, боясь сделать ошибку. Особенно это наблюдается на начальном этапе, так как они боятся подвергнуть себя критике со стороны учителя и студентов;

2) при парных (групповых) формах работы студенты часто переходят на использование родного языка;

3) у студентов нет достаточной информации по обсуждаемому вопросу и на родном языке;

4) у студентов не хватает языковых и речевых средств для решения поставленной задачи. Поэтому учителю прежде всего необходимо создать доброжелательную атмосферу сотрудничества для того, чтобы студенты не боялись признавать собственные ошибки, воспринимали критику адекватно.

На наш взгляд, эту проблему, как и многие другие, способна решить игровая деятельность. Игровые приемы имеют ряд преимуществ перед другими методами обучения иностранному языку, которые заключаются в актуализации субъектной позиции студента в данном процессе. Игровая деятельность позволяет студенту быть лично причастным к функционированию изучаемой системы, дает возможность «прожить» некоторое время в «реальных» жизненных условиях. Игровая деятельность как самостоятельная педагогическая ценность расширяет возможности преподавателя, позволяя наиболее эффективно достигать поставленных задач. Использование игры при организации различных видов деятельности в изучении иностранного языка помогает сделать процесс усвоения более привлекательным. По мнению Е. А. Крюковой, игра «призвана стимулировать личностную деятельность на уровне смыслообразования, то есть цен-

ность образования при этом выходит за область простого увеличения знаний, навыков и умений и восходит к постижению смысла действительности» [1, с. 58].

Определенные этапы развития обусловили негативное отношение к игре и сделали почти невозможной направленность теоретической мысли на исследование этой деятельности. Но с последней трети XIX века интерес к игровой деятельности появляется вновь, появляются первые научные теории игры. Игра начинает рассматриваться «как важное средство формирования и тренировки навыков, необходимых для психофизического и личностного развития, как первичная форма приобщения человека к социуму, а также как один из способов формирования способности к обучению и воспитания чувства ответственности за свои поступки и свою группу» [2, с. 85].

С начала XX века интерес к изучению игры возникает с новой силой. Один из ведущих современных российских психологов, Р. С. Немов, определяет игру как «вид деятельности, выполняющий две функции: психологическое развитие человека и его отдых» [4, с. 128].

Таким образом, об обучающих возможностях игр известно давно. Многие выдающиеся педагоги справедливо обращали внимание на эффективность использования игр в процессе обучения. Игра – универсальное средство, помогающее учителю иностранного языка превратить достаточно сложный процесс обучения в увлекательное и любимое учащимися занятие. Игра помогает вовлечь в учебный процесс даже «слабого» ученика, так как в ней проявляются не только знания, но и находчивость и сообразительность. Чувство равенства, атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности занятий – все это дает возможность учащимся преодолеть стеснительность, мешающую свободно употреблять в речи слова чужого языка, и благотворно сказывается на результатах обучения. Игра по своему построению напоминает драматическое произведение со своим сюжетом, конфликтом и действующими лицами. Но, несмотря на четкие условия игры и ограниченность используемого языкового материала, в ней есть элемент неожиданности. Если учащемуся задают внезапный вопрос, он начинает думать, как на него ответить. Поэтому в игре нередко присутствует спонтанность речи. Так мы создаем возможность повторения речевого образца (ситуативно-вариативное упражнение) в условиях, приближенных к реальному речевому общению. Игра, таким образом, способствует выполнению важных психологических и методических задач:

1) снятию тревожности и созданию психологической готовности учащихся к речевому общению;

2) обеспечению естественной необходимости многократного повторения учащимися языкового материала;

3) тренировке учащихся в выборе нужного речевого материала, что является подготовкой к ситуативной спонтанности речи вообще.

В процессе игры языковой материал усваивается незаметно, поэтому у учащихся возникает чувство удовлетворения – «оказывается, я тоже могу говорить наравне со всеми». Игра универсальна еще и потому,

что ее можно применять на любом этапе обучения (как с начинающими, так и с владеющими материалом на достаточно высоком уровне) и с любыми возрастными категориями учащихся. Необходимо отметить, что уроки развития умений говорения (монологическая и диалогическая речь) должны опираться на уже сформированные лексические и грамматические навыки в рамках изучаемой темы. Студенты должны уметь использовать различные формы связи речи с помощью речевых клише, союзов, вводных структур, тренировочных упражнений, речевых ситуаций, а также ролевых и деловых игр, на основе которых идет подготовка студентов к развитию умения говорения. Важно отметить, что в основе порождения и стимулирования речи лежит мотив, то есть намерение говорящего участвовать в общении. Для того, чтобы появился такой мотив на уроке, необходимо создать речевую ситуацию. В частности, когда речь идет о студентах неязыкового вуза, когда целью обучения является формирование необходимого уровня иноязычной коммуникативной компетенции, что называется с нуля, наиболее предпочтительным является использование речевых ситуаций, которые необходимы для совершенствования речи.

Формы игр чрезвычайно разнообразны. Это и приспособленные к учебным задачам настольные игры, такие, как лото или домино, шарады, игры, когда учащийся воображает себя водителем автобуса или пассажиром, гидом или туристом, родителем или ребенком, и мы присутствуем при импровизированном спектакле. Это и игра по заранее установленным правилам (прятки, фанты и т. д.), где между играющими происходит в том или ином виде соревнование. «Игры могут быть и специфически лингвистическими, грамматическими, лексическими, фонетическими и орфографическими. Это так называемые «подготовительные игры», способствующие формированию речевых навыков» [5, с. 39]. Такие игры могут сделать скучную работу, требующую многократного повторения одних и тех же структур, более интересной и увлекательной. С помощью игры можно развивать наблюдательность при описании предметов и явлений, активизировать внимание, развивать навыки воспроизведения услышанного и многое другое [3, с. 120].

Педагоги, постоянно использующие игру на своих уроках, знают, что с ее помощью можно решить многие психолого-педагогические проблемы группы, помочь ее участникам преодолеть трудности и барьеры, выработать адекватные формы поведения. Игра способствует выявлению творческих способностей, развитию личностного творческого потенциала, поднимает самооценку, развивает умение принимать самостоятельные решения. Например, при изучении грамматической темы «условные предложения» можно использовать игровое упражнение, которое во многих методических пособиях называется “chain” (цепочка). Это упражнение можно применять в двух вариантах:

1. Каждый студент придумывает свое предложение, взяв придаточное предложение из предыдущего примера, как главное в своем. Один из учащихся начинает: *If I work hard, I'll pass my exam successfully.* Другой продолжает: *If I pass my exam successfully, my parents will be very glad.* Следующий: *If my parents are*

glad, they will ... и т. д. При использовании этого упражнения нужно, во-первых, поощрять выдумку, что собственно превращает это упражнение в своеобразную игру (особенно, если поощрять каким-то образом самое оригинальное или самое веселое предложение) и, во-вторых, исключить заранее определенную очередность ответов (учитель сам может выбрать следующего отвечающего). Можно слегка усложнить задачу, поставив условие замкнуть «цепочку» в конце, то есть последний отвечающий должен в качестве главного предложения использовать придаточное (условное) предложение, произнесенное первым учащимся.

2. Другим вариантом этого же упражнения можно предложить соревнование между двумя или более группами учащихся, например, какая группа придумает самую забавную «цепочку».

При закреплении лексики темы, в качестве лексической зарядки, можно использовать упражнение, которое называется «снежный ком». Это упражнение тоже можно варьировать от элементарного, когда задачей обучающихся является просто повторить предыдущее слово и добавить свое, при каждом новом ответе добавляя к нему еще одно слово, до довольно сложного – создать усилиями группы мини-рассказ с использованием лексики по теме (когда задачей каждого учащегося является не только выбрать лексику заданной тематики, но и проследить и сохранить логику предыдущих высказываний [5, с. 40].

Игры принято делить на языковые, коммуникативные, ролевые и деловые. К языковым играм относятся кроссворды, игры с кубиками, карточками, лабиринты и др. Отличительными особенностями этих игр являются: статичность, подсказанность, проведение в форме соревнования, однозначность или ограниченность решений, имитативно-репродуктивная деятельность. Языковые игры предназначены для начального этапа и представляют собой разновидность упражнений в парной или групповой работе с целью закрепления и активизации языкового материала, а также обучения несложным высказываниям.

Коммуникативные игры обучают общению в форме репродуктивно-продуктивных упражнений. Они ситуативно обусловлены и связаны с реализацией одного-двух речевых намерений. Наличие ролей в этих играх необязательно.

Ролевая игра предполагает наличие трех этапов: подготовительного, проведение игры и контроля. Подготовительный этап включает предварительную работу преподавателя и учащихся. Подготовка учителя предусматривает:

- а) выбор темы и формулирование проблемы;
- б) отбор и повторение необходимых языковых средств;
- в) уточнение параметров ситуации: время, место, количество участников, степень официальности; статусно-ролевые характеристики партнеров; личностные характеристики персонажей; речевые намерения: запрос информации, выражение согласия / несогласия, аргументация собственного мнения и т. д.;
- г) подготовку атрибутов игры: наглядные пособия, карточки (со списком формул или вопросов,

фрагменты фильмов, образцы писем зарубежных школьников и т. д.);

д) уточнение цели игры и планируемого конечного результата.

Подготовка учащихся заключается в следующем: поиск дополнительных данных по теме или изучение раздаточного материала; повторение речевых формул и лексики по теме. Подготовка к игре может длиться от нескольких минут до нескольких дней.

На данном этапе целесообразно проделать ряд речевых упражнений, необходимых для последующего ролевого общения. Например: угадывание города / предмета по описанию; отгадывание задуманного классом имени ученого / артиста / художника с помощью вопросов. Работа проводится в парах, а затем диалог проигрывается перед классом; предлагается диалог по разрезанным диалогическим единствам (игра в парах или небольших группах); дается описание картин, слайдов, озвучивание диафильмов.

Деловая игра – это эффективный прием обучения иностранному языку, главная цель которого состоит в формировании комплекса знаний и умений для выработки стратегии и тактики профессионального общения.

Характерными признаками деловой игры являются:

а) имитационное моделирование, позволяющее воссоздать реальную обстановку, в которой учащиеся предстают как носители конкретных социальных и профессиональных ролей;

б) наличие ситуаций и типов делового взаимодействия, которое содержится обычно в сценарии игры и в ролевых заданиях, позволяющих совмещать обучение иностранному языку с профессиональной деятельностью;

в) реализация целей игры в цепочке взаимосвязанных решений;

г) проблемный характер ситуаций и их повторяемость;

д) многоальтернативность решений.

Главное преимущество любой деловой игры заключается в том, что в ней воспроизводятся в учеб-

ных целях реально существующие ситуации. Материал усваивается в профессионально значимом контексте, при этом язык выступает как «инструмент профессионального общения», но служит решению мыслительной задачи. На этапе проведения игры преподаватель выступает в роли режиссера, который, по возможности, незаметно для учащихся управляет ходом игры, не беря на себя активной роли. Он должен оставаться активным наблюдателем, может что-то рекомендовать, но не навязывать своего решения. Этап контроля и анализа игры может следовать сразу же после ее завершения или проводиться на последующих уроках, что зависит от сложности игры. Психологически более подходящей работой является обмен мнениями об успешности проведенной игры, о трудностях и наиболее удачных моментах.

В то же время важно заметить, что урок не может состоять из одних игр. При всей привлекательности игры как формы обучения место и время ее проведения на уроке зависит от многих факторов: подготовки учащихся, сложности изучаемого материала, конкретных целей и условий урока и даже настроения каждой конкретной группы учеников на каждом конкретном уроке.

Задача педагога состоит в том, чтобы найти максимум педагогических ситуаций, в которых может быть реализовано стремление учащегося к активной познавательной деятельности. Игра помогает общению, она может способствовать получению новых знаний, правильной оценке поступков, развитию навыков человека, его восприятия, памяти, мышления, воображения, эмоций, таких черт, как коллективизм, активность, дисциплинированность, наблюдательность, внимательность. Игра, являясь простым и близким человеку способом познания окружающей действительности, должна быть наиболее естественным доступным путем к овладению теми или иными знаниями, умениями, навыками. Она является, конечно же, не единственным, но одним из самых главных помощников преподавателя, призванным пробудить у обучающихся интерес к изучаемому материалу и удержать этот интерес в процессе всего изучения.

Литература

1. Крюкова, Е. А. Личностно-развивающие образовательные технологии: монография / Е. А. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 1999. – 196 с.
2. Леванова, Е. А. Игра в тренинге / Е. А. Леванова. Возможности игрового взаимодействия. – СПб.: Питер, 2006. – 240 с.
3. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие / Е. А. Маслыко [и др.]. – Минск: Вышэйша школа, 2001. – 310 с.
4. Немов, Р. С. Психология / Р. С. Немов. – М.: Высшее образование, 2007. – С. 123 – 128.
5. Петричук, И. И. Еще раз об игре / И. И. Петричук // Иностранные языки в школе. – М., 2008. – № 2. – С. 39 – 40.

Информация об авторе:

Полесюк Раиса Самойловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии № 1 КемГУ, 8(3842)58-51-45.

Polesyuk Raisa Samoylovna – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of English Philology № 1 of KemSU.

УДК 81'243

ПРОЕКТНАЯ МЕТОДИКА В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

М. Л. Ростова

PROJECT METHODOLOGY IN TEACHING ENGLISH AT A PEDAGOGICAL INSTITUTE

M. L. Rostova

В статье рассматриваются основные положения проектной методики, возможности её использования на занятиях по английскому языку в педагогическом институте, в частности, как одного из средств формирования кросс-культурной компетенции.

The article discusses the main principles of project methodology and the possibility of its use at English lessons at a pedagogical institute, in particular as a means of forming cross-cultural competence.

Ключевые слова: проектная методика, профессиональная подготовка, компетентностный подход, активные методы обучения, кросс-культурная компетенция.

Keywords: project methodology, vocational training, competence-based approach, active learning methods, cross-cultural competence.

В связи с интеграцией российской системы образования в мировую образовательную систему и участием России в Болонской конвенции перед образованием встает задача поиска и внедрения новых подходов к обучению различным дисциплинам, которые призваны наиболее полно отвечать насущным потребностям как реформируемого российского общества, так и каждого индивида.

Современную парадигму российского образования отличает ряд общих постулатов, а именно: от послушания к инициативности; от знаний к компетенциям; от образования на всю жизнь к образованию через всю жизнь [6].

Следовательно, как отмечает Н. Ф. Коряковцева, выдвигаются и новые требования к уровню профессиональной компетенции учителя иностранного языка (а мы работаем именно с будущими учителями иностранного языка), к его профессиональным и личностным качествам. Эти требования включают: способность самостоятельно и критически мыслить; открытость педагогическим инновациям; способность адаптировать свои знания и умения к условиям вариативности образования (т. е. к постоянно меняющимся условиям социальной и профессиональной среды); умение решать новые проблемы и брать на себя профессиональную ответственность; способность к автономии и социальной активности; способность к профессиональной рефлексии, исследовательской и творческой деятельности; способность к профессиональному самообразованию и саморазвитию [4].

В свете этих требований все большую значимость приобретает обучение на основе компетентностного подхода. Такой подход нацелен на формирование компетентностей, которые связывают воедино приобретение теоретических знаний и практическое их использование при решении конкретных задач и проблемных ситуаций. При этом компетентностный подход выдвигает на первое место не информированность студента, а умения решать проблемы, возникающие в реальных жизненных ситуациях (Н. В. Баграмова, В. А. Болотов, Т. В. Громыко, В. В. Сериков, А. В. Хуторской, Д. Б. Эльконин и др.).

Этого, в свою очередь, невозможно достичь без качественных изменений в системе подготовки специалистов и переориентации её в направлении от традиционных объяснительно-иллюстративных и репродуктивных к творческо-поисковым активным методам, позволяющим развить познавательные, творческие, профессиональные способности выпускников вузов.

Под активными методами обучения подразумевают такие, которые побуждают учащихся к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом, помогают уходить от сложившихся стереотипов, искать самостоятельные, оригинальные варианты ответов и пути решения учебных задач; вносят элементы имитационного моделирования, поиска, сравнения различных факторов, позиций, выводов с тем, чтобы яснее выбрать свою точку зрения, отработать индивидуальный стиль деятельности и диалогического общения.

Одним из широко используемых в практике обучения иностранным языкам активных методов является метод проектов (или проектная методика).

Анализ методической литературы показал рост внимания научной общественности к использованию проектного обучения в преподавании иностранных языков (И. А. Зимняя, Г. Л. Ильина, В. В. Копылова, С. П. Микитченко, О. М. Моисеева, Г. М. Нуриаметов, Е. С. Полат, Е. Д. Пахмутова, Т. Е. Сахарова, Я. К. Тараскина, В. В. Черных и др.).

В современной дидактике проектное обучение рассматривается как основа авторизованного образования (Н. Н. Халаджан), контекстного обучения (А. А. Вербицкий), эвристики (В. Г. Табачковский, А. В. Хуторской). Отечественные исследователи В. В. Гузеев, М. В. Кларин, Д. Г. Левитес, Е. С. Полат, И. Д. Чечель рассматривают проектное обучение как целостную технологию обучения, способствующую овладению учащимися методологическими знаниями, умениями и навыками самообразования; как средство развития способностей учащихся, исследовательских умений, социальных навыков и т. д.

Однако описание процесса реализации проектной методики в высшей школе носит обобщенный харак-

тер. В частности, не проводились специальные исследования, посвященные рассмотрению вопроса о влиянии проектной методики на комплексное формирование кросс-культурной компетенции будущих учителей английского языка. На данный момент не существует типологии проектов, учитывающей специфику вузовского, профессионального образования, а также не разработана технология формирования кросс-культурной компетенции с помощью различных типов проекта.

Все вышесказанное и обуславливает актуальность нашего исследования.

Формирование кросс-культурной компетенции – это сложный многогранный процесс. Педагогическим условиям в данном процессе принадлежит важная роль. Под педагогическими условиями формирования кросс-культурной компетенции мы понимаем совокупность мер, направленных на моделирование и эффективное функционирование процесса формирования определенного уровня кросс-культурной компетенции.

Мы полагаем, что совокупность мер должна представлять собой комплекс, поскольку случайные условия не способствуют эффективному решению этой задачи.

Эффективность процесса формирования кросс-культурной компетенции у студентов на занятиях по английскому языку определяется комплексом условий:

- а) процесс обучения моделируется в контексте диалога культур;
- б) используется личностно-ориентированный и компетентностный подходы;
- в) используется метод проектов как один из способов их реализации.

В данной статье мы бы хотели остановиться подробнее на сущностной характеристике проектной методики и возможностях её использования на занятиях по английскому языку.

Метод проектов не является принципиально новым в мировой педагогике. Он возник в 1920-е годы прошлого столетия в США и успешно развивался благодаря педагогическим идеям американского педагога и психолога Дж. Дьюи, а также его учеников и последователей В. Х. Килпатрика, Э. У. Коллинса. Ключевой идеей философско-педагогической концепции Дж. Дьюи являлось утверждение о том, что формирование мышления школьника, выступающее главным результатом обучения, должно основываться на его личном опыте. Проектное обучение было направлено на то, чтобы найти способы, пути развития активного самостоятельного мышления ребенка, чтобы научить его не только запоминать и воспроизводить знания, которые дает школа, но и уметь их применять на практике. Общий принцип, таким образом, на котором базировался метод проектов, заключался в установлении непосредственной связи учебного материала с жизненным опытом учащихся, в их активной познавательной и творческой совместной деятельности в практических заданиях (проектах) при решении одной общей проблемы.

В России идеи проектного обучения возникли практически параллельно с разработками американ-

ских педагогов. Под руководством С. Т. Шацкого была организована небольшая группа сотрудников, пытавшаяся активно использовать проектные методы в практике преподавания.

Позднее, уже при советской власти, эти идеи стали довольно широко, но недостаточно продуманно и последовательно, внедряться в школу, и постановлением ЦК ВКП(б) в 1932 году метод проектов был осужден. До середины 1990-х годов в России не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток возродить этот метод в школьной практике.

Основной тезис современного понимания проектной методики сводится к следующему: «Всё, что я познаю, я знаю, для чего это мне надо и где и как я могу эти знания применить». Эта концептуальная идея и в настоящее время привлекает многие образовательные системы, стремящиеся найти разумный баланс между академическими знаниями и прагматическими умениями.

Следует отметить, что до сих пор так и не разработан подход к определению понятия «метод проектов». В частности, проектная методика рассматривается как направление в методике преподавания иностранного языка и соответственно предлагается называть данное направление проектным обучением (О. М. Моисеева). Некоторые исследователи трактуют проектную методику как метод обучения (Н. Д. Гальскова). Использование термина «проектная технология» некоторые авторы аргументируют следующим образом: понятие «технология» является категорией процессуальной, так как связано непосредственно с процессом осуществления обучения (В. Гузеев, Ю. Л. Хотунцев). В ряде работ находим определение проекта, которое трактуется как самостоятельно планируемая и реализуемая обучающимися работа, в которой речевое общение вплетено в интеллектуально-эмоциональный контекст другой деятельности (И. А. Зимняя, Т. Е. Сахарова). Также проект определяется как совместная творческая, учебно-познавательная деятельность педагога и учащихся, имеющая общую цель, согласованные методы, способы деятельности и направленная на достижение общего результата деятельности (М. Ю. Бухаркина).

Известный исследователь в области современных технологий обучения учащихся Е. С. Полат определяет метод проектов как «определенным образом организованную поисковую, исследовательскую деятельность учащихся, индивидуальную или групповую, которая предусматривает не просто достижение того или иного результата, оформленного в виде конкретного практического выхода, но организацию процесса достижения этого результата» [5, с. 82].

В нашем исследовании мы будем придерживаться мнения В. В. Копыловой, которая определяет метод проектов как «целенаправленную, в целом самостоятельную деятельность обучающихся, осуществляемую под гибким руководством преподавателя, ориентированную на решение исследовательской или социально значимой прагматической проблемы и на получение конкретного результата в виде материального и/или идеального продукта» [3, с. 50].

По мнению Е. С. Полат, метод проектов при наличии определенных условий может быть использо-

ван на любом этапе обучения, если он соответствует следующим требованиям:

1. Наличие значимой в исследовательском либо творческом плане проблемы или задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для её решения.
2. Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов.
3. Самостоятельная деятельность учащихся: индивидуально, в паре, в группе на уроке и вне его.
4. Структурирование содержательной части проекта, с указанием поэтапных результатов и распределением ролей.
5. Использование исследовательских методов: определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования, выдвижение гипотезы решения, обсуждение методов исследования, оформление конечных результатов, анализ полученных данных, подведение итогов, корректировка, выводы [5, с. 50].

В трудах автора дается наиболее проработанная типология проектов в соответствии с их признаками:

1. Доминирующий в проекте метод: исследовательский, творческий, ролево-игровой, ознакомительно-ориентировочный.
2. Предметно-содержательная область: монопроект (в рамках одной области знаний) или межпредметный проект.
3. Характер координации проекта: непосредственный (жесткий, гибкий), скрытый (неявный, имитирующий участника проекта).
4. Характер контактов (среди участников одной школы, класса, города, региона, страны, разных стран мира).
5. Количество участников проекта.
6. Продолжительность проекта (краткосрочный, долгосрочный).

Заметим, что на практике чаще всего приходится иметь дело со смешанными типами проектов.

При выполнении любого проекта деятельность преподавателя и учащихся подчинена определенной логике, которая реализуется в последовательности определенных этапов и стадий. Что касается структурирования проекта, то при обучении иностранным языкам сохраняются общие подходы, разработанные в дидактике:

1. Целеполагание (определение темы, проблемы, гипотез, целей проекта).
2. Планирование (определение методов исследования, источников информации, критериев оценки).
3. Исследование (сбор информации, решение промежуточных задач).
4. Презентация (защита и оппонирование) и оценка результатов (качественная оценка проделанной работы).

В нашей практической деятельности мы достаточно часто используем метод проектов, стараясь учитывать все вышеуказанные теоретические положения.

Основная идея использования метода проектов при обучении иностранному языку заключается в том, чтобы перенести акцент с различного вида упражнений на активную мыслительную деятельность учащихся, требующую для своего оформления владения

определенными языковыми средствами. Поэтому на практических занятиях по английскому языку на старших курсах языкового факультета в ходе изучения определенной темы мы планируем презентацию и защиту проектов. Предлагаемые нами темы проектов предполагают, на наш взгляд, не только решение социально и личностно значимых проблем, что, в свою очередь, вызывает интерес учащихся к их решению, но и способствуют формированию кросс-культурной компетенции.

Кросс-культурная компетенция складывается из знаний культурных особенностей и норм поведения, характерных не только для своей страны, но и для страны изучаемого языка, предполагающих умение их сопоставить; из навыков безошибочного выбора правильной линии поведения с учетом особенностей менталитета носителей языка (в нашем случае английского). Следовательно, темы / проблемы проектов подбираются таким образом, чтобы в ходе их выполнения учащиеся провели сравнение, сопоставление различных явлений, выявили сходства и различия.

Выполнение подобных проектов мы предлагаем студентам старших курсов, которые уже имеют навыки проведения научного исследования. Кроме этого, особенностью применения проектной методики в высшем учебном заведении является то, что она позволяет в большей степени исходить из интересов студентов, их потребностей, и поэтому темы будущих проектов формулируются самими обучающимися. Таким образом, на первый план выходят содержательные аспекты обучения предмету, а не языковые. Более того, ориентация на сферы интересов студентов будет влиять на их мотивационную сферу.

Работа над каждым проектом, как уже отмечалось ранее, осуществляется в несколько этапов: подготовительный (целеполагание и планирование), основной (исследование), презентация и оценивание. На первом, подготовительном этапе, помимо выбора темы, в ходе обсуждения студенты достаточно корректно формулируют цель, задачи, содержание и характер проекта.

На основном этапе студенты непосредственно занимаются выполнением проекта. Сначала они анализируют литературу по теме проекта, собирая нужную информацию. Далее идет практическое исследование. Для этого проводятся различные опросы, анкетирование. При этом студенты выходят на различные форумы и общаются с представителями англоязычных стран или же обращаются за ответами к своим друзьям и знакомым, которые у них остались в США после посещения страны по программе «Work and Travel». А это, в свою очередь, создает условия для использования изучаемого языка в ситуациях реального межкультурного общения, при этом обучающиеся могут на практике проверить степень сформированности коммуникативных умений. Следует отметить гораздо большую, по сравнению со школьниками, самостоятельность студентов при выполнении исследования, и это, на наш взгляд, еще одна отличительная черта использования метода проектов в вузе. Немаловажным является и тот факт, что обучающиеся работают в различных режимах, в парах, в группах. Каждый в равной мере несёт ответственность за выполнение

проекта и должен представлять результаты своей работы.

Студенты с большой заинтересованностью подошли к выполнению следующих проектов: «Ценности американского образа жизни глазами россиян», «Помогает (или мешает) язык жестов понять друг друга представителям различных культур?», «Американцы, англичане и русские шутят и смеются по-разному и над разным?», «Стереотипные представления об американцах (англичанах) у студентов (школьников) малого сибирского города», «Стереотипные представления о россиянах у американской молодежи», «“Home” и “House” и подобные им: почему они сбивают с толку русскоязычного человека?», «Международные браки в контексте различия и сходства культур», «Приветствие и прощание в англоязычной и русской культурах», «Реклама как отражение сходства и различия культур» и другие.

Полученные результаты вызвали неподдельный интерес во время презентации проекта. В группе возникло много вопросов, что позволило провести дис-

куссию после защиты проекта и дать качественную оценку проделанной работе.

Таким образом, можно констатировать, что полученные в ходе такого построения учебного процесса знания, умения, навыки сохраняются прочнее, чем те, что получены в ходе обычной аудиторной работы, так как выполнение проекта соответствует реальным интересам и возможностям обучающихся, их потребностям, а с другой – является личностно-значимым для них и создает условия для проявления творческой активности и самостоятельности. Как известно, опыт самостоятельного применения знаний составляет неотъемлемую часть любой компетенции. А выбранная тематика проектов нацелена, в частности, на формирование кросс-культурной компетенции.

Более того, метод проектов активизирует индивидуальные особенности учащихся, черты характера: целеустремленность, настойчивость, любознательность, трудолюбие, толерантность, коммуникабельность; между преподавателем и студентом создаются особые доверительные, партнерские отношения.

Литература

1. Гридасова, О. И. Развитие проектной деятельности студентов (на материале изучения немецкого языка): автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. И. Гридасова. – Курск, 2004.
2. Голикова, Л. В. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыкового вуза на основе проектной технологии обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л. В. Голикова. – СПб., 2005.
3. Копылова, В. В. Методика проектной работы на уроках английского языка: методическое пособие / В. В. Копылова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2006. – 93 с.
4. Коряковцева, Н. Ф. Продуктивное языковое образование и новая роль учителя иностранного языка / Н. Ф. Коряковцева // Многоязычие и поликультурность в современном мире и школе: материалы научно-практической конференции. – М., 2007.
5. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / под. ред. Е. С. Полат. – М.: Академия, 1999.
6. Соловова, Е. Н. Новые тенденции в развитии глобальных реформ и подготовка учителя иностранного языка / Е. Н. Соловова // Сборник статей МПГУ, МДО. – М., 2005.
7. Тараскина, Я. В. Проектная методика как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов языкового вуза (немецкий язык, II курс): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Я. В. Тараскина. – Улан-Удэ, 2003.

Информация об авторе:

Ростова Марина Леонидовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, 89048912211, rostovaml@rambler.ru.

Rostova Marina Leonidovna – senior lecturer at the Department of Foreign Languages of Lesosibirsk Pedagogical Institute – branch of Siberian Federal University.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В СВЯЗИ С УСПЕШНОСТЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

М. В. Теплинских

PROFESSIONAL SELF-AWARENESS IN CONNECTION WITH SUCCESS OF SOCIAL WORKERS' PROFESSIONAL ACTIVITY

M. V. Teplinskih

В статье раскрывается представление о понимании и современном состоянии изученности феноменов «профессионального самосознания» и «успешности» в психологической науке. Дается социально-психологическое описание профессии социального работника. Рассматривается проблема связи профессионального самосознания и успешности деятельности социальных работников, анализируются структурно-содержательные характеристики данных феноменов. Раскрываются механизмы взаимосвязи профессионального самосознания с успешностью деятельности социальных работников.

The paper deals with phenomenon of «professional self-awareness» and «success» in psychological science. The definitions and contemporary theories of the categories under consideration are presented in the paper. The author provides socio-psychological analysis of the substance of social professional activity and emphasizes the problem of relationship between professional identity and success of specialists in the social sphere. Structural and content characteristics of the given phenomena are analysed in the article. Mechanisms of the interaction of professional self-awareness and success of social workers are also analyzed by the author.

Ключевые слова: самосознание, профессиональное самосознание, успешность, социальная работа, профессиональная деятельность, социальный работник.

Keywords: self-awareness, professional self-awareness, success, social work, professional activity, specialist in the social sphere.

Современные процессы модификации социальных институтов и глобальные социально-экономические тенденции в еще большей мере обозначили необходимость профессии социального работника в обществе. Ухудшение положения в социальной сфере влечет за собой рост числа людей, нуждающихся в социальной поддержке и помощи, что требует повышенного внимания и ужесточает требования, предъявляемые к профессиональным и к личностным качествам данных специалистов, в значительной степени затрагивая их внутренние психологические ресурсы профессиональной деятельности. В помогающей деятельности больше, чем в любой другой, успешность профессиональной деятельности зависит от наличия и степени сформированности профессионального самосознания специалиста.

В целом анализ зарубежных и отечественных теорий данного феномена в психологической науке, социологии, теории социальной работы и педагогике показал, что проблема профессионального самосознания является междисциплинарной, занимает одно из центральных мест в изучении психологии труда (Л. М. Митина, 1994; Л. Г. Почебут, В. А. Чикер, 1997; В. И. Слободчиков, 1994; В. А. Татенко, 1996; Ю. М. Федоров, 1997; В. Д. Шадриков, 1999 и др.). В исследованиях профессионального самосознания встречаются различные подходы к проблеме (Е. Ф. Зеер, Е. А. Климов, Е. М. Иванова, Н. С. Пряжников,

С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, Ю. К. Стрелков и др.), рассматриваются внутренняя структура и особенности его проявления (К. А. Абульханова-Славская, Ю. А. Борисов, А. А. Деркач, Е. А. Климов, Е. М. Иванова, О. С. Советова, Е. И. Холостова и др.). В последнее время исследования профессионального самосознания концентрируются в основном вокруг изучения его отдельных компонентов и функций в некоторых профессиях. При этом основная часть исследований проведена на представителях рабочих, управленческих и педагогических специальностей (К. А. Абульханова-Славская, Е. М. Иванова, Е. А. Климов, В. В. Столин, С. Л. Рубинштейн, И. И. Чеснокова и др.). В то время, когда в России в качестве приоритетов государственного развития сформулирована идея о построении социально-ориентированного государства, важнейшие характеристики социального работника как субъекта труда описаны фрагментарно, вне единого методологического пространства, что обусловлено отсутствием накопления современных данных об указанной профессии. Названное противоречие влечет за собой неполноценное знание и в целом о закономерностях проявления профессионального самосознания. Остаются открытыми для психологии труда и фундаментальные вопросы определения самого феномена профессионального самосознания в связи со спецификой различных видов профессиональной деятельности. С точки зрения

психологии труда, современное состояние представлений о феномене «профессионального самосознания» обуславливает потребность дальнейшего изучения его структурных компонентов, определения его содержательных характеристик и прежде всего выявление особенностей его взаимосвязи с успешностью профессиональной деятельности.

Как отмечено в теоретических и практических исследованиях, посвященных проблемам психологии труда, успешная самореализация субъектов профессиональной деятельности во многом связана с качественными характеристиками профессионального самосознания субъектов деятельности как ведущего интегративного основания в процессе формирования субъекта данной профессиональной деятельности и в основных этапах ее освоения (Е. А. Климов, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Е. Г. Студенова, М. В. Фирсов, Е. М. Холостова и др.). В связи с этим для теории и практики становится актуальной проблема исследования структурных, уровневых и содержательных характеристик профессионального самосознания и выявления его взаимосвязи с психологическими предпосылками успешности профессиональной деятельности социальных работников как категории помогающих профессий.

Теоретические основания исследования структурных, уровневых и содержательных характеристик профессионального самосознания социальных работников показали, что в психологической литературе дается в основном обзор исторических и современных концепций профессионального самосознания субъектов деятельности в психологии труда, рассмотрено соотношение понятий «самосознание» и «профессиональное самосознание». Выявлено, что профессиональное самосознание рассматривается сквозь призму сущностного, структурного и функционального понимания самосознания в целом [1, с. 4 – 6; 7, с. 88; 10]. Сформированное профессиональное самосознание является важным психическим образованием, позволяющем осознать человеку себя и свое «Я» в социально-профессиональном пространстве, звеном в регулировании как текущей деятельности, так и профессионального и личностного развития субъекта профессиональной деятельности в целом.

Профессиональное самосознание в психологии труда рассматривается в контексте внутренней субъективной активности в трудовой и профессиональной деятельности как структурный компонент самосознания человека труда в целом, в том числе в профессиональной деятельности социальных работников.

Авторы подчеркивают, что анализ исследуемого феномена профессионального самосознания необходимо проводить сквозь призму исследований проекции активности человека в его самосознании, то есть опираясь на методологические основы изучения профессионального самосознания субъекта труда [1; 4; 5; 6; 7; 10]. И в данном контексте, для раскрытия психологического содержания изучаемой проблемы сущности, структуры и характеристик самосознания, наиболее перспективным является подход С. Л. Рубинштейна, согласно которому самосознание понимается как «высший вид сознания» и определяется им как «... отношение к себе и себя в своих отношениях с

окружающими через отношение человека к труду...» [10, с. 342].

Рассмотрев и обобщив разные подходы к пониманию профессионального самосознания, можно вывести обобщенное его понимание: профессиональное самосознание – сложное психологическое образование, формирующееся под воздействием профессиональной среды и активного участия субъекта в профессиональной деятельности, которое определяется через профессиональные оценки, отношения, качества, цели, прогнозы (А. А. Деркач, Е. Г. Ефремова, Е. И. Иванова, Е. А. Климов, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, А. Р. Фонарев). Данное определение обуславливает выделение структурно-содержательных характеристик профессионального самосознания. В целом в качестве основных структур различные авторы выделяют следующие компоненты профессионального самосознания:

- профессиональная самооценка и оценка других, система отношений и установок к себе и другим профессионалам (самооценка, самоотношение, самопринятие, самоуважение, отношение к другим, отношение других и т. д.) (А. А. Деркач, Е. Г. Ефремова, В. Г. Катышев, Е. М. Иванова, А. К. Маркова, И. И. Чеснокова и др.);
- ценностно-смысловая и мотивационная направленность в профессии (профессиональные ценности, ценностные и смысложизненные ориентации, цели в жизни) (Л. Н. Антилогова, Ю. А. Борисов, И. А. Кузнецов, В. В. Столин и др.);
- профессиональная саморефлексивность (самопонимание себя как профессионала, профессиональные потребности и мотивы в познании, представления о природе и человеке, синергия, креативность) (Е. Ю. Артемьева, А. А. Бодалев, В. П. Зинченко, Е. А. Климов, Н. В. Самоукина и др.);
- эмоциональные переживания в профессии (сила собственного «Я», самоуверенность, сензитивность к себе, спонтанность, самоинтерес, удовлетворенность, эмоциональная насыщенность жизни, активность «Я»; принятие агрессии) (А. А. Бодалев, М. И. Лисина, А. К. Маркова, Н. В. Кузьмина, И. И. Чеснокова и др.);
- волевая рефлексия в деятельности (выдержка, самообладание, ответственность, самоконтроль) (Ю. А. Борисов, А. Г. Васюк, С. Р. Пантелеев и др.);
- профессиональное поведение и социальная активность (типы поведения, поведенческая гибкость, коммуникативные и организаторские склонности, контактность) (М. И. Лисина, Г. С. Прыгин, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.);
- профессиональная рефлексия (компетентность, образ Я-профессионала, профессиональная зрелость) (Е. А. Климов, А. Г. Портнова, А. Р. Фонарев, Е. Л. Холодцева и др.).

Исходя из базового понимания самосознания С. Л. Рубинштейном и вышеизложенных взглядов авторов психологии труда, возможно провести следующее сопоставление (таблица 1).

Причем каждая характеристика (таблица 1) представляет собой определенное сочетание осознания основных психологических регуляторов труда (по

Е. А. Климову), т. е. комбинацию образов объекта и субъекта труда, а также образа субъект-субъектных отношений. Фундаментальным условием формирования профессионального самосознания является осоз-

нание необходимости изменения, преобразования своего внутреннего мира и поиск новых возможностей самоосуществления в труде, т. е. повышение уровня успешности своей деятельности.

Таблица 1

**Соотношение структурных компонентов
самосознания и профессионального самосознания**

Компоненты самосознания	Компоненты профессионального самосознания
Эмоционально-оценочный	– профессиональная самооценка, самоотношение и оценка других; – профессиональная саморефлексивность; – эмоциональные переживания в профессии;
Когнитивный	– профессиональная рефлексия; – ценностно-смысловая и мотивационная направленность в профессии;
Поведенческий	– профессиональное поведение и социальная активность; – волевая рефлексия в деятельности.

Опираясь на базовое определение профессионального самосознания и выделенных его структурных компонентов, мы провели анализ научно-практических исследований профессионального самосознания специалистов разных сфер деятельности в отечественной психологии, который показал многообразие затронутых авторами аспектов данной проблемы исследования. Данный анализ позволил нам выделить следующие направления исследования: представителями рассматриваются социальные и социокультурные аспекты формирования профессионального самосознания (культурные, социальные и этнические ценности и условия) (Т. Н. Никитина, О. Б. Бекасов и др.); авторами изучаются отдельные аспекты отражения и восприятия социальной действительности сквозь призму профессии (М. М. Абдуллаева, Е. Ю. Артемьева, Ю. Г. Вяткин, В. А. Кан-Калик, О. Т. Кукосяна, Ю. Н. Кулюткина, М. И. Мельникова и др.); проведены исследования образа профессионала в обыденном сознании и самосознании (А. А. Бодалев, Ю. А. Борисов, М. И. Жукова, И. А. Кудрявцев, Г. Райнаи и др.); исследователи занимались определением особенностей самоотношения (А. А. Бодалев, А. Г. Васюк, С. Р. Пантелеев и др.); профессиональное самосознание описывается как сложный личностный механизм (Е. А. Климов, В. Н. Козиев, Н. В. Кузьмина, К. М. Левитан, Л. М. Митина и др.).

Различные концептуальные подходы к исследованию профессионального самосознания отражены в работах Е. А. Климова, А. К. Марковой, А. В. Поддубной, П. А. Шавира и др.

Также в рамках психологии профессий наблюдается изучение профессионального самосознания представителей отдельных профессиональных групп: государственных служащих (Т. Л. Григорьева, С. Ф. Мурашко, Ю. П. Поваренков, Л. Е. Сикорская, С. В. Тарасенко и др.), врачей, хирургов и студентов-медиков (Г. В. Карпеня, Т. Л. Миронова), политологов (О. Б. Бекасов), учителей и педагогов (К. В. Бакланов, З. В. Ермакова, А. К. Маркова, Л. М. Митина, О. В. Москаленко и др.), психологов и психоконсультантов (Е. Р. Калитевская, Л. Г. Матвеева, О. А. Ми-

тина, Е. Ю. Пряжникова, Т. В. Тараскина и др.), курсантов и военнослужащих (О. Ю. Демченко, С. А. Иванов, В. А. Фролов) и др. Значительная часть из них посвящена профессиональному самосознанию самоопределяющегося в будущей трудовой деятельности субъекта (Т. М. Буякас, Э. Ф. Зеер, Е. А. Климов, Т. К. Поддубная, Н. С. Пряжников и др.). В результате этих исследований установлено, что профессиональное самосознание является важнейшим регулятором как текущей профессиональной деятельности, так и процесса профессионального самоопределения субъекта труда в целом.

Однако следует заметить, что исследований, посвященных изучению профессионального самосознания в профессии социального работника явно недостаточно. В то же время исследователи отмечают, что система уровневых и содержательных характеристик профессионального самосознания является фактором становления субъекта деятельности в своей профессии (А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Е. А. Климов, А. К. Маркова, С. Р. Пантелеев и др.). Профессионализация как форма становления субъекта деятельности, в свою очередь, влияет на уровни профессионального самосознания и формирует психологический портрет человека не только как субъекта деятельности, но и как личности и индивидуальности, т. е. проявляется на всех уровнях.

Теоретические исследования показывают, что профессиональное самосознание влияет не только на формирование вполне определенных личностных особенностей профессионала, на его восприятие и понимание мира и самого себя, но и на успешность всей деятельности профессионала. Таким образом, проведенный анализ научно-практических исследований содержательных характеристик профессионального самосознания специалистов разных сфер деятельности показывает, что: каждый вид трудовой деятельности отражает особенности содержательных характеристик профессионального самосознания в соответствии со спецификой объекта и содержания труда данных субъектов; характеристики профессионального самосознания отличаются у успешных и неуспешных представителей разных профессий; содержательные

характеристики профессионального самосознания отличаются у субъектов труда, находящихся на разных стадиях профессионализации; несмотря на специфику профессионального самосознания у субъектов разных профессиональных деятельностей можно выделить базовые универсальные характеристики, которые представлены в работах (В. А. Дадыкин, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Т. Л. Миронова, М. Л. Поштом и др.). К ним авторы относят: эмоционально-оценочный, когнитивный и поведенческий компоненты.

Профессия социального работника предъявляет особые требования к специалистам-профессионалам. Как подчеркивается в теоретических и прикладных исследованиях, процесс трудовой деятельности социальных работников проходит в особых условиях, связанных с высокими нравственными, деонтологическими требованиями к профессии (Н. Ф. Басов, Е. И. Холостова и др.). Анализ трудовой деятельности социальных работников следует рассматривать через анализ субъект-объектных и субъект-субъектных взаимосвязей [4; 14; 16]. Психологический анализ профессиональной деятельности социальных работников свидетельствует об эмоционально, коммуникативно и организационно нагруженном процессе труда, с необходимостью взаимодействия с различными категориями граждан, нуждающихся в социальной, правовой, личностной, психологической, а порой и психиатрической помощи, что обуславливает необходимость также и в широких профессиональных знаниях. Трудовую деятельность социальных работников сопровождают большие физические нагрузки, нережимный график работы, высокие требования к организационным способностям и личностным свойствам, гуманистическая направленность, эмпатия и постоянный морально-нравственный самоконтроль [13; 16].

Исследователи подчеркивают, что выводы большинства научно-прикладных исследований были сформулированы на основе исследования студентов, находящихся в процессе обучения по специальности «социальная работа», что обусловило как специфику самих исследовательских работ, проведенных не в области психологии труда, а в области психологии развития и педагогической психологии, так и выводы и прогнозы, которые зачастую проецируются авторами на работающих специалистов – социальных работников. Отметим, что до сих пор существует крайне мало исследований, в которых бы изучались сами профессионалы – социальные работники и специалисты по социальной работе, находящиеся в процессе осуществления своей профессиональной деятельности. В настоящее время число таких работ остается крайне малочисленным (Т. С. Пантелеева, С. В. Тетерский, Е. Л. Холостова, М. В. Фирсов). По словам теоретика социальной работы Е. Л. Холостовой, уровень исследования, как самой профессиональной деятельности социальных работников, так и психологических проявлений и проблем специалистов, все еще находится в «зачаточном» состоянии [15]. Таким образом, в настоящий момент особенно необходимым является изучение проблем профессионального самосознания, от уровня развития которого зависит темп

овладения профессией, успешность специалистов, вхождение их в профессиональную общность.

Концепция «успешности субъекта деятельности» раскрывается через системный подход к проблеме успешности (К. А., Абульханова-Славская, Б. Ф. Ломов, Е. А. Климов, Н. С. Пряжников, В. И. Слободчиков, Ю. К. Стрелков, Е. Ф. Зеер, Е. М. Иванова и др.).

Понятие «успешность» представляется нам одной из важнейших характеристик любой деятельности, отражающих психическую реализацию свойств и качеств личности и прежде всего его направленность и профессиональное самосознание. Профессиональная деятельность – одна из немногих деятельностей, которая проявляет и комплексно отражает и внешний (количественный) показатель результативности личности в профессии, и внутреннюю успешность (реализованность) субъекта профессиональной деятельности. «Успешность» рассматривается как сложное многомерное образование, складывающееся из внешних оценок результативности труда и саморефлексии человеком особенностей профессиональной деятельности. Однако четкое, общепризнанное и полное представление о критериях оценки деятельности как успешной также отсутствует (А. А. Деркач, В. Н. Дружинин, Е. Ф. Зеер, Е. А. Климов, Н. А. Лаврова, А. Н. Леонтьев, О. В. Питерская и др.). В рассмотренных нами исследованиях авторами фиксируется множество показателей, составляющих некий набор критериев для выявления специфики феномена «успешности деятельности». Состав выделяемых авторами критериев представляет успешность деятельности как систему соподчиненных объективных и субъективных показателей.

Социально-психологическое описание особенностей профессиональной деятельности и личности социального работника исследуется с позиций деятельностного подхода, разработанного в трудах Е. М. Ивановой, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна и других исследователей, что предполагает анализ всех психических проявлений субъекта. Профессиональная деятельность социального работника описывается следующими особенностями: междисциплинарным характером задействованных сфер деятельности (психологии, социологии, педагогики, юриспруденции и др.); объектом (индивид или группа, находящаяся в сложной жизненной ситуации); посредническим характером деятельности (между клиентом и различными социальными институтами, между клиентом и другими специалистами, между другими специалистами, привлекаемыми к решению жизненных проблем клиента, между клиентами); гуманистической и альтруистической направленностью труда; социальной значимостью самой «миссии» социального работника в обществе; высокими эмоциональными нагрузками и личностными затратами [2, с. 169; 13; 14; 15; 16]. Особенности профессии социального работника обуславливают специфические требования к профессиональным и личностным качествам, которые являются необходимым условием их успешной профессиональной деятельности.

На основе вышеописанных положений успешности профессиональной деятельности социальных ра-

ботников, выделенных по объективному и субъективному признакам, была сформирована *критериальная модель успешности профессиональной деятельности социальных работников* (таблица 2).

Анализ исследований «успешности» показал, что системными показателями успешности профессиональной деятельности социальных работников являются баланс объективных и субъективных показателей, проявленных в деятельности.

К объективным показателям относятся: уровень профессионализации, социальный статус, должностное положение, аттестационные показатели и экспертные оценки. В субъективные показатели включают: саморефлексию личности, способность к осознанию актуальных и будущих действий и смыслов, социально-психологическую адаптивность.

Таблица 2

**Компоненты успешности профессиональной деятельности,
выделенные по объективному и субъективному признакам**

Критерии успешности		Компоненты успешности, выделенные авторами-исследователями
Объективные показатели	Стадии профессионализации.	Стаж, должность.
	Уровень достижений.	Имущественный, профессиональный и правовой статус, разряд, социальное и общественное признание.
Субъективные критерии	Самоотношение.	Самоотношение, самооценка, самопринятие, самоуважение, ауто-симпатия.
	Отношение других и отношение к другим.	Отношение других, ожидаемое отношение других, локус контроля Я, нормативность поведения, доминирование, агрессивность, застенчивость, скептицизм, послушность, конвенциональность, альтруизм.
	Когнитивные (познавательные) компоненты.	Самопонимание, представление о природе и человеке, познавательные потребности, креативность, синергия.
	Эмоционально-волевые компоненты.	Эмоциональная устойчивость, чувственность, тревожность, сила «Я», самоуверенность, самоинтерес, спонтанность, принятие агрессии, активность «Я», сенсизивность.
	Ценностно-смысловой компонент.	Ценностные ориентации, осмысленность в жизни, цели в жизни, самоуважение.
	Коммуникативно-организационные компоненты.	Контактность, коммуникативные склонности, организационные склонности.

Таким образом, профессиональное самосознание является ведущей характеристикой субъекта деятельности, важнейшей детерминантой профессионального становления и самореализации социальных работников, отражает специфику их труда, способствует успешной реализации данных субъектов в профессиональной деятельности. Профессиональное самосознание, являясь аспектом самосознания в целом, представляет собой сложное образование, имеющее уровневые характеристики и структурные компоненты и обусловленное специфическими особенностями профессиональной деятельности: профессиональную рефлексивность (образ объекта труда) и саморефлексивность (образ субъекта труда); профессиональную самооценку и оценку других, систему отношений и установок к себе и другим профессионалам; ценностно-смысловую и мотивационную направленность в профессии; эмоционально-волевые переживания в профессии; профессиональное поведение и социаль-

ную активность, коммуникативные и организационные отношения. Выявлено, что в структурных показателях успешности деятельности, в каждый из которых входит множество критериальных показателей, отражающих основные внутренние и внешние проявления субъекта профессиональной деятельности, существенную роль играют характеристики профессионального самосознания (эмоциональные, оценочные, рефлексивные, мотивационные, регуляционные, поведенческие и др.), характер влияния которых на успешность деятельности нуждается в дальнейшей эмпирической верификации. В психологии труда особое место отводится исследованиям проблемы профессионального самосознания и успешности профессиональной деятельности, определению ее различных аспектов проявления: сущностной характеристики данного феномена, особенностям проявления успешности в различных профессиях, ее критериев и их психодиагностических измерений.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Активность и сознание личности как субъекта деятельности / К. А. Абульханова-Славская // Субъектность в личностном и профессиональном развитии человека: материалы II-й Всерос. научно-практической конференции / под ред. Г. В. Мухаметзяновой. – Казань, 2005.

2. Богомолов, А. М. Категория адаптационного потенциала личности в психологическом сопровождении подготовки специалистов социальной сферы / А. М. Богомолов // Профессиональная подготовка кадров для социальной сферы: региональный аспект: коллективная монография / под ред. Т. Н. Мартыновой; КемГУ. – Томск: ТГПУ, 2009. – 338 с.
3. Борисов, Ю. А. Смысловая сфера сознания и самосознания успешных и неуспешных менеджеров среднего звена / Ю. А. Борисов, И. А. Кудрявцев // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 1. – С. 91 – 103.
4. Иванова, Е. М. Психология профессиональной деятельности / Е. М. Иванова. – М.: ПЭР СЭ, 2006. – 382 с.
5. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов. – М., 1996. – 338 с.
6. Ломов, Б. Ф. Психическая регуляция деятельности: избранные труды / Б. Ф. Ломов. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 624 с.
7. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М., 1996.
8. Миронова, Т. Л. Самосознание профессионала / Т. Л. Миронова. – М., 1995.
9. Портнова, А. Г. Личностная и профессиональная зрелость специалистов социальной сферы как критерий качества высшего профессионального образования / А. Г. Портнова, Н. С. Залюбовская // Профессиональная подготовка кадров для социальной сферы: региональный аспект: коллективная монография / под ред. Т. Н. Мартыновой; КемГУ. – Томск: ТГПУ, 2009. – С. 186 – 200.
10. Рубинштейн, С. Л. Самосознание личности и ее жизненный путь / С. Л. Рубинштейн // Психология личности: в 2 т. – Т. 2. – Самара, 2000. – 543 с.
11. Теплинских, М. В. Профессиональное самосознание как механизм успешности самореализации личности // Психологические факторы самореализации личности в различных сферах жизнедеятельности / под ред. И. С. Морозовой. – Кемерово, 2011. – С. 92–101.
12. Теплинских, М. В. Успешность профессиональной деятельности специалиста социальной сферы / М. В. Теплинских // Ползуновский вестник. – Барнаул. – 2006. – № 3/2. – С. 252 – 258.
13. Тетерский, С. В. Введение в социальную работу: учеб. пособие / С. В. Тетерский. – М.: АкадемПроект, 2000. – 496 с.
14. Технология социальной работы: учебное пособие / под. ред. И. Г. Зайнышева. – М.: ВЛАДОС, 2002. – 240 с.
15. Холодцева, Е. Л. Конкурентоспособность в системе разноуровневых характеристик личности работников социальной сферы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Е. Л. Холодцева. – Барнаул, 2006. – 214 с.
16. Холостова, Е. И. Профессионализм в социальной работе: уч. пос. – 2-е изд. – М.: Дашков и К, 2008. – 236 с.

Информация об авторе:

Теплинских Марина Валентиновна – старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, mnella2004@mail.ru.

Teplinskikh Marina Valentinovna – senior lecturer at the Department of General and Developmental Psychology of KemsU.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов – через запятую).
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках:** полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, редакция журнала «Вестник КемГУ»
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

- Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).
- Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944.
- Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.

Редакция журнала
приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>

Подписано к печати 17.12.2012 г. Формат А 4.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 36,45. Уч.- изд. л. – 35,5.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 16.